

В.П. ЛЮБИН

Социалисты в истории Италии

НАУКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

ACCADEMIA RUSSA DELLE SCIENZE
ISTITUTO D'INFORMAZIONE SCIENTIFICA
PER LE SCIENZE SOCIALI

V.P. LJUBIN

Socialisti nella storia d'Italia

*PSI
ed i suoi eredi
1892–2006*

MOSCA NAUKA 2007

В.П. ЛЮБИН

Социалисты в истории Италии

*ИСП
и ее наследники
1892–2006*

МОСКВА НАУКА 2007

УДК 329(450)
ББК 66.69(4Ита)
Л 94

Ответственный редактор
доктор исторических наук И.В. ГРИГОРЬЕВА

Рецензенты:
доктор исторических наук Б.С. ОРЛОВ,
доктор исторических наук З.П. ЯХИМОВИЧ

Любин В.П.

Социалисты в истории Италии : ИСП и ее наследники, 1892–2006 / В.П. Любин ; [отв. ред. И.В. Григорьева] ; Ин-т научной информации по общественным наукам РАН. – М. : Наука, 2007. – 463 с. – ISBN 5-02-033844-3 (в пер.).

Монография посвящена столетней истории Итальянской социалистической партии. Социалисты представлены в контексте сложной, своеобразной партийно-политической системы страны как часть левых сил, которая была тесно связана с европейским и мировым социалистическим движением. Опираясь на достижения отечественной и зарубежной, в первую очередь итальянской, историографии, автор попытался по-новому интерпретировать такой феномен, как «итальянский социализм», на основе официальных публикаций, книг, речей, переписки, воспоминаний наиболее ярких лидеров социалистов.

Для историков, политологов.

Темплан 2006-I-58

ISBN 5-02-033844-3

© Институт научной информации
по общественным наукам РАН, 2007
© Любин В.П., 2007
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2007

Изучение истории социалистического движения было и остается одной из приоритетных задач современной историографии и политологии. На рубеже веков нелишне оглянуться назад и критически оценить то, что было сделано социал-демократами и социалистами. Для формирующейся в России партийно-политической системы опыт мировой социал-демократии в целом и отдельных составляющих и составляющих ее компонентов, безусловно, интересен.

Одним из все еще не исследованных до конца феноменов является социалистическое движение Италии, которое на политической арене страны более века (1892–1994) представляла Итальянская социалистическая партия (ИСП). Ее история, идеология и политика, эволюция в политической системе страны, а также деятельность ее прямых наследников – тема нашего исследования. Следует назвать имена формальных и неформальных лидеров, определявших, каждый в свое время, курс партии. Это Филиппо Турати, Анна Кулишова, Леонида Биссолати, Клаудио Тревес, Костантино Ладзари, Джачинто Менотти Серратти, Карло Росселли, Пьетро Ненни, Джузеппе Сарагат, Родольфо Моранди, Сандро Пертини, Лелио Бассо, Риккардо Ломбарди, Франческо Де Мартино, Беттино Кракси и др.

Итальянская социалистическая партия – одна из тех политических сил, которые оставили глубокий след в истории XX в. В ее богатой событиями истории было все – успехи и неудачи, победы и поражения. Без того, что сделано ИСП в социальной и политической сферах, без распространявшихся ею и нашедших в обществе благодатную почву идей демократического социализма трудно представить себе современную Италию. Характерно название книги историка и политолога Дж. Галли, посвященной истории ИСП, она издана уже после того, как партия сошла с исторической сцены, – «Но идея не умирает. Славная история итальянского социализма»¹.

Образованная в конце XIX в. ИСП быстро нашла место в политической жизни Италии, в мировом социалистическом движе-

нии. Она достойно представляла интересы почти всех социальных групп страны. С момента создания партии и на протяжении века итальянские социалисты были заметной силой мирового социалистического движения, вдохновлявшегося идеей братства, социалистического интернационализма.

Исследователей, посвящавших труды истории итальянской политической жизни второй половины XX в., интересовали прежде всего две партии, определявшие на протяжении долгого времени ситуацию в стране – ХДП и ИКП. Последняя, отколовшись в 1921 г. от ИСП, развивалась в русле радикальных левых взглядов, поддерживая дружеские отношения с КПСС и другими компартиями. Социалисты, игравшие роль третьей политической силы, гораздо реже оказывались в фокусе внимания. Всплеск исследовательского интереса к ИСП, наблюдавшийся в период обновления курса в 70–80-е годы, когда ее представителям удалось занять два высших поста в государстве – президента и премьер-министра, – впоследствии не нашел продолжения.

В начале 90-х годов в Италии разразился коррупционный скандал, в котором были замешаны многие высшие руководители ИСП, в их числе лидер партии, бывший премьер-министр Беттино Кракси, вынужденный бежать из страны и обосноваться в Тунисе. Репутации партии был нанесен непоправимый урон. ИСП раскололась и растворилась среди других политических сил. Кракси занимал должность секретаря ИСП с июля 1976 г. по февраль 1993 г., когда под тяжестью неопровержимых обвинений в совершенных преступлениях он был вынужден оставить этот пост. До апреля 1993 г. партию возглавлял лидер находящегося под влиянием социалистов профсоюзного объединения Итальянский союз труда (ИСТ) Джорджо Бенвенуто. Его сменил один из лидеров Всеобщей итальянской конфедерации труда (ВИКТ), Оттавиано Дель Турко.

29 января 1994 г. на Генеральных штатах Социалистического учредительного собрания было заявлено о «воссоздании» Итальянской социалистической партии и о разрыве партии «с теми товарищами, которые связали свою политическую судьбу с наиболее спорной и наименее привлекательной частью» недавней партийной истории². Однако после тяжелейшего кризиса ИСП Дель Турко не удалось объединить те силы, которые раньше представляли партию на итальянской политической арене (на Генеральных штатах не присутствовали, например Дж. Бенвенуто и другие известные функционеры). В 1994 г. ИСП – старейшая партия итальянской партийной системы – ушла с политической сцены.

Нанесенный в начале 90-х годов партии удар был настолько силен, что социалистическое движение оказалось раздробленным на ряд компонентов. Социалистическая партия во главе с Дель Турко была затем преобразована в партию Итальянские социалисты (председатель Дель Турко, секретарь Энрико Бозелли). Образовались и другие объединения: лейбористы во главе с Вальдо Спини, Социалистическое возрождение Бенвенуто, Либерал-социалистическая федерация – Союз демократов и социалистов Уго Интини³. В последние годы проявили себя партия Итальянских демократических социалистов во главе с Бозелли, входящая в левый спектр, а также Новая ИСП во главе с Бобо Кракси, сыном Беттино Кракси. Последняя до своего раскола в ноябре 2005 г. примыкала к коалиции правых сил во главе с Сильвио Берлускони, свидетельствуя тем самым, что аномалия итальянской партийной системы сохраняется.

После победы на парламентских выборах в апреле 1996 г. коалиции левых сил выявилась тенденция к воссоединению группировок социалистической ориентации. Встречи заинтересованных в таком объединении сил происходили на всем протяжении 90-х и в начале 2000-х годов. Однако все попытки объединиться ни к чему не привели.

Очевидно, чтобы осветить упомянутые и многие другие, на первый взгляд второстепенные, проблемы, необходимо разумное сочетание историографических и политологических подходов.

Любой труд создается исследователем не в одиночку, он должен чувствовать, что тема актуальна и вызывает интерес научного сообщества. Приношу искреннюю благодарность тем, чьи книги, очерки, статьи помогли разобраться в сложных перипетиях истории ИСП, чьи дружеские советы и поддержку в период работы над книгой трудно переоценить. Идея комплексного исследования была в свое время одобрена К.Ф. Мизиано, Б.Р. Лопуховым, Ц.И. Кин. Многое обсуждалось с Ю.П. Лисовским, когда мы готовили совместные работы, посвященные итальянской политической культуре. Выражаю признательность этим видным представителям отечественной итальянистики, к сожалению, уже ушедшим из жизни.

На разных этапах работы я ощущал поддержку коллег-итальянистов, в частности моих университетских учителей – И.В. Григорьевой и В.С. Бондарчука, преподавателей МГУ – Л.С. Белоусова и Е.П. Наумовой. Ценные замечания сделаны сотрудниками институтов Российской академии наук, российских университетов. Среди них З.П. Яхимович, Н.П. Комолова, Н.Д. Смирнова, О.В. Серова, М.И. Ковальская, К.Э. Кирова,

Л.М. Баткин, К.Г. Холодковский, К.В. Кобылянский, М.А. Додолев, А.С. Корнеев, И.Б. Левин, В.П. Гайдук, Е.С. Токарева, И.А. Хормач, Т.В. Павлова, И.Э. Эман, профессора Екатеринбургского университета В.И. Михайленко, Т.П. Нестерова, А.Г. Нестеров. Особая благодарность сотрудникам российских архивов, прежде всего АВПРИ, АВП РФ, РГАСПИ (РЦХИДНИ), РГВИА, РГАНИ (ЦХСД), ГАРФ, РГАЭ, РГВА (ЦХИДК), РГИА, РГАВМФ, Архива Дома Плеханова. Работа не могла бы быть успешно завершена без поддержки сотрудников и сотрудниц российских научных библиотек, в первую очередь уникального книжного фонда ИНИОН РАН, зарубежных библиотек, прежде всего итальянских.

Ценные советы были получены от зарубежных коллег, всегда дружески относившихся к российским итальянистам. Среди них приезжавшие в Россию Э. Раджоньери, К. Виванти, П. Алатри, Л. Вальяни, Ф. Вентури, Р. Ромео, братья Розарио и Лючо Виллари, Дж. Прокаччи, Дж. Канделоро, Ф. Педоне. Своими знаниями в Италии со мной охотно делились Э. Сантарелли, Дж. Галли, Н. Боббио, Г. Арфе, А. Аквароне, Дж. Тамбуррано, Э. Ди Нольфо, Б. Виджецци, Л. Кортези, А. Риоза, В. Сильвестрини. Сюжеты исследования обсуждались с С. Романо, В. Страдой, историками младших поколений Дж. Петракки, К. Кастелли, М. Пиккьянти, Б. Валота-Йорга, Дж. Лами, Л. Грилли, П. Кариди, А. Вентури, Э. Чинелла, Дж. Меле, П. Нелье, И. Марино. Сердечно благодарю всех названных итальянских коллег и ученых из других стран, в частности С. Вульфа (Великобритания), С. Ди Скалу и Дж. Барт Урбан (США), С. Нуаре (Бельгия), С. Миллер, Х. Поттхоффа, Х. Тиммерманна, Р. Лилля (Германия), а также исследователей из Франции, Австрии, Швейцарии, куда в свое время эмигрировали итальянские социалисты, в архивах которых хранятся документы по истории ИСП.

Особую признательность хотелось бы выразить руководителям и сотрудникам итальянских научно-исследовательских учреждений и архивно-документальных центров по изучению истории рабочего и социалистического движения – М. Дельи Инноченти, С. Каретти, Ф. Гори, С. Понсу, Г. Манакорде, Л. Кортези, Дж. Тамбуррано (это Институт Грамши, Фонды Фельтринелли, Бассо, Турати, Ненни, Бродолини, Сальвемини, Гобетти, Аньелли и др.).

В книге используются оценки итальянского социалистического движения, данные в специальных интервью автору такими деятелями, как Н. Боббио, Дж. Тамбуррано, У. Интини, Дж. Бенвенуто, А. Ландольфи, У. Финетти, Ф. Безостри, Л. Пелликани, П. Локателли, В. Рива, В. Страда и др. Многие из них занимали

видные позиции в ИСП или тесно с ней сотрудничали на интеллектуальной ниве. Я особо признателен коллективу редакции газеты «Аванти», ее сотрудники помогали в поиске материалов, налаживании контактов с рядовыми членами ИСП.

Благодарю за помощь в проведении исследования коллег в ИНИОН, где в период существования Сектора изучения зарубежной социал-демократии под руководством Б.С. Орлова были опубликованы многие мои работы по истории и современному состоянию ИСП, коллег из других институтов РАН, прежде всего Института всеобщей истории, творческие связи с которым и по окончании аспирантуры под руководством К.Ф. Мизиано никогда не прерывались.

ИСТОРИОГРАФИЯ

Какие результаты достигнуты в современной науке по данной тематике? Даже краткое описание основных трудов по теме заняло бы невероятно много места, поэтому предлагаемый обзор не претендует на полноту. Предпочтение отдано фундаментальным трудам, вызвавшим резонанс дискуссиям, вследствие которых былые представления пересмотрены.

Львиная доля всех исследований по истории ИСП приходится на национальную итальянскую историографию. Авторами первых основательных трудов по идеологии и практике «итальянского социализма» можно считать А. Анджолини и Р. Михельса. О книге Анджолини «Пятьдесят лет социализма в Италии», вышедшей в свет еще в 1903 г., лестно отозвалась в свое время Ц.И. Кин⁴. Он реконструировал историю итальянского социалистического движения начиная с периода объединения страны до начала XX в. Его оценки пристрастны, он симпатизирует социалистическим идеям и их приверженцам.

Анджолини констатировал, что итальянское общество воспринимало идеи «Коммунистического манифеста» К. Маркса и Ф. Энгельса двумя способами: публично-коллективным и индивидуально. Эти идеи пропагандировались в различных газетах и альманахах, например в основанной Э. Биньями в 1868 г. газете «Плебе», с 1876 г. называвшей себя социалистической. Именно в ней начинали печататься Ф. Турати и П. Валера. Заслужой авторов «Плебе» Анджолини считал постоянное внимание к «экономическим вопросам и делу международной организации пролетариата»⁵. Признанными лидерами движения являлись А. Коста, Э. Малатеста, А. Казати, Дж. Кроче, К. Ладзари и

другие, которые создали Рабочую партию, активно действовавшую в 80-е годы XIX в. Состоявшийся в 1892 г. в Генуе съезд с участием лидеров разных течений – важнейшая веха эволюции рабочего движения. Именно с этой даты, по мнению Анджолини, начался отсчет истории социалистической партии, а с его книги, добавлю я, – историография «итальянского социализма».

Противовесом книге Анджолини можно считать исследование Р. Михельса⁶. В «Критической истории итальянского социалистического движения от его начала до 1911 г.», вышедшей в свет по окончании Первой мировой войны, Михельс интерпретировал эволюцию социалистической идеи в Италии. Он начал анализ «итальянского социализма» с деятельности Мадзини, Пизакане, Бакунина и сторонников I Интернационала. Важными этапами дальнейшей эволюции, полагал он, было создание Турати и Кулишовой журнала «Критика социале», а затем основание ИСП. По сравнению с книгой Анджолини труд Михельса не только более аналитичен, но и дополнен хронологией социалистического движения и обширной библиографией. Как отмечал Дж. Саббатуччи, Михельс был не историком, а социологом и политологом (одно время он тесно сотрудничал с Максом Вебером, являясь содиректором альманаха «Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik»⁷). Особенно удачной Саббатуччи счел интерпретацию Михельсом идеологической борьбы в рядах ИСП в начале XX в., но не преминул упрекнуть его за такие просчеты, как недостаточная органичность, фрагментарность анализа экономического положения страны⁸.

Исследования социалистического движения в Италии продолжались на протяжении всего XX в., считающегося веком торжества социал-демократии. Наибольшие успехи национальной итальянской историографии падают на 60–90-е годы. Девяностолетний и столетний юбилеи ИСП были отмечены изданием ряда коллективных и авторских монографий, сборников и альманахов, которые инициировали интересные дискуссии. Они касались остававшихся спорными вопросов относительно предшественников ИСП, особых условий, в которых создавалась партия, роли ее первых лидеров, причин и последствий расколов, ослаблявших социалистическое движение, и многих других тем. Вновь разгоревшиеся споры по поводу отношений социалистов и коммунистов, покинувших ИСП в 1921 г., борьбы за гегемонию в рядах левых сил всегда имели не только историографическую, но и ярко выраженную политическую подоплеку.

Хотя хранившая традиции «итальянского социализма» ИСП ушла с политической арены, комплекс идей, на которые она опи-

ралась, продолжает занимать важное место в жизни итальянского общества. Когда Дж. Галли назвал новое издание своей книги «Но идея не умирает»⁹, то объяснил это тем, что солидаризировался с другим историком, А. Риозой, труд которого назывался «Красный закат: Рождение и мнимая смерть социалистической утопии в Италии»¹⁰.

Галли подчеркивал, что за идеалы социализма боролись миллионы итальянцев, это была «славная страница национальной истории», социалисты Италии занимали особое место в мировом социалистическом движении¹¹. В западноевропейском политическом контексте ИСП представляла собой исключение. Недостаточная электоральная поддержка не позволяла ей брать на себя бразды политического правления. Но партия внесла значительный вклад в развитие итальянского общества, возглавив массовое движение, претерпевшее на протяжении века заметную эволюцию. «Социализм в его различных вариантах является доктриной, которая одновременно включает в себя интересы рабочего класса и политической элиты, сформированной частично интеллектуалами, выходцами не из рабочей среды, частично выходцами именно из нее», констатировал Галли¹².

Эти выводы историк повторил в монографии «Итальянские политические партии, 1943–1991 гг.: От Соппротивления до объединенной Европы». В ней он развил положения своего ставшего классическим в политологии исследования «Несовершенная двухпартийность»¹³. Галли пришел к выводу, что сплочение левых сил под знаменем социалистической идеи способствовало бы преодолению кризиса демократии в Италии¹⁴.

Одновременно с книгой Галли «История итальянского социализма» увидел свет труд его ученика И. Гранаты «Итальянский социализм в историографии после Второй мировой войны». Автор отметил, что книга была задумана им как вторая часть монографии Галли с тем, чтобы представить читателю «историографическую панораму ИСП»¹⁵. Упомянув труды таких авторов межвоенного периода, как К. Росселли «Филиппо Турати и итальянское социалистическое движение», А. Малатеста «Итальянские социалисты во время войны», П. Ненни «История четырех лет (1919–1922)», Граната констатировал, что точкой отсчета историографии, позволившей перейти к критическому осмыслению истории социалистической партии, является не такой уж далекий 1945 год. Что касается «принципиальных интерпретативных схем историографии всего итальянского рабочего и социалистического движения», то, по мнению Гранаты, следовало обратить внимание на книги историка и политического деяте-

ля Л. Вальяни «Вопросы истории социализма» (1958) и другие его не раз переиздававшиеся работы.

К началу 80-х годов итог исследований социалистического движения оказался в общем удовлетворительным, хотя лакуны оставались, а некоторые оценки все еще требовали верификации и углубления. При этом о социалистах не существовало такого всеобъемлющего, основанного на солидной документации труда, как пятитомная «История Итальянской коммунистической партии» П. Сприано¹⁶.

Попытки создать такую историю ИСП предпринимались. Например, научно-популярную интерпретацию истории ИСП дал в 1948 г. П. Джентиле. Известный историк Г. Манакорда оценил книгу как «крайне поверхностную», потому что ее автор основывался лишь на нескольких текстах Р. Михельса, избегая освещать вопросы огромной значимости. В 1950 г. вышла в свет тоже популярная работа С. Каннарса «Социализм и 28 национальных съездов Итальянской социалистической партии». Еще ранее, в 1945 г., была издана книга Дж. Пертиконе «История социализма», отличавшаяся схематичностью. Одноименная работа Р. Карли Баллола не вышла за рамки хронологической реконструкции¹⁷.

По мнению И. Гранаты, внимание заслуживала «История социализма в XX веке (1900–1914)» Л. Вальяни¹⁸ – серьезный труд, написанный не без влияния книги «Либеральный социализм» К. Росселли. В начале 60-х годов Вальяни исследовал политику ИСП в период нейтралитета 1914–1915 гг. В переиздании 1977 г. он учел увидевшие к тому времени свет архивные документы, что, однако, как писал Вальяни, «не изменило выводов», к которым он пришел и которые развил впоследствии в книге «Распад Австро-Венгрии»¹⁹.

Ранее в книге «Идеологическое развитие демократического социализма в Италии» (1958) Вальяни как «один из последних идеологов движения “Джустиция э либерта”» дал емкое представление об истории социалистической идеи в Италии. Отдав предпочтение реформистскому течению в партии, он проанализировал позиции других фракций ИСП, в том числе ее революционного крыла начала XX в., к которому принадлежал Б. Муссолини. Затем Вальяни поведал о трагическом расколе социалистического движения в начале 20-х годов, когда к власти пришли фашисты. По его мнению, главной задачей социалистов тогда было «вернуть на свою сторону тех рабочих, которые находились под влиянием коммунистов»²⁰.

Немарксистские трактовки деятельности ИСП были даны выступившим со светских позиций Дж. Спадолини и с католических –

Ф. Д'Аркаисом²¹. В 1958 г. один из левых социалистов, а именно Л. Бассо, представил свою интерпретацию роли ИСП в политической жизни страны²². В работе Р. Мармироли «Горькая история итальянского социализма» (1964) была дана социал-демократическая (отметим, что социал-демократы, отколовшиеся от ИСП и создавшие в 1947 г. собственную партию, всегда занимали правые позиции) интерпретация истории итальянского социалистического движения²³. Все левые течения внутри ИСП подвергнуты в ней суровой критике. Единственно верным для социалистов, по мнению автора, был бы путь, избранный правым реформистом Л. Биссолати. Исключение его из партии в июле 1912 г. привело ее, по мнению Мармироли, к капитуляции перед фашизмом в октябре 1922 г. Эта книга – своего рода образец реконструкции, представленный политиком, «разочарованным подобной эволюцией итальянского социализма»²⁴.

60–70-е годы оказались весьма «урожайными», именно в это время увидели свет многие фундаментальные исследования по истории ИСП. Создавались эти работы в атмосфере острых дискуссий, которые велись в те годы в лагере левых сил. Они были вызваны двумя событиями: ревизией предшествующего периода истории, продиктованной переоценкой ценностей на XX съезде КПСС, реакцией на это мирового общественного мнения, а затем – коренным поворотом итальянских социалистов, вошедших в 1962 г. в коалиционное правительство с христианскими демократами. Именно с начала 60-х годов, когда ИСП, по выражению ее лидера П. Ненни, была допущена в «комнату с кнопками», наступила новая фаза итальянской истории XX в. – фаза правления «левого центра».

В 1961 г. вышла в свет книга Э. Раджоньери «Германская социал-демократия и итальянские социалисты (1875–1895). Влияние германской социал-демократии на образование ИСП» (второе издание появилось в 1976 г.). Автор закончил свое исследование годом смерти Энгельса, когда в конце XIX в. «революционная теория марксизма отождествлялась с организационной практикой германской социал-демократической партии», а «пролетарский интернационализм был лишен всякого шовинистического налета»²⁵.

В 60-е годы увидели свет первые антологии по истории социалистического движения в Италии. В частности, в 1966 г. под редакцией Г. Манакорды появилась подборка по теме «Социализм в истории Италии. Документальная история от Рисорджименто до Республики». Составителю удалось представить историю «итальянского социализма» в контексте как международного

социалистического движения, так и национальной истории²⁶. Продолжением этой подборки стала созданная Л. Кортези антология «Итальянский социализм между реформой и революцией: Дискуссии на съездах ИСП 1892–1921 гг.»²⁷ В отличие от хрестоматии под редакцией Манакорды, в подборке Кортези речь идет уже о непосредственной истории созданной в 1892 г. ИСП и приводятся важнейшие документы ее семнадцати съездов – от учредительного 1892 г. в Генуе до съезда в Ливорно 1921 г., когда из партии вышли коммунисты, примкнувшие к III Интернационалу. В 1970 г. была издана книга Кортези, в которой он попытался оценить значение ленинизма исходя из опыта европейского социалистического движения XX в., накопленного за несколько десятилетий его ревизии. Кроме этого, в работе рассматривались различные подходы к теории революции и концепциям реформизма. В 1971 г. появилась книга Кортези «Иваноэ Бономи и итальянская социал-демократия. Биографический очерк»²⁸.

Вобравшее в себя многочисленные документы издание «Девяносто лет социалистической мысли и деятельности: Материалы съездов ИСП» вышло в свет под редакцией историка-социалиста Ф. Педоне. Продолжались усилия по созданию общей истории «итальянского социализма». Успешную попытку написания комплексной истории ИСП дофашистского периода в монографии «История итальянского социализма, 1892–1926 гг.» (1965, переиздана в 1977 г.) предпринял историк-социалист Г. Арфе²⁹. Эта работа в определенной мере представляла собой официальную историю партии. Перу Арфе принадлежит и вышедшая еще в 50-е годы в двух книгах (в последующем издании 1977 г. объединенных в одну) «История “Аванти”». Историю ИСП он закончил цитатой из К. Росселли: «Потерпев поражение, мы не чувствуем себя побежденными, мы не из тех, кто покоряется»³⁰. В качестве приложения к «Истории итальянского социализма, 1892–1926 гг.» Арфе написал историографический очерк, в котором указал, какие проблемы ждут своего исследования.

Книга Э. Сантарелли «Ревизия марксизма в Италии» (1964), ее второе расширенное и дополненное издание вышло в свет в 1977 г., – своеобразная веха в изучении идеологических предпосылок левого движения в Италии, в том числе идеологии ИСП³¹. В ней представлены взгляды видных деятелей и мыслителей, оказывавших в свое время влияние на многие умы – от Антонио Лабриолы до Бенедетто Кроче. По случаю 70-летия ИСП ее теоретическим органом «Мондо операйо» была организована дискуссия, участники которой обсудили ключевые историографиче-

ские проблемы. Речь шла главным образом о том, кого следует считать главными фигурами в создании партии, какое течение, реформистское или революционное, определило лицо ИСП. Наиболее ценными в историографическом плане были доклады Г. Манакорды «Создание и первые шаги социалистической партии в Италии» и Л. Вальяни «Итальянская социалистическая партия в 1900–1918 гг.». Позиции Раджоньери и Манакорды оспаривал Л. Кортези³².

Отвечая на вопрос, кто оказал наибольшее влияние на формирование ИСП, реформисты или революционеры, Л. Вальяни заметил, что «революционные тенденции» в ИСП возникли «независимо от Лабриолы, через много лет после его кончины»³³. Вальяни дал положительную оценку реформистскому течению в ИСП в джолиттианский период. Он пришел к выводу, что «под руководством Турати социалистическое рабочее движение изменило облик Италии в лучшую сторону... превратив ее в более демократическую». Политика «унитаризма» Турати в 1918–1922 гг., когда реформисты не пошли на раскол с максималистами, по мнению Вальяни, препятствовала формированию – совместно с «наиболее передовой частью правящего либерального класса» – левоцентристского правительства с тем, чтобы попытаться таким способом остановить наступление фашистов. Работы Вальяни были затем собраны в книге «Очерки истории. Демократическое и социалистическое движение» (1983)³⁴.

Согласно Г. Арфе, полемика, в которой Лабриола был противопоставлен Турати как теоретический предшественник единственной, верно представлявшей интересы итальянского рабочего движения партии – ИКП, имела под собой «мало научного». «Подобная интерпретация, существовавшая в качестве компонента партийной идеологии, оказалась живучей и была присуща определенной части итальянской историографии»³⁵.

Политизированная полемика велась в Италии вокруг творческого наследия Антонио Грамши. Сторонники правых взглядов, в частности философ А. Дель Ноче в книге «Самоубийство революции», оспаривали мнение левых, согласно которому Грамши – не кто иной, как «Маркс XX века и Ленин Запада». Ленин, по мнению Дель Ноче, скорее ближе Муссолини. Оба «в молодости выбрали определенный тип борьбы – революционные идеи и политические инструменты, тесно связанные с данным выбором»³⁶. Сходные концепции в 60–70-е годы выдвигались не только в итальянской, но и в германской историографии, например Э. Нольте, его подходы впоследствии вызвали «взрывную» дискуссию среди историков ФРГ³⁷. И Дель Ноче, и Э. Нольте при-

надлежат к ревизионистскому направлению историографии в своих странах, утвердившемуся в 70-е годы.

Большой вклад в изучение истории и современности «итальянского социализма» внес выдающийся итальянский философ Норберто Боббио. Его полемическая книга «Какой социализм?» (1977) спровоцировала в среде итальянских левых новую дискуссию. Левые обсуждали, какой путь им следует избрать в условиях падения уровня авторитета созданных коммунистами режимов на Востоке Европы, возможности «левой альтернативы»³⁸.

Изучение влияния революционных событий начала XX в. в России на итальянское социалистическое движение, роли ИСП после Первой мировой войны, а также деятельности российских революционеров в Италии увенчалось написанием двух монографий: С. Каретти «Русская революция и Италия (1917–1921)» и А. Вентури «Русские революционеры в Италии, 1917–1921»³⁹.

Исследователи обращались к таким сюжетам, как структура и организация партии, ее программатика⁴⁰. Во многих работах выдвигались аргументы в пользу «социалистической альтернативы»⁴¹. Авторы этих трудов нередко включали в них историческую часть, давая оценки прошлому. В книгах 70-х годов ведущих деятелей социалистического движения тоже оценивались пройденный путь, достижения и ошибки. Так, лидер ИСП П. Ненни в книге «Узловые проблемы итальянской внешней политики» (1974) рассказал о своей деятельности, о встречах с выдающимися политическими лидерами современности⁴². В начале 80-х годов вышли в свет три тома дневника П. Ненни, прекрасного источника для изучения истории ИСП 1943–1967 гг., а в 1977 г. — его «Интервью об итальянском социализме». Отвечая на вопросы историка-социалиста Дж. Тамбуррано, Ненни высказал свое отношение к важнейшим событиям партийной истории — от конца XIX в. до современности⁴³.

Историки из таких ответов могут почерпнуть гораздо больше, чем, например, из агиографических зарисовок журналиста М. Гвидотти «Сандро Пертини: жизнь, посвященная свободе»⁴⁴. При поддержке Национальной ассоциации «Сандро Пертини» в 2005 г. вышла в свет еще одна книга о бывшем президенте Италии: «Сандро Пертини: борец за свободу»⁴⁵. В период пребывания Пертини на посту президента Итальянской Республики (1979–1985) был подготовлен солидный двухтомник его речей и статей 1926–1985 гг. В 1998 г. был издан сборник, в котором отражена внешнеполитическая деятельность Пертини⁴⁶.

Ряд историков посвятили свои труды жизнеописанию и деятельности П. Ненни. Первое такое исследование — Э. Бартали-

ни – вышло в свет еще в 1946 г. Другой пример такого жанра книга Г. Джероза «Ненни», а также труд Дж. Тамбуррано «Пьетро Ненни» (1988) и внушительная монография Э. Сантарелли «Пьетро Ненни» (1988). К столетию со дня рождения лидера ИСП руководитель Фонда Ненни Тамбуррано подготовил сборник документов «Пьетро Ненни: Протагонист и свидетель века, 1891–1991»⁴⁷.

Труды 80-х годов, посвященные истории ИСП и идеологической борьбы в среде левых сил, нередко носили агиографический оттенок. Такого оттенка не удалось избежать составителям изданного к 90-летию ИСП альманаха «1892–1982. ИСП: девяносто лет истории». Позитивной чертой следует считать продолженную в альманахе 1982 г. историографическую дискуссию об идеологических основах социалистического движения, что выгодно отличает этот выпуск от выпусков, например 1976 или 1980 гг.⁴⁸

В 80-е годы вышло много книг по истории партии, авторы которых доказывали правоту избранной современным им руководством ИСП реформистской линии и курса на изматывание главных противников слева и справа, т.е. ИКП и ХДП. За неимением здесь места для характеристики этих многочисленных трудов сошлюсь на обзоры соответствующей литературы в моих работах тех лет⁴⁹. Жесткая полемика между коммунистами и социалистами в эти годы продолжалась. Точка зрения социалистов и их аргументация отражена в сборнике под редакцией У. Интини «Два корня. От 1921 г. до сегодняшнего дня. История столкновения в лагере левых сил между социализмом и коммунизмом» (1989)⁵⁰. Наследие сталинизма у итальянских левых не раз становилось темой острых дискуссий и специальных работ историков, касавшихся не только итальянской, но и советской истории⁵¹.

Судьбы Турати и Грамши в левом движении сложились почти одинаково, подчеркивают авторы книги «Турати и Грамши за социализм» Л. Лагорио и Дж. Ленер. О Турати после Второй мировой войны соратники по партии забыли, потому что не считали «своим». В этот довольно долгий период, когда реформизм расценивался как неудобное явление, итальянские социалисты должны были его стыдиться. Авторы винят в этом руководящую группу ИКП, которой длительное время принадлежала культурная гегемония в «итальянском социализме». «Пока в 70-е годы, в конце своей нелегкой жизни, У. Террачини не воскликнул: “Турати был прав!”». Что же касается Грамши, то авторы полагают, что ИКП использовала его идеи для осуществления своих политических целей вплоть до «исторического компромисса» и «третьего пути». «Ныне, однако, “двойное значение” Грамши как

генератора идей ... и автора политико-культурной модели исчерпано», утверждали Лагорио и Ленер. В их исследовании, снабженном обширным блоком тематически подобранных документов в трех частях – «Муссолинизм», «Какой социализм?», «Переписка Грамши и Тольятти (октябрь 1926 г.)», – чувствуются отзвуки острейшей полемики 70–80-х годов между социалистами и коммунистами, раскалывавшей и ослаблявшей итальянские левые силы⁵².

В 1985 г. была издана коллективная монография «Филиппо Турати и европейский социализм»⁵³. В ней итальянские и европейские историки (Г. Арфе, В. Дзилли, С. Коларицци, Х. Моммзен, М. Вальденберг, Дж.М. Уинтер, Д. Лефевр) основательно проанализировали связи Турати с социал-демократами Европы. Другому известному представителю реформизма в ИСП, К. Прампolini, посвящен двухтомник «Прампolini и реформистский социализм» (1979, 1981)⁵⁴. В него вошли статьи Г. Арфе, Л. Вальяни, Л. Бассо, К. Синьорице, С. Каретти, Г. Манакорда, П. Скопполы, Дж. Спадолини, Б. Виджецци и других политиков и историков.

После того как в 1976 г. партию возглавил Б. Кракси, большими тиражами стали издаваться его собственные сочинения (среди них очень скромно выглядит книжечка «Красное, желтое, черное, грязное, серое»⁵⁵, в которой он обвинил итальянскую юриспруденцию в недобросовестности и попытался оправдать свою вынужденную эмиграцию), а нередко и специально посвященные ему книги. В 1982 г. вышла в свет биография Кракси, принадлежащая перу Джанкарло Галли (в одной из своих предыдущих работ он дал оценку «левому центру» 60-х годов и участию в нем социалистов)⁵⁶. Книга «ИСП Кракси» увидела свет в издательстве ИКП «Ринашита». Ее авторы – П. Чофи и Ф. Оттавиано – написали в 1990 г. еще одну книгу «Партия для лидера. Новый курс ИСП от Мидаса* до 90-х годов»⁵⁷. Биографами Кракси стали итальянские публицисты Дж. Палотта, И. Пьетра и немецкий политолог В. Меркель⁵⁸. В середине 80-х годов тесно сотрудничавший с Кракси в те годы У. Интини подготовил сборник статей, посвященных деятельности Кракси и ИСП под названием «Все углы Кракси»⁵⁹. Много писал о лидере ИСП его пресс-секретарь А. Гирелли, одно время главный редактор «Аванти»⁶⁰. (Мои рецензии на многие из названных монографий публиковались в 70–80-е годы в бюллетене «Новые книги за рубежом» издательства «Прогресс».)

* «Мидас» – название римского отеля, где проходило бурное заседание руководства партии, в итоге на пост лидера был избран Кракси.

Немалое число трудов вышло в свет к столетию ИСП. Это, в частности, монография П. Кариди «Раскол в палаццо Барберини», посвященная ключевому моменту в истории ИСП – расколу 1947 г. и созданию новой партии социал-демократов. Раскол в палаццо Барберини «среди прочего был вызван такими факторами, как политическая напряженность, разногласия в сферах идеологии и морали, психологическая несовместимость руководителей», подчеркивает Кариди⁶¹.

Заслуживает внимания книга одного из руководителей партии, А. Ландольфи, «История ИСП: Сто лет социализма в Италии. От Филиппо Турати до Беттино Кракси» (1990). Он уже обращался к истории ИСП в книге «Итальянский социализм: структуры, поведение, ценности» (1977). В новой книге Ландольфи описал события 1892–1989 гг., сделав упор на оправдание деятельности ИСП последнего периода и особенно правительства под руководством Кракси⁶².

Еще одна заметная монография, вышедшая в свет к столетию партии: Л. Рапоне «От Турати до Ненни. Итальянский социализм в годы фашизма». Выводы авторов современных работ по истории «итальянского социализма» Рапоне обобщил в очерке «Социалисты» в «Словаре истории объединенной Италии»⁶³.

Столетие ИСП было отмечено научными конференциями, одна из них прошла в феврале 1992 г. в Сиене⁶⁴. Доклады на симпозиумах, проводившихся в год столетия ИСП итальянскими фондами (Фельтринелли, Грамши, Бассо, Бродолини, Турати, Ненни) и институтами, в основном изданы⁶⁵. Материалы указанных фондов, специализирующихся на изучении рабочего движения, легли в основу трехтомного обобщающего труда по истории ИСП, издание которого было завершено выходом в свет в 1993 г. последнего тома, написанного руководителем Фонда Турати профессором М. Дельи Инноченти (авторы двух предыдущих томов, охватывающих соответственно 1892–1918 и 1919–1939 гг., – З. Чуффоветти и Дж. Саббатуччи)⁶⁶. По замыслу его создателей в трехтомнике критически переосмыслен политический и социальный опыт социалистов: «Эта новая история ИСП должна не только устранить лауну в итальянской историографии (в настоящее время не существует всеобъемлющих работ по этой теме), но и предоставить исследователям новый источник информации...»⁶⁷. Три маститых автора, на протяжении многих лет изучавшие проблемы «итальянского социализма», справились с поставленной задачей. Их труд достойно увенчал усилия предшественников. История итальянского социалистического движения и идейная борьба в его рядах нашли

в трехтомнике более полное отражение, чем в многотомнике начала 80-х годов с предисловием Дж. Саббатуччи⁶⁸. Авторы учли все сколько-нибудь значительные публикации источников и последние работы 80–90-х годов.

В 1992 г. вышла в свет монография бельгийского историка С. Нуаре, работавшего в Италии, «Максимализм и кризис либерального государства. Никола Бомбаччи (1879–1924)», в которой освещена деятельность этого неординарного социалиста⁶⁹. Как отметил в предисловии к книге Р. Виварелли, «без понимания идей максимализма и его приверженцев невозможно представить, что происходило в итальянской политике в 1918–1922 гг.». Статья Дж. Широко «“Урок фактов”: 1956 год, Ненни, ИСП и итальянские левые силы» (1996) посвящена анализу идейных позиций ИСП и ее лидера в один из ключевых моментов истории XX в.⁷⁰ Тем же проблемам посвящены его работа «Социалистическая Европа? ИСП во время “холодной войны”», а также статья А. Де Феличе «ИСПТ и присоединение к Атлантическому пакту (1949 г.)», в которой проанализирована борьба по проблеме вступления Италии в НАТО⁷¹. К. Петраконе исследовала отношение Турати к «южному» и «северному» вопросам в Италии⁷². Интерес к деятельности социалистов в различных регионах, от Севера до Юга, также стал отличительной чертой историографии последних десятилетий XX в.⁷³

Такой проблематике, как «социализм и нация», «социализм и интернационализм», «демократическая и социалистическая культура», посвящен сборник материалов международной конференции⁷⁴. Авторы монографии «Восстановим левые силы. От политики “спасения” к предложениям для будущего» Д. Милибенд, А. Гидденс, П. Андерсон, Дж. Галли и другие оценили позиции и перспективы левых сил в тот период, когда их противники считали, что у левых нет будущего⁷⁵. Галли подчеркнул, что «кризис левых сил – это в первую очередь кризис их интеллектуалов, их способа мышления, их проектов и программ», и предлагал конкретные пути выхода из кризиса. Он ссылаясь на выводы, сделанные в его работе «Итальянские левые силы»⁷⁶.

В середине 90-х годов вышли в свет обратившие на себя внимание монографии «Международное измерение итальянского социализма» и «Социалисты в период Соппротивления»⁷⁷.

Публицист В. Рива, сын известного социалиста-антифашиста, тесно сотрудничал с коммунистами и социалистами. Вместе с Дж. Фельтринелли, в издательстве которого он возглавлял отдел художественной литературы, он способствовал публикации на Западе запрещенного в Советском Союзе романа Б. Пастернака

«Доктор Живаго»⁷⁸. В изданной в 1999 г. книге «Золото Москвы» Рива утверждал, что Ленин и Троцкий передали миллионы рублей на поддержку левых сил во Франции, Швейцарии и особенно в Италии, считавшейся большевиками наиболее созревшей для революции страной. Письменные свидетельства сохранились, начиная с документа, датированного 20 мая 1919 г., в нем речь идет о финансировании Коминтерном итальянских максималистов. В последующие годы, в период фашизма, средства предоставлялись уже компартии. Согласно приведенным автором данным, за последние сорок лет своего существования КПСС через Фонд международной помощи выплатила братским партиям и организациям 4000 млрд лир в тогдашних итальянских ценах. Четверть этой суммы – 1000 млрд – пошла в основном на поддержку руководящей группы ИКП⁷⁹. Эти данные, однако, остаются на совести автора и требуют проверки.

Монография профессора частного Римского университета ЛУИСС В. Заславского «Сталинизм и итальянские левые: От мифа СССР до конца коммунизма» посвящена отношениям коммунистов и социалистов с руководством СССР в 1945–1991 гг.⁸⁰ Он автор и других работ по истории СССР и Италии, в их числе написанной в соавторстве с Е. Ага-Росси «Тольятти и Сталин. ИКП и сталинская внешняя политика по документам московских архивов»⁸¹. Повествуя о связях левых с КПСС, автор анализирует деятельность «паравоенного коммунистического аппарата в послевоенной Италии 1945–1955 гг.», опираясь на документы американских и итальянских секретных служб. Согласно Заславскому, шифрованные телеграммы из Рима в Москву, мнения посла СССР М.А. Костылева и П. Тольятти, советских спецслужб, действовавших в Италии, аналогичны оценкам англо-американских представителей. Автор уделяет особое внимание отношениям руководителей КПСС с лидером ИСП Ненни, его встречам с Г.М. Маленковым. В заключение Заславский пишет: «Свести счеты со сталинизмом – означает признать огромную историческую ответственность западных коммунистических партий и всей сталинистской левой за судьбы миллионов людей на Западе». Увлеченные идеями справедливости и солидарности, эти люди оказывались в рядах тех, кто поддерживал, по оценке автора, «один из самых кровавых и преступных режимов XX века»⁸². Появление подобных монографий подтверждает, что отдельные современные интерпретации истории итальянских левых все еще сохраняют ярко выраженный политический оттенок, а ставшие доступными документы в этих обстоятельствах используются как доказательство исторической правоты правых в противовес изначально «ошибочной» линии левых.

Завершая обзор итальянской историографии, подчеркну, что историки никогда не забывали, что ИСП в первый период существования подражала самой сильной тогда социал-демократической партии – СДПГ. Влияние германских социал-демократов оставалось ощутимым в итальянском рабочем и социалистическом движении вплоть до Первой мировой войны⁸³.

Итальянская историография социалистического движения для своего времени была неплохо обобщена в разделе «Социалистическое движение» очерка Л. Вальяни о новых послевоенных трудах по периоду 1870–1915 гг.⁸⁴ Автор часто ссылался на работы Г. Манакорды⁸⁵. Что касается других оценок рабочего движения в Италии, то, например, Р. Моранди считал, что «прочная и крепкая партийная организация в центре и на периферии появилась лишь с развитием социалистического движения»⁸⁶.

Попытка обобщения достижений итальянской историографии, трактовавшей историю «итальянского социализма», принята мною в статьях, опубликованных в 2001–2005 гг.⁸⁷ Современные исследователи нередко высказывают недовольство результатами, достигнутыми прежней итальянской историографией, призывая пересмотреть историю социалистического движения. Например, рецензия М. Сальвати на два тома нового труда Р. Дзангери «История итальянского социализма» (1993, 1997) так и называется «Переписать историю итальянского социализма»⁸⁸.

Работы об истории ИСП принадлежат перу не только итальянских авторов. Российские исследователи не раз обращались к истории итальянского социалистического движения. Они использовали доступные источники, в первую очередь материалы отечественных архивов. Их труды отличает высокий уровень анализа, четкие выводы. Эти работы хорошо известны, ограничусь их перечислением (в алфавитном порядке) в ссылке⁸⁹.

«Итальянский социализм» не мог не привлечь внимания историков стран Западной Европы и Северной Америки. Часть их трудов переведена на итальянский язык, например, книга американца итальянского происхождения С. Ди Скалы «Обновление итальянского социализма: От Ненни до Кракси»; в итальянском переводе: «От Ненни до Кракси. История итальянского социализма, как она видится из США»⁹⁰. В.А. Саломоне отметил, что автору книги удалось избежать идеологизированного подхода, столь характерного в период холодной войны для многих западных (не только американских) историков. Издержки такого подхода встречаются, например, в исследовании американца Дж.Э. Миллера «От элиты к массовой политике: Итальянский социализм в джолиттианскую эпоху, 1900–1914»⁹¹.

Оспаривая выводы итальянской марксистской историографии, согласно которым единственно правильный исторический выбор был тот, что связан с революционной линией ИКП и левых социалистов, Ди Скала защищает позиции их противников – реформистских лидеров социалистов. Он предположил тогда (в 1991 г.), что если события будут развиваться благоприятно, то лидер ИСП Б. Кракси станет «самым выдающимся государственным деятелем-социалистом в истории современной Европы»⁹². Этому предсказанию не суждено было сбыться. В 1993 г. Ди Скала организовал в Бостоне конференцию «Сто лет итальянского демократического социализма, 1892–1992 гг.» с участием ведущих историков и политиков Италии и США. Они не только положительно оценили политику ИСП, но и высказали надежду на то, что левым силам в Европе и Италии принадлежит будущее. Материалы этой конференции дают представление о состоянии историографии «итальянского социализма» к середине 90-х годов⁹³.

В монографии американской исследовательницы Дж. Барт Урбан рассмотрены отношения между Москвой и итальянскими коммунистами, попутно здесь трактуются сюжеты, связанные с историей ИСП (1986)⁹⁴. На девятнадцать лет ранее вышла в свет книга Х. Кёнига, переведенная в 1972 г. на итальянский язык, «Ленин и итальянское социалистическое движение 1915–1921»⁹⁵. Основываясь на обширном документальном материале, автор исследовал отношения большевиков и итальянских социалистов.

Название упоминавшейся ранее книги немецкой исследовательницы К. Келлер «Модель СДПГ? Итальянские социалисты и германские социал-демократы до Первой мировой войны» говорит само за себя⁹⁶. Другому периоду деятельности ИСП, ее положению в партийно-политической системе страны в 70–80-е годы XX в. посвящена книга немецкого политолога В. Меркеля, переведенная на итальянский язык⁹⁷. В диссертации французского автора С. Парлье «Политическая власть и социоэкономические элиты в Италии (1860–1940)», затронута среди прочих тема участия социалистов в политической жизни страны⁹⁸. С этим исследованием перекликается труд американского автора Ф. Сабетти «В поисках лучшего правления в Италии»⁹⁹.

Образцом раскрытия темы, хотя и на другой национальной почве, может служить капитальный труд по истории немецкой социал-демократии, дважды вышедший на русском языке, известных немецких авторов С. Миллер и Х. Поттхоффа «История СДПГ, 1948–2002 гг.». Ранее увидело свет компактное издание их книги на английском языке¹⁰⁰.

Чтобы воссоздать исторический фон, сопутствовавший «итальянскому социализму», мною использовались труды по общей истории Италии, выходявшие с конца XIX до начала XXI в.

Несмотря на, казалось бы, разработанность тематики истории ИСП в ее освещении остаются пробелы. Недостаточно разработаны вопросы о предшественниках и первоначальном периоде деятельности ИСП, взаимоотношений социалистов с правящим блоком во время попыток реформирования страны в эпоху Джолитти, их особых в сравнении с западноевропейскими социал-демократами позиций в ходе Первой мировой войны. Историкам так и не удалось дать убедительный ответ на вопрос, почему социалисты проиграли в начале 20-х годов в схватке с фашизмом и как они сами объясняли свое поражение. Следует заново проанализировать такие проблемы, как расколы 20-х, 40-х, 60-х годов, почти полное исчезновение партийных структур в период эмиграции и конкуренция между остававшимися жизнеспособными организациями. Нет специальных работ о воссоздании единой партии в конце Второй мировой войны, истоках и сущности политики «фронтизма», ослабившей позиции ИСП и способствовавшей переходу политико-культурной гегемонии в левых силах к ИКП, что воздействовало на ситуацию в стране в целом вплоть до последнего десятилетия XX в. Требуют более глубокого анализа стратегия и тактика ИСП, предлагавшей в 50–80-е годы не всегда удачные альтернативные решения. Не до конца осмыслен в историографии сделанный новым руководством в середине 70-х годов выбор, а именно конфронтация с главными политическими соперниками ИСП – ИКП и ХДП, стремившейся одновременно встроиться в систему власти христианских демократов. В результате социалисты как правительственная партия должны были отвечать за грехи системы власти ХДП, когда в начале 90-х годов пришлось платить по счетам прежних и современных политиков, создавших эту порочную систему. Это лишь часть вопросов, на которые, по существу заново, должна ответить историография.

Методологическим критерием для проведенного исследования могут служить идеи, высказанные А. Грамши: «Только сложная картина всего комплекса социальных, государственных (а часто также международных отношений) дает правильное представление об истории определенной партии. Поэтому можно сказать, что написать историю партии – значит написать с определенной монографической точки зрения историю страны в целом, выделяя ее наиболее характерную сторону». Грамши подчеркивал, что «в массовой политике говорить правду – политическая необходимость»¹⁰¹.

Это, безусловно, относится и к исторической науке. По мере возможности хотелось бы преодолеть отдельные недочеты прошлой отечественной историографии, обусловленные предвзятостью оценок реформистского течения в ИСП и его представителей. В угоду официальной советской идеологии – единственно верной – представлялась линия левых социалистов (создавших затем свою партию – ИКП), сторонников революционных методов захвата власти, диктатуры пролетариата. В послевоенной Италии изучение итальянского социалистического движения являлось актуальной задачей, потому что, как подчеркивал в конце 70-х годов автор многотомного исследования «Пролетарии без революции. История подчиненных классов в Италии» Р. Дель Карриа, «любое демохристианское правительство начиная с 1950 г. по сей день было движимо лишь одним императивом: приглушить даже путем самых огромных жертв социальные трения и ослабить классовую борьбу»¹⁰².

Значительным подспорьем для исследователей стали неизвестные ранее документы, недавно рассекреченные материалы отечественных архивов. Это позволяет вновь обратиться к такому интереснейшему явлению, как «итальянский социализм», дополнить и развить сложившиеся исторические интерпретации.

ИСТОЧНИКИ

Источниками для исследования послужили материалы отечественных и зарубежных архивов, публикации документов, подборки о становлении и развитии социалистического движения и его политической организации в Италии. Изучались документы по истории ИСП от периода зарождения партии до современности, пресса социалистического и других направлений. Анализировались труды, речи, воспоминания видных деятелей ИСП и современников исследуемых событий, переписка лидеров партии, представителей международного социалистического и рабочего движения. Просматривались изданные документы парламентских дискуссий, сборники документов по внутренней и внешней политике Италии, изучались выступления известных итальянских политиков. Было взято несколько интервью у известных деятелей ИСП, игравших видную роль в ее истории последних десятилетий.

Отечественным исследователям не удавалось своевременно и во всей полноте публиковать материалы открывшихся в 90-е годы архивных фондов, хотя отдельные труды выходили¹⁰³. Приез-

жавшие в Россию для работы в архивах иностранные ученые, пользуясь преимуществом лучшего финансирования научных проектов в своих странах, быстрее вводили рассекреченные документы в научный оборот¹⁰⁴.

Открывшиеся фонды РГАСПИ, в первую очередь документы Коммунистического Интернационала, позволяют подтвердить, что итальянские левые – социалисты и коммунисты – в первый период существования этой международной организации играли в ней одну из ключевых ролей. Не случайно итальянский вопрос, впрочем, как и германский, постоянно стоял в Коминтерне на повестке дня. Приход к власти в 1922 г. фашистов в Италии, а в 1933 г. – нацистов в Германии обнаружил несостоятельность политики Коминтерна. Коминтерн сначала потратил немало усилий, чтобы ослабить позиции «внутренних», как считало его руководство, врагов рабочего движения, в том числе итальянских социалистов, прежде всего сторонников реформистского направления, и немецких социал-демократов. Позже, в 30-е годы, лидеры Коминтерна осознали необходимость единства левых сил и совместной борьбы против общего врага¹⁰⁵. Единство принесло свои плоды накануне и во время Второй мировой войны и сыграло немаловажную роль в разгроме фашизма и нацизма.

Фонды РГАСПИ содержат документы, проливающие свет на деятельность лидеров итальянских социалистов и коммунистов – А. Грамши, П. Тольятти, Дж. М. Серрати, Ф. Турати, П. Ненни и др. Из отчетов о конгрессах и специальных заседаниях Коминтерна (многие документы публиковались), проводившихся с 1919 г., можно составить представление об отношении его руководства к итальянским социалистам. Им в политике Коминтерна отводилось далеко не последнее место. Секретарь Коминтерна в первые годы его существования А.И. Балабанова, вернувшаяся в Россию вместе с другими эмигрантами после прихода большевиков к власти, хорошо знала, каково положение дел в итальянском социалистическом движении, и пыталась наладить связь ИСП с большевистским руководством. Итальянским товарищам постоянно давали советы, как им следует вести дела, чтобы «большевизировать» итальянское рабочее движение и повторить сделанное в России. Итальянские социалисты этим советам не вняли и сохранили свою самостоятельность¹⁰⁶.

Идеологическое противоборство в среде итальянских левых сопровождалось идейной эволюцией Итальянской коммунистической партии, которая откололась от ИСП на съезде в Ливорно 21 января 1921 г.¹⁰⁷ Фонды деятелей ИКП, хранящиеся в РГАСПИ, позволяют выявить этапы этой эволюции, закончившейся кру-

тыми переменами 80–90-х годов на фоне крушения социалистического блока на Востоке Европы и распада СССР. Перемены вернули коммунистов в лоно «итальянского социализма», способствовали вхождению их новой партии в Социалистический интернационал. Демократическая партия левых сил (ДПЛС) вобрала в себя и бывших коммунистов, и бывших социалистов. Предпосылки такого поворота были заложены особыми позициями ИКП в международном коммунистическом движении 60–70-х годов, идеями еврокоммунизма¹⁰⁸. Получившие широкое распространение в среде ведущих компартий Западной Европы, эти идеи сблизили позиции социалистов и коммунистов, что позволило впоследствии в какой-то мере преодолеть раскол.

В российских и зарубежных архивах есть материалы, отражающие деятельность такой легендарной личности, как А.И. Балабанова. После наиболее известной в Италии представительницы русского революционного движения А. Кулишовой, создававшей вместе с Ф. Турати партию социалистов, Балабанова получила известность в Италии уже в начале XX в., когда вошла в руководство партии. Две эмигрантки из России, А. Кулишова и А. Балабанова, сыграли заметную роль в итальянском социалистическом движении¹⁰⁹. В документах А. Балабановой, хранящихся в РГАСПИ, Архиве Дома Г.В. Плеханова, Центральном государственном архиве в Риме, Федеральном архиве Швейцарии в Берне, Архиве Фонда Эберта в Бонне и т.д., нашли отражение важные моменты ее жизни. Небольшой личный архив хранится у московских родственников Балабановой. Ее воспоминания, вышедшие в свет в 1927 г. на немецком, а в 1938 г. на английском языке в США, и ее книга о В.И. Ленине, с которым она работала в Советской России, – своеобразный источник истории борьбы идей в социалистическом движении. Деятельность этой незаурядной революционерки до сих пор не нашла достойного отражения в отечественной и европейской историографии. В США защищены посвященные ей полностью или частично диссертации. Интересная подборка писем А. Балабановой опубликована в журнале «Исторический архив» (1998, № 2)¹¹⁰.

В Архиве Дома Плеханова хранится переписка Г.В. Плеханова с итальянскими демократами и социалистами. В других архивах Санкт-Петербурга – Российском государственном историческом архиве и Российском государственном архиве военно-морского флота – есть немало документов, проливающих свет на особенности социалистического, революционного движения в Италии. Кроме этого, в работе использованы материалы архивов петербургских институтов РАН, петербургских библиотек –

Российской национальной библиотеки, Библиотеки Академии наук, библиотеки Санкт-Петербургского университета. Привлечены материалы архива Академии наук Эстонии, республиканской библиотеки им. Крейцвальда в Таллине.

Но прежде всего материалы собирались в центральных архивах и библиотеках Москвы. Одна из них – библиотека бывшего Института марксизма-ленинизма с ее специальными подборками материалов по истории рабочего и социалистического движения – своего рода кладезь документов, без которых невозможно работать по данной теме.

Немало документов было собрано в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) и Архиве внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Найденные в АВПРИ, АВП РФ, других московских и петербургских архивах материалы легли в основу ряда публикаций¹¹¹. Использованы также документы сборника «Москва–Рим. Политика и дипломатия Кремля, 1920–1939», в него вошли материалы архива МИД СССР, протоколы заседаний Политбюро КПСС, справки НКВД для ЦК КПСС¹¹². Немаловажное значение для раскрытия темы имели материалы РГАНИ, в которых отражены отношения КПСС с итальянскими левыми партиями, в том числе с социалистами. Очень важны материалы ГАРФ, личные коллекции, отражающие взаимоотношения России и Италии. Использовались документы РГВА, в которых затронуты внутривосточные проблемы Италии. Экономическое положение страны отражают документы РГАЭ. Донесения российских военных агентов в Италию изучались в РГВИА.

Поиски документов по исследуемой тематике велись в зарубежных, в первую очередь итальянских, архивохранилищах. В их числе – Центральный государственный архив в Риме, архив Европейского сообщества во Фьезоле под Флоренцией (использован фонд А. Спинелли), архивы Фондов Фельтринелли, Бассо, Турати, Ненни, Бродолини, Сальвемини, Аньелли и т.д. В библиотеках университетских центров просматривались монографии и документальные публикации.

Кроме того, в исследовании привлечены материалы Государственного федерального архива Швейцарии и городской библиотеки Цюриха; архивов и библиотек Фонда Эберта и Фонда Аденауэра в Германии, библиотеки Института итальянской культуры в Кёльне, Кёльнского, Мюнстерского, Аугсбургского университетов, университетского архива и библиотеки в Инсбруке. Использованы документы архива амстердамского Института социальной истории (фонд А.И. Балабановой).

Многие из привлеченных архивных материалов публикуются впервые.

Достойное место среди источников принадлежит мемуарам, дневникам, книгам, статьям и выступлениям видных политических деятелей, современников, непосредственных участников событий, это главным образом итальянские издания – труды Ф. Турати, П. Ненни, Дж. Сарагата, Л. Бассо, Ф. Де Мартино, С. Пертини, Б. Кракси и др. Используются также воспоминания, дневники, речи Джолитти, Мартини, Саландры, Соннино и других видных политических деятелей, работы Б. Муссолини. Обработаны материалы из сборников документов по внешней политике Италии, протоколы итальянских парламентских дискуссий с изложением выступлений парламентариев-социалистов.

Немаловажными источниками явились официальные публикации, материалы съездов и программных конференций ИСП¹¹³.

Для освещения различных аспектов темы привлекалась социалистическая пресса: газета «Аванти», журналы «Критика социале», «Мондоперайо», «Аргументи социалисти», издания разных лет «Альманакко социалиста», исторические и политологические журналы Италии и других стран. Привлекался и такой материал, как устные воспоминания, беседы с лидерами итальянских левых и рядовыми членами ИКП и ИСП. Интересные сведения удалось почерпнуть из беседы с бывшим главным редактором «Аванти» У. Интини. Его книга «Социалисты». От 1960 до трагедии: люди, факты, правда» помогла разобраться в сложных перипетиях истории ИСП последних десятилетий ее существования¹¹⁴. На просьбу изложить свой взгляд на историю «итальянского социализма» откликнулись избранный на пост политического секретаря ИСП в 1993 г. Дж. Бенвенуто, входившие в партийное руководство У. Финетти и Ф. Безостри, не состоявший в партии член Национального совета ИСП В. Страда¹¹⁵. Всем, кто дал мне интервью, выражаю искреннюю благодарность. Благодарю также других бывших руководителей ИСП, депутатов и сенаторов от левых партий, которые присылали свои книги и партийные издания последних лет. Получение таких материалов способствовало расширению хронологических рамок исследования вплоть до наших дней, например «Социалистического альманаха» (1994–2002)¹¹⁶, документов партий-наследниц ИСП, пресс-релизов, парламентских разработок по реформированию партийно-политической системы Италии.

В эпоху Интернета – одного из ведущих средств массовой коммуникации – было бы немисливо не воспользоваться его ре-

сурсами. Использовались сайты, отражающие специфику современной политической жизни Италии, развитие ее партийной системы, состояние партий и группировок, претендующих на звание наследников ИСП.

- ¹ *Galli G. Ma l'idea non muore. Storia orgogliosa del Socialismo italiano. Milano, 1996.*
- ² Реформа избирательной системы в России и Италии: опыт и перспективы / Отв. ред. В.И. Лысенко. М., 1995. С. 40.
- ³ Все они стараются показать, что происходят от ИСП, являясь ее прямыми наследниками. Так, в 2002 г. в Генуе во время второго съезда партии Итальянские демократические социалисты и ее лидер Энрико Бозелли подчеркивал, что выбор места съезда связан с состоявшимся там же 110 лет назад первым съездом ИСП и что произошедшее уже тогда столкновение реформистов и максималистов актуально и сегодня. В программе партии была выдвинута задача – «поставить реформизм вновь на повестку дня» (см.: Genova 12–14 aprile 2002. SDI – 2 Congresso nazionale. La politica delle cose. Agenda per un riformismo solidale e moderno. Genova, 2002).
- ⁴ *Angiolini A. Cinquant'anni di socialismo in Italia. Firenze, 1903; рус. пер.: Анджолини А. История социализма в Италии. СПб., 1907 (с величайшим почтением к ее автору об этой книге писала Ц.И. Кин. См.: Кин Ц.И. Италия конца XIX века: судьбы людей и теории. М., 1978; Она же. Италия на рубеже веков: Из истории общественно-политической мысли. М., 1980).*
- ⁵ Подробнее см.: *Григорьева И.В.* Рабочее и социалистическое движение в Италии в эпоху I Интернационала. М., 1966; *Riosa A. Il movimento operaio italiano tra societa' e stato. Il caso italiano nell'epoca della II Internazionale. Milano, 1990.*
- ⁶ *Michels R. Storia critica del movimento socialista italiano. Dagli inizi fino al 1911. Firenze, 1926. Цит. по изд. с предисловием Дж. Саббатуччи «Михельс и итальянский социализм» (1979).*
- ⁷ В этом альманахе в 1906 г. была опубликована статья Михельса «Буржуазия и пролетариат в итальянском социалистическом движении». В 1908 г. она появилась в «Критика социале» на итальянском языке. К довоенному периоду относится еще одна работа Михельса – «Этический фактор в партийной политике Италии» (*Michels R. Der ethische Faktor in der Parteipolitik Italiens // Zeitschrift für Politik. B., 1910. S. 56–91*). В ней Михельс полемизировал с содержащимся в книге Анджолини «50 лет итальянского социализма» утверждением, что итальянцы, в отличие от французов, революционеры не по форме, а по существу. Михельс полагал, что итальянским рабочим, в отличие от итальянских буржуа, свойственна умеренность. Хорошо владея итальянским языком, он вставил в немецкий текст слово «mitezza» – умеренность, кротость (*Ibid. S. 60–61*).
- ⁸ *Sabbatucci G. Michels e il socialismo italiano // Michels R. Storia critica... (1979). P. IX–XXVII.*
- ⁹ *Galli G. Ma l'idea non muore. P. 7–9. О высказанных в этом издании идеях автора относительно того, есть ли будущее у «итальянского социализма» и всех левых сил, см.: Любин В.П. Будущее левых сил (Теоретическая*

- дискуссия) // Социал-демократия в Европе на пороге XXI века. М., 1998. С. 98–108; *Он же*. Европейские левые: Дискуссия о проблемах и перспективах // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 7. С. 98–107; *Он же*. Левые Европы: Итоги прошлого и перспективы нового века // Перспективи лівої ідеології в умовах соціальних трансформацій. Київ, 2003. С. 215–230.
- ¹⁰ *Riosa A.* Rosso di sera. Nascita e morte apparente dell'utopia socialista in Italia. Firenze, 1996.
 - ¹¹ *Galli G.* Ma l'idea non muore. P. 11; *Idem.* Storia del socialismo italiano. Roma; Bari, 1980. S. VII.
 - ¹² *Galli G.* Ma l'idea non muore. P. 14.
 - ¹³ *Galli G.* I partiti politici italiani, 1943–1991. Dalla Resistenza all'Europa integrata. Milano, 1992; *Idem.* Il bipartitismo imperfetto. Bologna, 1966.
 - ¹⁴ *Ciuffoletti G., Degl'Innocenti M., Sabbatucci G.* Storia del PSI. Roma; Bari, 1993. Vol. 3: *Degl'Innocenti M.* Dal dopoguerra ad oggi. P. 376.
 - ¹⁵ *Granata I.* Il socialismo italiano nella storiografia del secondo dopoguerra. Roma; Bari, 1981. P. IX.
 - ¹⁶ *Spriano P.* Storia del Partito Comunista Italiano. Torino, 1967–1975. Vol. 1–5.
 - ¹⁷ *Gentile P.* Cinquant'anni del socialismo in Italia. Milano, 1948; *Canarsa S.* Il socialismo e i 28 congressi nazionali del Partito socialista italiano. Roma, 1950; *Perticone G.* Storia del socialismo. Roma, 1945; *Carli Ballola R.* Storia del socialismo. Pavia, 1945.
 - ¹⁸ *Valiani L.* Storia del socialismo nel secolo XX (1900–1945). Firenze, 1945.
 - ¹⁹ *Valiani L.* Il partito socialista italiano nel periodo della neutralità' 1914–1915. Milano, 1977. P. 5; *Idem.* La dissoluzione dell'Austria-Ungheria. Milano, 1966.
 - ²⁰ *Valiani L.* Die ideologische Entwicklung des demokratischen Sozialismus in Italien // Sozialistische Weltstimmen. B.; Hannover, 1958. S. 161–181.
 - ²¹ *Spadolini G.* Lotta sociale in Italia. Firenze, 1948; *D'Arcais F.* Lineamenti storici del socialismo // Civitas. 1957. Ag.-sett. P. 52–104.
 - ²² *Basso L.* Il Partito Socialista Italiano. Milano, 1958.
 - ²³ *Marmiroli R.* Storia amara del socialismo italiano. Parma, 1964.
 - ²⁴ *Granata I.* Op. cit. P. 24.
 - ²⁵ *Ragionieri E.* Socialdemocrazia tedesca e socialisti italiani, 1875–1895. L'influenza della socialdemocrazia tedesca sulla formazione del Partito Socialista Italiano. Milano, 1961; 2a ed. Milano, 1976. P. 37.
 - ²⁶ Il socialismo nella storia d'Italia. Storia documentaria dal Risorgimento alla Repubblica / A cura di G. Manacorda. Bari, 1966. P. IX.
 - ²⁷ *Cortesi L.* Il socialismo italiano tra riforme e rivoluzione. Dibattiti congressuali del Psi, 1892–1921. Bari, 1969.
 - ²⁸ *Cortesi L.* La rivoluzione leninista. Bari, 1970; *Idem.* Ivanoe Bonomi e la socialdemocrazia italiana. Profilo biografico. Salerno, 1971.
 - ²⁹ *Arfe G.* Storia del socialismo italiano, 1892–1926. Torino, 1965. 2a ed. Milano, 1977.
 - ³⁰ *Arfe G.* Storia dell' «Avanti!», 1892–1926. Roma, 1956; *Idem.* Storia dell' «Avanti!», 1926–1940. Roma, 1958; *Idem.* Storia del socialismo italiano. P. 265.
 - ³¹ *Santarelli E.* La revisione del marxismo in Italia. Studi di critica storica. Milano, 1964; 2a ed. Milano, 1977. Более полно эта тема освещена в четырехтомнике: Storia del marxismo. Torino, 1978. Vol. 1–4.

- ³² *Manacorda G.* Formazione e primo sviluppo del Partito socialista in Italia. Il problema storico e i più recenti orientamenti storiografici // Il movimento operaio e socialista. Bilancio storiografico e problemi storici. Milano, 1965. P. 144–177; *Valiani L.* Il partito socialista italiano dal 1900 al 1918 // Ibid. P. 185–271; *Cortesi L.* La costituzione del Partito socialista italiano. Milano, 1962; Turati giovane: scapigliatura, positivismo, marxismo / A cura di L. Cortesi. Milano, 1962.
- ³³ *Valiani L.* La storiografia italiana nel periodo 1870–1915 // La storiografia italiana negli ultimi venti anni. Milano, 1970. Vol. 2. P. 675–771.
- ³⁴ *Valiani L.* Il Partito Socialista Italiano dal 1900 al 1918. P. 240 sgg.; *Idem.* Scritti di storia. Movimento democratico e socialista. Milano, 1983.
- ³⁵ *Arfe G.* La storiografia italiana del movimento socialista dal 1870 al 1914 // Rassegna storica toscana. Firenze, 1968. P. 56–57; *Idem.* Storia del socialismo. P. 268–269.
- ³⁶ *Del Noce A.* Il suicidio della rivoluzione. Milano, 1978. P. 310, 352.
- ³⁷ Эти дискуссии в немецкой, итальянской, российской историографии отражены в ряде отечественных и зарубежных исследований, см., например, цитированные работы Г. Манакорды, Л. Вальяни, Дж. Галли и т.д.
- ³⁸ *Bobbio N.* Quale socialismo? Discussione di un alternativa. Torino, 1976. О большом вкладе выдающегося итальянского ученого в изучение отечественной истории, в частности истории социалистического движения, см.: *Боббио Н.* Какой социализм? М., 1979; *Он же.* Будущее демократии: В защиту правил игры. М., 1986; *Любин В.П.* Общественно-политические взгляды Норберто Боббио. М., 1991; *Он же.* История определяет современность: Дискуссии итальянских интеллектуалов // Современная Италия. М., 2004. С. 169–185.
- ³⁹ *Caretti S.* La rivoluzione russa e il socialismo italiano (1917–1921). Pisa, 1974; *Venturi A.* I rivoluzionari russi in Italia. Milano, 1979.
- ⁴⁰ Il partito socialista. Struttura e organizzazione. Venezia, 1975; *Alberoni F., Amato G., Cafagna L. et al.* Progetto socialista. Roma; Bari, 1974.
- ⁴¹ L'alternativa socialista. Autogestione e riforma della struttura / Pref. di R. Lombardi. Milano, 1976.
- ⁴² *Nenni P.* I nodi della politica estera italiana / A cura di D. Zucaro. Milano, 1974: Долголетняя деятельность Ненни как одного из политических лидеров, определявших послевоенную внешнюю политику страны, не отражена в книге историка-международника Дж. Ведовато: *Vedovato G.* Italienische Aussenpolitik: Grundzüge, Entwicklungen, Analysen. Bonn, 1984.
- ⁴³ *Nenni P.* Diari. Milano, 1981–1983. Vol. 1–3; *Idem.* Intervista sul socialismo italiano / A cura di G. Tamburrano. Roma; Bari, 1977.
- ⁴⁴ *Guidotti M.* Sandro Pertini: una vita per la libertà / Presentazione di G. Andreotti. Roma, 1987.
- ⁴⁵ Sandro Pertini: combattente per la libertà. Manduria; Bari; Roma, 2005.
- ⁴⁶ *Pertini S.* Scritti e discorsi. Roma, 1986. Vol. I: 1926–1978; Vol. II: 1964–1985; Sandro Pertini e la bandiera italiana / A cura di S. Caretti e M. Degl'Innocenti. Manduria; Bari; Roma, 1998.
- ⁴⁷ *Bartalini E.* Pietro Nenni. Roma, 1946; *Gerosa G.* Nenni. Milano, 1972; *Tamburrano G.* Pietro Nenni. Roma; Bari, 1986; *Santarelli E.* Pietro Nenni. Torino, 1988; Pietro Nenni. Protagonista e testimone di un secolo. Roma, 1991.

- 48 1892–1982. PSI: Novanta anni di storia. Almanacco socialista. Roma, 1982; Almanacco socialista 1976. Roma, 1976; Almanacco socialista, 1980. Roma, 1980. Vol. 1, 2.
- 49 См.: Итальянская социалистическая партия. М.: ИНИОН, 1979; Италия в середине 80-х годов: В 2 т. М.: ИНИОН, 1987; *Любин В.П.* Общественно-политические взгляды Б. Кракси. М.: ИНИОН, 1983; *Он же.* Итальянская социалистическая партия: Идеология и политика (1976–1984). М.: ИНИОН, 1985; *Он же.* ИСП в партийно-политической системе Италии. М., 1990.
- 50 Le due radici. Dal 1921 ad oggi. La storia dello scontro nella sinistra tra socialismo e comunismo / A cura di U. Infini. Roma, 1989.
- 51 Lo stalinismo nella sinistra italiana. Atti del Convegno organizzato da Mondooperaio. Roma, 1998; *Bettanin F.* Pro e contro Stalin. La destalinizzazione nell'Urss. Milano, 1988.
- 52 *Lagorio L., Lehner G.* Turati e Gramsci per il socialismo. Milano, 1987. P. 8–9, 113–231.
- 53 Filippo Turati e socialismo europeo / A cura di M. Degl'Innocenti. Napoli, 1985; *Degl'Innocenti M.* Filippo Turati e la nobiltà della politica. Manduria; Bari; Roma, 1995.
- 54 Prampolini e socialismo riformista. Roma, 1979, 1981 Vol. I, II.
- 55 *Craxi B.* Rosso, giallo, nero, sporco e grigio. Roma, 1996.
- 56 *Galli G.-C.* Benedetto Bettino. Milano, 1982; *Idem.* Il fantasma del «Palazzo». Milano, 1979.
- 57 *Ciofi P., Ottaviano F.* Il PSI di Craxi. Partito e organizzazione dal Midas alle elezioni del 1888. Roma, 1988; *Idem.* Un partito per il leader. Il nuovo corso del PSI dal Midas agli anni Novanta. Soveria Manelli, 1990.
- 58 *Palotta G.* Craxi. Il leader della grande sfida. Roma, 1989; *Pietra I.* E adesso Craxi. Un ritratto politico. Milano, 1990; *Merkel W.* Prima e dopo Craxi. Le trasformazioni del PSI. Padova, 1987; *Idem.* Die Sozialistische Partei Italiens: zwischen Oppositionssocialismus und Staatspartei. Bochum, 1985.
- 59 Tutti gli angoli di Craxi / Introd. di U. Intini. Milano, 1984.
- 60 *Ghirelli A.* L'effetto Craxi. Milano, 1982.
- 61 *Caridi P.* La scissione di Palazzo Barberini. Napoli, 1990. P. 376.
- 62 *Landolfi A.* Storia del PSI. Cento anni di socialismo in Italia. Da Filippo Turati a Bettino Craxi. Milano, 1990; *Idem.* Socialismo italiano. Cosenza, 1977.
- 63 *Rapone L.* Da Turati a Nenni. Il socialismo italiano negli anni del fascismo. Milano, 1992; *Idem.* Socialisti // Dizionario storico dell'Italia unita. Roma; Bari, 1996. P. 857–875.
- 64 На этой конференции (Сocietà e politica al tempo di formazione del Partito socialista italiano) в числе прочих был представлен мой доклад: Il modello del partito nella corrispondenza di Plekanov con i socialisti e democratici italiani (Siena, 1992).
- 65 В 80–90-е годы этими фондами были подготовлены, например, такие издания: Storia del partito socialista / A cura della Fondazione Brodolini. Venezia, 1979–1980. Vol. 1–3; L'archivio Basso e l'organizzazione del partito (1943–1945). Annali della Fondazione Basso – Isocco Roma. Milano, 1988. Vol. VIII; Il socialismo al bivio. L'archivio di G. Faravelli, 1945–1950. Annali della Fondazione Feltrinelli. A. 20, 1988–1989. Milano, 1990.
- 66 *Ciuffoletti G., Degl'Innocenti M., Sabbatucci G.* Storia del PSI. Roma; Bari, 1993. Vol. 1–3.

- 67 Ibid. Vol. 3. P. IX.
- 68 *Sabbatucci G.* Piano d'opera // *Storia del socialismo italiano*. Roma, 1980. P. VIII–XX. Этот шеститомный труд (авторы – З. Чуффоветти, М. Дель Инноченти, С. Каретти, Дж. Саббатуччи, Б. Тобиа, Л. Рапоне, Э. Ди Нольфо, В. Тобаджи, П. Миели) хронологически доведен до 1980 г.: Vol.1: Dalle origini alla svolta di fine secolo; Vol. 2: L'età giolittiana; Vol. 3: Guerra e dopoguerra; Vol. 4: Gli anni del fascismo. Vol. 5: Il secondo dopoguerra; Vol. 6: Dal frontismo al nuovo corso.
- 69 *Noiret S.* Massimalismo e crisi dello stato liberale. Nicola Bombacci (1879–1924). Milano, 1992.
- 70 *Scirocco G.* «La lezione dei fatti». Il 1956, Nenni, il PSI e la sinistra italiana // *Storia contemporanea*. Bologna, 1996. N 2. P. 203–268.
- 71 *De Felice A.* Il Psi e l'adesione al Patto atlantico (1949) // Ibid. P. 271–308.
- 72 *Petracone C.* Questione meridionale e questione settentrionale in Filippo Turati // *Studi storici*. Roma, 1998. A. 39. Lugl.-sett. N 3. P. 809–851.
- 73 См., например: *Storia del movimento operaio del socialismo e delle lotte sociali in Piemonte* / Diretta da A. Agosti e G.M. Bravo. Bari, 1979. Vol.II: L'età giolittiana. La guerra e il dopoguerra; *Il socialismo in Firenze e provincia (1871–1961)* / A cura di S. Caretti e M. Degl'Innocenti. Firenze, 1987. *Cavicchioli G.* Testimonianze di socialismo mantovano, 1900–1950. Mantova, 1988; *Landolfi A.* Il socialismo meridionale. Dalle origini agli anni '80. Napoli, 1988; *Capitini Macabruni N.* Liberali, socialisti e Camera del Lavoro a Firenze nell'età giolittiana (1900–1914). Firenze, 1990.
- 74 *Socialismo e nazione. La cultura democratica e socialista fino alla prima guerra mondiale*. Manduria; Bari; Roma, 1994. Vol. I.
- 75 *Galli G.* Il rinnovamento culturale della Sinistra // *Reinventiamo la sinistra. Dalla politica «salvagente» alle proposte per il futuro* / A cura di D. Miliband. Milano, 1996. P. 295.
- 76 *Galli G.* La sinistra italiana. Milano, 1996.
- 77 La dimensione internazionale del socialismo italiano / A cura di L. Brestolini, D. Rava, L. Rossi. Manduria; Bari; Roma, 1995; *I socialisti nella Resistenza* / A cura di G. Muzzi. Manduria; Bari; Roma, 1995.
- 78 *Feltrinelli C.* Senior service. Milano, 2001. P. 117–243.
- 79 *Riva V.* Oro da Mosca. I finanziamenti sovietici al PCI dalla Rivoluzione d'ottobre al crollo dell'URSS. Con i 240 documenti inediti dagli archivi moscoviti. Milano, 1999. P. 5–9. Ср.: Черветти Дж. Золото Москвы: Свидетельства участника финансовых операций с КПСС. М., 1995.
- 80 *Zaslavsky V.* Lo stalinismo e la sinistra italiana. Dal mito dell'Urss alla fine del comunismo 1945–1991. Milano, 2004.
- 81 *Aga Rossi E., Zaslavsky V.* Togliatti e Stalin. Il PCI e la politica estera staliniana negli archivi di Mosca. Bologna, 1997.
- 82 *Zaslavsky V.* Op. cit. P. 151–184, 247–248.
- 83 *Ragionieri E.* Socialdemocrazia tedesca e socialisti italiani, 1875–1895; см. также: *Keller R.* Modell SPD? Italienische Sozialisten und deutsche Sozialdemokratie bis zum Ersten Weltkrieg. Bonn, 1994.
- 84 *Valiani L.* La storiografia italiana sul periodo 1870–1915 // *La storiografia italiana negli ultimi venti anni*. Roma, 1970. Vol. II. P. 732–755.
- 85 *Manacorda G.* Il movimento operaio italiano attraverso i suoi congressi. Dalle origini alla formazione del Partito socialista. Roma, 1953; *Манакорда Г.* Итальянское рабочее движение по материалам съездов: От его зарожде-

- ния до образования социалистической партии (1853–1892 гг.). М., 1955.
- ⁸⁶ *Morandi C.* I partiti politici nella storia d'Italia. Firenze, 1945. P. 35.
- ⁸⁷ *Любин В.П.* «Но идея не умирает»: интерпретации истории «итальянского социализма» // Диалог со временем. М., 2001, № 6. С. 328–344; *Он же.* Столетняя история «итальянского социализма» // Новая и новейшая история. 2003. № 2. С. 66–83. Оценки современного состояния социалистического движения см.: *Он же.* Дискуссии о левых в Италии и их политическая подоплека // Европейские левые на рубеже тысячелетий. М., 2005. С. 218–225.
- ⁸⁸ *Zangeri R.* Storia del socialismo italiano. Torino, 1993, 1997. Vol. I: Dalla rivoluzione francese a Andrea Costa. Vol. II: Dalle prime lotte nella Valle Padana ai fasci siciliani; *Salvati M.* Riscrivere la storia del socialismo italiano // Passato e presente. Roma, 1998. A. XVI. N 44. P. 141–145.
- ⁸⁹ *Белоусов Л.С.* Муссолини: диктатура и демагогия. М., 1993; *Он же.* Режим Муссолини и массы. М., 2000; *Григорьева И.В.* Рабочее и социалистическое движение в Италии в эпоху I Интернационала. М., 1966; *Она же.* Исторические взгляды Антонио Грамши. М., 1978; *Она же.* Италия в XX веке. М., 2006; Карло Росселли и левые в Европе. Сб. статей. М., 1999; *Кин Ц.И.* Миф, реальность, литература. М., 1969; *Она же.* Итальянские светотени. М., 1975; *Она же.* Италия конца XIX века: судьбы людей и теорий. М., 1975; *Она же.* Италия на рубеже веков. М., 1980; *Кирова К.Э.* Революционное движение в Италии, 1914–1917. М., 1962; *Она же.* Русская революция и Италия. Март – октябрь 1917 г. М., 1968; *Она же.* Западная Европа. 1917-й. М., 1978; *Коваль Л.М.* Русско-итальянские общественные связи. М., 1981; *Комолова Н.П.* Новейшая история Италии. М., 1970; *Она же.* Движение Сопротивления и политическая борьба в Италии. М., 1972; *Комолова Н.П., Филатов Г.С.* Пальмиро Тольятти. М., 1983; *Левин И.Б.* Проблемы массового рабочего и общедемократического движения в Италии. М., 1969; *Он же.* Рабочее движение в Италии. М., 1983; *Он же.* Италия после Первой республики // Эволюция политических институтов на Западе. М., 1999. С. 17–33; *Он же.* Италия и «третий путь» (уроки «оливкового пятилетия» в Италии) // Социал-демократия Запада перед вызовами современности. М., 2001. С. 49–70; Левые в Европе XX века: люди и идеи. М., 2001; *Лисовский Ю.П., Наринская Г.М.* Италия: реформизм и пути социально-экономического развития // Социал-демократический и буржуазный реформизм в системе государственно-монополистического капитализма. М., 1980. С. 162–192; *Лопухов Б.Р.* Фашизм и рабочее движение в Италии, 1919–1929; *Он же.* История фашистского режима в Италии. М., 1977; *Он же.* Эволюция буржуазной власти в Италии. Первая половина XX века. М., 1986; *Мизиано К.Ф.* Итальянское рабочее движение на рубеже XIX и XX веков. М., 1976; *Михайленко В.И.* Итальянский фашизм: основные вопросы историографии. Свердловск, 1987; *Наринская Г.М.* Италия // Социал-реформизм и трудящиеся. М., 1986. С. 248–285; *Нестеров А.Г.* Итальянская социальная республика: История, идеология, внешняя политика. Екатеринбург, 2003; *Павлова Т.В.* Италия: Современные концепции истории рабочего движения. М., 1988; *Филатов Г.С.* Крах итальянского фашизма. М., 1973; *Он же.* Демократические силы Италии в борьбе против неофашизма.

- М., 1977; *Он же*. Фашизм, неофашизм и антифашистская борьба в Италии. М., 1984; *Холодковский К.Г.* Рабочее движение в Италии (1959–1963). М., 1969; *Он же*. Италия: Массы и политика. М., 1989; *Яхилов З.П.* Итало-турецкая война 1911–1912 гг. М., 1967; *Она же*. Рабочий класс Италии против империализма и милитаризма, конец XIX – начало XX в. М., 1986; см. также: *История Италии*. М., 1970, 1971. Т. 2, 3; статьи в сборниках «Проблемы итальянской истории» и др.
- ⁹⁰ *Di Scala S.* Renewing Italian Socialism. Nenni to Craxi. Oxford, 1988; *Idem*. Da Nenni a Craxi: Il socialismo italiano visto dagli USA. Milano, 1991.
- ⁹¹ *Miller J.E.* From elite to mass politics: Italian Socialism in the Giolittian Era, 1900–1914. Kent (Ohio), 1990.
- ⁹² *Di Scala S.* Da Nenni a Craxi... P. 432.
- ⁹³ *Italian Socialism: Between Politics and History* / Ed. by S. M. Di Scala. Amherst, 1996.
- ⁹⁴ *Barth Urban J.* Moscow and the Italian Communist Party. From Togliatti to Berlinguer. Ithaca; L., 1986.
- ⁹⁵ *König H.* Lenin und der italienische Sozialismus 1915–1921. Ein Beitrag zur Grundung der Kommunistischen Internationale. Köln; Graz; Tübingen, 1967; ит. пер.: *Idem*. Lenin e socialismo italiano (1915–1921). Firenze, 1972.
- ⁹⁶ *Keller K.* Modell SPD? Italienische Sozialisten und deutsche Sozialdemokratie bis zum Ersten Weltkrieg. Bonn, 1994.
- ⁹⁷ *Merkel W.* Die Sozialistische Partei Italiens: Zwischen Oppositionssozialismus und Staatspartei. Bochum, 1985.
- ⁹⁸ *Parlier S.* Pouvoir politiques et élites socio-économiques en Italie (1860–1940). Organisation des intérêts et crise de l'Etat liberal. P., 1985.
- ⁹⁹ *Sabetti F.* Alla ricerca del buon governo in Italia. Manduria; Bari; Roma, 2004; *Idem*. The Search for Good Government: Understanding the Paradox of Italian Democracy. McGill Queen's Univ. Press, 2000.
- ¹⁰⁰ *Miller S., Potthoff H.* Kleine Geschichte der SPD, 1848–1990. Bonn, 1990; 2002. Автор участвовал в переводе и составлении комментария для русских изданий монографии: *Миллер С., Поттхофф Х.* Краткая история СДПГ, 1948–1990. М., 1999; переизд. на рус. яз.: Киев, 2001; дополненный и существенно переработанный перевод немецкого издания 2002 г.: *Миллер С., Поттхофф Х.* Краткая история СДПГ, 1848–2002. М., 2003; *Miller S., Potthoff H.* A History of German Social Democracy. From 1848 to the present. Leamington Spa; Hamburg; N.Y., 1986.
- ¹⁰¹ *Gramsci A.* Note sul Machiavelli, sulla politica e sullo Stato moderno. Torino, 1949; *Грамини А.* Избр. произведения: В 3 т. М., 1959. Т.3: Тюремные тетради. С. 138; *Gramsci A.* Quaderni del carcere / Ed. critica a cura di V. Gerratana. Torino, 1975. Vol. 2. P. 700; рус. пер.: *Грамини А.* Избр. произведения. М., 1980. С. 274.
- ¹⁰² *Del Carria R.* Proletari senza rivoluzione. Storia delle classi subalterni in Italia. Roma, 1979. Vol. I: (1860–1892). Dalle insurrezioni in Sicilia alla crisi del Partito Operaio. P. 11. С упрощенным и прямолинейным, по его мнению, подходом Дель Карриа, пытавшимся судить о работах других исследователей с позиций «прокурора», полемизировал историк П. Сприано (*Spriano P.* Sulla rivoluzione italiana. Socialisti e comunisti nella storia d'Italia. Torino, 1978. P. XXIV).

- ¹⁰³ См., например, сборники ранее не публиковавшихся документов из фондов РГАСПИ: Коминтерн против фашизма. М., 1999; Коминтерн и Вторая мировая война. М., 1998. Т. 1, 2.
- ¹⁰⁴ Например, итальянский историк международного рабочего движения А. Агости (*Agosti A. Togliatti*. Torino: UTET, 1996) многие материалы из РГАСПИ впервые ввел в научный оборот у себя на родине, тогда как российские историки не смогли ознакомиться с ними научную общественность. Изданные с участием Фонда Фельтринелли на русском и английском языках подборки документов о деятельности Коминформа в какой-то мере дают представление о хранящихся в РГАСПИ документах. Фундаментальных работ, опирающихся на неизданные материалы отечественных архивов, в России выходит до обидного мало.
- ¹⁰⁵ Коминтерн против фашизма. С. 32–34.
- ¹⁰⁶ *Intini U. La colomba di Mosca e la scissione del 1921. Con una intervista a P. Nenni // Le due radici*. P. 35–50.
- ¹⁰⁷ В настоящее время в Италии этот раскол положительно оценивают руководители и сторонники партии Коммунистическое воссоздание (ПКВ), считающей себя наследницей ИКП. На выборах 1996 г. партия набрала 8,6% голосов, в 2001 г. – 5%, в 2006 г. – 5,8%. В вышедшем 21 января 2001 г., в день 80-летия создания ИКП, номере партийного журнала лидер ПКВ Ф. Бертинотти одобрил раскол в Ливорно (*L'attualità della rivoluzione: Dialogo tra F. Bertinotti, E. Sanguinetti, M. Tronti // Liberazione/Antagonismi*. Roma, 2001. P. 2–5).
- ¹⁰⁸ На международной конференции «Последний Октябрь» (Рим, 5–6 ноября 1999 г.) развернулась дискуссия по поводу судьбы мирового коммунистического движения и левых сил в XX в. В ней участвовали лидер находившейся тогда у власти партии Левые демократы В. Вельтрони, публицисты Э. Скальфари, М. Мафаи, П. Миели, обществоведы В. Страда, В. Заславский и другие, с российской стороны – А. Зубов, Ю. Карякин, С. Кулешов и автор этих строк. Многие, в том числе я, придерживались точки зрения, что без понимания роли еврокоммунизма вряд ли можно объяснить события 80–90-х годов, приведшие к коренным переменам, значение которых еще не осознано.
- ¹⁰⁹ Одно из первых сообщений о революционной деятельности А. Макаревич (Кулишовой) встречается в фонде Российской миссии в Берне (1817–1921), где среди материалов секретной переписки ее имя упоминается в числе живших в Швейцарии неблагонадежных эмигрантов, над которыми был установлен надзор (АВПРИ. Ф. Российская миссия в Берне. Оп. 843/3. Д. 37); см. *Любин В.П.* Итальянские социалисты и российские революционеры (конец XIX – начало XX в.) // К 75-летию Дома Плеханова. Сб. статей и публикаций, материалы конференции. СПб., 2003. С. 87–100; расширенный вариант: *Итальянские социалисты и русские революционеры, 1892–1926 // Материалы конференции по истории международной социал-демократии*. М., 2005.
- ¹¹⁰ *Balabanoff A. Erinnerungen und Erlebnisse*. B., 1927; *Eadem. My Life as a Rebel*. Bloomington; L., 1938. 2a ed. 1973; *Eadem. Ricordi di una socialista*. Roma, 1946; *Eadem. Lenin visto da vicino*. Roma, 1959; *Eadem. Lenin: Psicologiche Beobachtungen und Betrachtungen*. Hannover, 1961; *Eshelman N.G.* Angelica Balabanoff and the Italian socialist movement: From the Second

International to Zimmerwald. Rochester, 1977; *Mullaney M.M.* The female revolutionary, the woman question and European socialism, 1871–1921. New Brunswick, 1980; Исторический архив: К 70-летию Дома Плеханова. 1998. № 2. С. 72–111.

¹¹¹ *Любин В.П.* Муссолини и царская разведка. Доклад на международной конференции по истории Первой мировой войны, организованной ИВИ РАН и ИВИ МО в мае 1994 г. // Россия и современный мир. М., 1995. № 2; *Ljubin V.P.* Mussolini e servizi segreti russi // CIRSS. Milano, 1994. № 2. P. 25–27; Mussolini la spia dello zar // Corriere della Sera. Milano, 1994. 12 giugno. P. 11; *Он же.* Российские послы об отношениях Ватикана и Италии в конце XIX – начале XX в. (по материалам Архива внешней политики Российской империи) // Россия и Ватикан в конце XIX – первой трети XX века. М., 2002. С. 80–94; ит. пер.: Gli ambasciatori russi a Roma e le relazioni tra il Vaticano e l'Italia tra XIX e XX secolo (secondo i documenti dell'Archivio di politica estera dell'Impero russo) // Santa Sede e Russia da Leone XIII a Pio XI. Città del Vaticano, 2002. P. 83–96; *Он же.* Итало-советские торгово-экономические отношения в 1920-е годы // Вопр. истории. 2002. № 11. С. 54–72.

¹¹² Москва–Рим: Политика и дипломатия, 1920–1939. М., 2002.

¹¹³ Обладателем подарочного издания материалов последних партийных съездов и выступлений на них Б. Кракси я стал при весьма неординарных обстоятельствах. По окончании в мае 1997 г. организованной социологами Римского университета международной научной конференции в надежде раздобыть новые материалы об ИСП и побеседовать с итальянскими коллегами-историками я отправился в находящийся в центре Рима, на виа дель Корсо, Фонд Ненни. Там никого не оказалось, и я зашел в здание напротив, где прежде размещалось Руководство ИСП. Теперь часть опустевших комнат занимали некие коммерческие структуры. Про Фонд Ненни здесь никто ничего не знал, но один из охранников любезно предложил взять издания о деятельности ИСП. Затем мы прошли в бывший кабинет Кракси, посреди которого стоял массивный стол, а на стене висел внушительных размеров портрет Гарибальди, где мне позволили сделать несколько снимков.

¹¹⁴ *Intini U.* I socialisti. Dal 1960 alla tragedia: gli uomini, i fatti, la verità. Roma, 1996.

¹¹⁵ Научные заслуги В. Страды отражены в изданной к его юбилею книге: Vittorio. М., 2005.

¹¹⁶ Almanacco socialista, 1994–2002. Roma, 2002.

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

*Вставайте, братья и подруги, сомкнем ряды,
Свободы зная нам будущего солнце золотит.
...Хотя для них мы лишь животные из стада,
Мы сокрушим господ, у нас крадущих хлеб
и обманувших нас, пообещав зарю, которой
нет.*

Из «Гимна трудящихся» Ф. Турати, 1886 г.¹

В 1871 г. столица созданной десятью годами ранее единой Италии была перенесена в отвоеванный у Папского государства Рим. Формально объединение завершилось. Перед страной открылись широкие возможности. Но добиться быстрых успехов не удавалось из-за многочисленных препятствий.

Совершившееся в условиях благоприятной международной обстановки объединение не могло решить многих внутренних проблем, и интеграция частей нового формально единого государства затянулась на долгие десятилетия. Оно родилось с пороками, сказывавшимися на протяжении всей дальнейшей истории, один из наиболее болезненных – дуализм, неравномерность развития Севера и Юга Италии². Создание государства и связанные с этим радикальные перемены придали ускорение развитию капитализма на Севере, но мало затронули архаичную структуру Юга³.

Италия, наряду с Германией и Россией, относилась к числу тех крупных государств, которые в экономическом и социальном отношении отставали от других великих держав. ВВП в 70-е годы XIX в. составлял в Италии лишь четверть национального дохода европейского лидера – Англии⁴. Оказавшись «вторыми», недавно объединившиеся Германия и Италия, равно как Российская и Австро-Венгерская империи, отставали не только от Англии, но от Франции и США. Там в итоге буржуазных революций гораздо раньше утвердились принципы либерализма, что привело к быстрому росту экономики и совершенствованию социальной системы⁵.

Своеобразие Италии заключалось еще и в том, что в ней вплоть до Первой мировой войны, в отличие от многих европейских стран, так и не оформилась партийно-политическая система, способная адекватно представлять интересы правых консервативных сил, либерального центра и левой оппозиции. Организационно не оформленный правящий лагерь, состоявший из либералов и консерваторов всех мастей, разъедался острыми внутренними противоречиями. Шли постоянные сражения между ослабленной, но не покинувшей политической арены Правой, тяготевшими к авторитаризму консервативными фракциями и не завершившей процесс своей дифференциации и структурирования Левой. Представители последней, одержав убедительную победу на парламентских выборах 1876 г. (70,2% голосов и 400 депутатских мест против чуть более 100 мест правой оппозиции), на протяжении последующих лет формировали правительства (восемь раз их возглавлял А. Деперетис, трижды Б. Кайроли). Именно в период правления Левой возникло такое характерное для итальянской партийно-политической системы явление, как трансформизм, когда представители одного политического направления меняли свои взгляды и примыкали к другому, находящемуся в данный момент у власти. Из-за трансформизма само противопоставление правых и левых выходило из себя и теряло смысл. Правительства Левой провели в жизнь ряд прогрессивных реформ, важное место среди них занимали такие антиклерикальные законы, как признание светского характера государственных школ и обязательное начальное образование, введение гражданской регистрации брака. Это обострило и без того напряженные отношения итальянского государства с Ватиканом, грозившим перенесением резиденции папы из Рима, например в один из немецких городов.

Стремление догнать западные государства и общества с помощью ускоренной модернизации, иного, противоположного либеральному пути развития, выбранного «вторыми» державами, в дальнейшем, уже в XX в., сыграло в их судьбе роковую роль. Тематика «особого пути», установления тоталитарных режимов в странах Европейского континента напрямую связана, в частности, с историей Италии 20–40-х годов XX в. Тогда социалисты в рядах антифашистского движения противостояли фашистскому режиму. Отзвуки тех событий в той или иной мере ощущаются в современной итальянской политической практике, противоборстве правого и левого лагерей, отстаивающих правоту соответствующего их мировоззрению политического, экономического, социального курса⁶.

Предысторию итальянского социалистического движения некоторые исследователи начинают со Средневековья, называя первым предшественником социализма в Италии Томмазо Кампанеллу. Затем в этом ряду называют итальянских последователей коммунистического идеолога Французской революции Гая Гракха Бабёфа – Винченцо Руссо и Филиппо Буонаротти. «Подобно тому, как Франция взрастила своих энциклопедистов, подготовивших Великую революцию 1789 г., так и наша страна взрастила философов, историков, экономистов, которые подготовили революцию, которая должна была привести к объединению Италии, ее освобождению от иностранного господства», – писал А. Анджелини⁷.

Более других звания социалиста заслуживает Карло Пизакане (1818–1857). Он выдвинул проекты социального переустройства и развил идеи, относящиеся к сфере экономики, морали и политики⁸. Пизакане был представителем левого крыла итальянского демократического движения, соратником борца за объединение и освобождение Италии Джузеппе Мадзини (1805–1872). Деятельность Мадзини получила большую международную известность⁹. Вместе с ним Пизакане участвовал в революционных событиях 1848–1849 гг. и последующей борьбе за национальную независимость. Он погиб в 1857 г., когда с немногочисленными сторонниками из созданной Мадзини Партии действия пытался поднять восстание в Королевстве Обеих Сицилий.

Итальянское государство было конституционной монархией¹⁰. Его конституцией с 1861 г. стал так называемый Альбертинский статут. Введенный монархом Карлом Альбертом в Сардинском королевстве в начале революции 1848–1849 гг. он регламентировал общественную жизнь объединенного государства вплоть до принятия в 1947 г. новой конституции. По ней уже более полувека живет новое государство – Итальянская Республика. Альбертинский статут гарантировал возможность организации политических союзов, чем и воспользовались основатели социалистической партии.

Первые рабочие организации, получившие название обществ взаимопомощи, возникли в Италии еще до революции 1848–1849 гг. Но лишь после объединения страны рабочее движение начало превращаться в самостоятельную политическую силу¹¹. Победа Рисорджименто создала для этого объективные предпосылки, ускорив трансформацию итальянского общества в общество с типичной классовой структурой и классовыми противоречиями¹².

Италия была страной позднего промышленного развития, где, однако, рано получили распространение общественные идеи

и системы взглядов, заимствованные из стран развитого капитализма. Опыт, выработанный рабочим классом Франции и Англии, был перенесен туда задолго до того, как страна достигла относительно высокого уровня развития крупной промышленности: идеи проникали в Италию быстрее, чем машины и капиталы. Этот опыт наложил отпечаток на первые шаги итальянского рабочего движения. Политическая обстановка содействовала тому, что рабочее движение до 1860 г. существовало лишь в Пьемонте, и вовсе не потому, что он был более развитым в промышленном отношении, чем, например Ломбардия, скорее наоборот. Пьемонтские рабочие пользовались тем, что Альбертинский статут гарантировал свободу союзов. Недаром, когда они столкнулись с общественными условиями других областей Италии, то не смогли удержать рабочие организации в рамках умеренной программы¹³. Намерение Мадзини объединить в 1861 г. местные рабочие общества на их IX Флорентийском съезде в Народную лигу не увенчалось успехом. Оно привело к первому расколу в истории итальянского рабочего движения¹⁴.

I Интернационал (1864–1876) создал предпосылки для образования массовых социалистических рабочих партий в отдельных государствах, в том числе в Италии, где заметное распространение получили анархистские идеи. Возникавшие в разных провинциях рабочие организации испытывали влияние М. Бакунина, который противостоял К. Марксу и Ф. Энгельсу. Интернационал создал предпосылки для образования массовых социалистических партий в отдельных странах. К их числу принадлежала и Италия, где рабочее движение имело свои особенности.

Как отмечал Артуро Лабриола, итальянское социалистическое движение прошло три фазы развития: 1) фазу инстинктивного протеста ремесленников, крестьян и мелких собственников, разоренных новым политическим режимом, установившимся с объединением Италии; 2) фазу подготовки политической почвы эксплуатируемыми капиталистическим режимом рабочими; 3) фазу образования политической партии, созданной по традиционным образцам. Первую фазу можно назвать периодом бакунизма, вторую – «Рабочей партии», третью – «Социалистической партии»¹⁵. Постепенное расширение круга проблем, которыми занимались рабочие общества, неизбежно подводило их к необходимости организации, сопротивления хозяевам. Это стремление к сопротивлению проявляли главным образом общества, созданные по профессиональному признаку. Для обществ, созданных по территориальному признаку, главным направлением деятельности оставалась взаимопомощь. Вопрос об организацион-

ных принципах построения рабочих обществ обсуждался неоднократно, начиная с их съезда 1860 г. в Милане, в котором участвовали представители Пьемонта, Ломбардии, Эмилии и Тосканы. В центре внимания стояли проблемы проведения забастовок и выдвижения политических требований, например принятие парламентом закона о всеобщем избирательном праве.

В течение десятилетия (1860–1870) в Италии происходило в среднем по тринадцать забастовок в год¹⁶. Законодательство не предусматривало охраны женского и детского труда, охраны здоровья работников, выплаты им пособий в случае потери трудоспособности, соблюдения санитарных норм на предприятиях; подобная практика существовала как в городе, так и в деревне.

В 60-е годы большинство итальянских рабочих обществ в идейном отношении находились под влиянием утопического социализма Мадзини, но постепенно они разочаровывались в его политической программе. Активное участие в борьбе за национальное единство не принесло рабочим ощутимого улучшения их положения. В ходе Рисорджименто в Италии осуществилась лишь политическая революция, не затронувшая социальной сферы. Романтические иллюзии республиканцев-мадзинистов не оправдались. Со второй половины 60-х годов в среде левореспубликанской молодежи начали формироваться группы и кружки, открыто объявлявшие свою платформу социалистической. Их идеи пропагандировались на страницах таких изданий, как «Пролетарио» во Флоренции, «Либерта э лаворо» и «Либерта э джустизиа» в Неаполе, «Плебе» в Лоди. От них же исходили и первые сочувственные отклики, которые нашла в Италии деятельность I Интернационала. Но обращавшиеся к идеям социализма интеллектуалы радикальных взглядов были мало связаны с рабочими.

Решительный шаг вперед в развитии социалистического и рабочего движения был сделан после Парижской Коммуны и под ее непосредственным влиянием. Итальянский пролетариат был охвачен порывом солидарности с Коммуной. Это открыло путь широкому проникновению в Италию идей I Интернационала. К началу 1872 г. в Италии насчитывалось более 100 рабочих и демократических организаций, заявлявших в той или иной форме о поддержке I Интернационала. В 1871 г. молодой неаполитанский социалист Карло Кафьеро приступил к переводу ряда работ Маркса на итальянский язык. Он поддерживал регулярную переписку с Энгельсом, назначенным (по предложению Маркса) секретарем Генерального совета по Италии¹⁷, и публиковал присылаемые Энгельсом документы. Правящие круги страны, а у власти после объединения до 1876 г. находились представители так

называемой Правой, были озабочены растущим влиянием социалистических идей. Уже летом 1871 г. полицейскими декретами был распущены рабочие организации, в том числе Неаполитанская секция Интернационала. Согласно конституции страны, эти секции могли существовать легально, но могли в любой момент подвергнуться преследованиям по обвинению в «подстрекательстве» к забастовкам или в «мятежных» намерениях¹⁸.

К 1877 г. более 2 тыс. членов социалистических кружков сгруппировались вокруг основанной еще в 1868 г. Энрико Биньями газеты «Плебе», которая противостояла тем, кто увлекался анархистскими идеями Бакунина, и поддерживала связь с Марксом и Энгельсом. Михельс в работе «Пролетариат и буржуазия в итальянском социалистическом движении» охарактеризовал Биньями как сторонника «антианархистского итальянского социализма»¹⁹. Это течение признавало необходимость политической борьбы и создания партии рабочих и пыталось сочетать разнообразные средства и методы борьбы, как насильственные, так и мирные. Политические убийства, происходившие в последней трети XIX в. в Германии, Франции, Италии, США и других странах, писал немецкий историк Артур Розенберг, были делом рук анархистов, когда же в их организации влились социалисты-революционеры, общественное мнение стало относиться к анархизму с крайним предубеждением²⁰.

Как считают некоторые итальянские историки, русский революционер Михаил Бакунин, приехавший в 1864 г. в Италию, поначалу не оказывал влияния на здешних социалистов²¹. Затем ему удалось привлечь на свою сторону прежде всего молодых интеллектуалов, разочаровавшихся в результатах Рисорджименто и в Мадзини. «В отличие от Мадзини, Бакунин понимал революцию как социальное и пролетарское движение», — подчеркивал Л. Вальяни²².

Нельзя забывать о том, в какой обстановке формировалось итальянское рабочее и социалистическое движение. После объединения повсюду были распространены настроения против построенного лишь в пользу класса крупных собственников централизаторского, авторитарного, узурпировавшего свободы государства. Массам оно представлялось далеким от их нужд, чужеродным сборщиком непомерных налогов. Возникло такое явление, как бригантаджо, особая форма сопротивления, неподчинение указаниям сверху, партизанская война с государственными структурами и ненавистными чиновниками. Подобные настроения были характерны прежде всего для Юга, территории бывшего Неаполитанского королевства. Необходимость решения

«южного вопроса» уже тогда выдвинулась в число первоочередных задач. О том, с какими серьезнейшими внутренними проблемами сталкивалось в первые десятилетия своего существования молодое итальянское государство и какого размаха достигало массовое сопротивление, свидетельствуют статистические данные. По результатам недавнего исследования, в ходе вооруженных столкновений армейских подразделений с бригантами погибло больше людей, чем в предшествующих итало-австрийских войнах²³.

Анархистская идеология Бакунина отвечала запросам радикально настроенной молодежи, недовольной своим местом в новом государстве. Сторонники развившегося в Италии в 60–70-е годы в противоположность марксизму итальянского анархического социализма²⁴ намеревались поднять общенациональный мятеж, тем более что очаги бригантатджо постоянно полыхали в южных провинциях. Исследователи не раз отмечали, что разногласия между Марксом и Бакуниным концентрировались прежде всего на вопросе будущей революции. Маркс считал движущей силой пролетариат и рабочее движение. Бакунин же пытался опереться на всех – недовольных представителей буржуазии, на рабочих, на мятежных мечтателей²⁵. Он стремился подорвать влияние Маркса в Интернационале путем ослабления позиций центрального руководства в лице Генерального совета²⁶. Победа бакунизма, с его нереализуемыми утопистскими идеями, могла бы «откинуть все международное рабочее движение назад», подчеркивал историк-марксист Э. Раджоньери²⁷.

Еще один представитель марксистского течения, Г. Манакорда, трактовал историю рабочих организаций как историю политической борьбы за допущение новых общественных классов к участию в жизни нации. Он выделял четыре этапа развития рабочего движения, соответствующих четырем расколам: в 1861 г. – между мадзинистами и умеренными, в 1871–1872 гг. – между интернационалистами и мадзинистами, в 1879–1880 гг. – первый раскол между социалистами и анархистами, в 1891–1892 гг. – второй раскол между социалистами и анархистами, а также между социалистами и непримиримыми операистами²⁸. (Операистами, от итальянского *operaio* – рабочий, называли представителей течения, считавшего, что рабочая партия и рабочие организации должны состоять исключительно из лиц физического труда.)

Чем объяснить тот факт, что в социалистическом движении (за исключением разве что группы «Плебе», да и то не всегда) долгие годы преобладали анархисты и бакунисты? Видный историк социалистического движения и бывший мэр Болоньи Ренато

Дзангери так ответил на этот вопрос: лишь малая часть посылавшихся из Лондона в Италию документов руководства Интернационала, в которых резко критиковался бакунизм, доходила до тех, кому предназначалась. Маркс и Энгельс были далеко, Бакунин же рядом, и он проявлял особую заинтересованность в итальянских делах, постоянно поддерживая письменные контакты и тесные отношения с итальянскими интернационалистами. Его пламенные послания выглядели убедительными, компетентными, в то время как директивы из Лондона могли показаться холодными и отстраненными. Идеология Бакунина была более адаптирована к итальянской ситуации и более соответствовала ожиданиям тех, кому предназначалась. Демократы Рисорджименто считали крестьянство крупным революционным резервом, и казалось, что бригантаджо и волнения из-за неприятия крестьянами налога на помол это подтверждают. Но, по мнению Дзангери, это была иллюзия, потому что крестьяне с их менталитетом и культурой были «не способны идти в направлении социализма»²⁹.

Тем не менее в рабочем движении шли процессы, которые в начале 90-х привели к образованию партии итальянского пролетариата. Бывшие сторонники Бакунина искали иные, более подходящие в складывавшейся ситуации пути к объединению сил. Андреа Коста, одна из первых фигур в итальянском анархизме, в датированном 27 июля 1879 г. и напечатанном «Плебе» 3 августа «Письме к моим друзьям в Романье»³⁰, призвал поменять способы борьбы и признать правомерными легальные методы. Критикам такого подхода он отвечал так, как своей соратнице А. Кулишовой: «Всем мировым аристократическим идеалам следует предпочесть тот, от которого рабочему человеку станет намного лучше, если он будет работать на час меньше и съедать за обедом на одно блюдо больше»³¹.

Когда в середине 70-х годов правительство запретило деятельность всех секций Интернационала, начались судебные процессы над итальянскими революционерами. На одном из таких процессов, проходившем в 1879 г. во Флоренции, перед судом по обвинению в заговоре против государства предстала российская подданная Анна Марковна Кулишова, подруга Андреа Косты. Ц.И. Кин, читая упомянутую книгу Анджолини, заметила, с какой симпатией итальянский профессор-социалист описал «славянскую мадонну», ее встреченную овацией зала речь, после того как суд ее оправдал. Анджолини изобразил обаятельную иностранку со слов тех, кто тогда ее хорошо знал, в самых восторженных тонах: «Ей было чуть больше двадцати и выглядела она как славянская богиня. Голова мадонны, белая кожа со здоровым

румянцем, белокурые волосы, заплетенные в длинные, спадающие на плечи косы, позволяли сравнить ее с грациозными женщинами с картин прерафаэлитов»³². Через несколько лет после этого суда Анна станет женой Филиппо Турати, лидера итальянского социалистического движения, в котором сама Кулишова сыграет не последнюю роль³³.

Последователи Бакунина – А. Коста, Ф.С. Мерлино – смогли выйти за пределы идей бакунизма и прийти к «эволюционному социализму». Для других, например для продолжавшего выступать за насильственные способы борьбы и создание «сознательно и решительно революционной партии» Э. Малатеста, отказ от прежних методов – покушений и мятежей – не сопровождался пересмотром идеологии. Такой пересмотр позволил бы предложить новые идеи и дать жизнь широкому классовому движению, которое отстаивало бы требования людей труда в обществе, где начались глубокие и быстрые перемены³⁴. Один из видных деятелей рабочего движения, операист и эволюционист О. Ньюкки-Виани писал в 1880 г.: «После первой фазы – фазы Интернационала, которая для Италии в определенном смысле представляет собой период детства современного социализма, итальянский социализм в настоящее время находится на пороге второй фазы (<...>) она отличается более практичным подходом и более широким участием в общественной жизни»³⁵.

На первом съезде в Римини в августе 1881 г. под руководством А. Косты была образована Революционная социалистическая партия Романьи и принята ее программа. В экономической части программы говорилось о коммунизме как коллективной собственности на землю, на капиталы, недвижимость, средства производства, в политической части декларировались равноправие всех граждан, независимо от статуса и пола, всеобщее избирательное право. После того как, согласно замыслу создателей партии, осуществится революция, к коммунизму в экономических отношениях добавится анархизм, а в политических – «идеал современного революционного социализма». «Ни коллективная собственность на землю и орудия труда, ни универсальность гражданских и политических прав, образования и интегрального обучения не являются конечной целью современного революционного социализма, это лишь необходимые условия для нормального и прогрессивного развития человека и выполнения программы самого социализма», утверждали авторы программы³⁶.

На парламентских выборах в Милане в 1882 г. заявила о себе Ломбардская рабочая федерация, ставшая основой для образованной в том же году Итальянской рабочей партии. Оформилась

федерация в 1885 г., когда прошел ее первый съезд. Ее членами могли стать только лица физического труда. Один из лидеров ломбардского движения, типографский рабочий К. Ладзари, стал впоследствии видным руководителем ИСП. Вместе с ним в руководящую группу партии входили Э. Брендо, А. Казати, Л. Алезини, Дж. Кроче.

Первый пункт программы Итальянской рабочей партии содержал требование свободы забастовок, второй – общедемократические требования. О конечных, социалистических, целях в программе ничего не говорилось. Если социалисты Романьи выдвигали на первый план борьбу за власть, то члены Рабочей партии предпочитали экономические требования³⁷.

Выступая 2 июля 1886 г. в Палате депутатов в поддержку Рабочей партии, А. Коста отстаивал ее право на легальное существование, аргументируя это тем, что программа партии – не что иное, как проект умеренных политических и экономических реформ. Коста возмущался тем, что правительство, прибегая к репрессиям, препятствует избранию представителей Рабочей партии в парламент, где они могли бы легально отстаивать интересы трудящихся³⁸.

Парламентские выборы 1882 г. в Италии прошли на основе проведенной годом раньше электоральной реформы, расширившей избирательные права. Право голоса получили мужчины, достигшие не 25, как ранее, а 21 года, умеющие читать и писать, успешно окончившие хотя бы два класса начальной школы³⁹. Это увеличило электоральный корпус на 2 млн, с 4% до 9% населения⁴⁰. По сути, с этого времени и началась борьба за голоса новых избирателей.

Операисты, претендовавшие на представительство в парламенте интересов рабочих, оказались грозными соперниками радикалов, возлагавших надежды на голоса этих избирателей. Избирательная платформа радикалов содержала немало слов о социальной справедливости, но они не выходили за рамки традиционного патернализма. Их лидер Ф. Кавалотти, бывший гарибальдиец, обвинял операистов в том, что они – всего лишь слепое орудие в руках правительства, которое использует их, чтобы ослабить радикальную Левую.

После выборов Ладзари опубликовал серию статей под общим заголовком «Подлая демократия», обвинив, в свою очередь, радикалов в нелояльных методах борьбы. Сотрудничавший в «Плебе» молодой миланский адвокат и радикал Филиппо Турати в письме Кавалотти защищал Рабочую партию. Его имя тогда было уже известно. Турати проявил себя тем, что посоветовал

избранному в парламент А. Косте – в отличие от никогда не принимавших присягу на верность существующим институтам некоторым республиканцам – думать не о своем экстремистском прошлом, а о завтрашнем дне и принести эту присягу в парламенте. Парламентскую трибуну, по его мнению, следовало использовать в интересах обездоленных⁴¹.

Л. Вальяни писал, что эта позиция молодого Турати была символической: в ней заключалось его будущее кредо⁴². Опубликованная в антологии Манакорды переписка А. Косты с руководителями Итальянской рабочей партии, а также подборка писем к нему Ф. Турати отражают трудности процесса создания ИСП⁴³.

Выступив в защиту Рабочей партии, Ф. Турати порвал с радикалами и стал одним из организаторов и идеологов социалистической партии, признанным лидером социалистов. Будучи сыном высокопоставленного чиновника, дослужившегося до поста префекта, Турати получил традиционное для этого круга воспитание. Во время учебы в лицее Кремоны он подружился с другим будущим лидером социалистов, Л. Биссолати, дружба сохранилась и после того, как они политически разошлись. Оба стали адвокатами, закончив в 1877 г. Болонский университет (заведение с многовековыми традициями, первый в мире университет, 900-летие которого отмечалось в 1988 г.), в котором основные кафедры занимали профессора-позитивисты. В итальянские университеты тогда просачивались идеи социализма, многие – из Германии, где уже была создана социал-демократическая партия⁴⁴.

Еще студентами Турати и Биссолати пережили событие, которое произвело на юношей неизгладимое впечатление и повлияло на выбор пути – суд над А. Костой и другими интернационалистами. Они присутствовали на суде, слушали речи Кардуччи в защиту революционера, выступления подсудимых. «Коста в свой заключительной речи вышел за тесные сектантские рамки и доказал, что социализм несет освобождение как в экономическом и социальном, так и в этическом плане»⁴⁵, – вспоминал Турати.

На формирование взглядов Турати повлияли известный литератор А. Гислери, в журналах которого он сотрудничал, а также философ-позитивист Р. Ардиги. В 80-е годы Турати занимался не только литературой, проявляя немалые способности, в частности в сочинении стихов, но и изучением социологии, психологии, права, «социального вопроса». Он сблизился с издателем «Плебе» Биньями и опубликовал там ряд статей под общим заголовком «Преступление и социальный вопрос», придя в них к выводу,

что буржуазное общество само по себе преступно, необходимо его коренное экономическое и социальное преобразование. В 1884 г., когда миланские женщины организовали по всей стране сбор средств в помощь политическим заключенным в российских тюрьмах, Турати написал воззвание в поддержку царских узников, которое подписали многие известные демократы.

Уже тогда Турати вел обширную переписку на разных языках с рядом видных деятелей мирового рабочего и социалистического движения, прежде всего с Ф. Энгельсом. Среди его корреспондентов были и русские революционеры – С.М. Степняк-Кравчинский, В.И. Засулич, Г.В. Плеханов, позднее А.И. Балабанова и др. (в подборку переписки Турати с зарубежными соратниками за 1882–1932 гг. вошли 363 документа)⁴⁶.

Особое место в эпистолярном наследии Турати занимает его переписка с Анной Кулишовой. Они познакомились в 1885 г., когда Кулишова находилась в Неаполе и «переживала трудное время из-за сложных отношений с Костой»⁴⁷. Более подкованная в теоретических вопросах, она ввела Турати в круг идей, до того ему мало известных, но скоро им воспринятых. Переписка Турати и Кулишовой, начавшими совместную жизнь (они писали друг другу, когда находились в разлуке), продолжалась вплоть до 1925 г., когда «синьоры Анны» не стало. Сенатор А. Скьяви успел до конца своей жизни издать три тома этой переписки. В 70-е годы XX в. они были переизданы в шеститомнике под редакцией Ф. Педоне. Эти сохраненные потомками 3195 писем – интереснейшие документы эпохи, первоклассный источник по истории итальянского социалистического движения. Предваряя публикацию собранной им переписки, Скьяви писал: «Филиппо Турати и Анна Кулишова, с одной стороны, внесли вклад в распространение марксизма и применение его принципов для изучения и решения конкретных проблем страны, с другой – в трансформацию итальянского социализма из того анархистствующего и инстинктивного порыва, каковым он был вначале, в мощное социально-политическое движение. Объединившись в 1892 г. в прочную партию трудящихся, оно сыграло решающую роль в преобразовании национальной жизни в современном и прогрессивном духе и осуществлении материального и морального подъема пролетарских классов, которым обеспечило новые, более достойные условия жизни, свободы и труда»⁴⁸.

В середине 80-х годов Ф. Турати сблизился с лидером Рабочей партии К. Ладзари. Он написал для партии «Гимн трудящихся», за пение которого рабочих преследовали, а самого Турати позднее, во время ареста после майского восстания рабочих в

Милане в 1898 г., обвинили в том, что его произведение призывает к мятежу. Во время суда над операистами в 1887 г. он поместил в «Ривиста дель социализмо итальяно» ряд статей под названием «Первый процесс Итальянской рабочей партии (критические заметки одного социалиста)». Турати резко критиковал власть за то, что она не могла простить Ладзари и другим рабочим лидерам избрания в парламент. Турати был безоговорочно на стороне подсудимых, называвших себя на суде все как один социалистами.

В 1889 г. при участии Турати, Кулишовой и Ладзари была создана Миланская социалистическая лига, в нее вошли и рабочие, и интеллектуалы. Лига стремилась расширять контакты с рабочими партиями и марксистскими социалистическими организациями в других странах. Этому благоприятствовало возобновление с 1889 г. созыва международных социалистических конгрессов. Создание II Интернационала и крупная победа немецких социал-демократов на выборах в рейхстаг в 1890 г., отставка Бисмарка и отмена чрезвычайных законов – все эти события вызвали резонанс в Италии. Не без основания считалось, что они способствовали «объединению сил итальянских социалистов и уточнению ими идеологических и политических позиций»⁴⁹. Как отмечала, ссылаясь на Антонио Лабриолу, К.Ф. Мизияно, итальянские социалисты, не отделяя германскую социал-демократию от Энгельса, видели в ней само воплощение марксизма⁵⁰.

В целях пропаганды идей научного социализма Турати начал издавать журнал «Критика социале», рассчитывая заложить теоретическую основу для создания партии. Первый номер журнала, составившего целую эпоху в истории социалистических изданий, вышел в свет 15 января 1891 г. «Критика социале» пришла на смену изданию А. Гислери «Куоре э критика», в котором сотрудничал Турати и последний номер которого вышел 21 декабря 1890 г.

Турати как главный редактор пообещал сохранять традиции прежнего издания. Сменив название, журнал, по мысли Турати, не должен был менять своей «веры», т.е. политического направления (*mutando sede, non muta fede*). Ему надлежало стать «социальным журналом», таким, какие издавались во всех государствах Европы⁵¹. Первый номер открывался обращением редакции к читателям и статьей Г. Розы «Демократия в Германии». Авторами других статей были Д. Папа, Г. Бовио, Ф. Турати, А. Гислери, А.М. Моццони, О. Ньокки-Виани, А. Кулишова, Л. Биссолати⁵². В дальнейшем в журнале сотрудничали известные деятели итальянского и международного рабочего движения, видные теоретики – Ф. Энгельс, Ф. Адлер, Дж. Амендола, О. Бауэр, И. Бо-

номи, К. Тревес, К. Каутский, Ф.С. Мерлино, Р. Мондольфо, В. Парето, К. Россели, Г. Сальвемини, Э. Вандервельде и др. Журнал регулярно отправляли Энгельсу, с которым Турати и Кулишова вели переписку.

У Энгельса был еще один корреспондент в Италии – философ и историк Антонио Лабриола. Ученик неаполитанского гегельянца Б. Спавенты, после неудачного опыта в политике в Неаполе, Лабриола, к тому времени профессор Римского университета, на рубеже 80–90-х годов стал убежденным марксистом⁵³. Его переписка с Энгельсом длилась более пяти лет, до смерти Энгельса (1895). Лабриола стал первым крупным теоретиком марксизма в Италии. Он осознал необходимость оформления социалистического движения в самостоятельную политическую партию рабочего класса по образцу германской социал-демократии⁵⁴.

Весной 1890 г. произошло знакомство двух итальянских корреспондентов Энгельса и началась систематическая переписка между Лабриолой и Турати. В письмах шла речь о создании партии рабочего класса. Турати считал, что ее надо создать как можно скорее, Лабриола, что прежде необходимо предложить ясную программу, без которой сознательное руководство рабочим движением невозможно. «Я вполне согласен с Вами, что базой социализма должен быть пролетариат, и совершенно не верю в популиберальных социалистов. Но я считаю обязательными две вещи: пролетариатом должны руководить те, кто понимают, а для того, чтобы понимать, надо ясно отдавать себе отчет в том, каковы политические силы истории (...) Рабочая партия должна быть создана благодаря спонтанным действиям самих рабочих. (...) Мы, социалисты... можем предлагать им самые общие и обычные орудия для борьбы, но не можем и не должны смущать пролетарское движение преждевременными, незрелыми, абстрактными предложениями»⁵⁵.

Лабриола в своем университетском курсе, Турати через журнал «Критика социале» пропагандировали постулаты исторического материализма⁵⁶. Из-за спора по поводу ориентации этого издания между ними произошла размолвка. Направление журнала не было последовательно марксистским. В редакционной заметке в первом номере «Критика социале» (в связи с дебатами о соотношении демократии и социализма) было высказано пожелание, чтобы Лабриола, посвятивший данной теме «немало великолепных страниц», выступил в дискуссии. Но Лабриола ответил Турати резким письмом: «Вы смотрите на вещи иначе, чем я. Вы хотите заниматься пропагандой среди буржуа, хотите сделать

социализм симпатичным. Помогай Вам Бог в этой филантропической затее. Что до меня, то, по-моему, буржуа годны только на то, чтобы быть повешенными. Мне не выпадет счастья самолично их вешать, но я не хочу способствовать тому, чтобы повешение откладывалось»⁵⁷.

Конечно, дело было не в журнале «Критика социале», справедливо замечала Ц.И. Кин, а в глубоких расхождениях между ними по вопросу создания социалистической партии, призванной придать политическую самостоятельность рабочему движению. Но, одинаково понимая положение и конечную цель, они расходились в отношении политических средств. К тому времени Лабриола уже превратился из абстрактного сторонника научного социализма в настоящего социал-демократа. Будучи замечательным теоретиком, смотревшим далеко вперед, он в отличие от Турати, оказался непричастен к непосредственному процессу создания партии. Оба отлично понимали, какие серьезнейшие трудности, обусловленные отсталостью страны, стоят на пути рабочего и социалистического движения.

На повестке дня стояли вопросы, требовавшие скорейшего урегулирования. Среди них – аграрный и социальный. Правящий класс приступал к решению данных задач с большим опозданием. «Ни в одной крупной стране Европы нет такого убогого социального законодательства, как в Италии», – писал в своих «Очерках по южному вопросу» представитель правящего класса, сторонник реформ Ф.С. Нитти⁵⁸.

Давление снизу, со стороны отчаивавшихся масс, нарастало. В конце 80-х годов по Италии прокатилась волна крестьянских волнений, стачек батраков, которые жестоко подавлялись правительственными войсками, в итоге были жертвы, убитые и раненые. Кульминацией репрессий стали события 20 мая 1890 г. в Конселиче (Равенна), где солдаты и карабинеры стреляли в участников демонстрации безработных, при этом были убиты трое и тяжело ранены двадцать один человек, многие из которых позже скончались. Рабочей партии частично удалось взять забастовочное движение под свой контроль. Но это была скорее заслуга отдельных ее членов на местах, чем продуманная тактика руководства партии, оно не сумело ее выработать⁵⁹. Как никогда прежде ощущалась потребность в общенациональной партии, способной сплотить разрозненные местные организации, возглавить движение, занять свое место на левом фланге зарождавшейся партийной системы.

В 1880 г. был ликвидирован ненавистный для крестьян налог на помол зерна. Представители правящего класса понимали, что

социальная опора государства достаточно узка и нуждается в последовательном расширении. Во время дискуссий в парламенте 30 марта 1881 г. один из наиболее дальновидных политиков, Сидней Соннино, подчеркнул: «Положение правительства не может быть стабильным, если оно не представляет всю нацию, если с ним не согласны все, как наверху, так и внизу»⁶⁰.

Вместо того чтобы сосредоточиться на внутренних проблемах страны, с трудом преодолевавшей вековую отсталость, правящие круги уделяли все больше внимания внешней политике, стремясь обрести статус великой державы. Современник писал: «...хотя по размерам территории и численности населения Италия считается одной из крупнейших стран Европы, но все же она не является великой державой; чтобы быть таковой, необходимо обладать процветающими финансами и мощными вооруженными силами на суше и на море, а в Италии в настоящее время нет ни того, ни другого»⁶¹. Страна с таким слабым тылом была обречена приспособляться к сложившемуся статус-кво, не задевая интересы других, озабоченных захватом колоний великих держав. Но недавно объединившейся Италии не хотелось плестись в хвосте, она тоже присматривала себе колонии. Колониальный вопрос обсуждался и в кругах итальянских интеллектуалов, собственно, в ходе этих дебатов и познакомились Турати и Лабриола. Внешнеполитические проблемы не были чужды широко мыслящим лидерам рабочего движения. Специфическое положение Италии – в самом конце списка великих держав, – как подчеркивает С. Романо, вынуждало ее лавировать между их блоками не только в XIX, но и в XX в.⁶²

Становившийся все более агрессивным внешнеполитический курс обернулся вскоре серьезными испытаниями для страны. Сближение с Францией раздражало Бисмарка, который намеревался втянуть Италию в политическую орбиту Германии. Он угрожал итальянцам, что поддержит Ватикан в его противоборстве с итальянским государством. Немцы даже вынашивали план перемещения папы из Рима в немецкий город Фульда. Правительство на угрозы Бисмарка ответило нотой, в которой заявляло, что итало-ватиканские отношения – это внутреннее дело Италии. Тем не менее, опасаясь, что страна окажется в изоляции и это может навредить единому государству и самой монархии, правящие круги решили заключить военно-политический союз с державами Центральной Европы. 20 мая 1882 г. в Вене был подписан союзный договор трех стран – Германии, Австро-Венгрии и Италии. Его первый пункт гласил: «Высокие договаривающиеся стороны обязуются сохранять мир и безопас-

ность и не входить в какие бы то ни было блоки или брать на себя обязательства, направленные против любого из государств»⁶³.

Просуществовавший вплоть до 1915 г., до выхода из него Италии и вступления в войну на стороне Антанты, Тройственный союз оказал существенное влияние на европейскую и мировую политику. После его создания Италия активизировала колониальную политику в Северо-Восточной Африке и Восточном Средиземноморье, которую рьяно поддерживали влиятельные круги финансистов, судовладельцев, текстильных и металлургических магнатов, генералитет и королевский двор⁶⁴. Большинство лидеров рабочего движения, руководители партии социалистов не одобряли подобный внешнеполитический курс.

После смерти Депретиса в 1887 г. позиции Левой оказались ослабленными, бразды правления перехватили сторонники иных взглядов, стремившиеся установить власть сильной руки. По мнению А. Азор Розы, в 1887–1896 г. в итальянской политике установилась гегемония Ф. Криспи. «Трансформизм Депретиса сменился правлением приверженцев политики сильной руки, но пороки прежней системы оставались»⁶⁵. Прийдя к власти в июле 1887 г., новый премьер-министр столкнулся с проблемами в сферах экономики и финансов, с кризисом сельского хозяйства, массовым разорением крестьянства. В результате в 1886–1890 гг. страну ежегодно покидали более 220 тыс. человек. Усилия правительства были направлены на стабилизацию обстановки в стране, укрепление позиций правящих классов, в этих целях оно вело борьбу с рабочим и социалистическим движением. После успеха на выборах 1890 г. и завоевания подавляющего большинства в парламенте (402 мандата) Криспи даже намеревался добиться изменения порядка назначения премьер-министра, считая, что его должен назначать непосредственно король, а не парламент. В таком случае полномочия председателя совета министров стали бы похожими на полномочия германского канцлера⁶⁶. Но добиться своего Криспи не удалось.

По настоянию Криспи многие важные вопросы вопреки конституции решались правительственными указами. В 1889 г. без санкции парламента был принят закон об общественной безопасности, предусматривавший строгие наказания для организаторов и участников «вооруженных сборищ», забастовщиков, политически неблагонадежных лиц и оппозиционной печати. Тюремное заключение сроком до двадцати месяцев грозило тем, кто «насилием или угрозами мешает или в какой-либо мере препятствует промышленной и коммерческой деятельности». Подобные статьи сводили на нет свободу организаций, лишали

рабочих права на забастовку⁶⁷. В таких условиях создание партии, выразительницы интересов угнетенных, готовой взять на себя руководство их борьбой, было делом трудно выполнимым, но все же посильным для быстро развивавшегося социалистического движения.

- ¹ Le parole dell'Inno dei lavoratori scritte da Filippo Turati // 1892–1982. PSI: Novant'anni di storia. Almanacco socialista. Roma, 1982. P. 52. Далее: Almanacco socialista, 1892–1982.
- ² См.: *Castronovo V.* La storia economica // *Storia d'Italia*. Dall'Unità a oggi. Torino, 1975. Vol. I, t. 1. P. 45–72.
- ³ *Лисовский Ю.П.* Южный вопрос и социальные конфликты в Италии. М., 1979. С. 36.
- ⁴ *Castronovo V.* Dall'Unità d'Italia al nuovo secolo // *Le radici – i primi 50 anni*. Dal Risorgimento alla Grande guerra (1861–1914). LUCE sulla storia d'Italia dall'Unità al 2000. Roma, 2000. N 26. P. IV.
- ⁵ См.: *Rostow W.W.* Gli stadi dello sviluppo economico. Torino, 1962; *Lutz V.* Italy. A Study of Economic Development. Oxford, 1962; *Gerschenkron A.* Il problema storico dell'arretratezza economica. Torino, 1965; *Romeo R.* Risorgimento e capitalismo. Bari, 1959; *Idem.* Breve storia della grande industria in Italia. Bologna, 1967. 3 ed.; *Idem.* Momenti e problemi di storia contemporanea. Assisi; Roma, 1971; *Are G.* Il problema dello sviluppo industriale nell'età della Destra. Pisa, 1965; *Idem.* Economia e politica nell'Italia liberale (1890–1915). Bologna, 1974.
- ⁶ См., например: *Berlusconi S.* Discorso dell'apertura // *Forza Italia*, I congresso nazionale, Milano, 16–18 aprile 1998. Atti. Milano, 1998. P. 16.
- ⁷ *Angiolini A.* Cinquant'anni di socialismo in Italia. Firenze, 1903. P. 8, 13.
- ⁸ Ibid. P. 30; см. также: *Valiani L.* Il socialismo di Pisacane // *Valiani L.* Scritti di storia. Movimento socialista e democrazia / A cura di F. Marcoaldi. Milano, 1983. P. 160–187.
- ⁹ В связи с юбилеем Мадзини – 200 лет со дня рождения – прошел ряд конференций, посвященных деятельности великого итальянца, в том числе симпозиум российских и итальянских историков в Институте всеобщей истории РАН (Москва, апрель 2005 г.).
- ¹⁰ О роли монархии в итальянской истории, ее противодействии антимонархическим социально-политическим движениям, в том числе социалистам, см.: *Colombo P.* Il re d'Italia. Prerogative costituzionali e potere politico della Corona (1848–1922). Milano, 1999; *Idem.* Storia costituzionale della monarchia italiana. Roma; Bari, 2001; *Mola A.A.* Storia della monarchia in Italia. Milano, 2002; *Mazzonis F.* La Monarchia e Risorgimento. Bologna, 2003.
- ¹¹ *История Италии*: В 3 т. М., 1970. Т. 2. С. 268–269.
- ¹² *Мизиано К.* Итальянское рабочее движение на рубеже XIX и XX веков. М., 1976. С. 34.
- ¹³ *Манакорда Г.* Итальянское рабочее движение по материалам съездов: От его зарождения до образования социалистической партии (1853–1892 гг.). М., 1955. С. 21, 23–25.
- ¹⁴ *Il socialismo nella storia d'Italia* / A cura di G. Manacorda. Roma; Bari, 1966. P. 71; *Манакорда Г.* Указ соч. С. 69.

- 15 Положение рабочего класса в главнейших государствах Европы, Северо-Американских Соединенных Штатах и Австралии. СПб., Б.г. Т. 1, ч. 3: Лабриола, Артур. Италия. С. 49.
- 16 *Канделоро Дж.* Профсоюзное движение в Италии. М., 1953. С. 10–13.
- 17 Об этой стороне деятельности Ф. Энгельса см.: *Ragionieri E.* Engels und die italienische Arbeiterbewegung // Friedrich Engels, 1820–1970. Referate, Diskussionen, Dokumenten. Hannover, 1971. S. 189–200.
- 18 История Италии. Т. 2. С. 270–273.
- 19 *Michels R.* Proletariato e borghesia nel movimento socialista italiano. Torino, 1908. P. 260.
- 20 *Rosenberg A.* Democracy and Socialism. A Contribution to the Political History of the Past 150 Years. L., 1939. P. 223.
- 21 *Rosselli N.* Mazzini e Bakunin. Dodici anni di movimento operaio in Italia (1860–1872). Torino, 1967. P. 148–171; *Romano A.* Storia del movimento socialista in Italia. Bari, 1966. Vol. I. P. 153–166; *Канделоро Дж.* История Италии. М., 1971. Т. 5: Создание единого государства, 1861–1871. С. 310.
- 22 *Valiani L.* Die ideologische Entwicklung des demokratischen Sozialismus in Italien // Sozialistische Weltstimmen. B.; Hannover, 1958. S. 163.
- 23 *Rossani O.* Stato, società e briganti nel Risorgimento italiano. Milano, 2002.
- 24 *Ciuffoletti Z.* 1848/1892. Le origini del socialismo e la fondazione del partito // Almanacco socialista, 1892–1982. P. 36–37.
- 25 *Bonomi I.* Le vie nuove del socialismo. Palermo, 1907. P. 240.
- 26 *Григорьева И.В.* Рабочее и социалистическое движение в Италии в эпоху I Интернационала. М., 1966. С. 165.
- 27 *Ragionieri E.* Il marxismo e l'Internazionale. Studi di storia del marxismo. Roma, 1968. P. 40.
- 28 *Манакорда Г.* Указ. соч. С. 29–30.
- 29 *Zangheri R.* Socialismo ed anarchismo // Le radici del socialismo italiano / A cura di L. Romanello. Milano, 1997. P. 261–262; *Idem.* Storia del socialismo italiano. Torino, 1993, 1997. Vol. 1: Dalla rivoluzione francese a Andrea Costa. Vol. 2: Dalle prime lotte nella Valle Padana ai fasci siciliani.
- 30 *Costa A.* Lettera ai miei amici di Romagna // La Plebe. Lodi, 1879. 3 ag. P. 1; цит. по: Almanacco socialista, 1892–1982. P. 47–48. Программное письмо А. Косты см.: *Канделоро Дж.* История Италии. М., 1973. Т. 6: Развитие капитализма и рабочего движения, 1871–1896. С. 198–200.
- 31 *Ciuffoletti Z.* La fondazione del Partito Socialista Italiano e l'opera di Filippo Turati // Storia del Partito Socialista Italiano, 1892–1976. Firenze, 1977. P. 4.
- 32 *Angiolini A.* Op. cit. P. 163.
- 33 *Кин Ц.И.* Италия конца XIX века: Судьбы людей и теорий. М., 1978. С. 88–89. О предшествующей революционной деятельности А.И. Кулишовой в России, Швейцарии и Италии см., например: *Канделоро Дж.* История Италии. Т. 6. С. 196.
- 34 *Arfe G.* Storia del socialismo italiano. Verona, 1977. P. 21.
- 35 *Gnocchi-Viani O.* Italien // Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Zürich, 1880. Bd. 2. S. 213–219; *Bravo G.M.* Marx, marxismo e socialismo // Le radici del socialismo italiano. P. 146.
- 36 Programma del partito socialista rivoluzionaria di Romagna // Almanacco socialista, 1892–1982. P. 49–50.
- 37 *Манакорда Г.* Указ. соч. С. 198.

- 38 Il socialismo nella storia d'Italia. P. 164–167.
- 39 Villari R. Conservatori e democratici nell'Italia liberale. Bari, 1964. P. 76–85.
- 40 Castronovo V. Dall'Unità d'Italia al nuovo secolo. P. VI; История Европы: В 8 т. М., 2000. Т. 5: От Французской революции конца XVIII века до Первой мировой войны. С. 436–440.
- 41 Кин Ц.И. Указ. соч. С. 94.
- 42 Valiani L. Scritti di storia. Movimento socialista e democrazia. Milano, 1983. P. 188–196.
- 43 Манакорда Г. Указ. соч. С. 246–463.
- 44 Ragionieri E. Socialdemocrazia tedesca e socialisti italiani. 1875–1895. Milano, 1976. P. 31–36.
- 45 Turati giovane. Sciapigliatura, positivismo, marxismo / A cura di L. Cortesi. Milano, 1962. P. 10.
- 46 Filippo Turati e i corrispondenti stranieri. Lettere 1883–1932 / A cura di D. Rava. Manduria; Bari; Roma, 1995.
- 47 Кин Ц.И. Указ. соч. С. 100.
- 48 F. Turati – A. Kuliscioff. Carteggio // A cura di A. Schiavi. Torino, 1949; F. Turati – A. Kuliscioff. Carteggio, raccolto da A. Schiavi. In 6 vol. / A cura di F. Pedone. Torino, 1977. Vol. I. P. IX.
- 49 Раджоньери Э. Немецкая социал-демократия и итальянские социалисты // Германское рабочее движение в новое время. М., 1962. С. 105–106.
- 50 Мизиано К.Ф. Указ. соч. С. 95.
- 51 Cuore e critica. Milano, 1890, 21 dic. A. IV. N 24. P. 273, 274.
- 52 Critica Sociale. Milano, 1891. 15 genn. A. I. N 1. P. 1.
- 53 См.: Labriola A. Scritti politici. Bari, 1970; Mastroianni A. Antonio Labriola e filosofia in Italia. Roma, 1977; Лабриола А. Очерки материалистического понимания истории. М., 1960; Никитич Л.А. Антонио Лабриола. М., 1980.
- 54 Ragionieri E. Socialdemocrazia tedesca e socialisti italiani. P. 219–250.
- 55 Labriola A. Scritti politici. Bari, 1970. P. 62. Цит. по: Кин Ц.И. Указ. соч. С. 113.
- 56 Valeri N. Avvento del socialismo // La lotta politica in Italia dall'Unità al 1925 / A cura di N. Valeri. Firenze, 1976. P. 219.
- 57 Labriola A. Op. cit. P. 62; цит. по: Кин Ц.И. Указ. соч. С. 115.
- 58 Nitti F.S. Scritti sulla questione meridionale. Roma, 1892. P. 75.
- 59 Del Carria R. Proletari senza rivoluzione. Roma, 1979. Vol. I. P. 252.
- 60 Sonnino S. Discorsi parlamentari. Roma, 1925. Vol. I. P. 22.
- 61 Vidari E. La presente vita italiana politica e sociale. Milano, 1899. P. 98.
- 62 Romano S. Guida alla politica estera italiana. Da Badoglio a Berlusconi. Milano, 2002.
- 63 Cilibrizzi S. Storia Parlamentare, Politica e Diplomazia d'Italia. Da Novara a Vittorio Veneto. Milano; Roma; Napoli, 1925. Vol. II: (1870–1896). P. 239, 242.
- 64 История Европы. Т. 5. С. 439.
- 65 Asor Rosa A. La cultura // Storia d'Italia. Torino, 1975. Vol. IV: Dall'Unità a oggi. Т. 2. P. 1000.
- 66 Quintavalle F. Storia dell'Unità italiana. Milano, 1926. P. 303.
- 67 Очерки истории Италии. М., 1959. С. 303–304.

СОЗДАНИЕ ПАРТИИ И ПЕРВЫЕ ГОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

*Мы все социалисты и все мы за свободу.
Но не придет свобода, пока союза нет.
Бастуй против господ, их всех пора убить!*

Из песни работниц социалисток
«Хотя мы женщины, страх нам неведом»

В 1891–1892 гг. процесс создания в Италии самостоятельной социалистической партии близился к завершению¹. На этот процесс влияли мадзинистское наследие Рисорджименто, деятельность обществ взаимопомощи, анархистское течение I Интернационала, миланская Рабочая партия. Хронологически можно выделить три этапа его развития в конце XIX – начале XX в.: до 1892 г., до 1900 г., после 1900 г. В конце первого периода произошла консолидация социалистических сил. Из социалистического движения были исключены анархисты, и в него влилась Рабочая партия, отказавшаяся от своей ярко выраженной классовой ориентации и односторонних требований экономического характера. Она пошла на сотрудничество с интеллектуалами, признав в качестве первоочередных выдвинутые ими «политико-парламентские цели»².

К началу 90-х годов XIX в. все идейные течения, представлявшие левый лагерь политических сил – республиканцы, опираисты, анархисты, социалисты, – испытывали влияние пришедших в движение масс. Аграрный кризис в деревне, рост уровня безработицы в крупных городах способствовали распространению революционных настроений. Находящимся у власти политикам Левой, как раньше Правой, пришлось заняться «социальным вопросом». Развитие капитализма, пополнение рядов промышленного пролетариата порождали новые проблемы. Многие итальянцы, возлагавшие надежды на Рисорджименто, были разочарованы. Все более широкое распространение получали идеи научного социализма, которые несли в массы искренне считавшие себя социалистами интеллектуалы, выполнявшие в отсталой аграрной стране такую же культуртрегерскую функцию, как и народники в России, – будить классовое сознание трудового народа³.

Проповедники социалистических идей понимали необходимость объединения рабочего движения с социалистами. Труднее всего, однако, было определить, какой должна быть роль интел-

лектуалов-социалистов в рабочем движении. Решение этой проблемы не мог найти А. Коста. Антонио Лабриола думал скорее о союзе организованных рабочих и «социалистов-теоретиков», но не об их слиянии. Турати, который имел конкретный опыт общения с Миланской социалистической лигой и Рабочей партией, мыслил реалистичнее. Он признавал необходимость участия интеллигентов-социалистов в формировании «рабочей и социалистической» партии. По его мнению, социалистическое сознание не могло родиться из спонтанного, первоначального движения, оно «вносится в него интеллигентами буржуазного происхождения»⁴. Эти взгляды Турати высказал в послании V съезду Рабочей партии, собравшемуся в Равенне в октябре 1890 г.⁵ Идеалом Турати и его соратников была социал-демократическая партия Германии. К ее опыту было привлечено внимание и Антонио Лабриолы, который вел интенсивную переписку с Ф. Энгельсом⁶ и пытался убедить Турати в необходимости выработать ясную программу будущей партии.

1 мая 1891 г. ознаменовалось в Италии, прежде всего в Риме, проведением демонстраций рабочих, поддержанных социалистами, республиканцами и анархистами. Манифестации по случаю Дня трудящихся закончились столкновениями с полицией, в результате которых были убиты и ранены. Последовали острые дебаты в парламенте. Министр внутренних дел Никотера подтвердил намерение подавлять рабочее движение и назвал анархистов преступниками, место которым в тюрьме.

По подсчетам экономистов, в последние десятилетия XIX в. заработная плата мужчин, занятых в текстильной промышленности, составляла от 1 до 2 лир в день, а для женщин и подростков соответственно 0,60–0,80 лиры и 0,30–0,50 лиры. Положение рабочих оставалось тяжелым, нередко рабочий день длился от 13 до 16 часов. Ночные смены для женщин и подростков тоже не были редкостью. Но, несмотря на отсталость страны по сравнению с европейскими соседями в экономике и в социальной сфере, на военные нужды правящие круги в конце 80-х – начале 90-х годов расходов не жалели. Выступая 9 ноября 1891 г. в миланском театре Ла Скала перед обеспокоенными внутренней ситуацией промышленниками Севера, премьер-министр Ди Рудини сообщил, что бюджет военного министерства, составлявший в 1881 г. 215 млн лир, достиг в 1888–1889 гг. максимальной за все время цифры – 410 млн, бюджет министерства военно-морского флота, ограниченный в 1878 г. скромной цифрой – 46 млн, за 10 лет увеличился и достиг к 1888–1889 гг. 162 млн⁷.

В конце XIX в. социального законодательства не существовало, политические и профсоюзные свободы попирались властью. Манифестации рабочих наталкивались на репрессии, особенно жестокими они были в 1894 и 1898–1899 гг. И все же положение улучшилось по сравнению с тем, каким было двадцать лет назад, когда в Римини возникла Итальянская федерация Международного товарищества рабочих⁸.

Солидарность рабочих ярко проявилась в ходе забастовочно-го движения 1891 г. Как писал Турати в работе «Долг сопротивления», во время миланской стачки металлистов 1891 г. в рабочей среде в поддержку забастовщиков, в том числе с помощью женщин-работниц миланских фабрик, удалось собрать «чемоданы денег». Вероятно, рабочие отказывали себе в последнем куске хлеба, отдавая последние гроши товарищам, подчеркивал Турати⁹. Классовая солидарность, по мнению Р. Михельса, в те годы была в Италии более развита, чем, например в Германии. Объединенные в разные общества – потребительские союзы, производственные товарищества и тому подобные организации – итальянские трудящиеся проявляли большую готовность к жертвованиям, не требуя платы за общественную работу¹⁰.

В том же 1891 г. Миланская социалистическая лига, созданная в 1889 г. как политико-культурная ассоциация в результате договоренностей между операистом К. Ладзари и социалистом Ф. Турати, предприняла новые шаги. На воззрения Турати сильно повлияла хорошо знакомая с теорией марксизма А. Кулишова. Она готовила программные документы в надежде, что декларируемые в них идеи будут способствовать созданию общеитальянской организации трудящихся. «Критика социале» опубликовала программу Лиги¹¹, предназначенную стать платформой Партии итальянских трудящихся, которая 2–3 августа 1891 г. провела в Милане свой рабочий съезд¹². На нем было решено летом следующего года созвать общенациональный съезд и избрана комиссия для выработки проекта программы и устава.

Платформа Миланской лиги основывалась на том, что конечной целью социалистов является обобществление средств производства, а достигнуть этого можно, лишь завоевав власть. Средством завоевания признавалась организованная борьба рабочих, осознающих свою конечную цель. В этой формуле было определено то, что «отличало социализм не только от буржуазного радикализма, но и от течений, существовавших внутри рабочего движения – анархизма и операизма»¹³. Турати был «ревностным сторонником создания автономной партии рабочего класса, которая преодолела бы теории и политику анархизма и

экономизма операистов и отвергла бы позиции радикальной демократии»¹⁴.

Итальянская социалистическая партия (ИСП) была образована на съезде сторонников социалистических идей в Генуе 14–16 августа 1892 г. (свое окончательное название она получит позднее на своем III съезде 1896 г. в Парме). Произошло это в своеобразной обстановке, когда в начале 90-х годов резко возрос интерес общественности к положению итальянских рабочих. О том, что положение это было не из легких, свидетельствовали конкретные факты. Безработные наводняли крупные города и прежде всего столицу. Только в Риме скопилось более 20 тыс. незанятых рабочих. Как доносил министру иностранных дел Н.К. Гирсу российский посол в Италии А.Е. Влангали, хотя судебное преследование «подстрекателей и зачинщиков происшедших» в 1891 г. «бесчинств еще не закончилось, 1892 год начался с угрозы их повторения». «Подпольная социал-анархическая агитация рабочих сред далеко не прекратилась. Периодические сходки остающихся без занятий рабочих приняли в последнее время до того грозный характер, что некоторые из депутатов обратились с запросом о мерах, которые оно (правительство. – В.Л.) собирается принять для предупреждения со стороны бездомных и голодных рабочих угрожающих беспорядков». Министр внутренних дел барон Никотера ответил депутатам, что «будут приняты самые энергичные меры для предотвращения всяких могущих возникнуть с этой стороны беспорядков». Российский посол резюмировал, что, невзирая на успокоительные слова Никотеры, раздаются «немало голосов, осуждающих правительство» и видящих «будущность рабочего вопроса в Италии в самых темных красках»¹⁵. «Известия из разных провинций по тому же вопросу носят равно характер далеко не успокоительный»¹⁶.

По донесениям Влангали и других послов Российской империи, аккредитованных в Риме на рубеже XIX–XX вв., можно представить ситуацию в Италии, в том числе выяснить, каким было положение трудящихся, как развивалось рабочее и социалистическое движение. Необходимо лишь помнить о том, что царские дипломаты придерживались консервативных и монархических взглядов.

Освещая рост социальной напряженности в стране в 1892 г., российский посол не придавал большого значения напрямую связанному с решением остро стоявшего «социального вопроса» событию – образованию летом того года социалистической партии. Впрочем, и в самой Италии это событие, имевшее немалое значение для последующей истории страны, теми, кто не имел непо-

средственного отношения к рабочему движению, едва ли было тогда замечено¹⁷. Это подтверждал в письме Энгельсу от 2 сентября 1892 г. А. Лабриола: «Хочу обратить Ваше внимание на то, что ни одна, буквально ни одна из крупных газет Италии не освещала работу Генуэзского съезда, прошедшего 14–15 числа прошлого месяца». «Создание новой партии потерпело настоящее фиаско», считал Лабриола¹⁸. В отличие от него, Энгельс позитивно оценил это событие, ответив Лабриоле, что «таким образом, наконец и в Италии родилась политическая партия рабочего класса»¹⁹. По мнению П. Тольятти, социалистическая партия сразу после своего рождения стала одним из протагонистов истории Италии и оставалась им до Первой мировой войны, хотя у нее не было четкой линии, все же начиная с 1892 г. историю Италии нельзя представить без этого ее компонента²⁰.

Итальянская партия возникла в тот же период, когда и другие европейские социал-демократические партии: германская (1869), датская (1878), французская (1881), бельгийская (1885), норвежская (1887), австрийская (1888), шведская (1889), голландская (1894), английская Независимая рабочая партия (1893)²¹. Эти сдвиги в политической жизни Европы, несомненно, отражались на рабочем движении Италии. Интернациональный характер мирового рабочего движения приводил к тому, что в итальянском движении или непосредственно, или опосредованно (через личные контакты, публикации в национальной прессе) участвовали многие иностранные революционеры. Михельс, говоря об этом влиянии, привел следующие имена: Бакунин, Энгельс, Малон, Кулишова, Каутский, Сорель²² (к ним следовало бы добавить Плеханова и сыгравшую впоследствии видную роль в ИСП Балабанову).

Место и дата проведения первого съезда итальянских социалистов были избраны не случайно. В это время как раз праздновали 400-летие открытия Америки генуэзцем Колумбом, по этому случаю предоставлялись скидки на железнодорожные билеты, что позволило делегатам без труда добраться до Генуи. Хотя открытие съезда было намечено на 9 утра, уже за час до этого толпа делегатов (прибывшие накануне вечером и подходившие прямо с ночных поездов) собралась у входа в зал Сивори.

Сопутствовавшая открытию обстановка красочно представлена в отчете, опубликованном неделю спустя в газете «Лотта ди классе» (Классовая борьба) – «центральном социалистическом органе Партии итальянских трудящихся»: «Ясное летнее утро, наполняющее солнечным светом Римскую улицу, казалось, удваивает жизненную энергию обменивающихся громкими приветст-

виями и последними новостями давних друзей и товарищей, прибывших из всех частей Италии, ветеранов социализма и рабочих организаций, старых членов Интернационала, смешавшихся с новобранцами партии, студентами, решительного и интеллигентного вида рабочими, загорелыми представителями новых обществ батраков, рожденных в последние годы в Центральной Италии. <...> Миланцы, реджанцы, кремонцы, палермцы – представители восьми тысяч трудящихся, объединенных в организацию, удивительным образом укрепившуюся в Палермо в последние месяцы, выслушивали одобрительные высказывания в свой адрес. Среди них можно было заметить Маффи, Прамполини, Аньини, Биссолати и Куаини из Кремоны, Бальдуччи из Форли, братьев Мазини и Беттино Пилли из Серравеццы, Даниели из Флоренции и многих других известных людей. Позднее прибыл Коста. Там и сям небольшие группы анархистов, которых можно узнать по их красным рубашкам и манере одеваться»²³.

На съезде были представлены все главные направления тогдашнего итальянского рабочего движения: социалисты, анархисты, операисты, революционеры, мадзинисты. В Геную приехали около 400 делегатов, посланцев 324 организаций. Они представляли Рабочий социалистический кружок, Общество земледельцев, Рабочее общество, Ассоциацию революционных социалистов, Демократическую лигу, объединение железнодорожников, кооператив сапожников, организацию Сестры труда и т.п. Анархисты попытались утвердить свою гегемонию в партии, отстранив от руководства Миланскую социалистическую лигу во главе с Турати и Прамполини. Они выступали против «легальных методов борьбы, парламента и государства». Но их влияние было уже невелико, в итоге делегаты-анархисты оказались в меньшинстве. Часть операистов во главе с Казати не хотела ничего уступать социалистам буржуазного происхождения, среди которых особенно заметной была миланская группа²⁴.

Радикальные позиции операизма накануне съезда отстаивал бывший рабочий А. Маффи, опубликовавший в «Лотта ди класе» 31 июля 1892 г., за две недели до Генуэзского съезда, свой вариант программы будущей партии. Лабриола, резко его раскритиковавший, заявил, что программе Маффи свойствен «третьесортный тред-юнионизм», «малокровный анархизм» и «золотушный прудонизм»²⁵. Хотя в основу были положены программные установки Рабочей партии, Маффи, стремясь сгладить острые углы и придать документу больший буржуазно-демократический оттенок, выхолостил их содержание, сделал шаг назад²⁶.

Турати по настоянию Лабриолы поспешил исправить положение, изложив взгляды сторонников в передовой статье номера «Критика социале», вышедшего накануне Генуэзского съезда. Сознавая, что рабочее движение в Италии переживает «особенно деликатный момент» своей истории, когда от принятого направления будет зависеть, как оно станет развиваться, быстро и энергично или нет, Турати четко выразил свое мнение относительно сущности партии: «Или рабочая партия станет в Италии социалистической, или ее не будет»²⁷.

Выступая на съезде от имени Миланской социалистической лиги, Турати подчеркнул, что рабочее движение нуждается в организации, сравнимой с подобными организациями в других странах. Турати и Прамполини резко отмежевались от анархистов: «Мы отходим от вас, ваша свобода – это насилие, направленное против нас», – заявил Турати. Следует напомнить, что Турати был участником Брюссельского конгресса II Интернационала 1891 г., тогда социалисты тоже отмежевались от анархистов²⁸. За Турати и миланцами пошло большинство.

Видя, что обстановка складывается не в их пользу, анархисты добились перенесения дальнейшей работы съезда на более поздний срок. Встал вопрос о том, кто возглавит рабочее движение. Было ясно, что представлять его станет тот, кто победит на съезде. Две трети делегатов съезда, одобрявших программные требования Миланской социалистической лиги (среди них – требование борьбы на выборах как «одного из средств завоевания власти»), собрались отдельно в зале Общества итальянских карабинеров на улице Мира. Это собрание принято считать учредительным съездом социалистической партии, на котором одержала победу линия Прамполини–Турати. Первоначально она оставила за собой название Партия итальянских трудящихся (это был ее уже второй, после 1891 г., съезд). Отмежевавшиеся от социалистов анархисты и часть операистов (всего 80 человек) создали партию под тем же названием. Но из-за начавшихся раздоров она была вскоре распущена²⁹.

Прибывший в Геную с опозданием А. Коста, узнав о происшедшем, решил не примыкать ни к той, ни к другой группе и покинул город. Впоследствии Коста стал кандидатом от ИСП на выборах в ноябре 1892 г. в своем округе в Имоле, хотя на этот раз он и не прошел в парламент. К партии присоединился А. Маффи, войдя в Центральный комитет. Вне партии предпочли остаться анархисты Ковелли, Кафьеро, Чиприани и Малатеста.

Принятая итальянскими социалистами программа во многом повторяла положения документов, одобренных на Эрфуртском

съезде германских социал-демократов в 1891 г.³⁰ (именно тогда программа СДПГ стала опираться на марксизм³¹), в частности в том, что касалось обобществления средств производства. Одновременно в ней использовались идеи предшествующей программы Рабочей партии³², переработанные Турати для Миланской социалистической лиги.

Определенное влияние на содержание партийной программы оказал Антонио Лабриола. Хотя он не присутствовал на съезде и до этого резко полемизировал с Турати, в переписке с ним он высказывал идеи, к которым тот внимательно прислушивался. Однако в письме Энгельсу Лабриола назвал основание партии «*типично итальянской стряпней* с ее обычными комедиями и фарсами, сыгранными с немалой долей недобросовестности». Но Лабриола не мог не признать, как справедливо подчеркивает З. Чуффоветти, что Турати заимствовал ряд его идей и программа была явно марксистской, хотя не содержала точного анализа итальянской ситуации и не шла дальше декларации социалистических принципов³³. Констатация Лабриолы, что на Генуэзском съезде 1892 г. превалировали интеллектуалы, верна, замечает в свою очередь Дж. Галли. Лабриола считал, что «единственным состоящим мужчиной среди группы из Милана, занимавшейся созданием партии, была женщина» по имени Анна Кулишова³⁴.

Неверно утверждать, как это нередко делалось в советской и отчасти итальянской историографии, что у истоков социалистической партии стояли лишь «теоретик» А. Лабриола и «практик» Ф. Турати с его миланской группой. В широкое русло социалистической реки влилось множество малых рек и ручьев – организаций, издавна существовавших в стране, которые имели своих признанных лидеров. Заметный импульс движению дали лиги рабочих, батраков, крестьян, созданные в Эмилии и Полезине их руководителями Камилло Прамполини, Грегорио Аньини и Никола Бадалони, а также организации горняков с серных рудников на Сицилии и рыбаков Апулии. Бывший гарибальдиец Освальдо Ньюкки-Виани, секретарь Гуманитарного общества, в 1888 г. организовал по образцу существовавших во Франции первые Палаты труда, которые стали союзниками ИСП и ее электоральной опорой. Организации рабочих, влившиеся в партию, впоследствии учредили особое представительство своих интересов, все-итальянское профсоюзное объединение – Всеобщую конфедерацию труда. Палаты труда вели свое происхождение от Обществ взаимопомощи и частично от Рабочих братств, созданных еще мадзинистами. После 1870 г., когда на смену ремесленничеству

приходили крупные промышленные предприятия, эти организации объединились в Лигу сопротивления, чтобы потом влиться в Палаты труда и Всеобщую конфедерацию труда³⁵. Лидеры этих организаций рабочего движения вместе с интеллектуалами приняли устраивающую всех программу и устав партии.

В отличие от прежних установок в программе, принятой в Генуе, большее значение придавалось отстаиванию прав личности и указывались два ясных направления борьбы рабочего движения. Это, во-первых, борьба за улучшение условий труда в целях «завоевания политической почвы». Во-вторых, трудящимся надлежало добиться вхождения социалистов во властные структуры и превратить их тем самым из «орудия подавления и эксплуатации» в «орудия для экономической и политической экспроприации господствующего класса»³⁶. Главное состояло в том, чтобы не ждать результатов экономической эволюции, а завоевав власть, изменить положение в сфере собственности на средства производства. Впоследствии, однако, Турати и его группа призывали к более взвешенным подходам, возлагая больше надежд на мирный путь реформ, а не на революционные потрясения, сторонников которых в партии на первом этапе, как и на протяжении всей ее истории, было достаточно.

Программа и устав партии, принятые на I съезде, были краткими и конкретными. Их основные положения долгое время не менялись, вплоть до съезда ИСП в Болонье 1919 г., когда резкие перемены в стране и мире заставили признать их устаревшими и провести переоценку проблем государства и завоевания власти³⁷.

Исходя из того, что данные документы имеют немаловажное значение, привожу здесь полностью программу и устав в моем переводе.

ПРОГРАММА

Учитывая,

что при существующем ныне общественном строе люди вынуждены жить разделенными на два класса, с одной стороны, эксплуатируемые трудящиеся, с другой – присвоившие себе монопольное право пользования общественными богатствами капиталисты;

что наемные работники обоего пола, имеющие различные условия жизни и различный статус, по причине своей экономической зависимости составляют пролетариат, обреченный на нужду, подчиненное положение и эксплуатацию;

что все люди, участвующие по мере сил в создании и сохранении общественных благ, обладают одинаковым правом пользо-

ваться этими благами, первое из которых – социальная безопасность их существования;

Признавая,

что нынешние социально-экономические институты, защищаемые существующей политической системой, олицетворяют собой господство над трудящимся классом тех, кто монополизировал общественные и природные богатства;

что трудящиеся не смогут добиться своего освобождения иначе, как путем обобществления средств труда (земель, рудников, заводов, транспортных средств и т.д.) и общественного управления производством;

Считая,

что эта конечная цель может быть достигнута лишь в результате действий пролетариата, организованного в *классовую партию*, независимую от других партий, причем эти действия должны вестись в двух направлениях:

1) *борьба трудящихся каждой профессии* за немедленное улучшение условий своей жизни (заработная плата, продолжительность рабочего дня, регулирование условий труда на заводах и т.д.) под руководством Палат труда и других ассоциаций ремесел и профессий;

2) *борьба в более широком понимании, направленная на завоевание органов власти* (государство, коммуны, общественная администрация и т.д.) с тем, чтобы превратить их из теперешних орудий угнетения и эксплуатации в орудия экономической и политической экспроприации правящего класса;

итальянские трудящиеся, ставящие своей целью освобождение собственного класса, постановляют

организоваться в *партию*, основанную на указанных выше принципах и опирающуюся на следующий ниже

УСТАВ. КОНСТИТУЦИЯ ПАРТИИ

Статья 1. Все федерации, объединения, представительства обществ и независимые общества, которые признают указанную выше программу, объединяются в *Партию итальянских трудящихся* с целью защиты работающих по найму в борьбе за их освобождение, способствуя развитию у них осознания собственных прав и организуя их предпочтительно по профессиональному признаку в центры там, где условия труда позволяют это сделать.

Статья 2. Все организованные рабочие ассоциации города и деревни, стремящиеся к социально-экономическим улучшениям в сфере взаимопомощи в случае болезни, безработицы, старости,

инвалидности, кооперации без цели капиталистической спекуляции, необходимости защиты труда путем сопротивления и т.д., и т.п., которые хотят стать частью *партии*, должны состоять *исключительно из трудящихся обоего пола, города и деревни, работающих по найму, зависящих от хозяев, предпринимателей, коммерсантов и любых администраторов.* (Центральный. — В.Л.) Комитет должен позаботиться о вхождении независимых трудящихся в соответствии со специализацией и профессией в Общества, представляющие и защищающие их особые интересы.

Кроме них могут быть приняты рабочие или сельскохозяйственные ассоциации, в зависимости от существующих на местах условий управляемые и руководимые не трудящимися, которые по мнению Центрального комитета *Партии* (окончательно решение этого вопроса поручается следующему съезду) стремятся сохранить характер ассоциации, действующей в интересах трудящихся.

Статья 3. Вхождение обществ в *Партию* влечет за собой обязательство соблюдать взаимное согласие во всем том, что касается осуществления совместной программы, методы которого будут определены на съездах.

Автономия отдельных обществ или федераций сохраняется во всем том, что не противоречит интересам общей организации.

Статья 4. Центральный комитет организует разрозненные общества в местные федерации *Партии трудящихся* в тех регионах, где нет объединения обществ в федерации или представительства, не лишая их административной автономии.

Кроме того, применимы любые методы для того, чтобы общества представителей различных профессий, без нарушения их общей структуры, разделились на различные профессиональные секции.

Статья 5. Вхождение в *Партию итальянских трудящихся* не затрагивает административной автономии вошедших в нее обществ и не влечет за собой никаких перемен их собственных названий.

Несмотря на это, Центральный комитет будет вести пропаганду с целью, чтобы вновь образующиеся общества вдохновлялись при своем создании принципами и формулировками программы *Партии* и чтобы уже существующие общества отказались от устаревших привычек присвоения почетных званий и назначений пожизненных руководителей.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИИ И ЕЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

Статья 6. Коллективная деятельность партии осуществляется посредством проведения всеобщего съезда, региональных съездов и деятельности Центрального комитета.

Региональные съезды могут созываться всякий раз, когда федерации или объединения отдельных регионов сочтут это подходящим, но их решения обязательны лишь для региона, который они представляют.

Всеобщий съезд созывается всякий раз, когда Центральный комитет сочтет это необходимым, или когда региональные съезды постановят, что выдвинутые предложения и вопросы, за которые проголосовало большинство входящих в партию ассоциаций, являются столь неотложными, что требуют его созыва.

Центральному комитету принадлежит функция исполнения резолюций всеобщих съездов.

Статья 7. Места проведения всеобщих съездов должны каждый раз меняться и определяться на самих съездах.

Центральный комитет работает от одного съезда до другого и располагается в городе, который раз от раза также определяется съездом. Он состоит из семи человек, между которыми после их назначения распределяются отдельные функции.

Статья 8. Съезд состоит из представителей федераций и обществ, входящих в *Партию итальянских трудящихся* на основе статьи 1-й Устава. В нем могут принимать участие также не присоединенные ассоциации, которые постоянно подтверждают, что признают программу партии.

Статья 9. Каждое общество не может иметь на съезде более двух представителей и более, чем один голос. Один представитель не может голосовать более, чем от одного общества. Право голоса закреплено только за присоединенными обществами или заявившими на съезде о своем намерении присоединиться.

Статья 10. Центральный комитет представляет *Партию итальянских трудящихся*, следит за работой, руководит организацией и пропагандой в соответствии с программой партии и несет ответственность за свои действия перед всеми секциями.

Центральный комитет может быть представлен также на региональных конгрессах.

Статья 11. Комитет обязан предоставлять всеобщему съезду полный морально-финансовый отчет как о своей деятельности руководстве, так и общей деятельности *партии*.

Он должен также представлять съезду все выдвинутые им по собственной инициативе, а также входящими в партию обществами предложения, которые он сочтет своевременными для лучшего развития *партии*.

Статья 12. Во всем, что касается деятельности *партии* и осуществления решений съездов, комитеты федераций, представительства и т.д., а также советы обществ поддерживают активную связь с Центральным комитетом, а он – с ними.

Генуя, август 1892 г.³⁸

Принятые на первом, учредительном съезде программа и устав свидетельствуют, что партия создавалась на строго классовый основе. Была обозначена конечная цель: преобразование существующего общества в социалистическое, намечены средства ее достижения. Что касается организационной структуры и членства, то в то время как СДПГ, на которую тогда ориентировались партии II Интернационала, была централизованной и с индивидуальным членством, партия итальянских социалистов провозгласила себя партией с коллективным членством, лейбористского типа. В нее вошли около двухсот организаций трудящихся из разных городов и селений, среди них рабочие ассоциации, пропагандистские кружки, кассы взаимопомощи и т.п. Индивидуальное членство допускалось лишь в исключительных случаях. По существу это была прежняя корпоративная структура Рабочей партии, в которую индивидуально позволялось вступать лишь отдельным известным интеллектуалам.

В программе содержались три главных констатации: признание классового антагонизма между капиталистами и пролетариями, необходимость обобществления всех средств производства и совместного пользования ими, необходимость создания классовой партии, добивающейся экономических улучшений путем борьбы в сфере политики. Моделью для ИСП послужила германская социал-демократия, ее партия считалась «революционной по целям, легально действующей по средствам». Порвав с теми, кто предпочитал путь восстаний, итальянские социалисты все же сохраняли революционный дух. При одновременном стремлении к легальным методам борьбы это создавало некую двойственность. В партии взаимодействовали те самые «две души» – реформистская и революционная, – которым предстояло долгое время определять ее сущность. Решение быть представленными в парламенте социалисты приняли одновременно с решением о создании партии. Прецеденты уже имелись. Кроме деятельности в первом после объединения страны парламенте Дж. Гарибальди,

которого многие, хотя с оговорками, считают социалистом, можно вспомнить пример А. Косты³⁹.

ИСП стала первой, построенной на основе современных критериев политической партией в стране. Она обладала сетью массовых организаций на местах, осуществлявших необходимую электоральную мобилизацию и руководимых из единого центра авторитетными лидерами, имела общенациональные и местные органы печати, которые вели пропаганду социалистических идей. Кроме этого, она была связана с параллельными объединениями, поддерживающими политику партии. Вслед за ней мало-помалу и другие итальянские политические силы начали создавать свои организации, действовавшие по аналогичным образцам.

Входившие в парламентскую группу ИСП депутаты-социалисты были автономны и формально не подчинялись руководству, как и примыкавшие к партии профсоюзы, кооперативы и т.д., для которых предусматривалось коллективное членство. Другими словами, это была не «партия-вождь», а «партия-инструмент»⁴⁰.

По поводу не раз поднимавшегося в историографии вопроса о противопоставлении позиций Ф. Турати и Антонио Лабриолы – практических действий по созданию партии первого из них и сознательного невмешательства второго – З. Чуффоветти писал, что принятию партией программных социалистических принципов сопутствовала неспособность дать точный анализ итальянской ситуации, и этот разрыв не удалось преодолеть не только Турати и другим руководителям ИСП, но и самому Лабриоле. Поэтому верна констатация Грамши, сделанная в 1923 г., что на протяжении тридцати лет существования партии никто из социалистов не сумел написать труд, в котором исследовалось бы социально-экономическое положение Италии. Первый итальянский марксист Антонио Лабриола, по мнению Чуффоветти, отдал немало сил тому, чтобы преодолеть отставание итальянского социалистического движения и вывести его на уровень наиболее передового европейского движения (каковым был II Интернационал). Но он до конца не осознавал реалии итальянской и мировой экономической ситуации эпохи империализма и, как и Турати, полагал, что для построения социализма требуются условия передового капиталистического развития. Лабриола понимал, насколько опасен разрыв между революционно настроенными массами и руководством партии, лидерами социалистов⁴¹.

Далеко не все острейшие проблемы итальянской жизни подвергались анализу в теоретических разработках социалистов в 1890-е годы. Так, насущная проблема с каждым годом увеличивавшейся эмиграции и положение эмигрантов-рабочих за рубе-

жами Италии, а их насчитывались сотни тысяч, не стала предметом первоочередного обсуждения. Тогда как общественное мнение нередко резко протестовало против бесчеловечного отношения к итальянцам в странах их вынужденной эмиграции. Так, когда во Франции, близ Марселя, в августе 1893 г. произошли столкновения между французами и итальянцами, рабочими соляных копий, закончившиеся жертвами с обеих сторон, в Риме состоялись мощные антифранцузские демонстрации под лозунгами: «Долой убийц наших братьев! Да здравствует Германия, да здравствует Тройственный союз!». Разбушевавшаяся толпа разбила стекла в Палаццо Фарнезе, где размещалось французское посольство, а Ватикан, союзника Франции и противника объединенного Итальянского королевства, все эти дни усиленно охраняли итальянские войска⁴². Социалисты никак на это не отреагировали, как и на сообщения газет, что в Бразилии местное население издевается над итальянскими рабочими, совершаются убийства. В результате итальянское правительство запретило в 1896 г. эмиграцию в эту страну и, чтобы нормализовать итало-бразильские отношения, стало искать посредничества президента США⁴³. Социалисты по существу игнорировали эти важные проблемы, не высказывая своей точки зрения.

Первый период деятельности социалистической партии пришелся на особенно трудный, кризисный этап истории Италии последнего десятилетия XIX в. По словам Г. Арфе, он характеризовался «противоречивыми поползновениями, бесконтрольной реакцией, полной интриг атмосферой, коррупцией и прежде всего – страхом». А «жестокие репрессии против движения сицилийских фаши (союзы трудящихся на Сицилии. – *В.Л.*), скандалы вокруг Римского банка, поражение при Адуа, пушечная канонада Бава Бекариса являются эпизодами своеобразной преступности, характерной для всей итальянской общественной жизни»⁴⁴. (Далее об этих эпизодах рассказано подробно.) Складывавшаяся в первые два года существования ИСП ситуация в стране благоприятствовала укреплению партии. Не последнюю роль сыграло то, что именно в эти годы у власти оказался сторонник гибких подходов в вопросах внутренней политики – Джованни Джолитти.

Политическая ситуация в Италии в 90-е годы XIX в. отличалась невероятной противоречивостью. Премьер-министрами в эти годы были Франческо Криспи (1887–1891), Антонио Старабба Ди Рудини (1891–1892), Джованни Джолитти (1892–1893), снова Криспи (1893–1896), снова Ди Рудини (1896–1899), генерал Луиджи Пеллу (1899–1900). Кроме Джолитти, все они придержи-

вались реакционного курса по отношению к набиравшему силу рабочему и социалистическому движению. В январе 1891 г. был вынужден в очередной раз уйти в отставку кабинет Криспи, сторонника жестких мер во внутренней и агрессивного курса во внешней политике. Его длительное доминирование на политической сцене Италии в последние десятилетия XIX в. некоторые историки называют «эрой Криспи»⁴⁵. Сменивший его в 1891 г. Ди Рудини, представитель Правой, пользовался поддержкой умеренных из рядов Левой. Законом от 5 мая 1891 г. было отменено постановление правительства Депретиса от мая 1882 г. о голосовании на выборах по спискам (по этому принципу избирали парламент в 1882, 1886 и 1890 гг.), и таким образом избирательную систему «вернули» к принципу одномандатных округов. Но надежды на то, что это будет способствовать более честным выборам, а махинаций и подкупа станет меньше, произойдет отказ от трансформизма, отбор кандидатов и партий станет ясным и понятным, не оправдались. Новая система была ничуть не лучше прежней, это показали первые проведенные на ее основе в 1892 г. выборы. Такие известные деятели левых, как Кавалотти и Имбриани, бывшие и ранее депутатами, прошли в парламент в своих избирательных округах лишь со второго раза, когда итоги первого голосования оказались аннулированы из-за выявившихся случаев коррупции⁴⁶.

Во внешней политике Ди Рудини, хотя и отказался от свойственных Криспи колониальных авантур, все же поспешил досрочно, 6 мая 1891 г., перезаключить Тройственный союз с Германией и Австро-Венгрией⁴⁷, в который Италия вступила в 1882 г. и который определял ее позицию на европейской и международной арене на протяжении последующих лет. Согласно договору Италия в случае не спровоцированного нападения Франции получала поддержку со стороны Германии и Австро-Венгрии и, в свою очередь, обязывалась поддержать Германию в случае нападения на нее Франции. Служивший главной помехой в австро-итальянских отношениях ирредентизм (движение за присоединение населенных итальянцами земель к Италии) был временно «приглушен» договором Тройственного союза. Прогерманскую, а затем одновременно антифранцузскую и антироссийскую линию во внешней политике ранее проводил Криспи, ориентировавшийся во многом на германского «железного канцлера» Отто фон Бисмарка⁴⁸.

Намерения Ди Рудини осуществить некоторые внутренние реформы, в частности в сфере финансов, натолкнулись на сопротивление парламента, и в апреле 1892 г. он ушел в отставку,

уступив место малоизвестному тогда Джолитти, успевшему, однако, побывать министром казначейства во втором кабинете Криспи. Как подчеркивал российский посол Влангали, именно Джолитти оказался виновником отставки Ди Рудини, так как «раскритиковал недостаточность экономических мер для поправления финансового положения страны и вызвал выражение недоверия Палаты к предшествовавшему кабинету»⁴⁹.

Об иных, чем у большинства правивших политиков, взглядах Джолитти в отношении социалистического движения свидетельствует тот факт, что в парламентской дискуссии вокруг событий 1 мая 1891 г. он осудил тех, «кто не отличал анархистов от социалистов». Он признал за последними право участвовать в политической жизни, а за пролетариями – объединяться в организации «для защиты своих экономических интересов». Никто не должен ограничивать права создавать ассоциации, подчеркнул в одной из парламентских речей Джолитти, «только свобода позволяет установить настоящий порядок и только в условиях свободы можно решить экономические, социальные и политические проблемы, стоящие перед современным обществом»⁵⁰.

Представивший парламенту свое первое правительство в мае 1892 г. Джолитти был относительно новым человеком на политической сцене, происходившим из пьемонтской бюрократии, и потому не очень дружелюбно был воспринят старыми римскими политиками. В отличие от них, он не прибегал к пустопорожней риторике, а приводил в своих речах конкретные цифры, за что недоброжелатели называли его «великим бухгалтером»⁵¹. Против его назначения высказывались как правые, так и левые парламентарии (в число недругов входили Соннино, Бонги, Имбриани, Кавалотти и др.), Криспи прямо заявил королю, что у Джолитти нет опыта и потому он не годится на пост главы кабинета. Привыкшие жестко подавлять любые проявления недовольства низов, не церемониться с анархистами и социалистами, правые не прощали Джолитти гибкие подходы и шаги навстречу социалистическому, а затем и католическому рабочему движению.

Несмотря на неприятие со стороны политического истеблишмента – первое правительство Джолитти получило в парламенте лишь на девять голосов больше предусмотренного минимума, – «человеку из Дронеро» (название представляемого им пьемонтского округа) была суждена долгая жизнь в политике. Именно в годы его правления, названные впоследствии «эрой Джолитти», продолжавшиеся с перерывами с 1901 по 1914 г., социалисты добились легитимации в политической системе и признания в качестве одной из ее составляющих.

Когда при поддержке короля, пьемонтской аристократии и буржуазии Джолитти стал премьер-министром (в отличие от престарелых предшественников, ему было «всего» пятьдесят лет), экономическая конъюнктура для его правительства складывалась благоприятно⁵². Однако уже 25 ноября 1893 г. первый кабинет Джолитти был вынужден уйти в отставку в результате коррупционного скандала с Римским банком. Это был один из привилегированных банков, согласно постановлению правительства обладавший правом эмитировать денежную массу. Но вскрылась масса злоупотреблений. В скандал оказался вовлечен сам Джолитти и многие ведущие политики⁵³. Он приостановил начатую реформу банковской системы, когда получил первые данные от парламентской комиссии по расследованию деятельности Римского банка, так называемой комиссии семи – по числу входивших в нее парламентариев. Выяснилось, что банк, имея отрицательный баланс, пустил в обращение 70 млн никем не утвержденных ассигнаций, еще 40 млн ждали своей очереди. В результате руководители банка Танлонго и Лаццарони были арестованы⁵⁴. Окончательный доклад комиссии семи парламенту вызвал бурю возмущения, которая и смела кабинет Джолитти, обвиненного представителями Крайне левой в «покровительстве преступникам»⁵⁵. После того как Дзанарделли отказался составить кабинет, король поручил Криспи сформировать новое правительство.

По мнению российского посла в Риме, кабинет Джолитти «оставил по себе грустную репутацию. Обещав сначала много, он ничего не сделал, лишь только возобновил Палату новыми выборами, произведенными самым неправильным и подкупным образом и наполнил Сенат новыми лицами, из коих некоторые заклеимлены были злоупотреблениями и мошенничествами в “Banca Romana”». Для улучшения финансового положения страны ничего более г-н Джолитти не мог придумать, как новые налоги, против которых он сам восставал, когда был в оппозиции; сбережений же проектированных также не было сделано никаких»⁵⁶. Как резюмировал Б. Кроче, два правительства под руководством Ди Рудини и Джолитти в начале 90-х годов «стали своего рода интермеццо перед новым появлением Криспи и вынуждены были заниматься почти исключительно финансовыми и экономическими проблемами»⁵⁷.

Находясь в 1892–1893 гг. у власти, Джолитти позволял создавать в стране многочисленные организации трудящихся: лиги сопротивления хозяевам, кружки социалистической направленности, Палаты труда, и не препятствовал тому, чтобы эти орга-

низации вливались в социалистическую партию. Идеи Джолитти относительно рабочего и социалистического движения можно обобщить так. Стремление к социализму – феномен всех современных обществ и особенно самых развитых, поэтому его нельзя исключить из жизни либерального государства. Сотрудничество с социалистами следует поддерживать как систему, нацеленную на обеспечение «трудящимся полного результата их труда»⁵⁸, как инструмент устранения или смягчения классовой борьбы⁵⁹. При этом трудящиеся могут свободно пользоваться правом на забастовку ради улучшения своих экономических условий⁶⁰.

Характерно, что еще во время кризиса с Римским банком социалисты были единственной фракцией, воздержавшейся от голосования при назначении комиссии семи, и тем самым косвенно поддерживали Джолитти, на которого парламентарии других направлений уже заранее собирались взвалить все обвинения. Социалисты К. Прамполини, А. Маффи, А. Беренини и П. Казилли попросту покинули зал заседания⁶¹.

С падением кабинета Джолитти и возвращением к власти Криспи произошли радикальные перемены даже в том, что касалось политической лексики, писал Дж. Пертиконе⁶². Отставка правительства Джолитти в 1893 г., отмечал, в свою очередь, Г. Манакорда, была следствием не только борьбы в парламенте, но глубокого кризиса, грозные симптомы которого теперь стали очевидными: крах банковской системы, дефицит государственного бюджета, безработица и социальные волнения. Последовавшая семилетняя депрессия была вызвана среди прочего международной конъюнктурой – снижением мировых цен на продукцию и кризисом европейской промышленности, к ним добавлялись внутренние неурядицы. Кризис охватил всю социально-экономическую и политическую систему⁶³.

8–9 сентября 1893 г. в Реджо-Эмилии прошел II съезд Партии итальянских трудящихся, которая расширила свое название, став Социалистической партией итальянских трудящихся (по первым буквам итальянского сокращения ПСЛИ). Прибавление к названию определения «социалистическая» означало, что партия официально примкнула к международному социалистическому движению. Уточненное название показывало, что она намерена стать организацией не только рабочего класса, но партией всех трудящихся, объединившихся для достижения конкретных целей. Незадолго до съезда, 6 августа 1893 г., Турати и Кулишова представляли партию на конгрессе II Интернационала в Цюрихе, где произошло окончательное размежевание международного социа-

листического движения с анархистами. Доклад в Цюрихе сделал Август Бебель, Турати был избран в президиум конгресса⁶⁴.

На съезд прибыли социалисты двух поколений. Старшее представляли Музини, Де Франчески, Монтичелли, Коста, которые уже «не имели почти никакого политического веса». К следующему поколению принадлежали молодые лидеры, создатели новой партии, представленные почти в полном составе: Турати, Прамполини, Ладзари, Биссолати, Бальдуччи, Боско, подкрепленные свежими силами в лице Тревеса и Серрати, Марабини и Грациадеи, Канепа и Сольди⁶⁵.

На съезде развернулась острая дискуссия по поводу тактической программы. Было решено принимать участие в выборах и образовывать социалистическую парламентскую группу, деятельность которой должна соответствовать партийной программе. После выборов в ноябре 1892 г. в парламенте уже были пять депутатов-социалистов (Аньини, Бадалони, Беренини, Ферри, Прамполини), совместно набравших 27 тыс. голосов⁶⁶. Впредь на всех административных и парламентских выборах партии надлежало выступать самостоятельно. Мнения руководителей партии и прежде всего Турати совпадали с пожеланиями Энгельса, направленными на то, чтобы партия выступала заодно с другими итальянскими левыми – радикалами и республиканцами – как своими естественными, настроенными антимонархистски союзниками, сохраняя независимость и самостоятельность. В это же время зарождалось и рабочее движение социально-католической направленности, которое противопоставлялось влиянию социалистов⁶⁷. В середине 90-х годов к партии примкнули интеллектуалы, пользовавшиеся широкой известностью – Чезаре Ломброзо, Энрико Ферри, Эдмондо Де Амичис и многие др. Почти во всех итальянских университетах возникали группы студентов-социалистов.

«Социальный вопрос» в 90-е годы XIX в. выдвинулся на первый план. Он тесно переплетался с нерешенным «аграрным вопросом». После того как в 1884–1885 гг. наибольшего накала достигли крестьянские волнения в провинции Мантуя⁶⁸, последующий взрыв произошел в наиболее отсталой Сицилии, где буржуазная революция была не завершена, а социальные контрасты носили наиболее острый характер. О реакционности правящего класса говорит тот факт, что именно на Сицилии аграрии собрались на специальный конгресс, чтобы заявить решительный протест против «дьявольской выдумки»: закона об обязательном начальном образовании. На острове сохранялись полуфеодалные формы земельной собственности, владельцы латифундий сдавали землю крупным арендаторам, а те на грабительских услови-

ях – крестьянам. Эксплуатация в аграрном секторе и на серных копях, где использовался даже детский труд, была жесточайшей. В начале 90-х годов экономику острова поразил кризис, цены на традиционные местные продукты (вино, сера) резко упали. К стихийно возникшему движению виноградарей и рабочих серных копей стали присоединяться горожане.

Летом 1893 г. начались «голодные бунты», захват земли крестьянами, разгром зданий муниципалитетов. Восставшие требовали отмены коммунальных налогов и снижения цен на хлеб. На Сицилии нарастало мощное движение «фаши дей лаворатори» (союзов трудящихся), в котором участвовали около 300 тыс. человек, выдвигавших самые противоречивые требования. Власти квалифицировали их как социалистов. Действительно, среди их лидеров были те, кто объявлял себя социалистами и марксистами: Дж. Де Феличе Джуффрида, Р. Гарибальди Боско, Н. Барбато. Требования сицилийских фаши были экономическими и социальными, но отнюдь не антиконституционными и антигосударственными, их взгляды причудливо сочетали элементы социализма и христианства. Правящие круги полагали, что за этим движением стоит социалистическая партия, которая оказывает «мощное влияние на любые самые стихийные и импульсивные революционные выступления в стране»⁶⁹. Восстание обрело общенациональное значение.

Реакцию Криспи на сицилийские события можно назвать жесточайшей: королевским декретом от 3 января 1894 г. было объявлено чрезвычайное положение, мобилизован один из призывных возрастов, военным передавались юридические и административные полномочия, генерала Морра ди Лавриано назначили командующим всеми операциями на Сицилии, в которые оказались вовлечены 40 тыс. человек. Волнения усилились, и 3 января произошли кровавые столкновения с войсками. 3–4 января состоялось заседание центрального комитета фаши. 4 января на Сицилии было введено осадное положение. Несмотря на парламентскую неприкосновенность, власти арестовали депутата-социалиста Де Феличе Джуффрида и вместе с ним многих других участников восстания, считавших себя принадлежащими к социалистической партии⁷⁰. По Италии прокатились мощные протесты. Правительство ответило на восстание отчаявшихся сицилийцев жестокими репрессиями, роспуском фаши, судебными процессами и приговорами руководителям движения – Де Феличе, Барбато, Гарибальди Боско и др.

Массовые волнения вызвали разную реакцию в интеллектуальных кругах. «Пролетариат выходит на авансцену», – подчер-

кивал в письме Энгельсу от 14 декабря 1893 г. полный надежд Антонио Лабриола⁷¹. «Новый феномен замаячил на горизонте, – писал обеспокоенный развитием событий на Юге историк консервативных взглядов П. Виллари. – Призрак социализма, которого никто и представить себе не мог в Италии, неожиданно появился на Сицилии»⁷². Отзывавшийся поначалу о движении фаши иронично, Лабриола вскоре изменил свое мнение и в упомянутом письме констатировал: «Это большое движение. Вновь возродились революционный дух, народная инициатива, демократическое сознание в широком смысле слова. (...) Впоследствии, возможно, возникнет настоящее социалистическое сознание и соответствующая партия. Хорошо, что такая партия в зачаточном состоянии уже существует, а потом она станет тем, чем сможет стать»⁷³.

Социалисты так и не смогли пойти дальше проявлений солидарности с жертвами репрессий, ограничившись словесными протестами, хотя попытались выдвинуть от имени восставших конкретные требования. После расправы с фаши правительство Криспи начало преследовать социалистов.

Волнения на Сицилии и резкая реакция на них правящих кругов ускорили формирование партии, заставив социалистов решить две крупные проблемы: какую позицию занять по отношению к спонтанному, массовому восстанию и как в дальнейшем бороться за демократию. Кризис 1894 г. не мог не отразиться на социалистическом движении, определив во многом будущее партии. В оценке сицилийских волнений Лабриола, а также Турати и Кулишова были едины. Их позицию «Критика социале» обнародовала 16 января 1894 г.: «Будет большим несчастьем, – заявил Турати, – если социалистическая партия заикнется на доктринерском критицизме ... станет ждать конца событий, сидя у окошка, и не сумеет вовремя занять место рядом с сегодняшними мятежниками – завтрашними революционерами»⁷⁴.

Впервые ИСП должна была сделать выбор, касающийся ее политического курса, определить не только тактику, но и стратегию рабочего движения⁷⁵. Социалистическая революция не стояла на повестке дня, но демократический прорыв, направленный на установление в стране республики, казался возможным. Отвечая на запрос Кулишовой о линии поведения в этой ситуации, Энгельс наметил для социалистической партии реалистичный курс в политической сфере. Ей следовало оставаться «независимой партией» во всеобщем демократическом движении⁷⁶.

Правительству для легитимации принятых мер не хватало только новых законов, и такие «антианархистские» законы

Криспи в июле 1894 г. провел через парламент⁷⁷. Движение сицилийских фаши было к тому времени подавлено, и острие законов было направлено против социалистов. Сначала социалистам запретили провести намеченный на июль съезд, а 22 октября 1894 г. партия была объявлена распущенной. 24 октября Турати сообщил Энгельсу, что «мерзкие законы, выдвинутые против анархистов... обращены против социалистов... Партия распущена *mapu militari*, все наши общества закрыты, во всех помещениях проведены обыски. <...> В полицейских управлениях в поте лица трудятся над тем, чтобы ... одних из нас бросить в тюрьмы, а других отправить в административную ссылку»⁷⁸.

На действия Криспи демократические левые ответили сплочением рядов, Ф. Кавалотти и радикалы создали Итальянскую лигу в защиту свободы, в которую вошли и социалисты. Турати написал для нее проект программы. Лига в какой-то мере воссоздала общий фронт левых сил на основе уже существовавшего до 1893 г. заключенного по инициативе Ф. Кавалотти в 1890 г. «Римского пакта», который объединял радикалов, республиканцев и социалистов. В него входили «452 ассоциации, 30 газет, 40 депутатов и 2 сенатора». Пакт распался из-за стремления составлявших его фракций к политической автономии⁷⁹. Теперь Крайняя левая возобновляла единение сил. Кроме подчеркивал, что Криспи воображал, что задушит социализм, а вместо этого так возмутил демократов, что способствовал сплочению их рядов и возникновению сильной оппозиции.

В середине 90-х годов массы действовали все еще спонтанно, и связи между движением низов и партией не были прочными. Это подтвердилось в 1894 г. и в ходе восстания фаши, и в период волнений по поводу дороговизны хлеба. Молодая, не обладавшая необходимыми кадрами социалистическая партия попыталась взять на себя руководство восставшими, но не сумела скоординировать на национальном уровне социальную борьбу с политическими действиями.

По-иному прозвучал ответ социалистов на социально-политический кризис конца века. Тогда они смогли противостоять реакционным устремлениям, остановить тех, кто намеревался разогнать демократические и профсоюзные организации (речь шла о роспуске Палат труда, ограничении свободы печати, преследовании социалистов и демократов и т.д.). Понять реальную ситуацию, в которой действовали социалисты, нельзя, если не учитывать всей сложности едва начавшегося процесса организационного построения партии, когда приходилось сталкиваться с невероятными трудностями⁸⁰.

На III съезде социалистов в Парме, прошедшем 13 января 1895 г., было зафиксировано окончательное название: Итальянская социалистическая партия. Теперь политическое определение заменило определение социальное, или, скорее, оно слилось с ним. ИСП брала на себя политическое представительство интересов мира труда. Решение о смене названия было принято после того, как за прошедшие три года партия значительно укрепила свои позиции в организационном и электоральном плане. Ее идеи достигали теперь самых дальних районов страны, им симпатизировали рабочие и крестьяне, ремесленники и представители самых разных профессий. Ее ряды все чаще пополняли интеллектуалы, молодежь, и что было совсем непривычным для той эпохи – женщины. Приток свежих сил заставил делегатов Пармского съезда изменить порядок приема в партию, отныне в нее можно было вступить индивидуально, внося ежегодно взнос в размере 1,2 лиры, а не так, как ранее – через общественные организации. Одобренная съездом программа-минимум конкретизировала принятые на первом съезде документы, касавшиеся политических, экономических и административных реформ, ее опубликовала «Критика социале»⁸¹.

В отличие от программы 1892 г., в которой ставились стратегические задачи, в программе-минимум доминировали тактические цели. Выдвигалось требование электоральной реформы, предусматривавшей введение «всеобщего голосования на политических и административных выборах», партия выступала за «запрет любых законов, ограничивающих свободу печати, собраний и ассоциаций». Социалисты требовали учредить порядок голосования по важнейшим вопросам путем референдума, ввести «юридическое и политическое равенство двух полов», сократить рабочий день женщин и подростков, запретить применение вооруженных сил в подавлении забастовок, экспроприировать в пользу трудящихся земли, которые не обрабатываются. Кроме того, они предлагали провести налоговую реформу, применив принцип прогрессивного налогообложения, прекратить всякие государственные траты на поддержание жизнедеятельности учреждений религиозных культов, организовать государственную пенсионную систему, призванную поддерживать «стариков, инвалидов, не способных к труду», которая управлялась бы самими трудящимися. В программу был включен традиционный для всех европейских социал-демократов и социалистов пункт о восьмичасовом рабочем дне, установлении порога минимальной заработной платы и праве работников на отдых⁸².

Еще на I съезде социалисты ясно поставили главную задачу – изменить общество. В противовес экстремизму анархистов и опираистов были заявлены цели, которые выдвигали еще лидеры Миланской социалистической лиги. К ним относилось неприятие любого паразитизма – общественными благами должны пользоваться лишь те, кто трудится. Насущные проблемы социалисты намеревались решать не мятежами, а путем легальной политической и профсоюзной борьбы⁸³.

Пармский (III) съезд партии проходил нелегально вследствие принятия парламентом под нажимом правительства Криспи исключительных законов, направленных в первую очередь против социалистов, резко выступивших против реакционной внутренней политики и колониальных авантур в Африке, затеянных правящими кругами. Согласно этим законам, социалистические организации были распущены, и съезд пришлось собирать в подполье.

Несмотря на развернутые против них репрессии, социалисты успешно выступали на выборах. В 1895 г. за них было подано значительно больше голосов, чем ранее, и ИСП провела в парламент 12 депутатов. В 1896 г. на дополнительных выборах в Милане Ф. Турати впервые был избран в парламент. Эти достижения свидетельствовали о том, что партия расширяет свое присутствие в обществе. ИСП получала ощутимую поддержку масс в борьбе за экономические права трудящихся, за демократию и свободу, против авторитарных методов правления и репрессий властей, достигших апогея во время восстания рабочих в Милане 1898 г. К концу XIX в. итальянский «социализм становится полностью реформистским». Социалисты умело использовали парламентские методы борьбы, расширяя свое представительство в законодательном органе власти. Если в 1895 г. за ИСП проголосовали 76 тыс. избирателей, т.е. в три раза больше, чем в 1892 г. (27 тыс.), и она получила 13 мест в парламенте, то в 1897 г. за нее отдали голоса 137 тыс. человек и 15 мест в парламенте, их число после выборов 1900 г. удвоилось, достигнув 32⁸⁴.

На первый взгляд правительственные репрессии против социалистов, казалось бы, должны были затормозить рост числа членов партии. Но обладая энтузиазмом нового игрока на политической сцене, ИСП сумела парировать все удары недоброжелателей, превращая мнимые поражения в реальные победы.

Быстро укреплявшая свои позиции партия имела не только представительство в парламенте, но и сеть экономических и профсоюзных организаций, партийные секции по всей стране. Не хватало лишь общенационального органа печати. В 1896 г.

была основана ежедневная партийная газета «Аванти» (Вперед), название которой перекликалось с названием органа германской социал-демократии, газеты «Форвертс» (Вперед) и повторяло название печатного органа, основанного в 1881 г. А. Костой. Редакцию «Аванти», существовавшей на собранные самими социалистами средства, было решено разместить в Риме.

Первый главный редактор «Аванти» Л. Биссолати возглавлял газету с 1896 по 1903 г. Затем этот пост с 1903 по 1908 г. занимал Э. Ферри, его на короткое время сменяли О. Моргари, затем снова Биссолати. В 1911 г. газетой руководил К. Тревес, в 1912 г. – Б. Муссолини, изгнанный из партии и газеты за агитацию в пользу войны осенью 1914 г. После него главным редактором был избран Дж.М. Серрати, при котором «Аванти», став в первые послевоенные годы поистине всеитальянской газетой, добилась максимального успеха и выходила тиражом 400 тыс. экз. После пережитых ИСП в начале 20-х годов расколов газету, как и партию, возглавил П. Ненни, возобновивший после краха фашизма ее издание в Италии в 1944–1945 гг.⁸⁵

В вышедшем 25 декабря 1896 г. первом номере «Аванти» (ставшим, учитывая эту дату, своеобразным «рождественским подарком») Биссолати бросил вызов премьер-министру Ди Рудини, который, хотя и отказался от агрессивной внешней политики своего предшественника Криспи, во внутренней политике намеревался продолжать его жесткий курс, пообещав, что не даст «пройти» подрывным силам. «*Di qui si passa*» (Проход открыт) гласил заголовок передовой статьи первого номера социалистической газеты. Старым группировкам либеральных правителей не удалось остановить наступление новых сил и загнать их в гетто, подчеркнул Биссолати⁸⁶. Газете, по мысли главного редактора, надлежало стать «мощным и совершенным орудием пропаганды»⁸⁷.

Еще до того как «Аванти» стала общенациональной газетой, Турати и миланские социалисты предприняли, как он писал 17 июля 1892 г. А. Косте, «дерзкую попытку» издания ежедневной газеты «Лотта ди классе»⁸⁸. Попытка увенчалась успехом. Газета продолжала выходить параллельно с «Аванти», пока в июле 1897 г. не слилась с миланской газетой «Батталья»⁸⁹. Именно «Лотта ди классе» провела в 1894–1895 гг. всестороннюю дискуссию по аграрному вопросу на столь высоком уровне, который, как подчеркивает К. Келлер, в дальнейшем уже не был достигнут. Келлер справедливо заостряет внимание на «аграрном», т.е. крестьянском социализме. Это была «типичная форма итальянского социализма», просуществовавшая вплоть до фашистской

диктатуры. Она отличала Италию от индустриальных стран, той же Германии⁹⁰. В аграрной по преимуществу стране социалистическое движение несло на себе отпечаток подобного социализма. Это не могло не отразиться на тактике и стратегии ИСП. Первыми мощными движениями масс в конце XIX в. стали крестьянские волнения в районе Мантуи и на Сицилии, а не забастовки промышленного пролетариата, происходившие позднее, в начале XX в.

Подытоживая в своей книге по истории итальянского социализма деятельность ИСП в 90-е годы XIX в., Дж. Галли добавил новые штрихи к традиционным интерпретациям, обратив внимание на понимание лидерами партии задач «демократической революции и обозначившихся тогда дилемм рабочего движения». Июльские законы Криспи против анархистов (поводом для их принятия послужило убийство 24 июня 1894 г. анархистом С. Казерио французского президента С. Карно) распространялись на всех, кто «входил в общества, стремившиеся изменить общественный порядок в государстве», пишет итальянский историк. Они дополняли уже имевшееся в Уголовном кодексе положение о наказуемости тех, кто своими действиями «побуждает к вражде между социальными классами» (ст. 247). Ясно, что эти нормы были направлены против лидеров партии, заявивших на съезде в Генуе о признании теоретических положений марксизма. Некоторым из них, как Верганьини и Кабрини, удалось скрыться за границей. Полиция распустила Палаты труда (деятельность которых почти всегда финансировалась из бюджета местной администрации), лиги и кассы взаимопомощи. Намеченный на 7–9 сентября 1894 г. в Имоле съезд партии был запрещен. 22 октября партия была распущена. Невзирая на это, делегаты-социалисты собрались на свой съезд 13 января 1895 г. в Парме и, воспользовавшись подходящей возможностью, отделили партийные структуры от организаций экономической направленности – Палат труда, лиг, касс взаимопомощи. Стараясь избежать таким образом преследований, они проголосовали за резолюцию, в которой говорилось, что социалисты, объединившиеся в Итальянскую социалистическую партию для реализации собственной программы, постановляют вести свою политическую деятельность через местные группы на основе вступления индивидуальных членов.

В конце жизни Энгельс в предисловии к работе Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» (1895) (опубликовано «Критика социализма» в 1896 г.) подчеркнул, что как буржуазия не отказывается от своего права на государственный перево-

рот, так и пролетариат не должен отказываться от своего права на революцию. Когда А. Кулишова и Ф. Турати в январе 1894 г. в связи с движением сицилийских фаши запросили Энгельса относительно линии поведения партии «перед лицом скорого революционного движения, которое каждый ощущает в воздухе», тот ответил: «Победа распадающейся мелкой буржуазии и крестьян, может быть, приведет к установлению правительства изменившихся республиканцев. Это обеспечит нам выборы на основе всеобщего голосования и довольно значительную свободу маневра. Или же принесет нам буржуазную республику с теми же деятелями и среди них какими-нибудь мадзинистами. Это привело бы к еще большему и значительному расширению нашей свободы»⁹¹.

Когда «Критика социале» в апреле 1895 г. опубликовала эти комментарии Энгельса, движение сицилийских фаши было уже подавлено. Турати спрашивал, не окажется ли Италия в таких обстоятельствах в состоянии застойного варварства, в котором живут Греция, Турция, Египет, где, в отличие от окружающей их универсальной цивилизации, неизвестно, как долго еще будут сохраняться атаквистические пережитки. Вместе с тем лидер социалистов констатировал, что современные конфликты не поддаются объяснению в рамках марксистской школы, которая устанавливает взаимосвязь между экономическим развитием и ролью социальных классов. Одно это, по мнению Галли, способно прояснить многое в том, что касается «критериев анализа самого зрелого лидера итальянских социалистов» в период его «наиболее решительного обращения к Марксу».

Первое предсказание Энгельса относительно прихода к власти правительства изменившихся республиканцев частично сбылось в период джолиттизма. Монархист Джолитти в конце XIX в. вместе с Дзанарделли создал конституционную левую, затем интегрировал в свое парламентское большинство радикалов. Турати же расширил рамки конституционной левой путем союза с «народными» партиями (радикалами и теми же республиканцами). В итоге в 1900-х годах ИСП сначала «значительно расширила свободу движения», а затем в конце цикла правления Джолитти (1913) добилась принятия закона о всеобщем голосовании. Марксистский метод позволил предсказать подобное развитие. Но уже в 1895–1896 гг., как и впоследствии, выбор между поддержкой движения восставших и соблюдением буржуазной законности стал камнем преткновения, дилеммой, которую трудно было решить⁹².

Обращаясь к тому же периоду, Р. Дзангери отмечал, что в первые годы существования социалистической партии конфликт

между «миллениаристскими импульсами деревни», с одной стороны, и побуждениями «образованных социалистов» – с другой, был налицо⁹³. Что касается сближения позиций социалистов с левыми, «светскими» партиями – республиканцами и радикалами, – то, как писал знаток этих сюжетов Дж. Спадолини, «итальянский радикализм выработал свою позицию по отношению к социализму в 1885–1895 гг.», она была «одновременно позицией сотрудничества и критики с целью совместных действий в парламенте, направленной на соблюдение законности и градуализм», последовательно проводимые реформы⁹⁴.

Депутат-радикал Р. Каламандреи писал, что «необходимо решение дилеммы: или вы, активно действующие социалисты, хотите немедленного осуществления коллективизма, и тогда вы не логичны, или же вы хотите последовательного, градуалистского его осуществления, и тогда вы логичны, но крадете программу у радикалов»⁹⁵. Согласно Спадолини, лидер ИСП Турати полагал, что если социалисты не изберут путь защиты демократических гарантий, то окажутся банкротами. А для такого выбора необходима «тактика союзов» с близкими по духу левыми партиями. Эффективность подобной политики подтвердилась, когда на выборах 1900 г. число депутатов Крайне левой возросло с 67 до 96, а социалисты, напоминает Спадолини, удвоили свое представительство в парламенте⁹⁶. Что касается отношения социалистических лидеров к капитализму, известный специалист по экономической истории Г. Аре подчеркивал, что Турати и его соратники по реформистским подходам (Модильяни, Биссолати, Бономи) возлагали «надежды на объективную эволюцию экономических структур и на *постепенную, но в основе своей последовательную* эволюцию цивилизации и промышленности, способную повернуть производственные отношения в противоположном направлении»⁹⁷.

Мимо итальянских социалистов не прошло такое международное явление, как «ревизия» марксизма, начатая в конце 90-х годов в Германии и Франции. Наиболее ярким представителем «правого» ревизионизма был немецкий социал-демократ Эдуард Бернштейн, опубликовавший в 1896–1897 гг. в теоретическом органе СДПГ, журнале «Нойе цайт» серию статей, которые затем (1899) вышли отдельной книгой под названием «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии». В ней он выражал обоснованные сомнения по поводу высказанных в «Коммунистическом манифесте» и Эрфуртской программе СДПГ постулатов о том, что возникшей в конце XIX в. двухклассовой системе общества соответствует его структура. Средние слои, по его мнению,

не исчезают, они лишь меняют свой характер. Не сбываются предсказания и по поводу якобы постоянного обострения кризисов, связываемых с теорией катастроф, которые должно переживать общество, равно как положение о растущем обнищании рабочего класса. Скорее наблюдаются противоположные тенденции, свидетельствующие о смягчении диких черт капитализма.

Упорная борьба организованных рабочих за право демократического участия в принятии решений, за улучшение своего социального положения принесла, по мнению Бернштейна, свои плоды: реформы не только меняют существующую систему, но одновременно и стабилизируют ее. Отсюда выводы – социал-демократы не должны руководствоваться перспективой великой социальной катастрофы, неизбежного краха капитализма и столь же неизбежной его замены социализмом; им следует отказаться от радикально-революционных догм, чтобы социал-демократия стала тем, «чем она сегодня на деле является: демократическо-социалистической партией реформ». Именно так надо понимать часто неверно цитируемое высказывание Бернштейна: «...для меня движение – все, а то, что обычно называют конечной целью социализма – ничто»⁹⁸. Выводы Бернштейна были основаны на изучении им промышленного развития в Англии, страны передового капитализма, а также на изучении германской статистики.

Споры последователей бернштейнианства, «реформистов» и «ревизионистов», с отстаивавшими «чистоту и неприкосновенность» марксизма «революционерами» велись затем в международном рабочем и социалистическом движении несколько десятилетий. В германской социал-демократии они продолжались вплоть до принятия знаменитой Бад Годесбергской программы 1959 г., когда СДПГ «отказалась от единой мировоззренческой позиции»⁹⁹, и марксизм стали считать лишь одним из многих ее компонентов. Итальянских же социалистов, как и их собратьев из других стран Южной Европы, разделявших идеологические постулаты марксизма и исповедовавших более радикальные взгляды, чем умеренные центрально- и североευропейские социал-демократы, упрекали в том, что они не прошли своего Бад Годесберга.

Считается, что на двух крупнейших ревизионистов конца века, «правого» Бернштейна и «левого» француза Ж. Сореля, повлияли труды итальянского философа Б. Кроче. Это признавали и сами ревизионисты, об этом в свое время писал А. Грамши¹⁰⁰. В Италии идеи Бернштейна резко критиковал Антонио Лабриола. Турати поначалу полемизировал с Бернштейном, в частности по поводу высказанной им мысли, что в либеральном буржуаз-

ном государстве организации пролетариата становятся частью общедемократических институтов. Турати считал, что рабочее движение должно сохранить автономию, а его партия – независимость от других политических сил. Затем мысль Турати эволюционировала, и он признал, что борьба за социализм начнется после того, как будут реализованы цели тех, кто выступает за всеобщую демократизацию общества.

Для этого, как полагал Турати, необходима программа реформ, впрочем, за то же ратовал и Бернштейн. Однако Турати и его ближайшие сподвижники долго отказывались называть свое течение в партии реформистским, предпочитая определение «социалисты-позитивисты»¹⁰¹. Их настроения, пожалуй, лучше всего отражает включенное в первый том переписки Турати с Кулишовой письмо К. Тревеса «синьоре Анне», в котором Тревес напоминает, что во время одной из бесед Кулишова в конце концов признала правоту лозунга «Цель – ничто, движение – все»¹⁰².

У французского философа Сореля нашлись последователи в Италии, сторонники анархо-синдикалистских подходов – Артуро Лабриола, Э. Ферри, Э. Леоне и другие, делавшие ставку на всеобщую забастовку как орудие, призванное свергнуть власть буржуазии. Эти лидеры обретут вес в партии позднее, в начале XX в., когда выступят с резким осуждением реформистов во главе с Турати.

Во второй половине 90-х годов XIX в. прошли еще три съезда ИСП, на которых ее программа осовременивалась и уточнялась. Доминирующим позициям основателя партии Турати и его близких соратников в тот период ничто не угрожало. На IV съезде (11–13 июля 1896 г.) во Флоренции лидеры ИСП могли констатировать, что испытания выборами 26 мая – 4 июня они выдержали. Вместо 27 тыс. голосов в 1892 г. социалисты, по данным Л. Кортези (отличающимся от приведенных ранее), набрали уже 60 тыс.¹⁰³ В парламент, как отмечалось, был избран и Ф. Турати. На Флорентийском съезде состоялась дискуссия о совершенствовании организационной структуры партии, закончившаяся принятием соответствующей резолюции, и уточнены задачи электоральной тактики ИСП (с докладом выступил Э. Ферри).

На V съезде (18–20 сентября 1897 г.) в Болонье, прошедшем после парламентских выборов в марте того же года, тактика партии подверглась дальнейшей конкретизации. Общее состояние социалистического движения и его партии, сложившееся к тому времени, было проанализировано в статье Турати и Кулишовой «На пороге съезда», речь в ней шла о достижениях и будущих задачах ИСП¹⁰⁴.

Наконец, на VI съезде (8–11 сентября 1900 г.) в Риме в ходе развернувшихся по широкому кругу вопросов дебатов была принята программа-минимум, отразившая три направления, по которым надлежало действовать социалистам: I. Политические изменения (демократическое государство, в котором пролетариат политически и юридически имеет такие же права, как и капиталисты); II. Экономические изменения (социальная защита наемных работников, принятие законов, устраняющих конкуренцию внутри пролетарского класса); III. Административные и налоговые реформы и учреждение институтов, которые повысили бы статус рабочего как человека и гражданина¹⁰⁵. Докладчиками по программе выступили Турати и Самбукко, и она была единодушно одобрена (против – один голос).

В середине 90-х годов начались события, которые привели к уходу с политического олимпа враждебного социалистам Криспи. Ему не могли простить тяжелого поражения, которое потерпел направленный правительством в Эфиопию экспедиционный корпус. Российский посол Влангали доносил: «Как в Риме, так и во всей Италии в настоящее время только заняты войною в Африке и более ни о чем не говорят и не пишут. (...) Депутаты, принадлежащие к оппозиции, собирают митинги, жалуются, что огромные расходы производятся без разрешения Палаты, что война в Африке может втянуть Италию в экономический и финансовый кризис». Правительство надеется, что «произойдет какая-нибудь большая победа, которою опьянеет народ, что ... укрепит положение господина Криспи. Очевидно, итальянцы бросились в воду, не узнавши брода»¹⁰⁶. Посол оказался прав и вскоре сообщал неутешительные для итальянцев новости: «Погром, претерпленный итальянцами близ Адуа, вызвал общие демонстрации в разных городах Италии против министерства Криспи и против его африканской политики, так что кабинет нашелся вынужденным подать в отставку, которая и была принята королем»¹⁰⁷. К власти вновь вернулся Ди Рудини, правительство которого «вполне консервативное»¹⁰⁸.

Страну охватила буря негодования после того, как экспедиционный корпус генерала Баратьери неожиданно потерпел крупное поражение. Война в виде вяло текущих стычек шла уже с 1895 г. Недовольный ее медленным ходом Криспи послал знаменитую телеграмму генералу Баратьери: «Это не война, а военная чухотка; мелкие стычки, в которых мы всегда уступаем противнику, – безрезультатная трата героизма. (...) Мы готовы идти на любые жертвы во имя спасения чести армии и престижа монархии»¹⁰⁹. Сосредоточив войска близ Адуа, итальянцы в битве

1 марта 1896 г. потерпели очередное поражение от плохо вооруженной армии эфиопского правителя Менелика II. Воспринятое как величайший национальный позор, это поражение стало главной причиной отставки 5 марта 1896 г. кабинета Криспи. Итоги его деятельности были «катастрофическими как во внутренней, так и во внешней политике»¹¹⁰. (Через пять лет всеми покинутый Криспи умер, будучи убежден, что «сделал все для блага родины, но враги Италии (и его личные враги) привели страну на край гибели»¹¹¹).

В последние годы пребывания Криспи у власти росла социальная напряженность, в государственных учреждениях царили беззаконие, коррупция, интриги. Народное недовольство заставляло власти вновь искать выход в политике «сильной руки», которую, как они не без основания надеялись, будет проводить центральное правительство. В новогоднем номере 1897 г. журнала «Нуова антолоджия» появилась программная статья правого либерала Соннино «Вернемся к статуту», в которой констатировалось, что парламентский режим себя дискредитировал и нужна «реорганизация всего государства» в направлении укрепления авторитарных начал. Правые либералы открыто противопоставили свою позицию позиции Джолитти и его союзников, отстаивавших более гибкие подходы во внутренней политике.

Подобная конфронтационная политика, взятая на вооружение Ди Рудини, вскоре принесла свои негативные результаты. Классовые противоречия неуклонно обострялись, и после неурожая во второй половине 1897 г. и первой половине 1898 г. по стране прокатились массовые антиправительственные выступления. Кульминацией их стали майские события 1898 г. в Милане, где в течение пяти дней шли настоящие бои. Восставшие перегородили улицы баррикадами, было много убитых и раненых. Ди Рудини направил на подавление восстания генерала Бава Бекариса с такими же неограниченными полномочиями, которые получил от Криспи подавивший мятеж сицилийских фаши генерал Морра ди Лавриано. Когда с восстанием было покончено, король «за вклад в спасение национальных институтов и цивилизации» наградил Бава Бекариса орденом.

Картину этих потрясших страну событий запечатлели российские дипломаты. «Немедленным последствием беспорядков в Италии явилось прекращение работ на многих фабриках и заводах», – доносил министру иностранных дел М.Н. Муравьеву посол А.И. Нелидов. «Социалистическое направление движения сказалось ясно как в многочисленных стачках рабочих, так и в распространенных по Италии воззваниях к рабочим, приглашав-

ших их к забастовкам». Прямым следствием этого, полагал посол, станет «еще большее обеднение населения, сокращение государственных расходов на внутренние нужды и увеличение расходов на содержание войска»¹¹².

В середине мая 1898 г. Нелидов писал: «Волнения во всей Италии подавлены, порядок восстановлен, благодаря решимости и поспешности действий маркиза Ди Рудини. Но спокойствие еще не вполне вернулось, и само правительство как будто опасается возможности новых потрясений. Осадное положение в провинциях, где оно было провозглашено, еще не снято, а в Риме продолжают быть принимаемы усиленные меры предосторожности для предупреждения и скорейшего подавления могущих возникнуть смут»¹¹³. Посол также сообщал, что итальянские рабочие-эмигранты в Швейцарии (по его выражению: «итальянские шайки из Швейцарии») уже собрались на границе, чтобы прийти на помощь восставшим миланцам. Но они не успели сделать это до подавления восстания. Власти узнали об их намерениях из «переписки бунтовщиков» и приняли «надлежащие меры на границе», заявив швейцарскому правительству протест¹¹⁴.

После восстания в Милане по всей стране прошли аресты социалистов. В самом Милане, по данным Анджелини, состоялись 129 судебных процессов, число обвиняемых достигло 828 человек, среди них — 36 женщин и 224 несовершеннолетних. Только 140 из них были сразу же освобождены, а 688 человек предстали перед военным судом. Самыми громкими были процессы против видных журналистов, депутатов парламента. Среди самых известных осужденных оказались Бельтрами, Дель Авалле, Кабрини, Кальдара, Ладзари, Танци. На скамью подсудимых и за тюремную решетку попали Ф. Турати и А. Кулишова, осужденные за антиправительственную деятельность, подстрекательство масс к восстанию. Их переписка, опубликованная потом в шести упомянутых томах, начинается как раз с обмена письмами во время пребывания обоих в тюрьме. Кулишова вскоре вышла на свободу ввиду болезни¹¹⁵.

Временно заменявший посла А.Н. Крупенский доносил из Рима: «Военный трибунал, который продолжает судить в Милане сообщников последнего бунта, приговорил... к весьма строгим наказаниям тридцать лиц, обвиняемых в подстрекательстве к разным преступлениям революционного характера. Из обвиненных 30-ти социалистов один присужден к 16-ти, десять к 15-ти, семь к 12-летнему тюремному заключению, а остальные к разным наказаниям от 5-ти до 1-го года». Осужденные, «между которыми находятся и женщины, принадлежат все к так называемым

мой интеллигенции: адвокаты без дел, журналисты подпольных газет, инженеры без заказов, недоучившиеся учителя, поэты, или скорее рифмоплеты, вот откуда в Италии, как и везде, революционная партия набирает своих рекрут». «Сегодня окончился в Милане также процесс депутатов Турати, Де Андреиса и Моргари, обвиненных в подстрекательстве к мятежу. Турати и Де Андреис приговорены к 12-летнему тюремному заключению, а Моргари оправдан». «Строгие карательные меры... могут, разумеется, предохранить общество от насилий революционеров, но хронической болезни, которой страдает страна, они не в состоянии исцелить». Исправить положение «возможно лишь реформами, которые правительству и королю во главе менее всего по вкусу. Уменьшение войска, понижение податей, сосредоточение на внутренних, а не на внешних вопросах итальянских государственных людей, и увеличение этим благосостояния Италии, вот что могло бы уменьшить успехи анархической пропаганды и позволить надеяться на возрождение страны, природой так щедро одаренной», — резюмировал царский дипломат¹¹⁶.

Вызванная волной массовых антиправительственных выступлений весны и лета 1898 г. напряженность ослабела лишь к началу осени. «Осадное положение, которому подверглись многие местности Италии после майских бунтов, снято ныне повсюду. Декретом 5 сентября нового стиля оно прекращено в последних городах, в которых оно еще оставалось в силе — Милане и Флоренции», — доносил тот же Крупенский. «После подавления мятежа в Милане, жертвой которого пало, как известно, несколько сот человек убитых, было арестовано более 2000 лиц, из коих примерно 1000 были судимы военным судом. Между ними несколько десятков женщин, в том числе русская подданная, докторша Кулишова, принявшая участие в восстании, и более 200 несовершеннолетних. Более половины преданных суду — 670 человек — были приговорены к разным наказаниям, более или менее строгим, сто человек к каторжным работам от 5 до 16 лет. Эти высокие цифры дают только статистические результаты миланских приговоров, число же осужденных в провинциях невозможно с точностью определить, так как оно не было еще опубликовано, тем более что процессы еще далеко не все окончены. Но и этих цифр достаточно, чтобы составить себе понятие, до какой степени анархические учения пустили корни в итальянском народе»¹¹⁷.

Одоброя жесткие меры итальянских властей, российский дипломат не видел большой разницы между социалистами и анархистами. Когда в сентябре 1898 г. пришла весть об убийстве

итальянским анархистом австрийской императрицы, он написал, что «итальянцы запятнали себя так называемыми политическими убийствами». «Тотчас же после женевского убийства министр-президент г. Пеллу приказал арестовать несколько сот анархистов... и сделать обыск в редакциях революционных журналов», издание некоторых из них «было приостановлено». Вместе с тем Пеллу направил секретный циркуляр префектам, который «необъяснимым путем» попал в газеты, в нем предписывалось следить за анархистами и доносить о результатах слежки в Рим, сообщал Крупенский. Этот циркуляр «опять-таки непонятным образом был опубликован газетой “Аванти”, стоящей во главе анархического движения». Получивший информацию об этом из данной публикации консервативный царский дипломат заметил, что «сведения эти положительно верны», хотя и не преминул назвать газету социалистов «мутным источником». «Предполагают, что газета эта, пользуясь значительными средствами, которыми она, к сожалению, располагает, подкупила какого-нибудь чиновника в провинциальных штабах»¹¹⁸.

Напуганная бурными событиями 1897–1898 гг. правящая верхушка, казалось, была готова совершить государственный переворот и ликвидировать нормы Альбертинского статута, вернуться к которому она (в лице Соннино и его сторонников) вначале призывала. Джолитти впоследствии напишет, что политики конца XIX в. хотели, чтобы их считали наследниками Кавура и Правой, но «ссылаться на Кавура для проведения реакционной политики, нарушая свободы, означало предпринять самую дерзкую попытку фальсификации истории»¹¹⁹.

После падения кабинета Ди Рудини правительство возглавил генерал Луиджи Пеллу, пользовавшийся репутацией либерально настроенного военного, так как во время волнений 1897–1898 гг. он отказался ввести военное положение в Бари, где командовал округом. Российский посол относил нового премьер-министра к левым либералам. Очередная смена правительства, уже третья с декабря 1897 г., по мнению Нелидова, отнюдь не исключала «возможности в близком будущем новых переворотов и осложнений». Министром земледелия стал Антонио Саландра, будущий антипод Джолитти и его реформаторского курса. Посол так оценивал роль Джолитти: «Большинство лиц, вошедших в состав кабинета генерала Пеллу, не имеют влиятельного положения, так что душою нового министерства является его председатель, а споспешником его в Палате г. Джолитти, из приверженцев ко-его взято несколько министров и большинство их помощников (*sous-secrétaires d’Etat*)»¹²⁰.

В начале своего правления Пеллу сделал некоторые поблажки оппозиционным силам: стали вновь выходить закрытые прежним правительством газеты, восстановлены запрещенные организации. Однако довольно скоро Пеллу предложил парламенту одобрить «исключительные законы», что вызвало резкий отпор депутатов левых взглядов. В парламенте образовался блок радикалов и республиканцев (Крайней левой) с левыми либералами. Пришлось назначить новые выборы. Утратив поддержку, кабинет Пеллу 18 июня 1900 г. ушел в отставку.

В день национального праздника в честь «дарования стране Конституции, или так называемого Статута» (пятидесятилетие со дня принятия Альбертинского статута праздновалось в 1898 г.) король Умберто I издал «манифест о прощении всех политических преступников», осужденных в 1898 г. «за майские беспорядки», доносил 6 июня 1899 г. Крупенский. Это прощение «не есть амнистия», которой «абсолютно сглаживается все прошедшее». «Простым прощением заключенным возвращается свобода, но не политические права». Крупенский, однако, не сомневался, что «и амнистия последует скоро вслед за прощением»¹²¹.

Этот королевский декрет не коснулся Турати, и депутаты-социалисты в поддержку своего томящегося в заключении товарища продолжали устраивать обструкцию правительству в парламенте, намеренно затягивая прения по законопроектам. Несмотря на объявленное королем «прощение», одновременно на основе «охранительного декрета», вступавшего в силу 20 июля 1899 г., принимались меры ужесточения в отношении социалистов. Социалисты и часть левых либералов резко протестовали против этого, по их мнению, антиконституционного акта, приписывая властям намерение совершить государственный переворот. Они сорвали голосование в Палате депутатов, не позволив правительственному большинству принять данный декрет. Репрессии против социалистов и анархистов продолжались. А. Коста был отправлен в Болонскую тюрьму. «Весьма вероятно, что социалисты и анархисты воспользуются этим положением вещей, чтобы попытаться снова произвести в стране смуту, но это едва ли им удастся при строгости мер, принятых генералом Пеллу, и его решимости не допустить беспорядков и беспощадно их подавить», — доносил Нелидов. Внутреннее положение в Италии, по его мнению, «значительно ухудшилось за последнее время». Пример тому — «проходившие недавно во всем королевстве выборы членов окружных и городских советов». Хотя в общем число представителей различных политических течений осталось почти тем же, численность избирателей, под-

державших Крайне левую, «сильно увеличилась». «В местностях, где социалисты не достигли большинства, меньшинство, высказавшееся в их пользу, было весьма значительно, и что особенно поражало, это единство действия и дисциплины, доказывавшие тщательно выработанную и умело проведенную систему. Главный успех их был в Милане, где, несмотря на недавний погром и продолжительное осадное положение после волнений весны прошедшего года, все кандидаты социалистов были избраны. Это, несомненно, показывает, что хотя смута была подавлена, но она далеко не искоренена и легко может при стройном действии крайних партий снова возгореться», — заключал Нелидов¹²². Другим врагом правительства он назвал клерикальную партию.

Когда Турати, вместе с другими лидерами социалистов осужденного на 12 лет, но освобожденного как депутата в июне 1899 г. выпустили на свободу, он заявил в интервью «Аванти», что начинается новая фаза деятельности ИСП и политической борьбы. Теперь демократия сможет осуществить свое историческое предназначение и провести всесторонние реформы. Главными целями социалистов, согласно Турати, должны были стать «демократизация», «фабианство в экономике», «политическая свобода». Как отмечал Л. Кортези, события двух периодов (1894–1895, 1898–1900) способствовали тому, что ИСП взяла на вооружение теоретические положения политической демократии¹²³. В итоге в партии укрепилось течение реформистов.

Кабинет Пеллу после новых выборов в июне 1900 г. сменило правительство Дж. Саракко. «Получив от короля поручение после отставки генерала Пеллу составить новый кабинет, 80-летний сенатор Саракко, принадлежащий к умеренно-либеральной партии, весьма искусно и скоро сумел оправдать доверие его величества», — доносил В.Н. Ламздорфу временный поверенный в делах А.Н. Крупенский¹²⁴.

Не успело правительство приступить к выполнению своих обязанностей, как 29 июля 1900 г. страну потрясла трагическая весть: в Монце убит король Умберто I. Преступление совершил итальянский анархист Г. Бреши, приехавший из Америки, на убийство его подвигло одобрительное письмо короля генералу Бава Бекарису по поводу миланской бойни. Б. Кроче в «Истории Италии» привел в связи с этим высказывание философа Бовио о том, что это страшное преступление не позволило прожить королю еще несколько лет, зато подарило целый век самой монархии¹²⁵. Убийство монарха стало кульминацией кризиса, охватившего итальянское общество и государство в конце XIX в.

На трон «в самых трудных условиях» взошел наследный принц Виктор Эммануил III (по-итальянски – Витторио Эммануэле III). «К сожалению, правительственное и общественное разложение достигло здесь весьма опасных размеров», – доносил А.И. Нелидов. «Франкмасонство и социализм открыто подталкивают* основы государственного строя, между тем как фанатики анархизма втайне готовят оружие для насильственного разрушения существующего порядка вещей»¹²⁶. Реакция нового монарха на произошедшее разочаровала сторонников жестких мер. Король заявил в сенате 1 августа 1900 г. (во время принесении присяги), что «с высшими интересами нации» неразрывно связана не только защита монархии, но и сохранение свобод¹²⁷.

Рабочие волнения в Генуе в декабре 1900 г. привели к падению в феврале 1901 г. правительства Саракко. Префект Гаррони с одобрения центрального правительства распустил генуэзскую Палату труда, что и вызвало всеобщую забастовку. Как сообщал Нелидов (на этом донесении остались карандашные пометки царя, еще в мае 1896 г. инкогнито побывавшего в Италии), «довольно опасная стачка портовых рабочих, вызванная закрытием существующей в Генуе несколько лет Рабочей палаты», ставшей «сосредоточием социалистической деятельности», «остановила всякое торговое и пароходное движение». «Примеру портовых рабочих последовали другие и главным образом рабочие двух величайших в Италии кораблестроительных заводов Ансальдо и Одеро, находящихся в окрестностях Генуи». Они были поддержаны в других городах. Палату труда вскоре открыли, но не в прежнем виде: «Забастовка прекратилась, но министерство потерпело нравственное поражение»¹²⁸.

Выступая в ходе обсуждения этих событий в парламенте 4 февраля 1901 г., Джолитти обозначил главные направления своей либеральной политики. Он был нацелен на сотрудничество с организациями рабочего движения, а не на их репрессии, как это произошло в очередной раз в Генуе. Джолитти привел много примеров того, как власти вели себя во время подобного рода конфликтов, обвиняя их в слепоте, ибо в интересах государства следует удовлетворить законные требования трудящихся: «Рабочий класс прекрасно знает, что от реакционного правительства ему не приходится ожидать ничего, кроме гонений. Это касается как его борьбы против капитала в защиту своих интересов, так и борьбы в сфере налоговой системы. Никакое реакционное правительство никогда не согласится с реформой налоговой систе-

* Так в документе.

мы в пользу менее имущих классов. И если понадобятся деньги, реакционное правительство увеличит цену на соль, пошлины на зерно и другие продукты, но никогда не станет облагать специальным налогом имущие классы». Джолитти закончил речь под возгласы «Браво!» и аплодисменты левых¹²⁹.

После ухода в отставку Саракко король поручил сформировать кабинет Дж. Дзанарделли, вторым «я» которого был Джолитти, получивший ключевой пост министра внутренних дел. Считается, что с приходом к власти в 1901 г. этого правительства в Италии началась «эра Джолитти», продлившаяся до начала Первой мировой войны. Оценивая сложившуюся к началу XX в. ситуацию, Грамши писал: «После кровавого десятилетия 1890–1900 гг. буржуазия была вынуждена отказаться от диктатуры чересчур неограниченной, чересчур насильственной, чересчур прямой. {...} В новом веке господствующий класс положил начало новой политике, политике классовых союзов, классовых политических блоков, то есть буржуазной демократии»¹³⁰.

¹ *Il socialismo nella storia d'Italia* / A cura di G. Manacorda. Roma; Bari, 1966. P. 175.

² *Hesse H.-U.* Il gruppo parlamentare del Partito socialista italiano: la sua composizione e la sua funzione negli anni della crisi del parlamentarismo italiano // *Il movimento operaio e socialista in Italia e in Germania dal 1870 al 1920*. Bologna, 1978. P. 197.

³ См.: *Кун Ц.И.* Италия конца XIX века: судьбы людей и теорий. М., 1978. С. 122–123; см. также: *Venturi F.* Il populismo russo. Torino, 1952.

⁴ *Il socialismo nella storia d'Italia*. P. 169.

⁵ *Turati F.* Ai compagni nel Congresso di Ravenna del 19 ottobre 1890, in: «Il Sole dell'avvenire». Ravenna, 25 ott. 1890 // *Filippo Turati giovane. Scapigliatura, positivismo, marxismo* / A cura di L. Cortesi. Milano 1962. P. 414–419.

⁶ *Marx e Engels.* Corrispondenza con italiani, 1848–1895 / A cura di G. Del Bo. Milano, 1964.

⁷ *Negri G.* Storia politica italiana. Dall'Unità alla Repubblica. Le istituzioni e la società nell'analisi dei fatti e dei documenti. Milano, 1994. P. 116–117.

⁸ *Valiani L.* Un secolo di movimento socialista // *Nuova Antologia*. Firenze, 1992. A. 127. N 2183. P. 31.

⁹ *Turati F.* Il dovere della Resistenza. Milano, 1898. P. 12.

¹⁰ *Michels R.* Der ethische Faktor in der Parteipolitik Italien // *Zeitschrift für Politik*. B., 1910. Bd. 3. P. 66.

¹¹ Dal programma della Lega socialista milanese // *Almanacco socialista* 1892–1982. P. 56.

¹² *Ciuffoletti Z.* La fondazione del Partito socialista italiano e l'opera di Filippo Turati // *Storia del Partito socialista italiano, 1892–1976*. Firenze, 1977. P. 1–2.

¹³ *Il socialismo nella storia d'Italia*. P. 176; *Кун Ц.И.* Указ. соч. С. 125.

¹⁴ *Tiso A.* Il Partito socialista italiano. Testi delle lezioni tenuti all'Istituto «Palmiro Togliatti», Roma, 1973 e 1975. Roma, 1975. P. 13.

- 15 А.Е. Влангали – Н.К. Гирсу. Рим, 24 января (5 февраля) 1892 г. // АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия МИД. Оп. 470. Императорское посольство в Риме. 1892. Д. 8. Л. 20.
- 16 А.Е. Влангали – Н.К. Гирсу. Рим, 9(21) февраля 1892 г. // Там же. Л. 31–32.
- 17 Cortesi L. Il socialismo italiano tra riforme e rivoluzione. Dibattiti congressuali del PSI, 1892–1921. Bari, 1969. P. 1.
- 18 Labriola A. Lettere a Engels. Roma, 1949. P. 147.
- 19 Цит. по: Tiso A. Op. cit. P. 15–16.
- 20 Ibid.
- 21 Ciuffoletti Z. Op. cit. P. 3.
- 22 Michels R. Storia critica del movimento socialista italiano fino al 1911. Roma, 1979. P. 431.
- 23 Lotta di classe. Organo centrale del Partito dei lavoratori italiani. Milano, 1892, 21–22 ag.; Cortesi L. Il socialismo italiano. P. 8–9.
- 24 «Я считаю помехой верховенство социалистов-буржуа в рабочем движении, и несмотря на глубокое чувство любви и уважения, которое я питаю к Турати, Анне и Кроче, я все же решился энергично выступить против моды перенимать все у немцев, от засилья которых мы задыхаемся, – писал Казати Кабрини 1 августа 1892 г. – Я буду бороться против любого предложения, имеющего целью включить в комитет Партии итальянских трудящихся лиц, которые не принадлежат к рабочему классу, хотя они уже тысячу лет боролись в защиту интересов этого класса» (цит. по: Манакорда Г. Итальянское рабочее движение (1853–1892). М., 1955. С. 464).
- 25 Кун Ц.И. Указ. соч. С. 126.
- 26 Lotta di classe. Milano, 1892, 31 lugl.; Il socialismo nella storia d'Italia. P. 176.
- 27 Il socialismo nella storia d'Italia. P. 177, 182.
- 28 Ciuffoletti Z. Op. cit. P. 21.
- 29 Leoni F. Storia dei partiti politici italiani / Con prefazione di G. Andreotti. Napoli, 1971. P. 152.
- 30 Galli G. Ma l'idea non muore. Storia orgogliosa del Socialismo italiano. Milano, 1996. P. 13.
- 31 Миллер С., Поттхофф Х. Краткая история СДПГ. М., 1999. С. 53; Ragonieri E. Socialdemocrazia tedesca e socialisti italiani: L'influenza della socialdemocrazia tedesca sulla formazione del Partito socialista italiano 1875/1895. 2a ed. Milano, 1976. Непосредственно о процессе образования партии и переписке по этому поводу между итальянскими социалистами и представителями марксизма в Германии речь идет в заключительной части книги Раджоньери (Р. 305–356). Его подходы, однако, были раскрытываны историками социалистической ориентации за то, что, признав особые заслуги А. Лабриолы, Ф. Турати, П. Мартиньетти в распространении марксизма в Италии, он противопоставил первого из них второму, считая, что Лабриола представлял позитивную политическую альтернативу, тогда как Турати – «оппортунистическую» (см.: Degl'Innocenti M. Filippo Turati e la nobiltà della politica. Manduria; Bari; Roma, 1995. P. 24–26). Новые повороты в освещении взаимосвязей ИСП и СДПГ см.: Keller K. Modell SPD?: Italienische Sozialisten und deutsche Sozialdemokratie bis zum Ersten Weltkrieg. Bonn, 1994.
- 32 Программу и Устав Итальянской рабочей партии, принятые в Милане в 1889 г., см.: Манакорда Г. Указ. соч. С. 426–431.

- ³³ *Ciuffoletti Z.* Op. cit. P. 23.
- ³⁴ *Galli G.* Ma l'idea non muore. P. 14.
- ³⁵ *Leoni F.* Op. cit. P. 149–150.
- ³⁶ Genova 1892: Programma e Statuto del Partito dei lavoratori italiani // *Almanacco socialista 1892–1982.* P. 56–57.
- ³⁷ *Arfe G.* Storia del socialismo italiano (1892–1926). Firenze, 1977. P. 9; *Cortesi L.* Op. cit. P. 6.
- ³⁸ Тексты программы и устава пришлось собирать воедино из следующих изданий, в которых они воспроизводились лишь частично: *Il Partito socialista nei suoi congressi / A cura di F. Pedone.* Milano, 1961. Vol. I. P. 18–19; *Riosa A.* Il movimento operaio tra società e stato. Il caso italiano nell'epoca del II Internazionale. Milano, 1984. P. 65–68; Genova 1892: Programma e Statuto del Partito dei lavoratori italiani. *Almanacco socialista, 1892–1982.* P. 56–57; ср. также: *Cortesi L.* Op. cit. P. 20–21; *Кин Ц.И.* Указ. соч. С. 129–130.
- ³⁹ *Landolfi A.* Storia del PSI. Cento anni di socialismo in Italia. Da Filippo Turati a Bettino Craxi. Milano, 1990. P. 22–23.
- ⁴⁰ *Cronistoria // Almanacco socialista 1892–1982.* P. 60.
- ⁴¹ *Ciuffoletti Z.* Op. cit. P. 18.
- ⁴² *А.Е. Влангали – Н.К. Гирсу.* Рим, 8(20) августа 1893 г. // *АВПРИ. Ф.* 133. Оп. 470. 1893. Д. 82. Л. 90–92.
- ⁴³ *А.Н. Крупенский – В.Н. Ламздорфу.* Рим, 20 августа (1 сентября) 1896 г. // *АВПРИ. Ф.* 133. Оп. 470. 1896. Д. 153. Л. 129–131. Внушительный поток итальянских эмигрантов начиная с середины XIX в. направлялся в Аргентину, немалая часть населения которой имеет итальянские корни (см.: *Corda A.* La identità italiana en la novela Argentina a partir de 1980. *Discurso e immigration en textos de Antonio De Masetto, Vempo Giardinelli y Hector Tizon.* Tucuman, 2004. P. 167–207).
- ⁴⁴ *Arfe G.* Storia del socialismo italiano. P. 36.
- ⁴⁵ *Kleine italienische Geschichte / Hrsg. von W. Altgeld.* Stuttgart, 2002. S. 333–343.
- ⁴⁶ *Manacorda G.* Dalla crescita alla nascita. Crisi economica e lotta politica in Italia, 1892–1896. Milano, 1993. P. 44.
- ⁴⁷ Австрийский посол в Риме в феврале 1891 г. отметил, что Ди Рудини еще раньше, чем Криспи, был сторонником Тройственного союза (*Perticone G.* La politica estera italiana dal 1861 al 1914. Torino, 1961. P. 195–196).
- ⁴⁸ Окончательный текст Тройственного договора, заключенного между Германией, Австро-Венгрией и Италией 20 мая 1882 г. и с тех пор неоднократно продлевавшегося, см.: *Perticone G.* Op. cit. P. 185–188.
- ⁴⁹ *А.Е. Влангали – Н.К. Гирсу.* Рим, 5(17) мая 1892 г. // *АВПРИ. Ф.* 133. Оп. 470. 1892. Д. 78. Л. 54. «Новый кабинет встречен в публике с большим недоверием и ему пророчат недолгое существование. Ему придется лавировать между правой и левой стороною Палат, стараться угодить и тем и другим для того, чтобы не быть опрокинутым. В сущности это борьба пьемонтцев с южными итальянцами, которые в последнее время занимали все министерские посты, в настоящее время поступившие предпочтительно к итальянцам с Севера», – подчеркивал Влангали (Там же. Л. 57–57 об.).
- ⁵⁰ *Giolitti G.* Discorsi parlamentari. Roma, 1953. Vol. I. P. 257.
- ⁵¹ *Negri G.* Op. cit. P. 119.

- 52 *Manacorda G.* Op. cit. P. 43.
- 53 *Magri E.* I ladri di Roma. Milano, 1993. Автор этой книги (в переводе «Римские воры») собрал множество свидетельств, на основе которых обвинил Джолитти и других ведущих политиков, в том числе Криспи, в получении взяток от Римского банка. Он даже указал суммы заимствований «на предвыборные цели». Одна из глав книги называется «Джолитти тоже брал деньги»; например, накануне выборов 1892 г. он получил 60 тыс. лир (Р. 113). Как видим, традиция подкупа итальянских политиков имеет давние корни. Характерно, что книга, вышедшая в свет в связи со столетием скандала с Римским банком, появилась в самый разгар коррупционных скандалов и суда над «наиболее отличившимися» взяточниками и взяточдателями. В итоге операции «Чистые руки» в начале 1990-х годов итальянская политическая сцена была очищена от скверны. Впоследствии, однако, был дан задний ход, сообщество политиков, особенно в период правления Берлускони, обрушилось на правосудие и вынудило его отказаться от громких судебных процессов (см.: Flores d'Arcais. Die liberale Revolution der Mani Pulite // Berlusconi's Italien – Italien gegen Berlusconi. В., 2002. Р. 67–85).
- 54 Арестованные «губернатор этого банка Танлонго и кассир барон Лаццарони выпустили в 2 раза больше, чем должны были, билетов» (*А.Е. Влангали – Н.П. Шишкину*. Рим, 12(24) января 1893 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 82. Л. 10, 11 об., 12); см. также: *Negri G.* Op. cit. P. 126.
- 55 *Negri G.* Op. cit. P. 129.
- 56 *А.Е. Влангали – Н.К. Гирсу*. Рим, 29 ноября (11 декабря) 1893 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1893. Д. 82. Л. 142 об.
- 57 *Croce B.* Storia d'Italia. Bari, 1928. P. 192–193.
- 58 *Giolitti G.* Discorsi extraparlamentari. Torino, 1952. P. 134.
- 59 *Giolitti G.* Discorsi parlamentari. Vol. I. P. 139.
- 60 *Manacorda G.* Op. cit. P. 33–34.
- 61 *Magri E.* Op. cit. P. 124.
- 62 *Perticone G.* Op. cit. P. 80.
- 63 *Manacorda G.* Op. cit. P. 85–86.
- 64 *Galli G.* Storia del socialismo italiano. Roma; Bari, 1983. P. 7.
- 65 *Cortesi L.* Op. cit. P. 22–23.
- 66 Cronistoria // Almanacco socialista 1892–1982. P. 60.
- 67 *Landolfi A.* Op. cit. P. 23–24.
- 68 Decalogo dei contadini socialisti mantovani // Almanacco socialista 1892–1982. P. 50–51.
- 69 *Кин Ц.И.* Указ. соч. С. 135.
- 70 *Negri G.* Op. cit. P. 132.
- 71 *Marx e Engels.* Op. cit. P. 510.
- 72 *Villari P.* Dove andiamo? // Nuova Antologia. Firenze, 1893. 16 nov. P. 6.
- 73 *Marx e Engels.* Op. cit. P. 510; *Кин Ц.И.* Указ. соч. С. 136.
- 74 La Sicilia insorta // Critica sociale. Milano, 1894, 16 gen. P. 19.
- 75 *Manacorda G.* Op. cit. P. 110–111.
- 76 *Marx e Engels.* Op. cit. P. 518–520.
- 77 *Manacorda G.* Op. cit. P. 112.
- 78 *Marx e Engels.* Op. cit. P. 566.
- 79 *Leoni F.* Op. cit. P. 150.

- ⁸⁰ Ciuffoletti Z. Op. cit. P. 23–24.
- ⁸¹ Critica sociale. Milano, 1895. A. V. N 8; Il programma minimo del 1895: Riforme politiche, economiche, amministrative // Almanacco socialista 1892–1982. P. 88.
- ⁸² Ibid.
- ⁸³ Zotti N. Il congresso di Genova // Almanacco socialista 1892–1982. P. 25–27.
- ⁸⁴ Chiarini R. I primi anni di attività politica del Partito socialista // Ibid. P. 76.
- ⁸⁵ Последующими «директорами», т.е. главными редакторами «Аванти», с 1945 по 80-е годы были Г. Маццали, И. Силоне, С. Пертини, снова П. Ненни, Р. Ломбарди, С. Пертини, Т. Веккьетти, К. Бонетти, Дж. Пьераччини, снова Р. Ломбарди, Ф. Де Мартино, Ф. Герарди, Г. Арфе вместе с Ф. Герарди, Г. Арфе, П. Витторелли, Б. Кракси, У. Интини. Газета на протяжении почти ста лет отражала внутрипартийную ситуацию, была трибуной дискуссий социалистов, публиковала хлесткие публицистические статьи. На более глубоком теоретическом уровне актуальные проблемы современности прорабатывались знаменитыми журналами социалистов «Критика социале» (выходившем до 90-х годов XX в.) и особенно «Мондо операйо» (основанным после поражения Народного фронта в 1948 г. и просуществовавшем до конца деятельности ИСП, возобновлен в середине 90-х годов). См.: Stampa socialista: I direttori dell'Avanti! dal 1944 al 1981 // Almanacco socialista 1892–1982. P. 373.
- ⁸⁶ Arfe G. Storia dell'Avanti!, 1896–1926. Milano; Roma, 1956. P. 11.
- ⁸⁷ Bissolati L. Di qui si passa // Avanti. Roma, 1896. 25 dic. N 1. P. 1.
- ⁸⁸ Манакорда Г. Указ. соч. С. 463.
- ⁸⁹ Leoni F. Op. cit. P. 154.
- ⁹⁰ Keller K. Op. cit. S. 225–226.
- ⁹¹ Galli G. Storia del socialismo italiano. P. 10.
- ⁹² Galli G. Ma l'idea non muore. P. 18–20.
- ⁹³ Zangheri R. Storia del socialismo italiano. V.I. Dalle prime lotte nella Valle Padana ai fasci siciliani. Torino, 1997. Цит. по: Salvati M. Riscrivere la storia del socialismo italiano // Passato e presente. Roma, 1998. A. XVI, N 44. P. 143.
- ⁹⁴ Spadolini G. L'opposizione laica nell'Italia moderna (1861–1922). Radicali e repubblicani nell'adolescenza della nazione. Firenze, 1989. P. 127.
- ⁹⁵ Calamandrei R. Logica del Radicalismo italiano. Firenze, 1895. P. 70.
- ⁹⁶ Spadolini G. Op. cit. P. 144.
- ⁹⁷ Are G. Economia e politica nell'Italia liberale (1890–1915). Bologna, 1974. P. 65–66; Modigliani G.E. Lo sviluppo del capitalismo industriale in Italia // Il socialismo nella storia d'Italia, P. 247–256.
- ⁹⁸ См.: Potthoff H., Miller S. Kleine Geschichte der SPD. Bonn, 2002. S. 67–73; Миллер С., Поттхофф Х. Указ. соч. С. 65–73.
- ⁹⁹ Орлов Б.С. СДПГ: идейная борьба вокруг программных установок, 1945–1975 гг. М., 1980. С. 293.
- ¹⁰⁰ Грамши А. Избр. произведения. М., 1958. Т. 2. С. 221.
- ¹⁰¹ Кин Ц.И. Указ. соч. С. 163–165.
- ¹⁰² Turati F. – Kuliscioff A. Carteggio. Torino, 1977. Vol. I. P. 703.
- ¹⁰³ Cortesi L. Op. cit. P. 54.
- ¹⁰⁴ Critica sociale. Milano, 1897, 16 sett.; Riosa A. Op. cit. P. 69–73.
- ¹⁰⁵ Cortesi L. Op. cit. P. 129–135.
- ¹⁰⁶ А.Е. Влангали – А.Б. Лобанову-Ростовскому. Рим, 5(17) марта 1896 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1896. Д. 94. Л. 10 об.

- ¹⁰⁷ Там же. Л. 24.
- ¹⁰⁸ Там же. Л. 24–24 об., 25 об.
- ¹⁰⁹ *Канделоро Дж.* История современной Италии. М., 1975. Т. 6. С. 534.
- ¹¹⁰ *Perticone G.* Op. cit. P. 85.
- ¹¹¹ *Кин Ц.И.* Указ. соч. С. 26.
- ¹¹² *А.И. Нелидов – М.Н. Муравьеву.* Рим, 28 апреля (10 мая) 1898 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1898. Д. 83. Л. 112–112 об.
- ¹¹³ *А.И. Нелидов – М.Н. Муравьеву.* Рим, 12(24) мая 1898 г. // Там же. Л. 121–121 об.
- ¹¹⁴ Там же. Л. 131–132 об.
- ¹¹⁵ *Angiolini A.* Cinquant'anni di Socialismo in Italia. Firenze, 1903. P. 396, 407.
- ¹¹⁶ *А.Н. Крупенский – М.Н. Муравьеву.* Рим, 21 июля (2 августа) 1898 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1898. Д. 83. Л. 207, 207 об., 208 об., 209.
- ¹¹⁷ *А.Н. Крупенский – М.Н. Муравьеву.* Рим, 1(13) сентября 1898 г. // Там же. Л. 243, 244, 244 об.
- ¹¹⁸ *А.Н. Крупенский – В.Н. Ламздорфу.* Рим, 15(27) сентября 1898 г. // Там же. Л. 259, 261, 261 об., 262.
- ¹¹⁹ *Giolitti G.* Memorie della mia vita. Milano, 1967. P. 113.
- ¹²⁰ *А.И. Нелидов – М.Н. Муравьеву.* Рим, 23 июня (5 июля) 1898 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 83. Л. 172, 176.
- ¹²¹ *А.Н. Крупенский – М.Н. Муравьеву.* Рим, 25 мая (6 июня) 1899 г. // Там же. Д. 87. Л. 209–209 об.
- ¹²² *А.И. Нелидов – М.Н. Муравьеву.* Рим, 17 (29) июня 1899 г. // Там же. Л. 224–229, 233–234 об., 237 об. – 238 об.
- ¹²³ *Cortesi L.* Op. cit. P. 96.
- ¹²⁴ *А.Н. Крупенский – В.Н. Ламздорфу.* Рим, 20 июня (3 июля) 1900 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 88. Л. 35.
- ¹²⁵ *Croce B.* Op. cit. P. 222.
- ¹²⁶ *А.И. Нелидов – В.Н. Ламздорфу.* Рим, 1(14) августа 1900 г. // Там же. Л. 165, 167.
- ¹²⁷ *Negri A.* Op. cit. P. 157.
- ¹²⁸ *А.И. Нелидов – В.Н. Ламздорфу.* Рим, 19 декабря 1900 – 1 января 1901 г. // Там же. 1901. Д. 88. Л. 307–308 об.
- ¹²⁹ *Atti del Parlamento italiano.* Camera dei Deputati. Discussioni, tornata del 4 febbraio 1901. Цит. по: *Il socialismo nella storia d'Italia / A cura di G. Manacorda.* Bari, 1966. P. 292–293; *Кин Ц.И.* Указ. соч. С. 42.
- ¹³⁰ *Грамиш А.* Избр. произведения. М., 1958. Т. 1. С. 488.

«ЭРА ДЖОЛИТТИ»

*Едва забрезжит утром свет, прощай красавица, прощай,
Идти тебе пора на тяжкую работу на рисовых полях
Под тучей кровососов гнуть спину на хозяина с бичом.
Но все же день настанет, наш труд свободным станет!*

Из песни работниц на рисовых полях «Белла, чао!»

В начале XX в. Италия, страдавшая «от недостатка развития» капиталистического производства, пыталась догнать вырвавшиеся вперед великие державы. Однако страна почти не имела необходимых для ускоренного развития ресурсов. Обремененная феодальными пережитками, нищетой широких масс, она оставалась разделенной на вырвавшийся вперед промышленный Север и отстававший аграрный Юг. Начавшаяся на рубеже XIX–XX вв. индустриализация, хотя и проходила в сжатые сроки, не была завершена к началу Первой мировой войны.

Крупная итальянская промышленность, в отличие от английской и французской, создавалась преимущественно под эгидой финансового капитала. Значительную роль здесь играл иностранный капитал, в основном германский, что ускоряло появление присущих более развитым странам форм и методов организации производства. Подобного рода «модернизация» подстегивалась конкуренцией на мировом рынке и агрессивными устремлениями наиболее продвинутых предпринимателей, олицетворявших капитализм более современной формации. Решающее значение имело вмешательство государства в экономическую жизнь страны. Это определялось интересами крупных предприятий, акционерных обществ и банков – выразителей созвучных новой эпохе тенденций, политических воззрений и психологии¹.

Результаты модернизации стали ощутимыми еще в последние десятилетия XIX в. Это вызывало энтузиазм, но иногда и неприятие со стороны отдельных представителей правящего класса. Например, С. Ячини – парламентарий из Ломбардии, стремившийся объединить правых либералов и умеренных клерикалов (он умер в 1891 г.²), выступал против непомерных затрат на раз-

витие новых отраслей и ратовал за поддержку традиционного аграрного сектора экономики. Он аргументировал это так: «Правящие классы... проводят великодержавную политику, стоящую непомерно дорого. (...) Италия, бедная страна, еще вчера бывшая географическим понятием, сумела создать мощную армию... великолепный военно-морской флот, оснащенный кораблями, каждый из которых стоит двадцать пять миллионов [лир], дабы стать заметной в европейском концерте. Она хочет покрыть себя сетью железных дорог, нередко бесполезных и дорогостоящих, и с помощью паровозов одолеть Альпы и Апеннины; намерена содержать густой лес университетов и передовых научных институтов; учредить в каждом мелком провинциальном городе префектуру и суд первой инстанции, а в каждой деревне — должность мирового судьи». Но, тратя деньги на подобную модернизацию и забывая о традиционных отраслях экономики, государство, по мнению Ячини, «режет курицу, несущую золотые яйца»³. Считая подобную постановку вопроса ошибочной, цитировавший это высказывание Ячини историк либерального направления Р. Ромео подчеркивал, что здесь все же поднята историческая проблема огромной важности: какую роль должно играть государство в экономическом развитии страны⁴.

Экономическая программа ускоренной индустриализации предусматривала государственный протекционизм, субсидии и заказы определенным отраслям, каковыми в начале века стали металлургия, судостроение, текстильное и сахарное производство. Интересы представлявших эти отрасли промышленников накладывали отпечаток на внутривнутриполитический курс, усиливая антидемократические тенденции, и на внешнюю политику, целью которой было завоевание подобающего стране статуса в концерте великих держав, обретавшую все более экспансионистский характер⁵.

За первые 15 лет XX в. страна добилась ощутимых успехов в деле индустриализации. Индекс промышленной продукции, принимаемый в 1900 г. за 100, составил к 1907 г. 152, а к 1913 г. — 184⁶. Процветала, в частности, текстильная промышленность. Производство пряжи с 1900 по 1915 г. в развивавшейся наиболее быстрыми темпами хлопчатобумажной промышленности увеличилось с 118 602 до 253 341 т.⁷ Сохранило свои традиционно крепкие позиции шелкоткачество. «Хотя в общем шелковая индустрия в Италии не обнаруживает дальнейшего развития, тем не менее она должна быть признана одной из наиболее цветущих. (...) Сумма заработной платы 200 тыс. рабочих на шелкопрядильных и шелкоткацких фабриках превышает 75 млн лир. В области

внешней торговли шелковые изделия занимают в Италии по размерам экспорта первое место, превышая по стоимости в некоторые годы 600 млн лир и составляя почти треть всей стоимости общего объема итальянского годового экспорта», – сообщал в июле 1914 г. в аналитической записке агент российского Министерства промышленности и торговли, работавший в Генуе⁸. Доля тяжелой промышленности в общем производстве с 19,8% в 1895 г. увеличилась к 1915 г. до 30,6%, тогда как доля легкой промышленности сократилась соответственно с 74,2% до 59,2%⁹. Быстро развивалась банковская система. Крупнейшие ее звенья – Итальянский коммерческий банк (Комит), Кредитный банк, Римский банк и другие – своими кредитами поддерживали промышленное производство.

К началу XX в. численность населения благодаря сокращению смертности, в особенности детской, увеличилась на 30% по сравнению со временем объединения. Становилось все больше грамотных. Этому способствовал рост числа преподавателей с 34 тыс. в 1863 г. до 65 тыс. в 1901 г. Протяженность железных дорог увеличилась с 2 000 км в 1870 г. до 13 000 км в 1890 г. Формирование армии по призыву также способствовало дальнейшему объединению различных частей полуострова и прилежащих островов. Если в 1866 г. две трети всех солдат составляли выходцы из Пьемонта, то согласно реформе 1871 г. о всеобщей воинской повинности армия стала общенациональной¹⁰.

«Джолиттианскую эру» делят на три этапа: 1) 1901–1904 гг., когда обозначились новаторские черты управления страной и был дан мощный импульс обновлению социальных отношений; 2) 1906–1909 гг. – «долгое министерство» Джолитти, когда «джолиттианское большинство» сместилось к центру и снизило реформаторские потенции нового курса; 3) 1911–1914 гг. – период реализации избирательной реформы и одновременно осуществление широкой экспансионистской программы в Северной Африке, в восточном Средиземноморье и на Балканах, что во многом подготовило вступление Италии в Первую мировую войну и обусловило кризис итальянского либерализма в его джолиттианском варианте.

Джолиттианская эпоха совпала с быстрым индустриальным развитием страны, особенно ощутимым в машиностроении, металлургии, горнодобывающей отрасли, в которых началось широкое использование электрической энергии. Становление крупной промышленности влекло за собой трансформацию социальных отношений, необходимое улучшение положения трудящихся классов, в чем была заинтересована в первую очередь ИСП.

Джолитти пытался контролировать промышленное развитие, поддерживая социальный мир путем соглашения с социалистической партией¹¹.

Начало прогрессивного либерального курса после «кровавого десятилетия» совпало с экономическим подъемом, продолжавшимся с перерывами (кризисы 1901–1907, 1907 и 1913 гг.) до Первой мировой войны. После почти десятилетия нулевого роста промышленного производства его среднегодовой прирост в 1896–1908 гг. составил 6,7%, несколько замедлившись в предвоенные годы. За 1897–1914 гг. стоимость валовой промышленной продукции возросла с 2 млрд до 4,7 млрд лир, а национальный доход увеличился с 10,1 млрд до 19,1 млрд лир. Число промышленных предприятий в 1900–1911 гг. увеличилось более чем в 2 раза – со 117 тыс. до 243 989.

С 1906 по 1908 г. число акционерных обществ возросло с 43 до 229, а их капиталы – с 62,8 млн до 414 млн лир. Важными факторами экономического подъема («большого скачка», согласно формулировке американского исследователя итальянского варианта преодоления отсталости А. Гершенкрона) были международная конкуренция, возможность заимствования форм и опыта организации производства и банковского дела у передовых стран, приток иностранных капиталов, особенно германского, английского и французского, а также протекционистская политика правительств Италии. По мере индустриализации страны крепло деловое сотрудничество между крупной буржуазией, располагавшей капиталами и опытом управления, и представителями старинных дворянских родов, обладавшими громкими титулами и обширными связями, а нередко и немалыми состояниями.

Один за другим оформлялись союзы предпринимателей по отраслевому территориальному принципу, а в 1910 г. была создана национальная Всеобщая конфедерация промышленности (Конфиндустрия) – важный инструмент деловых кругов по выработке выгодных им решений на правительственном уровне. Средоточием промышленного и финансового потенциала была Северная Италия (особенно треугольник Милан–Турин–Генуя), тогда как в Центральной и Южной Италии отдельные промышленные центры сосуществовали с мелким производством, полукустарными мелкими предприятиями. Число занятых на них работников не превышало 10 человек (согласно переписи 1911 г., к таковым относились более 80% промышленных предприятий, включенных в национальный реестр).

Сложной оставалась структура сельского населения, форм собственности и типов хозяйствования в деревне. Крупная

собственность дворянского и феодального происхождения практически не была тронута ходом времени в Центральной и особенно Южной Италии – в Апулии, Калабрии, Сицилии, Сардинии и т.д. Семейства Торлония, Боргезе, Киджи, Паллавичини, Браски и другие представители знати владели десятками тысяч гектаров земли, которые обрабатывали нищие батраки, испольщики, арендаторы. Из более чем 10 млн человек, занятых в сельском хозяйстве в начале XX в., 1760 тыс. составляли земельные собственники, 960 тыс. – арендаторы, 2220 тыс. – испольщики и колоны, 5100 тыс. – лица наемного труда, поденщики, батраки и т.д. Из общего числа собственников только 250 тыс. владели более чем 8 га земли. Главной фигурой деревни были испольщики, батраки и малоземельные крестьяне, что определяло остроту социальных противоречий в стране в целом. Мелкие крестьянские хозяйства задыхались от безземелья, засилья ростовщического и ссудного капитала, произвола мафии, всевластия помещиков – союзников местной власти, жандармерии и священников. Вместе с тем на Севере и отчасти в Центральной Италии, особенно в Ломбардии, Эмилии и других районах, утвердилась крупная, средняя и мелкая земельная собственность с использованием наемного труда сельскохозяйственных пролетариев, с применением машин и производством продукции, шедшей на внутренний и внешний рынки.

В свою очередь, промышленный пролетариат страдал от социальной неразвитости страны, от безработицы, вызванной излишком дешевой рабочей силы, от неупорядоченности трудовых отношений и произвола предпринимателей. Забастовочное движение в начале XX в. достигло необычайного размаха. Только в Северной Италии, не говоря уже о постоянно бурлившей южной части страны, число забастовок за год – с 1900 до 1901 г. – возросло с 410 до 1671¹². Несмотря на достигнутые экономические успехи, страну продолжали сотрясать кровавые инциденты, стычки рабочих с полицией и войсками. Их итоги зачастую были горькими: пять убитых и десять раненых в г. Кандела в провинции Фоджа 8 сентября 1902 г., двое убитых и 50 раненых в Джарратана (Рагуза) 1 октября 1902 г., трое погибших и 20 раненых в Петаччато (Кампобассо) 23 февраля 1903 г., семь погибших в ходе стычек в Торре Аннунциата 31 августа 1903 г. Список можно продолжить¹³.

Дальновидным представителям правящих политической и экономической элит было ясно, что необходимо обеспечить «социальный мир», снять напряженность в отношениях между трудом и капиталом. Отсюда наметившийся в начале века и осущес-

ствлявшийся правящими классами вплоть до Первой мировой войны новый, либеральный курс, сменивший реакционные методы правления конца XIX в. Новым он был и по отношению к социалистам, в лице своего реформистского крыла демонстрировавшим также иное отношение к политике правительства.

Под давлением забастовочного движения правительство признало законность стачек как средства борьбы за улучшение условий труда. Были заложены основы социального и трудового законодательства: принят закон об ограничении детского и охране женского труда, создана «касса материнства», средства которой предназначались для пособий беременным женщинам и матерям, признано право на еженедельный отдых, предусматривалось страхование в случае производственного травматизма и т.п.

Проведенные мероприятия выгодно отличали курс Джолитти от курса прежних правительств. Все это дало мощный толчок организации отраслевых профсоюзов и территориальных объединений трудящихся: Палат труда, крестьянских союзов и различных обществ взаимопомощи. Рамки гражданского общества раздвигались путем вовлечения в них «низовых» субъектов. Благоприятная экономическая конъюнктура позволила предпринимателям и землевладельцам повысить оплату труда наемным работникам, сократить продолжительность рабочего дня и изменить к лучшему внутренний распорядок на предприятиях.

Полностью поддерживая этот курс правительства, левые силы, однако, не одобряли применявшиеся джолиттианцами в борьбе за сохранение власти методы, подрывавшие доверие к самой политической системе. Среди прочего недовольство социалистов, радикалов, республиканцев вызывали привлечение префектов к организации выборных кампаний на местах, нередкая фальсификация результатов голосования, практика подкупа депутатов. Такого рода поведением джолиттианцы отличились во время парламентских выборов 1904, 1909, 1913 гг. От неспособности леволиберальных кругов и демократических сил действовать сообща в итоге выигрывали оппоненты Джолитти справа, да и сам его курс становился более умеренным.

Непригодность прежних социально-экономических структур к бурному развитию капитализма заставляла государство напрямую вмешиваться в экономику и торговлю, что накануне Первой мировой войны практиковалось во всех европейских странах. Особенно захватил этот процесс недавно рожденные державы – Германию и Италию. Повсюду, исключая разве что Англию, возростала угроза классовых столкновений¹⁴. Напряженность в обществе вела к подъему национализма и антипарламентаризма,

прежние демократические порядки, при которых не всегда удавалось сдерживать накал классовой борьбы, теряли свою привлекательность. В новых условиях, когда постоянно требовались новые рынки сбыта промышленной продукции, правящие круги Италии по примеру более крупных империалистических держав стремились к захвату территорий, которые могли бы стать ее колониями.

Кое-как справляясь с забастовочным движением, правящие круги, как уже отмечалось, в начале века не сумели остановить великий исход итальянцев из страны, особенно из южной ее части. В довоенный период (1900–1913) это было бегство в буквальном смысле слова гонимых голодом людей. В 1900 г. число эмигрировавших составляло 352 тыс.; в последующие годы – в среднем 600 тыс. в год, а в 1913 г. оно достигло максимума – 872 тыс. Всего за этот период Италию покинуло более 8 млн человек. Из них 46,7% составляли южане, чаще всего оставлявшие родину навсегда¹⁵. Это явление было обусловлено особым характером итальянского капитализма, который Ленин в написанной им в период жизни в Швейцарии (1915) заметке об итальянском империализме¹⁶ и отношении существовавших тогда двух партий итальянских социалистов к Первой мировой войне – «официальной», т.е. ИСП, и отколовшейся от нее в 1912 г. социал-реформистской – назвал «империализмом бедняков»¹⁷. Эмиграция в тот период стала явлением привычным: между 1880 и 1910 гг., кроме Италии, другие страны Европы (исключая Россию) покинули около 26 млн человек¹⁸.

Политика Джолитти была направлена на создание уравновешенной системы, в которой рабочие и капиталисты, государство и массовые организации трудящихся могли бы мирно сосуществовать. Для реализации такой политики он возобновил трансформистскую практику Депретиса, добиваясь расширения парламентской поддержки своего реформаторского курса. Но в ней не было места для наиболее отсталых секторов экономики, в частности не отражены интересы Юга, который служил лишь своего рода резервом для получения голосов консервативных избирателей, причем для этого использовались криминальные структуры, а государственные учреждения оказывались в подчинении частных лиц. Рассуждая о масштабах коррупции на определенных этапах развития демократии как средства противостояния правительства растущему давлению парламентов, известный французский политолог Морис Дюверже отмечал, что «примеры Гизо во Франции и Джолитти в Италии присутствуют во всех мемуарах». В частности, «в Италии система Джолитти рассеивала формиру-

ющиеся парламентские группы и усиливала личностный характер политической борьбы»¹⁹.

Многие историки подчеркивают, что в джолиттианскую эпоху парламентская демократия все же развивалась, и Джолитти положил начало глубоким реформам и переменам. Он попытался сломать стену, разделявшую социалистов и либералов²⁰. Сторонник другой точки зрения, Э. Раджоньери, дал очень меткое определение той эпохи – «реформизм без реформ»²¹. По наблюдению П. Скопполы, несмотря на то что Джолитти стремился «ввести мир труда в жизнь либерального государства», ему не удалось осуществлять это на практике. А важнейшие реформы, в том числе предложенная министром финансов, экономистом Л. Волебергом налоговая реформа, так и не вышли за стены парламента²².

В названный «эрой Джолитти» период (1901–1914) правил не только он сам, к власти приходили и другие лидеры либералов. В правительстве Дж. Дзанарделли (1901–1903) Джолитти занимал ключевой пост министра внутренних дел и с самого начала фактически направлял политику кабинета. Но сам он стал премьером лишь в начале ноября 1903 г., когда Дзанарделли заболел и ушел в отставку²³. В 1905 г. он уступил свое кресло А. Фортису (1905–1906), которого сменил С. Соннино (1906), затем кабинет снова возглавил Джолитти (1906–1909), после него – Соннино (1909–1910), Л. Луццати (1910–1911) и опять Джолитти (1911–1914).

Свою внутривластную программу Джолитти определил в упоминавшейся парламентской речи 4 февраля 1901 г.²⁴ Напомним, что он произнес ее в момент, когда в Генуе проходила одна из самых мощных забастовок начала века и была закрыта Палата труда. В результате в обществе началась полемика, прошли острые дебаты в парламенте, после которых правительство Саракко было вынуждено уйти в отставку. Джолитти заявил, что, пока забастовщики не нарушают закона и действуют на основе права, вмешательство государства неоправданно. «Рабочие ассоциации имеют такое же право на существование, как и ассоциации промышленников и коммерсантов»²⁵. Потрясая страну «в конце минувшего года стачка в Генуе», доносил Ламздорфу из Рима 12 февраля 1901 г. Нелидов, стала «поводом для парламентских дебатов», в ходе которых оппозиция стремилась «свалить правительство»²⁶.

Предложенную Джолитти программу поначалу поддержали не только его сторонники, но и противники из другого лагеря во главе с Соннино. Парламентская группа ИСП поддержала ее тем, что воздержалась от голосования по бюджету в парламенте, чем,

«казалось, потрясла основы итальянской социальной и политической системы»²⁷.

Давая характеристику нового правительства, Нелидов сообщал: «Единственные выдающиеся личности этого кабинета суть глава его Дзанарделли и министр внутренних дел Джолитти. Первый, один из старейших членов Палаты, был неоднократно министром и председателем Палаты и пользуется всеобщим уважением за свою безукоризненную честность и верность либеральным убеждениям... Нельзя того сказать о ... г-не Джолитти, еще более крайнем либерале, менявшим, однако, неоднократно свой политический облик и оставившем печальную память о министерстве, коего он был председателем, когда возникло печальное дело о банковских злоупотреблениях, получивших название Итальянской Панамы»²⁸.

Политическая культура Джолитти основывалась на принципах позитивизма и Просвещения, на том понимании демократии, каковым оно было в XIX в.²⁹ Первейшим долгом просвещенной демократии он считал объявление «войны неграмотности». «Коллективная безопасность», согласно Джолитти, — «главное соображение, из-за которого люди объединились в общество»³⁰. Он полагал, что в Италии существуют три настоящие политические силы: клерикальная, социалистическая и конституционная. Социалисты, чей авторитет и влияние растут, организуют пролетариат и руководят им, но многие их обещания массам — дело далекого будущего. Движение народных масс будет крепнуть, это происходит во всех цивилизованных странах и основано на принципе равенства людей. Джолитти прекрасно понимал, что лишь решительное изменение курса сможет сохранить конституционную монархию, в противном случае неизбежна катастрофа³¹.

Именно в «эру Джолитти» наиболее ярко проявились «две души» ИСП, на первый план выдвинулась борьба реформистского и «революционного» крыла. В начале века на авансцену вышли «революционеры» синдикалисты, потеснившие реформистов. Затем в партии возобладали «непримиримые революционеры», окончательно вытеснившие оставшихся непреклонными в защите своих позиций реформистов во главе с Биссолати. К непримиримым принадлежал и Б. Муссолини, в молодом возрасте занявший пост директора «Аванти». Его отход в октябре 1914 г. от разделявшей большинство социалистов позиции вошел в историю партии как один из не самых приятных ее эпизодов. К данным сюжетам не раз обращались отечественные историки: К.Ф. Мизиано, Ц.И. Кин, К.Э. Кирова, К.В. Кобылян-

ский, З.П. Яхимович, Т.В. Павлова³². В целом их труды отражали марксистскую точку зрения на события начала XX в., а выводы были сходны с выводами итальянской марксистской историографии.

Существуют и другие, иногда близкие к марксистским интерпретации, в частности такие, в которых особо подчеркивается, что экономические потребности начала века вызвали дискуссию итальянских интеллектуалов по поводу выбора пути для страны. Многие из них симпатизировали социалистическим идеям, а нередко и непосредственно участвовали в деятельности ИСП, печатались в ее органах. Сосредоточивая внимание на ревизионизме немецкого социал-демократа Э. Бернштейна³³, обсуждении бернштейнианской позиции в рядах ИСП, многие историки нередко забывали, что не менее глубокую критику марксизма в Италии дали также философ Б. Кроче и социолог В. Парето, поначалу симпатизировавшие левым идеям, но потом к ним охладевшие.

Анализируя «кризис марксизма» начала XX в., историк-экономист Дж. Аре писал, что те, кто сосредотачиваются лишь на дискуссии социалистов по идеологическим вопросам, «забывают о реально существовавших взаимосвязях и структурных взаимоотношениях, обуславливавших повседневную деятельность самого движения, его возможности добиться успеха». Без тщательного анализа этих взаимосвязей и отношений, по мнению Аре, «итальянский социализм постичь невозможно». После того как рабочее движение получило значительное парламентское представительство, оно постоянно сталкивалось с крупными проблемами экономики, которые требовали четкого определения позиции партии. Решение этих вопросов, которые предлагали социалисты-реформисты из Ломбардии или же революционные синдикалисты, олицетворяли два крайних подхода³⁴. Исследовать отношение социалистов к экономическим проблемам, напоминал Аре, предлагал еще Л. Вальяни в работе «Проблема “великих реформ” в разработках итальянских социалистов»³⁵, но его призыв не был услышан.

Если следовать путем преимущественно политических подходов к истории рабочего движения сторонников реформизма и «революционеров», то такой подход рискует оказаться «малопродуктивной проекцией современной полемики», отмечал тогда Аре. Своими предложениями в сфере экономической политики пытались заинтересовать социалистов «либеристы» А. Кабиати и Л. Эйнауди. На рубеже XIX–XX вв. они много писали на темы экономики в «Критика социализма»³⁶. Статьи в журнале публиковал и В. Парето. «Аванти», которой тогда руководил Э. Ферри,

помещала статьи либериста Джиретти, вместе с А. Де Вити Де Марко выступавшего против протекционизма. В рядах социалистов их точку зрения поддерживали Р. Сольди, Артуро Лабриола и Э. Леоне, разработавшие в 1904 г. программу Антипротекционистской лиги. Эту линию одобряли многие организации рабочего движения³⁷.

Проблемы начала XX в., согласно Аре, были вызваны запоздалым развитием национальной экономики, тем, что либерально-демократические порядки и правила конкуренции перестали соответствовать выдвинутым жизнью задачам³⁸. Что касается так называемого государственного социализма, то многие социалисты надеялись, что огосударствление экономики позволит обществу развиваться в направлении «демократического социализма». Об этом еще в 1893 г. писал в «Критика социале» Э. Чиккотти. Другие же отрицали подобный коллективистский подход³⁹. Под государственным социализмом подразумевали растущую социализацию. Она должна была развиваться при посреднической функции политической власти, экономического роста, преобразования предпринимательских ячеек в коллективные предприятия⁴⁰. Указывая на глубочайшее противоречие между масштабом и важностью экономических задач, которое должно брать на себя государство, и его неспособностью их решить, Парето видел главную причину этого в незрелости политического класса. Вмешательство государства в экономику в Италии и итальянский «государственный социализм» с самого начала были отягощены «мафиями, привилегиями, паразитизмом, которые не имели ничего общего с развитием капиталистической экономики и фактически были препятствием для этого развития»⁴¹. Отсюда рождалась политика компромиссов и парламентский трансформизм, подчеркивал Аре.

Джолитти, находившемуся почти непрерывно у руля правления с 1901 по 1914 г., в условиях обострившихся социальных конфликтов (донесения русских дипломатов пестрят сообщениями о них⁴²) ценой немалых усилий удалось сохранить социальный мир и перебороть общественные настроения, грозившие свергнуть страну в хаос революционных потрясений.

В начале века Ф. Турати в ходе дебатов в парламенте (по поводу вызванной генуэзской стачкой отставки правительства Саракко) отметил, что сопротивление рабочих заставило правительство отказаться от роспуска генуэзской Палаты труда, в противном случае страну «погубил бы пожар такой силы, от которого задрожали и сами промышленники, и не только в Генуе». Права рабочих следовало признать не только судьям, но и прави-

тельству и «бредившему» парламенту, который «кажется, очнулся, разбуженный этим выходом на сцену новой силы», служащей «интересам всей цивилизации»⁴³. Возможно, парламент и бредил, писал, комментируя эту речь, Дж. Галли, но он все-таки пробудился, возможно, пожара и не было, но пожарник уже явился. Это был человек, «понявший» социалистов, – Дж. Джолитти⁴⁴. На самом деле Джолитти понял, что, только отвергнув предрасудки господствующего класса, монархическое и либеральное государство после всех испытаний, пережитых в последнее десятилетие XIX в., сумеет обеспечить себе прочную и длительную поддержку собственных граждан⁴⁵.

По словам Дж. Галли, рубеж XIX–XX вв. характеризовался укреплением в Италии представительной демократии, и заметный вклад в это внесла ИСП. Правда, преобразовать либерально-конституционный блок в либеральную партию не удавалось. Это негативно отражалось на внутренней организации представительной демократии и политической системе в целом вплоть до принятия в 1913 г. закона о всеобщем голосовании. В начале XX в. социалисты не осознали, что могут широко использовать в своих интересах возможности парламентской демократии. Джолитти действовал на политической сцене как демиург. Он поручил государственной администрации – министерским чиновникам, префектам, квесторам (исключение составляли лишь чиновники ряда областей Северной Италии) организацию консенсуса путем сбора голосов. На самом деле подобную задачу должна была бы взять на себя политическая партия, которой у правящих классов тогда не было.

Социалистическая партия, прежде всего ее лидер Турати, лишь наблюдали за действиями демиурга буржуазии и не сумели глубоко переосмыслить происходящее. Именно в те годы в европейской социал-демократии шла дискуссия между Бернштейном и марксистами-ортодоксами. К. Каутский и Р. Люксембург спорили с ним по поводу экономических особенностей капиталистической системы, не касаясь в этом споре политической системы. Они полагали, что Бернштейн и его сторонники переоценивают буржуазную демократию (впоследствии, в 1917–1918 гг., Ленин выдвинул подобное обвинение уже против самого Каутского). Бернштейн, будучи оптимистом в отношении буржуазной демократии, как и Каутский, обращал, однако, внимание на решающую роль в современном обществе представительной власти и легальности. В реальной жизни с этим надо было считаться организованным рабочим, всем трудящимся и представляющей их интересы социалистической партии. Хотя в начале века Маркс еще

не был «отправлен на чердак» (в начале XX в. в Италии такие призывы звучали из уст тех, кто разочаровался в его учении), социалисты уже меньше уделяли внимания марксизму и не так рьяно защищали в начатой Бернштейном полемике ортодоксальные марксистские взгляды, констатирует Галли.

Если Л. Биссолати и Антонио Лабриола встали на сторону защитников ортодоксального марксизма, то Мерлино в своем недолго просуществовавшем журнале «Ривиста критика дель социализмо» согласился с выводами Бернштейна. Многие руководители ИСП на деле занимали позиции, соответствующие новым ревизионистским подходам⁴⁶. Ферри 17 июня 1901 г. заявил, что «правительство Дзанарделли–Джолитти означает триумф либеральной и просвещенной буржуазии» и поэтому «в интересах гражданского прогресса» социалистическая партия поддержит его внутреннюю политику. ИСП требовала от правительства «нейтралитета в борьбе между трудом и капиталом».

В этом заключалась суть той постановки вопроса относительно представительной демократии, которая будет сопровождать всю историю социалистов. Как заявлял Турати, просвещенная буржуазия побеждает, следовательно, социалистам надлежит взять на себя роль наместников демократии. В свою очередь, та же просвещенная буржуазия всегда нуждается в поддержке социалистов, чтобы не попасть в сети реакции. В индустриальном обществе конфликты должны решаться посредством профсоюзного и парламентского представительства трудящихся. «Нейтралитет» правительства мог бы быть сведен к «умеренному применению силы в случае трудовых конфликтов», к привлечению в качестве арбитра органов представительной демократии⁴⁷.

Эта программа – своего рода манифест реформизма – была изложена Ф. Турати в статьях, опубликованных в трех номерах (14, 17, 18) «Критика социале» за 1901 г., изданных также отдельной брошюрой под названием «Социалистическая партия и настоящий политический момент»⁴⁸. Незамедлительно последовавший ответ на это со стороны Артуро Лабриолы назывался «Министерство и социализм. Ответ Филиппо Турати»⁴⁹. Имея в виду предложенный Джолитти «новый курс», Турати писал, что социалистической партии не следует принимать героические позы и заниматься обструкционизмом, надо использовать сложившуюся ситуацию на благо пролетариата, поддержать правительственные реформы, реализовать собственную программу, интенсифицировать деятельность в массах, усилить ее воспитательный и организационный компонент⁵⁰.

Лабриола не разделял точки зрения Турати, согласно которой правительство Дзанарделли–Джолитти являлось выразителем интересов по-настоящему передовой буржуазии, стремящейся осуществить «буржуазную революцию». Не была ли «парламентская революция», о которой толковал Турати, всего лишь переменной тактики в классовой борьбе, ведущейся силами реакции? Ведь они тотчас объединяются, когда речь заходит о защите интересов аграрно-буржуазного блока – опоры монархии? «Институциональное безразличие» Турати и его попытка увидеть в правительстве Дзанарделли–Джолитти эквивалент демократической республики – не что иное, как заблуждение. Монархическая «левая» лишь продолжает другими средствами – средствами коррупции – линию, избранную в свое время Пеллу, заключал Артуро Лабриола⁵¹.

Пolemика по поводу «министериализма», персонифицированная в личностях Турати и Артуро Лабриолы, реформистская и революционная тенденции наложили отпечаток на всю историю социалистической партии, подчеркивал Г. Манакорда. Турати не без основания усматривал в позиции Лабриолы возврат к анархизму и операизму. Но «революционное» течение, в котором было немало экстремизма и демагогии, стало своего рода отражением нерешенных проблем демократической революции, которые группировка Турати поспешила объявить решенными благодаря приходу к власти либеральной «левой» и завоеванию элементарных политических свобод⁵².

К. Прамполини, выступая в парламенте 13 января 1902 г., подтвердил, что социалисты поддерживают реформаторские намерения правительства. Но в феврале после стачки миланских газовщиков встал вопрос о праве на забастовку работников общественных служб. Склонность партийных лидеров из числа основателей партии к компромиссам с леволиберальным лагерем и Джолитти, готовность к сотрудничеству с ним вызвала в партийных массах (чего опасался Турати) реакцию отторжения.

Полгода спустя после выступления Прамполини в издававшейся в Швейцарии социалистической газете «Аввенире дель лавораторе» появилась первая политическая заметка Бенито Муссолини, которому будет суждено сыграть заметную роль в истории социалистической партии. 19-летний эмигрант ответил на статью К. Ладзари, из которой явствовало, что в связи с «проправительственным» курсом реформистского руководства в ИСП развернулась внутрипартийная борьба. Реплика была озаглавлена так же, как и очерк Ладзари: «Необходимость социали-

стической борьбы в Италии»⁵³, ее автор встал на сторону левого крыла в партии (правда, открывший этой работой антологию «Политические статьи Бенито Муссолини» Э. Сантарелли так не считает).

Деятельность молодого Муссолини в ИСП заслуживает отдельного разговора. Дж. Галли, например, посвятил ей одну из глав своей книги⁵⁴. К особой роли Муссолини в ИСП (замалчивавшейся в послевоенной итальянской историографии) мы еще вернемся⁵⁵.

Достижения социалистического движения в ту пору, укрепление позиций партии отражают итоги съездов. Напомним, что V съезд партии в Риме (8–11 сентября 1900 г.) отразил значительное преобладание реформистов. Тревес, Модильяни, Турати и Прампolini настаивали на принятии нового курса в отношениях рабочего и социалистического движения с государством.

На VI съезде ИСП (6–9 сентября 1902 г.) в Имоле реформистское большинство сохранило позиции. Реформисты во главе с Турати получили поддержку 456 делегатов против 279 сторонников левой коалиции во главе с Э. Ферри и Артуро Лабриолой⁵⁶. В партии насчитывалось на тот момент 51 тыс. членов и 1300 секций. Большинство делегатов проголосовали за резолюцию Биссолати, содержавшую нечеткую, «резиновую» формулировку: «деятельность партии реформистская, потому что она революционная, и революционная, потому что она реформистская». Одновременно во Флоренции молодежная социалистическая федерация провела свой I съезд, основав организацию «Социалистическая молодежь»⁵⁷.

На съезде в Имоле, пожалуй, впервые наиболее демонстративно противостояли два течения – реформистское и революционное⁵⁸. Реформистам удалось закрепить принятые на Римском съезде 1900 г. решения и одержать верх, но их победа была лишь временной. На съезде, в частности, дискутировался вопрос о руководстве «Аванти», но ввиду победы реформистов у руля газеты остался Биссолати. Реформисты группировались вокруг «Критика социале» Турати и миланской газеты «Темпо» К. Тревеса, а революционеры – вокруг изданий «Пропаганда» и «Авангардия социалиста».

Вскоре на сторону революционеров встал и Ферри, которому удалось после ухода Биссолати стать директором «Аванти». Наперекор реформистскому руководству он начал проводить антиджолиттианскую линию под выдвинутым в начале века лозунгом «против всех паразитических клиентел и за демократизацию го-

сударства». Так газета стала органом лишь одного течения, а не всей партии⁵⁹.

Джолитти поначалу планировал сформировать левый кабинет и потому предложил Турати войти в правительство. Об этом он сообщил своему другу, либералу К. Ромусси, попросив его посредничать в переговорах. Ромусси писал Джолитти: «Турати, с которым я имел сегодня длинный разговор, решительно отказался войти в кабинет... Тщетно я говорил ему о Мильеране, о том добре, которое можно было бы сделать, о нашей поддержке»⁶⁰. В результате было сформировано «умеренное, если не откровенно правое», правительство, что отражала его программа. Создалось впечатление, что Джолитти намерен лавировать и проводить реформы крайне осторожно⁶¹.

Российский посол Нелидов доносил, что Джолитти хотел заручиться «поддержкой Крайне левой»: «А потому он обратился прежде всего к г. Турати, одному из вожakov крайних социалистов, который пять лет назад приговорен был к тюремному заключению за участие в миланском бунте. Г. Турати отказался и даже не приехал на предложенное ему свидание. (...) Джолитти вынужден был отказаться от его участия и взять своих товарищей из среды обыкновенных либералов, к которым он сам принадлежит», — по-видимому, с облегчением констатировал посол⁶². Министром иностранных дел был назначен один из оставивших заметный след в итальянской внешней политике деятель — Т. Титтони.

Первые же дни существования кабинета были омрачены самоубийством министра финансов, давнего друга Джолитти, входившего еще в его первое правительство, адвоката из Неаполя П. Розано. В книге основательно исследовавшего «эру Джолитти» историка Дж. Кароччи⁶³ об этом сказано очень скупое: «трагически умер министр Розано». Его назначение министром вызвало резкие возражения морального порядка, в том числе Биссолати и К. Ромусси, директора газеты «Секоло». Розано во время репрессий Криспи добился освобождения из ссылки некоего Бергамаско, получив за это гонорар не как адвокат, а как влиятельный парламентарий. Биссолати считал, что «моральный престиж правительства и лично Джолитти» может пасть, «если в кабинет войдут Розано и Патерно», и пытался убедить в этом лидера левых либералов⁶⁴.

Ромусси писал Джолитти по поводу дела Розано: «В Палате начнутся скандалы и шум. Это повредит достоинству парламента и нанесет вред всем. Будет поднят моральный вопрос. Можем ли мы, кто вместе с Кавалотти начал борьбу против Криспи и его

подонков, допустить, чтобы этот вопрос возник снова? Было бы опасным для демократии допустить, чтобы разные Ферри выступали отныне как единственные защитники морали в Италии. Вы, наверное, прочли статью Турати в “Критика социале”: он тоже объявляет Вам бой»⁶⁵. Смерть Розано усилила пессимизм Джолитти, отмечала Ц.И. Кин. По мнению Дж. Кароччи, с этого времени началось его одиночество. Позднее, анализируя «эру Джолитти», историк-либерал Л. Сальваторелли заметит, что вся «система Джолитти», основанная на деятельности одного человека, с его уходом с политической сцены неминуемо должна была распасться⁶⁶.

Этот момент важен для понимания психологических аспектов в отношениях социалистов с Джолитти. В стране и, вероятно, у самого премьер-министра сложилось впечатление, что именно социалисты, выступившие с резкими статьями против Розано, подставили подножку новому правительству, едва не пустив его ко дну в самом начале рассчитанной на длительное время реформаторской деятельности. Вот что написал об этом российский посол А.И. Нелидов. Причиной самоубийства Розано стала «непосильная борьба против клеветы и безосновательных обвинений» со стороны социалистов в газете «Аванти». «Общественное мнение, пред которым он пользовался весьма нелестной славой», обвиняло Джолитти в том, что из личной приязни к покойному он «поместил его в составе кабинета», подорвав к себе доверие⁶⁷. По данным посла, Джолитти встречался после этого с королем и просил об отставке. Хотя король отставку отклонил, «тем не менее положение министерства уже поколеблено, прежде чем оно начало действовать». Невзирая на то что «социалисты и отказались войти в состав министерства Джолитти и даже на него резко нападают, и в министры попали лица, вовсе не принадлежащие к либеральной партии... программа, которую первый министр изложил ... носит самый либеральный характер, способный, казалось бы, удовлетворить вожеления крайней левой». «По мере уступок растут и требования крайних партий и благие начинания г. Джолитти скоро покажутся социалистам недостаточными, ибо они ищут не пользы для народа, а достижения через него власти, и власти почти безграничной»⁶⁸.

Когда после убийства Умберто I его сын Виктор Эммануил III вступил на трон, он внес заметные новшества не только во внутреннюю (сделав ставку на реформизм Джолитти), но и во внешнюю политику. Не испытывавший особых симпатий к Тройственному союзу, женатый на черногорской княжне Елене, выросшей при царском дворе в Петербурге, он инспирировал курс на

сближение с республиканской Францией и самодержавной Россией⁶⁹, к которой испытывал симпатию и зависть. Особое внимание он уделял балканским проблемам⁷⁰.

Когда в начале XX в. стало особенно очевидно, что без реформ итальянскому государству не обойтись, свой путь предложил не только Джолитти, но и правый либерал Соннино. Родившийся в 1847 г. в Пизе в довольно богатой семье, он сначала служил дипломатом, потом занялся публицистикой и стал опытным политиком. 16 сентября 1900 г. Соннино опубликовал в широко читаемом в интеллектуальных кругах журнале «Нуова антологиа» статью под заглавием «Quod agendum?» Предлагавшаяся им программа реформирования касалась всех наболевших вопросов – от аграрной проблемы, ликвидации отсталости Юга, разрешения социальных неурядиц, подъема уровня образования, укрепления государственных и местных административных структур. В отличие от левого либерала Джолитти, он предлагал проводить реформы сверху, не пытаясь идти на контакт и партнерские отношения с организациями наемных работников. Соннино не скрывал своих симпатий к британским консерваторам и их политическому курсу. Позиция джолиттианцев была аналогична позиции пришедшего позднее к власти в Англии Ллойд Джорджа, сторонника политики социального умиротворения. Ради установления социального мира Джолитти был готов допустить к власти оппозиционеров-социалистов, предлагал Турати войти в правительство, но тот, как отмечалось, ответил отказом. Турати знал, что принятие им данного предложения «вызовет подозрение у массовой базы» партии⁷¹.

«Прогрессистские» намерения Джолитти и его надежды на эволюцию взглядов социалистов быстро рассеялись, отмечал Скоппола. 4 сентября 1904 г. произошли серьезные инциденты в ходе стачки шахтеров в г. Буджерру на Сардинии, где были убиты три человека и 20 ранены; 14 сентября в результате столкновений в Кастелуццо ди Трапани потери составили двое убитых и 10 раненых. На Юге социальные конфликты сохраняли напряженность предшествующего периода. Но главное испытание – охватившую всю страну затяжную всеобщую стачку 1904 г., начатую докерами Генуи, – новому правительству еще предстояло пережить.

Было бы наивным полагать, что Виктор Эммануил III мог согласиться на реформы, которые подорвали бы основы монархии. Но он придерживался иных взглядов, чем его отец. Авторитаризм Соннино и его сторонников не был воспринят вступившим на престол 31-летним монархом. Он больше доверял Джолитти и

Дзанарделли. Как подчеркнул автор многотомной истории Италии Дж. Канделоро, смена монарха ускорила политическую эволюцию итальянского общества тех лет⁷².

Пик дипломатической активности короля пришелся на 1902 г. Тогда же Виктор Эммануил III нанес визит в Петербург, прибыв туда из своей летней резиденции в Раккониджи под Турином по железной дороге через Мюнхен, Нюрнберг и Познань⁷³. В начале XX в. были заложены предпосылки и наметились противоречия международной деятельности Италии как «великой державы»⁷⁴. Российские дипломаты в Риме, естественно, заметили перемены⁷⁵. Посол Нелидов критически оценивал внутреннюю, но не внешнюю политику кабинета Дзанарделли–Джолитти⁷⁶.

В посольских донесениях отражено, как итальянская политика в 1902 г. поворачивалась лицом к союзнице России – республиканской Франции. В июне 1902 г. Нелидов доносил, что французский посол «увез с собою в Париж проект соглашения». Российский посол знал, что соглашение исключает «всякую возможность прямого столкновения между Италией и Францией и враждебного против последней направления Тройственного союза»⁷⁷. В свете франко-итальянского сближения предстоявшее возобновление Тройственного союза уже не выглядело столь угрожающим. Ссылаясь на высказывание министра иностранных дел Принетти, Нелидов писал, что союз утратил свое «воинственное значение, которое ему доселе придавалось»⁷⁸.

Смена внешнеполитического курса была увязана с поворотом в политике внутри страны. Сообщая летом 1900 г. о том, что личность нового короля пока «малоизвестна», Нелидов полагал, что король вряд ли имеет «точные мысли, как с этого курса сойти» и куда направить страну. По мнению консервативно настроенного российского посла, «правительственное и общественное разложение» достигло в Италии «весьма опасных размеров». При таких условиях «вера в будущее Италии, в ее призвание и народные идеалы, которая так искренне звучала в речи молодого короля, может стать для него источником весьма тяжелых разочарований»⁷⁹. «А между тем, – подчеркивал Нелидов, – административный строй Италии постоянно разлагается, экономическое положение королевства становится все более опасным». Это порождает в народе «ропот и отчаяние», и «при упадке нравственного уровня и религиозного чувства, прямо ведет к анархизму и служит на пользу возрастающего влияния социализма»⁸⁰.

По мнению Нелидова, хорошо знакомого с обстановкой в Ватикане, католическая церковь могла бы помочь выправить положение, «особенно там, где распространен социализм, а именно

в северной Италии». Но население там по запрету Ватикана в политической жизни не участвует, и она «всецело находится под влиянием социализма». «Намерения социалистов... хотя и не представляют немедленной опасности, направлены, однако, систематически на низвержение существующего в Италии порядка вещей, в чем, к сожалению, они находят поддержку в высших церковных слоях»⁸¹. Но если «народные толпы восстанут», то не одобровать ни Квириналу, ни Ватикану, заключал посол⁸².

Положение кабинета Джолитти зависело «от шаткой поддержки радикалов, социалистов и республиканцев»⁸³. «Всеобщее брожение и открытое подготавливание беспорядков, имеющих анархистскую подкладку, приняли такие размеры, что можно ожидать весьма опасных событий и необходимости принятия самых строгих мер». Однако возникший в начале февраля 1902 г. правительственный кризис разрешился вопреки таким прогнозам «оставлением у власти гг. Дзанарделли и Джолитти с товарищами». «Благодаря попустительству гг. Дзанарделли и Джолитти социалисты заручились огромным влиянием на рабочих и раскинули сети революционного устройства так широко, что во всех частях Италии можно опасаться забастовок и волнений среди рабочих», подчеркивал Нелидов⁸⁴.

Довольный тем, как «справляется с массами» премьер-министр Джолитти, итальянский король в душе завидовал Николаю II. Тот, по словам короля, мог «делать все, что захочет, не обращая никакого внимания ни на парламент, ни на что-то другое»⁸⁵. Вместе с тем Виктор Эммануил считал, что распространяемые в мире и особенно в России слухи, что в Италии вот-вот начнется революция, лишены всяких оснований. Как сообщал А.И. Нелидов В.Н. Ламздорфу 26 февраля (11 марта) 1902 г., при вручении им королем диплома на звание почетного члена Императорской Академии наук, «его величество не без некоторой горечи сказал, что судя по отзывам иностранной печати можно думать, что королевство находится накануне революции», особенно усердствуют в этом русские газеты⁸⁶. Нелидов объяснил ему, что это всего лишь мнение редакторов. По его оценке, «хотя голос Италии в мировой политике большого значения не имеет, она все-таки остается великой державой, а на направление ее внешней политики личное влияние короля, несомненно, имеет почти решающее значение»⁸⁷.

Революции ждать не приходилось, но революционные настроения внутри социалистического движения в те годы получали все большее распространение. В апреле 1904 г. в Болонье прошел VII съезд ИСП. На нем присутствовали 884 делегата, разде-

лившиеся на три течения: «Критика социале» (Ф. Турати и группа реформистов), непримиримые (Ферри и группа непримиримых), Социалистический авангард (Артуро Лабриола и группа революционеров). В партии насчитывалось меньше членов и организаций по сравнению с предыдущим съездом. По-видимому, это была реакция масс на «министерализм» реформистского руководства.

В таких условиях неудивительно, что на этот раз одержало верх революционное крыло. Борьбу с реформизмом начали молодые делегаты, настаивавшие на «революционном активизме», представлявшие главным образом Юг Италии – Артуро Лабриола, Энрико Леоне, Эрнесто Чезаре Лонгобарди. Их поддержал прежний опораист, а ныне непримиримый, миланец К. Ладзари⁸⁸. Возглавленное А. Лабриолой, вдохновлявшимся идеями Сореля, течение революционного синдикализма поддержало резолюцию Ферри, направленную против резолюции Р. Риголы, за которой стояли реформисты. В итоге за резолюцию Ферри проголосовали большинство делегатов. В противовес туратинскому градуализму Лабриола настаивал на необходимости радикальной, насильственной революции, которая изменила бы структуру итальянского общества. Средством для этого должна была послужить всеобщая забастовка. Против резко выступил Турати, обвинивший синдикалистов в пренебрежении к реформам, инфантилизме и в проповеди культа насилия.

Когда в 1903 г. Дзанарделли ушел в отставку по состоянию здоровья и Джолитти удалось сформировать свой второй кабинет, казалось, ничто не предвещает социальных конфликтов. Как писал Дж. Прокаччи, «месяцы между апрелем и августом 1904 г. в политическом плане были спокойными. Новое правительство Джолитти, после того как в декабре, несмотря на шум по поводу морального вопроса, оно получило большинство в парламенте, теперь спокойно занималось своей работой. Как это случалось ранее во время подобных затиший, данная пауза была использована для раздумий в рядах социалистической партии. Победные кличи и осуждение позиций противников, раздававшиеся с двух сторон после съезда, уступили место обычной административной рутине, сохранению шаткого единства в партии»⁸⁹.

Но в середине сентября 1904 г. началась всеобщая забастовка, в ходе которой победившие на съезде анархо-синдикалисты могли проявить себя и попытаться реализовать свои идеи. Возглавляемая революционными синдикалистами Миланская Палата труда объявила всеобщую забастовку, выступив против расправ с рабочим движением (за прошедшие с начала века четыре

года насчитывалось 250 убитых и раненых). Забастовка охватила всю страну. Отношения между правительством и левыми были испорчены, политический курс правящих кругов вновь сместился вправо.

Сменивший в ноябре 1903 г. Нелидова новый российский посол князь Л.П. Урусов писал: «В прошлую пятницу 3(16) сентября вспыхнула всеобщая стачка рабочих, принявшая сразу самый угрожающий характер. В результате стычек забастовщиков с солдатами, посланными на подавление стачек в небольших городках южной Италии, есть убитые и раненые. “Центральный социалистический комитет рабочих” призвал к протесту против действий правительства, поддерживающего “тиранство капитала перед рабочим сословием”. На следующий день “с изумительным единодушием” была прекращена работа во всех промыслах и ремеслах по всей Италии». В Милане, Генуе, Болонье и других городах стачка вызвала «значительные уличные беспорядки, всякого рода насилия, свалки, поранения, даже убийства. В продолжение полутора суток на улицах господствовала чернь. На митингах самые умеренные ораторы требовали отставки министерства и немедленного созыва парламента, которому будет постановлено в обязанность постановить закон, воспрещающий вмешательство войска в споры, возникающие между рабочими и их хозяевами. Большая же часть ораторов, именующих себя “социалистами-революционерами”, заходили несравненно далее и проповедовали прямо восстание пролетариев. {...} Народное движение приняло сразу же чисто республиканскую форму. {...} В Северной Италии пели революционный “гимн рабочих”, слышались крики “*abasso la Monarchia*”, “*viva la Repubblica*”».

«Центральный комитет» распорядился «прекратить стачку», так как «весьма вероятно, что вожаки социалистов и не намеревались заходить далее того, что было исполнено». Судя по официальным заявлениям руководителей партии, повторенным органами печати, «в настоящую минуту революция не входит в их программу». Посол признавал, что «стачка, разом охватившая всю Италию, не имела ни малейшего основания экономического свойства, а была предписана комитетом из-за исключительно политического расчета»⁹⁰.

«Всеми высшими сферами овладел страх и сомнение в прочности основных учреждений страны, – добавлял Урусов. – Многие политики из числа консерваторов и умеренных либералов считают революцию неминуемою в скором будущем». Посол считал, что подобные опасения «не лишены основания» и указывал на опасность двоевластия. Тогда как правительство «с трудом

решается проводить полумеры», «революционная власть, без всяких препятствий и колебаний издает повеления, которым слепо и мгновенно подчиняются сотни тысяч рабочих, готовых на самые крайние действия».

Посол констатировал, что «возбуждение в рабочих массах не прекращается», идут митинги, в том числе железнодорожных рабочих, школьных учителей. «В ближайших окрестностях столицы сельские рабочие силою завладевают землями помещиков, и бессильная правительственная власть не в состоянии восстановить право собственности». В этих условиях Джолитти «прибег для усиления средств против беспорядка к призыву солдат класса 1880 года». Эта мера предоставит в распоряжение правительства дополнительно 60 тыс. войска и «дозволит ему в случае возобновления всеобщей стачки рабочих охранить до известной степени порядок, хотя бы в больших городах, и обеспечить движение по железным дорогам»⁹¹.

Подхлестнутая сильным эмоциональным импульсом, всеобщая забастовка, отмечала К.Ф. Мизиано, не была, как полагал Турати, лишь «широким городским выступлением протеста». Правда, позже он уточнил: «политического протеста». Протест, как отмечала газета «Темпо», был направлен на решение ограниченной задачи⁹² и не шел дальше «проявления глубоко укорененной в народе потребности к справедливости»⁹³. Движение носило политический характер. Оно выражало протест прозревавших масс против либерального курса, против Савойской монархии, скреплявшей ненавистный социальный порядок. Движение рабочих, в котором классовые и общедемократические задачи сливались воедино, приняло необычайно широкие масштабы и развивалось, не встречая поначалу серьезных преград⁹⁴.

В те дни в «Аванти» отмечалось, что всеобщая стачка «не была подготовлена». И делался вывод: «необходимо больше доверять энергии и политической зрелости итальянского пролетариата»⁹⁵. Э. Леоне назвал стачку «подлинно национальным по своим целям и по размаху сражением». Она вызвала живой отклик в международном социалистическом движении, обретя интернациональную значимость. Из публиковавшихся в возглавляемом Каутским органе СДПГ «Нойе цайт» корреспонденций из Италии социалистки О. Ольберг европейская и международная общественность узнавала правду о событиях в Италии. Стачка оценивалась журналом как «наиболее совершенная всеобщая забастовка, какую знала история», доказавшая «необычайное мужество, благородство, самоотверженность итальянского пролетариата», способного «в любой момент поднять на борьбу с заво-

дов и полей, рудников и общественных учреждений сотни тысяч людей»⁹⁶.

«Я был убежден, – писал Джолитти в мемуарах, – в том, что государству... не следует непременно и преждевременно выставлять напоказ силу, которой оно располагает, а пускать ее в ход лишь тогда, когда это окажется действительно необходимым, что, собственно, не требовалось»⁹⁷. Призвав дополнительный контингент войск, чтобы подавить выступление забастовщиков, Джолитти, по сути дела, угрожал восставшим широкомасштабным кровопролитием. При этом его критиковали не только слева, но и справа, со стороны перепуганных столпов режима, консерваторов и монархистов, да и самих его сторонников – левых либералов. Так, директор «Коррьере делла сера» Л. Альбертини, обвиняя власти в бездействии и бессилии, призывал Джолитти сделать наконец «решающий выбор», так как «нельзя управлять страной, живя в дружбе со всеми»⁹⁸. Во все время нахождения Джолитти у власти не переставало существовать жесткое неприятие его курса с двух сторон, представлявших «левый» и «правый» антиджолиттизм.

Джолитти в конце концов прислушался к голосам из правящего лагеря и прибег к политике «твердой руки»: в геновский и неаполитанский порты были направлены военные корабли, в Неаполь – два кавалерийских полка, готовился декрет о переводе железнодорожников в случае необходимости на военное положение. Эти меры были одобрены в правом лагере, и ряды оппозиции джолиттианскому курсу справа поредели. Депутат-либерал Валла в личном письме Джолитти хвалил его мужественное терпение, позволившее «избежать взрыва революции», к которому «неминуемо привело бы применение вооруженной силы»⁹⁹. Б. Кроче писал, что всеобщая забастовка, казалось, «передала Италию в руки рабочих, дабы они распоряжались ею по собственному усмотрению». Это обстоятельство «заставило все другие социальные слои поначалу содрогнуться от ужаса, однако ужас вскоре сменился негодованием»¹⁰⁰.

Лидеры социалистов не верили в успех затеянной акции протеста рабочих и не поддерживали забастовщиков. Мнения были сходны, независимо от того, к какому крылу партии они принадлежали. Реформисты в лице их лидера Турати в разгар забастовки на митинге в Милане 17 сентября призывали «прекратить обреченную борьбу». В ответ митингующие назвали его защитником Джолитти. Не верили в успех и революционные синдикалисты и их лидер А. Лабриола. В статье под характерным заголовком «Пять дней первого опыта диктатуры пролетариата» он обвинил

парламентскую фракцию партий Крайней левой в том, что ее депутаты не поддержали «достойные восхищения» боевые пролетарские силы, подвергшиеся остракизму в общественном мнении. Тем самым, по мнению Лабриолы, они не дали осуществиться «республике рабочих», хотя в условиях отсталости Италии она была бы лишь «мимолетным, кровавым событием»¹⁰¹.

Реформисты считали стачку «роковой ошибкой», обвиняя синдикалистов (замаскированных анархистов) в том, что те поставили перед забастовщиками недосягаемые цели. Революции, на которую уповали синдикалисты, совершающейся, по ироническому выражению Турати, по мановению волшебной палочки, реформисты противопоставляли свою концепцию «революции, подготовленной и гарантированной эволюцией»¹⁰². Над этой концепцией в том же номере «Критика социале», в котором Турати ее обнародовал, потешался Э. Ферри. Как уже отмечалось, с 1903 г. он был директором «Аванти», которая при его руководстве превратилась в трибуну партийных революционеров. По мнению Лабриолы, всеобщая забастовка показала, что на деле в рабочем движении преобладают профессиональные организации, оттеснившие партию, стачка подорвала у рабочих веру в реформистов и реформизм¹⁰³.

На VI съезде ИСП, проходившем 8–11 апреля 1904 г. в Болонье, Лабриола заявил, что, выслушав речь Турати, он пришел к выводу, что между позициями двух течений в партии – реформистским и революционным – нет особых различий. Хотя Турати, Кулишова, Тревес, стремившиеся сохранить любой ценой единство партии, аплодировали ему со слезами на глазах, объединить силы на съезде не удалось. Лабриола и его сторонники оказались на съезде в меньшинстве. Кроме группировки Турати, заявили о себе представители левого центра во главе с Э. Ферри и правого центра во главе с Р. Риголой¹⁰⁴.

После неудачи всеобщей стачки 1904 г. социалисты оказались как никогда расколотыми; оба крыла – реформисты и синдикалисты – потребовали решительного размежевания. Этот раскол внутри партии не мог не сказаться на результатах досрочных выборов 6–13 ноября 1904 г. (премьер-министр уже в октябре «после долгого колебания» предусмотрительно распустил парламент¹⁰⁵). Джолитти на этих выборах не только победил, но и заметно укрепил свои позиции. «Городская мелкая буржуазия, мелкие торговцы, служащие, интеллектуалы, – писал накануне второго тура выборов Тревес, – подверглись мощнейшей пропагандистской атаке со стороны консерваторов, либералов, клерикалов, разжигавших страсти и использовавших страх, вызванный

всеобщей забастовкой. И мелкая буржуазия, негодуя против социалистов, палат труда, органов народного самоуправления, проголосовала против социалистов, демократов, за клерикалов и либералов»¹⁰⁶.

В выборах впервые участвовали получившие на то разрешение Ватикана католики. Поддержка избирателей позволила им сформировать свою первую парламентскую группу. Левая оппозиция была ослаблена, социалистам достались 29 мест в парламенте. В итоге Джолитти, обретя устойчивое большинство в парламенте, без труда переформировал правительство. После «удачных для правительства выборов Италия пользуется почти небывалым еще спокойствием», – констатировал российский посол в конце 1904 г. и добавлял: «Опыт недавнего поражения доказал социалистам, что страна еще недостаточно хорошо подготовлена к применению на практике их теорий. Они отказались вследствие сего от начатого ими поспешного движения вперед и, по-видимому, решили сосредоточить все усилия на распространении своего учения в среде сельского населения. Признаком этого являются часто возникающие в последнее время беспорядки и мятежи крестьян, имеющие чисто аграрный характер». Однако «разобщенные и незначительные в сравнении с фабричными мятежами, они легко укрощаются властями. Социалистам потребуются, весьма вероятно, еще много труда, чтобы достичь своей цели в среде крестьян»¹⁰⁷, – заключал Урусов, не подозревая, что вскоре революционный пожар вспыхнет уже на его родине.

Таким образом, в начале 1905 г. Джолитти провел успешную рокировку и в итоге внеочередных парламентских выборов остался у власти. Путем умелого маневрирования ему удалось смягчать царившее в стране напряжение. Позднее, в 1906 г., Российское посольство в Риме переправило в Петербург брошюру, посвященную политике Джолитти. Ее автор, социалист Г. Подрекка, резко осуждал премьер-министра за разглагольствования по поводу необходимости моральных правил для политиков. Разглагольствования эти, по мнению Подрекки, шли вразрез с закулисной деятельностью Джолитти, причастного, в частности, к «темной» афере – краже денег в Римском банке, за которую его «следовало бы посадить в тюрьму»¹⁰⁸.

После неудачного выступления социалистов на выборах, в начале 1905 г. на V съезде Палат труда и федераций ИСП произошло очередное резкое столкновение реформистов и революционеров. Последовавшая вскоре мощная забастовка железнодорожников окончилась неудачей. Правительство взяло железные дороги из частных рук под управление государства, сделав тем

самым железнодорожников государственными служащими, которым воспрещалось бастовать.

Как отмечалось в итоговом документе российского МИД за 1905 г., в Италии в тот год правительству пришлось «стать лицом к лицу с рабочим движением, выразившемся всеобщей стачкою железнодорожных служащих». Благодаря, однако, осознанию правительством всей опасности забастовки и решимости «прекратить ее всеми имеющимися средствами, последняя продолжалась всего лишь пять дней»¹⁰⁹. (Эта стачка вошла в историю, став родоначальницей такого известного явления, как «забастовка по-итальянски».) «Генеральная стачка железнодорожных служащих», доносил Крупенский, направлена на то, «чтобы буквальным, до абсурда, исполнением всех постановлений железнодорожного устава, вызывающим сильное замедление в службе, нарушить правильное течение железнодорожного движения». Правительство «сочло своевременным даровать... известное удовлетворение притязаниям рабочих», большой отряд которых – 40 тыс. человек – «одну из видных единиц в социалистической борьбе» составляют железнодорожные рабочие. Но у железнодорожников отобрали право бастовать и установили «специальные карательные меры на случай забастовки»¹¹⁰.

В 1905 г. внимание итальянских социалистов было привлечено к разворачивавшейся в России революции. Социалистические печатные органы выражали солидарность с восставшим российским пролетариатом¹¹¹. «Петербургские стачки и беспорядки, которые привели к вооруженному столкновению толпы с войсками, произвели в Италии, как и везде за границею, сильное впечатление», – сообщал временный поверенный в делах в Риме Крупенский. (К тому времени посол Урусов был отозван, в посольстве ожидали нового главу – Н.В. Муравьева, которого царь снабдил перед отъездом, 16 февраля 1905 г., подробными инструкциями¹¹².) Крупенский полагал, что симпатия здешнего населения к «жертвам петербургской стачки» «напускная, в ней выразилась общность целей всех недовольных и революционных элементов Европы, которые воспользовались этим удобным случаем для пропаганды своих разрушительных теорий. В Италии сочувствие народонаселения к убитым рабочим, число которых неимоверно преувеличено в здешних органах печати, и неприязнь к России вообще выразилась в самой неприличной форме не только на улице, но и, что знаменательнее, в стенах самого парламента».

«Между арестованными в Санкт-Петербурге пользуется особенною симпатиею за границею Максим Горький, сочинения которого переведены на итальянский язык», – продолжал Крупен-

ский. «Турати и Биссолати сделали на заседании Палаты запрос министру иностранных дел, считает ли он своею обязанностью довести до сведения императорского правительства, что вся Италия глубоко возмущена петербургскими изуверствами». Однако «на этот запрос Титтони отказался прямо отвечать и вызвал этим шумные протесты»¹¹³. Антироссийские настроения начали распространяться в Италии уже после начала русско-японской войны (1904–1905), многие в этом конфликте симпатизировали больше Японии, нежели России.

Рабочее и социалистическое движение в Италии ширилось и учреждало свои новые организации. В сентябре 1906 г. по предложению рабочих металлургов в Милане на учредительный съезд Всеобщей конфедерации труда (ВКТ) собрались 500 делегатов, представлявших 250 тыс. организованных рабочих. Съезд принял реформистскую по существу программу, реформистскому большинству в руководстве удалось поставить во главе ВКТ Р. Риголу. Анархисты и революционные синдикалисты покинули съезд и призвали массы к более жесткой борьбе.

Вокруг Палаты труда в Парме, возглавляемой А. Де Амбрисом, образовалась группа несогласных, вдохновлявшихся идеями французских революционных синдикалистов. Именно они организовали знаменитую Пармскую стачку весной 1908 г. В июле 1907 г. революционные синдикалисты решили выйти из ИСП. Произошел первый раскол партии, которых на веку ИСП будет затем более чем достаточно.

Рассказывая о Пармской забастовке, посол Муравьев замечал, что в понимании Джолитти «роль государства в столкновениях капитализма и пролетариата должна отличаться полной нейтральностью и ограничиваться поддержкой материального порядка». Характеризуя далее позиции социалистов, Муравьев писал: «И Римский национальный 1906 г., и Флорентийский съезд представителей Дирекции партии и Главной Рабочей конфедерации, состоявшийся в сентябре 1907 г., отнеслись с порицающим недоброжелательством к забастовкам, не вызванным крайней необходимостью, и признали их применение неизбежным только в случаях невозможности закономерной борьбы с капитализмом. (...) Оппортунизм социалистов нашел себе еще раз неопровержимое подтверждение, а с этим фактом нельзя не считаться при соображении всех факторов внутреннего положения страны»¹¹⁴.

Пармскую забастовку ярко описал М. Горький¹¹⁵. Он приехал в Италию из США в 1906 г. и поселился на Капри, где вокруг него образовалась русская колония, состоявшая главным образом из революционеров, создавших Каприйскую школу. Советские

исследователи освещали историю этой школы исходя из неприятия ее Лениным, приехавшим на Капри в 1908 г. с целью выяснения позиций «еретика» русского социализма Богданова и его сторонников, с которым Горькому Ленина тогда не удалось примирить. Лишь в последние годы после публикаций засекреченной ранее переписки Горького с Лениным стало возможным дать более объективную оценку деятельности Каприйской школы¹¹⁶.

Итальянские социалисты продолжали демонстрировать солидарность с участниками русской революции 1905 г. «Первая русская революция зажгла с ни с чем не сравнимой силой веру рабочих в социализм и, разбив рутину реформизма, нанесла смертельный удар иллюзиям о мирном рождении социализма из недр капиталистического общества», — писал Г. Манакорда¹¹⁷. Парламентарии ИСП (среди них выделялся О. Моргари, речи которого особенно коробили царских дипломатов в Риме, посчитавших их поводом для дипломатического скандала) возглавили те силы, которые много лет кряду не допускали осуществления ответного государственного визита Николая II в Италию.

Поездка Николая II была запланирована на 1903 г., но в результате сопротивления социалистов царь смог приехать на свидание с королем в Раккониджи лишь в 1909 г., когда отношения между двумя странами существенно улучшились. Этому способствовал подвиг русских моряков, которые во время страшного землетрясения в Мессине первыми, еще до того, как прибыли итальянские спасатели, нередко с риском для жизни спасли многих пострадавших¹¹⁸.

«Под влиянием внутренних политических событий в России и ввиду предстоящих выборов в Государственную Думу в Италии появляются во множестве разнообразные, неосновательные, по большей части враждебные императорскому правительству сведения о положении и ходе наших дел», сообщали в Министерство иностранных дел российские дипломаты. По мнению Муравьева, по отношению к подобной информации следовало занять позицию «спокойного и презрительного равнодушия». Тогда в «доверительных частных разговорах с президентом Совета Министров и министром иностранных дел» посол мог бы «указывать на печатные словоизвержения против нас без возбуждения какого-либо инцидента, в благоприятном разрешении которого не было бы уверенности». «При этом Джолитти, не стесняющийся резко осуждать излишества печати, всегда высказывал, что он бессилен против слов, но не допускает неприязненного действия (например, уличной манифестации) и что его система — *«laisser dire, mais ne pas laisser faire»*, с чем, конечно,

при данных условиях трудно было бы не согласиться». Как подчеркивал посол, «главным центром агитации против нас, сверхпресловутых конференций неутомимо странствующей по Италии Ангелики Балабановой, являются все-таки русские выходцы-революционеры, которые группируются теперь вокруг имени и личности Максима Горького и пользуются покровительством и помощью итальянских социалистов». К Горькому ездили на Капри «на поклонение и из любопытства»¹¹⁹.

В начале 1907 г. Муравьев сообщал, что «14(27) января римские социалисты устраивают собрание в память о петербургских событиях 9 января 1905 г.» Они послали Горькому «настоятельное приглашение председательствовать» на митинге. «Но он предусмотрительно уклонился, как мне о том передал министр внутренних дел (...) “Пусть поболтают и покричат в четырех стенах, а на улицу мы их не пустим”, прибавил Джолитти не без злорадной усмешки над социалистами, которых он имеет основание считать и личными своими врагами», — подчеркивал посол. К донесению прилагалось обращение М. Горького: «Мой товарищеский привет пролетариату, друзьям социалистам», в котором писатель расценивал как «акт высокой моральной чистоты» кампанию левых против приезда в Италию «Николая Романова — царя крови и ужаса, насилия и цинизма»¹²⁰.

Дискуссии и острая полемика на общепартийных форумах начала XX в. определяли положение партии в политической системе страны, становившееся в джолиттианский период все более весомым. На IX съезде ИСП в Риме в октябре 1906 г. 842 делегата представляли 34 тыс. членов и 932 секции. Делегаты снова разделились на три течения: 1) «Критика социале» во главе с Турати, 2) революционные синдикалисты во главе с Лабриолой, 3) интегралисты, в число которых вошли непримиримые во главе с Ферри и часть реформистов.

Вопрос об отношении к всеобщей забастовке был одним из наиболее дискуссионных. Резолюцию синдикалистов, отрицавших политическую борьбу и настаивавших на том, что «революционную деятельность партии следует осуществлять с помощью специальных средств организации профсоюзов, т.е. путем всеобщей забастовки», делегаты съезда отвергли. В итоге образовалось новое большинство из реформистов и интегралистов, объединившихся на основе компромисса: признав автономию парламентской группы социалистов, к чему всегда стремились составлявшие ее большинство реформисты, они обязали парламентариев-социалистов согласовывать свои решения с руководством (дирекцией) партии. Компромиссное решение было принято и по

поводу «электоральной и парламентской тактики»: «непримиримость есть максима, а соглашательство – исключение». ИСП отвергла как сотрудничество с властью, так и использование без острой необходимости всеобщей забастовки и «прямых действий» в качестве самоцели¹²¹. Директором «Аванти» был избран Ферри (в начале 1908 г. он неожиданно уйдет в отставку и отправится с серией выступлений в Латинскую Америку, перестав быть партийным лидером, на посту редактора «Аванти» его заменит О. Моргари).

На Римском съезде 1906 г. особенно ярко выступили Ферри, Турати, Артуро Лабриола, Энрико Леоне. Критикуя политику руководства ИСП, Леоне привел в качестве примера успешного функционирования организаций рабочих по профессиям в США. Таким образом он намекнул, что там неплохо обходятся и без партии социалистов и что в Италии в ней нет никакой нужды. Другие ораторы, в частности Грациадеи, Ригола, Кьеза, Биссолати, тоже были не против обращения к тред-юнионизму¹²². Но в этот раз синдикалистам не удалось завоевать на свою сторону заметной части делегатов съезда.

На съезде продолжилась полемика между реформистами и синдикалистами, особенно резкая между А. Лабриолой и Турати. Леоне упрекал партийных лидеров за то, что «электоральную базу ИСП составляют не рабочие» и что вследствие погони за максимальным числом избирателей партия «обретает недостатки, пороки и менталитет буржуазных партий», отношения с которыми сводятся до уровня простой конкуренции. В свою очередь Ферри призвал «вернуться к пролетарским истокам социалистического движения». Леоне считал необходимым докопаться до причин, вызвавших существование в партии двух фундаментальных направлений социализма. Представители первого «верят в то, что по законам эволюции сотрудничество различных, наиболее демократических и передовых социальных слоев повернет историю на путь прогрессивных реформ, которые приведут к социализму». Сторонники второго – в то, что этого можно добиться, вдохновляясь марксизмом в его первоначальном виде. По мысли Леоне, «социалистическое движение должно опираться на пролетариат, а не на партию и действовать только в интересах лиц наемного труда», поскольку пролетариат – «протагонист социальной революции»¹²³. На что Турати парировал: «у нас два отечества – партия и пролетариат» и добавил, «будь Маркс жив, он скорректировал бы свою позицию, учитывая эволюцию общества»¹²⁴. Леоне признал, что синдикалисты отстаивают антиэтатистские позиции, сославшись на идеи Прудона и Сореля¹²⁵.

На Римском съезде были представлены три резолюции: интегралистов, революционных синдикалистов, непримиримых революционеров. За первую было подано 26 947 голосов, за вторую – 5728, за третью – 1101. Благодаря объединению реформистов во главе с Турати и интегралистов во главе с Ферри этим двум направлениям удалось взять верх. После этого съезда реформисты обрели в партии значительное преимущество. В 1906–1908 гг. они не раз резко критиковали синдикалистов. Последние собрали в июле 1907 г. в Ферраре собственный съезд, на котором приняли решение покинуть ИСП и основать «классовую организацию» (ее центром стала Парма). Согласно их замыслу, главным и достаточным орудием классовой борьбы должны были стать профсоюзы. Синдикалисты представляли 100 тыс. организованных трудящихся, вдобавок к этому 200 тыс. членов насчитывала Всеобщая конфедерация труда. В «прямых действиях» пролетариата они видели наиболее эффективный способ разрыва с «джолиттианско-туратианским реформизмом», полагая, что система развалится под тяжестью внутренних противоречий. Но широкие массы за синдикалистами так и не пошли, уровень их влияния падал.

В 1906–1909 гг. образовался фактический альянс между реформистским руководством социалистов Северной Италии и Джолитти. Это негласное соглашение заметно влияло на итальянскую политику¹²⁶. Но одновременно с вхождением депутатов и реформистских организаций во власть (логичный и необратимый процесс, характерный в тот период для развитых европейских стран) в среде социалистов росла антиправительственная агитация. Особенно это касалось настроенных весьма революционно социалистов-южан. Их идеологом стал Г. Сальвемини, который, хотя и испытывал симпатии к революционерам, происходил все же из рядов реформистов. За ним стояли социалисты самой различной ориентации. Сальвемини ввел во внутрипартийную дискуссию проблемы Юга и его связей с рабочим движением Севера, демократических политических реформ.

Южный вопрос, таким образом, стал элементом будущего «социалистического сознания», сводимым, однако, к признанию атипичности развития итальянского Юга в сравнении с переживавшей бурную промышленную революцию северной частью страны. Сальвемини предлагал поменять положение вещей с тем, чтобы крестьяне Юга тоже пользовались политическими свободами, достижениями цивилизации и результатами реформ, и покончить с «олигархией» северян в ИСП. Партийные лидеры Севера отвечали на это, что Юг тоже извлекает выгоду от развития

Севера, и, в свою очередь, требовали развития «северного» сознания у южан. Сальвемини вел постоянную полемику с оппонентами, наиболее ярким ее выражением была произнесенная им на съезде ИСП во Флоренции в 1908 г. речь. Полемика не привела к немедленному повороту в политике партии, реформисты не отказались от поддержки джолиттизма. Но она «обнажила насущные проблемы джолиттианской эры и недостатки реформизма»¹²⁷.

Длительные забастовки крестьян в зоне Феррары в 1907 г. и в окрестностях Пармы в 1908 г., волнения в сельских местностях Апулии показали, что существует глубокий разрыв между крестьянскими массами и руководством партии (такой же барьер отделял руководство ИСП от кооперативного движения). Партийные лидеры и руководство ВКТ не только не обратили должного внимания на эти мощные стачки, но и на стачки из-за массовых увольнений рабочих на Севере и в Риме, проведенные соответственно в октябре 1907 г. и марте 1908 г. профсоюзом железнодорожников и возглавленные синдикалистами. В ответ забастовщики резко осудили партийное и профсоюзное руководство.

В партии шел растянувшийся на годы (1898–1907) процесс идеологического обновления. Начатый еще полемикой с ревизионистами, которую вел остававшийся на позициях Энгельса и II Интернационала Антонио Лабриола, этот процесс был продолжен, когда к ревизии марксизма обратились другие итальянские социалисты. Хотя серьезных теоретиков, способных, как Э. Берштейн в среде немецких социал-демократов, пересмотреть марксизм в целях приведения его постулатов в большее соответствие с современной ситуацией, отбросить оказавшееся непригодным, в Италии не нашлось, но попытки такого рода здесь все же предпринимались.

Их символизируют, например, статьи Мерлино в «Ривиста критика дель социализмо» (1898), книги А. Грациадеи «Капиталистическое производство» (1899) и И. Бономи «Новые пути социализма»¹²⁸. Авторы отстаивали реформистские подходы и ясно обозначили свои позиции в полемике с революционерами, которая постоянно велась в ИСП в 1901–1906 гг.

В сентябре 1908 г. в Модене собрался второй съезд ВКТ, на котором были представлены 92 палаты труда и 217 тыс. членов. Несмотря на то что ВКТ стремилась продемонстрировать автономию, независимость от партии, Моденский съезд подтвердил, что соглашение социалистов с профсоюзами продолжает действовать. Было решено, что отныне лишь ВКТ может объявлять

всеобщую забастовку, а ее организационная структура будет построена по образцу немецких профсоюзов¹²⁹.

В октябре 1908 г. во Флоренции состоялся X съезд ИСП, на котором вновь преобладали реформисты и были представлены 779 секций и 30 тыс. членов партии. Отказавшихся участвовать в работе съезда синдикалистов исключили из партии. В одной из резолюций признавалась «несовместимость методов ИСП» с «доктриной и практикой революционного синдикализма». Интегралисты вновь объединились с реформистами, получившими подавляющее большинство голосов. Тогда же сформировалось новое левое течение революционеров во главе с Дж.М. Серрати.

Реформисты в своей резолюции призывали установить «более тесные отношения между партией и ВКТ» и квалифицировали всеобщую забастовку как «опасное оружие», к которому следует прибегать лишь в чрезвычайных обстоятельствах. Была также принята резолюция о несовместимости членства в ИСП с участием в религиозных организациях. Образовалось реформистское большинство, за которым насчитывалось 18 629 голосов. Другую резолюцию, которую предложил Моргари, одобрили 6 250 делегатов. Непримирым удалось собрать 6 011 голосов. Воздержалось от голосования по резолюциям – 144 делегата. Директором «Аванти» был избран Биссолати, что означало его триумфальное возвращение на ведущие позиции в партии¹³⁰.

Один из главных документов Флорентийского съезда 1908 г. – доклад парламентариев-социалистов О. Моргари, К. Ладзари и Дж.Э. Модильяни¹³¹, называвшийся «Тактика и программа на предстоящих политических выборах и последующая парламентская деятельность». На выборах в марте 1909 г. социалисты выступили удачнее, чем на предыдущих, получив 43 депутатских места. Первым из социалистов вице-президентом Палаты депутатов 25 марта 1909 г. стал Андреа Коста.

На XI съезде ИСП в Милане в октябре 1910 г., на котором были представлены 32 тыс. членов и 1127 секций, реформисты одержали новую победу. Однако в их рядах произошел раскол. С этих пор уровень влияния реформистов стал падать. На съезде заявили о себе следующие течения: две фракции левых (они делились на центр – группа Турати, правых – группа Биссолати), к которым присоединилась группа интегралистов и революционеры (в число которых входил и Бенито Муссолини) во главе с К. Ладзари.

Предложенная группой Турати резолюция призывала членов партии добиваться от правительства выполнения «четырех основных требований»: «1) принятия закона о всеобщем голосо-

нии для обоих полов, 2) прекращении роста военных затрат и последующего их сокращения, 3) более широкого развития (при поддержке государства) местных организаций трудящихся и самой партии, а также школ и всех видов пролетарской культуры, 4) социальных гарантий»¹³². На сей раз директором «Аванти» был избран Клаудио Тревес.

Тем временем ускоренными темпами развивалось кооперативное движение, так или иначе соприкасавшееся с социалистическими организациями. В 1910 г. насчитывалось 1764 потребительских кооператива, объединявших 346 тыс. человек, 1608 производственных кооператива – 250 тыс. членов, 379 строительных кооператива – 49 тыс. работников, 1017 трудовых кооператива – 95 тыс. человек.

Именно в те годы «джолиттианской эпохи» под давлением социалистов парламент принял некоторые, уже упоминавшиеся важные законы, улучшившие социальную обстановку в стране. Воскресенье стало для трудящихся выходным днем, был запрещен ночной труд для женщин, основана «национальная касса материнства», введен минимальный возрастной порог – 12 лет, с которого подростки могли начинать работать, усовершенствована система выплат по инвалидности и старости, созданы бюро по трудоустройству, приняты законы о строительстве Народных домов и деятельности кооперативов. «Индустрию Севера поддерживали с помощью политики протекционизма, а организованных рабочих – с помощью социального законодательства. Ухудшалось, однако, положение крестьянства на Юге, оно не было защищено ни законами, ни особыми профессиональными организациями»¹³³.

XII чрезвычайный съезд ИСП (Модена, 15–18 октября 1911 г.) был созван с целью решить «вопрос участия социалистов во власти», а также способов ее потенциального достижения. Но война в Ливии, объявленная итальянским правительством несколькими днями раньше созыва съезда, изменила политическую ситуацию, что заставило ИСП определить позицию в отношении этой войны. Правые реформисты объединились с революционерами и с теми же социалистами-революционерами во главе с А. Лабриолой, которые по существу выступили за войну. Но съезд подавляющим большинством голосов ее осудил¹³⁴. Непримиримые революционеры резко критиковали правительство Джолитти, решительно отказываясь от сотрудничества с «буржуазной демократией», к которому были склонны получившие на съезде большинство реформисты, возглавляемые Турати и Тревесом.

XIII съезд ИСП прошел в Реджо Эмилии в июле 1912 г. Он стал заметной вехой в развитии партии. Так, большинство участников съезда одобрило исключение из нее правых реформистов – Биссолати, Кабрини, Бономи, несмотря на то что Турати, Тревес, Модильяни предлагали их только осудить за проявление верноподданнических чувств. Дело в том, что Биссолати и Кабрини (в качестве депутатов парламента от ИСП) после неудачного покушения на жизнь короля и королевы направили им телеграмму, в которой выразили сочувствие и поддержку. Рядовых членов партии этот поступок возмутил. В итоге съезд принял резолюцию, отвергавшую «всякое сотрудничество с буржуазными правительствами», подтвердив тем самым «классический революционный и потому антиколлорационистский характер социалистической партии». В избранном съездом руководстве партии преобладали представители революционного крыла. Директором «Аванти» был избран Бенито Муссолини, которому течение непримиримых революционеров во главе с Ладзари доверило выступить на съезде с обличительной речью против правых реформистов¹³⁵.

Об этом экстраординарном съезде рассказала в мемуарах А.И. Балабанова. Левые, к которым она тогда принадлежала, составляли в партии большинство, их взгляды были сопоставимы с подходами «ортодоксальных марксистов» в Германии. Те противопоставляли себя «ревизионистам» во главе с Бернштейном», вспоминала Балабанова. Левые решили подготовить резолюцию с требованием исключить из партии Биссолати, Кабрини, Бономи и Подрекку. «Принятие такой резолюции, направленной против одной из важных группировок в руководстве партии, означало бы общую победу левых. Они смогли бы взять на себя всю ответственность за партию». Главным оратором-обвинителем от левых кто-то попросил выступить мало кому известного социалиста из Романьи Б. Муссолини. Единственное, что о нем тогда знали, так это то, что он время от времени печатает статьи в «Аванти». Несмотря на то что Муссолини чувствовал себя на трибуне неуверенно, его речь с резким осуждением поступка Бисолати и Кабрини и предложенная им резолюция за исключение их и других представителей правых реформистов из партии была встречена с энтузиазмом, съезд знаменовал победу левого крыла. Ладзари предложил ввести «молодого товарища Муссолини» в руководящие органы партии, чтобы обновить его состав, в котором было много людей зрелого возраста, и поручить ему возглавить газету «Аванти». Против этого назначения был лишь один член руководства, аргументировавший это тем, что Муссолини слиш-

ком эгоцентричен. Обиженный Муссолини заявил, что не имеет настоящего марксистского образования и не может взять на себя такую ответственность. Ладзари возразил: «Если партия решила, что она в Вас нуждается, и если Вы истинный революционер, то Вы должны с этим считаться». На следующем заседании исполнительного комитета Муссолини сказал: «Хорошо, я согласен. Но с одним условием: в редакцию войдет товарищ Балабанова, которая станет соиздателем»¹³⁶. Хотя Балабанова рассчитывала занять в редакции место Тревеса, этого не произошло. Муссолини, вспоминала она, невзирая на идеологические расхождения с Тревесом, был рад, что один из самых блестящих публицистов Италии остался в редакции «Аванти»¹³⁷. Балабанова характеризовала Муссолини как человека самолюбивого, истеричного, трусливого в острых ситуациях, – с чем ей не раз приходилось сталкиваться во время совместной работы¹³⁸.

На XIV съезде ИСП (Анкона 26–29 апреля 1914 г.) руководство партии смогло представить впечатляющие данные о росте ее рядов: 47 724 члена и 20 459 партийных организаций. Число секций по сравнению с зафиксированным на съезде в Реджо Эмилии увеличилось на 50%. В том же 1914 г. был перекрыт 50-тысячный рубеж членства. Были подтверждены решения XIII съезда, которые поддержали оставшиеся в партии реформисты, заявившие о том, что разделение по линии реформисты–революционеры «преодолено». Подавляющим большинством голосов было принято решение о несовместимости членства в ИСП с принадлежностью к масонству (в результате из партии исключили масонов). Бенито Муссолини был переизбран на пост директора «Аванти»¹³⁹.

Пренебрежение марксистской теорией, засилье позитивизма, эклектизм идейной платформы ИСП, некритическое заимствование, с одной стороны, реформистских и центристских концепций германской социал-демократии, а с другой – мелкобуржуазных, «революционных» теорий французского социализма и рабочего движения являлись, по мнению З.П. Яхимович, серьезным препятствием для формирования в левом крыле партии сколько-нибудь серьезных революционных теоретиков¹⁴⁰. Эта характеристика относится прежде всего к Муссолини. С 1910 г. он был секретарем социалистической федерации Романьи (Муссолини родился в Форли, в одном из городов этой провинции). За участие в антивоенных, антиправительственных выступлениях в Романье и Форли он был в 1911 г. арестован и заключен в тюрьму. (Будущий лидер ИСП, а тогда республиканец Пьетро Ненни был арестован вместе с Муссолини, совместное пребывание в тюремной камере сдружило их, хотя в дальнейшем они стали неприми-

римыми противниками.) Арест создал Муссолини славу мученика и борца с режимом, а выступление на XIII съезде ИСП в Реджо Эмилии закрепило за ним репутацию непримиримого врага реформизма. Он был «зажигательным оратором и необычайно способным тактиком, человеком безграничного самолюбия и большого дарования»¹⁴¹.

Между тем в стране назревали перемены внутреннего порядка. Усиление итало-австрийских противоречий из-за дискриминации итальянского населения в Триесте, борьба за сферы влияния на Балканах, Боснийский кризис – все это вызвало взрыв ирредентистских выступлений, активизацию сторонников империалистических течений, оформившихся в 1910 г. в Националистическую ассоциацию.

Внутренние и внешнеполитические осложнения вносили заметные коррективы в реформаторский курс Джолитти, заставляя его проявлять умеренность и считаться с мнением оппозиции не только слева, но и справа. С возвращением Джолитти к власти в марте 1911 г. начался самый противоречивый этап «джолиттианской эры» (1911–1914). Предложения дальнейших реформ вызвали отпор оппонентов справа, и тогда Джолитти сделал ставку на националистически и колониалистски настроенные круги общества.

В конце сентября 1911 г. Италия объявила войну Турции и направила в североафриканские владения Турции – Триполитанию и Киренаику – экспедиционный корпус. «Легкая военная прогулка», разрекламированная журналистами, превратилась в изнурительную войну с кочевыми и полукочевыми племенами, не без успеха использовавшими партизанские методы борьбы. Помимо этого, итальянский флот, к беспокойству европейских держав, начал военные действия в центральной и восточной частях Средиземного моря и даже в Черноморских проливах. Были оккупированы острова Додеканесского архипелага, принадлежавшие Турции. 18 октября 1912 г. в Лозанне был подписан мирный договор, по которому Триполитания и Киренаика переходили во владение Италии в обмен на денежную компенсацию и обещание эвакуировать войска с захваченных островов. Но и после этого итальянские силы прибегали к карательным мерам в новой колонии (Ливии) из-за не прекращавшегося там сопротивления местного населения.

Война 1911–1912 гг. сопровождалась взрывом националистических и империалистических настроений в самой Италии. Они охватили значительную часть либеральных и демократических кругов, а также оппонентов либерального реформизма –

католиков и социалистов. В этих условиях Джолитти все же удалось добиться принятия парламентом и одобрения королем законов о введении государственного социального страхования и расширении избирательного права. Теперь им обладали все мужчины старше 30 лет, а также достигшие 21 года, при наличии начального образования, оплаты установленного минимума налога или прохождения военной службы. Благодаря этому число избирателей увеличилось почти в три раза и составило 25% граждан страны.

Парламентские выборы 1913 г., проходившие в обстановке поляризации сил, стали серьезным испытанием для либералов и лично Джолитти. Расходы на войну с Турцией и экономический кризис 1913 г. изменили к худшему экономическую конъюнктуру и стимулировали новую волну социальных выступлений в городах и сельских местностях. На этой основе вновь возродился, казалось бы, дискредитировавший себя анархо-синдикализм. Оформившееся в 1913 г. Итальянское профсоюзное объединение (по первым буквам итальянского сокращения – УСИ) организовало ряд крупных забастовок, в том числе рабочих автомобильного концерна Фиат в Турине, рабочих Милана и других промышленных центров. В ИСП окрепло течение непримиримых, в которое входил Муссолини, насаждавшее психологию вражды и гражданской войны. Из-за использования правительственных войск во время крестьянских выступлений на Юге Италии вновь обострился «южный вопрос», это подрывало блок промышленной буржуазии Севера и крупных землевладельцев-южан.

В марте 1914 г. из-за усилившейся оппозиции его политике со стороны правой части либерального лагеря Джолитти предпочел уйти в отставку, надеясь вскоре вернуться к власти. Но расчет оказался ошибочным. Либеральная эра завершилась, сменившись серьезными внутри- и внешнеполитическими потрясениями, открывшими путь к власти сторонникам авторитарных методов правления и активной внешней политики.

Мощным импульсом для усиления политической реакции послужили события «Красной недели» в июне 1914 г. Антиправительственные выступления и всеобщая забастовка протеста против антикрестьянских репрессий правительственных войск на Юге повергли страну в паралич, поскольку железнодорожное сообщение было прервано. Забастовщики при активном участии анархо-синдикалистов, социалистов и республиканцев требовали замены монархии республикой. Многие участники событий были арестованы и брошены в тюрьму. В одной тюремной камере оказались обвиненные в антиправительственных призывах

Муссолини и Ненни. Первого вскоре освободили, второй остался за решеткой¹⁴². Только благодаря вмешательству лидеров ВКТ, призвавших возобновить работу, и силовым акциям войск, жандармерии и добровольцев из числа состоятельных граждан движение было подавлено, породив тяжелую деморализацию в обществе.

Одним из главных итогов «эры Джолити» стало утверждение на политической сцене Италии двух сил – социалистической и католической партий. Произошло укоренение в обществе двух определяемых соответствующими идеологиями субкультур. Эти силы в XX в. были протагонистами итальянской истории и общественного развития. Во времена послевоенной Первой республики их представляли главные политические партии – ХДП, ИКП, ИСП.

Избавившись в 1908 г. от анархо-синдикалистов, насаждавших экстремизм, партия пошла в 1912 г. на решительный разрыв с правореформистским крылом во главе с Биссолати. В результате возникла партия социалистов-реформистов, взявшая под свое крыло часть прежних сторонников ИСП. Образование социал-реформистской партии во главе с Биссолати и Бономи свидетельствовало о том, что политика, ориентированная на классовое сотрудничество, принесла свои плоды. Во время Ливийской войны правые реформисты открыто поддерживали империалистическую политику. Но их опора – прослойка рабочей аристократии – была слабой. К партии Биссолати примыкала группа независимых социалистов, вышедшая из ИСП после принятия постановления о несовместимости членства в партии с участием в масонских организациях. Независимые социалисты провели нескольких депутатов в парламент, но их влияние распространялось лишь на отдельные города: Неаполь, Геную, Сан-Ремо. Раскол революционного крыла ИСП с реформистами не сводился к внутривнутриполитическим и социальным разногласиям или к определенным «промонархическим жестам». Он был обусловлен более глубокими причинами, заключавшимися «в разных подходах к решению национальных и европейских проблем», отмечал К. Моранди¹⁴³.

Разразившийся в июле 1914 г. в связи с убийством в Сараево европейский кризис переключил внимание основных общественно-политических сил страны на главный вопрос – об участии страны в мировой войне и отношении к союзническим обязательствам. ИСП, поначалу безоговорочно поддерживавшая нейтралитет Италии, позднее заняла двусмысленную позицию: «не примыкать и не саботировать»¹⁴⁴.

- ¹ *Мизиано К.Ф.* Италия в 1900–1914 гг. Перерастание домонополистического капитализма в империализм // *История Италии.* М., 1970. Т. 2. С. 312–314.
- ² *Castronovo V.* Dall'Unita' d'Italia al nuovo secolo // *Le radici – i primi 50 anni. Dal Risorgimento alla Grande guerra (1861–1914).* LUCE sulla storia d'Italia dall'Unita' al 2000. Roma, 2000. N 26. P. VI.
- ³ Цит. по: *Romeo R.* Storia della grande industria in Italia. Rocca San Casciano, 1967. P. 35–36; *Idem.* Momenti e problemi di storia contemporanea. Assisi; Roma, 1971. P. 105.
- ⁴ *Romeo R.* Storia della grande industria in Italia. P. 36.
- ⁵ *Vigezzi B.* L'Italia unita e le sfide della politica estera. Dal Risorgimento alla Repubblica. Milano, 1997; *Saiu L.* La politica estera italiana dall'Unita' a oggi. Roma; Bari, 1999. P. 39–87.
- ⁶ *Gerschenkron A.* Il problema storico dell'arretratezza economica. Torino, 1965. Цит. по: *История Италии.* Т. 2. С. 316. См. также интересные наблюдения о начальном периоде индустриализации в Италии американского автора Ричарда Уэбстера: *Webster R.A.* L'imperialismo industriale italiano, 1908–1915. Studio sul prefascismo. Torino, 1974. P. 3–115.
- ⁷ *Romeo R.* Storia della grande industria in Italia. Tav. 11. P. 225.
- ⁸ РГИА. Ф. 23. Оп. 11. Л. 62 об. – 63.
- ⁹ *Romeo R.* Storia della grande industria in Italia. P. 67–68.
- ¹⁰ *Castronovo V.* Op. cit. P. X.
- ¹¹ Il riformismo socialista nell'età giolittiana // *Almanacco socialista 1892–1982.* P. 106.
- ¹² *Scoppola P.* Il nuovo corso liberale: Giolitti tra socialisti e cattolici // *Le radici – i primi 50 anni.* P. XVI.
- ¹³ Ibid.
- ¹⁴ *Woolf S.J.* La trasformazione del mondo europeo 1880–1910 // *Quaderni storici.* Ancona, 1972. N 20. P. 410–416.
- ¹⁵ *История Италии.* Т. 2. С. 321.
- ¹⁶ О подготовке его статей, посвященных Италии того периода, см.: *Любин В.П.* Из библиографии В.И. Ленина по Италии (швейцарский период, 1914–1917 гг.) // *Проблемы итальянской истории.* М., 1972. С. 29–36.
- ¹⁷ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. М., 1980. Т. 27. С. 14–23.
- ¹⁸ *Woolf S.J.* Op. cit. P. 401.
- ¹⁹ *Дюверже М.* Политические партии. М., 2005. С. 25.
- ²⁰ Il riformismo socialista nell'età giolittiana // *Almanacco socialista 1892–1982.* P. 106–107.
- ²¹ *Ragionieri E.* Un riformismo senza riforme // *Storia d'Italia. Dall'Unita' a oggi.* Torino, 1976. Vol. 4, t. 3. P. 1866–1898.
- ²² *Scoppola P.* Op. cit. P. XIV, XVI.
- ²³ *А.И. Нелидов – В.С. Оболенскому-Нелединскому-Мелецкому.* Рим, 21 октября (3 ноября) 1903 г. // *АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1903. Д. 92. Т. 1. Л. 189–190.*
- ²⁴ *Atti del Parlamento italiano. Camera dei deputati. Discussioni, tornata del 4 febbraio 1901; Il socialismo nella storia d'Italia / A cura di G. Manacorda.* Bari, 1966. P. 289–298.
- ²⁵ Цит. по: *Il socialismo nella storia d'Italia.* P. 291.
- ²⁶ *А.И. Нелидов – В.Н. Ламздорфу.* Рим, 19(26) февраля 1901 г. // *АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1901. Д. 83. Л. 14.*

- ²⁷ *Ragionieri E.* Un riformismo senza riforme. P. 1869.
- ²⁸ *А.И. Нелидов – В.Н. Ламздорфу.* Рим, 19(26) февраля 1901 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 83. Л. 26–26 об.
- ²⁹ См.: *Mola A.A. Giolitti.* Lo statista della nuova Italia. Milano, 2003. Эта монография, по мнению рецензентов, чересчур агиографична (см.: *Clemens G.B.* Neue Forschungen zum liberalen Italien: politische Kultur, Emigration und der Erste Weltkrieg // *Neue Politische Literatur.* Frankfurt a. M., 2005. Jg. 50. N 1. S. 72–73).
- ³⁰ Il riformismo socialista nell'eta' giolittiana // *Almanacco socialista 1892–1982.* P. 106.
- ³¹ *Кин Ц.И.* Италия на рубеже веков. М., 1980. С. 43.
- ³² См.: *Кин Ц.И.* Италия конца XIX века: Судьбы людей и теорий. М., 1978; *Она же.* Италия на рубеже веков; *Кирова К.Э.* Революционное движение в Италии, 1914–1917 гг. М., 1962; *Она же.* Русская революция и Италия. Март – октябрь 1917 г. М., 1968; *Она же.* Западная Европа: 1917-й. М., 1977; *Кобылянский К.В.* Забастовка солидарности с Советской Россией 20–21 июля 1919 г. // Россия и Италия. М., 1969; *Мизиано К.Ф.* Итальянское рабочее движение на рубеже XIX и XX вв. М., 1976; *Павлова Т.В.* Италия: современные концепции истории рабочего движения. М., 1988; *Яхимович З.П.* Итало-турецкая война 1911–1912 гг. М., 1967; *Она же.* Рабочий класс Италии против империализма и милитаризма. Конец XIX – начало XX в. М., 1986.
- ³³ *Miller S., Potthoff H.* A History of German Social Democracy. From 1848 to the Present. Leamington Spa; Hamburg; N.Y., 1986. P. 44–54; *Santarelli E.* La revisione del marxismo in Italia. Milano, 1964.
- ³⁴ *Are G.* Economia e politica nell'Italia liberale. Bologna, 1974. P. 44–47.
- ³⁵ *Valiani L.* Il problema delle «grandi riforme» fra i socialisti italiani dal 1900 al 1914 // *Questioni di storia del socialismo.* Torino, 1958. P. 402–412.
- ³⁶ *Are G.* Op. cit. P. 79–83.
- ³⁷ *Ibid.* P. 103–104.
- ³⁸ *Ibid.* P. 371.
- ³⁹ *Ibid.* P. 195.
- ⁴⁰ *Ibid.* P. 202.
- ⁴¹ *Ibid.* P. 203.
- ⁴² Подробнее см.: *Любин В.П.* Русская революция 1905–1907 гг. и ее отзвуки в Италии // Доклад на международной конференции, организованной Сорбонским университетом и Французско-российским центром при ИНИОН РАН, октябрь 2005 г.; см. также: *Ljubin V.P.* La rivoluzione 1905–1907 e il raffreddamento dei rapporti russo-italiani all'inizio del XX secolo (sulla base dei materiali degli archivi russi) // *La rivoluzione russa del 1905 / A cura di G. Lami.* Milano, 2006 [Atti del Convegno «La rivoluzione russa del 1905 ed i suoi echi in Italia e nel mondo», Porcari, 24–26 novembre 2005].
- ⁴³ *Critica sociale.* Milano, 1901, 16–31 ag.
- ⁴⁴ *Galli G.* Ma l'idea non muore. Storia orgogliosa del socialismo italiano. Milano, 1996. P. 40.
- ⁴⁵ *Manacorda G.* Il socialismo nella storia d'Italia. Roma; Bari, 1966. P. 269.
- ⁴⁶ Хотя первым выступлениям в печати Мерлино и Сореля руководство ИСП дало отпор в статьях Турати, Бономи, Артуро Лабриолы, опубликованных «Критика социале», впоследствии руководители ИСП изменили

- свое неприятие ревизии марксизма. Так, резкие выступления Плеханова против Бернштейна «не вызвали одобрения Турати и Кулишовой» (см.: *Григорьева И.В.* Г.В. Плеханов и итальянское социалистическое движение (1883–1902) // Россия и Италия. М., 1968. С. 269–270, 275).
- 47 *Galli G.* Ma l'idea non muore. P. 41–43.
- 48 *Turati F.* Il partito socialista e l'attuale momento politico. Milano, 1901.
- 49 *Labriola A.* Ministero e socialismo. Risposta a Filippo Turati. Firenze, 1901.
- 50 *Manacorda G.* Op. cit. P. 312.
- 51 *Ibid.* P. 301–302.
- 52 *Ibid.*
- 53 *Mussolini B.* La necessità della politica socialista in Italia // *Avvenire del lavoratore*. Lugano, 1902. 30 ag.; цит. по: *Santarelli E.* Scritti politici di Benito Mussolini. Milano, 1979. P. 73–75; *Galli G.* Ma l'idea non muore. P. 44. Самая первая небольшая статья Муссолини, опубликованная 1 декабря 1901 г. в литературном приложении к итальянскому изданию «*Diritti della scuola*», называлась «Русский роман». Политический выбор Муссолини, писал Р. Де Феличе, был сделан именно в период его пребывания в Швейцарии (см.: *De Felice R.* Mussolini il rivoluzionario, 1883–1920. Torino, 1965. P. 19, 24).
- 54 *Galli G.* Ma l'idea non muore. P. 71–85.
- 55 Деятельность будущего дуче в период его пребывания в рядах ИСП оценивается с разных позиций. См., напр.: *De Felice R.* Op. cit.; *Susmel D.* Nenni e Mussolini. Mezzo secolo di fronte. Milano, 1969; *Bozzetti G.* Mussolini direttore dell'«Avanti!». Milano, 1979; *Gregor A.J.* Young Mussolini and the intellectual origins of fascism. Berkeley, 1979; *Scheuer G.* Genosse Mussolini. Wurzeln und Wege des Ur-Faschismus. Wien, 1985; etc.
- 56 *Salvemini G.* Nord e Sud nel Partito socialista italiano // *Critica sociale*. Milano, 1902. 16–31 dic.
- 57 *Almanacco socialista* 1892–1982. P. 101.
- 58 *Galli G.* Ma l'idea non muore. P. 44.
- 59 *Storia dell'«Avanti!»*, 1986–1926 / A cura di G. Arfe. Milano; Roma, 1956. P. 53–55.
- 60 *Dalle carte di Giovanni Giolitti. Quarant'anni di politica italiana*. Milano, 1962. Vol. I. P. 328.
- 61 *Кин Ц.И.* Италия на рубеже веков. С. 55–56.
- 62 *А.И. Нелидов – В.С. Оболенскому-Нелединскому-Мелецкому*. Рим, 21 октября (3 ноября) 1903 г. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1903 г. Д. 92. Т. 1. Л. 189–190.
- 63 *Carocci G.* Giolitti e l'eta' giolittiana. Torino, 1961.
- 64 *Dalle carte di Giovanni Giolitti*. Vol. I. P. 338.
- 65 *Ibid.*; *Кин Ц.И.* Италия на рубеже веков. С. 152–153.
- 66 Там же. С. 154.
- 67 *А.И. Нелидов – В. Ламздорфу*. Рим, 4(17) ноября 1903 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1903. Д. 19; 92, т. 1. Л. 201–201 об.
- 68 Там же. Л. 203–204 об.
- 69 Нелидов сообщал, что Виктор Эммануил III пожелал, чтобы прибывшие на похороны его отца великий князь Петр Николаевич и великая княгиня Милица Николаевна задержались в Риме. Он намеревался оказать им как своим родственникам особый прием. Разрешение на это Николая II

- было тут же получено. От глаз посла не укрылось, что новый король, недовольный посещением принцем Генрихом Пруссим Ватикана, «не испытывает особого сочувствия» к Германии (см.: Секретные телеграммы Нелидова (на фр. яз.). Рим, июль-август 1900 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1900. Д. 89. Л. 87, 90, 99, 114, 116).
- ⁷⁰ Serra E. Vittorio Emanuele III diplomatico // Nuova Antologia. Firenze, 1952. N 4. P. 428–436.
- ⁷¹ Scoppola P. Op. cit. P. XVI.
- ⁷² Канделоро Дж. История современной Италии. М., 1979. Т. 7: Кризис конца века и эпоха Джолитти, 1896–1914. С. 97.
- ⁷³ Telegramme secret de Mr. Nelidov. Rome, 19 Juin / 2 Juillet 1902 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1902. Д. 85. Л. 107.
- ⁷⁴ Ragionieri E. Un riformismo senza riforme. P. 1887.
- ⁷⁵ Секретная телеграмма А.И. Нелидова. Рим, 5(18) февраля 1901 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1901. Д. 84. Л. 49.
- ⁷⁶ Международные отношения в эпоху империализма. 1878–1917. Сер. II: 1900–1913. Т. XX, ч. I. С. 248–249.
- ⁷⁷ А.И. Нелидов – В.Н. Ламздорфу. Рим, 21 мая (3 июня) 1902 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1902. Д. 84. Л. 145. Эти слова донесения подчеркнуты царем, в компетенции которого находились вопросы внешней политики.
- ⁷⁸ А.И. Нелидов – В.Н. Ламздорфу. Рим, 18 июня (1 июля) 1902 г. // Там же. Л. 172 об. – 173.
- ⁷⁹ А.И. Нелидов – В.Н. Ламздорфу. Рим, 1(14) августа. 1900 г. // Там же. Д. 88. Л. 168–168 об.
- ⁸⁰ А.И. Нелидов – В.Н. Ламздорфу. Рим, 26 сентября (9 октября) 1900 г. // Там же. Л. 199 об. – 200 об.
- ⁸¹ А.И. Нелидов – В.Н. Ламздорфу. Рим, 7(20) ноября 1900 г. // Там же. Л. 240.
- ⁸² А.И. Нелидов – В.Н. Ламздорфу. Рим, 26 сентября (9 октября) 1900 г. // Там же. Л. 198–201.
- ⁸³ Секретная телеграмма А.И. Нелидова. Рим, 2(15) февраля 1901 г. // Там же. Д. 84. Л. 44.
- ⁸⁴ А.И. Нелидов – В.Н. Ламздорфу. Рим, 12(25) февраля 1902 г. // Там же. Л. 35–36 об., 48–48 об.
- ⁸⁵ Guiccioli A. Il diario 1902 // Nuova Antologia. Firenze, 1942. maggio. P. 23.
- ⁸⁶ А.И. Нелидов – В.Н. Ламздорфу. Рим, 26 февраля (11 марта) 1902 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1902. Д. 84. Л. 50–50 об.
- ⁸⁷ Там же. Л. 52–53.
- ⁸⁸ Cortesi L. Il socialismo italiano tra riforme e rivoluzione. Bari, 1969. P. 223–292; Tiso A. Il partito socialista italiano. Roma, 1975. Pt. 1: Dalla fondazione alla crisi del riformismo (1892–1914). P. 168.
- ⁸⁹ Procacci G. La lotta di classe in Italia agli inizi del secolo XX. Roma, 1972. P. 375.
- ⁹⁰ Л.П. Урусов – В.Н. Ламздорфу. Рим, 7(20) сентября 1904 г. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1904. Д. 109. Л. 59–60.
- ⁹¹ Л.П. Урусов – В.Н. Ламздорфу. Рим, 5(18) октября 1904 г. // Там же. Л. 84–84 об.
- ⁹² Tempo. Milano, 1904. 21 sett., 9 ott.
- ⁹³ Procacci G. Op. cit. P. 394.

- ⁹⁴ *Мизиано К.Ф.* Итальянское рабочее движение на рубеже XIX–XX веков. М., 1976. С. 231.
- ⁹⁵ *Avanti.* Milano, 1904. 20 sett.
- ⁹⁶ *Olberg O.* Der Generalstreik // *Neue Zeit.* XXIII (1904–1905). B., 1905. Bd. I. S. 18–24; *Ragionieri E.* Il marxismo e l'Internazionale. Roma, 1968. P. 187–201; *Мизиано К.Ф.* Итальянское рабочее движение. С. 229, 251.
- ⁹⁷ *Giolitti G.* Memorie della mia vita. Milano, 1967. P. 211.
- ⁹⁸ *Corriere della sera.* Milano, 1904. 17–21 sett.; *Albertini L.* Venti anni di vita politica. Bologna, 1951. Vol. I. P. 147.
- ⁹⁹ *Dalle carte di Giovanni Giolitti.* Milano, 1963. Vol. 2. P. 370.
- ¹⁰⁰ *Croce B.* Storia d'Italia dal 1871 al 1915. Bari, 1928. P. 229–230; *Мизиано К.Ф.* Итальянское рабочее движение. С. 233–234.
- ¹⁰¹ *Avanguardia socialista.* Napoli, 1904. 24 sett.
- ¹⁰² *Critica sociale.* Milano, 1904, 16 sett. – 1 ott.
- ¹⁰³ *Avanguardia socialista.* Napoli, 1904. 24 sett.
- ¹⁰⁴ *Michels R.* Der ethische Faktor in der Parteipolitik Italien // *Zeitschrift für Politik.* B., 1910. Bd 3. P. 90.
- ¹⁰⁵ *Л.П. Урусов – В.Н. Ламздорфу.* Рим, 5(18) октября 1904 г. // *АВПРИ.* Ф. 133. Оп. 470. 1904. Д. 109. Л. 84.
- ¹⁰⁶ *Tempo.* Milano, 1904. 12 nov.
- ¹⁰⁷ *Л.П. Урусов – В.Н. Ламздорфу.* Рим, 14(21) декабря 1904 г. // *АВПРИ.* Ф. 133. Оп. 470. 1904. Д. 109. Л. 151.
- ¹⁰⁸ *Н.В. Муравьев – А.П. Извольскому.* 30 мая (12 июня) 1906 г. // Там же. Д. 119. Т. I. Л. 98; *Podrecca G.* Giolitti. Roma, 1906.
- ¹⁰⁹ *АВПРИ.* Ф. 137. Оп. 475. Отчет МИД за 1905 г. Л. 21.
- ¹¹⁰ *А.И. Крупенский – В.Н. Ламздорфу.* Рим, 22 февраля (7 марта) 1905 г. // Там же. Д. 105. Л. 136–137.
- ¹¹¹ *Critica sociale.* Milano, 1905. 16 ott. – 1 nov.
- ¹¹² «Проект инструкции Императорскому Послу в Риме, Статс-Секретарю, Действительному Тайному Советнику Муравьеву», который царь просмотрел 16 февраля 1905 г. в Царском Селе и снабдил своими пометками (*АВПРИ.* Ф. 133. Оп. 470. 1905. Д. 105. Л. 9–18).
- ¹¹³ *А.И. Крупенский – В.Н. Ламздорфу.* Рим, 22 января (4 февраля) 1905 г. // Там же. Л. 107 об.
- ¹¹⁴ *Н.В. Муравьев – А.П. Извольскому.* Рим, 29 апреля (12 мая) 1908 г. // Там же. Д. 19. Л. 139–142 об.
- ¹¹⁵ *Горький М.* Сказки об Италии. Берлин, 1912. О пребывании Горького в те годы в Италии, например, см.: *Ковальская М.И.* А.М. Горький в Италии (1906–1913 годы) // *Проблемы итальянской истории.* М., 1972. С. 87–108; *Быковцева Л.* Горький в Италии. М., 1975; *Коваль Л.М.* Русско-итальянские общественные связи. М., 1981. С. 54–95; *Tamborra A.* Esuli russi in Italia dal 1905 al 1917. Roma; Bari, 1977; *Revjakina I.* I russi a Capri, 1906–1913: un caleidoscopio di personaggi e situazioni // *I Russi e l'Italia.* Milano, 1995. P. 167–175; *Ревякина И.А.* «Русский Капри» (1906–1914) // *Россия и Италия: Русская эмиграция в Италии в XX веке.* М., 2003. С. 12–32.
- ¹¹⁶ *Strada V.* L'altra rivoluzione. Gor'kij – Lunacharskij – Bogdanov. La «Scuola di Capri» e la «Costruzione di Dio» / Con scritti di J. Scherrer, G. Gloveli, I. Revyakina. Capri, 1994; *Неизвестный Горький.* М., 1994; *Примочкина Н.*

- Писатель и власть: Горький в литературном движении 20-х годов. М., 1996; *Горький М.* Неизданная переписка с Богдановым, Лениным, Сталиным, Зиновьевым, Каменевым, Короленко. М., 2000; *Шелоков О.В.* РСДРП: Проблемы лидерства и обновления руководства (1906–1911 гг.). М., 1995. Ряд сообщений о деятельности Горького в Италии прозвучал на Российско-итальянской конференции ученых-славистов, филологов, историков, политологов, социологов, прошедшей в Москве в Центре русского зарубежья 15–17 декабря 2005 г.
- ¹¹⁷ *Манакорда Г.* Отклики в Италии на первую русскую революцию // Первая русская революция 1905–1907 гг. и международное революционное движение. М., 1956. Ч. 2. С. 128.
- ¹¹⁸ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия МИД. Оп. 470. Императорское посольство в Риме, 1908–1909 гг.
- ¹¹⁹ *Н.В. Муравьев – А.П. Извольскому.* Рим, 9(22) января 1907 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1907. Д. 109. Л. 3–6.
- ¹²⁰ Там же. Л. 8–8 об., 9.
- ¹²¹ *Cortesi L.* Il socialismo... P. 223–292; *Tiso A.* Op. cit. P. 45.
- ¹²² *Cortesi L.* Il socialismo... P. 226–227.
- ¹²³ *Ibid.* P. 269–270.
- ¹²⁴ *Galli G.* Storia del socialismo italiano. Roma; Bari, 1983. P. 48.
- ¹²⁵ *Cortesi L.* Il socialismo... P. 279.
- ¹²⁶ *Ibid.* P. 294.
- ¹²⁷ *Ibid.* P. 295.
- ¹²⁸ *Cortesi L.* Ivanoe Bonomi e la socialdemocrazia italiana. Profilo biografico. Salerno, 1971. P. 41–47.
- ¹²⁹ Almanacco socialista 1892–1982. P. 109.
- ¹³⁰ *Cortesi L.* Il socialismo ... P. 293–336; *Tiso A.* Op. cit. P. 46.
- ¹³¹ Формированию взглядов одного из видных лидеров ИСП, Джузеппе Эмануэле Модильяни, брата известного художника Амедео Модильяни, посвящены, в частности, следующие труды: *G.E. Modigliani e socialismo italiano.* Roma, 1983; *Cherubini D.* La formazione ideale di G.E. Modigliani e il positivismo italiano // Nuova Antologia. Firenze, 1986. A. 121. N 2160. P. 162–174.
- ¹³² *Cortesi L.* Il socialismo e socialismo... P. 337–402.
- ¹³³ Almanacco socialista 1892–1982. Roma, 1982. P. 109.
- ¹³⁴ *Cortesi L.* Il socialismo ... P. 403–472.
- ¹³⁵ *Ibid.* P. 473–548.
- ¹³⁶ *Balabanoff A.* My Life as a Rebel. Bloomington; L., 1938. P. 96, 98–100.
- ¹³⁷ *Ibid.* P. 100. Ср.: *Balabanoff A.* Erinnerungen und Erlebnisse. B., 1927. S. 79. В немецком издании мемуаров, в специальной главе «Сведение счетов с Муссолини» (Die Abrechnung mit Mussolini. S. 75–95), история с назначением Муссолини главным редактором (директором) «Аванти» и его просьбой ввести в редакцию Балабанову рассказана иначе.
- ¹³⁸ *Balabanoff A.* Erinnerungen und Erlebnisse. S. 82–85; etc. Балабанова вспоминала, как однажды Муссолини с присущими ему самовлюбленностью и позерством, заявил ей, показывая в ночных сумерках на деревья на миланской улице: «На одном из этих деревьев мы повесим Турати и других реформистов». «На каких деревьях повесит нас рабочий класс, если мы перестанем защищать его интересы?» – спросила его Балабанова (*Ibid.*

S. 84). О характере Муссолини и его поведении в предвоенные годы см. также: *Balabanoff A. My Life as a Rebel*. P. 103–112.

¹³⁹ *Cortesi L. Il socialismo...* P. 549–610; *Cannarsa S. Il socialismo e i XXVIII congressi nazionali del Partito socialista italiano*. Firenze, 1950, 191–194; *Tiso A. Op. cit.* P. 47.

¹⁴⁰ *Яхимович З.П.* Рабочий класс Италии. С. 145–146.

¹⁴¹ *Valiani I. Die ideologische Entwicklung des demokratischen Sozialismus in Italien // Sozialistische Weltstimmen*. B.; Hannover, 1958. S. 171.

¹⁴² После этого Муссолини отправил Ненни из Милана (21 июля 1914 г.) письмо: «Дорогой Ненни, сознаю, что выражаю тебе мои братские чувства солидарности с опозданием, но надеюсь, что мои слова тебя поддержат. Отсутствие нескольких ушедших в отпуск редакторов вынудило меня с головой уйти в работу. Ты не нуждаешься в утешениях, как не нуждался в них, когда мы вместе проходили школу тюрьмы. Вспоминая о тех днях, я испытываю некоторую ностальгию... Верю, что, в конце концов, ты не будешь осужден. Я оптимист. Если могу быть хоть в чем-то тебе полезным, напиши. Не унывай! Надеюсь увидеть тебя на свободе, если правосудие не стало в действительности всего лишь иронией. Обнимаю тебя. Муссолини» (РГАСПИ. Ф. 524. Оп. 1. Д. 5. Л. 87). Это же письмо, как и другие письма Муссолини за июль–август 1914 г., сохранилось в подборке «Выставка фашистской революции» в Центральном государственном архиве в Риме (ACS. Mostra della Rivoluzione Fascista. Busta 72. F. 140). Процесс над продолжавшим оставаться в тюрьме Ненни из-за болезни председателя суда был перенесен на 10 января 1915 г. 20 ноября 1914 г. в новой газете Муссолини «Пополо д'Италия», имевшей поначалу подзаголовок «социалистическая ежедневная газета», был помещен «приукрашенный портрет фаенцкого революционера». Он сопровождался припиской Муссолини, славшего «братский привет» «Пополо д'Италия» Ненни, с которым «вместе проведены несколько месяцев в тюрьме, и другим обвиняемым». 24 ноября 1914 г. Муссолини был исключен из ИСП, напоминает Сусмел, исследовавший сложные отношения между Ненни и Муссолини. Первая стычка и жесткая полемика в прессе между Муссолини и Ненни относится к 1910 г. Тогда 27-летний Муссолини был секретарем социалистической федерации в Форли, директором ее печатного органа «Lotta di classe» и посылал свои корреспонденции в «Аванти». 19-летний Ненни, родившийся неподалеку в Фаенце, будучи в те годы республиканцем, поместил в газете «Pensiero romagnolo» резкую реплику на одно из выступлений Муссолини (*Susmel D. Nenni e Mussolini. Mezzo secolo di fronte*. Milano, 1969. P. 9, 45, 47).

¹⁴³ *Morandi C. I partiti politici nella storia d'Italia*. Firenze, 1971. P. 62–63.

¹⁴⁴ *Ambrosoli L. Ne aderire ne sabotare*. Milano, 1961.

ПАРТИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

*Мы как в России за революцию сразимся
до последней капли крови.
Поднимем белый флаг в окопах в знак
нашего стремления к миру.
...Тебе, кто заставляет нас за Тренто
и Триест погибнуть,
Припомним все грехи, и мощный глас народа
ты еще услышишь!*

Из солдатской песни 1917 г. с призывом:
«Сделать как в России»

После начала Первой мировой войны Италия встала перед выбором: сохранить ли объявленный ею 3 августа 1914 г. нейтралитет или присоединиться к воюющим державам. Определение позиции – на чьей стороне сражаться – заняло почти десять месяцев. Казалось бы, обязательства Италии по Тройственному союзу не оставляли сомнений, к какому блоку следует примкнуть. Но многие представители правящих элит были против вступления в войну на стороне Германии и Австро-Венгрии.

Сторонники сформировавшегося уже в августе–сентябре 1914 г. движения интервенционизма стремились втянуть Италию в войну на стороне Антанты. Их противники, в число которых вошла ИСП, составили аморфный лагерь нейтралистов¹. Свои надежды они связывали с Джолитти, считая его своим неформальным главой. Однако он к тому моменту утратил лидирующее положение и подвергался критике со всех сторон.

Социалистическая партия в период нейтралитета (1914–1915), как, впрочем, и в последующие военные и послевоенные годы, играла довольно заметную роль². Набрав на всеобщих выборах в 1913 г. 883 449 голосов (в них участвовали 8 433 205 избирателей), ИСП довела свое представительство в парламенте до 52 депутатов. Кроме того, в парламент вошли восемь независимых социалистов и 19 депутатов от социалистической реформистской партии, отколовшейся от ИСП в 1912 г. Вместе социалистические фракции насчитывали теперь 79 депутатов, тогда как раньше у них был 41 мандат. 73 депутата от радикальной партии и 17 республиканцев – итого общее число представителей «народных» партий, или партий Крайней левой, достигло 169. В новый состав Палаты депутатов вошли также 29 католиков и шесть националистов. Остальные 304 депутата, составлявшие большинство,

были либералами различных оттенков, в основном сторонниками Джолитти³.

Таков был расклад сил на политической арене Италии к началу нейтралитета, последующему периоду участия в войне (1915–1918), ко времени послевоенного революционного кризиса (1919–1921) и времени прихода к власти и утверждения фашизма (1922–1926).

Хотя представители ИСП не входили в государственные управленческие структуры, но благодаря массовой поддержке избирателей мнение ее лидеров при решении важнейших государственных проблем учитывалось. Правда, партия продолжала оставаться расколотой если не внешне, то по существу. Те самые противоборствующие в партии «две души» – реформисты и революционеры – как нельзя более наглядно проявились в это сложное время.

Социалисты, являясь частью антиджолиттианской оппозиции, примыкали к левому антиджолиттизму. Документальные свидетельства о злоупотреблениях кандидатов джолиттианского правящего блока в ходе выборов 1913 г. в южных провинциях привел один из руководителей ИСП, О. Раймондо. (После принятия на анконском съезде ИСП в апреле 1914 г. решения о несовместимости членства в ИСП с пребыванием в масонских ложах он вышел из партии.) С резкими антиджолиттианскими речами выступал анархо-синдикалист А. Лабриола, входивший в группу независимых социалистов. Новую политическую ситуацию, сложившуюся в стране после Ливийской войны и всеобщих выборов 1913 г., он охарактеризовал так: «С одной стороны, есть Италия националистическая, с другой – Италия социалистическая, но нет больше Италии джолиттианской»⁴. Последующие события подтвердили правоту его слов.

С консервативно-авторитарных позиций критиковал Джолитти лидер правых либералов Сонино. В свое время он одобрял внешне-политическую деятельность правительства Джолитти, но осуждал его внутреннюю политику как препятствие к созданию сильной и сплоченной либеральной партии. Сходные мысли звучали в речах другого представителя правого лагеря, А. Саландры, ставшего накануне войны премьер-министром и известного своими антисоциалистическими взглядами. В резко антисоциалистическом духе высказывался депутат-националист Федерцони, а сами националисты пытались идти в авангарде правого антиджолиттизма.

Антиджолиттианские настроения в стране окрепли. «Накануне войны 1914–1918 гг. Джолитти... был самым могущественным человеком в парламенте, но самым непопулярным человеком в

стране. Необходимо учитывать данное обстоятельство, чтобы понять, почему Джолитти и его парламентское большинство потерпели неудачу, оказавшись в мае 1915 г. перед дилеммой: мир или война», подчеркивал Г. Сальвемини⁵.

О падении авторитета Джолитти писал и консервативный историк (впоследствии сторонник фашистов) Дж. Вольпе: «Джолитти представлялся главным виновником многочисленных недугов итальянской общественной жизни. Если Сальвемини называл его “министром преступного мира”, то консерватор Саландра говорил в 1914 г. о джолиттианском десятилетии как о “годах пагубной политики”. (...) Надо обратить на это внимание, чтобы понять последующий интервенционизм 1914–1915 гг., сторонники которого призывали к войне, надеясь, кроме всего прочего, использовать ее как средство для избавления Италии от Джолитти»⁶.

Попытки правящих классов упорочить либеральное государство с помощью проводившейся Джолитти политики не принесли желаемых плодов. Неудачи были «запрограммированы» особенностями социально-экономической структуры страны и консервативной по сути природой либерального курса Джолитти. «Итальянский империализм как новый экономический строй, основанный на быстром развитии промышленности, весьма быстро обнаружил свои слабости и ограниченные возможности»⁷. Внутренняя противоречивость его либерального курса обусловила его эволюцию вправо⁸. «Либеральная система Джолитти при всей ее прогрессивности, по сравнению с реакционными режимами последнего десятилетия XIX в., не предоставила стране ни подлинной демократии, ни коренного улучшения положения трудящегося населения. Она оказалась бессильной перед лицом резкой поляризации классовых сил итальянского общества, обозначившейся накануне мировой войны»⁹.

Свидетельством окончания «джолиттианской эры» стал и резкий подъем забастовочного движения в 1911–1913 гг. Предприниматели прибегали к насилию, вмешательство полиции зачастую заканчивалось кровавыми расправами, как, например, в январе 1913 г. в Роккагоре, где было убито семь и ранено несколько десятков человек. События в Роккагоре заставили руководство ВКТ призвать массы к проведению всеобщей забастовки в случае новых расстрелов. В марте–мае 1913 г. в результате упорной 93-дневной борьбы рабочие Турина добились от работодателей ряда уступок, в том числе увеличения заработной платы и сокращения рабочего дня, признания принципов коллективного договора и рабочего представительства. Успех был достигнут благодаря умелому руководству входившей в ВКТ Итальян-

янской федерации рабочих-металлистов во главе с Бруно Буоцци, а также вмешательству Джолитти, вынужденного поддерживать требования рабочих¹⁰. Победа туринского пролетариата, особенно заметная на фоне многочисленных, но безрезультатных стачек в других местах, с одной стороны, укрепила боевые настроения в среде рабочего класса, а с другой – вызвала озлобление предпринимателей. Наивысшего подъема антиправительственные выступления, подавленные кабинетом правого либерала Саландры, достигли в период «Красной недели», принявшей, по словам Крупенского, характер «открытого восстания»¹¹.

Все это не могло не отразиться на курсе ИСП, в которой в тот период на главных ролях оказались представители непримиримых революционеров. Число членов ИСП к XIV партийному съезду, проходившему в Анконе 26–29 апреля 1914 г., достигло 47 724 по сравнению с 27 265 человек в 1912 г.¹² ВКТ к 1914 г. насчитывала в своих рядах до 300 тыс. членов. Итальянское профсоюзное объединение (УСИ), руководимое «революционными синдикалистами», – более 100 тыс.¹³ (Дж. Канделоро привел иные цифры: ВКТ – около 250 тыс., УСИ – 150 тыс.¹⁴)

XIV съезд ИСП высказался за продолжение «непримиримой» тактики в ходе предвыборной кампании 1914 г. в местные органы власти. Антимасонская линия вела к отказу от политики союзов с республиканцами и радикалами, поддержанной ранее правыми реформистами, исключенными из партии в Реджо Эмилии. Неизменно враждебным оставалось отношение социалистов к церквям и католическим организациям.

Когда началась Первая мировая война, ИСП и возглавлявшаяся Муссолини «Аванти» заняли недвусмысленную нейтралистскую позицию. Но в дальнейшем их пути резко разошлись, партия осталась на позициях нейтралитета, а главный редактор «Аванти», покинув ряды ИСП, примкнул к интервентистам, а сразу после окончания войны создал продолжившее многое из того, что впервые было обозначено в интервентизме 1914–1915 гг., фашистское движение.

Поначалу сходным было отношение к войне исключенных из ИСП и создавших собственную политическую партийную организацию социалистов-реформистов¹⁵. 30 июля в органе радикалов «Секоло» появилась статья лидера социалистов-реформистов Биссолати, в которой он предположил, что Италия будет воевать на стороне Антанты¹⁶. Биссолати уже начал подготовку «души пролетариата» к войне и в письмах от 2 августа своему сподвижнику Бономи и руководителю ВКТ Риголе советовал делать то же самое¹⁷. Социалисты-реформисты благосклонно от-

носились к созданию республиканцами отрядов добровольцев, а сам Биссолати совершил ура-патриотический поступок, попросив зачислить его вновь в полк альпийских стрелков, в котором в молодости проходил службу¹⁸.

«Проблема ирредентизма будет решена лишь в случае победы союза наций Англии, Франции, России и Италии», отмечалось в одной из статей руководимого Сальвемини журнала «Унита»¹⁹. Подобные взгляды были характерны для той группировки интервентистского лагеря, которая называла себя демократической. Хотя каждая партия этого течения выдвинула собственную программу, расхождения не мешали им оставаться на общей платформе, совпадавшей с линией, выработанной Биссолати.

«Революционный» интервентизм анархо-синдикалистов зародился одновременно с демократическим. Объявить войну прусской монархии требовали на митингах многие анархисты — М. Рокка, О. Динале, М. Рижье, М. Джода и др. Но главную роль в создании течения «революционного» интервентизма сыграла группа синдикалистов во главе с А. Де Амбрисом. Именно они оказали решающее влияние на других представителей этого течения, в том числе на примкнувшего осенью 1914 г. к интервентистам Б. Муссолини²⁰. Позицию Де Амбриса разделял другой лидер синдикализма Ф. Корридони, считавший, что война — это «революционный и национальный долг»²¹. Интервентистские призывы Де Амбриса и Корридони не нашли поддержки рабочих, но вызвали дискуссию по поводу тезиса абсолютного нейтралитета и нейтралистской линии ИСП.

Занявшие место на правом фланге интервентистского движения националисты открыто заявляли, что война нужна для достижения господства на Адриатике, усиления экспансии в Средиземноморье и на Балканах, дележа турецкого наследства в Малой Азии, а также для борьбы с революционными настроениями внутри страны²². В фарватере националистов следовали национал-либералы во главе с Борелли, футуристы, провозгласившие войну «единственной гигиеной мира», представители литературной богемы, группировавшиеся вокруг журналов «Лачерба» и «Воче».

Вспыхнувшая между отдельными направлениями интервентизма полемика не прекращалась все военные годы. Объединяли их антиджолиитизм, антисоциализм, антипарламентаризм, требование о вступлении Италии в войну, а затем — о продолжении ее до победного конца. Интервентисты оставались в меньшинстве. Не только социалисты, но и подавляющее большинство буржуазии высказывалось за нейтралитет. В дневнике министра колоний Мартини (запись от 26 сентября 1914 г.) читаем: «Буржуазия

торговая, индустриальная, банковская, которая кричит: “мир”, “мир”... не только не знает, но даже не представляет, что ее ожидает после мира». Мартини это хорошо себе представлял: «Буржуазия не хочет войны, но если войны не будет, произойдет революция»²³. Правящие круги предпочитали отправить итальянских рабочих в окопы войны империалистической, чтобы не увидеть их на баррикадах войны гражданской.

Руководство социалистов-реформистов требовало созыва парламента и предлагало правительству чувствовать себя свободным в выборе позиции, невзирая на обязательства по Тройственному союзу. Глава масонства Э. Феррари, признавая необходимым вступление в войну, распространил циркуляр, призывавший к солидарности с Францией²⁴. Крупный вклад в развитие интервентистского движения внесла обладавшая огромным влиянием «Коррьере делла сера», за которой стояли монополии промышленного Севера: Креспи, Де Анджели, Пирелли. В статье «С кем Италия? Вред изоляции» подчеркивалось, что изменились исходные данные, «определявшее положение Италии в Европе перед двумя группировками держав»²⁵. Один из редакторов газеты заявил российскому послу Крупенскому о намерении «Коррьере делла сера» вести пропаганду присоединения к Антанте²⁶.

Руководители синдикалистов создали еще одну политическую организацию: «Революционный фашо интернационального действия», объединившую сторонников интервентизма из разных отрядов рабочего движения, среди них несколько социалистов. 5 октября 1914 г. участники «фашо» обратились с первым воззванием к итальянским трудящимся: «Мы боремся на стороне революционеров Франции, России, Бельгии и Англии за дело свободы и цивилизации против авторитаризма и тевтонского милитаризма... ради европейского мира, ради социальной революции, за восстановление на новой основе Интернационала рабочих... который выступил бы против любой войны, если она не будет войной угнетенных против угнетателей, эксплуатируемых против эксплуататоров», говорилось в манифесте²⁷. «Революционные» интервентисты увязывали узконациональные задачи с лозунгом войны демократии против реакции и пролетарским интернационализмом. Речь шла о сочетании «революции» и «патриотизма», попытке поставить на службу интернационалистский дух гарибальдизма²⁸.

В августе-сентябре 1914 г. в ИСП начали раздаваться голоса в пользу вступления Италии в мировую войну на стороне Антанты²⁹. В миланской секции ИСП, например, за интервентизм выступали П. Валера и ответственный редактор «Аванти» А. Галас-

си³⁰. В статьях, помещаемых в редактируемом Турати журнале «Критика социале»³¹, в журнале Муссолини «Утопия», утверждалось, что с нейтралитетом будет вскоре покончено, и обсуждалось, какую компенсацию должна потребовать Италия от стран Антанты за выступление на их стороне³². Независимые социалисты – депутаты парламента Раймондо, Чикотти, Альтобелли – также высказались за вступление в войну³³.

Руководство ИСП не одобряло заявления подобного рода. Секретарь партии К. Ладзари 18 сентября выступил в «Аванти» с заявлением об абсолютном неприятии ИСП войны³⁴, а руководство и парламентская группа ИСП, собравшись 21 сентября в Риме, решили опубликовать Нейтралистский манифест. Его 22 сентября напечатала «Аванти». В манифесте «К товарищам социалистам и итальянским трудящимся» говорилось об опасности вовлечения Италии в войну. Обращение призывало рабочий класс противостоять демонстрациям партий, которые хотят войны. ИСП указала на «глубокое и непреодолимое противоречие между войной и социализмом» и подтвердила приверженность политике абсолютного нейтралитета. В документе подчеркивалось, что интервенционисты возлагают на Савойскую монархию «историческую миссию, от выполнения которой она была всегда далека во времена Рисорджименто». ИСП призывала пролетариат оказать решительное сопротивление всем интервенционистским течениям: «Социалистическая партия вновь громко заявляет о существовании глубокой и неискоренимой антитезы между войной и социализмом. Никаких уступок войне. Только противодействие, решительное и непримиримое. Организуйте митинги и манифестации против войны, сопротивляйтесь вашим вчерашним и завтрашним убийцам»³⁵. Этот манифест появился после того, как в сентябре прошли первые демонстрации интервенционистов, во время которых социалисты не сумели им активно противостоять³⁶.

Но в рядах ИСП нашлись противники нейтралитета. Свою оценку непоследовательным действиям итальянских социалистов дал В.И. Ленин, пристально следивший из соседней Швейцарии за положением в итальянском социалистическом движении³⁷. Переход на интервенционистские позиции социалистов-реформистов во главе с Биссолати и ренегатство Муссолини, ратовавшего за войну, не явились неожиданными³⁸. «Казус Муссолини» – не менее скандальное событие, чем подобные же переходы в лагерь шовинистов Мильерана и Лавалья во Франции, Носке и Шейдемана в Германии, Макдональда и Сноудена в Англии. На первый взгляд, оно может показаться столь же неожиданным, как скатывание в

самом начале войны на социал-шовинистические позиции яркого антимилитариста II Интернационала француза Г. Эрве, отмечал А.С. Корнеев³⁹. Ренегатство Муссолини, однако, вполне объяснимо, если принять во внимание политическую эволюцию и характер будущего «дуче»⁴⁰. В его мировоззрении причудливо сочетались взгляды, поверхностно заимствованные у политических деятелей и философов самых разных школ и направлений⁴¹.

Разрабатывая осенью 1914 г. план подкупа итальянской прессы, министр иностранных дел А. Сан Джулиано и издатель газеты эмилианских аграриев «Ресто дель карлино» Ф. Нальди не случайно обратили внимание на директора «Аванти». Доверительные беседы Нальди с Муссолини, проходившие, в частности, в миланской пивной «Шпатен», закончились вскоре финансовой сделкой. Когда спустя полвека Нальди рассказал об этом в интервью газете «Паэзе», его признания были снабжены примечательным подзаголовком: «Проблема для правительства Саландры: найти продажного социалиста»⁴².

Возглавлявшаяся Муссолини «Аванти» односторонне освещала вопрос о том, кто виновники войны, концентрировала внимание на опасности участия Италии в войне на стороне Германии и Австро-Венгрии, игнорируя другую опасность – выступление на стороне антантовской коалиции. Антигерманские выступления «Аванти»⁴³ можно объяснить отчасти тем, что опасность вовлечения Италии в войну на стороне Германии действительно существовала, так как формально она оставалась членом Тройственного союза, а также тем, что итальянская общественность всегда враждебно относилась к австро-прусскому монархизму и милитаризму. Нейтралитет «Аванти» уже в начале войны имел антиавстрийскую и антигерманскую направленность, а сам Муссолини тяготел к интервентизму.

В начале октября Муссолини признал это в письме к одному из сотрудников официальной «Джорнале д'Италия», Дж. Ломбардо Радиче⁴⁴. Тот передал письмо гласности, поместив 4 октября 1914 г. в своей газете статью, в которой, не называя имени Муссолини, представил его лишь как «одного из авторитетных и воинственных руководителей» социалистов. Он показал несоответствие взглядов Муссолини установкам манифеста ИСП от 22 сентября и тем самым подвел читателей к выводу, что партия «дезориентирована» и даже ее руководители занимают теперь «более сознательную» позицию.

Муссолини перепечатал 7 октября в «Аванти» свое интервью «Джорнале д'Италия», опубликовав его днем раньше⁴⁵. Абсолютный нейтралитет, по его словам, имел ценность лишь

как принципиальное заявление и означал «идеальную» оппозицию войне. Интервентисты полностью солидаризировались с Муссолини⁴⁶. Его расхождения с партийным руководством (следует напомнить и о таком красноречивом факте, как его отказ участвовать в конференции ИСП и Швейцарской социал-демократической партии в Лугано⁴⁷, где обсуждались вопросы отношения к войне и шла речь о восстановлении развалившегося II Интернационала) вылились в ренегатское выступление со страниц вначале буржуазной прессы, а затем и «Аванти».

Обеспокоенное антисоциалистической кампанией, руководство ИСП по инициативе Ладзари и Веллы решило собраться 18–21 октября в Болонье и обсудить дальнейшую линию партии. Утром 18 октября в «Аванти» появилась статья Муссолини «От нейтралитета абсолютного к нейтралитету активному и действительному»⁴⁸. Она резко противоречила антивоенному курсу социалистов. Заседание в Болонье пришлось посвятить разбору отступнического заявления Муссолини. После бурной 10-часовой дискуссии позиция Муссолини была единогласно осуждена. Оставшись в одиночестве, он покинул пост директора «Аванти»⁴⁹. На смену пришла новая редакционная коллегия во главе с Дж.М. Серрати, решительно отмежевывавшаяся от Муссолини⁵⁰.

Когда-то Муссолини, рассказывая Балабановой о том, как приехавшего в Россию главу итальянских футуристов Маринетти во время выступлений забрасывали помидорами, затаптывали и освистывали, признался, что очень ему завидует и хотел бы оказаться на его месте⁵¹. Вскоре его «странное желание исполнилось». Сохранились красочные воспоминания о собрании социалистов 24 ноября в Милане, на котором он был изгнан из партии. Толпа, окружившая Муссолини по дороге к Народному театру, располагавшемуся неподалеку от центральной Пьяцца дель Дуомо, встретила его сжатыми кулаками и криками: «Признайся, кто тебе платит!» На состоявшемся в тот же день в помещении театра заседании миланской секции ИСП, едва Муссолини поднялся на сцену, на него из зала посыпался град монет и раздался пронзительный женский крик: «Иуда, вот твои грязные деньги!», который подхватили три тысячи собравшихся: «Лгун! Предатель! Убийца! Кто тебе платит, кто платит?» Призыв Серрати дать высказаться побледневшему и растерянному Муссолини был заглушен ревом голосов. Когда Муссолини открывал рот, из зала кричали: «Громче, говори громче!»

Девятью днями раньше, 15 ноября, в Милане вышел первый номер газеты «Пополо д'Италия» (главным редактором нового органа был Муссолини), весь тираж разошелся в течение часа.

Газета стала рупором интервенционизма, а в послевоенные годы – органом фашистской партии. Этого предательства, перехода в лагерь противников, социалисты ему простить не могли. Муссолини на заседании 24 ноября пытался оправдаться, но его освистали, едва он открыл рот. В припадке гнева Муссолини схватил стакан и раздавил его в руке, по которой потекла кровь. Под топот и свист он яростно кричал: «Вы меня ненавидите, потому что еще любите!» Бледный и дрожащий, он направился к выходу. «Вы еще обо мне услышите», – бормотал он на ходу так тихо, что это слышали лишь находившиеся рядом⁵². Последняя попытка бывшего директора «Аванти» объясниться с товарищами по партии провалилась.

Последователей у Муссолини почти не нашлось⁵³, его позицию осудило как руководство, так и подавляющее большинство рядовых членов партии. За недостойное поведение («Пополо д'Италия» подвергла социалистов грязным, клеветническим нападкам⁵⁴) Муссолини был изгнан из партии. Растерянность в ИСП из-за его предательства вскоре была преодолена. Партия осталась верна антивоенной линии.

Интервенционисты, шумно приветствовавшие ренегатство Муссолини, расхваливали его на страницах своих газет⁵⁵. Расщедрившиеся промышленники и банкиры не скупились⁵⁶. Имея лишь 2 тыс. лир в момент ухода из «Аванти», выпуск ежедневной газеты «Пополо д'Италия», в первом же номере которой прозвучало «ужасающее и завораживающее слово «война»⁵⁷, Муссолини начал, обладая уже капиталом в 0,5 млн лир, а ее тираж с первоначальных 30 тыс. вскоре увеличился до 80 тыс.⁵⁸ Газета призвала создавать «фаши» действия, объединив в них всех, кто выступает за войну с Австро-Венгрией и Германией «по причинам как национального, так и интернационального порядка». Этот призыв был услышан «революционными» интервенционистами, к которым примкнул Муссолини, вокруг него в дальнейшем идейно и организационно сплотилось данное крыло интервенционистского движения.

Поступок Муссолини был проявлением едва ли не главной черты его характера – приспособленчества. «Речь шла о том, – писал П. Алатри, – чтобы добиться любым путем наибольшей популярности, используя самые крайние тенденции итальянского общественного мнения»⁵⁹. Туманно-демагогическая программа, с которой Муссолини примкнул к лагерю сторонников войны, имела для него второстепенное значение.

Зимой 1914/15 г. интервенционистская кампания нарастала. После декабрьской сессии парламента интервенционисты, ободренные

заявлениями премьер-министра Саландры, усилили проантантовскую агитацию. Муссолини быстро сориентировался в новой обстановке. Если ранее он утверждал, что изгнание из партии не помешает ему «продолжать работать для дела социализма и революции»⁶⁰, то в дальнейшем встал на открыто антисоциалистические позиции и сблизился с националистами. 13 декабря в Парме Муссолини произнес речь, в которой досталось всем – нейтралистской буржуазии, а заодно с ней и Биссолати, и лидеру республиканцев Барцилаи. Не удержался он и от выпадов против ИСП, напрямую используя националистическую терминологию.

Муссолини и его сподвижники по «революционному интервентизму» 6 января 1915 г. сформировали так называемые фаши революционного действия. Их целью было «создать такое положение, при котором Италия без промедления будет вовлечена в войну против центральных империй»⁶¹. 23 января 1915 г. в Милане состоялось собрание представителей различных групп революционного интервентизма, избравшее руководящий комитет движения «фаши». В него, кроме последователей Муссолини, вошли некоторые независимые социалисты, республиканцы, синдикалисты, анархисты. «Пополо д'Италия», поставленная на службу «фаши», начала жестокую кампанию против нейтралистской линии ИСП. Движение обрело настолько злобный характер, замечал Л. Вальяни, что о не принадлежности кого-либо из ее членов к «фаши» поспешила заявить не только ИСП, но и партия социалистов-реформистов⁶². По требованию низовых организаций руководство ИСП исключило из ее рядов сторонников войны, вошедших в возглавляемые Муссолини интервентистские союзы. Правда, часть «фашистов» выполнила требование о выходе из «фаши», объяснив это желанием вести интервентистскую пропаганду внутри ИСП.

28 февраля 1915 г. Муссолини на заседании руководящего комитета произнес фразу, объявленную впоследствии «пророческой»: «Брошены добрые семена, и все увидят, что они не окажутся бесплодными»⁶³. В апреле 1915 г. была опубликована декларация «революционных» интервентистов о «классовом перемирии», в которой говорилось, что они вынуждены пойти на частичное перемирие, так как теперь на первое место выдвигается решение национальных проблем. Но они все же отвергали политику захвата колоний и заявляли, что будут бороться против своей монархии в случае «торгов нейтралитетом на базе территориальных компенсаций»⁶⁴.

Не обращая внимания на правительственные запреты (на самом деле Саландра и Соннино, ставший после смерти предыдущего

главы итальянского МИД А. Сан Джулиано 16 октября 1914 г.⁶⁵ министром иностранных дел, никогда не отказывались от поддержки интервентизма) и на то, что большинство итальянцев разделяли антивоенные настроения, интервентисты с приближением весны усилили свою кампанию. Объединяло три главных течения интервентизма презрение к нейтралистской буржуазии, принявшее форму антиджолиттизма, ненависть к ИСП и присущий им антисоциализм⁶⁶.

Начавшийся в стране еще накануне войны экономический кризис достиг пика. Положение усугубило произошедшее 13 января 1915 г. сильное землетрясение в областях Лацио, Абруццо и Кампания, в результате которого погибли тысячи людей и был причинен серьезный материальный ущерб⁶⁷. Правительство, выделившее поначалу на помощь жертвам землетрясения лишь 1 млн лир, через несколько дней было вынуждено увеличить эти расходы до 30 млн лир⁶⁸. Экономический кризис спровоцировал новый подъем классовой борьбы. «Аванти» отмечала: «Воинственный пыл многих буржуа охлажден тяжелым положением в стране. Они боятся вступать в войну, когда в Италии так много безработных»⁶⁹.

Волна антиправительственных выступлений произвела глубокое впечатление на правящие классы, усилив стремление правой группировки ввязаться в войну не только как к источнику захватов и сверхприбылей, но и как к возможному выходу из внутриполитических трудностей. Интервентисты запугивали правительство тем, что продление нейтралитета «углубит моральное падение страны»⁷⁰. Распространялись слухи о провале переговоров с Австро-Венгрией и о намерении джолиттианцев свергнуть кабинет Саландры, чтобы избежать войны.

В этих условиях Джолитти счел нужным заявить, что «при нынешнем положении в Европе» Италия может «немало достичь и без войны», т.е. путем переговоров и получения компенсаций, а войну следует начать лишь в случае крайней необходимости⁷¹. Он опроверг ложные слухи о том, что намерен вызвать правительственный кризис и снова заверил, что будет поддерживать правительство⁷². Война, по его мнению, обрела характер борьбы за мировую гегемонию между двумя наиболее крупными воюющими державами, тогда как в интересах Италии – сохранить европейское равновесие, чему она могла бы содействовать, оставив нерастраченными свои ресурсы⁷³. Соннино же, напротив, считал, что «Германия, как и Австрия, больше не надеется на соглашение с Италией, а Австрия не намерена ничего уступать»⁷⁴.

Джолитти вернулся в Рим на сессию парламента, возобновившего свою работу после рождественских каникул 18 февраля 1915 г. Многие депутаты побывали за это время в своих провинциях, где стремление большинства населения к миру было налицо, поэтому открыто демонстрировали в кулуарах Монтечиторио (дворца, в котором располагается парламент) недовольство правительственной политикой⁷⁵. Немало сторонников Джолитти были готовы вызвать правительственный кризис и проложить тем самым дорогу к власти лидеру парламентского большинства. Но, когда дело дошло до голосования за вотум недоверия, выраженный социалистами, проголосовали всего 44 депутата (двое воздержались), а за доверие – 314 парламентариев. Одобрив ряд законопроектов, отражавших правительственную программу подготовки к войне, депутаты в конце марта покинули Рим до следующей сессии, намеченной на 12 мая.

Нейтралисты, в отличие от противников, не устраивали уличных шествий и митингов на площадях, они переносили борьбу в парламент, уповая на Джолитти, мастера интриг и компромиссов. Лагерь нейтралистов оставался разобщенным и лишенным руководства. Интервентистская пресса подвергала резким нападкам нейтралистскую позицию ИСП⁷⁶.

После нескольких месяцев переговоров правительство 26 апреля 1915 г. тайно заключило в Лондоне договор с державами Антанты об условиях участия Италии в войне, добившись огромных уступок⁷⁷. Теперь интервентистам вместе с правительством предстояло преодолеть сопротивление нейтралистов, которых поддерживало большинство населения. Кульминацией политической борьбы периода нейтралитета стали так называемые радужные майские дни 1915 г.

4 мая правительство заявило о прекращении переговоров с Австро-Венгрией, которые оно вело параллельно с переговорами с державами Антанты, и денонсировало союзный договор с габсбургской монархией. Это означало прямой разрыв с центральными державами и скорое начало войны. Незадолго до этого, 29 апреля, Виктор Эммануил III направил приветственные телеграммы Георгу V, Николаю II и Пуанкаре. Итальянское правительство не приняло последних территориальных уступок на переговорах с Австро-Венгрией, сделанных уже после этого. На встречах с королем и Саландрой Джолитти 10 мая советовал отказаться от принятых обязательств с помощью парламентариев, большинство которых разделяли его позицию. Нейтралистов поддерживал Ватикан и папа Бенедикт XV, считавший своим долгом удержать Италию от войны с Австрией (об уступках которой

в Ватикане были осведомлены), равно как сохранить ее дружественные отношения с центральными империями⁷⁸. Интервентисты пророчили, что в случае отказа от выступления на стороне Антанты в стране начнется гражданская война, нейтралисты утверждали, что если мир не будет сохранен, то на следующих выборах в парламент будут избраны несколько сот социалистов.

Правительство намеренно перенесло открытие очередной сессии парламента с 12 на 20 мая, что вызвало возмущение нейтралистов, неумоимо отстаивавших нейтралитет. В частности, газета «Аванти» с удовлетворением констатировала, что позиции нейтрализма усилились⁷⁹. Саландре из донесений префектов были известны антивоенные настроения в стране. Беседы премьер-министра с депутатами создавали впечатление, что правительство не наберет большинства в парламенте. Не дожидаясь вынесения вотума недоверия нейтралистским большинством Палаты депутатов, кабинет Саландры 13 мая ушел в отставку⁸⁰.

В такой обстановке и произошли события «радужных майских дней». Интервентистские демонстрации начались еще до отставки правительства, 12 мая, но именно уход Саландры послужил той искрой, которая разожгла пожар. Утром и вечером 13 мая прошли инспирированные интервентистами бурные антантофильские манифестации в Риме, Болонье, Милане, Венеции, Мессине, Бари и других крупных городах. Наивысший подъем майского движения пришелся на 14–16 мая. Поддавшиеся интервентистской пропаганде толпы останавливали транспорт, били уличные фонари, громили немецкие магазины, жгли нейтралистские газеты, устраивали шумные антиавстрийские и антинемецкие митинги, призывая немедленно начать войну.

Наиболее многолюдные демонстрации прошли в Милане, их возглавили лидеры партий демократической левой, муссолинисты, анархо-синдикалисты. С трибуны выступали Корридоли, Де Амбрис, Муссолини, Баттисти, Кьеза, Пиролини. А. Кулишова писала Турати в Рим, что число манифестантов на Соборной площади достигает 100 тыс. человек⁸¹. Их участники громили помещения секций ИСП (позднее так же будут вести себя фашисты), интервентистами был убит молодой рабочий, имелись раненые. Интервентистки настроенная «Коррьере делла сера» спешила свалить вину за кровавые инциденты на нейтралистов⁸². Ответные спорадические демонстрации нейтралистов были мало заметными.

Националисты заявляли, что «Джолитти и его банда должны знать, какова воля нации»⁸³. Демократические интервентисты

отмежевывались от националистов, подчеркивая, что преследуют в данной войне иные цели. «Унита» Г. Сальвемини 21 мая 1915 г. провозглашала: «Прежде чем необходимость борьбы заставит прекратить любые дискуссии, мы хотим еще раз напомнить, что мы против того, чтобы девиз свободы в предстоящей войне был извращен, и война превратилась в авантюру несправедливых захватов»⁸⁴. «Долой парламент!», кричал со страниц «Пополо д'Италия» Муссолини, принимавший непосредственное участие в интервентистских манифестациях. «Для блага Италии необходимо расстрелять... дюжину-другую депутатов и сослать на каторгу хотя бы пару экс-министров. {...} Парламент в Италии – это чумная язва, отравляющая кровь нации. Ее необходимо вырезать», – писал он в те дни⁸⁵. Муссолини заверял правительство, что «вся здоровая часть нации соберется вокруг Саландры и Соннино». «Вот уже три дня я испытываю боль и раздражение, – жаловался Муссолини в письме от 16 мая одному из близких друзей. – Я уверен, что войны теперь не будет. Моральное единство страны, едва успев возникнуть, лопнуло»⁸⁶. Растерян был и главный редактор «Коррьере дела сера» Л. Альбертини, заклинавший Саландру «не покидать своих друзей» и не допустить Джолитти к власти⁸⁷.

Перед лицом террора и угроз буржуазные нейтраллисты отступили, обнаружив свою беспомощность. Джолитти недооценил интервентизм, ошибочно полагая, что в нужный момент все решится в рамках парламента силами верного ему большинства. В разговоре, записанном О. Малагоди 18 мая, Джолитти признал, что Саландра обманул его «по-апулийски», свалив во время их встречи все на Соннино и выставив себя противником войны⁸⁸. Джолиттианцы не допускали мысли о том, чтобы призвать настроенные пацифистски массы к открытой борьбе с интервентистами. Они опасались, что такое выступление может перерасти в глубокий социальный кризис всего режима и воспротивились союзу с социалистами как последнему средству борьбы. «Нейтраллисты показали свою беспомощность, сотрудничество Джолитти с социалистами... оказалось довольно проблематичным и потому эфемерным»⁸⁹.

10 мая 1915 г., видя, что события обретают угрожающий характер, Турати публично заявил (и парламентская группа ИСП его поддержала), что социалисты готовы предпринять совместные действия с джолиттианцами и католиками, могущие воспрепятствовать войне. «Аванти» 11 мая дала понять, что социалисты сделают свой нейтралитет более гибким, если Джолитти возглавит правительство. Но тот отказался от подобного сближения.

Попытка ИСП консолидировать силы нейтралистского лагеря была запоздалой и успеха не принесла⁹⁰.

Социалистическая партия в лице своего руководства, собравшегося в Болонье 16 мая – в самый разгар интервентистских бесчинств, – по существу капитулировала, предоставив свободу действий местным организациям партии. Рабочие ждали объявления общенациональной стачки протеста, которая, несомненно, нанесла бы удар по замыслам сторонников интервентизма⁹¹. Но руководство ИСП посчитало сопротивление бесполезным. Участники болонского совещания пришли к выводу, что необходимо ограничиться организацией антивоенных манифестаций накануне открытия парламента. Турати и Тревес даже такие манифестации считали чересчур рискованными. Отказались призвать ко всеобщей забастовке и реформистские лидеры ВКТ.

Рабочие на местах, не дожидаясь установок свыше, противодействовали милитаристским манифестациям интервентистов. Резкий отпор сторонникам войны дал Турин. Всеобщая забастовка, объявленная там в день открытия болонского совещания, чтобы, как вспоминал М. Монтаньяна, «оказать давление на руководство партии и поставить его, по крайней мере в Турине, перед свершившимся фактом», вылилась 17 мая в баррикадные сражения. «В этот день остановились все заводы. Все коммунальные предприятия были полностью парализованы. Всеобщей забастовкой были охвачены все категории трудящихся»⁹². Рабочие, выйдя на улицы, не позволили интервентистам устраивать бесчинства и взяли инициативу в свои руки. Сторонники войны озлобленно сопротивлялись. Ими был убит молодой рабочий К. Деццано, 14 демонстрантов ранено. Префект телеграфировал в Министерство внутренних дел в 12 часов дня 17 мая: «Положение серьезнейшее. Появились баррикады и совершаются акты вандализма. Говорят об убитых и раненых»⁹³. «Серьезные события произошли во время нейтралистской манифестации в Турине. Есть убитые и раненые, по одному погибшему также в Палермо, Генуе и Фаенце», записал в своем дневнике 17 мая Ф. Мартини⁹⁴.

Возмущенные наглými действиями интервентистов и потворствующих им властей, рабочие Турина отказывались выйти на работу. Улицы города патрулировали вооруженные военные. Саландра призвал туринских парламентариев-социалистов содействовать восстановлению порядка. Туринские лидеры ИСП – Казалини, Барберис, Куальино и Де Джованни – пошли на поводу у правительства, когда после освобождения из тюрьмы приняли уговоривать пролетариат вернуться на предприятия и возоб-

новить работу⁹⁵. Но мысль о приближающейся войне заставляла продолжать борьбу. Корреспондент «Аванти» писал 18 мая из Турина: «В отчаянии рабочей массы есть ужасная логика: чем быть убитым на войне, лучше погибнуть во время восстания»⁹⁶. Лишь после известия о том, что руководство ИСП отвергло всеобщую стачку и что в других промышленных центрах их не поддерживали, рабочие стали возвращаться на предприятия.

Антиинтервентистские демонстрации прошли во многих городах и крупных населенных пунктах, в частности, в населенных беднотой кварталах Рима; были объявлены стачки протеста в Милане, Пьяченце, Палермо. Столкновения рабочих с интервентистами произошли в Риме, Флоренции, Милане, Вероне, Новаре, Ливорно, Катании и множестве других городов и сел⁹⁷. Но самым мощным было выступление в Турине. Как отмечал П. Сприано, майские события 1915 г. в Турине послужили отправным пунктом для создания впоследствии группы «Ордине нуово», для восстания 1917 г. и забастовок 1919–1920 гг., сделавших рабочий Турин, по выражению Грамши, «Петроградом итальянской пролетарской революции»⁹⁸.

Убедившись, что ни со стороны джолиттианцев, ни со стороны социалистов серьезного сопротивления не ожидается, Виктор Эммануил отклонил отставку Саландры. 16 мая правительство вернулось к власти. Побоявшись огромной ответственности, Джолитти так же, как и Маркора, Каркано и Бозелли, которым поочередно было предложено возглавить новый кабинет, отказался от этой чести. Он не взял на себя смелость отвергнуть притязания интервентистов. 17 мая Джолитти покинул Рим, что означало капитуляцию сторонников нейтралитета перед теми, кто жаждал войны. П. Тольятти подчеркивал, что после «Красной недели» 1914 г. переворот в парламенте в мае 1915 г. покончил со старой олигархией: «За уличным националистическим движением, которое рассеяло наиболее преданную Джолитти парламентскую клиентуру ... стояла Италия крупных промышленников, фабрикантов брони и торговцев пушками, империалистическая Италия, чей аппетит раздразнила Ливийская война»⁹⁹.

Правительство Саландры избрало националистическую альтернативу¹⁰⁰. Анализ рапортов префектов, проведенный Виджецци, показал, что весной 1915 г. «к войне были расположены средние слои и интеллектуальная буржуазия», а деловые круги «больше склонялись к нейтралитету»¹⁰¹. На самом же деле, как впоследствии признавался Саландра, большинство итальянцев не желало войны: «Наше участие в конфликте было задумано и претворено в жизнь весной 1915 г. предприимчивым и смелым,

но в сущности ничтожным меньшинством, которое правительство очень легко могло бы обуздать, не будь оно убеждено в фатальной необходимости нашего участия»¹⁰². Это подтверждали Л. Альбертини и Г. Сальвемини, констатируя, что «ни большинство населения, ни парламентское большинство не хотели вступления в войну»¹⁰³.

Феномен интервенцизма связан с моральным и культурным климатом, создавшимся в Италии в последние годы «джолиттианской эры» в результате социально-экономического развития, характеризовавшегося острыми противоречиями, углублявшими внутренние диспропорции и стимулировавшими империалистические устремления и авантюризм, писал Канделоро. В этом климате вызрел правый и левый антиджолиттизм, который с такой яростью проявился во время «радужных дней», и развивались явно антидемократические и антисоциалистические тенденции, находившие в национализме упрощенную, но последовательную теоретическую систематизацию и первоначальную форму политической организации. Война в Европе предоставила объединившимся в антиджолиттизме и антисоциализме силам возможность создать блок и решить проблему вступления в войну благодаря также поддержке со стороны группировок демократической левой – радикалов, республиканцев и социалистов-реформистов, связывавших себя с демократической традицией Рисорджименто и проникнутых духом антиавторитаризма. Но данные группировки играли лишь подчиненную роль¹⁰⁴.

Вопрос вступления Италии в Первую мировую войну был решен вопреки истинной воле народа и значительной части правящих классов, представленной джолиттианским большинством парламента. Во время майских событий обнаружилась слабость правящих классов, вынудившая одну из их группировок прибегнуть к необычным методам борьбы – организации уличных беспорядков. Для масс эти события означали дальнейшее углубление их «разрыва с господствующей системой»¹⁰⁵.

20 мая деморализованный парламент проголосовал (407 – за, 74 – против) за предоставление правительству чрезвычайных полномочий, выдав ему тем самым мандат на объявление войны. После майских демонстраций интервенцистов в политических кругах Италии воцарилась атмосфера казенного патриотизма, которой поддались и некоторые лидеры ИСП. Выступая на открытии сессии парламента, Турати произнес ура-патриотическую речь, закончив обещанием сотрудничества с правительством¹⁰⁶. «Аванти» в эти дни заявляла: «...потерпев сейчас поражение... мы вновь подтверждаем твердую решимость участвовать

завтра в новых битвах... Мы добровольно отходим в сторону. Пусть буржуазия ведет свою войну, которой она желала и за которую несет всю ответственность перед будущими поколениями»¹⁰⁷.

Вечером 20 мая военные кордоны на подступах к Монтеччаторио были сняты, и по улицам Рима, как и Милана, Неаполя и других городов, прошли торжествующие интервенционисты. Они добились осуществления своей первоочередной задачи: 23 мая Италия объявила войну Австро-Венгрии. Страна вступала в войну, потребовавшую огромных жертв, не подготовленная должным образом ни морально, ни экономически, ни даже в военном отношении. Некоторые наиболее последовательные интервенционисты отправились на фронт, где их пафос и «героизм» оказались вскоре погребенными в окопах. Интервенционистский угар рассеивался, шум, поднятый д'аннунцианской риторикой и шовинистическими манифестациями, стихал по мере того, как с фронта прибывали первые санитарные поезда и поступали безрадостные известия¹⁰⁸.

Оценивая значение интервенционизма в итальянской истории, следует подчеркнуть наличие связи между ним и послевоенным фашистским движением. Интервенционизм во многом подготовил будущий успех этого движения и обладал рядом признаков, придающих ему сходство с фашизмом: идентичность социальной базы, националистические идеологические установки, методы борьбы, опора на империалистические круги итальянского капитала. В интервенционистских организациях получили подготовку многие деятели фашистского режима, а сам будущий дуче Муссолини сыграл далеко не последнюю роль в движении и привнес многие его элементы в фашизм. Спровоцированные интервенционистами беспорядки «радужных майских дней» 1915 г. стали прототипом фашистского «похода на Рим» в октябре 1922 г. Они нанесли непоправимый удар устоям либерального государства, подорвав престиж парламентской системы в Италии. Однако, и это важно отметить, многие участники интервенционизма стали затем активными антифашистами.

Антимилитаристская позиция, выгодно отличавшая ИСП от скатившихся в начале войны к шовинизму социал-демократических партий II Интернационала, не была до конца последовательной. Под влиянием реформистского крыла руководства ИСП отказалась от активной борьбы. Партия встала на позиции пассивного сопротивления, что отражено в принятой ею накануне вступления в войну беззубой резолюции: «не поддерживать и не саботировать».

Социалисты, как оставшееся в партии левореформистское крыло во главе с Турати, так и революционный фланг во главе с Ладзари, оказались не на высоте в кризисный период итальянского нейтралитета, не разработали ясной и последовательной политической линии. Впрочем, то же самое, как справедливо считает Б. Виджецци, можно сказать и о других итальянских политических силах. Турати и Кулишова, по-прежнему по существу возглавлявшие интеллектуальный штаб социалистов, не были застигнуты врасплох кризисом системы джолиттизма. Хотя накопившаяся усталость и длившаяся долгие месяцы болезнь препятствовали активному участию Турати в политической жизни, он все же часто выступал с речами и статьями, в которых разрабатывал линию ИСП.

Что касается общей политической обстановки в стране, то, как отметил тот же Виджецци, «консервативная альтернатива», «национальная политика», знаменем которой стала фигура Саландры, помогает понять, как развивались события накануне, во время и после войны. «Проект Саландры заключался в том, чтобы вновь объединить и сплотить либеральную партию, инкорпорировать джолиттианцев, повести за собой католиков, свести на нет влияние демократов, держать в узде интервентистов, упрочить старые институты, но весь этот проект не выдержал испытания событиями 1915 г.» Кризис 1915 г. был, несомненно, самым тяжелым, так как распад джолиттианской системы не способствовал стабильности в стране. Попытки достичь такой стабильности нередко были взаимоисключающими. Исход фронтального столкновения политических сил в мае 1915 г. был отнюдь не случаен. Беспокойные годы в преддверии данных событий – Ливийская война (1911–1912), введение в 1913 г. закона о более широком всеобщем голосовании, уход с политической арены Крайней левой, наступление католиков, прорыв националистов, экономический и социальный кризис, раскол ИСП, попытка возрождения консерваторов – все это ставило социалистов, в том числе оставшихся в партии левых реформистов, перед новыми серьезными проблемами. И именно это делало их «упорный и часто встречающийся неблагодарностью труд столь значимым для страны». Он «приносил свои результаты, социалисты завоевывали свое место в истории», невзирая на то, «относили ли их впоследствии к побежденным или к победителям»¹⁰⁹.

Надеясь на скорое окончание войны и торопясь не опоздать к разделу военной добычи, правительство не успело до конца завершить подготовку армии. Итальянские войска на самом деле вступили в войну в мае 1915 г. мало подготовленными. Хотя

35 итальянских дивизий воевали против 14 австрийских и одной немецкой¹¹⁰, никакого их преимущества на фронте не ощущалось. Остро не хватало боеприпасов. Результаты не замедлили сказаться. Австро-венгерское командование сумело сконцентрировать на фронте необходимое число войск. Все предпринимавшиеся итальянцами наступления, например на реке Изонцо, когда им удавалось продвинуться лишь на пару-другую километров, быстро выдыхались. Общие потери итальянской армии только за первые полгода участия в военных действиях составили 268 тыс. человек. По данным российского военного атташе О. Энкеля, зимой 1915 г. итальянская армия потеряла только больными (прежде всего обмороженными) 300 тыс. человек¹¹¹.

И хотя русская армия сковывала на своем юго-западном фронте большую часть австрийских сил, итальянцы не смогли этим воспользоваться, будучи неспособны прорвать хорошо укрепленные позиции противника в горной местности. Командование требовало побед, которые можно было бы использовать для раздувания шовинистической пропаганды в прессе. По приказу начальника генштаба Кадорны итальянские войска могли оставить занятый ими пункт лишь после гибели не менее трех четвертей его защитников. Этот приказ стоил жизни многим тысячам солдат.

В мае 1916 г. австрийцы прорвали фронт и вышли на итальянскую территорию¹¹². Им оставалось совсем немного, считанные километры до венецианской равнины, откуда открывался путь к крупным жизненно важным центрам итальянского Севера. Брусиловский прорыв в Галиции заставил австрийцев оттянуть силы на восток, и это спасло итальянцев от разгрома. Но господствующие высоты остались в руках австрийцев, и ощущение незащищенности позиций своей армии сопровождало итальянское военное командование все последующие годы войны¹¹³.

Союзники не могли не обратить внимания на тяжелое экономическое положение Италии. Отрезанная в результате военных действий на Черном море от привычного российского рынка зерна Италия вынуждена была просить у союзников, в частности у Англии, корабли для перевозки зерна из стран, расположенных на другом берегу Атлантики. Когда массы крестьян были призваны в армию и отправлены на фронт, часть обрабатываемых земель пришла в запустение из-за нехватки рабочих рук. В условиях военного времени росли цены на основные продукты питания, хотя правительство пыталось как-то их фиксировать.

Правительство предпринимало сложные маневры в сфере внешней политики с целью укрепления международных позиций

Италии и получения преференций при заключении в будущем мира. Войну Германии оно долго не решалось объявить. Это сделало уже новое правительство во главе с П. Бозелли в августе 1916 г., после того как в июне кабинет Саландры ушел в отставку. Надежды лидера консервативного крыла либеральной партии на то, что война будет недолгой, укрепит позиции консерваторов, ослабит джолиттианцев, социалистов и интервентистов левых убеждений, не сбылись. Сыграли свою роль военное поражение в Трентино в мае 1916 г. и то, что кабинет Саландры так и не решился, несмотря на давление союзников, выступить против Германии¹¹⁴. Но само объявление войны Германии, а также Турции и Болгарии мало что изменило в ходе военных действий; Италия по сути дела продолжала вести борьбу в основном на австрийском фронте.

В правительстве Бозелли вошли представители всех парламентских фракций кроме социалистов. Министрами стали бывшие лидеры ИСП, исключенные из нее в 1912 г. за свою приверженность реформизму – Л. Биссолати и И. Бономи, – который в 1915 г. отправился добровольцем на фронт. Преобладавшие в правительстве интервентисты добились объявления войны Германии.

Обозначив в конце нейтралитета свою позицию как «не прикрывать и не саботировать» войну, социалисты продолжали оставаться в непримиримой оппозиции к милитаристски настроенным силам. 20 мая 1915 г. фракция ИСП на голосовании в парламенте, большинство которого высказалось за войну, выступила против запрошенных Саландрой полномочий на проведение всеобщей мобилизации¹¹⁵. После отступления под натиском интервентистов в ходе «радужных майских дней» 1915 г. ИСП, невзирая на преследования со стороны властей, возобновила антивоенную пропаганду. Эта пропаганда сыграла важную роль в распространении антивоенных настроений в стране в 1915–1918 гг. В отличие от немецких и австрийских социал-демократов, с одной стороны, социалистов во Франции и лейбористов в Англии – с другой, поддерживавших собственные правительства и тем самым одобрявших войну, ИСП продолжала антивоенную агитацию. Антимилитаристская позиция, занятая социалистами с первых дней мировой войны, вызвала симпатии российских большевиков, считавших ИСП своего рода образцом, которого могли бы придерживаться социалисты и социал-демократы западноевропейских стран.

Крайне левые в партии (к ним относились прежде всего молодые социалисты) еще на молодежном конгрессе 10–11 мая 1915 г. высказались за массовое сопротивление, проведение все-

общей забастовки в случае втягивания страны в войну. Но в конце концов даже в этом крыле партии возобладало убеждение относительно «практической неосуществимости и несвоевременности мобилизации народных масс на открытую и жесткую борьбу против войны», отмечал С. Каретти¹¹⁶. В его работе «ИСП и «великая война»» приводятся цифры членства в ИСП и Всеобщей конфедерации труда с 1914 по 1920 г., которые свидетельствуют об ослаблении позиций социалистов в годы войны и последующем внушительном приросте членов в обеих организациях в послевоенный период. Число членов ИСП в 1914 г. составило 57 968, в 1915 г. – 41 842, 1916 г. – 34 000, в 1917 г. – 27 119, 1918 г. – 24 592, 1919 г. – 83 526, 1920 г. – 216 337. ВКТ в 1914 г. насчитывала в своих рядах 320 858 человек, 1915 г. – 233 963, 1916 г. – 201 291, 1917 г. – 237 560, 1918 г. – 249 039, 1919 г. – 1 159 062, 1920 г. – 2 055 773¹¹⁷.

Сокращение числа членов ИСП в военные годы объясняется тем, что на партию обрушились репрессии, многие социалисты оказались арестованы и высланы из городов в отдаленные глухие места, другие попали на фронт. Многие секции партии в результате были закрыты. Неизвестно, сколько социалистов пошло вслед за Муссолини и интервентистами. В стране действовали военные законы. Работа на заводах, сама повседневная жизнь были во многом милитаризованы¹¹⁸. Проведение митингов и демонстраций на улицах и площадях запрещалось. Собрания позволялось проводить лишь в закрытых помещениях, вход был строго регламентирован. За нарушение этих запретов немало социалистов подверглись тюремному заключению.

Как уже отмечалось, в сентябре 1914 г. в Лугано состоялась встреча руководителей итальянских социалистов и швейцарских социал-демократов. Именно эти две партии и их лидеры (с итальянской стороны – прежде всего О. Моргари)¹¹⁹ призвали созвать международную социалистическую конференцию, которая содействовала бы восстановлению II Интернационала. В июле 1915 г. О. Моргари во исполнение решений болонского совещания ИСП, высказавшегося за создание нового Интернационала, встретился в Берне с А. Балабановой, Р. Гриммом, Г. Зиновьевым, П. Аксельродом, А. Варским-Варшавским. На встрече обсуждалась повестка дня будущей конференции европейских левых социалистов. Эту конференцию, в которой приняли участие социалисты и социал-демократы многих европейских стран, по большей части представители революционно настроенного меньшинства, удалось наконец провести в швейцарском городке Циммервальд 5–8 сентября 1915 г.

Итальянскую делегацию, в которую вошли О. Моргари, Э. Модильяни, А. Балабанова¹²⁰, возглавил К. Ладзари, рассказавший участникам совещания об антимилитаристской деятельности ИСП. (Балабанова позднее посвятила циммервальдскому движению специальную работу¹²¹.) Ладзари предложил не осуждать другие партии, вставшие на ура-патриотические позиции, и их лидеров, фактически похоронивших II Интернационал. Он возражал против содержащихся в манифесте циммервальдской левой под названием «Мировая война и социал-демократия» идей, его инициаторами выступили В.И. Ленин и К. Радек. Авторы документа считали, что усилия дипломатов и правительств не способны привести к установлению длительного мира и разоружению, и призывали «к гражданской войне, а не к гражданскому миру». Несколько иных взглядов придерживался Серрати, предлагавший вернуться к революционной борьбе, но и он не поддерживал Ленина. Модильяни призвал восстановить II Интернационал. Итальянская делегация присоединилась к центристскому большинству конференции. В принятом делегатами конференции компромиссном, центристском тексте манифеста, который готовили Р. Гримм и Л.Д. Троцкий, говорилось о противодействии национализму, о мире без аннексий и контрибуций, праве наций на самоопределение. Под этим документом поставили свои подписи Ладзари и Модильяни, их имена оказались рядом с именами будущих создателей Коминтерна – Ленина, Варского, Ганецкого, Раковского, Коларова¹²².

Принятый в Циммервальде манифест заканчивался словами: «В этой нетерпимой ситуации мы – представители социалистических партий, профсоюзов и их фракций меньшинства, немцы, французы, итальянцы, русские, поляки, латыши, румыны, болгары, шведы, норвежцы, голландцы, швейцарцы, кто не стоит на почве национальной солидарности с классом эксплуататоров, остаемся верными интернациональной солидарности пролетариев разных стран; мы собрались, чтобы призвать рабочий класс выполнить свой долг по отношению к самому себе и повести его на борьбу за мир»¹²³. Созданная после Циммервальдской конференции Международная социалистическая комиссия в Берне обратилась к социалистам-интернационалистам с призывом «усилить борьбу против империалистической войны»¹²⁴.

«Аванти» в номере от 19 сентября 1915 г. попыталась опубликовать документы Циммервальда, сообщив, что «интернационалисты подтвердили свою классовую солидарность», немецкие и французские социалисты выступили с согласованными заявлениями, прозвучал призыв к трудящимся всех стран бороться за мир.

Передовая статья называлась «Интернационал не умер». В другой статье на первой полосе газеты был помещен отчет о принятых на конференции решениях, сообщалась предыстория ее созыва. Однако военная цензура вымарала многие материалы с изложением принятых циммервальдскими решениями¹²⁵.

Собравшееся 12 октября 1915 г. в Турине руководство ИСП высказалось за дальнейшие усилия с целью восстановления интернационалистского движения. Принятая руководством резолюция призывала «к восстановлению Интернационала и началу движения в пользу скорейшего мира в Европе»¹²⁶. Оно признало необходимым, «несмотря на противодействие правительства, всеми средствами добиваться распространения манифеста циммервальдской конференции»¹²⁷. Положения циммервальдского манифеста были действительно доведены до масс итальянских социалистов и сыграли свою роль в подъеме революционных настроений. Но в антивоенной пропаганде ИСП принятые в Циммервальде положения, по замечанию К.Э. Кировой, «смешивались с обрывками марксистских, реформистских, анархо-синдикалистских идей»¹²⁸.

Эти идеи были близки вновь вступавшим в партию рабочим и работницам, которые пришли в военные годы на заводы и фабрики и оказались втянуты в общественную жизнь. В руководстве партии поддерживался компромисс между левым крылом, ярким представителем которого был главный редактор «Аванти» Серрати, и реформистами во главе с Турати. Эти два течения взаимно блокировали друг друга. Но та позиция, которой придерживалась в ходе войны руководящая группа ИСП, формировалась под прямым влиянием выступавших за интернационализм и настроенных пацифистски рядовых социалистов.

Дальнейшее развитие положения Циммервальда нашли в резолюциях следующей встречи левых социалистов (в ней участвовали 44 делегата) в швейцарском Кинтале 24–30 апреля 1916 г. ИСП здесь представляли ее политический секретарь Ладзари, главный редактор «Аванти» Серрати, формально остававшаяся членом руководства партии Балабанова¹²⁹, депутаты парламента Моргари, Модильяни, Прамполини, Музатти и Дугони. Реформистское крыло ИСП представлял Прамполини, Турати и Тревес в Кинталь не поехали.

В Кинтале, как и в Циммервальде, большинство членов делегации встало на центристские позиции. Ладзари заявил, что социалисты не могут исходить из революционных настроений и призывать к восстанию, хотя в Италии даже в армии настроение таково, что ход событий непредсказуем. Но пока в других странах,

например во Франции, оппозиция не станет сильнее, «мы не можем начать более решительной кампании». Ладзари признавал, что «некоторые хотели бы идти быстрее». Иной была позиция Серрати: он примкнул к возникшей под руководством Ленина, Зиновьева, Радека (он представлял Голландию) «кинтальской левой» в вопросе мира «без аннексий и контрибуций», в которую ранее в Циммервальде отказался входить. В отправленном из Берна в тот период письме Радек от имени редакции газеты «Форботе» просил Балабанову написать статью, осветив деятельность ИСП после вступления Италии в войну¹³⁰.

А. Балабанова в Кинтале во многом поддержала предложения большевиков¹³¹. Серрати подписал резолюцию левого крыла, оказавшись в числе восьми человек кинтальского меньшинства. Между ним и его соотечественниками разгорелись жаркие споры. В принятой в Кинтале резолюции поднимались не только вопросы мира и борьбы против войны, но и проблемы послевоенного устройства¹³². Обе конференции дали ощутимый импульс деятельности Международной социалистической комиссии, призванной координировать действия левых социалистов и социал-демократов разных стран¹³³.

В Циммервальде и Кинтале впервые была продекларирована «общность борьбы за мир и революционной борьбы за социализм»¹³⁴. После Циммервальда и Кинталя стало ясно, что эпоха II Интернационала закончилась, восстановить эту организацию социалистам не удастся и надо создавать новую интернационалистскую организацию. Возникшая тогда идея – создать новый Интернационал была осуществлена впоследствии в Москве в 1919 г.

ИСП на этих совещаниях была единственной партией из воюющих государств, представленной целиком, а не фракциями и течениями. Позиция в Циммервальде Ленина и большевиков, предлагавших революционное пораженчество и превращение войны империалистической в гражданскую, столкнулась с позицией большинства, в которое вошли и итальянские социалисты. Оно предлагало использовать борьбу рабочего класса против войны, но не за революцию, а за немедленный мир без аннексий и контрибуций, основанный на праве самоопределения народов. В Кинтале резолюция из 14 пунктов, в которой борьба за мир отождествлялась с борьбой за социализм, была принята единодушно¹³⁵.

Левое крыло Итальянской социалистической партии продолжало группироваться вокруг Ладзари и Серрати. Особенно ощутимым было влияние Серрати, продолжавшего возглавлять «Аванти». 13 мая 1916 г. газета поместила на своих страницах

фотографии пяти сосланных в Сибирь большевистских депутатов Государственной думы в тюремной одежде. Через несколько дней редакция сообщила, что эту фотографию ей передали русские товарищи в Кинтале. Отвечая на вопросы читателей, кто такие большевики, газета опубликовала краткий очерк, посвященный антивоенной деятельности большевистской партии. В нем излагалась часть статьи Ленина «Социализм и война». Центральный орган ИСП хвалил депутатов-большевиков за твердую позицию и голосование в Думе против военных кредитов, за деятельность по распространению социалистических идей в массах. Большевики, объясняла «Аванти», это «приблизительно то же самое, что наши непримиримые революционеры»¹³⁶.

Когда в июне 1916 г. прибывшие в Рим с официальным визитом депутаты Государственной думы выступали в итальянском парламенте с речами о союзническом долге и доведении войны до победного конца, представители фракции ИСП разбросали в зале заседаний листовки с фотографиями сосланных в Сибирь депутатов-большевиков. «Аванти» сообщала, что с мест, от рядовых социалистов в редакцию поступают приветствия в честь «сосланных в Сибирь за свою верность убеждениям русских социалистов»¹³⁷. Ленин не раз в эти годы в своих работах обращался к положению внутри итальянского социалистического движения, выступал в поддержку революционного течения внутри ИСП¹³⁸.

В условиях радикализации взглядов социалистов в годы мировой войны позиции реформистского течения Турати и престиж этого лидера оказались значительно ослаблены. Он попытался «претворить в жизнь идеи конструктивного сотрудничества с правительством», поставить «организованные силы рабочего класса, в том числе социалистическую парламентскую фракцию, на службу широко интерпретируемым национальным интересам страны»¹³⁹. Продолжая этот курс во время войны и особенно после ее окончания, Турати разрабатывал проект реконструкции страны на демократических основах. Он не раз выступал с программными заявлениями на страницах «Критика социале». Свои идеи переустройства итальянского общества он, в частности, изложил в статье под заголовком «За мир и послевоенное переустройство. Ближайшие требования социалистической партии», опубликованной «Аванти» 16 мая 1917 г.»¹⁴⁰

Внутриполитическая деятельность ИСП протекала под знаком противостояния двух группировок: парламентской группы и самой партии. Турати от имени депутатской группы ИСП в ноябре 1916 г. представил в парламенте резолюцию, содержавшую

требование к правительству выступить с инициативой прекращения военных действий, призвав при этом учитывать национальные интересы. Руководство партии определило свою позицию на совещании в Риме 25–26 февраля 1917 г., в канун революционных событий в России.

Римское совещание обрело значение съезда партии. Оно подтвердило, что в партии преобладают левые, в среде которых представлены два направления – максималисты, придерживающиеся более осторожных взглядов, и коммунисты, с их более радикальными подходами. Эти различия обусловили довольно путанные результаты голосования за разные резолюции. Максималисты (резолюция России) собрали 17 тыс. голосов, крайне левые (резолюция Бордиги) – 14 тыс. Последний документ призывал ИСП сделать все для прекращения войны, в частности интенсифицировать пропаганду и мобилизовать на выполнение этой задачи партийные организации, женское и молодежное социалистическое движение, приложить усилия на международной арене и оказать нажим на депутатов парламента, не вступая в контакты с буржуазными пацифистами. На деле принципиальных различий между этой резолюцией и предложениями, зафиксированными в резолюции максималистов, не было¹⁴¹.

Реформистское крыло партии, подстраивая свои действия под эти решения, было вынуждено летом 1917 г., во время июльских дебатов в парламенте, заявить устами Тревесы (эту фразу ему подсказал Турати): «Голос, который звучит из всех окопов, это ультиматум, который жизнь выдвигает смерти, – следующей зимой мы в окопах не останемся»¹⁴². Тремя месяцами спустя это высказывание снова вспомнят, когда итальянская армия перестанет сопротивляться противнику, что обусловит ее поражение при Капоретто.

Решения конференции ИСП в Риме были непосредственной реакцией партийных руководителей на нараставшую в обществе напряженность. Экономические неурядицы вели к нехватке продовольствия, иссякали запасы зерна и муки. В январе–феврале 1917 г. в ряде провинций вспыхнули массовые волнения под лозунгами «Верните наших мужчин из окопов!» Их участниками были главным образом женщины, жены и матери ушедших на фронт и их дети. Подцензурная печать не могла не признать массовости стихийных антивоенных демонстраций, нередко очень бурных, когда голодная толпа громила продуктовые магазины и пекарни. «Восстания в разных частях Италии: женщины против войны. Их не было целый месяц, а теперь они возобновились. Более других наделали шуму волнения в Новаре. Подстрекатель-

ские выкрики, битье стекол в домах интервентистов и т.д. и т.п. Полиция безучастно наблюдала», – записал 24 января 1917 г. в дневнике Ф. Мартини. И далее, 26 января: «Ничего нового. Стены полны намалеванными углем надписями “Долой войну!”, “Долой господ!” Но следует признать, что недовольство обособленно. Инвалиды, получившие ранения еще в ноябре 1915 г., выпрашивают милостыню, потому что до сих не получают ни субсидий, ни пенсий»¹⁴³.

Когда 16 марта 1917 г. до Италии дошли вести о свержении царизма и победе революции в России, «Аванти» горячо приветствовала эти события. Другие политические силы отнеслись к этому настороженно, правящие круги пугала возможность выхода России из войны, это означало бы усиление натиска австро-венгерских войск на Италию. Поначалу пресса, в частности «Коррьере делла сера», восхищалась поступком Николая II, отрекшегося от престола, но затем стала писать о «мучительной неуверенности итальянцев». «Русский кризис» стал казаться «ужасным, пугающим и полным угроз»¹⁴⁴.

Незадолго до этих событий король Виктор Эммануил в январе 1917 г. в беседе с влиятельным французским послом Баррером выразил тревогу в связи с положением в России, где некоторые думские депутаты, по его данным, произносят революционные речи. Накануне Февральской революции посол России в Риме М.Н. Гирс сообщал, что «происходящие у нас частые перемены в составе совета министров производят весьма сильное впечатление в Италии. (...) Здесь опасаются нашего ослабления как следствия событий, принимающих в отзывах заграничной прессы характер настоящего потрясения»¹⁴⁵.

В Италии «упорно распространяются слухи о возможности заключения Россией сепаратного мира», вторил ему в донесении от 21 января 1917 г. военно-морской агент Е.А. Беренс¹⁴⁶. О такой возможности предупреждала в марте и «Пополо д’Италия»¹⁴⁷. «Сообщают о русской революции, причины которой пока трудно понять, а последствия трудно предвидеть. Каковы бы ни были эти причины, во время охватившей страну революции не воюют, и приходится опасаться, что из-за этих событий военные действия России будут на некоторое время приостановлены, если не произойдет худшего», – отметил в дневнике 15 марта 1917 г. умудренный политическим опытом Ф. Мартини¹⁴⁸.

Итальянские трудящиеся восприняли русскую революцию как стремление масс к миру. Они хотели добиться такого же положения в Италии. Уже 25 марта 1917 г. туринские рабочие попытались последовать русскому примеру и начали, невзирая на

законы военного времени, забастовку. Профсоюзным лидерам, которые уговаривали их возобновить работу и подать петицию с требованиями о желательных улучшениях, они ответили: «Нет, мы хотим сделать как в России!» Так стихийно родился лозунг, ставший в ближайшие годы одним из главных в среде итальянского пролетариата.

Праздник 1 мая 1917 г. прошел в Италии под знаком русской революции. На митингах в крупнейших городах – Милане, Флоренции, Турине – распространялись нелегальные листовки, призывавшие следовать примеру русских рабочих. В Ломбардии прошли мощные волнения, беднота с криками «Долой войну!» громила продуктовые лавки, дома богатых людей, вступала в стычки с полицией, выламывала рельсы железнодорожных и трамвайных путей, чтобы не позволить властям подбросить подкрепления. Лишь с помощью Турати удалось предотвратить крупную стачку в Милане¹⁴⁹. Прибывших в Италию летом 1917 г. представителей демократических партий России туринские рабочие встретили возгласами «Да здравствует Ленин!»¹⁵⁰

Вступление в войну США, поддержавших Антанту, и выдвинутые президентом Вильсоном условия будущего мира, свержение царизма и появление революционно-демократической России – все эти события весны–лета 1917 г. обострили противоборство воюющих держав. Итальянцы все враждебнее относились к войне, что отражалось на политической линии ИСП, стремившейся представлять интересы широких масс. После согласования с ВКТ и парламентской фракцией руководство партии опубликовало 16 мая 1917 г. подготовленную Турати программную статью «За мир и послевоенное устройство». Среди выдвинутых в ней «немедленных требований ИСП» были учреждение республики, расширение избирательных прав, отказ от тайной внешней политики (денонсирование секретных договоров – одна из идей русской революции), административная децентрализация, частичная национализация.

Молодежь в ИСП расценила данные требования как недостаточные. Особенно резко их раскритиковали молодые члены партии из Неаполя, где заметной фигурой стал А. Бордига. Этот протест революционно настроенной молодежи обусловил создание в ИСП (в преддверии очередного партийного съезда) «революционной фракции непримиримых». Она была представлена в крупнейших городах – Милане, Турине, Флоренции, Неаполе. Правда, проведение съезда было отложено на год. Внутрипартийные сдвиги ставили руководство ИСП в затруднительное положение¹⁵¹.

Ядро будущей коммунистической партии создано в августе 1917 г., когда вспыхнувшее в Турине восстание отразило широкое народное недовольство. «Утром во вторник 22 августа выяснилось, что почти повсюду в городе не хватает хлеба»¹⁵². Подобная же нехватка хлеба вызвала революцию в Петрограде в феврале того же года, но Турин не превратился ни в Петроград, ни в подобие Парижской Коммуны, пишет Галли¹⁵³. «24 августа стало днем, определившим исход восстания. Рабочие пытались прорвать заграждения на подступах к двум главным очагам восстания на окраинах города, но не добились успеха. До наступления вечера силы полиции и войска перешли в контрнаступление»¹⁵⁴. Город восстал «до поражения итальянской армии при Капоретто», а не после тяжелых военных неудач, как Петроград. Итальянские солдаты сначала бросали оружие, а затем оказали сопротивление противнику на Пьяве. Но они не превратились в восставшую армию, как в России, а сама «война не переросла ни в демократическую, ни в социалистическую революцию»¹⁵⁵. Это было первое крупное восстание в воюющей стране Западной Европы за весь период войны под антимилитаристскими лозунгами. Лидеры ИСП, не взявшие на себя руководство восстанием, предприняли попытку посредничества между восставшими и властями. Но в результате сами подверглись репрессиям, которые были ужесточены после тяжелого поражения итальянской армии при Капоретто осенью 1917 г.

К началу сентября 1917 г. число дезертиров с фронта и уклонившихся от призыва превысило 114 тыс. человек. Уставшие от войны солдаты не стали удерживать фронт в ходе наступления австрийских и германских войск на реке Изонцо под Капоретто, они в массовом порядке сдавались в плен и складывали оружие. Потери были немалыми: 10 тыс. убитых, 30 тыс. раненых, 265 тыс. пленных. 350-тысячная армия поспешно отступала, увлекая за собой массу беженцев. Она потеряла все завоеванное с начала войны. Провинции Удине, Беллуно и частично Тревизо, Венето и Виченца занял противник, захвативший огромное количество вооружений, продовольственные склады.

Отступление удалось остановить лишь на правом берегу Пьяве с помощью переброшенных на итало-австрийский фронт английских и французских частей. Известия о прорванном немцами и австрийцами фронте вызвали панику в тылу. Одним из последствий неудачных военных действий стала отставка правительства Бозелли и формирование кабинета, который возглавил видный либерал, правовед В.Э. Орландо. Его поддерживали в парламенте националистически настроенные депутаты, бывшие ин-

тервертисты. После октябрьских событий 1917 г. в России и призыва II съезда Советов ко всем странам начать мирные переговоры Италия, находившаяся на грани военного поражения, пыталась через свое посольство в России зондировать почву для переговоров с советским правительством. Переговоры были начаты, но вскоре прерваны после обнародования советским правительством тайных договоров (в том числе, Лондонского 1915 г.) из царских дипломатических архивов. В конце 1917 – начале 1918 г. призыв к мирным переговорам поддержали левые в парламенте, члены фракции ИСП (О. Моргари, К. Тревес) и независимый социалист А. Лабриола. Это стремление к миру пытались использовать и австрийцы, забрасывавшие позиции итальянских войск листовками с призывом сложить оружие. Подписанный Россией с центральными державами Брестский мир, означавший ее выход из войны, усилил страх в Италии перед возможностью разгрома, и в марте 1918 г. австрийцам были переданы предложения о сепаратном мире. Планировавшаяся экспедиция итальянских войск в революционную Россию встретила резкое противодействие, прежде всего со стороны социалистов.

Опубликованные в январе 1918 г. «14 пунктов» будущего мироустройства, выдвинутые президентом Вильсоном (США вступили в войну на стороне Антанты 6 апреля 1917 г., проявив готовность сражаться, в том числе на итальянском фронте), хотя и не предусматривали надделение Италии всеми обещанными ей территориями, все же повлияли на ее политику и заставили задуматься об условиях будущего мира¹⁵⁶.

Предпринятое австрийцами 15–23 июня 1918 г. новое наступление на Пьяве под лозунгом «На Милан!» быстро выдохлось. Чувствовалось, что у противника недостает сил для продолжения полноценных боевых действий. Итальянцы вместе с союзными английскими и французскими войсками на этот раз удачно противостояли последнему австрийскому натиску. Затем на итало-австрийском фронте наступило затишье вплоть до последних сражений в октябре–ноябре 1918 г.¹⁵⁷

Внутриполитическая ситуация в Италии оставалась по-прежнему сложной, экономическое положение ухудшалось, прежде всего из-за увеличивавшихся расходов на войну. С 2,4 млрд лир в 1915–1916 гг. они возросли до 20,6 млрд в 1917–1918 гг. (в исчислении 1938 г.)¹⁵⁸. Интервенционисты продолжали надеяться на скорую победу над австрийцами. Социалистов, продолжавших следовать избранной в 1914 г. антивоенной линии, обвиняли в предательстве национальных интересов. На эти обвинения Турати ответил произнесенной 16 июня 1918 г. в Палате депутатов и вы-

зававшей много шума патриотической речью: «В то время как там, в горах, сражаются, страдают, умирают, наши сердца социалистов бьются в унисон с сердцами людей всех партий»¹⁵⁹.

Сложная внутрипартийная ситуация в ИСП заставила Турати и его сторонников пересмотреть свои позиции. После событий в Турине в августе 1917 г. были арестованы Серрати и Ладзари (после того как Ладзари приговорили к трем годам тюрьмы, партию возглавил Дж. Баччи), вице-секретарь Н. Бомбаччи¹⁶⁰ и многие другие партийные руководители. Под давлением националистических настроений лидеры социалистов начали высказываться в патриотическом духе. Так, в марте 1918 г., во время ведения над ним судебного процесса, Ладзари много говорил о своих патриотических чувствах. Еще раньше, в ноябре 1917 г., реагируя на события при Капоретто, в парламенте в патриотическом духе высказался К. Прампolini. С ура-патриотической речью, реагируя на те же события, 17 декабря 1917 г. в парламенте выступил Турати, заявивший, что мир должен принести Италии исправление границ и стратегические гарантии на Адриатике. В одной из статей Турати (в соавторстве с Тревесом), опубликованной в «Критика социале», утверждалось, что «долг пролетариата – сопротивляться, когда национальная территория подверглась нашествию»¹⁶¹. Тревес написал еще одну статью в том же духе в июне 1918 г.

Аргументация реформистов из ИСП ничем не отличалась от сходных заявлений в начале войны немецких социал-демократов и французских социалистов, которые ссылались на высказывания Маркса по поводу «защиты отечества» во время франко-прусской войны 1870 г. Выступление Турати с призывом к солдатам – сражаться с противником до конца было отпечатано миллионными тиражами для раздачи солдатам на фронте. Интервентисткое большинство парламента горячо рукоплескало Турати, а Биссолати заключил его в объятия.

Все эти высказывания реформистов вызвали незамедлительную реакцию со стороны левых в ИСП. 18 ноября 1917 г. во Флоренции состоялось подпольное (в условиях запретов военного времени) совещание левых, на котором присутствовали Грамши и Бордига. По воспоминаниям Бордиги, это собрание «было открыто направлено против линии правых в партии, против профсоюзных лидеров и мэров некоторых коммун, например Милана и Болоньи», а резолюция была предельно краткой: «нельзя ставить политическую линию ИСП в зависимость от внешних событий, связанных с военными действиями», следует избегать поддержки войны и перемирия с буржуазией¹⁶². С этого момента группировка наиболее решительных левых продолжала выстра-

ивать собственную организацию, начала определяться позиция «итальянской левой», т.е. будущей коммунистической партии.

В 1917–1918 гг. активность левых социалистов достигла максимума. «ИСП стала местом столкновения идеологии национальной традиции и теорий революционного марксизма»¹⁶³. «В страстных спорах, которые тогда велись в ИСП, искали свой путь те итальянские левые социалисты, которые впоследствии, пройдя еще множество испытаний, образовали коммунистическую партию. (...) Все эти споры и эти процессы были непосредственно связаны с “русским опытом” и “русским примером”»¹⁶⁴.

После процесса над Ладзари, Бомбаччи и лидером туринских социалистов Барберисом, которому был вынесен наиболее суровый приговор – шесть лет заключения, в партии начались дебаты по поводу своевременности участия депутатов ИСП в парламентской комиссии по расследованию деятельности ряда промышленников, обвиненных в продаже противнику товаров стратегического значения. Серрати, арестованный в августе 1917 г. в Турине, а затем отпущенный на свободу, высказался в «Аванти» против подобного сотрудничества и в мае 1918 г. был снова арестован. В июне, в то время как Турати и Тревес высказались в поддержку военных действий, руководство партии подтвердило приверженность Циммервальду и Кинталю и объявило о намерении созвать очередной партийный съезд.

По мнению Бордиги, власти боялись повторения Капоретто и поэтому разрешили социалистам провести свой съезд, который запретили созвать в 1917 г. На прошедшем в Риме 1–5 сентября 1918 г. XV съезде ИСП преобладали левые. Их представитель Репосси хвалил Ленина и высказался за диктатуру пролетариата. Он призвал к суду над правительством и королем: «Класс против класса, с одной стороны, буржуазия, вся вместе, против нас, а с другой – мы, в одиночестве, против всего мира», – заявил Репосси¹⁶⁵. Резолюция крайне левых, представленная адвокатом из Ливорно Сальватори, собрала 14 015 голосов. Резолюция фракции теперь тяготевших к центру непримиримых, выдвинутая Тирабоски, – 2507. Резолюция реформистов, представленная Модильяни, набрала 2505 голосов¹⁶⁶. Тексты трех резолюций выявили позиции трех течений в партии за три месяца до окончания войны.

Модильяни призвал к сохранению единства и классовой солидарности, о которой шла речь в Циммервальде и Кинтале. Напоминая об этих призывах, он надеялся смягчить критику делегатами реформизма Турати и парламентской группы. Его выступление предвляло дискуссию, которая развернется в партии в бли-

жайшие два года – по поводу неприемлемости дальнейшего пребывания реформистов в партии. Резолюция непримиримых, которых стали называть максималистами, предшествовала тем, которые принимались в период послевоенного «красного двухлетия». На Римском съезде 1918 г. вновь отчетливо выявилось раздвоение партийных рядов: с одной стороны, революционеры, с другой – реформисты. Был изменен партийный устав, чтобы при соответствующих обстоятельствах легче исключать инакомыслящих. Вопрос об очищении партийных рядов от реформистов станет центральным в последующих партийных дебатах вплоть до съезда в Ливорно 1921 г.

Автор резолюции левых Сальватори высказался на съезде предельно ясно: «Сожалею, что с самого начала войны не было проведено открытое размежевание двух флангов и что партия дала себя убаюкать формулировкой – не поддерживать, но и не саботировать». «Вы, – заявил он, обращаясь к правым, – должны были поддержать войну, а мы с самого начала должны были ее саботировать»¹⁶⁷. Левые поставили задачу, которую надлежало решить в ближайшем будущем: нарушить единство партии ради того, чтобы превратить ее в организованную силу, способную возглавить вероятную итальянскую революцию. Борьба сторонников противоположных подходов внутри партии ИСП вскоре спровоцировала не один, а два раскола, в январе 1921 и в октябре 1922 г. «Итальянский казус» не имел аналогий в европейском социалистическом движении¹⁶⁸.

Римский съезд закончился победой максималистов, а реформисты подчинились партийной дисциплине. Несмотря на неприятие их большинством делегатов, Турати мог спокойно излагать свои взгляды, и тогда вопрос дальнейшего существования реформизма в ИСП был решен положительно, писал Вальяни. Но не лучше было бы уже тогда реформистам и максималистам, включая будущих коммунистов, размежеваться и не ждать еще два с половиной года, когда раскол произошел? – вопрошал историк¹⁶⁹.

1918 г. стал для итальянцев годом преодоления «комплекса» Капоретто. Изменившаяся международная обстановка коренным образом поменяла ситуацию на фронтах. Неудача предпринятого австрийскими войсками 15-23 июня на Пьяве наступления подтвердила, что у центральных держав и Турции нет больше сил продолжать войну. С 24 октября по 3 ноября 1918 г. продолжалось последнее наступление итальянской армии, она одержала победу в сражении под местечком Витторио Венето, поставив точку в войне. Австро-Венгрия запросила перемирия. 4 ноября до сих пор отмечается как славная дата в истории Италии.

11 декабря 1918 г. руководство ИСП, считав, что принятая в 1917 г. программа себя исчерпала, утвердило новые программные установки. В качестве основных задач провозглашались «учреждение социалистической республики и диктатуры пролетариата с целью социализации средств производства и торговли, общественное распределение продукции исключительно через коммунальные и кооперативные структуры, отмена военных предписаний и разоружение, муниципализация жилищного фонда, ликвидация засилья бюрократии». 22–23 декабря 1918 г. состоялось совместное заседание руководства партии, парламентской группы социалистов, Всеобщей конфедерации труда, профсоюза железнодорожников и Лиги социалистических коммун. Его участники обсудили стратегию ИСП. Парламентская группа и ВКТ призвали проводить более умеренный курс, оставаться на позициях, провозглашенных в 1917 г. В принятом документе признавалась необходимость немедленных действий для достижения четырех целей: всеобщей демобилизации, возвращения итальянских войск из России, уважения основных конституционных прав, амнистии для политических и военных узников. Участники заседания выразили мнение, что решение о «возможностях и средствах агитации во имя выполнения максималистских конечных целей», предложенных руководством партии, является задачей, которая входит в компетенцию «высшего суда пролетариата, организованного политически и экономически»¹⁷⁰.

Окончание войны не оправдало надежд правой группировки господствующих классов – на международной арене Италия оказалась «побежденной среди победителей», резкое обострение нерешенных социально-экономических проблем внутри страны привело к мощному подъему революционного движения. Стране предстояло пережить «красное» (1919–1920) и «черное» (1921–1922) дувхлетия.

¹ Подробнее см.: *Любин В.П.* Италия накануне вступления в первую мировую войну (на пути к краху либерального государства). М., 1982.

² Партийная политика и внутренняя ситуация в ИСП тех лет всесторонне освещены в подборке статей «ИСП и “великая война”»: *Cortesi L., Calciano G., Fabbri F.* et al. *Il PSI e la Grande guerra // Rivista storica del socialismo.* Firenze, 1970. A. X. N. 32.

³ См.: *Канделоро Дж.* История современной Италии. М., 1979. Т. 7: Кризис конца века и эпоха Джолитти, 1896–1914. С. 434–435; 1508 deputati al parlamento per la XXIV legislatura. Milano, 1914.

⁴ Цит по: *Spriano P.* Socialismo e classe operaia a Torino. Dal 1892 al 1913. Torino, 1958. P. 303.

⁵ *Salvemini G.* Opere. VI. Milano, 1961. Vol. 1: Scritti sul fascismo. P. 364.

- 6 *Volpe G.* Italia moderna. Firenze, 1973. Vol. 3: 1910–1914. P. 252–253.
- 7 *Togliatti P.* Discorso su Giolitti. Roma, 1950. P. 40.
- 8 *Carocci G.* Giolitti e l'eta' giolittiana. Torino, 1961. P. 151.
- 9 История Италии. М., 1970. Т. 2. С. 409.
- 10 *Spriano P.* Socialismo... P. 297–303.
- 11 А.Н. Крупенский – С.Д. Сазонову. Рим, 3(16) июня 1914 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1914. Д. 250. Л. 39.
- 12 *Candoloro G.* Storia dell'Italia moderna. Milano, 1979. Vol. 8. P. 19.
- 13 История Италии. Т. 2. С. 411.
- 14 *Канделоро Дж.* Указ. соч. С. 414, 417.
- 15 *Azione socialista.* Roma, 1914. 1 ag.
- 16 *Bissolati L.* La politica estera dell'Italia dal 1897 al 1920. Milano, 1923. P. 325–328.
- 17 *Bonomi I. L.* Bissolati e il movimento socialista in Italia. Milano, 1929. P. 31.
- 18 *Avanti.* Milano, 1914. 19 ag.; *Corriere della sera.* Milano, 1914, 19 ag.
- 19 «L'Unità» di G. Salvemini. Venezia, 1958. P. 357–358.
- 20 *De Felice R.* L'interventismo rivoluzionario // Il trauma dell'intervento 1914–1919. Firenze, 1968. P. 283.
- 21 *Ibid.* P. 236.
- 22 *Idea Nazionale.* Roma, 1914. 6 ag.
- 23 *Martini F.* Diario 1914–1918. Milano, 1966. P. 124.
- 24 *Salandra A.* La neutralita' italiana 1914–1915. Ricordi e pensieri. Milano, 1928. P. 220.
- 25 *Corriere della sera.* Milano, 1914, 21 sett.
- 26 А.Н. Крупенский – С.Д. Сазонову. Рим, 8(21) августа 1914. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1914. Д. 34. Л. 47; *Albertini A.* Epistolario. Milano, 1968. Vol. 1. P. 260–264, 271–273.
- 27 Primo manifesto-appello del Fascio rivoluzionario d'azione internazionalista (5 ottobre 1914) // *De Felice R.* Mussolini il rivoluzionario. Torino, 1965. P. 679–681.
- 28 *Лонухов В.Р.* Фашизм и рабочее движение в Италии, 1919–1929. М., 1968. С. 30.
- 29 *Кирова К.Э.* Революционное движение в Италии 1914–1917. М., 1962. С. 92.
- 30 *Avanti.* Milano, 1914. 10, 26 sett.
- 31 Тревес в конце августа 1914 г., предвзяя последовавшее вскоре на эту же тему выступление Муссолини в «Аванти», писал, что нейтралитет должен быть не пассивным, а активным и энергичным (*Critica sociale.* Milano, 1914. 16–31 ag. N 16).
- 32 Муссолини предоставлял страницы своего журнала «Утопия», а также «Аванти» для статей в поддержку интервенционизма (см.: *Avanti.* Milano, 1914. 12 sett.; *Graziadei A.* Idealita' socialiste e interessi nazionali nel conflitto europeo. Roma, 1915. P. 59–62). В программной статье первого номера «Утопии» за подписью Муссолини объявлялась беспощадная война реформизму и со ссылкой на Маркса и Каутского утверждалось, что «плод» (революция) готов отделиться от «материнского чрева» и что в условиях милитаризации Европы «социализм должен напрячь все свои силы и волю...» (A.C.S. Mostra della Rivoluzione Fascista. Busta 72, F. 280).
- 33 *Valiani L.* Il partito socialista italiano nel periodo della neutralita' 1914–1915. Milano, 1963. P. 41.

- ³⁴ Avanti. Milano, 1914. 18 sett. Статья Ладзари называлась «Второе испытание». Первое подобное испытание, т.е. сохранение верности интересам пролетариата, партия, по его мнению, с честью выдержала во время Ливийской войны.
- ³⁵ Avanti. Milano, 1914. 22 sett.
- ³⁶ Анна Кулишова в письме Турати от 21 сентября, сообщая о состоявшихся 20 сентября шовинистических манифестациях, осуждала пассивность и беспомощность социалистов, не оказавших им должного сопротивления (*F. Turati – A. Kuliscioff*. Carteggio. Torino, 1977. Vol. 3, т. 2. P. 1182).
- ³⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 115; выписки В.И. Ленина из «Юманите», «Аванти», «Секоло», «Коррьере делла сера» см.: Ленинский сборник. М.; Л., 1930. XIV. С. 70–71, 86–95, 102–103. Об отношениях Ленина с итальянскими социалистами см.: *König H. Lenin und der italienische Sozialismus 1915–1921*. Tübingen, 1967.
- ³⁸ О колебаниях Муссолини по поводу нейтралитета в первые месяцы войны и его «сальто» (на диалекте провинции Романья, откуда Муссолини был родом – *arvultaja*) на политической арене см.: *Bozzetti G. Mussolini direttore dell' «Avanti!»*. Milano, 1979. P. 179–248.
- ³⁹ Корнеев А.С. Позиция классов и партий по вопросу об отношении к войне (конец июля – начало августа 1914 г.) // Ученые зап. ЛГУ. 1958. Вып. 28. № 251.
- ⁴⁰ Отдельные эпизоды его биографии предвоенного периода см.: *Белюсов Л.С. Муссолини: диктатура и демагогия*. М., 1993. С. 11–60; *Лонухов Б.Р.* Указ. соч. С. 30–36; *Кин Ц.И.* Миф, реальность, литература. М., 1968. С. 37–40, 52–55; *Она же*. Итальянские мозаики. М., 1980. С. 350–370. «Этот человек никогда не был ни революционером, ни подлинным интеллектуалом, ни даже личностью – пусть отрицательной – подлинно исторического масштаба» (*Кин Ц.И.* Италия на рубеже веков: Из истории общественно-политической мысли. М., 1980. С. 183).
- ⁴¹ *Dorso G. Mussolini alia conquista del potere*. Torino, 1949; *Nolte E. Marx und Nietzsche im Sozialismus des jungen Mussolini* // *Historische Zeitschrift*. 1960. N 2. S. 249–355; *Alatri P. Origini del fascismo*. Roma, 1963. P. 251–302; *De Felice R. Mussolini il rivoluzionario; Vivarelli R. Mussolini dal socialismo al fascismo* // *Rivista storica italiana*. Roma, 1967. N 2; *Arfe G. I socialisti // Il trauma dell'intervento...* P. 205–234; *Gregor J.A. Young Mussolini and the Intellectual Origins of Fascism*. Berkeley; Los Angeles; L., 1979; *Scheuer G. Genosse Mussolini. Wurzeln und Wege des Ur-Faschismus*. Wien, 1985; *Bocca G. Mussolini socialfascista*. Milano, 1983; *Lepre A. Mussolini l'italiano. Il duce nel mito e nella realta'*. Milano, 1995; *De Luna G. Mussolini // Dizionario storico dell'Italia unita*. Roma, 2000. P. 640–646; etc.
- ⁴² Paese. Roma, 1960, 12, 13, 14 genn.
- ⁴³ Уже в первые дни августа газета выходила с набранными на первой полосе заголовками: «Тевтонская орда набросилась на Европу», «Зверский милитаризм начинает свои кровавые дела», «Германский вызов латинянам, славянам и англосаксам» и т.д. (Avanti. Milano, 1914. 4, 5, 6 ag.).
- ⁴⁴ *Giornale d'Italia*. Roma, 1914. 4 ott.; *Bozzetti G.* Op. cit. P. 214; о том же: *Корнеев А.С.* Позиция классов и партий; *Она же*. Из истории одного заговора (дело Муссолини–Геденштрота) // Исторический архив. 1962; см. также:

- Любин В.П. Муссолини и царская разведка: Доклад на международной конференции «Россия в Первой мировой войне». Москва, май 1994 г. // Россия и современный мир. М., 1994. № 2.
- 45 Avanti. Milano, 1914. 7 sett. Текст интервью, прокомментированный Э. Сантарелли, см.: *Mussolini B. Scritti politici / Introd. e cura di E. Santarelli*. Milano, 1979. P. 149–152.
- 46 *De Felice R. Mussolini il rivoluzionario*. P. 254–257.
- 47 Конференция состоялась 27 сентября, с итальянской стороны в ней участвовали Армуцци, Балабанова, Дефалько, Ладзари, Модильяни, Моргари, Музатти, Ратти, Серрати и Турати. Ленин передал для этого совещания тезисы о войне с изложением позиции большевиков (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 1–7). Некоторые из этих тезисов вошли в принятую декларацию. Тексты выступлений и декларации см.: *Humbert-Droz G. Le origini dell'Internazionale comunista*. Parma, 1968. P. 103–112; см. также: *Protocollo della conferenza socialista italo-svizzera di Lugano (27 settembre 1914) / A cura di A. Romano // Rivista storica del socialismo*. Roma, 1963. N 18; *Balabanoff A. Ricordi di una socialista*. Roma, 1946. P. 81–111.
- 48 Avanti. Milano, 1914. 18 ott.; *Mussolini B. Scritti politici*. P. 139–149.
- 49 Попавшее позднее в архив Серрати, по всей вероятности последнее, напечатанное на машинке за подписью директора (главного редактора) «Аванти» письмо Муссолини его миланскому адвокату от 16 октября 1914 г. гласит: «Уважаемый господин адвокат К. Доминионе, ввиду нашей отставки с поста редактора «Аванти», связанной с профессиональными причинами и интересами и носящей бесповоротный характер, не могу не выразить моего сожаления по поводу случившегося. Директор» (РГАСПИ. Ф. 524. Оп. 1. Д. 5. Л. 137).
- 50 *Fabbri F. L'azione politica di G.M. Serrati nel periodo della neutralità // Rivista storica del socialismo*. Firenze, 1970. N 32. P. 83–154. «С приходом Серрати, — отмечал Г. Арфе, — «Аванти» вновь стала партийной газетой, центром постоянной политической дискуссии, инструментом демократического контроля над парламентским представительством, над руководством самой газеты» (*Arfe G. Storia dell' «Avanti!»*. Milano; Roma, 1956. P. 131–132).
- 51 *Balabanoff A. My Life as a Rebel*. Bloomington; L., 1973 [1938]. P. 102. Русские футуристы — Маяковский, Бурлюк, Хлебников, Крученых и другие, — с восторгом принимавшие Маринетти в начале 1914 г. (см.: *Богданович Н. Футуризм Маринетти и Маяковского*. Београд, 1963; Манифесты итальянского футуризма. М., 1914; *Rago M. Marinetti l'igienista // Unità*. Roma, 1968. 28 nov.), внесли заметный вклад в это художественное направление XX в. Итальянский футуризм прошел два этапа: «героический», с 1909 по 1918 г., и «второй футуризм», 1919 — 40-е годы (*Carollo S. Futurismo*. Firenze, 2003. P. 10). Поддержавший фашистский режим Маринетти скончался в 1944 г.
- 52 *Collier R. Der Duce. Aufstieg und Fall des Benito Mussolini*. München, 1974. S. 46. Изданная впервые на английском языке в 1971 г. книга Колье «Duce!», основанная на множестве источников, беседах с близко знавшими Муссолини людьми, переведена на многие языки; рус. пер.: *Колье Р. Дуче! Взлет и падение Бенито Муссолини*. М., 2001.
- 53 С Муссолини солидаризировались раньше него перешедшие в лагерь интервенционизма М. Рокка, Э. Монти, Т. Мазотти, А. Галасси, Б. Бакки,

- Г. Бергамаско, Ч. Баттисти. Некоторые попутчики Муссолини по интервентизму поддержат его в годы фашистской диктатуры, например С. Джулиани, М. Морганьи, Д. Маринелли, Ч. Росси, другие станут антифашистами – Д. Роберто, П. Руджименти, братья Де Амбрис и многие др. Позицию Муссолини на первых порах не считала неправильной и часть молодых социалистов, у которых директор «Аванти» в 1912–1914 гг. пользовался авторитетом. 31 октября А. Грамши поместил в «Гридо дель popolo» статью «Нейтралитет активный и действенный», ее название было таким же, как и название скандальной статьи Муссолини в «Аванти». Муссолини стал интервентистом, тогда как Грамши занял антивоенную позицию (см.: *Gramsci A. Cronache torinesi 1913–1917*. Torino, 1980. P. 10–15; *De Felice R. Mussolini il rivoluzionario*. P. 254–257; *Manacorda G. «Mussolini il rivoluzionario» di R. De Felice // Studi storici*. 1965. N 2. P. 373).
- 54 Газета Муссолини сразу же включилась в широкую антисоциалистическую кампанию, которая велась интервентистской прессой. Красноречивое свидетельство размаха этой кампании – письмо А.И. Балабановой Г.В. Плеханову: «Сознание, что я “иностранка”, никогда так не тяготило меня, как в теперешний момент. Я нигде не выступаю и не пишу, [и] если не сложила еще представительных функций партии в ЦК и ИБ, то потому, что, когда началась война, был более чем вероятным и правдоподобным арест всего ЦК, и мне чрезвычайно в этот момент не хотелось покидать ЦК и товарищей. (...) Упорно носят и печатаются слухи о том, что Муссолини основывает ежедневную газету при ближайшем участии националистов, футуристов и К°» (Архив Дома Плеханова. Оп. Б. 8. 38. Д. 569. Милан, 6. г. [после 15.XI.1914]).
- 55 *Azione socialista*. Roma, 1914. 17, 24 ott.
- 56 По признанию Нальди, Муссолини субсидировали электрокомпания Эдисон, объединение сахарозаводчиков, ФИАТ, Ансальдо, объединение поставщиков вооружения (Paese. Roma, 1960. 12, 13, 14 gen.). О финансировании Муссолини впоследствии французским, бельгийским и британским капиталом см.: *Salvemini G. Mussolini diplomatico*. Bari, 1952. P. 419–431; *Unità*. Roma, 1959. 24 giugn. Тираж «Пополо д'Италия» уже к марту 1915 г. достиг 100 тыс. Муссолини удалось к тому времени найти новых спонсоров. Французский министр обороны Ш. Дюма переслал ему 15 тыс. фр. (примерно 25 тыс. лир), за этим последовали регулярные ежемесячные дотации в размере 10 тыс. фр. Субсидии предоставлял Ж. Люшер из Французского института в Милане, передавший Муссолини 30 тыс. лир (см.: *Collier R. Der Duce. Aufstieg und Fall des Benito Mussolini*. München, 1974. S. 47). О неразборчивости в средствах и продажности Муссолини говорит и тот факт, что в феврале–марте 1915 г. он пытался получить от российского правительства 1 млн фр. на организацию крупномасштабной провокации на итало-австрийской границе с целью вовлечения Италии в войну. Вербовавший Муссолини царский агент Геденштром отмечал: «Всякие сношения с упомянутым лидером по причинам особого свойства... могут быть производимы исключительно через меня. Сохранение полной тайны отношений наших с этим лицом – лидером партии, ныне уже хотя и не оппозиционной, имеет громадное значение и для самого лидера, так как в случае обнаружения подобных сношений он и его партия немедленно потеряют всякий престиж и влияние в Италии»

- (РГИА.Ф. 1276. Оп. 10. Д. 878. Л. 101). Намекая на связь Муссолини с агентами царского правительства, газета «Унита католика» в номере от 27 февраля 1915 г. назвала его Муссолинов (см.: Benedetto XV, i cattolici e la prima guerra mondiale. Roma, 1963. P. 104). Об этом факте упоминали в своих докладах на II (Рим, 1966) и V (Москва, 1972) конференциях советских и итальянских историков Л. Вальяни и П. Алатри. Свидетельство о заинтересованности правительства в продолжении издания газеты Муссолини оставил Ф. Мартини в дневнике 20 декабря 1914 г.: «Ко мне приходил г. Нальди – директор “Ресто дель карлино”. Это он предоставлял до сих пор деньги Муссолини для создания и публикации “Пополо д’Италия”». Газета, согласно буквальному выражению Нальди, «собрала вокруг себя и руководит патриотическими устремлениями всех подонков Северной Италии». Нальди не мог далее предоставлять субсидии и хотел, чтобы «правительство оказало необходимую помощь...» (*Martini F. Op. cit.* P. 288). Информация о попытке вербовки Муссолини царским агентом воспроизведена Р. Де Феличе, ошибочно написавшим, что Геденштром отправлял свои донесения в Москву, а не в Петербург (*De Felice R. Mussolini il rivoluzionario*. P. 307–308).
- ⁵⁷ *Popolo d’Italia*, 1914, 15 nov.; *Mussolini B. Scritti politici*. P. 155–157.
- ⁵⁸ *De Felice R. Mussolini il rivoluzionario*. P. 277–278; *Balabanoff A. Erinnerungen und Eriebnisse*. В., 1927. S. 93; о финансировании «Пополо д’Италия» см.: *Castronovo V. La stampa italiana dall’Unità al fascismo*. Bari, 1973. P. 255–273.
- ⁵⁹ *Алампю П. Происхождение фашизма*. М., 1961. С. 40–41.
- ⁶⁰ *Mussolini B. Scritti e discorsi*. Milano, 1934. Vol. 1. P. 13.
- ⁶¹ *De Biase C. L’Italia dalla neutralità all’intervento nella prima guerra mondiale*. Vol. 1–2. Modena, 1965–1966. Vol. 1. P. 207.
- ⁶² *Valiani L. Il partito socialista*. P. 68.
- ⁶³ *Лонухов Б.П. Указ соч.* С. 34.
- ⁶⁴ *De Felice R. Mussolini il rivoluzionario*. P. 695–696.
- ⁶⁵ Подробнее о его политике см.: *Longhitano R. Antonio di San Giuliano*. Milano, 1954; *Vigazzi B. L’Italia di fronte alla prima guerra mondiale. L’Italia neutrale*. Milano; Napoli, 1966; *Idem. Da Giolitti a Salandra*. Firenze, 1969; *Любин В.П. Указ. соч.* С. 73–83.
- ⁶⁶ *Vivarelli R. Il dopoguerra in Italia e l’avvento del fascismo (1918–1922)*. Napoli, 1967. Vol. 1. P. 105–106.
- ⁶⁷ «Более 25 000 человек убито и ранено вчерашним землетрясением в окрестностях Рима. При подаче помощи сотни солдат и полицейских погибли» (*А.Н. Крупенский – С.Д. Сазонову*, 1(14) января 1915 г. // *АВПРИ.Ф.* 133. Оп. 470. 1915. Д. 36. Т. I. Л. 1).
- ⁶⁸ *Corriere della sera*. Milano, 1915, 14, 17, 21 genn.
- ⁶⁹ *Avanti*. Milano, 1915. 20 febr.
- ⁷⁰ *Corriere della sera*. Milano, 1915. 7 apr.
- ⁷¹ *Documents Diplomatiques Français (1871–1914)*. 3 sér. P., 1936. Vol. 8. P. 428.
- ⁷² См.: *Giolitti G. Memorie della mia vita*. Milano, 1967. P. 327; *Malagodi O. Conversazioni della guerra, 1914–1919 / A cura di B. Vigazzi*. Milani; Napoli, 1960. T. I: *Da Saraevo a Caporetto*. P. 41–45.
- ⁷³ *Giolitti G. Memorie*. P. 323.
- ⁷⁴ *Documenti diplomatici italiani (DDI)*. 5 ser.: 1914–1918. Roma, 1984. Vol. II. P. 741.
- ⁷⁵ *Stampa*. Torino, 1915, 20 febr.

- 76 Corriere della sera. Milano, 1915. 27, 28 febb.
- 77 См.: Международные отношения в эпоху империализма. Сер. III. М.; Л., 1935. Т. 7, ч. 2. С. 301–302.
- 78 Monticone A. La Germania e la neutralità italiana, 1914–1915. Bologna, 1971. P. 543.
- 79 Avanti. Milano, 1915. 8, 9 magg.
- 80 М.Н. Гурч – С.Д. Сазонову, 2(15) мая 1915 // АВПРИ. Ф.133. Оп. 470. 1915. Д. 37. Л. 27; Международные отношения в эпоху империализма. С. 442.
- 81 F. Turati – A. Kuliscioff. Carteggio. Milano, 1977. Vol. IV. P. 115; см. также: Vigezzi B. Italian socialism and the First World War: Mussolini, Lazzari and Turati // Reprint from The Journal of Italian History. Autumn 1979. Vol. 2. N 2. P. 254–255.
- 82 Corriere della sera. Milano, 1915. 14 magg.
- 83 Idea Nazionale. Roma, 1915. 15 magg.; Gaeta F. II nazionalismo italiano. Napoli, 1965. P. 137.
- 84 Unità. Roma, 1915. 21 magg.
- 85 Mussolini B. Scritti e discorsi. Milano, 1934. Vol. 1. P. 35–36.
- 86 De Felice R. Mussolini il rivoluzionario. P. 314, 315.
- 87 Albertini L. Epistolario 1911–1926. Milano, 1968. Vol. 1: Dalla guerra di Libia alla Grande guerra. P. 361.
- 88 Malagodi O. Conversazioni della guerra. 1914–1919. P. 64.
- 89 Vigezzi B. L'Italia unita e le sfide della politica estera. Dal Risorgimento alla Repubblica. Milano, 1997. P. 124.
- 90 См.: Valiani L. Le origini della guerra 1914 e dell'intervento italiano nelle ricerche e nelle pubblicazioni dell'ultimo ventennio // Quaderni di «Rassegna sovietica». Roma, 1968 N 2. P. 239; Idem. Il partito socialista. P. 80.
- 91 Монтаньяна М. Воспоминания туринского рабочего. М., 1951. С. 45.
- 92 Там же. С. 46.
- 93 Spriano P. Torino operaia nella grande guerra 1914–1918. Torino, 1960. P. 106.
- 94 Martini F. Op. cit. P. 423.
- 95 Spriano P. Op. cit. P. 109–115.
- 96 Avanti. Milano, 1915. 19 magg.
- 97 Avanti. Milano, 1915, 15–23 magg.; Купова К.Э. Революционное движение в Италии. С. 142–143, 154.
- 98 Spriano P. Op. cit. P. 110.
- 99 Togliatti P. Discorso su Giolitti. Roma, 1950. P. 73–74.
- 100 Vigezzi B. L'Italia unita... P. 150.
- 101 Il trauma dell'intervento 1914–1919. Firenze, 1968. P. 114–118.
- 102 Salandra A. Memorie politiche. Milano, 1951. P. 4.
- 103 Алампу П. Происхождение фашизма. С. 442, 396.
- 104 Candeloro G. Storia dell'Italia moderna. Milano, 1979. Vol. 8. P. 115–116.
- 105 Купова К.Э. Революционное движение в Италии. С. 156.
- 106 Valeri N. La lotta politica in Italia dall'Unità al 1925. Idee e documenti. Firenze, 1973. P. 431–437.
- 107 Avanti. Milano, 1915, 24 magg.
- 108 Procacci G. Storia degli italiani. Bari, 1971. Vol. 2. P. 485.
- 109 Vigezzi B. Un problema di storia del socialismo: Filippo Turati tra la guerra di Libia e la prima guerra mondiale // Rassegna storica toscana. Firenze, 1975. A. XXI. N 1. P. 63–89.

- 110 *Pieri P.* L'Italia nella prima guerra mondiale (1915–1918). Torino, 1968. P. 77.
- 111 РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1136. Л. 74; История Италии. Т. 2. С. 436–437.
- 112 *М.Н. Гурс – С.Д. Сазонову*, 10(23) мая 1916 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1916. Д. 94. Т. 2. Л. 21–21 об.
- 113 История Италии. Т. 2. С. 438.
- 114 *М.Н. Гурс – С.Д. Сазонову*, 29 мая (11 июня) 1916 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1916. Д. 94. Т. 1. Л. 46–46 об.
- 115 *König H.* Op. cit. S. 15.
- 116 *Caretti S.* Il socialismo italiano e la «grande guerra» // Storia del Partito socialista italiano 1892–1976 / A cura di S. Caretti, Z. Ciuffoletti, M. Degl'Innocenti. Firenze, 1977. P. 119.
- 117 Ibid. P. 120.
- 118 *Camarda A., Peli S.* L'altro esercito. La classe operaia durante la prima guerra mondiale / Introd. di M. Isnenghi. Milano, 1980. P. 12, 46–52.
- 119 *Taddei F.* Zimmerwald: Identità tra pace e socialismo // Almanacco socialista 1892–1982. P. 152–154.
- 120 *Humbert-Droz J.* Le origini dell'Internazionale comunista. Da Zimmerwald a Mosca. Parma, 1968. P. 147.
- 121 *Balabanova A.* Die Zimmerwalder Bewegung: 1914–1919. Leipzig; Frankfurt a.M., 1928.
- 122 См.: *Balabanoff A.* Lenin. Hannover, 1961. S. 34; *König H.* Op. cit. S. 17.
- 123 Il Manifesto di Zimmerwald // Almanacco socialista 1892–1982. P. 185. Официальный отчет об «Интернациональной социалистической конференции в Циммервальде (Швейцария)» на нем. яз. см.: РГАСПИ.Ф. 286. Оп. 1. Д. 19. Л. 1–54.
- 124 РГАСПИ.Ф. 286. Оп. 1. Д. 22. Л. 1–11.
- 125 *Avanti.* Milano, 1915. 19 sett.
- 126 РГАСПИ. Ф. 286. Оп. 1. Д. 33. Л. 1–2.
- 127 *König H.* Op. cit. S. 17–18.
- 128 *Кирова К.Э.* Революционное движение в Италии. С. 239.
- 129 «У меня ничего нового. Я на днях, может быть, поеду в Терни, а затем выйду из редакции “Avanti!” и из Ц.К. партии. По политическим и личным причинам. Что потом с собой стану делать – не знаю», – доверительно сообщала Балабанова своей близкой подруге И.И. Аксельрод. Хотя на этом письме, отправленном из Генуи, куда Балабанова «приехала для переговоров с Бурцевым по поводу русского шпионажа в Италии», дата не проставлена, судя по содержанию, можно предположить, что оно послано в Берн в конце лета 1915 г. (РГАСПИ.Ф. 286. Оп. 1. Д. 46. Л. 36–37).
- 130 Там же. Л. 1–1 об.
- 131 «Если бы, к несчастью, мне нужно было бы выбрать между плехановским и ленинским направлениями, я бы, конечно, выбрала второе, но к счастью, такой выбор мне не нужен, ибо работаю в унисон со своим итальянским Ц.К.», – писала Балабанова Иде Аксельрод (Там же. Л. 34). Аксельрод не разделяла этих взглядов Балабановой, оставшись на позициях «консерватора» и «националиста», т.е. соглашаясь с Г.В. Плехановым, о чем написала ей в ответном письме (Там же. Л. 1–1 об.).
- 132 *Humbert-Droz J.* Op. cit. P. 204.

- ¹³³ О разносторонней деятельности Международной социалистической комиссии в Берне, созданной после совещания левых социалистов в Циммервальде, свидетельствуют ее циркулярные письма и другие документы, рассылавшиеся МСК в годы войны социал-демократам и социалистам разных стран (РГАСПИ. Ф. 186. Оп. 1. Д. 21, 22, 23, 24, 25, 26).
- ¹³⁴ *Taddei F.* Op. cit. P. 154.
- ¹³⁵ *Galli G.* Ma l'idea non muore. Storia orgogliosa del Socialismo italiano. Milano, 1996. P. 92.
- ¹³⁶ *König H.* Op. cit. S. 19.
- ¹³⁷ *Avanti.* Milano, 1916, 24 giugno.
- ¹³⁸ См.: *Кирова К.Э.* Из истории циммервальдского движения в Италии (1915–1916 гг.) // Новая и новейшая история. М., 1958. № 3. С. 84–105; *Она же.* Революционное движение в Италии; *Она же.* Русская революция и Италия. М., 1968.
- ¹³⁹ *Gramsci A.* Opere. Torino, 1958. Vol. 8: Scritti giovanili, 1914–1918. P. 302.
- ¹⁴⁰ *Яхимович З.П.* Концепция демократии в политическом наследии Филиппо Турати // Проблемы демократии и теоретической мысли итальянского социализма: Материалы Круглого стола, посвященного 100-летию со дня основания газеты «Аванти». М., 1997. С. 20.
- ¹⁴¹ *Galli G.* Op. cit. P. 92–93.
- ¹⁴² *Ibid.* P. 93; *Faldella E.* La Grande Guerra. Da Caporetto al Piave (1917–1918). Milano, 1965. Vol. 2. P. 317–318.
- ¹⁴³ *Martini F.* Op. cit. P. 865–866.
- ¹⁴⁴ *Corriere della sera.* Milano, 1917, 17 mar.
- ¹⁴⁵ *М.Н. Гурц – С.Д. Сазонову*, 8(21) января 1917 // АВПРИ.Ф. 133. Оп. 470. 1917. Д. 35. Л. 9; *The Lancing Papers* (1914–1920). Wash., 1939. Vol. I. P. 751–752; *Кирова К.Э.* Русская революция и Италия. С. 19.
- ¹⁴⁶ РГАВМФ. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2821. Л. 195.
- ¹⁴⁷ *Popolo d'Italia.* Milano, 1917. 16 genn.
- ¹⁴⁸ *Martini F.* Op. cit. P. 879.
- ¹⁴⁹ История Италии. Т. 2. С. 460–461.
- ¹⁵⁰ *Valiani L.* Un secolo di movimento socialista // Nuova Antologia. Roma, 1992. A. 127. N 2183. P. 42.
- ¹⁵¹ *Galli G.* Op. cit. P. 93.
- ¹⁵² *Spriano P.* Torino operaia nella grande guerra 1914–1918. Torino, 1960. P. 235.
- ¹⁵³ *Galli G.* Op. cit. P. 94.
- ¹⁵⁴ *Spriano P.* Torino operaia. P. 244.
- ¹⁵⁵ *Ibid.* P. 96.
- ¹⁵⁶ Пункты Вильсона вызвали неодобрение Соннино, точку зрения которого поддержал Николай II (*М.Н. Гурц – С.Д. Сазонову*, 12(25) января 1917 г. // АВПРИ.Ф. 133. Оп. 470. 1917. Д. 112. Л. 13–13 об.).
- ¹⁵⁷ *Григорьева И.В.* Италия в XX веке. М., 2006. С. 54–57.
- ¹⁵⁸ *Romeo R.* L'Italia unita e la prima guerra mondiale. Roma; Bari, 1978. P. 157.
- ¹⁵⁹ *Pieri P.* L'Italia nella prima guerra mondiale (1915–1918). Torino, 1968. P. 191–192.
- ¹⁶⁰ Путаной жизни этого деятеля ИСП, затем одного из руководителей компартии, депутата парламента, приехавшего в составе итальянской делегации в Москву на конгресс Коминтерна, а затем перешедшего в лагерь фашистов и расстрелянного партизанами вместе с Муссолини в ап-

реле 1945 г., посвящено специальное историко-биографическое исследование: *Petacco A. Il comunista in camicia nera*. Milano, 1996.

¹⁶¹ *Arfe G. Storia del socialismo italiano*. Milano, 1977. P. 169.

¹⁶² *Storia della sinistra comunista*. Milano, 1963. P. 113–116.

¹⁶³ *Galli G. Op. cit.* P. 96.

¹⁶⁴ *Кирова К.Э. Русская революция и Италия*. С. 316. О революционных настроениях и стратегии ИСП см. монографии итальянских историков: *Caretti S. La rivoluzione russa e il socialismo italiano*. Pisa, 1974; *Petracchi G. La Russia rivoluzionaria nella politica italiana 1917–1925*. Roma; Bari, 1982; *Venturi A. Rivoluzionari russi in Italia 1917–1921*. Milano, 1979; см. также доклады, с которыми выступали на советско-итальянских конференциях историков К.Ф. Мизиано, К.Э. Кирова, К.В. Кобылянский, З.П. Яхимович, Б.Р. Лопухов, Н.П. Комолова, Ф. Ферри, Дж. Донати Торричелли, А.Де Клементи, П. Мелограни, К. Кастелли и др. Библиографию трудов по теме см.: *Caretti S. Il socialismo italiano e la «grande guerra» // Storia del Partito socialista italiano 1892–1976*. Firenze, 1977. P. 132.

¹⁶⁵ *Storia della sinistra comunista*. P. 117–118.

¹⁶⁶ *Cortesi L. Il socialismo italiano tra riforme e rivoluzione*. Roma, 1971. P. 650.

¹⁶⁷ *Storia della sinistra comunista*. P. 118.

¹⁶⁸ *Galli G. Op. cit.* P. 99.

¹⁶⁹ *Valiani L. Il partito socialista italiano dal 1900 al 1918 // Scritti di storia. Movimento socialista e democrazia*. Milano, 1983. P. 263–264.

¹⁷⁰ *F. Turati – A. Kuliscioff. Carteggio*. Torino, 1977. Vol. 4. 1915–1918. T. I: *La grande guerra e rivoluzione*. P. XX.

ПОТЯСЕНИЯ «КРАСНОГО» И «ЧЕРНОГО» ДВУХЛЕТИЙ И ПРИХОД К ВЛАСТИ ФАШИЗМА

*Враг сейчас только один: фашизм. Не-
вольным его пособником является ком-
мунизм. Насилие и диктатура, проповеду-
емые одним, становятся оправданием на-
силия и диктатуры, осуществляемых
другим. <...> Если партии не могут офици-
ально ничего предпринять. Социалистам
того и другого лагеря надо поставить
этот вопрос и решить его без малейшего
промедления. <...> Промедление вызовет
еще больший скептицизм в массах и отра-
вит ослабленные души самым злым ядом.*

Из письма Дж. Маттеотти – Ф. Турати,
апрель 1924 г.¹

Итальянский парламент возобновил свои заседания 20 ноября 1918 г. Лидеры главных политических направлений не преминули сделать программные заявления на тему, какой они видят послевоенную жизнь. Премьер-министр Орландо, лидер либералов, в официальной речи от имени правительства декларировал принципы, на которых должен строиться послевоенный мир. Он в целом поддержал выдвинутую американским президентом Вильсоном программу создания нового мирового порядка. Италия, удовлетворив свои законные национальные притязания, сказал Орландо, не намерена ставить какие-либо империалистические цели. Война представляла собой «самую великую политическую и социальную революцию в истории». Кровь была пролита не зря, «начинается новый век, возвращается справедливость и прежнее время гуманности», закончил премьер.

Но не все депутаты на этом заседании разделяли оптимизм лидера либералов. Выступавший на следующий день (21 ноября) Ф. Турати заявил, что каждая партия должна снова обрести соб-

ственное лицо, т.е. продолжить свободную политическую борьбу после того, как «священный союз» во имя победы в войне закончился, хотя формально ИСП к этому союзу никогда не присоединялась. Турати напомнил, что война поставила острые проблемы, которые так и не решены. Он говорил о рушащихся старых режимах, испытывающих потребность радикальных перемен. В противовес ему независимый социалист-реформист О. Раймондо, интервентистский лидер и активный член Парламентского «фашо» защиты родины, образованного сразу после поражения при Капоретто, призвал к сотрудничеству, исключая «пораженцев», и к борьбе с большевизмом.

Сторонники подобных взглядов сплотились вокруг Саландры, при правительстве которого в мае 1915 г. Италия вступила в войну. Несмотря на отставку в июне 1916 г., он оставался признанным лидером консервативно-либерального течения интервентизма. 20 ноября на торжественном собрании упомянутого Парламентского «фашо» он заявил, что у «фаши» есть будущее. Они должны функционировать и в новых условиях, стать оперативными фалангами. Согласно Саландре, назрели смелые реформы, но для их проведения необходимо, чтобы «высшее представительство нации не подвергалось больше манипуляциям», оно должно выйти «помолодевшим и крепким после проведения свободных дебатов свободным народом».

Это был прямой выпад против так называемой джолиттианской диктатуры, но не только: на самом деле под вопрос ставилась вся парламентская система. Фактически Саландра давал «добро» антипарламентскому и антилиберальному движению, которое еще в полубессознательном состоянии существовало уже в период «радужных майских дней», равно как в военные годы, и стремилось создать солидную национал-фашистскую партию. Заканчивая речь, Саландра призвал к революционным переменам: «Люди и правительства устали и измождены, кодексы и институты меняются, на смену старым традициям, разрушенным социальным отношениям и прежним идеалам приходят новые». За пафосом этой речи бывшего премьер-министра проглядывал явный призыв к «реакционной революции», констатировали авторы одной из лучших работ, посвященных итальянскому фашизму, Л. Сальваторелли и Дж. Мира². Так после выхода страны из войны были расставлены политические акценты, определившие ее жизнь на ближайшие годы.

В ноябре 1918 г. ИСП, ВКТ и Объединение потребительских товариществ обратились с совместным призывом к итальянским рабочим, в котором говорилось, что с прекращением боевых дей-

ствий снова начинается борьба с капиталистическим режимом. Буржуазия больше, чем вооруженный противник, тешит себя иллюзией, что победила пролетарское движение, выступавшее и выступающее против войны. И она готовится задушить извне русскую пролетарскую революцию, которая уже год выживает в невероятно сложных условиях, готовится подавить рабочее движение внутри стран. «То, что свершилось в Центральной Европе, не может долго оставаться для Италии лишь мечтой. Война закончилась. Мы возвращаемся к работе»³.

В России после захвата власти большевиками действительно уже год, несмотря на все внешние и внутренние угрозы, существовала советская республика. Выявившийся летом 1918 г. глубокий экономический кризис усугубляла разгоравшаяся гражданская война. В 1918–1920 гг. она достигла наиболее острой фазы, охватив всю страну и все общество, и лишь в 1921–1922 гг. постепенно были подавлены ее последние очаги. Заключенный в начале 1918 г. Брестский мирный договор с Германией, Австро-Венгрией, Болгарией, Турцией привел к началу иностранной военной интервенции. На территорию России были введены войска обеих враждовавших в мировой войне коалиций. В этих условиях удержаться у власти и остановить с помощью вновь созданной Красной Армии наступление белогвардейцев и иностранных интервентов было одной из главных забот правительства РСФСР во главе с Лениным. Оно рассчитывало получить помощь со стороны солидарных с русской революцией пролетарских партий, прежде всего в странах Западной Европы, и в их числе Италии.

Унизительный Брестский мирный договор был аннулирован советским правительством сразу же после того, как Германия и ее союзники в ноябре 1918 г. потерпели поражение в мировой войне. В Центральной Европе по окончании войны произошли революции. Пали германская и австрийская монархии, развалилась многонациональная Австро-Венгрия, на ее обломках возникли новые государства. Европейский континент был охвачен революционным движением. Правительства паниковали. Казалось, что «большевистская зараза», так же как быстро распространявшаяся по всему миру пандемия гриппа-испанки, вот-вот перекинется на другие страны.

Для Италии итог войны был очень тяжелым: руины, растущая инфляция, нездоровый психологический климат. Несмотря на то что страна воевала на девять месяцев короче, чем другие европейские державы, несмотря на то что австро-итальянский фронт не являлся главным на театре военных действий, страна понесла огромные потери. Из общего числа населения –

36 млн человек – 680 тыс. солдат погибли на поле боя, 1,55 млн были ранены и 600 тыс. попали в плен. Общая цифра итальянских дезертиров за время Первой мировой войны составила 1,1 млн человек⁴.

В одной из аналитических записок того времени, составленной для советского правительства экономистом Я. Фишманом, сообщалось: Италия в 1911–1912 гг. воевала с Турцией, затем три с половиной года участвовала в империалистической войне, что изменило характер ее хозяйственного уклада и экономику. Торговлю, производство и потребление все это время деспотично контролировало государство. И хотя Италия вышла из войны обнищавшей, с расстроеными финансами и ослабленным сельским хозяйством, ее индустрия усложнилась, стала «закаленной и мощной». Италия «лихорадочно строила, расширяла и углубляла свое производство»⁵.

Государственные и частнопредпринимательские структуры Италии искали выхода из охватившего страну кризиса. Кое-кто видел его на путях восстановления связей с Россией, освоения ее необъятного рынка. Руководство Советской России было не менее заинтересовано в возобновлении экономических связей с традиционными европейскими партнерами, в привлечении их к подъему советской экономики. Для этого первоначально зондировалась почва в разрушенной войной Германии. Л.Б. Красин общал 21 сентября 1921 г. в «строго секретном» письме Ленину о переговорах с германскими промышленниками и финансистами. Большевики надеялись с помощью немцев и втайне от англичан создать в глубине России предприятия военной промышленности для оснащения Красной Армии современными боевыми вооружениями⁶.

Другой потенциально значимой страной для развития торгово-экономических отношений большевистскому руководству виделась Италия. Как отмечал в той же записке о состоянии итальянской экономики Фишман, капиталистические страны «решают прекратить вооруженное вмешательство, установить торговые отношения с Советской Россией и снять блокаду»⁷. В целях возобновления партнерства итальянские предприниматели уже в 1918 г. создали в Милане итало-русскую торговую палату. Возникло объединение «Чиче», в которое входили Аньелли, Пирелли, Маринотти, Конти и другие, среди его целей было «возобновление и укрепление нормальных, солидных отношений с Россией». Если в первые годы существования советской власти «вся внешняя торговля России на ближайшее время представлялась крайне неясной»⁸, то после Генуэзской конференции в 1922 г. глава

«Чиче» Ф. Маринотти подписал проект договора с Наркоматом внешней торговли об импортно-экспортной деятельности. Впоследствии Маринотти играл в итало-советских отношениях роль, сходную с ролью американского предпринимателя А. Хаммера в деле развития американо-советских связей. Не случайно в 20-е годы Италия стала во многих сферах вторым по значению после Германии торговым партнером СССР⁹. Все это укладывалось в избранную итальянскими правящими кругами линию на смягчение последствий кризисной ситуации, выплаты взятых за годы войны огромных займов.

В финансовом выражении война стоила Италии 137 233 млрд лир, эта сумма была равна одной трети национального достояния. Позиции Италии на переговорах в Версале осложнялись тем, что ее долг – к концу войны страна задолжала Америке 1,648 млрд долл., Англии 477 млн ф. ст. – ставил ее в весьма уязвимое и зависимое положение. Внутренний государственный долг, составлявший на 1 августа 1914 г. 15 281 млрд лир, к концу войны достиг 89 338 млрд, а к 1920 г. – 95 017 млрд лир. Для рядовых итальянцев эти запредельные астрономические цифры означали крайнюю нужду, вызывавшую усиливавшееся недовольство. Если принять индекс потребительских цен по состоянию на 1913 г. за 100, то рост цен к концу войны привел к увеличению данного индекса до 409,1, а в 1920 г. он достиг 624. Уже к апрелю 1919 г. число безработных составило 398 598 человек¹⁰.

Сознавая, какие жертвы понесли в войне трудящиеся классы, экономисты еще в конце войны призывали предпринимателей пойти на уступки рабочим, предоставив им право участия в прибылях и административных советах предприятий¹¹. Но это осталось лишь благим пожеланием. Всеобщий кризис, охвативший итальянское общество в первые послевоенные годы, со временем только обострялся.

Плоды долгожданной военной победы в Италии омрачались тем, что выполнение секретных статей Лондонского договора от 26 апреля 1915 г., которые гарантировали ей Англия, Франция и Россия (из-за досрочного выхода России из войны в результате революции и установления другого государственного режима), оставалось под вопросом. Большую роль в определении условий послевоенного устройства играла теперь Америка, подписи госсекретаря США под Лондонским договором не было. Президент США открыто заявил, что его страна не приемлет империалистических устремлений, содержащихся в тайных договорах.

Хотя итальянский премьер-министр Орlando формально наряду с Вильсоном, Ллойд Джорджем и Клемансо входил в глав-

ную четверку, определявшую дипломатическую погоду в Версале, на деле с ним мало считались. Направленную 14 февраля 1919 г. ноту Советской России о восстановлении отношений, признании и возвращении ее в международное сообщество итальянское правительство не удостоило ответа. По мирному договору в Сен-Жермене Италия смогла получить лишь часть ранее обещанного – Трентино и Южный Тироль до Бреннера, Горицию, Триест и Истрию. Мандата созданной для урегулирования международных споров Лиги наций на германские колонии она не добилась. Итальянские политики либерального и националистического толка высказывали обиды, считая, что страна обманута и обделена. Националистические круги начали подготовку похода на Фиуме с целью отвоевания захваченных отрядами Д'Аннунцио этих адриатических земель и присоединения Фиуме и его окрестностей к Италии.

Заслуживает внимания интерпретация событий тех лет таким специалистом, как Лео Вальяни. Сравнивая обстановку в послевоенных Германии и Италии, он подчеркивал, что в первой произошла революция и установилась республика. В Италии же сохранилась монархия. Распространенной в Германии легенде, что германская армия получила «нож в спину», в Италии соответствовал миф «искалеченной победы».

Как в Германии, так и в Италии рабочее движение переживало необычайный подъем – политический, электоральный, находясь при этом в ситуации острейших классовых столкновений и ожидания революции по советскому образцу. В Германии, однако, организованное социалистическое движение направило своих представителей в правительство, в котором социал-демократы составили большинство. В Италии социалистическая партия, включая реформистов, осталась в оппозиции, несмотря на то что правительство стало более демократичным, чем было до войны. Но в итоге обе партии социалистов потерпели поражение как в Германии, так и в Италии. Революционным меньшинствам этих партий – коммунистам, создавшим собственные организации, тоже не удалось избежать поражения.

Были ли Германия и Италия странами, созревшими для революции? – спрашивал Вальяни. Можно ответить на этом вопрос положительно, полагал историк, если считать фашизм и нацизм в какой-то степени явлениями революционными (хотя в сравнении с социалистическим рабочим движением они были реакционными). Парламентский режим со всеми его партиями и в Италии, и в Германии оказался сломленным, и к власти пришли новые политические классы. Конечно, перемены не затронули экономи-

ческих и социальных структур. Этого не желало большинство немцев и итальянцев. Этого хотели лишь рабочие массы, которые в Италии следовали за ИСП или за анархистами, а в Германии за «спартаковцами» и Независимой социал-демократической партией. Эти партии, несмотря на то что объявляли себя революционными, в действительности таковыми не являлись, ни организационно, ни как кузница отрядов для вооруженной борьбы. Они были партиями пацифистскими. Пацифизм же имел некоторый налет революционности до тех пор, пока длилась война. Когда же она окончилась, пацифисты оказались неподготовленными к гражданской войне, которую повлекла бы за собой пролетарская революция.

В Италии, исключая разве что Турин и несколько более мелких городов, где по инициативе рабочих, бывших революционных синдикалистов, молодых левых социалистов, которые теперь группировались вокруг Грамши и его соратников, почти спонтанно возникли фабрично-заводские Советы, массы не пошли в революционные организации. Отсутствие у итальянских социалистов и немецких социал-демократов аграрной программы, которая устроила бы крестьянство, в том числе его беднейшие слои, усиливало изоляцию в обществе революционно настроенного пролетариата. Изолированным он оставался и в городах, где представлял не как демократическая сила, а как класс, который борется за обеспечение собственного превосходства, заключал Вальяни¹².

Действительно, итальянцы жили на пределе возможностей в обстановке перманентного кризиса в стране в годы «красного» (1919–1920) и «черного» двухлетий (1921–1922). Фронтальное столкновение различных социальных сил, имевших противоположные мировоззренческие позиции, создавало атмосферу гражданской войны. Интервенционисты не желали довольствоваться полупобедой. Их противники, особенно наиболее последовательно выступавшие с антивоенных, нейтралистских позиций социалисты, подвергали тех, кто втянул страну в войну, резкой критике, считая, что политика военных авантюр вынудила итальянцев заплатить непомерно высокую цену. Время прежних, обанкротившихся, по их мнению, правителей прошло, страна нуждается в новом руководстве. С антилиберальных, антидемократических позиций выступало фашистское движение, объявившее себя непримиримым врагом социалистов и их интернационалистской идеологии.

В сложившихся условиях радикализация политических лагерей и воззрений их представителей была неизбежной. Идеи вы-

разителей крайних взглядов, как левых, так и правых, находили отклик в массах. Недоверие и даже презрение к демократическим институтам, сложившимся за недолгое время существования единой страны, получили широкое распространение. Призывы к ликвидации «отживших» демократических институтов и ничем не ограниченному насилию над противниками импонировали многим и нередко выливались в конкретные действия. Установление фашистской диктатуры коренным образом изменило обстановку и развитие страны пошло в совершенно новом направлении¹³.

Радикализация взглядов на происходящее в самих партийных рядах способствовала более четкому размежеванию издавна существовавших в партии крыльев и группировок. Это вело к изменению общего курса ИСП. Ее руководство пыталось противодействовать расколам в партии, которые влияли на ситуацию в международном социалистическом движении.

Первая мировая война и тяжелейшая послевоенная обстановка повергли в глубокий кризис либерализм, демократию и социализм, их идеологию, политику и организационные структуры¹⁴. Социалистические лидеры Западной Европы защищали свой выбор – «демократический социализм» – в противовес леворадикальным течениям в их партиях, настаивавших на диктатуре пролетариата. Левые социалисты призывали к повторению в своих странах большевистского опыта. Развернулись острые дискуссии о соотношении капитализма и социализма, революции и реформ, о роли различных социальных сил – буржуазии, пролетариата, крестьянства, средних слоев, о функциях государства.

В феврале 1919 г. в Берне социал-демократы и социалисты попытались восстановить II Интернационал под старым лозунгом «Пролетарии всех стран соединяйтесь!» Однако поддержка социал-демократами «своих» правительств во время войны оставила горький след в рабочем движении европейских стран. В противовес II Интернационалу тогда же, в марте 1919 г., в Москве был создан Коммунистический интернационал.

Руководители Коминтерна разработали далеко идущий проект объединения под крылом победившей в России партии большевиков всех левых социалистов, присваивавших своим партиям имя коммунистических. ИСП оказалась одной из партий, которым был открыт путь в тот и другой Интернационал. На заседании 18–21 марта 1919 г. руководство десятью голосами «за», три «против» (Ладзари, Баччи, Рондани) приняло решение о выходе ИСП из II Интернационала и вхождении в III Интернационал. Это решение определило на ближайшие годы выбор политиче-

ской линии ИСП. Реформисты были против и выступили с критикой этого шага. Однако, когда Турати на собрании социалистов 21 января 1919 г. заявил: «Мы должны готовить души к приходу социалистического общества, но одновременно работать для всеобщего изменения общества», один из присутствовавших выкрикнул: «Этого придется ждать слишком долго». В ответ на слова Турати: «Покажите мне того, кто знает более короткий путь» зазвучал хор голосов: «Россия, Россия! Да здравствует Ленин!»¹⁵. Но Турати, как, очевидно, и многие, понимал, что способы завоевания власти, подобные российским, чреваты диктатурой. Именно о таком воплощении утопий левых сил напомнил недавно немецкий историк Эрнст Нольте¹⁶.

23 марта 1919 г. Муссолини объявил о создании боевых фашистских отрядов – «фаши ди комбатименто», с их поначалу левого толка программой, которая тут же была забыта. Фашисты объявили войну социалистам. 13 апреля они вместе с бывшими фронтовиками, армейскими офицерами, отрядами так называемых смельчаков – «ардити» и футуристами напали на рабочих-забастовщиков в Милане, разгромили и подожгли помещение редакции «Аванти». Муссолини взял всю ответственность за произошедшее на себя, сообщив об этом на страницах «Пополо д'Италия».

Турати заявил 29 апреля в парламенте по поводу поведения итальянской делегации, покинувшей Парижскую мирную конференцию, что надежды социалистов на установление длительного и прочного мира, к сожалению, не оправдываются, империалистически настроенные круги в Италии, как и их друзья в других странах, стремятся к «балканизации Европы». Правительство Орlando в ходе парламентских дебатов 20 июня не получило поддержки большинства, и 23 июня его сменил кабинет во главе с Ф.С. Нитти.

30 июня по всей Италии прокатилась мощная волна забастовок, выливающаяся в самые настоящие восстания против властей. Бастующие протестовали против невыносимых условий жизни, неимоверной дороговизны на основные продукты потребления. Во многих городах и селах образовались Советы, пытавшиеся взять власть в свои руки. Восстание было жестоко подавлено силами порядка. В результате вооруженных конфликтов с полицией пять человек были убиты в Имоле, один убит и четыре ранены в Генуе, пять убито и многие ранены в Таранто, восемь убиты и 30 ранены в Лучере. Столь массовое забастовочное движение вынудило правительство ввести так называемые политические цены, был издан декрет о снижении цен в первую очередь

на хлеб. Облегчив в какой-то мере положение городского населения, рабочих, эта мера вызвала недовольство крестьян, потерпевших в результате этого убытки. Новое правительство столкнулось с мощным движением в поддержку Советской России, достигшим апогея летом 1919 г. По инициативе ИСП на 20–21 июля была назначена международная забастовка в защиту Советской России и революционной Венгрии. В ней вместе с итальянцами должны были участвовать французы и англичане. «Защищая социалистические республики на Востоке, мы тем самым отстаиваем возможность революции во всей Европе, прежде всего в Италии, развитие в которой идет в том же направлении», отмечала в те дни «Аванти»¹⁷.

В этой забастовке участвовали широкие слои трудящихся. Они протестовали против посылки оружия для контрреволюционных войск в России и намеченной при прежнем правительстве под давлением Антанты отправки крупного контингента итальянских войск в Грузию¹⁸. Обстановка в Закавказье изменилась после прихода в Тифлис соединений Красной Армии и перехода власти к большевикам. Ввиду этих перемен, а также неустойчивости внутривластного положения и более трезвых внешнеполитических подходов итальянских политиков, находившихся в тот момент у власти, от подобного рода рискованных авантур на Кавказе пришлось отказаться¹⁹.

7 августа 1919 г. началась продолжавшаяся более двух месяцев забастовка 200 тыс. металлистов Ломбардии, Лигурии и Эмилии. В итоге предприниматели, отвергнув посредничество правительства во главе с Ф.С. Нитти, заключили соглашение с рабочими, пойдя на серьезные уступки, касающиеся повышения заработной платы. К осени начались захваты крестьянами необработываемых государственных земель, особенно на Юге, что снова привлекло внимание к южному вопросу. Правительство издало указ, получивший по имени министра сельского хозяйства, название декрета Визокки, которым предусматривалась передача крестьянским кооперативам на четыре года, а иногда и в бессрочное владение определенных участков. Король Виктор Эммануил в октябре 1919 г. отказался от большей части собственных земельных владений, передав их государству. 15 августа был принят новый избирательный закон, по которому число голосующих значительно увеличилось и была установлена пропорциональная система. Но накала забастовочной борьбы все эти меры не снизили.

Социалисты протестовали против репрессивных действий центральных властей. В партии появлялось все больше сторон-

ников радикальных методов борьбы, ширились призывы «Fare come in Russia» (Сделать как в России). Октябрьская революция, по словам С. Каретти, способствовала радикализации классовой борьбы в послевоенные годы и явилась одним из определяющих факторов дифференциации и все более резкого противостояния течений социалистической партии. На собравшемся в Болонье 5–8 октября 1919 г. XVI съезде ИСП большевистская революция была одним из главных вопросов, которому посвящали свои выступления представители разных течений, прибегавшие к различной аргументации²⁰. На съезде были представлены 2068 секций и 88 000 членов партии.

Съезд в Болонье стал триумфом максималистов. Было признано, что Генуэзская программа уже не актуальна, а «пролетариат должен прибегнуть к насилию ради завоевания власти»²¹. В докладе политического секретаря Ладзари (освобожденного из тюрьмы вместе с вице-секретарем партии Н. Бомбаччи 21 ноября 1918 г.) подводились итоги деятельности партии в первый послевоенный год. Секретарь защищал антивоенный курс, проводившийся партией в 1915–1918 гг., и с удовлетворением отметил значительный рост числа членов – с 23 765 в конце 1918 г. до 87 589 в 1919. Ладзари связывал это с ценным опытом, который массы обрели в ходе войны. Руководство намеревалось впредь по-иному выстраивать отношения с профсоюзами и парламентской группой ИСП. И здесь надо сказать, что первой крупной политической акцией ИСП после проведенного подпольно в сентябре 1918 г. XV Римского съезда было подписание 29 сентября 1918 г. «союзного договора» между партией и ВКТ, секретарем которой вместо Риголы стал Д'Арагона. В этом пакте подтверждалась автономия обеих организаций, совместно придерживавшихся социалистических идеалов. Всякое решение о политических национальных забастовках должно было приниматься партией, но с учетом мнения ВКТ, а об экономических забастовках – ВКТ с учетом мнения партии. Согласно Ладзари, соглашение подтвердило, что социалистическое движение может соединить идею с реальностью».

Отношения с парламентской группой ИСП, считало руководство, могут регулироваться с некоторыми поправками на основе дисциплинарного устава 1913 г. Выказывая недовольство поведением парламентариев-социалистов, Ладзари призвал съезд «вливать новую кровь в вены парламентской группы ИСП». Что касалось международной политики партии, он заявил об отказе участвовать в социалистическом конгрессе в Лондоне, равно как и о жестком отношении к конференции в Берне, которую италья-

янские делегаты Моргари и Казалини покинули, не получив одобрения на организацию нового Интернационала²².

Комментируя итоги Болонского съезда и деятельности партии в 1918–1919 гг., Л. Кортези обратил внимание на рост влияния левых, будущих коммунистов. Их идеи распространяли такие издания, как «Совьет» Амедео Бордиги и «Ордине нуово» А. Грамши, П. Тольятти, У. Террачини²³. Левое течение в ИСП стремилось установить «органическую связь» партии с пролетариатом. Примером для них были большевики, осуществлявшие революционный эксперимент в России.

В резолюции съезда отмечалось, что «русская революция – самое радостное событие во всей истории пролетариата – требует безусловного содействия (...) во всех цивилизованных капиталистических странах». «Принимая во внимание, что до сих пор господствующий класс нигде и никогда не отказывался от власти, не будучи вынужден к тому силою, и что класс эксплуататоров обращается к насилию для защиты собственных привилегий и для подавления попыток угнетенного класса к освобождению, съезд выражает убеждение, что пролетариат должен прибегнуть к насилию, чтобы оказать сопротивление насилию буржуазии, захватить власть и закрепить завоевания революции»²⁴.

Реформисты, симпатизировавшие демократическим идеям американского президента Вильсона, не высказывались в поддержку русской революции. Претворяя в жизнь идею конструктивного сотрудничества с правительством, Ф. Турати пытался поставить парламентскую фракцию ИСП на службу широко интерпретируемым национальным интересам²⁵. В 1917–1920 гг. он работал над проектом реконструкции Италии на демократических основах. Это нашло отражение в опубликованном в «Аванти» еще 16 мая 1917 г. документе «За мир и послевоенное развитие. Ближайшие требования социалистической партии», статьях в «Критика социале», парламентских выступлениях, проектах подготовленных им программных документов ИСП, отвергнутых радикально настроенным большинством на XV–XVII съездах в 1918–1921 гг.²⁶

Голосование по представленным на Болонском съезде резолюциям принесло такие результаты: за резолюцию максималиста Серрати было подано 48 966 голосов, за центристскую резолюцию Ладзари, поддержанную реформистами, – 14 935, и за резолюцию Бордиги, занимавшего крайне левые позиции, – 3.359. Максималисты были представлены по всей стране, бордигианцы имели пункты поддержки в Кампании, Пьемонте, но не были

представлены в других важных промышленных центрах Севера, сторонники Ладзари и реформисты обладали абсолютным большинством в Реджо Эмилии, Мантуе, имели неплохие позиции в Милане, Равенне, области Венето.

Так как в 1919 г. планировались выборы по новой пропорциональной системе, расширявшей круг голосующих, Серрати хотел поставить все точки над «i» и призвал съезд принять решение о полной подчиненности фракции в парламенте партийному руководству. Но это вызвало противодействие зала, с резкой отповедью выступил Модильяни. В результате съезд принял расплывчатое решение, удовлетворившее обе стороны.

Как руководимая Серрати «Аванти», так и журнал Бордиги «Совет» комментировали работу съезда, с удовлетворением констатируя, что удалось сохранить партийное единство. Турати и Тревес, занявшие жесткую позицию в защиту изначальной партийной программы, которую многие пытались ревизовать или заменить новой, вынуждены были согласиться с вхождением ИСП в III Интернационал, как и с концепцией диктатуры пролетариата. Их поддержка резолюции Ладзари, стремившегося сохранить единство партии, основывалась, как считала «Аванти», на признании неизбежности революции и новой программы, одобренной съездом.

Однако реформисты вовсе не придерживались примирительных позиций, приписанных им Серрати. Сразу после съезда они заявили о верности прежней Генуэзской программе ИСП и реформистским принципам, о соблюдении автономии парламентской группы и внутри нее автономии реформистского крыла. Левые социалисты после съезда настаивали на том, что «абстениционистская коммунистическая фракция» должна продолжать свое дело внутри партии и вовне. Они надеялись, что настоящие революционеры преодолееют тактические разногласия, победят противников, чтобы достичь «великой цели»²⁷. На ход дискуссии налагал отпечаток и тот факт, что тремя неделями ранее Д'Аннунцио со своими вооруженными отрядами явочным порядком захватил Фиуме (ныне Риека). Интервенционисты давно мечтали присоединить город к Италии, но их неуклюжие демарши спровоцировали международный кризис.

Уже первые заседания руководства партии после Болонского съезда показали, насколько трудно руководителям-максималистам придерживаться революционной линии и эффективно использовать в итальянских условиях методы борьбы и русский опыт, который они пропагандировали. На деле они игнорировали теорию и практику своих русских товарищей, осуществив-

ших победоносную революцию, подчеркивает С. Каретти. Одним словом, «предпринятая максималистами попытка – перенести на итальянскую почву опыт русских Советов» – закончилась неудачей²⁸.

А. Вентури проанализировал не только прямое воздействие событий двух русских революций 1917 г. на ситуацию в Италии, но и непосредственную деятельность в стране представителей русских революционных партий, большевистского и коминтерновского руководства. Автор приходит к выводу о заметном влиянии на итальянское социалистическое движение партии русских социалистов-революционеров, недооцененном прежней историографией. Их влияние, как и влияние большевиков, осуществлялось главным образом через эмигрантов, которые оставались жить в Италии, давшей им прибежище еще во времена царизма. С 1919 г. к ним добавились специальные посланцы Коминтерна. Среди них особенно заметен был большевик Н.М. Любарский, который действовал в Италии под псевдонимом Николини²⁹.

После Болонского съезда социалисты с головой окунулись в избирательную кампанию, широко используя лозунги солидарности с Советской Россией, осуждая вмешательство Антанты в ее внутренние дела и требуя вывода войск из России, признания итальянским правительством Республики Советов. Серп и молот – эмблема Советской России – красовался на избирательных списках социалистической партии. Выборы 16 ноября 1919 г. по новой пропорциональной системе принесли социалистам оглушительный успех³⁰. За ИСП проголосовали 1 834 792 избирателя, или 32,3% (0,6%), за социалистов-реформистов и «юнионистов» – 82 172 (1,6%). ИСП провела в парламент 156 депутатов. Она стала самой крупной партией, с ней обязаны были считаться любая другая политическая сила или их коалиция. Заметным был успех католиков, они провели в парламент 100 депутатов. Социалисты и католики имели больше половины депутатских мест. Руководство ИСП пребывало в эйфории и от стремительного роста членства в партии: со 100 тыс. в 1919 г. до 216 327 тыс. к январю 1921 г.³¹ Реформистское крыло партии пыталось осмыслить происходящее, предлагая свои рецепты выхода из напряженной ситуации. Турати с горечью писал Кулишовой 17 февраля 1920 г., что максималисты «не осознают, насколько ценны для нас политическое движение и каким политическим преступлением было бы жить между революцией, которая не совершается, и реформой, которая не проводится»³².

В условиях постоянных рабочих и крестьянских волнений, в которых страна жила в те месяцы, Турати сочли подходящей

фигурой для разрешения конфликтов. Циркулировали слухи, что вот-вот будет образовано правительство Нитти–Турати или Джолитти–Турати. Хотя его соратники пытались заставить его пойти на это, «старый основатель ИСП опасался подобной перспективы: ему были хорошо известны расклад сил в партии и настроения масс»³³.

Объясняя, что такое «филосоциализм» Нитти, английский посол в Риме Бьюкенен доносил в Лондон лорду Керзону: «Цель Нитти – вызвать раскол в рядах социалистической партии и завоевать на свою сторону умеренных, особенно лидеров Всеобщей конфедерации труда, которые не всегда разделяют позиции самой партии. Из 156 депутатов-социалистов около 100 – честные труженики, социалисты лишь по названию, а среди экстремистов много таких, кто ограничивается лишь произнесением зажигательных речей. Он готов ввести в правительство некоторых наиболее умеренных лидеров социалистов, когда наступит подходящий момент, но такой шаг, вероятно, возможен не ранее, чем через три-четыре месяца, учитывая, что этого не желают не только лидеры, но и массы трудящихся, ставшие за ними»³⁴.

1–15 июля 1920 г. Турати публикует в «Критика социале» «Программу действий социалистов». Она становится более известной 26 июня из его речи в парламенте «Переделать Италию», когда Джолитти представлял депутатам свое последнее правительство. Другое название этого выступления Турати – «За Италию и за социализм»³⁵. По мнению А. Кулишовой, которая просила его, чтобы он донес до депутатов эти идеи в парламентской речи³⁶, это было не только выдающееся выступление, но и «программа реконструкции и обновления всей страны»³⁷.

В этой речи Турати затронул все наболевшие проблемы – политические, социальные, экономические, среди последних, например электрификацию страны. Он поставил перед буржуазией дилемму: или она находит выход из кризиса и принимает предложенную им программу, или отходит в сторону и уступает власть пролетариату³⁸. (Эту речь хвалил, выступая на V съезде ИКП в 1945 г., П. Тольятти. Он считал туратианскую программу «Переделать Италию» ценным образцом ответственного подхода, пригодного и для решения проблем экономической реконструкции и реорганизации в условиях уже другого послевоенного времени.)

Призыв Турати «Переделать Италию» прозвучал в противовес призывам коммунистов «Сделать, как в России» и претензиям фашистов продолжить Рисорджименто путем сплочения нации и упрочения национального государства, подчеркивает

З.П. Яхимович. Турати предпочитал реформистские методы постепенной модернизации якобинским наскокам. Он порицал апологию насилия, присущую и коммунистам, и фашистам. Он считал, что исторически неизбежен этап демократического развития и капиталистического прогресса – пролог движения к социализму. Важным условием упрочения реформистских и прогрессивных сил в Италии и Европе он считал демократический мир в духе идей Вильсона, хотя реальный ход дел на Парижской мирной конференции и Версальская система его огорчали. К тому же Турати вынужден был признать несовершенство парламента и политической системы в том виде, в каком она утвердилась в «эру Джолитти». Турати считал, что лишь демократическое государство поможет избавиться от реакционных наростов, преодолеть социально-экономический кризис. По его мнению, необходимо было реализовать идею социальной революции вместо «крайностей революции политической»³⁹.

Тем временем влияние реформистов в ИСП ослабело, хотя они все еще сохраняли крепкие позиции в парламентской фракции и руководстве профсоюзов. Левые группировки в партии стремились к размежеванию с максималистами. После съезда в Болонье в октябре 1919 г., одобдившего присоединение ИСП к Коминтерну, максималисты и левые обладали формальным большинством, настроенным антиреформистски.

Ультралевыми подходами отличалась возникшая в Неаполе под руководством А. Бордиги группировка. Он полагал, что партия должна состоять из узкого круга людей, придерживающихся коммунистических взглядов, без опоры на массы. Обещая скорую революцию, Бордига отвергал парламентаризм и соответственно участие в выборах. По его мнению, только созданная на основе подобных взглядов коммунистическая партия позволит рабочему классу завоевать власть. Как показали дальнейшие события, такие установки оказались бесперспективными.

Еще одно левое течение в партии сложилось вокруг издававшегося в Турине под редакцией Антонио Грамши еженедельника «Ордине нуово». Грамши считал необходимым обновить ИСП путем разрыва с реформистами. Обновленная и превращенная в коммунистическую партия, по его мнению, должна была действовать в тесной связи с массами и при этом не навязывать им готовых решений. Партии надлежало стимулировать их собственную инициативу. Грамши предложил превратить существовавшие на промышленных предприятиях ячейки прямой рабочей демократии и контроля в действенные советы. Возникшее по инициативе левого течения социалистов движение фабрично-заво-

дских советов было поддержано рабочими, в одном лишь Турине оно охватило 150 тыс. пролетариев.

Когда летом 1920 г. Коминтерн потребовал от своих партий скорейшего очищения от оппортунистов, идейная борьба внутри ИСП обострилась. Максималисты колебались, они не были готовы выполнить немедленно это требование. Более того, часть из них была готова объединиться с реформистами, отсюда и стремление отложить выполнение выдвинутых Москвой требований на более поздние времена. В таких обстоятельствах партия подошла к событиям, ставшим проверкой на прочность позиций социалистов в стране, их связей с рабочим движением.

После не поддержанной руководством социалистов всеобщей забастовки в апреле 1920 г. в Пьемонте (в ней участвовали 0,5 млн человек), когда предприниматели признали некоторые права фабрично-заводских советов на предприятиях Турина, следующее выступление трудящихся по всей Италии в августе-сентябре 1920 г. обрело всеобъемлющий характер. В ответ на локаут рабочие металлообрабатывающей промышленности захватили заводы. Создав фабрично-заводские советы, они удерживали предприятия в течение трех недель и без вмешательства хозяев и администрации самостоятельно выпускали продукцию. На занятых рабочими заводах были вывешены красные флаги, производилось оружие, формировались боевые отряды, готовые отразить нападение извне.

Правящие классы были напуганы таким развитием событий. Предприниматели обратились за помощью к вновь возглавлявшему с июля 1920 г. правительство Дж. Джолитти. Некоторые из них предлагали подавить выступления рабочих силой, даже привлечь к этому армейские части. Но умудренный опытом своего длительного предвоенного пребывания у власти, премьер-министр не пошел у них на поводу. Он ограничился лишь отправкой войск на охрану стратегически важных объектов, к которым отнеслись предприятия связи, транспорта и центральный банк.

Джолитти рассчитывал на то, что рабочие поймут – их планы захватить власть не реальны и уйдут с предприятий, и оказался прав. Из-за внутренних разногласий ИСП не сумела по-настоящему возглавить это движение и предложить перспективные решения. Сохранявшее влияние в рабочей среде реформистское руководство ВКТ занимало иные позиции, чем левые течения в партии, стремившиеся, как им казалось, в преддверии взятия власти, поддерживать на должном уровне революционный порыв масс. При посредничестве представителей правительства прошли переговоры профсоюзных лидеров с предпринимателями. Пра-

вительство пообещало принять закон о рабочем контроле на производстве, рабочие покинули заводы. Сентябрьские события 1920 г. стали высшей точкой подъема рабочего движения в период «красного двухлетия».

Крупная социальная и парламентская сила, в которую превратились социалисты, – плод общеевропейской тенденции укрепления позиций левых сил, отметил Дж. Галли. Но эта сила не сумела себя полностью реализовать, так как парламентское большинство в тот момент опиралось «на хрупкое соглашение находившихся в упадке либеральных группировок и Народной партии». Пассивность ИСП в парламенте и во всем, что касалось социальной сферы, была налицо. Насколько несостоятельны прожекты лидеров партии относительно подготовки материальных и технических средств для революционного захвата власти, стало очевидно в ходе туринской забастовки в апреле 1920 г. К этому столкновению с противником – фабрично-заводскими советами – предприниматели подготовились. В столице Пьемонта были сконцентрированы значительные войска и полиция. Возглавленное группой, связанной с грамшианским «Ордине нуово», выступление в Турине оказалось изолированным. Бастовавшие рабочие потерпели поражение, советы, взявшие на себя власть, довольно быстро ее лишились.

Несмотря на это, профсоюзные лидеры летом готовили следующее выступление, на тот случай, если подписание нового трудового соглашения металлистов с предпринимателями не состоится. Эти волнения и забастовка августа-сентября 1920 г. вылились в захват предприятий, расцененный Лениным и большевиками как революционная ситуация в Италии. По мнению Галли, захват предприятий «закончился победой рабочего класса». Профсоюзы добились улучшений в трудовом договоре, а Джолитти создал комиссию для выработки закона, предусматривавшего своеобразный дуализм власти на предприятиях, поделенной между предпринимателями и представителями рабочих. После этого в ноябре ИСП одержала крупную победу на всеобщих административных выборах. Казалось, что наступление пролетариата продолжается, и Ленин считал возможным убедить Серрати и большинство ИСП возглавить итальянскую революцию, изгнав реформистов – «единственное препятствие на ее пути»⁴⁰.

В таких условиях проходила подготовка к XVII съезду ИСП, состоявшемуся в январе 1921 г. в Ливорно, на котором произошел раскол⁴¹. Это событие не было чем-то новым в тогдашнем европейском контексте. На съездах 1920 г. СДПГ в Галле⁴² и ФСП в Туре⁴³ из немецкой и французской партий также выдели-

лись группировки, преобразованные в коммунистические партии, которые примкнули к Коминтерну, приняв выдвинутые им 21 условие вхождения в эту организацию. Эти условия предусматривали разрыв с социал-реформизмом, свержение капитализма и установление диктатуры пролетариата, демократический централизм во внутрипартийной жизни. Партиям надлежало сочетать легальные и нелегальные методы борьбы, строго выполнять решения, принимаемые руководством Коминтерна, и соблюдать все прочие требования.

Большевики и их лидер Ленин, направивший 29 октября 1919 г. специальное письмо «Товарищу Серрати и итальянским коммунистам», на протяжении ряда лет проявляли неподдельный интерес к событиям в Италии. Отвечая на это письмо 26 декабря 1919 г., Серрати подчеркнул, что итальянские социалисты добились электорального успеха благодаря просоциалистической ориентации средних слоев и что революцию не следует торопить, лучшей тактикой будет терпеливо выжидать, когда ситуация полностью для нее созреет. В оценках Ленина ситуация в Италии, способностей известных ему руководителей ИСП было много как верного, так и не совсем правильного, отмечал Л. Кортези. Тут сказали и оторванность революционной России от стран Западной Европы, и редкие контакты ее социалистических лидеров с большевистским руководством, хотя переезд в Россию А. Балабановой (она стала секретарем Коминтерна) позволял итальянцам надеяться, что в Москве знакомы с внутренней ситуацией в ИСП⁴⁴.

На III конгрессе Коминтерна, состоявшемся в июне–июле 1921 г., председатель Исполнительного комитета Г. Зиновьев заявил, что «если в истории существует пример партии, которая не использовала редкую возможность и тем самым причинила большой ущерб движению, то это, конечно, итальянский пример. Подобное поведение партии, пренебрегшей выполнением собственного долга неслыханно. Джолитти сначала удушил движение своей терапией, чтобы затем перейти к хирургическому вмешательству. Фашисты оказались блестящими хирургами и очень умело провели свои хирургические эксперименты, направленные против рабочего класса»⁴⁵. Зиновьев говорил о «деградации партии или, по крайней мере, о деградации ее руководящих кадров», превращении ее в «вульгарную социал-демократию». На том же конгрессе было принято обращение к итальянским трудящимся, которых призывали бороться за победу революции в Италии. Серрати, отвечая на письмо Ленина, все же подчеркнул, что итальянское движение было не столько революционным, сколько профсоюзным, но, отстаивая подобные взгляды, по мнению

политика и историка правых взглядов П. Мальвестити, он заслужил от большевиков лишь «клеймо Иуды»⁴⁶.

Что касается дебатировавшейся в историографии проблемы финансовой поддержки итальянского социалистического и рабочего движения Коминтерном, то новое исследование В. Ривы, проведенное в сотрудничестве с Ф. Бигацци (1999), не пролило на нее достаточного света. В Италию «золото Москвы» начало поступать более-менее регулярно начиная с 1917 г., полагает Рива. Но прежде следует говорить скорее о «золоте Берлина» или, как эти деньги назвала тогда итальянская полиция, «золоте кайзера». Это были те же самые переданные Ленину деньги, которые позволили ему вернуться в Россию и финансировать революцию, считает Рива. Но после Октябрьской революции деньги для итальянских «друзей» поступали, минуя сложные пути, напрямую из России.

Автор, не приводя конкретных данных, утверждает, что «Ленин и Троцкий передали миллионы рублей на поддержку левых сил в Западной Европе, особенно в Италии», которую считали наиболее созревшей для революции страной. Сохранились письменные свидетельства о финансировании Коминтерном итальянских социалистов-максималистов. В период фашистского режима в Италии из Москвы продолжали приходить средства, но уже для ИКП⁴⁷.

Летом 1920 г. Балабанова вместе с Зиновьевым и другими большевистскими руководителями принимала приехавших на II конгресс Коминтерна итальянцев⁴⁸. Приезд представителей ИСП и рабочих организаций в Петроград, а затем в Москву стал для Советской России крупным политическим событием⁴⁹. Встречавшие скандировали «Да здравствует Серрати!» В делегацию входили представлявшие руководство партии и ее парламентскую группу Дж.М. Серрати, В. Вачирка, А. Грациадей, Д. Рондани, Н. Бомбаччи, профсоюзные лидеры Л. Д'Арагона, А. Бьянки, Э. Коломбино, деятели кооперативного движения Э. Дугони, Г. Нокс, Ф. Поццани. Официальными делегатами на конгрессе были Серрати, Бомбаччи, Грациадей, Л. Полано. Как вспоминала Балабанова, делегация, состоявшая из представителей ИСП, ВКТ и кооперативов, собиралась выяснить, какую материальную и техническую помощь могло бы оказать Советской России итальянское рабочее и кооперативное движение. Со времени предательства Муссолини в 1914 г. наибольшую ответственность за партийные дела взвалил на свои плечи Серрати, который в военные годы подвергался незаслуженным нападкам со всех сторон⁵⁰.

Кроме названных товарищей, в Москву приехал А. Бордига⁵¹, дабы обсудить вопрос о расколе партии. Он настаивал на своей позиции абстенционизма, воздержания от участия в выборах. После окончания работы конгресса он перестал отстаивать эту позицию. «Бордига после II Конгресса совершенно лояльно заявил, что отказывается от всякого анархизма и антипарламентаризма», отмечалось в стенограмме⁵². По мнению Балабановой, большевики пригласили Бордигу, чтобы тот «напал на Серрати»⁵³. По возвращении из Москвы Бордига на заседании своей фракции формально высказался в поддержку принятых Коминтерном решений. Он призвал отказаться от социал-демократической тактики руководства ИСП и профсоюзов, объединить тех, кто считает себя коммунистами, и выступить единым фронтом на предстоящем съезде ИСП, чтобы обеспечить себе победу.

Касаясь вопроса размежевания с реформистами, на чем настаивали Бордига и его соратники, Серрати заявил в Москве, что речь не идет о том, чтобы ежечасно говорить о Турати и Модильяни. Речь идет о подготовке революции⁵⁴. На II конгрессе Серрати настаивал на том, чтобы те, кто навязывает 21 условие приема в Коминтерн, обращали внимание на сложную национальную специфику разных стран. «Жалею, что Серрати, хоть и говорил, а не сказал здесь ничего нового, — прокомментировал его выступление Ленин. — Его речь была из тех, какие мы слыхали во II Интернационале»⁵⁵.

Полемика с Лениным была отражена в опубликованных Серрати в Италии статьях. Он продолжал настаивать на национальной специфике каждой из вошедших в Коминтерн партий. Во врученном Серрати 27 августа 1920 г. письме Ленина, Зиновьева и Бухарина, своего рода руководстве к действию, отмечалось, что буржуазия собирает силы и уже противостоит пролетариату на фронте гражданской войны. В такой ситуации не следует надолго откладывать революцию, поскольку Италия представляет собой страну, в которой налицо все предпосылки для ее победы. Серрати вернулся в Италию 16 сентября, но письмо руководство партии не решалось опубликовать.

Это сделало туринское издание «Аванти», ответ руководства на письмо появился там в ноябре. Споры об отношениях с Коминтерном проходили в острой и напряженной обстановке «красного двухлетия». Закрытие 30 августа в Милане завода Альфа Ромео осенью 1920 г. стало причиной прокатившейся по стране волны захватов рабочими металлургических и машиностроительных заводов и фабрик. Формально все проходило под лозунгом перезаключения трудовых договоров и повышения

зарплаты. Движение поддержали профсоюзные лидеры ВКТ Д'Арагона, Буоцци, Дугони, в это объединение уже тогда входило 2 млн человек. Как отмечалось, по договоренности с премьером Джолитти профсоюзных лидеров и реформистов это движение прекратилось, после того как 19 сентября было достигнуто соглашение о повышении заработной платы и обещан закон о рабочем контроле.

В опубликованной в «Аванти» 11 сентября 1920 г. статье Серрати «После победы»⁵⁶ ощущается привкус триумфа социалистов летом и осенью 1920 г. «В то время как над зданиями завоеванных нами общин развеваются красные флаги, а на улицах и площадях более чем двух тысяч городов и селений, промышленный и сельский пролетариат торжественно празднует свою гражданскую победу на административных выборах, наша обязанность – подавив в себе порывы страсти, хладнокровно оценить значение наших успехов и выяснить, на что они дают право надеяться и какие новые фазы борьбы они повлекут за собою (...) Мы уверены в победе, мы знаем цель, которую должны во что бы то ни стало достичь», подчеркивал главный редактор газеты⁵⁷.

Осенью 1920 г. Серрати объяснял Ленину, что захват власти в Италии невозможен⁵⁸. Эти объяснения не убеждали большевиков, делавших ставку не на Серрати, а на фракцию коммунистов в ИСП. Левые в партии, их яркие представители Бордига и Грамши, после того как Джолитти договорился с лидерами профсоюзов и тем самым совершил удачный для правящих классов маневр, полагали, что отступление рабочего класса лишь временное и что именно коммунисты возглавят вторую волну наступления.

Но в те же осенние месяцы 1920 г., когда коммунисты готовились расколоть ИСП, фашисты перешли в контрнаступление и создали в сельской местности паравоенные отряды. Наблюдался до того неизвестный в рабочем движении феномен: партия, профсоюзы, Лига кооперативов, местные администрации, руководимые социалистами, оказались дезориентированными и утрачивали завоеванные на протяжении предыдущих тридцати лет позиции. Гегемония социалистов в аграрных провинциях долины реки По ослабела, что привело в изумление самих членов фашистских отрядов, или, как уже тогда их называли, сквадристов (от итальянского слова «скуадра» – команда)⁵⁹.

Этот феномен впоследствии объяснил А. Таска в книге о фашизме, написанной в годы французского изгнания⁶⁰. Тогда он был социалистом, так как в 1929 г. был исключен из КПИ⁶¹. Исследуя захват власти фашистами, Таска отмечал, что они имели

организации в сельской местности. Они утверждали себя с помощью физического насилия над противником, действовали непривычно нагло, ошеломленная ИСП оставалась перед их натиском инертной и пассивной⁶². В крупных городах фашисты были слабее. Роль централизующего звена играла газета «Пополо д'Италия», ставшая трибуной общенационального значения.

Максималист В. Агостини в опубликованной в конце ноября 1920 г. статье в «Аванти» констатировал: «Прежде всего мы должны заявить, что не реформисты являются причиной безуспешности нашей революционной деятельности в Италии, а мы сами. Все сторонники раскола, включая и русских товарищей, рассуждают так: "Уйдите от нас, заявляют они реформистам, мы не можем совершить революцию, ибо вы нам мешаете. Мы соберем конгресс, удалим вас из партии и затем, когда вы больше не будете путаться у нас под ногами, мешать нашему движению, мы совершим нашу революцию"»⁶³.

В начале сентября 1920 г. прошел первый тур местных выборов, в этом и последующем туре (7 ноября) социалисты добились внушительного успеха, многие коммуны оказались под их руководством. Социалисты преобладали в Милане, Болонье, Алессандрии, Новаре, Ливорно, Комо, Кремоне, Ферраре, Гроссето, Массе Карраре, Мантуе, Реджо Эмилии, Пьяченце, Модене, Павии, Пезаро, Перудже, Ровиго, Вероне, Виченце, Сассари.

Попытка максималистского руководства партии поставить осенью 1920 г. под свой контроль рабочее и профсоюзное движение не увенчалась успехом. Рабочие пошли не за максималистами, а за профсоюзными лидерами, связанными с реформистами. Впоследствии марксистская историография расценивала захват фабрик в сентябре 1920 г. как наивысшую точку подъема активности масс периода «красного двухлетия», а отступление рабочего движения в тот момент как «упущенную возможность». «Диктатура пролетариата представлялась осуществимой, потому что была реализована ее основная историческая предпосылка: преобладание промышленного и революционного пролетариата в жизни страны, распространение его наступательной идеологии на все категории трудящихся», писал год спустя, когда ситуация резко поменялась, руководивший в 1920 г. туринской секцией ИСП П. Тольятти⁶⁴.

Левые в ИСП считали, что соглашательская политика руководства все больше заводит партию в тупик. Объединившиеся группы – отказавшиеся от бойкота парламента абстенционисты, «Ордине нуово», левые максималисты – еще в ноябре 1920 г.

создали на своей конференции в Имоле объединенную коммунистическую фракцию ИСП. Она обратилась к предстоящему съезду, требуя немедленного исключения из партии реформистов и признания полностью 21 условия Коминтерна.

15 января 1921 г. в Ливорно начался XVII съезд ИСП, ставший съездом раскола. Открывая съезд, Баччи напомнил о славных традициях ИСП, привел в пример ее позицию в Лугано, Циммервальде, Кинтале, напомнил о солидарности с большевистской революцией. Было зачитано приветственное письмо Коминтерна, подписи от большевиков в нем поставили Ленин, Зиновьев, Бухарин, Троцкий, Лозовский. Максималистское большинство отказалось порвать с реформистами, стремясь сохранить единство партии. Именно на этом съезде был сделан выбор, определивший многое в дальнейшем развитии не только ИСП, но и всей итальянской истории.

Турати и его соратники, казалось, сделали все, чтобы избежать раскола. Но их не услышали, да и не хотели услышать в условиях охватившей тогда многих эйфории по поводу успеха большевиков. Разумным доводам, практическому рационализму основателя ИСП предпочли путь революционной романтики. Турати еще на съезде 1919 г. в Болонье оспаривал установки максималистов, противопоставлявших такие понятия, как реформы и революция, искусственно и оторванно от повседневных реалий.

Кое-кто предлагает заменить социализм коммунизмом, говорил Турати на съезде в Ливорно. Повышению уровня жизни пролетариев в ходе постепенной эволюции, которая ведет к установлению внутри стран и на международном уровне настоящей демократии – демократии труда и все более широким свободам, достигаемым с помощью продуманных, цивилизованных подходов, противопоставляют грубое вооруженное насилие, так называемую диктатуру пролетариата. Такая диктатура устраняет все другие возможности общественной жизни, другие классы и большинство самих трудящихся. В перспективе она обернется диктатурой отдельных лиц над пролетариатом или же диктатурой против самого пролетариата, провидчески констатировал Турати. «Истинный и полный социализм, остающийся не на бумаге и не напоминающий каторгу», все еще далек от осуществления. Пройдут десятилетия бедности и страданий, прежде чем возникнет иное государство, но не то, которое создало огромную милитаристскую машину – «постоянную угрозу для любой нынешней и будущей демократии»⁶⁵.

Особенно резко Турати критиковал сторонников насилия: «Кульť насилия, насилия внешнего или внутреннего, насилия фи-

зического или морального, с помощью которого стремятся изменить менталитет и сделать определяющим сознание принципом, отнюдь не нов для социалистического движения Италии, как и других стран. История движения ясно доказывает, что борьба между приверженцами культа насилия, претендующими на привнесение чуда, и истинными социалистами, его отвергающими, – вечная драма социалистической партии»⁶⁶. Обращаясь к коммунистам, основатель ИСП сказал: «Если после создания коммунистической партии и насаждения Советов в Италии вам удастся уцелеть, ибо этим вы спровоцируете реакцию, и если вы захотите совершить нечто поистине революционное, что станет полезным элементом нового общества, вам придется полностью пройти наш путь – путь “социал-предателей”. {...} Этот единственно возможный путь, predetermined самой жизнью, не изменится после всех наших с вами разногласий и стычек»⁶⁷. Но Турати и его сторонники не смогли противостоять поклонникам большевизма в ИСП, нацеленным на раскол. На закрытии съезда в Ливорно Турати со слезами на глазах провозгласил: «Да здравствует социализм!» В ответ коммунисты кричали: «Да здравствует Россия!»⁶⁸

На съезде в Ливорно из состоявших в партии 216 337 членов 172 487 приняли участие в голосовании путем вручения полномочий своим делегатам. За резолюцию максималистов, или унитарных коммунистов, проголосовали 98 098 человек, за реформистов – всего 14 695, за «чистых» коммунистов – 58 783. Серрати заявил в заключение, что «съезд стал шагом вправо, а не влево, таково желание его участников»⁶⁹.

Левые группы, как они давно того хотели, вышли на съезде из ИСП. Их первое собрание прошло в ливорнском театре Сан Марко, в зале с прохудившейся крышей. Там была основана партия, поначалу называвшаяся Коммунистическая партия Италии (КПИ), а впоследствии – Итальянская коммунистическая партия (ИКП). В принятой коммунистами программе декларировались революционные методы борьбы, насильственное свержение существующего строя. Формой политического представительства в будущем пролетарском государстве назывались Советы трудящихся, рабочих и крестьян. Среди руководителей компартии оказались А. Бордига, А. Грамши, У. Террачини, Р. Гриеко, Ф. Мизано, Л. Полано, Э. Дженнари и др. Коммунисты пытались подхватить революционный порыв масс.

В опубликованной в «Аванти» статье Николини под заголовком «Центризм в Италии» отмечалось: «Во всех странах социалистическое движение в последнее время распалось на три вполне ясных течения, которые лучше всего определить названиями:

“большинство”, “независимые” и “коммунисты”»⁷⁰. В подготовленной для Коминтерна позднее справке о состоянии итальянского профсоюзного и социалистического движения автор или авторы (можно предположить авторство Балабановой) обращались к предыстории этих событий и указывали, что «19 марта 1919 г. ЦК ИСП принял резолюцию Дженнари, Серрати и Бомбаччи о выходе партии из Брюссельского Интернационального Социалистического Бюро и присоединился к Коммунистическому Интернационалу большинством 10 голосов против 3 (Ладзари голосовал в меньшинстве)». Присоединение подтвердил Болонский съезд партии 5–8 октября 1919 г. Кроме одобренной съездом резолюции Серрати–Дженнари (максималисты–элекционисты), были предложены резолюция Ладзари–Маффи–Турати (максималисты–унитаристы), умалчивающая о присоединении социалистической партии к КИ, и резолюция Бордиги (коммунисты–абстенционисты), дополнявшая это присоединение пунктом об отказе партии от участия в парламентской выборной кампании. За каждую из этих резолюций было подано соответственно 48 411, 14 880 и 3417 голосов⁷¹.

Авторы справки напоминали, что после II конгресса Коминтерна в ИСП возникли три фракции. Реформистское течение, лидерами которого являлись Тревес, Д’Арагона, Модильяни, Бальдези, Чикотти, образовало фракцию социалистической концентрации. Фракция унитарных социалистов–коммунистов и коммунистическая фракция образовались в результате раскола, который произошел в ЦК при обсуждении 21 пункта условий приема в КИ. Первая из них (ее лидеры – Баратоно, Дзинарини, Баччи, Джакомини, Серрати, Алессандро) расходилась с коммунистами в вопросе об исключении из партии реформистов. Унитаристы в своей резолюции, отвергнутой на заседании ЦК, требовали «сохранить нерушимое единство ИСП», предусматривая исключение из партии лишь в случаях «индивидуального нарушения дисциплины».

В составе коммунистической фракции были Бомбаччи, Бордига, Фортикьяри, Грамши, Мизиано, Полано, Редосси, Террачини. «На XVII съезде ИСП в Ливорно 15–21 января 1921 г. одержало верх примирительное течение унитаристов. Впоследствии в ЦК партии на XX Миланском съезде 1922 г. были избраны А. Баратоно, Дж. Корен, Д. Фиоритто, Дж. Парманоли, Дж.М. Серрати, А. Велла. Редактором центрального органа ИСП был переизбран Серрати»⁷².

В ЦК КПИ вошли Беллони, Бомбаччи, Бордига, Фортикьяри, Дженари, Грамши, Гриеко, Марабини, Мизиано, Пароди,

Полано, Репосси, Серра (Таска), Тария, Террачини. Приняв участие в выборной кампании 15 мая 1921 г., партия получила 15 мест в парламенте. Общее число голосов, поданных за коммунистов, составило 305 013. Влияние коммунистов в профсоюзном движении характеризовалось следующим соотношением числа голосов на съезде ВКТ в Ливорно (28 февраля – 3 марта 1921 г.). За резолюцию социалистов – 1 355 226 голосов, за резолюцию коммунистов – 418 425, воздержавшихся – 21 347. На Веронской конференции ВКТ 5–8 ноября 1921 г. были представлены 58 Палат труда общей численностью в 1 712 054 членов и 31 федерация (1 646 154 членов). Наиболее видными деятелями профсоюзного движения являлись Д'Арагона, Буоцци, Бьянки (скончавшийся в декабре 1921 г.), ее главным печатным органом был «Батталья Синдакали». ВКТ была связана договором с социалистической партией, который в значительной степени определял международную ориентацию ВКТ, входившей в Амстердамский интернационал профсоюзов⁷³. На конгрессе Профинтерна итальянская профсоюзная делегация потребовала согласия на дальнейшее пребывание ВКТ в Амстердамском интернационале в качестве левой оппозиции. Но, так как одновременное пребывание в обоих Интернационалах не допускалось, вопрос остался открытым. После окончательного разрыва ИСП с Коминтерном Веронская конференция Национального совета ВКТ предпочла Амстердам.

Во время захвата заводов металлистами в сентябре 1920 г. ВКТ способствовала приостановке движения, добившись от правительства принципиального согласия на установление рабочего контроля на предприятиях. В августе 1921 г. коммунистический Комитет профсоюзов обратился к итальянским рабочим организациям с предложением об образовании единого фронта для подготовки всеобщей забастовки. В противовес этому предложению ВКТ выдвинула проект организации смешанных комиссий по отдельным отраслям промышленности. В конце октября 1920 г. ей удалось при поддержке ИСП добиться от правительства согласия на этот проект. «На Веронской конференции подавляющим большинством голосов было отклонено предложение коммунистов и принята резолюция в пользу создания комиссий», заключали авторы справки⁷⁴.

Международное коммунистическое движение пыталось определить свою позицию в отношении существовавших в Италии двух рабочих партий. Отношение к Серрати долгое время оставалось неоднозначным. В письме К. Цеткин Ленину от 25 января 1921 г. о съезде ФСП в Туре и положении КПИ подчеркивалось,

что Исполком Коминтерна совершил немало ошибок в Италии. Цеткин признала, что Коминтерн потерпел там «тяжелое поражение». Ленин думал иначе и высказал свою точку зрения на III конгрессе Коминтерна. Было бы «неправильно и несправедливо считать ответственным за это поражение одного Серрати, — писала Цеткин. — Исполком своим бестактным поведением внес свой вклад». По ее мнению, «Турати был революционным героем, но что еще важнее, преданные ему массы — более драгоценная сила, чем аморфная толпа». «Конечно, и Серрати совершил тяжелые ошибки», но «они ему буквально навязаны», дело «не в его личности, речь идет о массах». И именно то, что КПИ «не имеет такого вождя, как Серрати», и не обладает «для масс ни привлекательностью, ни силой притяжения» заставило Цеткин просить Ленина употребить все свое влияние, чтобы Коминтерн «не ухудшал ситуацию дальнейшими неуклюжими шагами». «Позиция Серрати между 2-м и 3-м Интернационалами, естественно, нетерпима. Никто не может себе позволить роскоши осла, который, стоя между двумя связками сена, не жрет ни из одной, а раздумывает, какая же из них лучше». Цеткин умоляла Ленина сделать все возможное, «чтобы Исполком помог направить дела в Италии по верному пути». «Если мы в Италии потерпели поражение, — писал К. Радек Ленину 1 июня 1921 г., — то это потому, что итальянские коммунисты долгое время не имели собственной линии». По его мнению, представитель Исполкома в Италии «недостаточно заботился» об обработке коммунистов «с помощью прессы и литературы», а «период между нашей атакой на Серрати и решением был слишком короток»⁷⁵.

Полемика между коммунистами, максималистами и реформистами продолжилась на III конгрессе Коминтерна в Москве в июне 1921 г. Восьмое заседание конгресса, на котором среди других большевистских лидеров появился встреченный бурными овациями Ленин, обсуждало вопрос «О положении Коммунистической рабочей партии Германии и о положении Итальянской социалистической партии». Итальянский вопрос предстояло обсудить в связи с протестом ИСП против решения Исполкома КИ об ее исключении из Коминтерна и признании КПИ единственной секцией этого Интернационала в Италии.

Присоединившаяся в октябре 1919 г. к Коминтерну ИСП не пошла на требуемый Коминтерном разрыв с реформистами. После раскола в Ливорно некоторые течения западноевропейских коммунистических партий, например течение П. Леви в Германии, поддерживали центристскую линию Серрати. ИСП отправила на III конгресс КИ К. Ладзари, Ф. Маффи, Э. Рибольди,

собиравшихся опротестовать решение об исключении партии из Коминтерна.

Докладчик по итальянскому вопросу Ладзари обрушился на деятеля КПИ Э. Дженнари, обвинившего его в поддержке реформизма Турати. Ладзари напомнил, что в течение сорока лет вел борьбу против итальянской буржуазии, «борьбу, которой принес в жертву семью, здоровье – одним словом, все». На упрек «в двуличной политике по отношению к европейской войне» он ответил, что за это он «был доведен до приговора и ареста», чего Дженнари о себе сказать «не может».

Итальянским социалистам удалось «в бедной и некультурной стране» создать движение, заставившее считаться с ним буржуазию, сплотить трудящиеся классы, рабочих и крестьян, во внушительную силу, подчеркнул Ладзари. Поэтому обидно, что «нас здесь воспринимают как изменников, несмотря на наше горячее желание присоединить к III Интернационалу мощную организацию. Конечно, нас значительно ослабил уход коммунистов. Мы сетуем на то, что как раз III Интернационал форсировал раскол в Ливорно», заявил Ладзари и предложил, на его взгляд, «мудро составленную» формулу отношений с Коминтерном: «Не полное подчинение, но и не абсолютная независимость».

Единодушное, безусловное присоединение ИСП к Коминтерну «последовало раньше, чем какой-либо партии из других стран», еще в 1919 г., напомнил докладчик. «Мы великолепно понимаем, что вашему Исполкому крайне необходимо как можно скорее провести полное и прочное объединение революционных сил, особенно в нашей стране. Мы не отказываемся исключить наших реформистов, но все же необходимо, чтобы они предоставили нам право и ответственность избрать для этого подходящий момент, чтобы сохранить влияние партии на массы», сказал Ладзари. Обращаясь к Ленину, он обещал, что ИСП примет «все меры, необходимые для утверждения диктатуры итальянского пролетарского класса». Дженнари, отвечая Ладзари, был довольно резок. Он привел массу цитат из статей Турати в «Критика социале» и других его выступлений, послуживших ему поводом обвинить Турати в оппортунизме и реформизме⁷⁶.

Взявший слово Ленин заявил, что «хотел бы ответить главным образом товарищу Ладзари»⁷⁷. Говоря о реформизме, он отметил, что тот упускает из виду «многозначительное для социалистического движения Италии обстоятельство, что не только эта тенденция, но и оппортунистически-реформистская группа существуют уже в течение долгого времени». Еще памятно то время, когда Бернштейн начал свою оппортунистическую пропа-

ганду, закончившуюся изменой II Интернационала. «С тех пор Турати известен нам не только по имени, но и по пропаганде в итальянской партии и итальянском рабочем движении, дезорганизатором которого он был в течение протекших с того момента двадцати лет». Итальянская партия не может стать коммунистической до тех пор, пока она терпит в своих рядах людей, подобных Турати, заключил Ленин. Реформистов «надо гнать из нашей среды», изгнанные, они «были бы офицерами без армии и потеряли бы все свое значение». Согласно лидеру большевиков, «итальянская партия никогда не была поистине революционной», поэтому следует сказать Ладзари: «Речами, подобными вашей и той, которую держал здесь товарищ Серрати, революция не подготавливается, а дезорганизуется». Создание своей организации и начало «чисто коммунистического движения страны, подобной Италии, с ее известными традициями ... означает для коммунистов большой успех», сказал Ленин, и сравнил итальянских реформистов с меньшевиками, «которых ... мы никогда не потеряем в качестве соседей в подлинно революционном Коммунистическом Интернационале». «Рабочие массы пойдут за нами», — заключил он⁷⁸.

Эти встреченные бурным рукоплесканием слова, как и предложение исключить ИСП из Коминтерна, зафиксированы в опубликованной в 1922 г. стенограмме заседаний III конгресса. Резюмируя сказанное, Дженнари выдвинул от имени коммунистов конкретные предложения: «Делегация Итальянской коммунистической партии требует исключения из III Интернационала Итальянской социалистической партии ...положить начало серьезной борьбе с ней, издать воззвание с резкой критикой всего ее направления. Она требует, чтобы III Интернационал предложил итальянскому пролетариату оставить ряды Итальянской социалистической партии и объединиться под знаменем III Интернационала». Эти предложения вызвали «бурное одобрение зала».

В результате III конгресс Коминтерна 29 июня 1921 г. постановил, что до тех пор, пока ИСП «не исключит из своих рядов участников реформистской конференции в Реджо Эмилия и тех, кто их поддерживает», она «не может принадлежать к Коммунистическому Интернационалу». Конгресс рекомендовал Исполкому «принять необходимые шаги для объединения очищенной от реформистских и центристских элементов» ИСП с КПИ и «превращения их в единую секцию Коммунистического Интернационала»⁷⁹. Как показали дальнейшие события, подрыв позиций ИСП оказался контрпродуктивным для итальянского рабочего

движения, он помог фашистам продвинуться к завоеванию власти, не встречая серьезного сопротивления.

Раскол партии на социалистов и коммунистов привел к ослаблению позиций ИСП в массах. И все же на выборах осенью 1921 г. социалисты получили 123 места, а коммунисты 15 мест в парламенте. 108 депутатов провела Народная партия и 35 – фашисты. Правительство Джолитти ушло в отставку, король назначил премьер-министром И. Бономи. Новое правительство пыталось вести политику примирения в отношении фашистов. Муссолини выступил с инициативой заключить пакт умиротворения с рабочими организациями, который 6 августа подписали ВКТ и ИСП. Стороны обещали воздерживаться от враждебных акций по отношению друг к другу. Но для фашистов этот пакт был лишь маневром, фактически уже через два месяца они от него отказались.

Дж. Циборди так оценивал весной 1921 г. сложившуюся в Италии ситуацию: «Фашизм был бы невозможен в стране, где есть организованные и активные партии. Он не что иное, как контрреволюция в ответ на революцию, которая не состоялась, это реакция на максимализм и большевизм, но он, в свою очередь, представляет себя как революцию или воображает, что это именно так. По сути, сознательно или нет, он служит интересам настоящей буржуазии, но по своим действиям и по составу он не является движением буржуазии»⁸⁰. Эта оценка была справедливой. Сходные положения развивал позднее П. Тольятти в «Лекциях о фашизме», прочитанных в 1935 г. в Ленинской школе в Москве⁸¹. Но если оценки фашизма тем же Тольятти находили отражение в печати, то оценки социалистами, по крайней мере теми, кто претендовал на интеллектуальное лидерство, причин поражения левых такого отражения не находили. Хотя перешедший позднее в ряды социалистов А. Таска, равно как и сохранивший близость к ИСП К. Росселли, а также Ф. Турати, П. Ненни, Дж. Сарагат и многие другие не раз высказывались по этим вопросам.

Борьба сторонников и противников присоединения к Коминтерну обострилась летом 1921 г. в связи с подготовкой общенационального форума социалистов. 10–15 октября 1921 г. в Милане состоялся XVIII съезд ИСП, на котором партия попыталась оправиться от урона, нанесенного январским расколом с коммунистами и сохранить единство. На съезде были представлены 106 845 членов партии, входившие в 2843 секции.

Принятая большинством голосов (47 628) резолюция Баратто–Серрати декларировала отказ от участия в правительстве и неприятие классового сотрудничества. «Концентрационисты»

во главе с Турати набрали 19 916 голосов. Занимавшая промежуточную между этими двумя крыльями позицию группа Алессандри – 8000. Сторонников немедленного исключения реформистов, которых еще звали «терцини» (или «третьеинтернационалисты»), поддержали лишь 3755 голосов. Съезд одобрил сделанный ранее социалистами выбор в пользу III Интернационала, несмотря на то что ИСП к тому времени была из него исключена. В партии, однако, зрела оппозиция подобным решениям. Попытку возобновления отношений с Коминтерном отложили на год. Осуществить ее будет доверено Серрати, тогда как в партии начнет проявлять себя Ненни, недавно влившийся в ряды социалистов после выхода из республиканской партии. Он возглавит борьбу за сохранение самостоятельности ИСП, против ее подчинения III Интернационалу. Но в тот период уровень популярности русской революции в массах был высок, и руководство ИСП с этим считалось.

В октябре 1921 г. сторонники Турати оставались «в революционной партии, целью которой было полностью заменить индивидуалистский режим на режим социалистический прежними классовыми и непримиримыми методами». На XVIII съезде ИСП заявила о «несовместимости принадлежности к партии тех, кто одобряет участие во власти, и всех, кто выражает согласие с принятой в других странах и ведущей к катастрофе концепцией новой социальной демократии». Осуждалось «классовое сотрудничество и восстановление позиций переживающей кризис буржуазии»⁸².

Как замечает Галли, эта «новая социальная демократия» и «восстановление позиций переживающей кризис буржуазии» уже повсю проявились в ходе адаптации социалистических партий к представительной демократии в крупнейших странах Запада: Англии, Франции, Германии. В Испании социалистическая партия во главе с Ларго Кабальеро, прозванным впоследствии (во времена Народного фронта) «иберийским Лениным», и профсоюзы признали институциональные реформы, которые провел Примо де Ривера. В Англии было сформировано первое лейбористское правительство Макдоналда, бывшего лидера Независимой лейбористской партии, слившейся с лейбористами. Серрати был абсолютно прав, утверждая, что процесс подобного приспособления не имеет ничего общего с марксистской, классовой теорией социализма. Но он «представлялся необратимым и идущим вразрез с марксистским социализмом, который его приверженцы не хотели переосмыслить, равно как внутреннее содержание представительной демократии и самой социалистической партии,

предсказывавшей революцию, оставшуюся лишь в мечтах в прошедшем «красном двухлетии». ИСП после года жесткого фашистского наступления все еще начитывала в своих рядах 100 тыс. членов (в два раза больше, чем во время «Красной недели» 1914 г.), но продолжала «двигаться по инерции, без политического проекта»⁸³.

Взгляды левых социалистов и коммунистов отражает документ из архива Коминтерна под названием «Российская революция и итальянский пролетариат, 1917–1922». Он составлен Анджело Таской, проявившим себя неплохим аналитиком с литературным талантом. Документ возвращает нас к послевоенным событиям, автор попытался представить широкую историческую панораму. В течение первого периода российской революции с февраля по октябрь 1917 г. военная цензура в Италии усердствовала как могла, строго, но не всегда умно контролируя поступавшие отовсюду сведения о российских событиях, отмечал Таска⁸⁴. Рабочие и крестьянские массы Италии сразу же прониклись доверием к российской революции. После падения царского правительства буржуазные газеты и сеятели дурмана интервенции утверждали, что революция эта совершена для того, чтобы продолжать войну «до конца», что она помогает создать единый фронт Антанты и т.д. Никто в Италии не поверил министру Шалюе, когда после возвращения из России, куда он ездил во время правления Керенского, он заявил, что там все идет на лад.

Рабочие массы Италии восприняли русскую революцию как возмездие за то рабство и те страдания, которые они сами переносили во время войны, впереди им грезились великие цели – мир и власть рабочих. Когда в июне 1917 г. представители Петроградского совета приехали в Италию, они были удивлены энтузиазмом, с которым их приняли; их повсюду встречали возгласами «Да здравствует Ленин!» Очевидно, что российскую революцию массы воспринимали как социальную, а не политическую. Идеология советов как органа рабочей власти была близка итальянским рабочим.

На выборы 1919 г. рабочие и бедные крестьяне явились с программой российской революции. На своем избирательном бюллетене ИСП изобразила серп и молот, окруженные колосьями, напоминал Таска. Вместо «социалистический список» говорили «список серпа и молота», и даже неграмотные понимали, что значат эти символы. Ораторов социалистов повсюду встречали возгласами «Да здравствует Ленин!»; во всех рабочих и крестьянских домах, даже в самых заброшенных горных хижинах,

советский символ был распространен как излюбленный декоративный мотив. Портрет Ленина занял место рядом с портретом Маркса. Стены «украшали» надписи «Кто не работает, тот не ест» и «Земля крестьянам, фабрики рабочим, школы для всех». Если бы в Италии в 1919–1920 гг. была политическая партия, способная организовать массы, нет сомнения, власть была бы ими захвачена, полагал Таска.

В октябре 1919 г. в Болонье ИСП изменила свою программу, принятую на Генуэзском съезде в 1892 г., и сделала это, по мнению Таски, под непосредственным влиянием русского опыта. В 1920 г. было много рабочих выступлений, показавших, какое глубокое влияние оказала российская революция на рабочую среду. Рабочие в Турине и отчасти в других местах отказывались поставлять военное снаряжение. Это было вызвано опасением, что оно будет употреблено в действиях против Красной Армии. Произошли выступления железнодорожников против перевозок военного снаряжения и, наконец, захваты земель и занятие заводов. Во время занятия заводов повсюду водружалась советская эмблема, вооруженные рабочие, охранявшие заводы, называли себя «красной гвардией». Рабочие осознавали, что участвуют в таком же движении, как и то, которое закончилось советской революцией, подчеркивал Таска.

В Италии на российскую революцию смотрели с почти религиозным трепетом, «некоторые деятели итальянского социализма были обязаны своим влиянием и популярностью в значительной мере тому, что они побывали в России, видели Ленина, Троцкого, Зиновьева и других русских товарищей». Рабочие праздновали день годовщины революции, 7 ноября, в этот день фабрики оставались закрытыми и происходили рабочие манифестации. Жизненность советского режима, его «зверское движение к лучшему будущему» рядом с буржуазными государствами, находящимися «в состоянии полного разложения», служат для итальянских рабочих лучшим залогом успеха мировой революции, заключал Таска⁸⁵.

Тем временем партия Муссолини вместе со списком «национального блока» набрала на выборах 1921 г. в миланском округе 194 670 голосов, социалисты – 251 844, Народная партия – 101 131, КПИ – всего 21 442 голоса⁸⁶. Муссолини впервые попал в парламент, заняв с соратниками скамьи на крайне правом фланге. По отнюдь не бесспорному мнению исследователей-социалистов Дж. Ленера и В. Лагорио, некоторые лидеры социалистов, в том числе Ф. Турати, как, впрочем, и А. Грамши⁸⁷, не считали фашизм поначалу жизнеспособным движением, полагая, что он

вскоре исчезнет, но дальнейшие события заставили их пересмотреть взгляды.

В первой же парламентской речи Муссолини проявил себя как антидемократ и антисоциалист. Изгнанный семь лет назад из ИСП, он пытался достучаться до бывших товарищей, депутатов-социалистов. Он попросил его внимательно выслушать, аргументируя это тем, что когда-то был в числе их руководителей и «в их сердцах, вероятно, еще сохраняется скрытая ностальгия» по тем временам. Затем Муссолини обратился к депутатам от КПИ: «Я знаю коммунистов, потому что они являются моими сыновьями, следует понимать, духовными сыновьями. С полной открытостью, которая может показаться циничной, я подтверждаю, что был первым, кто заразил этих людей, когда внес в кровеносную систему итальянского социализма нечто из Бергсона и Бланки».

Муссолини обратился к депутатам-коммунистам как к «друзьям», замечает австрийский исследователь Георг Шойер. «Эти мои друзья или враги», заявил Муссолини, и со скамей коммунистов его перебили: «Враги, враги!» Несмотря на это, он продолжал давать им советы и изрек, что «настоящая история капитализма начинается лишь сейчас». Это высказывание «удивительным образом сочеталось с его призывом понять Ленина и начатую в СССР “новую экономическую политику”». Муссолини назвал Ленина «великим и фантастическим мастером, который по мере перековки человеческого материала должен был осознать, что он покрепче бронзы или мрамора»⁸⁸.

В письме Ленину из Рима от 25 сентября 1921 г. представителя РСФСР в Италии В.В. Воровского анализировалось положение дел в итальянском социалистическом движении. «Ливорнский раскол отнял от соцпартии наиболее решительный и революционный элемент, благодаря этому общий уровень революционности партии значительно понизился, — считал Воровский. — Среди влиятельных членов партии — вождей — имеется незначительная группа лиц, враждебных реформизму, коллаборационизму и т.п. мерзостям, но, во-первых, их слишком мало, чтобы отколоться в виде отдельной группы, во-вторых, они не пойдут к коммунистам, слишком еще свежо предание раскола и слишком еще сильно взаимное озлобление. Сейчас в предсъездовской агитации фигурируют собственно две группы: реформисты — так называемые концентрационисты, и серратиянцы, назвавшие себя почему-то максималистами».

Руководство двух групп, по мнению Воровского, воплощали два лидера: Турати и Серрати. «Политика обеих групп может быть с достаточной точностью сведена не только к идеологии, но

даже к индивидуальности обоих лидеров». Заклучая донесение, Воровский резюмировал: «пока что восторжествует опять единство», «рассчитывать на раскол напрасно; рассчитывать в случае раскола на близкое объединение отколовшихся с коммунистами тоже не приходится. Надо вести политику на раскол у социалистов и обуздывать партийный шовинизм у коммунистов. Мы это здесь делаем автоматически, желательно, чтобы Коминтерн проводил это как твердую политику»⁸⁹. Советы Воровского влияли на отношение Москвы к ИСП и ее лидерам, на линию Коминтерна в итальянском вопросе. Хотя в своих оценках Серрати, как и в прогнозах, Воровский часто бывал неправ.

Серрати, всеми силами старавшемуся не допустить нового раскола, приходилось маневрировать между максималистами и реформистами. Но его сопротивление нажиму с двух флангов имело пределы, в конце концов, как об этом писала Цеткин, он должен был выбрать какую-то одну сторону. В перехваченном ГПУ в начале мая 1921 г. письме меньшевика Абрамовича⁹⁰ (наблюдателя от 2 1/2 Интернационала), в срочном порядке переправленном Ленину, речь шла о состоявшейся в Берлине конференции трех Интернационалов, существовавших тогда в международном рабочем и социалистическом движении — 2 1/2, II и III, т.е. Коминтерна. Попытки примирения их позиций ни к чему не привели. Да и II и 2 1/2 Интернационалы к выработке общей позиции явно не стремились. Согласно Абрамовичу, этого хотели лишь представители Коминтерна. Но на Берлинской конференции «III-й Интернационал оказался в роли подсудимого: Вандервельде, Макдоналд и другие обвиняли, Радек отвечал: “зачем нам заниматься прошлым, забудем прошлое, установим общий лад”». Абрамович так описал выступление лидера итальянских максималистов: «Поднимается Серрати. Всей силой обрушивается на II-й, берет под защиту “историческую неизбежность террора” (аплодисменты у III-го). Но, когда он кончает, Бухарин громко говорит “лиса”. На нас речь Серрати произвела крайне неприятное впечатление», резюмировал Абрамович⁹¹.

Отношения фракций внутри итальянского социалистического движения оставались напряженными. После ухода в 1921 г. коммунистов у максималистов не складывались отношения и с реформистами. В результате на XIX съезде ИСП (1–4 октября 1922 г. в Риме) произошел еще один раскол, ослабивший партию. XIX съезд официально большинством голосов 32 106 против 29 119 санкционировал исключение реформистов из партии. Реформисты твердо защищали свои позиции, но резолюцию максималистов одобрило большинство. Путь к объединению макси-

малистов и коммунистов был открыт, но на деле его не удалось осуществить.

4 октября Турати и другие лидеры старой партийной гвардии из числа основателей ИСП образовали собственную Унитарную социалистическую партию (УСП). Секретарем партии стал Джакомо Маттеотти, ближайший соратник Турати из поколения молодых социалистов. В партию реформистов вошло большинство социалистической депутатской группы – 63 парламентария, треть депутатов осталась в ИСП, остальные заняли неопределенную позицию. В 1923 г. в партии насчитывалось всего 15 тыс.⁹²

«Происшедшее на съезде – это не исключение нас, а раскол», «мы – градуалисты», подчеркивал Турати в номере «Критика социале» от 16–31 октября 1922 г.⁹³ Новый орган реформистов «Джустиция» – «социалистическая ежедневная газета» – вышел 5 октября с заголовком «В Унитарной социалистической партии возрождается душа социализма». Партийные билеты в ИСП, как и в отколовшихся от нее партиях, по традиции обменивались ежегодно: отсюда данные о численности партийных рядов в том или ином году. На членском билете УСП 1922–1923 гг. значилось: Генуя 1892 г., было ясно, что партия претендует на преемственность традиций созданной Турати и его соратниками ИСП.

Оценивая этот период намного позднее, в 70-е годы, П. Ненни характеризовал его так. «Когда начался революционный подъем, не нашедший тогда политического выхода, который был найден двадцать пять лет спустя, ошибались как Турати, так и Бордига. Турати потому, что преодолел джолиттизм, который не мог оставаться таким же, как в первое десятилетие века, т.е. формой просвещенческого консерватизма и клиентелизма. (...) Бордига и вся руководящая группа коммунистов, включая Грамши, потому, что они питали иллюзии по поводу ленинистской революции», для которой в Италии «не было никаких условий». «Не имел большого смысла и максимализм Серрати», хотя «максималисты обладали большим моральным авторитетом и тесными связями с базовым рабочим движением». Серрати умел не уступать и продемонстрировал это во время войны, но он «не владел искусством политики». Его «нет» в Ливорно по поводу раскола партии привело к выбору неверной позиции, поскольку, «следуя своей политической логике, он должен был порвать с Турати и остаться с Бордигой и туринской группой “Ордине нуово”, но он этого не сделал»⁹⁴.

После исключения реформистов-туратианцев из партии на XIX съезде в Риме максималисты еще раз попытались объединиться с коммунистами на основе совместного вхождения в

III Интернационал. Возникло течение третьей интернационалистов, готовых привести ИСП в Коминтерн. IV конгресс Коминтерна в Москве, на котором присутствовал Серрати, одобрил такой поворот дел. Заменявший Серрати во время его отсутствия на посту главного редактора П. Ненни в опубликованной в «Аванти» 3 января 1923 г. статье выступил против слияния с коммунистами и за сохранение автономии ИСП: «Для меня нет сомнения, что избранная Москвой тактика ошибочна». Невозможно объединить две партии, «когда оба Центральных Комитета этого не хотят», и более того, политическая линия партий совершенно различна, подчеркивал Ненни⁹⁵.

IV конгресс Коммунистического интернационала одобрил слияние ИСП и ИКП. Однако и коммунисты, и делегация социалистов во главе с Серрати выдвинули существенные оговорки. Большинство социалистов, согласно Ненни, восприняли это не как слияние, а как ликвидацию их партии. Более того, они посчитали, что Серрати превысил полномочия, данные ему руководством партии. В Милане возник комитет, выступивший против слияния двух партий. Этот конфликт вызвал кризис в редакции «Аванти». Ненни в противовес Серрати представлял в редакции комитет сопротивления. В конфликт вмешались фашисты: 1 марта 1924 г. «за разжигание классовой ненависти» был арестован вернувшийся из Москвы Серрати, а 2 марта – Ненни за произнесенную в Цюрихе речь, посвященную политической борьбе в Италии. Ненни освободили через несколько дней, а Серрати оставался в тюрьме еще много месяцев. Чрезвычайный съезд ИСП, собравшийся, чтобы решить вопрос о слиянии двух партий, огромным большинством голосов высказался против этого⁹⁶.

Ненни занял пост главного редактора «Аванти» в марте 1923 г. и с тех пор стал признанным партийным лидером. Его линия на автономию ИСП привела к тому, что Серрати и его последователи оказались изолированными. Расколы и несогласия в партийном руководстве, колебания в определении стратегии и тактики осложнили положение, в итоге уровень влияния социалистов в массах упал. О положении в Италии и в социалистическом движении в целом советских товарищей регулярно информировал Н. Бомбаччи⁹⁷, впоследствии вставший на сторону фашизма.

На прошедшем 15–17 апреля 1923 г. в Милане XX съезде ИСП большинство делегатов поддержало позицию Ненни. Съезд стал последним перед роспуском партии в условиях, когда фашисты нанесли решающий удар итальянской демократии, запретив деятельность всех партий, кроме собственной. Дискуссия на

съезде не помогла партии преодолеть серьезные трудности, в которых она оказалась. Число членов ИСП сократилось до исторического минимума – до 10 тыс⁹⁸.

Отсутствие сплоченности и необходимого руководства в среде социалистов помешали в начале 20-х годов созданию действенного народного антифашистского фронта. О расколах в среде социалистов с горечью говорилось в «Манифесте фракции максималистов итальянским социалистам». Он увидел свет после выхода из партии коммунистов, а затем и реформистов.

«Товарищи, наша партия переживает крайне тяжелый момент, – говорилось в манифесте. – Острый кризис, в котором бьется капиталистическая буржуазия без возможностей исхода, вынуждает правящий класс искать свое собственное спасение, взвалив все тяжести войны на рабочий класс. Именно рабочие, которые не желали проклятой войны, вынуждены теперь выносить на своих плечах все ее тяжелые последствия. Все политические и экономические завоевания рабочих организаций отныне должны быть аннулированы. Так называемое восстановление нации (которое является не чем иным, как реорганизацией существующего режима) должно произойти во вред трудящимся, во вред их требованиям, их программе, их с трудом достигнутым успехам»⁹⁹.

Иным был подход коммунистов. В относящемся к более позднему времени, по-видимому середине 20-х годов, документе из архива Коминтерна представлена позиция КПИ: «Мы призываем итальянскую партию бороться за роспуск парламента с целью установления рабочего правительства. Коммунисты должны изъяснить готовность заключить блок с социал-демократической партией при установлении минимальной программы тех условий, которые должно осуществить рабочее правительство, и поддерживать ее, поскольку оно отстаивает интересы рабочего класса. Если Итальянская социалистическая партия согласится на это, тогда возникнут бои, которые разыграются не только на парламентской почве. (...) Если Итальянская социалистическая партия отклонит наше предложение, тогда массы увидят, что мы им показали конкретный выход, в то время как социалистическая партия совершенно не знает, как быть. (...) Удачная и каждая неудачная попытка установления общего фронта разоблачит социалистическую партию и усилит коммунистическую»¹⁰⁰.

Напрямую о революции в Италии уже не говорилось. Коминтерн и большевистское руководство сосредоточили теперь внимание на разжигании пламени революции в Германии. В августе 1923 г. в Москве было признано, что неизбежны военные дейст-

вия в поддержку германской революции, но при этом надо отказаться от любого политического сотрудничества коммунистов и социал-демократов в ходе ее развития. С точки зрения Троцкого, германским коммунистам следовало закончить подготовку вооруженного восстания к 9 ноября, пятой годовщине свержения монархии Гогенцоллернов. К. Радек предостерегал все же от слепого копирования в немецких условиях опыта русских большевиков. В момент осуществления коминтерновских предначертаний в ноябре 1923 г. КПГ оказалась бессильной что-либо сделать. Посланный в Германию Радек, оправдывая себя и немецких коммунистов, сообщил тогда, что «фашизм победил Веймарскую республику». Отсюда берет начало «левый поворот» Коминтерна и последующее отношение к социал-демократии как к «социал-фашизму»¹⁰¹. Стало ясно, что никакой «революционной ситуации» в Германии не существует.

В Италии положение тоже резко изменилось, на смену «красному двухлетию» пришло «черное двухлетие», и ситуация была в корне другой. В 1921–1922 гг. лагерь главных политических противников социалистов набирал силу: в рядах фашистов насчитывалось уже 300 тыс. человек. В ноябре 1921 г. фашистская партия провозгласила программу, согласно которой, все интересы, личные и общественные, должны были быть подчинены высшим интересам нации. Отряды сквадристов были реорганизованы в фашистскую милицию, выстроенную по иерархии. В январе 1922 г. в Болонье прошел съезд фашистских профсоюзов.

Экономический кризис достиг апогея в январе 1922 г. 607 тыс. человек не имели работы. Обанкротились ведущие промышленные предприятия «Ильва» и «Ансальдо», крупный банк — «Банка ди сконто». Находившийся у власти с 18 июля 1921 г. после отставки правительства Джолитти кабинет под руководством Бономи (до этого бывший интервентист Бономи тесно сотрудничал с бывшим нейтралитом Джолитти) намеревался навести порядок в стране. Но «на деле перед лицом параллельного кризиса фашизма и социализма, которым характеризовался период его нахождения у власти, Бономи не удалось отстоять автономность и последовательность либерального государства», подчеркивал Л. Кортези¹⁰². Сразу же после вступления в должность Бономи способствовал заключению «пакта примирения» между фашистами и социалистами, который был подписан 3 августа 1921 г. С помощью этого пакта Муссолини рассчитывал вывести фашистское движение из политической изоляции. В свою очередь, Бономи рассчитывал ввести новые политические силы в парламентское русло, чтобы не дать объединиться враждебным государст-

ву течениям. Но политика умиротворения не принесла успеха. 2 февраля 1922 г. Бономи подал в отставку, и 25 февраля его сменило собранное с миру по нитке правительство, возглавленное Фактой.

Анализируя этот кризис, только что вернувшийся из 10-дневной поездки в Берлин представитель РСФСР в Италии Воровский отмечал, что «король приглашал и правых, и левых, то Джолитти, то Де Никола, то опять Бономи, но никому не удавалось заручиться согласием достаточного числа парламентских групп. Главная борьба шла между демократами и пополяри». Был момент, когда «у социалистов было настолько остро желание войти в правительство, что они даже негласно апеллировали к нашей поддержке», подчеркивал Воровский. В посольство явился некто Панелла, который «год тому назад сидел в Ревеле и через Балабанову просился в Россию». Он утверждал, что «социалисты должны войти в министерство, так как этого требуют интересы рабочих». Нечего считать с постановлениями съезда социалистов, «надо дерзать, а будущий съезд утвердит это постфактум». К сожалению, отметил Панелла, «они боятся сделать этот шаг без одобрения Москвы». «Вот если бы Москва (Ленин) открыто высказалась за то, что для общего дела и для Советской России полезно их вхождение в министерство, они бы это сделали не задумываясь и поддержали бы в Генуе признание Советской власти». Воровский отмечал, что, конечно, «Ленин не может открыто вмешиваться в итальянские дела», но что напрасно они думают, что он такой противник их вхождения в министерство. Ленин неоднократно говорил, что реформисты самим ходом событий «толкаются вправо, и раньше или позже вынуждены будут войти в правительство, туда им и дорога». А если «несогласная часть партии отколетя от них, тем лучше».

Панелла остался очень доволен этой точкой зрения, продолжал Воровский. После этого в посольство «пришли мастодонты: Турати, Модильяни, Д'Арагона, Вернианини и еще какой-то пятый. Вели длинный, скучный разговор насчет торговых отношений с Россией, конечно, в интересах рабочих, но при этом весьма подробно изучали гарантии для промышленников, а под конец, уже уходя, будто бы вскользь затронули этот же вопрос, о вхождении в министерство». «Наиболее наивный из них, Вернианини, воскликнул: "Ах, если бы была телеграмма от Ленина, чтобы Турати, Тревес, Модильяни вошли в министерство"». Модильяни скромно признался, что на этот раз уже ничего нельзя сделать, но что надо готовить этот шаг». Расставшись с гостями, Воровский записал в дневнике, что он «не вправе предпринимать

политику Коминтерна», но если бы «какой-нибудь шутник подделал бы от них телеграмму (от Ленина) и они вошли бы в министерство, то от этого была бы большая польза, так как они не замедлили бы скомпрометировать себя». «Желанное очищение социалистической партии от реформистов стало бы неизбежным»¹⁰³.

«Только 25 февраля с горем пополам удалось разрешить кризис», формирование кабинета было поручено депутату Факта, бывшему министру казначейства при Джолитти и его ставленнику. В кабинет вошли: «7 человек от объединенных демократов, 3 пополяра, 1 аграрий, 1 социал-реформист, кроме того 2 сенатора», — доносил Воровский наркому Литвинову. По мнению Бономи, выступившему в Палате депутатов 17 февраля с опровержением критики против него со стороны ряда парламентариев, новый кабинет не мог не быть коалиционным. После окончания полномочий правительства Факты и в июле 1922 г. Бономи вновь получил возможность составить кабинет. Приглашенный 24 июля королем, он изложил выработанный совместно с Турати, с которым не прекращал отношений, проект. Бономи был готов сформировать «левое правительство при поддержке социалистов, но без их участия» в самом кабинете. Этот план он трактовал как противодействие «наступлению нелегальности и насилия». Король был «сверхдоволен» предложенным решением, эту идею одобрили и «пополяри», но ее не поддерживали демократы, на которых рассчитывал Бономи. Джолитти, на кого он особенно надеялся, был против объединения «пополяри» и социалистов. Противодействие оказала и ИСП, разделившаяся по вопросу поддержки правительства: «за» выступило большинство парламентской фракции, «против» — максималистское руководство, готовое поддержать будущий кабинет Бономи в парламенте лишь по отдельным конкретным вопросам, но поддерживать его систематически оно не собиралось.

В результате 27 июля Бономи отказался от предоставленного мандата. Сформировать правительство не удавалось еще и потому, что и сам Бономи, и Джолитти были скомпрометированы их благосклонным отношением к фашистам в предыдущий период. На какое-то время Бономи ушел в тень, и его молчание по поводу «похода на Рим» и захвата власти фашистами вызвало впоследствии обвинения со стороны П. Гобетти, блестящего молодого интеллектуала либеральных взглядов, который прожил короткую жизнь, но оставил глубокий след в истории итальянской политической культуры. Некоторые иллюзии Бономи питал, получив известия о новом расколе ИСП и выходе из нее турати-

анцев. Он рекомендовал своему учителю Турати, ставшему лидером Унитарной социалистической партии, путем критики фашистского правительства и выдвижения конкретной программы добиться «возобновления чуда победоносного сопротивления» 1898–1900 гг.¹⁰⁴.

В отличие от занятой максималистами позиции ожидания и упования на приход революции, реформисты с начала 1922 г. пытались наладить сотрудничество с прогрессивной частью буржуазии. Для них это было не «предательством» идей социализма, а попыткой защитить свободы и демократические институты. «Мы живем в революционную эпоху, — отмечалось в редакционной статье “Критика социале” от 1–15 августа 1922 г. — и этому вовсе не противоречит тот факт, что настоящая фаза характеризуется жестоким буржуазным насилием. Только глупцы представляют будущее общества как систематический прогресс, без скачков вперед и без резких откатов назад. Оказать сопротивление на этой фазе, чтобы сохранить за пролетариатом его гражданское оружие борьбы в то время, как разгорается односторонняя гражданская война, при помощи которой надеются выбить это оружие у него из рук... это дело в высшей степени социалистическое, пролетарское и поистине классовое»¹⁰⁵.

Чехарда со сменой кабинетов свидетельствовала и о нестабильности ситуации 1919–1922 гг. и о беспомощности политиков перед лицом социальной стихии. Правительство Факты оказалось последним либеральным кабинетом перед приходом в власти фашистов. Благие намерения министра внутренних дел К. Таддеи остановить наступление фашизма наталкивались на сопротивление праволиберальных членов кабинета и самого Факты. Фашисты продолжали атаковать и терроризировать противников. Организовать единый фронт сопротивления ни социалистическому движению, ни другим противникам фашизма не давали расколы и колебания в их рядах. Лидер католической Народной партии дон Стурцо в момент острейшего политического кризиса в октябре 1922 г. дал понять, что не поддержит Джолитти, который мог бы положить конец кризису, потому что тот был ранее благосклонен к фашистам. Как справедливо отметил П. Алатри, Джолитти всей своей послевоенной политикой способствовал «больше приближению, чем отдалению фашистской диктатуры»¹⁰⁶.

Фашистское движение, не встречая надлежащего отпора со стороны политических противников, раздиравшихся острыми противоречиями, действовало все более нагло и безнаказанно.

Во время февральского правительственного кризиса 1922 г. фашисты устраивали шумные манифестации под лозунгами «Долой парламент!» и «Да здравствует диктатура!»

Анализируя события 1919–1922 г. Дж. Галли отмечал, что исходя из развития европейской ситуации в послевоенное пятилетие, можно считать, что «поражение итальянского социализма – как прямого и непосредственного последствия войны – представляет собой феномен исключительно итальянский». Можно предположить, что поражение было обусловлено тем, что ИСП оказалась «парализованной в результате тенденций, развивавшихся в ней с самого ее рождения».

В острой историографической полемике не раз задавался вопрос: возможна ли была в послевоенной Италии революция по русскому образцу? – замечает Галли. Для такой возможности должны были быть соответствующие предпосылки, как объективные – сильное массовое движение, восстания, кризис буржуазной гегемонии, так и субъективные, в частности – умелое руководство революционной партии. По аналогии с развитием событий в других странах послевоенной Европы можно предположить, что для ИСП было бы реалистичнее взять курс на стабилизацию ситуации, укрепление представительной демократии, либо участвуя в правительстве, либо действуя как конструктивная оппозиция. Это та самая линия, которую защищал Турати с середины 1922 г. совместно с лидерами других крупнейших социалистических партий Европы.

Но эта более реалистическая возможность не исключала и другой, согласно которой Италию можно считать западной страной, где «объективные» условия были сходны с русскими, но гражданское общество и, следовательно, представительная демократия были более жизненны и развиты. На это потом обратит внимание Грамши, выдвинув гипотезу позиционной войны в Италии в противовес «маневренной войне», выигранной большевиками. Под лозунгами передачи земли крестьянам и установления мира сторонники Ленина получили большинство в Советах, их поддерживали солдаты, происходившие из крестьянства. Далее предстояло решить вопрос о применении насилия. В Италии насилие широко использовали фашисты, что и объясняет их успех. Цифры роста рядов ИСП и ВКТ (в 1920 г. число входивших в это объединение достигло, по мнению лидера ВКТ Риголы, «фантастической» цифры в 2,3 млн человек) были в те годы внушительными, но социалисты не воспользовались поддержкой масс, а ведь именно тогда численность рядов ИСП увеличилась с 70 тыс. в 1919 г. до 200 тыс. и росла вплоть до съезда в Ливорно.

Захват фабрик стал победой, значение которой тут же сошло на нет в связи с развернувшимся в стране наступлением фашизма.

Суть главного противоречия «красного» и «черного» двухлетья можно свести к следующему: неспособность руководства ИСП овладеть ситуацией провоцировала спорадический подъем пролетарского насилия, которое фашисты умело использовали для достижения своих политических целей. «Насилие на словах», к которому прибегали социалисты, на деле практиковалось редко. Эта слабость и уступка инициативы фашистам привели партию к поражению, а заодно и представляемого ею класса общества¹⁰⁷.

На национальном уровне раскол в лагере социалистов изменил политическую панораму в стране. Как отметил П. Мальвестити, была утрачена свобода. Выступая 20 декабря 1922 г. в Турине, лидер партии «Пополари» дон Стурцо подчеркнул, что фашизм убил итальянскую демократию, потому что ее сторонники не сумели оказать ему никакого сопротивления, ни идейного, ни практического. Определенная фаза итальянской жизни миновала, а фашисты уничтожили уже совершенно пустопорожнюю структуру, заявил Стурцо¹⁰⁸.

При безвольном правительстве Факты фашисты чувствовали себя хозяевами положения, подчиняя одну провинцию за другой. Власть фашистам удалось взять с помощью массовой атаки на демократические устои. В октябре 1922 г. был создан фашистский квадрумвират для организации военного переворота. 24 октября в неаполитанском оперном театре Сан-Карло начал работу фашистский съезд. Кроме делегатов, в город прибыли 40 тыс. рядовых фашистов. Муссолини на съезде выдвинул ультиматум правительству, требуя предоставления фашистам ряда ключевых министерских постов. По окончании съезда он с трибуны приветствовал демонстрацию собравшихся в Неаполе фашистов, было решено двинуться на Рим. «Поход на Рим» фашистских колонн из разных мест Италии начался 28 октября.

Король отверг компромиссные предложения премьера Факты и отказался подписать декрет о военном положении, по которому войска могли бы разогнать фашистов. 30 октября Муссолини прибыл в Рим, когда в город уже входили фашистские отряды. Под прямым давлением фашистской «улицы» Виктор Эммануил III поручил ему сформировать правительство. Рапортуя королю, Муссолини заявил: «Прошу прощения у Вашего величества, что вынужден предстать в черной рубашке, прибыв прямо с поля

сражения, к счастью, бескровного... Приношу Вашему величеству Италию Витторио Венето, освященную победой, и являюсь преданным слугой Вашего величества»¹⁰⁹.

Фашисты одержали победу, на которую они едва ли надеялись. Как позднее утверждал П. Ненни, «еще 28 октября Муссолини не знал, следует ли ему сесть в автомобиль и укатить за границу или в спальный вагон, чтобы добраться до Рима и Квиринала». Оказался прав Бадольо, считавший, что достаточно было бы нескольких выстрелов, чтобы рассеять лагерь фашистов, хотя сам поспешил примкнуть к фашистам. «Таковы были реалии официальной Италии, и именно поэтому реформистские планы являлись иллюзией, так как не было сил, которые могли бы реализовать туратианский проект»¹¹⁰. Соратник Турати Дж. Маттеотти, комментируя приход фашистов к власти, заметил: «Трагедия-фарс, кажется, закончилась»¹¹¹.

Характеризуя общую напряженную обстановку в Риме и в стране в целом, Воровский доносил в Москву 1 ноября 1922 г.: «Живем в осадном положении: ворота на запор, без надобности не выходим, в карманах револьверы и выработали план обороны». «Охранять нас некому, зато Советское правительство поправит свои финансы этой экономией», если в посольстве никто не останется в живых, мрачно заключал Воровский¹¹². Тон донесения от 19 ноября был более сдержанным: «После бурных инцидентов первых дней занятия Рима фашистами и образования министерства Муссолини постепенно стало наступать спокойствие: в Риме быстрее, в провинции медленнее. Фашисты, став правительством, были вынуждены переменить тактику и выступить против “иллегализма” (нелегальных действий. — ВЛ.) своих же фашистов»¹¹³. Воровский подметил, что фашистский режим стремился с самого начала поставить под свой контроль сообщения о ситуации в Италии даже зарубежными средствами массовой информации. Подобный подход станет затем общим для всех тоталитарных режимов.

Воровскому через итальянский МИД (генеральному секретарю которого Контарини было известно о двух тенденциях в Москве: «за» и «против» установления нормальных дипломатических отношений с Италией, как и то, что «сторонники разрыва инспирируются итальянскими коммунистами») удалось договориться о встрече с Муссолини. Новый премьер-министр принял советского представителя 15 ноября «весьма дружественно» и тут же заверил, что «Италия намерена идти на полное сближение с Россией». Муссолини проявил себя трезвым политиком. Он заявил Воровскому: «Советская власть прочна, всякие упо-

вания на восстания, стачки, Врангеля и пр. – вздор; Италия не желает вмешиваться во внутренние дела России, так же как не желает, чтобы Россия вмешивалась в ее дела. В своей политике Италия будет руководствоваться не гуманитарной болтовней, а реальными интересами и на этой почве готова договориться о признании Советского правительства де-юре. В своей общей политике Италия, если не добьется полного равенства внутри Антанты, будет ориентироваться на восток, т.е. на Россию и Германию»¹¹⁴.

Муссолини добавил, что завтра же сделает в парламенте заявление в таком духе, и сделал, сообщил Воровский, направляя в Москву стенограмму его речи. Общая ситуация сейчас такова, что предприниматели «бросятся на сближение с Россией». «Правительство Муссолини, по моему убеждению, – отмечал Воровский, – способно заключить с нами окончательный договор о признании де-юре, но оно не сделает этого даром. На первом месте встанет вопрос об удовлетворении итальянских претензий». По предположению Воровского, речь могла пойти о предоставлении концессий итальянским капиталистам, возвращении в Россию бывших итальянских колонистов (главным образом рабочих, ремесленников, земледельцев, торговцев), крестьянской эмиграции в области, прилегающие к Черному морю, а возможно, и в Туркестан.

Присущий руководителям двух государств политический прагматизм не мешал выстраивать уже с самого начала существования фашистского режима обоюдные выгодные отношения. Хотя острая полемика в идеологической сфере, старания Коминтерна поддерживать революционные тенденции и левое крыло в ИСП продолжались, на развитие этих отношений в тот период они почти не влияли. Вопрос об установлении дипотношений был решен лишь спустя пятнадцать месяцев после встречи Воровского с Муссолини. Его заявления российскому представителю и речи в парламенте должны были «смягчить нападки оппозиции», справедливо отмечается в сборнике «Москва–Рим. Политика и дипломатия Кремля, 1920–1939»¹¹⁵. Муссолини нужны были козырные карты для борьбы с непримиримыми противниками – коммунистами и социалистами.

Выступая 16 ноября в парламенте, Муссолини рядился в тогу победителя, и хотя у его партии было всего 7% голосов, он не сомневался, что за составленное им коалиционное правительство с участием связанных с крупным капиталом министров парламентарии проголосуют. Он потребовал полноты власти и пригрозил, что Палата депутатов просуществует недолго. Никто из парла-

ментариев ему не возражал, и лишь социалист Модильяни, выкрикнул: «Да здравствует парламент!». Против доверия правительству голосовали социалисты и коммунисты. Но Муссолини удалось сломить парламентскую оппозицию, а со временем захваченная фашистами исполнительная власть подчинила себе и власть законодательную.

1922–1925 гг. стали временем ползучего захвата фашистами всех командных высот в политике, осуществлявшегося под лозунгом ликвидации анархии в стране и установления порядка. Страх перед «большевизмом» был все еще велик – страх повторения в Италии русского примера, который фашисты эксплуатировали сполна. Изданный в начале 1923 г. королевский декрет подтвердил полномочия фашистской милиции, преобразованной в государственную структуру – Добровольную милицию национальной безопасности (ДМНБ). Был создан Большой фашистский совет (БФС), вмешивавшийся в принятие всех важных решений. В фашистскую партию влились националисты. Другие политические силы искали сотрудничества с фашизмом, так, например, повела себя группа Бономи.

Фашисты надеялись стабилизировать экономику, положение в обществе. Установление режима сильной руки действительно усилило приток капитала в экономику. Правительство обложило непомерно тяжелыми налогами в первую очередь трудящихся города и деревни. Был издан декрет, разрешавший продление ежедневного труда на два часа, соответственно увеличилась продолжительность рабочей недели. 1 мая 1923 г. рабочие ответили протестом, многие из них не вышли на работу, произошли волнения железнодорожников. Но фашистам удавалось укреплять свои позиции, и забастовки рабочих не имели успеха. Ночью 10 декабря 1923 г., констатировав в дневнике Дж. Маттеотти, сразу после подстрекательской речи в парламенте фашистского министра Джурати с его нетерпимостью к оппозиции, в редакцию газеты Унитарной социалистической партии «Джустиция» нагрянули фашисты и учинили погром¹¹⁶.

На установление фашистского режима в Италии реагировали за рубежом. Публикуя в конце 1922 – начале 1923 г. репортажи своего корреспондента из Италии, английская газета «Дейли мэйл» представляла читателям послевоенные социально-политические сражения в стране как «дуэль между красным драконом и черными рубашками». О том, насколько неадекватным тогда было представление общественного мнения Европы о фашизме, свидетельствуют такие оценки этого органа печати: «Последние (т.е. фашисты. – В.Л.) играли роль Давида, которому надлежало

сразить большевистского Голиафа». «Впервые за последнее пятидесятилетие в бой вступила демократическая сила, которая сильнее социализма и коммунизма Маркса». Одновременно раздувался миф о достоинствах Муссолини как о «деятеле масштаба Кромвеля», представлявшегося фашистской прессой незаменимым демиургом итальянской политической сцены¹¹⁷.

В мае 1924 г. исполнительный комитет фракции третьинтернационалистов в ИСП, к которым относился и Серрати, составил обращение «Ко всем товарищам Итальянской социалистической партии». В нем сообщалось, что в июне в Москве состоится V конгресс Коминтерна, на котором еще раз будет обсуждаться итальянский вопрос. Решения, принятые этим конгрессом, окажут несомненное влияние на определение политической линии итальянского пролетариата. События, по мнению третьинтернационалистов, показывают, что руководители ИСП отдаляются от III Интернационала, чтобы сблизиться с Лондонским Интернационалом. Начиная с 1920 г. Коминтерн не раз предупреждал о реформистской и коллаборационистской опасности. Не следуя в русле событий, партия обрекла себя на внутренний кризис, который во многом обусловил поражение 1922 г. III Интернационал считает, что политика нынешнего руководства уводит социалистов в правый лагерь. Партийное руководство решило преследовать третьинтернационалистов, программа которых включала такие пункты: 1) подтверждение решений ИСП, принятых на послевоенных съездах, от Болоньи до Рима, 2) борьба против двойственной политики нынешнего руководства партии, 3) осуждение руководства за отказ от предвыборного соглашения «Пролетарского единства», 4) классовое, революционное, интернационалистское единство на политической и профсоюзной основе, 5) присоединение к III Интернационалу. После Миланского съезда социалисты должны выступить за присоединение к Коминтерну не на словах, а на деле, подчеркивали третьинтернационалисты¹¹⁸.

В начале 1924 г. коммунисты предложили трем партиям – КПИ, ИСП и УСП – выступить единым фронтом. После провала переговоров ИСП решила пойти на блок с КПИ без участия УСП, но желаемого и на этот раз достичь не удалось, слишком велики были разногласия. Тем не менее группа третьинтернационалистов влилась в ИКП, а приход к коммунистам влиятельных социалистических руководителей (Серрати, Маффи и других) имел немалое значение для потенциального восстановления единства партий рабочего класса.

В условиях некоторой стабилизации экономики, что фашисты считали своей заслугой, 6 апреля 1924 г. прошли парламентские

выборы. Фашисты провели в парламент 374 депутатов, все другие партии лишь 157, из них УСП – 24, ИСП – 22, КПИ вместе с группировкой третьей интернационалистов – 19.

Оппозиция полагала, что результаты выборов, проходивших в обстановке не прекращающегося насилия, напрямую сфальсифицированы фашистами. Фашистский блок победил благодаря принятому накануне парламентом новому избирательному закону, «закону Ачербо», по которому партия, получившая относительное большинство на выборах, обретала абсолютное большинство в парламенте*. 30 мая со смелой, обличительной речью в парламенте выступил секретарь УСП Дж. Маттеотти, обвинивший фашистов в насилии и подлогах. Фашистские депутаты пытались заставить его замолчать, перебивая злобными выкриками, но он довел выступление до конца, после чего заявил своим друзьям: «Теперь вы можете готовить для меня надгробную речь». 8 июня газета миланских фашистов «Великая Италия» провокационно заявила: «Маттеотти есть элемент той шайки, которую... дуче намерен разгромить»¹¹⁹. А 10 июня озлобленные нелицеприятными разоблачениями, фашисты решились на крайний шаг: Дж. Маттеотти, обвинивший фашистов в фальсификации итогов выборов, исчез¹²⁰. Никто не сомневался, что фашисты убили противника-социалиста, осмелившегося сказать правду, как ясно было и то, что ответственность за это преступление целиком лежала на Муссолини. Это убийство, казалось, переполнило чашу терпения, повсюду вспыхивали митинги протеста, страна бурлила. Впоследствии выяснилось, что похищение и убийство осуществила группа молодчиков во главе с неким Думини. Тело Маттеотти было найдено лишь 16 августа. Фашистское руководство всячески открещивалось от этого преступления, сваливая все на рядовых фашистов. После этого события фашистский режим переживал серьезный кризис, Муссолини в тот период был совершенно деморализован¹²¹.

Парламентские группы УСП, ИСП, КПИ, Народной партии, республиканцев, «Конституционная оппозиция», «Социальная демократия» приняли в связи с убийством депутата 14 июня резолюцию о невозможности продолжения работы в парламенте. 27 июня партии оппозиции провели в Монтечиторио заседание

* В итальянской истории это не единственная попытка предоставления преференций партии, получившей относительное большинство голосов. С помощью подобного закона (*legge truffa*), отвергнутого в 1953 г. оппозицией, пытались удержать власть христианские демократы, а в 2006 г. – Берлускони, потерпевший поражение как раз по условиям принятого в конце 2005 г. послушным ему парламентом нового закона.

в память Маттеотти. Они заявили, что не станут участвовать в работе этого парламента до тех пор, пока в стране не будет восстановлен правопорядок.

Так родилась Авентинская оппозиция. Название было взято из истории и напоминало о том, что когда-то плебеи в Древнем Риме, протестуя против несправедливого отношения к ним патрициев, удалились на Авентинский холм. В рамках Авентинской оппозиции произошло сближение ИСП и УСП. Но идею объединения этих двух распавшихся частей социалистической партии тогда реализовать не удалось¹²². Хотя Авентинская оппозиция была далека от сплоченности, по оценке Ненни, «Авентин стал моральным фактором долговременного значения»¹²³.

Признанные лидеры либералов Саландра, Орландо, Джолитти оставались в парламенте вместе с фашистами. Они были готовы перейти в оппозицию, но к объединению с авентинскими демократами не стремились. КПИ в конце концов также предпочла действовать в стенах парламента, а не вместе с Авентинской оппозицией. Это ослабляло рабочее движение, способствовало углублению раскола между двумя социалистическими партиями, оказавшимися в рядах Авентина, и коммунистами. Оппозиция требовала отставки правительства.

Муссолини и его партия прибегли к тактике выжидания, надеясь преодолеть кризис. Страна, уже уставшая от двухлетнего правления фашистов, характеризовавшегося насилием, все большим ограничением всех свобод, была охвачена волной сопротивления. Находившийся в тот период в Милане Ненни предлагал объявить всеобщую забастовку. Но его поддержали лишь коммунисты. Большинство антифашистов не верили в успех массовых движений¹²⁴. «Моральная революция» Авентина, как ее назвал в одной из статей в «Критика сочиале» К. Тревес¹²⁵, давление оппозиции, пытавшейся вернуть страну к демократии и политическим свободам, не увенчались успехом. Монархия оппозицию не поддержала. Разногласия среди ее партий не дали выработать план действий против фашизма, привлечь на свою сторону оставшиеся инертными массы.

Лидеры УСП оправдывали «последовательную позицию» своей партии и не признавали какой-либо вины за поражение Авентина. В противовес подобным самооправданиям подававший надежды молодой ученый Карло Росселли на страницах «Куарто стато» призывал социалистов к самокритике. Под давлением все более изолированной действовавшей фашистской цензуры в конце 1926 г. издание «Критика сочиале», основанной Турати и Кулишовой в 1891 г., прекратилось.

Фашистскому режиму удалось спастись, предав суду всех участников, вдохновителей и исполнителей убийства Маттеотти. Растерянный поначалу Муссолини под давлением наиболее экстремистски настроенных деятелей фашистского движения, таких, как Р. Фариначчи, принял меры по преодолению кризиса. На сторону Муссолини встала Савойская монархия. Особенно его защищала королева мать. По-видимому, не без ее поддержки премьер-министр получил высшую награду – орден Аннунциаты и золотую цепь к нему. Этот высокий орден вручался на протяжении всего шестисотлетнего существования династии лишь двадцать раз. Теперь Муссолини получил право называть короля своим кузеном¹²⁶. Уже в речи в сенате 5 декабря Муссолини продемонстрировал, что владеет ситуацией. Он выдвигал бесприорышный, с его точки зрения, аргумент: «если вы освободитесь от фашизма, то снова получите социализм»¹²⁷.

3 января 1925 г. Муссолини, выступая в парламенте, заявил, что фашисты применяют силу для разрешения конфликта. Он брал на себя всю «историческую и моральную ответственность» за действия фашистов и убийство Маттеотти. Эта речь знаменовала собой окончательный шаг к установлению фашистской диктатуры. Поднятая после этого так называемая вторая волна фашизма означала новые погромы оппозиционных организаций, их печатных органов. Теперь в правительство входили лишь фашисты. Рабочие ответили забастовкой, ставшей серьезным испытанием для фашистского руководства. Оно отреагировало на стачку запретом профсоюзов социалистической и демократической ориентации и установлением монополии фашистских профсоюзов.

Сотрудник советского представительства Кирдецов, поддерживавший связи с социалистами и более двадцати лет писавший статьи в «Аванти» и «Критика сочиале», привел 5 января 1925 г. в своем дневнике отзыв А. Лабриолы об этом выступлении дуче: Лабриола был «панически обеспокоен» после «объявленной вчера вождем фашизма кровавой войны». Комитет объединенной оппозиции не принял пока никаких окончательных решений, он только наметил ближайшее заседание, «если, конечно, к тому времени мы не будем лишены свободы», – заявил Лабриола Кирдецову. «А скажите по совести, прав ли был Муссолини», утверждая вчера в парламенте, что “у вас гражданская война, т.е. работа ЧК стоила 150 000 тысяч человеческих жизней”?» – спросил его Лабриола¹²⁸. Судя по всему, ответа не последовало.

КПИ провела в январе 1926 г. свой III съезд за пределами Италии, в Лионе. А. Грамши подготовил новую программу, названную «Лионские тезисы». Он призвал сплотить все антикапи-

талистические силы для победы над фашизмом и свержения капитализма, опираясь прежде всего на рабочий класс.

Социалисты также активизировали антифашистскую деятельность. П. Ненни и К. Росселли начали издавать в 1926 г. журнал «Quarto stato» (Четвертое сословие). В нем поднимались теоретические вопросы, анализировались проблемы рабочего движения. Ненни, выдвинувшийся к тому времени на первые позиции в ИСП, все больше занимался организационными делами и повседневной партийной жизнью.

Входивший в число постоянных авторов журнала «Критика социале» К. Росселли обнародовал на его страницах идеи, которые развил впоследствии в книге «Либеральный социализм». Они легли в основу созданного им позднее движения «Справедливость и свобода». Доктрина марксизма, подвергнутая многочисленным переделкам, писал Росселли в 1923 г. в «Критика социале», «превращена в нечто растяжимое и неопределенное, приспособленное для нужд каждой фракции, — от самой крайней, готовой идти на баррикады, до реформистской»¹²⁹. Рассказывая в письме Турати в ноябре 1924 г. о встрече с новым и способным автором, Кулишова восторженно замечала: «Росселли, как ветер весны», это многообещающий, талантливый молодой человек из тех, кто ясно представляет, что надо делать, и обладает знанием реальной жизни¹³⁰.

Исследования в области экономики и преподавательскую деятельность в Милане и Генуе Росселли оставил ради политической борьбы, которая привела его в ряды УСП. В 1925 г. совместно с Сальвемини он основал подпольную антифашистскую газету «Non mollare» (Не сдаваться). Вместе с Ф. Парри и Р. Бауэром создал организацию, помогавшую эмигрировать антифашистам и совершать побеги политическим ссыльным и заключенным.

Теоретические дискуссии и споры в социалистической интеллектуальной среде не прекращались даже в самые мрачные годы. Оригинальные идеи на страницах социалистических и близких к ним изданий высказывали Р. Мондольфо, А. Скьяви, А. Баратонно, А. Поджи¹³¹. Регулярно до ее закрытия публиковал статьи в «Критика социале» Ф. Турати. В ходе предвыборной кампании 1924 г., когда вся оппозиция резко критиковала принятый под давлением фашистов в июле 1923 г. «закон Ачербо», Турати, учитывая настроения масс, обратился к таким понятиям, как «родина и свобода». Вспоминая героические времена Рисорджименто, он призывал «вернуть итальянцам родину», ибо, руководствуясь понятиями «родина и свобода», социализм будет «жить, а не существовать»¹³².

29 декабря 1925 г. ушла из жизни Анна Кулишова, верная подруга Ф. Турати, с которым они создавали социалистическую партию. В истории «итальянского социализма» эти имена неразрывно связаны, неотделимы одно от другого. Их замечательная переписка, совместные передовые статьи в «Критика социале» – образец вдумчивого осмысления событий, поиска и нахождения нужной позиции социалистов в быстро меняющихся условиях. Вся жизнь Кулишовой была целиком посвящена социалистическому и рабочему движению, ИСП, заботам о тяжелом положении женщин-тружениц, расширении их прав. По-видимому, немногие современные итальянки знают о том, что ставшие для них привычными в XX в. права были обретены благодаря неустанной борьбе, которую вела за признание этих прав итальянская социалистка русского происхождения Анна Кулишова.

Первый, двоянный номер «Критика социале» за 1926 г. был полностью посвящен Анне, как звали ее товарищи по партии и совместной работе. Статьи прислали известные деятели итальянского и мирового социалистического движения. «Все знают о ее неустанной деятельности, выступлениях на митингах и на съездах, ее лекциях, ее исследованиях, ее докладах, разработанных ею проектах законов об установлении норм работы женщин и подростков на предприятиях. Все, что твердо вошло в результате этого в итальянское законодательство, выстрадано ее сердцем, далось ценой невероятных жертвенных усилий. Постоянное напряжение разрушало хрупкое тело, уже охваченное болезнью (...) Ее деятельность была высоко этической по своим истокам и по своему победному воплощению исключительно политическими и революционными методами идей, направленных на изменение неблагоприятной социальной материи, густо замешанной на крови и на слезах!», – написал К. Тревес, близкий друг Турати и Кулишовой¹³³.

«Среди всех известных мне женщин, – вспоминал В. Брокки, – лишь она была способна трезво взвесить политическую ситуацию и принять без всяких колебаний верное решение. Часто, даже почти всегда, передовицы изумительного журнала “Критика социале” были подписаны “Мы”. И это “Мы” означало “итальянский социализм” и “Критика социале”, но также “Филиппо Турати и Анна Кулишова”. Это было гораздо больше, чем просто сотрудничество двух авторов, это была совершенная согласованность мысли, слияние душ, огонь и свет одной и той же веры»¹³⁴.

Весной 1926 г. в журнале «Куарто стато» Дж. Ансальдо произвел оценку поражения социалистического движения, вы-

сказанную Кулишовой в конце жизни. Он привел ее полные горечи слова: «Желаете знать, откуда наши неудачи, почему мы оказались рассеяны, массы за нами не пошли и молодежь к нам больше не приходит? Нет, не приводите мне бесчисленные исторические и экономические объяснения и разнообразные теории. Есть одна единственная причина, самая простая. Итальянский социализм слишком мало страдал. Партия не может жить лишь на дивиденды с капитала, полученные социалистами за несколько лет нахождения в тюрьмах еще до наступления нового века»¹³⁵. В этих словах Кулишовой и пессимизм русской души, и приземленный, трезвый подход миланцев, среди которых прошла ее жизнь.

В мае 1926 г. умер Серрати, так много сделавший для ИСП. В конце жизни он примкнул к КПИ, сотрудничал в газете коммунистов «Унита». Защищая выбор социалистов-третьеинтернационалистов, Серрати полемизировал с возглавлявшейся им долгие годы «Аванти». Взволнованную статью в память о нем опубликовал А. Грамши: «Политическая личность товарища Джачинто Менотти Серрати обрела национальное значение в последние десять лет, именно в рамках этого десятилетия, которое характеризуют война и фашизм, и следует ее оценивать», подчеркивал лидер коммунистов. «Товарищ Серрати умер, находясь в первых рядах Итальянской коммунистической партии и Коммунистического Интернационала». С уходом Серрати закончился целый период истории рабочего движения в Италии. Для «прежних поколений итальянского революционного социализма» стало ясным, что «старые, традиционные организации превратились в пустую формальность, лишившись содержания, а традиция осталась живой лишь в коммунистической партии»¹³⁶.

В последний путь в Милане Серрати проводили коммунисты и социалисты. На похороны пришли Ладзари, Ригола, многие социалистические депутаты парламента, сотрудники «Аванти»¹³⁷. С уходом Серрати была закрыта целая глава истории «итальянского социализма». Наступили иные времена, когда в Италии быть социалистом становилось смертельно опасным.

В середине 20-х годов подчинившие себе Италию фашисты создали государственный режим, который характеризуется как тоталитарный. О его тоталитарности заявлял сам Муссолини¹³⁸. В декабре 1925 г. были приняты законы о чистке госаппарата от оппозиционеров, о запрете выпуска оппозиционных газет. Согласно принятому в том же месяце постановлению, глава правительства теперь нес ответственность за свои действия не перед парламентом, а перед королем. В январе 1926 г. эти установления

были дополнены законом о лишении гражданства политических эмигрантов. Их к тому времени оказалось уже довольно много. Данные меры были приняты под предлогом защиты государства «от ненационально мыслящих элементов».

Закон от 31 января 1926 г. о праве исполнительной власти издавать декреты и вводить их в действие без согласия парламента переносил центр тяжести власти на правительство, бравшее на себя функции не только исполнительной, но и законодательной власти. В феврале 1926 г. была реорганизована и местная власть. Вместо демократически избранных муниципалитетов король назначал на пять лет подеста, т.е. старшин, единолично осуществлявших власть на местах. Префекты в провинциях получили гораздо большие полномочия, чем ранее. К концу 1926 г. с помощью чрезвычайных законов всякая легальная оппозиция в стране была ликвидирована.

В октябре 1925 г. в Палаццо Видони был подписан договор между фашистскими профсоюзами и Конфедерацией итальянских промышленников, признававшей теперь только эти профсоюзы. С этих пор отношения между профсоюзами и предпринимателями регулировались «соглашением Палаццо Видони». Оно было оформлено в законодательном порядке. Уже к концу 1922 г. находившиеся под влиянием фашистов профсоюзы насчитывали 1 млн членов. После фашистского переворота они претендовали на монополию в профсоюзном движении, стремясь вытеснить профсоюзы другой политической ориентации. Хотя ВКТ и католические профсоюзы продолжали существовать, их функции были сведены к минимуму, они по существу ничего не определяли.

Разрабатывалась теория корпоративного государства, возник еще один миф, на который опиралась фашистская идеология¹³⁹. Как отмечалось в отправленном позднее в нацистскую Германию (очевидно, для «обмена опытом») докладе итальянского министра Дж. Боттаи «Сотрудничество классов в итальянской корпоративной системе», Муссолини, считавший, что «социализм как доктрина уже в 1919 г. был мертв», с самого начала фашистского движения предлагал регулировать социальные трения с помощью создания корпораций. Закон от 3 апреля 1926 г. стал «основополагающим документом корпоративного регулирования», подчинил «коллективные отношения в сфере труда юридической дисциплине», «тесно связал корпорации с государственной администрацией». Возникшее при этом корпоративное государство «охватило всю сферу социальной жизни, т.е. все социальные и экономические силы». Фашистский синдикализм означал «классовое сотруд-

ничество в рамках корпорации», она должна была «систематически и гармонично это сотрудничество осуществлять» в целях утверждения «морального, политического, социального и экономического порядка», когда индивидуумы и социальные группы обретают под эгидой государства «мир в обществе»¹⁴⁰.

Корпоративная фашистская система обрела статус после принятия так называемой Хартии труда. В феврале 1934 г. в различных отраслях промышленности были созданы 22 корпорации. В каждую из них входили представители соответствующего синдиката предпринимателей и фашистского профсоюза. Национальный совет корпораций стал частью фашистского государственного аппарата и получил права высшего руководящего органа в экономике, регламентируя цены и тарифы. Через корпорации осуществлялась политика автаркии, создания замкнутой экономики, независимой от внешнего рынка. Корпоративная система, протекционизм и автаркия привели к тому, что впервые в истории страны в 1936–1940 гг. объем промышленной продукции превысил объем продукции аграрного сектора. Но темпы роста экономики в 30-е годы были ниже, чем в предыдущее десятилетие, и Италия так и не поднялась до уровня передовых западноевропейских стран¹⁴¹.

Реализуя корпоративные установки, фашисты стремились лишить социальной опоры своих главных противников, социалистов, имевших крепкие связи с базовым рабочим и профсоюзным движением. В определенной мере фашизму это удалось, тем более что легально действовавших политических сил, способных оказать достойное сопротивление, в стране не оставалось. Ряд покушений на Муссолини дал повод для массовых репрессий. Были разгромлены остатки демократических организаций, всех представителей Авентинской оппозиции лишили депутатских мандатов.

Над лидерами оппозиции издевались, нередко сквадристы избивали их до полусмерти. Среди жертв таких нападений были блестящий молодой теоретик либерализма Пьеро Гобетти и один из лидеров Авентинской оппозиции, Джованни Амендола. Оба скончались вскоре после того, как подверглись зверской расправе. Антифашистская пресса оказалась под запретом. Антифашистски настроенных интеллектуалов подвергали административной высылке под надзор специальных служб, в которых доминировали фашисты. Была введена смертная казнь за покушение на жизнь первых лиц королевства, включая премьер-министра. Для проведения политических процессов учрежден Особый трибунал для защиты государства.

В ноябре 1926 г. были приняты чрезвычайные законы сроком на пять лет. Этот срок периодически продлевался вплоть до конца фашистского режима. Политические партии, кроме фашистской, попали под запрет. Так, в 1926 г. завершился переход к однопартийной системе. Начался новый, более жесткий и невероятно трудный для политической оппозиции период безраздельного господства фашистского режима, который бессменно возглавлял Муссолини. «Либеральная Италия вышла с победой из Первой мировой войны, но потерпела поражение в последовавшем после нее мире», — отметил американский исследователь Ф. Сабетти¹⁴². Итальянцы, создавая единое государство, «думали установить свободу и демократию, а создали орудие диктатуры», констатировал в свое время Л. Эйнауи¹⁴³.

Подъем рабочего движения в первые послевоенные годы, небывалый рост численности социалистических партийных организаций и профсоюзов не привели к соответствующему укреплению позиций социалистов на политической арене. Фашисты, перейдя в наступление, смогли привлечь на свою сторону толпы тех, кто легко поддавался националистическому дурману. Социалисты, партия которых была одной из самых сильных рабочих партий того времени в Европе, не смогли избежать ослабивших ряды расколов; вынужденные отступить, они перешли к обороне, а затем ушли в подполье. Многие их лидеры оказались в эмиграции и руководили из заграничных центров той частью рабочего движения, которая сохранила верность социалистическим идеалам.

¹ Almanacco socialista 1892–1982. P. 196.

² Salvatorelli L., Mira G. Storia d'Italia nel periodo fascista. Torino, 1964. P. 15–17.

³ Avanti! 1918. 7 dic. Цензура разрешила редактору газеты опубликовать это обращение, принятое 8 ноября, лишь месяц спустя.

⁴ Caracciolo M. L'Italia nella prima guerra mondiale. Roma, 1935. P. 131; König H. Lenin und italienische Sozialismus 1915–1921. Köln; Graz; Tübingen, 1967. S. 26.

⁵ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 3. Д. 141. Л. 52.

⁶ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 933. Л. 1–9; Коммунистический Интернационал и идея мировой революции. М., 1998. С. 312–319.

⁷ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 3. Д. 141. Л. 6.

⁸ РГИА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 3. Л. 36.

⁹ См.: Любин В.П. Итало-советские торговые отношения в 1920-е годы // Вopr. истории. 2002. № 11. С. 54–72. Всесторонне итало-советские отношения рассмотрены в монографиях И.А. Хормса: СССР–Италия, 1924–1939. М., 1995, и др.

¹⁰ Цит. по: König H. Op. cit. P. 27.

¹¹ Catalano F. Potere economico e fascismo. La crisi di dopoguerra 1919–1921. Milano, 1964. P. 97.

- ¹² Valiani L. Il movimento operaio socialista in Italia e in Germania dal 1870 al 1920 // *Annali dell'Istituto storico italo-germanico*. Roma, 1976. N 2. Воспроизведено в: *Il movimento operaio e socialista in Italia e Germania dal 1870 al 1920*. Bologna, 1978. P. 304–306.
- ¹³ См., например: *De Felice R.* Mussolini il rivoluzionario, 1883–1920. Torino, 1965; *Vivarelli R.* Il dopoguerra in Italia e l'avvento del fascismo (1918–1922). Dalla fine della guerra all'impresa di Fiume. Napoli, 1967; *Лопухов Б.П.* Фашизм и рабочее движение в Италии, 1919–1929. М., 1968; и др.
- ¹⁴ *Яхимович З.П.* Концепции демократии в политическом наследии Филиппо Турати // *Проблемы демократии в теоретической мысли итальянского социализма*. М., 1997. С. 18.
- ¹⁵ *Chabod F.* L'Italia contemporanea (1918–1948). Torino, 1961. P. 37; *König H.* Op. cit. S. 31.
- ¹⁶ *Nolte E.* Storia d'Europa, 1848–1918. Milano, 2003. P. 290.
- ¹⁷ Avanti. Milano, 1919, 7 lugl.
- ¹⁸ *Petracchi G.* La Russia rivoluzionaria nella politica italiana 1917–1925. Roma; Bari, 1982. P. 108–160; *Idem.* Diplomazia di guerra e rivoluzione. Bologna, 1974; *Idem.* Da San Pietroburgo a Mosca. La diplomazia italiana in Russia 1861–1941. Roma, 1993.
- ¹⁹ *Petracchi G.* La Russia rivoluzionaria... P. 145.
- ²⁰ *Caretti S.* La rivoluzione russa e socialismo italiano (1917–1921). Pisa, 1974. P. 217–218.
- ²¹ Almanacco socialista 1892–1982. P. 156.
- ²² *Cortesi L.* Il socialismo italiano tra riforme e rivoluzione. Dibattiti congressuali del PSI, 1892–1921. Bari, 1969. P. 690–691.
- ²³ *Ibid.* P. 701–708.
- ²⁴ Resoconto stenografico del XVI congresso nazionale del PSI. Milano, 1920. P. 225.
- ²⁵ *Cortesi L.* Il socialismo italiano... P. 664.
- ²⁶ *Яхимович З.П.* Указ. соч. С. 20.
- ²⁷ *Cortesi L.* Il socialismo italiano... P. 733.
- ²⁸ *Caretti S.* La rivoluzione russa e socialismo italiano. P. 243–244.
- ²⁹ *Venturi A.* Rivoluzionari russi in Italia 1917–1921. Milano, 1979. Указанным проблемам посвящена главным образом заключительная четвертая глава книги под заглавием «За настоящий большевизм: посланцы Коминтерна» – Per un vero bolscevismo; gli inviati di Komintern (1919–1921). P. 196–258.
- ³⁰ *Salvatorelli G., Mira G.* Op. cit. P. 92–93.
- ³¹ *Arfe G. et al.* Storia del Partito socialista italiano, 1892–1976. Firenze, 1977. P. 157.
- ³² *Cortesi L.* Il socialismo italiano... P. 822–823.
- ³³ *Ibid.*
- ³⁴ *Buchanan to Curzon.* Rome, 1920, 27 January // Public Record Office. Foreign Office. London. 371/3812/175699/2041/38; цит. по: *Petracchi G.* La Russia rivoluzionaria... P. 179, 329.
- ³⁵ *Turati F.* Rifare l'Italia! / Introd. e cura di C.G. Lacaita. Firenze, 2002. P. 51–145.
- ³⁶ *Ibid.* P. 23.
- ³⁷ *F. Turati – A. Kuliscioff.* Carteggio. Torino, 1977. Vol. V: 1919–1922. Dopo-guerra e fascismo. P. 505.

- ³⁸ Ibid. P. XIII–XIV.
- ³⁹ Яхимович З.П. Указ. соч. С. 20–21.
- ⁴⁰ Galli G. Ma l'idea non muore. Storia orgogliosa del socialismo italiano. Milano, 1996. P. 105–106.
- ⁴¹ Об этом, например, см.: Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии. М., 1953; Лопухов Б.Р. Образование Итальянской коммунистической партии. М., 1962; Григорьева И.В. Исторические взгляды Антонио Грамши. М., 1978; Fiori V. Vita di Antonio Gramsci. Bari, 1966; Togliatti P. Opere in sei volumi. Roma. 1967. Vol. I: 1917–1926. Spriano P. Storia del Partito comunista italiano. Torino, 1967; Vol. I: Da Bordiga a Gramsci; Bocca G. Palmiro Togliatti. Roma; Bari, 1977. Vol. 1,2; Lehner G. Palmiro Togliatti. Biografia di un vero stalinista. Milano, 1991; Agosti A. Togliatti. Torino, 1996; etc.
- ⁴² Miller S., Pothoff H. A History of German Social Democracy. From 1848 to present. Leamington Spa, etc. 1983. P. 82–83.
- ⁴³ Арцаканян М.Ц., Ревакин А.В., Уваров П.Ю. История Франции. М., 2005. С. 316–317.
- ⁴⁴ Cortesi L. Il socialismo italiano... P. 801.
- ⁴⁵ Malvestiti P. I socialdemocratici. Roma [1957]. P. 48.
- ⁴⁶ Ibid.
- ⁴⁷ Riva V. Oro da Mosca. I finanziamenti sovietici al PCI dalla Rivoluzione d'ottobre al crollo dell'URSS. Con i 240 documenti inediti degli archivi moscoviti. Milano, 1999. P. 24.
- ⁴⁸ Подробнее о деятельности А. Балабановой в Коминтерне см. две заключительные главы мемуаров: «На посту секретаря нового Интернационала» и «Западноевропейские социалисты в России» (Balabanoff A. Errinerungen und Erlebnisse. B., 1927. S. 228–252, 253–277).
- ⁴⁹ Cortesi L. Il socialismo italiano... P. 825.
- ⁵⁰ Balabanoff A. My Life as a Rebel: Bloomington; L., 1973 [1938]. P. 260–261.
- ⁵¹ А. Бордига (1889–1970) был основателем ИКП, но в 1923 г. оказался отстранен от руководства партией за сектантство, а в 1930 г. из нее исключен. По собственной оценке, он до конца оставался революционным марксистом. Встав в оппозицию к сталинскому руководству СССР уже в 20-е годы, Бордига считал победу сталинизма контрреволюцией (см: Livorsi F. Amadeo Bordiga. Roma, 1976; Grilli L. Amadeo Bordiga: capitalismo sovietico e comunismo. Milano, 1982).
- ⁵² РГАСПИ. Ф. 490. Оп. 1. Д. 71. Л. 43.
- ⁵³ Balabanoff A. My Life as a Rebel. P. 266.
- ⁵⁴ Подробнее о всех перипетиях вступления ИСП в Коминтерн и образования КПИ см.: König H. Op. cit. S. 32–143.
- ⁵⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 41. С. 253.
- ⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 33. Д. 381. Л. 22–26; Avanti. 1920. 11 sett.
- ⁵⁷ Далее в статье говорилось: «Повсюду мы одерживаем победы. (...) Понучительный для нас вывод нужно сделать из борьбы вокруг избирательных урн, которая велась с напряжением по всей Италии от имени социалистической партии и в которой она одержала победу более чем в двух тысячах общин, завоеванных теперь для дела освобождения рабочего класса». Статья подписана инициалами Серрати – Дж. М.С. (Там же).
- ⁵⁸ Galli G. Ma l'idea non muore. P. 106.

- 59 Ibid.
- 60 Книга вышла по-французски и лишь позднее появились ее итальянские переиздания: *Tasca A. Nascita e l'avvento del fascismo*. Bari, 1965. Vol. I, II.
- 61 *Spriano P. Storia del Partito comunista italiano*. Torino, 1969. Vol. II: Gli anni della clandestinità. P. 181–200.
- 62 *Galli G. Ma l'idea non muore*. P. 106–107.
- 63 Агостини с иронией замечал далее: «Когда представляется для этого удобный случай, то они прибавляют: мы не сделали революции, так как момент не был благоприятным, так как массы были на стороне Д'Арагона и Буоцци. Но если она не совершилась сегодня, то совершится завтра...». В результате «массы начинают терять к нам доверие» (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 33. Д. 381. Л. 50–52).
- 64 *Agosti A. Togliatti*. P. 27.
- 65 *Malvestiti P.* Op. cit. P. 49–51.
- 66 Ibid. P. 54.
- 67 *Filippo Turati: Voi comunisti un giorno percorrerete la nostra via... // Almanacco socialista 1892–1982*. P. 192.
- 68 *Malvestiti P.* Op. cit. P. 55.
- 69 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 33. Д. 381. Л. 44–46.
- 70 *Avanti*. Torino, 1921. 21 генв. Программа будущей партии «независимых», по мнению Николини, «являлась похоронным маршем пролетарской революции в Италии».
- 71 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 33. Д. 389. Л. 57.
- 72 Там же. Л. 58.
- 73 Там же. Л. 59–60.
- 74 Там же. Д. 10. Л. 1–2.
- 75 Там же. Ф. 5. Оп. 3. Д. 284. Л. 1–5. Коммунистический Интернационал и идея мировой войны. М., 1998. С. 236–241, 282–285.
- 76 РГАСПИ. Ф. 490. Оп. 1. Д. 70. Л. 37–42; Д. 71. Л. 25–33.
- 77 III Всемирный Конгресс Коминтерна. Пг., 1922. С. 167–170.
- 78 РГАСПИ. Ф. 490. Оп. 1. Д. 70. Л. 42; Д. 71. Л. 42, 44; *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 44. С. 16–22. Тексты стенограммы выступления и Собрания сочинений в некоторых местах отличаются.
- 79 Коммунистический Интернационал в документах: Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919–1932. М., 1933. С. 164; *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 527–528.
- 80 *Critica sociale*. Milano, 1921, 1–15 apr.
- 81 *Толъятти П.* Лекции о фашизме. М., 1974.
- 82 *Zibordi G. Storia del Partito socialista italiano attraverso i suoi congressi*. Reggio Emilia, S.d. P. 107.
- 83 *Galli G. Storia del socialismo italiano*. Roma; Bari, 1983. P. 107–108.
- 84 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 33. Д. 389. Л. 36–40.
- 85 Там же.
- 86 *Mussolini B. Discorsi dal banco di deputato*. Milano, 1929. P. 4.
- 87 *Lagorio W., Lehner G. Turati e Gramsci per il socialismo*. Milano, 1987. P. 52–62.
- 88 *Scheuer G. Genosse Mussolini. Wurzeln und Wege des Ur-Fascismus*. Wien, 1985. S. 74–75.

- ⁸⁹ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 21029. Л. 1–5; Коминтерн против фашизма. М., 1999. С. 54–58.
- ⁹⁰ О деятельности меньшевиков см.: Урилов И.Х. Судьбы российской социал-демократии // Вопр. истории. 2006. № 3. С. 122–149.
- ⁹¹ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 26236. Л. 2–8. Коммунистический Интернационал и идея мировой революции. М., 1998. С. 368–376.
- ⁹² *Desiderio E.* Il congresso di Roma e formazione del PSU // *Almanacco socialista* 1892–1982. P. 172–173.
- ⁹³ *Critica sociale.* Milano, 1922. 16–31 ott.
- ⁹⁴ *Nenni P.* Intervista sul socialismo italiano. Roma; Bari, 1977. P. 35–37. Свою интерпретацию внутривластной борьбы в ИСП тех лет, отличающуюся от представленной Ненни, много раньше в большой статье в журнале «Comunismo» (№ 17) дала А. Балабанова. Статья называлась «Место итальянского социализма в мировом социализме» (ACS. Mostra della Rivoluzione Fascista. Busta 72. F. 279).
- ⁹⁵ *Avanti.* 1923. 3 genn.
- ⁹⁶ *Nenni P.* Op. cit. P. 43.
- ⁹⁷ «Информация Бомбаччи, основанная на его личном знакомстве с различными общественно-политическими сферами, нужна», – отмечалось в донесении из Рима в Отдел печати НКВД от 30 ноября 1925 г. Оплата его «информационных докладов» стоила советскому посольству ежемесячно 2500 лир (АВП РФ. Ф. 098. П 113. Д. 187. Л. 78; о разносторонней деятельности Бомбаччи в тот период см.: *Noiret S.* Massimalismo e crisi dello stato liberale. Nicola Bombacci (1879–1924). Milano, 1992).
- ⁹⁸ *Almanacco socialista* 1892–1982. P. 183.
- ⁹⁹ В манифесте говорилось: «Правящий класс... старается окружить или обойти наши позиции, чтобы заставить нас перестать быть партией классовой борьбы и непримиримой оппозицией по отношению к буржуазному режиму. Он намерен превратить нас в часть правительства, в рычаг для сохранения существующего режима, для преодоления которого мы организовались в политическую партию уже 30 лет тому назад. Все это находится в резком противоречии с постановлениями наших конгрессов от Реджо-Эмилии (1912) до Милана (1921). Это является резким противоречием по отношению к программе нашей партии и нашему учению. Фактически единство партии разрушило наше правое крыло. Они хотят вступить в правительство, утешая себя обманчивой надеждой облегчить мучения пролетариата, они вступили на этот путь, но не с нами. Может быть, против нас».
- Манифест призывал к «защите всех пролетарских завоеваний, осаждаемых партократией и реакцией». А для этого необходимо: «1) признание Российской Советской Республики, 2) отказ от позорных мирных договоров во избежание новых войн, 3) борьба против реакции, 4) защита пролетарских завоеваний в смысле условий труда». «Это приблизит нас к международному объединению рабочих, которое мы считаем активным и волевым элементом в социалистической революции». От имени Центрального Комитета подписи поставили: Корси, Рикуперо, Манчини, Паджелла, Серрати, Велла, Вернокки (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 33. Д. 389. Л. 64–68).
- ¹⁰⁰ «Избавившись от присущих всякому начальному периоду забот, партия всецело должна посвятить себя работе по все более глубокому проник-

- новению в массы, стараясь при этом создавать и умножать связи между теми и ею». Исполком КИ отмечал, что партия «не изжила детскую болезнь, болезнь молодого, бесплодного радикализма» и надеялся, что ЦК партии искоренит эту болезнь, изменив программные документы (Там же. Л. 25–26).
- ¹⁰¹ *Ватлин А.* Карл Радек и германская революция // Vittorio. М., 2005. С. 226–235.
- ¹⁰² *Cortesi L.* Ivanoe Bonomi e la socialdemocrazia italiana. Profilo biografico. Salerno, 1971. P. 80.
- ¹⁰³ АВП РФ. Ф. 098. Оп. 5. П. 102. Д. 28. Л. 28–29.
- ¹⁰⁴ *Cortesi L.* Ivanoe Bonomi... P. 80–88.
- ¹⁰⁵ *Critica sociale.* Milano, 1922. 1–15 agg.
- ¹⁰⁶ *Alatri P.* Le origini del fascismo. Roma, 1963. P. 218.
- ¹⁰⁷ *Galli G.* Ma l'idea non muore. P. 103.
- ¹⁰⁸ *Malvestiti P.* Op. cit. P. 56.
- ¹⁰⁹ *Salvatorelli L., Mira G.* Op. cit. P. 240.
- ¹¹⁰ *Nenni P.* Op. cit. P. 37.
- ¹¹¹ *Matteotti G.* Lettere a Vella / A cura di S. Caretti. Pisa, 1986. P. 407.
- ¹¹² АВП РФ. Ф. 098. Оп. 5. П. 102. Л. 122.
- ¹¹³ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 1537. Л. 35.
- ¹¹⁴ Там же. Л. 36.
- ¹¹⁵ Москва–Рим: Политика и дипломатия Кремля, 1920–1939. Сб. документов. М., 2002. С. 19. Тексты соглашений и договоров между СССР и Италией и подготовительные документы см.: С. 21–201.
- ¹¹⁶ *Matteotti G.* Scritti sul fascismo / A cura di S. Caretti. Pisa, 1983. P. 287.
- ¹¹⁷ *Ragionieri E.* Storia d'Italia. Torino, 1976. Vol. IV: Dall'Unità a oggi. La storia politica e sociale. P. 2152.
- ¹¹⁸ Partito socialista italiano (Frazione terzinternazionalista). A tutti i compagni del Partito socialista italiano. Milano, 1924. magg. Не раз попадавший вместе с другими социалистами под арест Серрати в предисловии к написанному в период заключения в 1923 г. роману отметил, что отдавший приказ о его заточении Муссолини был во время швейцарской ссылки его «другом и товарищем» (ACS. Mostra della Rivoluzione Fascista. Busta 72. F. 140).
- ¹¹⁹ РГАСПИ. Ф. 392. Оп. 2. Д. 64. Л. 5; *Алатри П.* Происхождение фашизма. М., 1961. С. 133; *Лопухов Б.Р.* Фашизм и рабочее движение в Италии. С. 225.
- ¹²⁰ *Matteotti G.* Rivendichiamo la dignità del popolo // Almanacco socialista 1892–1982. P. 197.
- ¹²¹ Муссолини производил впечатление конченого человека, почти ничего не ел и похудел за три недели на десять килограммов, вспоминал его секретарь Квинто Наварра (*Collier R.* Der Duce: Aufstieg und Fall des Benito Mussolini. München, 1974. P. 83–86).
- ¹²² Il PSI nei suoi congressi / A cura di F. Pedone. Milano, 1963. Vol. IV. P. 19.
- ¹²³ *Nenni P.* Op. cit. P. 42.
- ¹²⁴ *Alatri P.* Op. cit. P. 263.
- ¹²⁵ *Critica sociale.* Milano, 1924. 1–15 dic.
- ¹²⁶ *Collier R.* Op. cit. P. 86.
- ¹²⁷ *Alatri P.* Op. cit. P. 263, 264.

- ¹²⁸ АВП РФ. Ф. 098. П. 113. Д. 87. Л. 7.
- ¹²⁹ *Critica sociale*. Milano, 1923. 1–15 nov.
- ¹³⁰ Carlo Rosselli: basta con il marxismo dogmatico. Цит. по: *Critica sociale*. Antologia. Milano, 1991. P. 50.
- ¹³¹ *Degl'Innocenti M.* Filippo Turati e la nobilta' della politica. Manduria; Bari; Roma, 1995. P. 196–197.
- ¹³² *Degl'Innocenti M.* L'epoca giovane. Generazioni, fascismo, antifascismo. Manduria; Bari; Roma, 2002. P. 223.
- ¹³³ *Critica sociale*. Milano, 1926. 1–31 genn.
- ¹³⁴ *Brocchi V.* «Il salotto di Anna Kuliscioff» // *Luce di anime grandi*. Цит. по: *Critica sociale 1891–1991*. Milano, 1991. P. 53.
- ¹³⁵ *Quarto Stato*. Milano, 1926, 27 marzo.
- ¹³⁶ *Gramsci A.* G.M. Serrati // *Unità*. 1926, 14 magg.
- ¹³⁷ Характерны сами заголовки статей на первой полосе: L'insegnamento di Serrati al proletariato. Lottare nelle file dell'Internazionale comunista, Un vero rivoluzionario. Il testamento politico di Serrati // *Unità*. 1926, 13 magg. (РГАСПИ. Ф. 524. Оп. 1. Д. 1. Л. 67).
- ¹³⁸ *Totalitarismo e totalitarismi / A cura di V. Strada*. Venezia, 2003. P. VI.
- ¹³⁹ *Белоусов Л.С.* Режим Муссолини и массы. М., 2000. С. 85–95.
- ¹⁴⁰ РГВА (ЦХИДК). Ф.1458. Оп. 20. Д. 17. Л. 1–52.
- ¹⁴¹ *Комолова Н.П.* Новейшая история Италии. М., 1970. С. 94–95.
- ¹⁴² *Sabetti F.* Alla ricerca di buon governo in Italia. Manduria; Bari; Roma, 2004. P. 67.
- ¹⁴³ *Einaudi L.* Il buongoverno: Saggi di economia e politica, 1897–1954. Bari, 1954. P. 52–59. Ф.С. Нитти и Л. Стурцо шли еще дальше и напрямую увязывали сходные, по их мнению, режимы – большевистский и фашистский. Они дали похожие оценки «красного» и «черного» двухлетий, когда выявилась тоталитарная сущность двух враждовавших политических движений. Об этом напомнил известный специалист по тоталитаризму, немецкий историк Эрнст Нольте в интервью, взятом у него мною в ноябре 2006 г. (его публикует журнал «Полития»).

Спрашивать «почему мы потерпели поражение?» не стоит. Если не спросить «в чем мы потерпели поражение?» Мы потерпели поражение в либерализме, в демократии, которые, будучи «нашими», больше принадлежали буржуазии (...) о ней Росселли забывает, когда обвиняет в моральном бессилии лишь социалистическую партию и народные массы. (...) Если сопротивление оказывалось, каким бы оно ни было, оказывали его социалисты. Это скажет в будущем самая справедливая историческая критика.

Из статьи К. Тревеса в «Критика социале»,
1–15 апреля 1926 г.

В истории Италии после Первой мировой войны и в годы фашистского режима исследователи различают несколько периодов. Так, немецкий итальянист Р. Лилль подразделяет ее на следующие этапы: «создание фашистской партии и захват фашистами власти (1919–1922); становление фашистского режима (1922–1926); относительно продолжительный период стабилизации (1926–1936); все большая идеологизация режима в условиях союза с нацистской Германией, империалистическая экспансия, закончившаяся крахом фашистского режима (1936–1943); попытка фашизма выжить в виде Итальянской социальной республики (1943–1945)»¹.

Как было сказано, с 1922 г. итальянское социалистическое и рабочее движение распалось на три направления: прежнюю ИСП под руководством максималистов, УСП, собравшую в своих рядах реформистов, КПИ, ставшую одним из западноевропейских отрядов Коминтерна. Три первых года нахождения фашизма у власти эти оппозиционные режиму партии, как и другие, еще имели некоторые, хотя и небольшие возможности существовать и работать в Италии.

Но уже к концу 1926 г., когда фашистским правительством был принят ряд драконовских законов о чрезвычайном положении, что заставило забыть о демократии, стало ясно, что фашисты не собираются никому уступать власть. Для оппозиционных партий возможности продолжать легальную деятельность в Италии не осталось. Как писал Дж. Прокаччи, «впервые после создания

объединенного государства Италия столкнулась с феноменом политической эмиграции»².

От безысходности некоторые антифашисты встали на путь индивидуального террора. В 1925–1926 гг. было совершено несколько покушений на Муссолини. Фашисты использовали их как предлог для массовых репрессий против антифашистских организаций и их активистов. Одной из первых попала под удар Унитарная социалистическая партия (УСП). Это произошло в ответ на попытку покушения на Муссолини 4 ноября 1925 г.: члена этой партии Т. Дзанибони застигли с винтовкой у окна в номере гостиницы напротив Палаццо Киджи, с балкона которого соби-рался выступать дуче. 5 ноября 1925 г. Дзанибони приговорили к 30 годам тюрьмы. УСП была запрещена. Ее лидер Ф. Турати был вынужден скрываться, в большой тайне готовился его побег за границу. В начале декабря 1925 г. УСП сменила название. Она была переименована в Социалистическую партию итальянских трудящихся (ПСЛИ), в названии повторялось имя партии социа-листов конца XIX в.

Одним из покушавшихся на Муссолини был пятнадцатилет-ний подросток по фамилии Дзамбони. Он выстрелил в автомо-биль, в котором проезжал дуче, но пуля пролетела мимо. Это произошло 31 октября 1926 г. в Болонье. Историкам так и не уда-лось установить, приложили ли руку к организации покушения сами фашисты, линчевавшие юношу на месте, или это акт оди-ночки, увлеченного тираноборческими идеями. К суду привлекли членов его семьи с анархистскими традициями, которая была свя-зана с болонской фашистской организацией³.

Муссолини оказался в Болонье на открытии XV съезда Итальянского общества за прогресс наук. Это было мероприятие из серии торжеств по поводу четвертой годовщины «похода на Рим». Выступая накануне, 28 октября в Риме, Муссолини под-черкнул два момента: во-первых, старое, «агностически-парали-тическое» либеральное государство похоронено и его сменило новое национальное, фашистское, корпоративное государство, «которое собирает, контролирует, гармонизирует и приспособ-ливает к действительности интересы всех социальных классов, которые ощущают себя в одинаковой мере защищенными». Во-вторых, итальянский народ принял это государство, потому что он понимает необходимость его существования⁴. Но говорить о стабильности режима было рано.

Покушение Дзамбони дало фашистам повод начать кресто-вый поход против антифашистов. В одной лишь Болонье были

избиты сотни антифашистов и более 2 тыс. арестованы, в Милане, Риме, Турине и других городах подверглись разгрому помещения редакций антифашистских газет. 5 ноября 1926 г. были распущены все партии, враждебные фашистскому режиму, закрыты все оппозиционные газеты. В конце 1926 г. вступили в действие «чрезвычайные фашистские законы», одобренные 9 ноября Палатой депутатов.

Тут же были арестованы многие социалисты и коммунисты, в их числе депутаты парламента, представители Авентинской оппозиции. 8 ноября арестовали члена парламента А. Грамши, генерального секретаря КПИ, избранного на этот пост в 1924 г., когда он возглавил борьбу за преодоление прежнего сектантского курса А. Бордиги. Сам же Бордига оказался в полной изоляции после установления в 1924–1926 гг. «гегемонии грамшианско-тольяттианской линии внутри итальянского рабочего движения»⁵. Фашистский Особый трибунал осудил более 4,5 тыс. антифашистов, из них 85% коммунистов. Из 10 тыс. сосланных на острова и в лагеря 8 тыс. были коммунистами, среди них немало руководителей КПИ⁶.

В мае 1928 г. начался Большой процесс во Дворце юстиции в Риме над 22 коммунистами, среди них Грамши, Террачини, Скоччмарро, Роведа. Их обвиняли в том, что они готовили военный заговор с целью свержения правительства Муссолини. Но из показаний свидетелей и выступлений обвиняемых было ясно, что процесс сфабрикован. Обращаясь к судьям, Грамши сказал: «Вы приведете Италию к гибели, а нам, коммунистам, надлежит ее спасти»⁷. Прокурор счел, что подсудимые – враги фашизма и должны быть уничтожены и, повернувшись в сторону Грамши, заявил: «Мы должны на двадцать лет лишить этот мозг возможности работать»⁸. Грамши был приговорен к 20 годам, четырем месяцам и пяти дням заключения. Тяжело заболевший в заключении, он был помещен в тюрьму г. Тури на Юге страны, а фактически приговорен к медленной смерти. В тюрьме он постоянно работал, созданные им в неволе труды обогатили марксистскую теорию, получив всемирную известность. Но это произошло уже после его смерти в 1937 г.

Репрессии коснулись и ИСП, и ПСЛИ. В отличие от лидеров коммунистов, настаивавших на продолжении борьбы в подполье, их лидеры склонялись к тому, чтобы перенести антифашистскую деятельность вовне, речь шла в первую очередь о Франции и ее столице.

В Париже с 1927 г. действовал Заграничный центр КПИ, который возглавлял Тольятти, приехавший туда после ареста

Граммши из Москвы, где представлял свою партию в Коминтерне. Став в 1927 г. генеральным секретарем КПИ, Тольятти с тех пор бессменно руководил партией до своего ухода из жизни (1964). Заграничный центр поддерживал связь с Внутренним центром, действовавшим в Италии, который распространял среди рабочих газету «Унита» (она выходила с 12 февраля 1924 г.) и журнал «Стато операйо» под редакцией Тольятти. Первый номер журнала появился в марте 1927 г., в передовой статье, написанной Тольятти, подчеркивалось, что фашизм – мощная сила, подобной ранее не было на службе у итальянского государства. В противовес представителям других антифашистских сил, считавших фашизм всего лишь отклонением и болезнью нации, Тольятти утверждал, что он напрямую связан с итальянским капитализмом. Именно поэтому, по его мнению, следовало не возвращаться после фашизма к прежней системе, а после победоносного восстания перейти к диктатуре пролетариата⁹. Воссозданный коммунистами профсоюзный центр ВКТ действовал в глубоком подполье. Начавшаяся в нем в 1921–1926 гг. борьба коммунистов с социалистами максималистского и реформистского направлений за влияние продолжалась. В отличие от социалистов, коммунисты призывали действовать не только мирными методами, но и добиваться свержения фашистского режима вооруженным путем, они стали главными жертвами политических процессов, проводившихся Особым трибуналом на рубеже 20–30-х годов.

После установления фашистской диктатуры положение в двух социалистических партиях было сложным. В 1926 г. руководящие органы ПСЛИ переместились во Францию. В Париже было создано временное руководство. Ф. Турати тайком бежал из Италии во Францию. За содействие этому побегу молодые социалисты Росселли, Парри, Пертини, Оксалиа и Да Бове были арестованы и брошены в тюрьму.

Одновременно и ИСП перенесла свои руководящие органы и «Аванти» на французскую территорию. Профсоюзные деятели – социалисты Буоцци, Бенси, Куалиньо и Сарделли – тоже сумели воссоздать в Париже руководство ВКТ. Тогда же во Францию переехали Модильяни, Руджинетти, Тревес, Дзаннерини, Сарагат и Ненни. Де Амбрис и Камполонги возглавили во Франции Итальянскую лигу прав человека (ЛИДУ), которая предложила создать в эмиграции антифашистский фронт на основе общей программы, вокруг которой объединились бы все итальянцы-эмигранты, принадлежавшие к различным партиям. ЛИДУ представляла собой масонское, антиклерикальное общество, основанное

Л. Камполонги и А. Де Амбрисом в 1922 г.¹⁰ В итоге был сформирован комитет, программу которого разработал Модильяни и поддержали ПСЛИ и ИРП, а также Б. Буоцци.

Социалисты продолжали бороться с коммунистами за гегемонию в профсоюзном движении, за руководство забастовочной борьбой пролетариата. Но тенденции к объединению усилий расколотого антифашистского лагеря нарастали. На Лионском съезде 1926 г. Итальянской республиканской партии (ИРП) вслед за констатацией, что кризис демократии возник в результате разногласий внутри демократического лагеря, было заявлено, что устранение данных разногласий станет предпосылкой совместной борьбы против фашизма. Речь шла о создании группировки, которая «при сохранении автономии партий посвятит себя антифашистской программе за рубежом в главных демократических странах». хотя деятельность в Италии тоже предусматривалась, в частности, помощь жертвам режима, руководство рабочими посредством соответствующих доверенных комитетов»¹¹.

В апреле 1927 г. во Франции по инициативе ЛИДУ в замке Дузан, поблизости от города Нерак, состоялся съезд видных антифашистов. На нем было решено создать надпартийный орган, который мог бы функционировать наряду с партиями, поддерживая оппозиционные силы.

Затем, 28 марта 1928 г., было объявлено о создании в Париже Антифашистской концентрации. В эту организацию вошли ИСП, ПСЛИ, ИРП, ВКТ и ЛИДУ¹².

Планы социалистов начать борьбу с режимом внутри Италии по большей части остались на бумаге. Но удалось вовлечь в деятельность организации эмигрантов из радикально-социал-демократического лагеря, в котором Турати и Тревес играли заметную роль. Социалисты пытались вовлечь в организацию еще и коммунистов, но те поначалу заявили: «Наша партия, в отличие от вашей, не забыла негативный опыт Авентина и не может своим участием второй раз повторить ошибку; она не только не будет участвовать в новой политической комбинации масонского образца, но станет бороться против нее, противопоставив ей мобилизацию независимых, классовых сил пролетариата»¹³.

Еще до образования в Париже Антифашистской концентрации в самой Италии (после краха Авентинской оппозиции) делались попытки создания Республиканской концентрации левых сил, которую коммунисты тоже отвергли. В августе 1926 г. в печати разгорелась острая полемика между КПИ и ИСП. «Аванти» осуждала коммунистов за их сектантство и призывы к

ликвидации ИСП как партии, а коммунисты отвечали на страницах «Униты», что партии Авентина, провозглашая себя антифашистскими, не верят в революционность рабочего класса, будучи «патентованными лгунами, фальшивыми пасторами, слугами реакции»¹⁴. По мнению коммунистов, рабочим надлежало сделать выбор между коммунизмом и социал-демократией, «исчезновение ИСП с политической сцены, полагали они, полезно для революционного движения». «Аванти» парировала, что «на лживые предложения коммунистов – создать единый фронт, на которые никто до сих пор не откликнулся», социалисты отвечают истинно пролетарской солидарностью на международном и национальном уровнях¹⁵.

Антифашистская оппозиция, прежде всего республиканцы и обе социалистических партии – максималистская и реформистская, не исключала сотрудничества с коммунистами, но во многом с ними не соглашались. Молодые интеллектуалы-ревизионисты, группировавшиеся вокруг Ненни и журнала «Куарто стато» (в нем сотрудничали А. Лабриола, Т. Фьоре, Р. Тремеллони, Л. Бассо, К. Росселли и другие), стремились к объединению социалистов и социал-демократов, т.е. ИСП и ПСЛИ. Коммунисты же против такого слияния решительно возражали, впрочем, как и многие максималисты из прежнего партийного руководства. Они стремились оставить ИСП на позициях равноудаленности от коммунизма и социал-демократии, которая теперь уже не могла дать перспективы действий, открывшейся сразу после распада Авентинского блока. В любом случае недоверие коммунистов к Ненни и его группе было сходным с недоверием, которое КПИ испытывала по отношению к максималистам. В июле–сентябре 1926 г. в ИСП в преддверии намеченного на октябрь съезда развернулась полемика между различными фракциями по вопросам единства рабочего движения¹⁶. Съезд тогда не состоялся из-за ужесточений фашистского режима.

Грамши в статье «Мы и республиканская концентрация», которую П. Сприано прокомментировал в своей «Истории Коммунистической партии Италии», вынес максималистской партии исторический приговор: «Проблема ИСП для нас вписывается в более широкую проблему реорганизации сил промышленного пролетариата, которую поставила наша партия. Максималистская партия – фактор дезорганизации и дезориентации масс, она представляет собой негативный элемент в нынешней ситуации, который должен быть преодолен и ликвидирован»¹⁷. Грамши считал, что Италия так и не завершила буржуазно-демократической революции, что необходимо устранить остатки феодализма, но при

этом период «демократического интермеццо должен быть как можно короче».

По мнению Сприано, здесь Грамши явно допускал доктринерство. Он исходил из непригодного в сложившихся в стране новых условиях русского опыта осени 1917 г. Осень 1926 г. в Италии была уже совсем другой, а «Муссолини не был Керенским». Коммунисты в преддверии своего очень много значившего для КПИ Лионского съезда, на котором были представлены программные тезисы Грамши, не избежали идеологических и политических ошибок. Позднее их заставила исправить сама жизнь. Но еще в ноябре 1925 г. Грамши призывал опираться на массовые организации, находившиеся под влиянием коммунистов, создавать «комитеты рабочих, которые станут представительными органами масс»¹⁸.

Состоявшийся в январе 1926 г. во Франции III (Лионский) съезд КПИ отказался от прежних «Римских тезисов» и одобрил тезисы, написанные Грамши, который напрямую связывал фашизм с природой итальянского капитализма. Именно в историческом противнике капитализма рабочем классе и его союзнике крестьянстве Грамши видел силу, которая способна противостоять фашизму. Перспективы борьбы за пролетарскую революцию связывались с задачами борьбы с фашизмом. В своей новой стратегии и тактике партия опиралась теперь не на сектантские установки «левых», а на принцип борьбы за массы. Проблемы, стоящие перед рабочим классом, по его мнению, можно решить «лишь путем вооруженного свержения капиталистического строя и общего выступления всех антикапиталистических сил». Тем не менее в Лионских тезисах еще нет понимания того, что для победы над фашизмом необходимо создание широкого антифашистского фронта.

Резкая полемика коммунистов с социалистами обеих партий – ИСП и ПСЛИ – продолжалась. Антифашистская концентрация (без участия коммунистов и их поддержки) функционировала с конца 20-х до 1934 г.¹⁹ Коммунисты считали эту организацию чисто «буржуазной». Когда она была распущена, коммунисты и социалисты в августе 1934 г. заключили пакт единства действий²⁰. По инициативе ИСП и КПИ в октябре 1935 г. состоялся конгресс итальянцев-антифашистов под лозунгом борьбы против затеянной фашистским режимом войны в Эфиопии, осужденной международным сообществом.

Та или иная позиция КПИ полностью зависела от воли Коминтерна. В отличие от социалистов итальянские коммунисты ориентировались главным образом на нелегальную деятельность

в стране. По сути, они и вели подпольную антифашистскую борьбу, а попытки социалистов начать подпольную работу оставались изолированными. Многие руководители КПИ оказались к тому времени также в эмиграции, не только во Франции, но и в других странах Западной Европы²¹. Некоторые итальянские коммунисты жили тогда в Москве.

В 1930 г. в Париже произошло объединение двух социалистических партий, расколовшихся в 1922 г. Поначалу объединившаяся партия, принявшая общее название Объединенная социалистическая партия (ОСП), сблизилась с движением Справедливость и свобода. Но союз вскоре распался из-за разногласий в оценке ситуации, возникшей в Европе после прихода Гитлера к власти.

К тому времени полностью изменилась позиция Коммунистического интернационала: принятые им в конце 20-х годов на VI конгрессе оценки, согласно которым социал-демократы отождествлялись с фашистами, были пересмотрены. VII конгресс Коминтерна 1935 г. выработал стратегию единства всех антифашистских сил, создания демократических народных фронтов²².

К моменту введения чрезвычайных законов (ноябрь 1926 г.) по данным «Статистического ежегодника» за границей проживало более 9 млн итальянцев, в том числе примерно 7,5 млн на американском континенте. Как отмечал один из деятелей КПИ, М. Монтаньяна, «и тогда, и в дальнейшем наша партия по многим причинам была слабо связана с итальянскими эмигрантами в Америке, зато она пользовалась огромным влиянием среди живших во Франции (около одного миллиона), в Швейцарии (100 тысяч), в Бельгии и Люксембурге (около 30 тысяч). {...} Политические эмигранты, никогда не отказывавшиеся от борьбы с фашизмом и никогда не рассматривавшие свое пребывание за границей как нечто раз и навсегда решенное, естественно, были наиболее активной, наиболее боевой и готовой к самопожертвованию частью эмиграции. Но даже у так называемых экономических эмигрантов, составлявших подавляющее большинство итальянцев, живущих за границей, классовое сознание выросло за последние годы больше, чем за предшествующие десятилетия»²³.

Трудно сказать, сколько людей покинули страну в те годы по политическим причинам, а сколько в поисках пропитания, писал историк-социалист Г. Арфе²⁴. Связь между наступлением фашизма и эмиграцией в соседние страны довольно ясна. В 1921 г. из страны лишь во Францию выехали 45 000 лиц наемного труда, в 1922 г. – 100 000, в 1923 г. – 167 000, в 1924 г., год убийства Маттеотти и «грязной» выборной кампании, – 201 000; в 1925 и

1926 г. – соответственно 145 528 и 111 252 человек. В конце 1926 г., после покушения на Муссолини в Болонье, была введена строгая регламентация эмиграции. Но к тому времени 700 тыс. итальянцев нашли себе работу во Франции²⁵. Заметная часть политэмигрантов оказалась в Швейцарии, традиционно привечавшей боровшихся в своих странах за свободу изгнанников, там возникли центры, координировавшие деятельность итальянских антифашистов. Социалистам либо оставалось ждать, когда на них снова наденут наручники, либо эмигрировать и вести антифашистскую борьбу из-за рубежа, вспоминал впоследствии Пьетро Ненни²⁶.

Многие из видных социалистов первого призыва предпочли эмиграцию смерти, каторге и ссылке, в том числе Турати, Тревес, Модильяни, Балдини, Буоцци и молодые лидеры – П. Ненни, Дж. Сарагат, С. Пертини. Последний из них вскоре нелегально вернулся в Италию и был осужден Особым трибуналом. Пертини освободили лишь в 1943 г., и он сразу же стал одним из прославленных руководителей Сопротивления. Многие социалисты, например Ненни, Ф. Де Роза и другие, стали участниками гражданской войны в Испании. Живший во Франции Дж. Фаравелли осуществлял связь между эмигрантским центром и подпольными группами в Италии; один из руководителей этих групп, Р. Моранди, был схвачен и осужден Особым трибуналом.

Обещанных фашистами перемен к лучшему так и не наступало. «Внутреннее положение Италии продолжает оставаться тяжелым», сообщал 27 октября 1927 г. из Рима временный поверенный в делах СССР в Италии А. Глебов-Авилов*. Безработица достигла 600 тыс. и 300 тыс. работают неполную неделю. Продолжается сокращение зарплаты. И если раньше сокращение ограничивалось 10%, то теперь постановлено сокращать от 10 до 20%. Важно отметить, что, сокращая зарплату, итальянское правительство обязует предпринимателей в соответствующей денежной пропорции принимать рабочую силу с целью сокращения безработицы. Нам передают, что в связи с сокращением зарплаты в ряде мест имели место демонстрации и оставление работ»²⁷.

Фашисты создавали мифы о революционности и новизне своего движения, распространяя их в других странах, где находили достаточное последователей. Фашизм, считали они, способен изменить мир. «Фашизм разрабатывает новые идеалы, открывает новые границы политического мышления, создает новое учение

* СССР и Италия установили дипломатические отношения 7 февраля 1924 г.

о государстве, проводит эксперимент на основе собственной программы и предлагает культурным народам сумму идей и разработок, которых вполне хватит на текущее столетие, имя и характер которого он определяет», утверждал Дж. Боттаи в книге «Международный фашизм»²⁸.

Столкнувшись с внутривластными трудностями, фашистское правительство во второй половине 20-х годов пыталось решать их и с помощью улаживания острых внешнеполитических проблем. Касаясь внешней политики Италии того периода, представитель советского посольства в Риме отмечал: «Соглашение Англии, Франции, Италии против русско-германской угрозы будет, говорят, реальным, если удастся помирить интересы Франции и Италии». Посольство получило информацию из серьезного источника, что в палаццо Киджи, резиденции премьер-министра, где «разрабатываются материалы для итало-французских переговоров», подготавливается «европейская история завтрашнего дня». «Италия находится на повороте своей политики совершенно так же, как накануне Локарно»²⁹.

Дальнейшие события показали, что итало-французские противоречия разрешить так и не удалось. Италия в 30-е годы стала союзницей гитлеровской Германии и вместе с нею в 1940 г. напала на Францию. После чего итальянские политэмигранты, в частности многие социалисты, вынуждены были искать убежища в Швейцарии, США, Англии и других странах, разумеется, избегая оккупированные нацистами и фашистами.

Что касается положения в итальянском рабочем движении, то оно оставалось сложным. Внутри него, от коммунистов на левом фланге до правых социалистов, шло теоретическое переосмысление поражения и временного отступления левых партий. Особое место в ряду теоретиков-социалистов занял Карло Росселли, стремившийся критически переосмыслить деятельность социалистов и начавший в Италии вместе с Ненни выпуск «Куарто стато» — «социалистического журнала политической культуры». За организацию побега Турати он вместе с другими участниками этой акции был арестован и сослан на остров Липари. Оттуда ему удалось бежать вместе с Эмилио Луссу и Фаусто Нитти. Росселли оказался во Франции, где в 1929 г. создал антифашистское движение «Джустития э либерта» (Справедливость и свобода). По его замыслу, в этом движении должны были объединить свои силы социалисты и республиканцы.

Теоретической основой движения стали положения, высказанные Росселли в его книге «Либеральный социализм», которую он написал на Липари. Он продолжал разрабатывать свои

идеи в эмиграции. Его доводы оказались близки многим итальянским интеллектуалам, примкнувшим к созданному им движению. Если в середине 20-х годов во время руководства вместе с П. Ненни журналом «Куарто стато» он писал на политические темы лишь время от времени, то с 1929 по 1937 г. постоянно, отмечал в предисловии к Собранию его сочинений Джон Росселли³⁰.

Росселли был непримиримо настроен к фашизму даже в годы упрочения фашистского режима, когда другие оппозиционеры искали пути компромисса. Созданное им движение первым призывало итальянских антифашистов отправиться в Испанию, чтобы сражаться против франкистских войск, поддержанных Муссолини и Гитлером. Он выдвинул лозунг «Сегодня в Испании, завтра в Италии». Вместе с Карло Росселли в руководящую группу движения «Справедливость и свобода» входили его брат Нелло Росселли, Эмилио Луссу, Альберто Таркиани. Движение имело секцию в самой Италии, ее видными представителями были Эрнесто Росси, Риккардо Бауэр и Франческо Фанчелло, к ней примыкала группа либерал-социалистов под руководством Калоджеро и Капитини³¹.

Фашисты готовили несколько покушений на Росселли. Вернувшись после ранения в Испании в августе 1936 г. на лечение во Францию, он был убит французскими кагулярами (фашистами) на курорте Баньоль де л'Орн (они же убили и его брата Нелло). Обстоятельства гибели К. Росселли напоминают конец другого политического эмигранта – Льва Троцкого, с которым он при личных встречах и в печати вел полемику. На похоронах К. Росселли на кладбище парижских коммунаров Пер-Лашез в присутствии тысяч людей его товарищи поклялись продолжать борьбу с фашизмом. И эту борьбу повели партизанские отряды «Справедливость и свобода», заплатившие тысячами жизней за достижение победы. Соратник и продолжатель дела К. Росселли Феруччо Парри сформировал первое послевоенное правительство Италии, в котором левые получили широкое представительство³².

После того как братья Росселли были убиты, руководить движением «Джустиция э либерта» стал Э. Луссу, после чего, по мнению историка правых взглядов Ф. Леони, движение начало принимать «все более экстремистский характер». Из-за этого один из его основателей, Таркиани, был вынужден уйти и примкнул к группировке «Молодая Италия» под руководством Паччарди. В последние годы войны движение «Справедливость и свобода» влилось в Партию действия³³.

В 1973 г. издательство Эйнауди начало издание избранных трудов Карло Росселли. В предисловии к первому тому А. Гароши

отмечал, что в нем собрано все созданное Росселли в Италии в 20-е годы и в начале эмиграции во Франции, включая «Либеральный социализм»*. В это время он участвовал в создании нелегальной газеты «Не сдаваться» (Non mollare), помог Турати бежать из Италии³⁴.

Уже в ранние годы в опубликованном в журнале своего друга П. Гобетти «Либеральная революция» (номер от 15 июля 1924 г.) очерке «Социалистический либерализм» Росселли замечал: «Социализм во всех своих проявлениях не должен быть плодом теоретических измышлений, он должен стать результатом завоевания, даже самозавоевания – независимым делом трудящихся классов»³⁵. В предисловии к этому очерку Гобетти писал: «Мышление Росселли является мышлением социалиста, не оставшегося глухим к требованиям и критике, высказывавшимся на страницах “Либеральной революции”». Если признать, как это признал Росселли, что социализм есть завоевание пролетариатом относительной экономической автономии и стремление масс утвердиться в истории, то наиболее трудный шаг окажется позади. Наш либерализм ведь тоже социалистический, если признать равновесность марксизма и социализма... Необходимо, чтобы в данный момент в дискуссии высказался социалист, представляющий ответственные органы, занятые обновлением, которое Росселли молча осуществляет в последние годы внутри социалистической партии»³⁶.

Росселли исходил из фундаментальной предпосылки, а именно, что духовная и политическая свобода в чистом виде не имеет никакого смысла, когда она не поддерживается относительной автономией и индивидуальной экономической свободой гражданина. Не случайно наиболее бедные и отсталые в экономическом развитии народы так легко попадают в сети диктатуры и регресса в политической сфере. Какое значение может иметь свобода мышления, являющаяся, разумеется, высшим благом, для народа, который погряз в бедности и испытывает материальное и моральное унижение и большинство которого обречено на тяжкий до изнеможения труд, где само окружение, объективные условия фактически веками исключали любую возможность развития свободного мышления? Всеобщее избирательное право, послушание, сопровождаемое нищетой и рабством, угнетение не только

* Критическому осмыслению высказанных в этой книге и не утративших актуальности идей была посвящена научно-практическая конференция Фонда Плеханова «Либеральный социализм: вчера, сегодня, завтра», прошедшая в Москве 3 сентября 2004 г.

на работе, но и в обыденной жизни никогда не позволят реализовать либеральные потребности. Вероятно, всеобщий кризис рабочего движения в послевоенный период можно объяснить нарушением пропорции между политической и экономической силами, тем, что оно, располагая великолепным оружием, было не в состоянии его правильно применить. Либералы хотят единственной политической революции, которая освятит и консолидирует их социальное государство. Демократические массы хотят посредством политической революции (и это самый спорный момент) прийти к революции социальной, т.е. к государственному перевороту. Либералы выдвинули лозунг «Свобода и равенство перед лицом закона». Но мелкий буржуа и пролетарий всегда довольно иронично относились к такого рода оправдательной концепции, заключал Росселли³⁷.

В книге «Либеральный социализм» намечалась программа действий социалистов на ближайшую и отдаленную перспективу. Опубликованная поначалу на французском языке в 1930 г., она лишь после освобождения Италии от фашизма в 1945 г. появилась на итальянском. По сравнению с французским изданием в нее добавлены некоторые новые материалы – письма жены Росселли Марион и его полемика с Тревесом. Более полное издание увидело свет в 1949 г., когда удалось перевести из Франции архив Росселли. Впоследствии именно оно (с учетом уточнений и комментариев, сделанных А. Гароши и Н. Транфалья) вошло в первый том подготовленного издательством Эйнауди собрания избранных трудов³⁸.

В годы перестройки, когда лидер КПСС М.С. Горбачев стремился сблизиться с западными социал-демократами, итальянские социалисты сочли необходимым познакомить российских читателей с идеями К. Росселли, которые в тот момент поднимались на щит руководством ИСП. В 1989 г. вышло в свет русское издание «Либерального социализма» с предисловием политического секретаря ИСП Беттино Кракси (к сожалению, перевод страдает неточностями).

Коммунистическая перспектива была, несомненно, привлекательной, писал Кракси. Но коммунистический эксперимент показал, что «трудящиеся массы должны платить высокую цену за абсолютно иррациональную идею свержения отжившего мира». Если ставилась цель добиться наивысшей свободы и благосостояния трудящихся, то следовало избрать другой путь – постепенных реформ, основанных на либеральных методах. Воспринимая либерализм лишь как идеологическое прикрытие капитализма, многие социалисты закрывали глаза на универсальную ценность

индивидуальных свобод, закрепленных правовыми гарантиями. Формальные свободы недостаточны для определения содержания демократии, но при этом они совершенно необходимы, — эту мысль Росселли неустанно подчеркивал. Если кто-то считает, что возможно построить более совершенное общество, пренебрегая принципом свободы, то последствия такого эксперимента были бы катастрофическими во всех отношениях, считал он.

Росселли критиковал марксизм ради освобождения трудящихся масс; социализм должен мыслиться как «постепенное превращение в жизнь идеи свободы и справедливости». Шестидесять лет, прошедшие с момента написания «Либерального социализма», подтвердили жизненность политической философии Росселли, критики марксистско-ленинского мессианства, замечал далее Краски. Там, где левые силы отказались от либерализма во имя перманентной революции, они встали на путь тоталитаризма, надругавшись над правами человека. Напротив, там, где была сохранена верность либеральным методам, левые силы с помощью социал-демократического компромисса между государством и рынком смогли распространить гражданские права на всех трудящихся и создать такой тип демократии, который, несмотря на его ограничения и недостатки, остается близкой к великим социалистическим идеалам формой социальной организации³⁹.

Росселли признавался, что его труд — своего рода ответ на кризис марксизма, писавшийся «на бесконечно более сложной, чем тридцать лет назад стадии, когда появилась знаменитая книга Бернштейна», и что «ныне идет переосмысление не практических выводов, а самых первооснов доктрины». «Философия, мораль, сама политическая концепция марксизма не могут нас больше удовлетворять и толкают в путь, к более широким горизонтам». Росселли считал, что «лишь мужественный пересмотр нравственных и интеллектуальных основ и положений может вернуть социализму свежесть и наступательную силу, утраченные много лет назад». Во второй части книги Росселли «решился предложить {...} обновленную социалистическую позицию», которую он назвал «либерально-социалистической». Он стремился устранить «историческое противоречие» между этими двумя течениями, так как «либерализм все более включается в общественные проблемы и не предстает более неотделимым от классической манчестерской экономики», а «социализм, хоть и с трудом, избавляется от утопизма и становится восприимчив к проблемам свободы и самостоятельности»⁴⁰.

В книге дана краткая история социалистического движения, показана борьба марксизма и ревизионизма в Италии, намечены

перспективы социалистического движения. Автор, будучи горячим сторонником либерального социализма, в котором сочетаются социальная справедливость и необходимые человеку свободы, в кратком приложении к работе, в сформулированных им тринадцати тезисах под заголовком «Мои счета с марксизмом», с гордостью подчеркнул: «Я социалист» и уже в первом тезисе уточнил: «Социализм – это в первую очередь моральная революция и лишь во вторую – материальная трансформация». «Между социализмом и марксизмом нельзя ставить знак равенства». «Социализм невозможен без демократии», он «наследник либерализма». «Социализм не вводится сверху, он должен ежедневно строиться снизу». Новое итальянское социалистическое движение не должно опираться на уже сошедшие с исторической арены партии, а быть совершенно новым организмом, и было бы абсурдом, если бы столь мощное массовое движение опиралось на одну единственную идеологию. «Тезисов всего тринадцать, число тринадцать приносит удачу, кто будет жив, тот увидит результаты», заключал Росселли⁴¹.

В главе «Подведение итогов ревизионизма» Росселли отмечал, что «раскол коммунистов во всем мире» способствовал «прояснению курса социалистов», теперь и те, и другие по взаимной необходимости должны отличаться друг от друга и утвердиться на независимых позициях. Но эта ясность не имела соответствия в лице подобной же ясной систематизации в области идеологии. Непризнание того, что марксизм устарел и нуждается в ревизии, опасно «прежде всего в Италии, где рабочее движение было буквально сметено и где завтра придется начинать его заново, исходя из приобретенного опыта». Молодые и те из старших, кто сохранил гибкость, «должны внести полную ясность в идеологию», освободиться от «старых догм, столь способствовавших поражениям». Росселли прекрасно сознавал, что «сначала их будет мало и борьба предстоит тяжелая». Но борьба эта «жизненно необходима и станет делом совести для того, кто в компромиссах и боязни обнаруживать свои взгляды теоретиков и руководителей увидел одну из главных причин кризиса социалистического движения»⁴².

Росселли полагал, что «ревизионизм способствует подрыву марксистской системы». «От марксизма – к ревизионизму, от ревизионизма – к либерализму. Эти ступени неизбежны, об этом писал Бернштейн еще 30 лет назад», а еще о том, что «движение – все, цель – ничто» (т.е. цель важна, пока к ней подталкивает само движение). Это позиция либерального социалиста. Тогда она вызвала возмущение, теперь воспринимается с пониманием новым поколением социалистов»⁴³.

Критикуя исторический материализм, Росселли упрекал его сторонников за «невыносимо ложный историзм, исходящий от Маркса и всей когорты марксистов». У них «профессорский склад ума, не имеющий ничего общего с ... мышлением человека действия», который стремится к активному участию в историческом процессе. «В Италии горел общий дом, дома рабочих полыхали, озаряя небо, а жильцы – итальянские социалисты – передрались между собой, споря, пожар ли это, и чем он мог быть вызван, и к какой категории его отнести, имелись ли указания о нем в священных текстах, выйдет ли он за пределы Италии и т.д. и т.п.»⁴⁴

Конкретный исторический процесс в описании ревнителей исторического материализма – это история задним числом – история, которую изучают. Этот компас нужен лишь для прибытия в порт назначения, он пригодится историку, а для созидания истории бесполезен, а часто и вредит. «Грубые ошибки Маркса при попытках прогнозировать будущее с использованием своего метода подтверждают вышеизложенное», замечал Росселли. Исторический материализм внедрил в сознание большинства, что исторический процесс есть процесс механический, сложение сил, поддающихся количественной оценке и не подверженное влиянию человеческой воли. Поведение многих итальянских социалистов перед лицом фашизма было поведением скорее буддистов или стойков. Они обреченно разводили руками и шли на муки, убежденные, что не могут ничего противопоставить фатуму и логически оправдывали свое поражение, «между тем как их противники еще и не помышляли о победе». Первые фашистские ячейки состояли не из одних только буржуа, там были люди, потерявшие свое место в обществе, ослепленные, идеалисты и даже преступные элементы, «ставшие добычей романтического ложнопатриотического безумия». Инструментом аграрно-плутократической реакции фашисты стали лишь впоследствии. Исторические же материалисты не понимали, что «в подобном столкновении преимущество дает не критическое сознание, но стихийность, внутренняя убежденность, активный дух борьбы и самопожертвования»⁴⁵.

Победа действительных борцов над историками была очевидной, констатировал Росселли. «Но не из области теорий был нанесен последний удар позициям марксистского социализма». Это произошло в результате развенчания двух мифов: во-первых, что коммунизм есть неизбежный итог развития капиталистической системы производства, ее противоречий и кризисов, во-вторых, что коммунизм есть единственный рациональный способ устройства общества, обеспечивающий рост производст-

ва и благосостояние, равно как справедливое распределение. Первый миф поколеблен глубокими переменами, которые претерпел капитализм от Марксовых времен до наших дней, второй – тем бесценным опытом, который накопили рабочие, участвуя в борьбе за свои экономические и политические права. Рационализация капитализма и опыт России подтвердили, что коммунизм – это миф. «Имея перед глазами опыт России», вряд ли возможно управлять массами, рисуя «картины легко достижимого и безоблачного коммунистического рая»⁴⁶.

Росселли предлагал социалистам при выработке политического курса сочетать либерализм и социализм. Социалистическое движение, настаивал он, – это конкретный наследник либерализма с его превознесением свободы, «это носитель динамической идеи свободы, которая достигается в драматическом ходе истории». Социализм – это логическое развитие принципа свободы до его самых крайних пределов. Либерализм и социализм не антиподы, они связаны тесными внутренними отношениями. «Либерализм – это идеальная вдохновляющая сила, социализм – практическая созидаящая сила»⁴⁷. Объединение их идей должно лежать в основе организационных перемен в среде социалистов.

Реорганизация итальянского социалистического движения в указанном направлении, по мнению Росселли, в огромной мере способствовала бы решению самой деликатной проблемы, которая возникнет после краха фашизма: создание в Италии прочного правления. Социалисты, которые составят костяк правительства завтрашнего дня, должны разработать реалистическую программу, суметь пойти на уступки разным слоям общества. Переход к правительственным обязанностям потребует от социалистов смягчить строгое определение классов, несовместимое с нормальным функционированием демократических институтов. На основе классовой программы «социализм в Италии не завоеует ни большинства, ни власти». Было бы желательно, если бы из подобного рода подходов могла возникнуть новая партия, которая разработает новую политическую программу, заключал Росселли⁴⁸.

Как уже говорилось, созданная Росселли организация «Справедливость и свобода», превратилась впоследствии в Партию действия, которая сыграла видную роль в движении Сопротивления⁴⁹. Но лишенная широкой массовой базы, партия по окончании Второй мировой войны быстро исчезла с итальянской политической сцены.

Столь подробное изложение главного произведения Росселли продиктовано тем, что его разработки отличались от всех других

теоретической глубиной, он предложил продуманную программу того крыла социалистов, которое пыталось объединить социал-реформистские начала с идеалами либерализма. Идеи Росселли станут важными для последующей истории ИСП, особенно с середины 70-х до начала 90-х годов, когда партией руководил горячий сторонник его взглядов Б. Кракси.

Другие теоретические интерпретации давались представителями иных направлений и иных партий рабочего движения. Широко известность уже после войны получили труды А. Грамши. Находясь в тюрьме, он глубоко переосмыслил произошедшее в начале 20-х годов: поражение социалистического движения и установление в стране тоталитарного фашистского режима. Грамши внес значительный вклад в развитие теории марксизма и ее приспособление к реалиям XX в. Его работы увидели свет в 40–50-е годы сначала в Италии, а затем и в других странах, в том числе в Советском Союзе⁵⁰. Идеи Грамши способствовали привлечению в ИКП впитавшей марксистские идеи молодежи, обретению коммунистами ведущей роли в итальянском рабочем движении.

Правое крыло социалистического движения выдвинуло в ту пору своих теоретиков. Наряду с Турати и другими основателями ИСП заявили о себе лидеры молодого поколения, отстаивавшие новые идеи, одобренные в рядах социалистов. К таким лидерам принадлежал Джузеппе Сарагат, постоянный автор периодического издания УСП «Джустиция» (Справедливость). Его речь на Туринском съезде УСП произвела глубокое впечатление на старшее поколение партийных лидеров, а Турати обнял ставшего открытием для делегатов съезда 27-летнего оратора, заявившего о себе как ревностном стороннике продолжения славных партийных традиций и реформистских подходов.

В 1926 г. Сарагат, как и другие антифашисты, был вынужден отправиться в эмиграцию и нашел прибежище во Франции. Он приложил немало усилий для воссоединения тураттианцев из УСП и максималистов из ИСП, убеждая их, что максимализм и реформизм – это всего лишь два еретических подхода в рамках общего фундаментального учения социализма. Сарагат писал о фашизме в номере «Джустиция» от 19 ноября 1925 г.: «Все попытки сторонников фашизма придать ему доктринальное лицо кончаются провалом из-за того, что исходят из ошибочной предпосылки, что фашизм – это революционное явление или же еще более упрощенно – критика современной демократии. Но фашизм не представляет собой ни того, ни другого», в противоположность истинно революционным феноменам он бесплоден и не что иное, как политический регресс⁵¹.

В том же году Сарагат опубликовал ряд статей в «Куарто стато», посвященных судьбе социалистического движения в Италии, например, в 26-м номере этого еженедельника – статью «Софизм». Номера этого журнала фашисты часто подвергали секвестру. В эмиграции Сарагат публиковал статьи в выходившей в Париже газете Антифашистской концентрации «Либерта» под псевдонимом Спертия. Сарагат сожалел, что после того, как рухнула надежда на быстрый крах фашизма, после «поражения Авентина» две партии – ИСП и ПСЛИ – так и не смогли найти общий язык. Он одобрял кампанию в пользу объединения, которую вел еженедельник, и полемизировал с максималистами. Сарагат считал, что непризнание демократии «идейной почвой, на которой развивается классовое самосознание пролетариата», ошибочно.

Осмысливая поражение социализма в Италии, Сарагат писал в статье «Наша ошибка» в «Куарто стато» от 22 мая 1926 г., что «прежде всего не надо распылять силы, а для этого надлежит их точно подсчитать и уточнить цели, которых социалисты должны достичь». Необходимо ясно заявить о «причинах, обусловивших нынешнее положение и принять конкретные меры, которые помогут нам достичь поставленных целей». «Антидемократию левых экстремистов и демократизм следует заменить строго марксистской демократической концепцией, которая позволит избежать противоречия первых и иллюзии, благонадежные иллюзии, вторых»⁵². Сарагата считали наследником Турати⁵³.

Старейшина итальянских социалистов Ф. Турати, которому 27 ноября 1927 г. исполнилось 70 лет, продолжал неумоимо бороться за социалистические идеалы. Этот юбилей он вместе с друзьями встретил в изгнании во Франции. Летом следующего 1928 г. он предпринял поездку в Кёльн, где при содействии германских социал-демократов и А. Балабановой в Народном доме 10 июня была открыта выставка, посвященная Дж. Маттеотти и приуроченная к четвертой годовщине со дня его убийства. Она проходила параллельно с крупнейшей выставкой «Пресса»⁵⁴, на которой был представлен официальный павильон фашистской Италии, и имела антифашистское звучание. Выучивший когда-то во время тюремного заключения немецкий язык Турати, открывая выставку, импровизировал по-немецки, отбросив заранее подготовленный текст. Хотя его выступление, возможно, было не так понятно, как речь безупречно владевшей главными европейскими языками Балабановой, германские социал-демократы восприняли ее с энтузиазмом.

В речи, произнесенной на Социалистическом конгрессе в Брюсселе 7 августа 1928 г., названном «днем угнетенных наций», Турати (в президиуме рядом с ним сидели изгнанные большевиками из России Дан, Абрамович, Розанов) резко осудил итальянский фашизм. Героически сражающийся с фашизмом итальянский пролетариат нуждается в международной солидарности, заявил он. Турати сравнил фашизм с большевизмом – оба режима подвергают своих политических противников жестоким преследованиям, и назвал фашизм «плагиатом большевизма». Но между этими двумя крайностями, напомнил он, существует антитеза: социализм и социалистическая демократия. «И если это действительно социализм, он должен быть одновременно демократией, без экивоков и оппортунистических уступок, – демократией, логической вершиной которой является социализм»⁵⁵. Турати ревностно поддержал состоявшееся в 1930 г. воссоединение распавшихся в 1922 г. двух течений – социалистов-реформистов и максималистов – в единой социалистической партии.

Турати умер 29 марта 1932 г. от воспаления легких. Печальная новость быстро распространилась среди итальянских социалистов-эмигрантов. Сдружившаяся с Турати и его окружением, постоянно находившаяся с ним в последние годы его жизни Бьянка Питтони вспоминала: «На похороны пришли все. Бледные, онемевшие, мы пожимали друг другу руки, не понимая, кого из нас больше всего постигло огромное горе. Мой взгляд запечатлел опечаленные лица, четкие черты лица Клаудио Тревеса, грустного Модильяни с прекрасной головой Моисея, бледное лицо Карло Росселли, у которого, казалось, кровь застыла в жилах. Здесь собрались все, сыновья и ученики, даже те, кого было не различить в огромной толпе на пути к кладбищу – толпе, разраставшейся все больше и больше, так что похоронный кортеж прибыл на Пер-Лашез в не слишком организованном виде». Одна речь сменялась другой, выступали представители Французской социалистической партии, социалистической парламентской группы, Социалистического интернационала и прочих организаций. Последним выступил Клаудио Тревес, он поблагодарил всех ораторов, при этом его душили рыдания. «Он обратился к Филиппо Турати так, как будто тот еще был среди нас: “Ты сумел выковать из изгнания грозное оружие. На ровном месте ты смог выстроить неприступную баррикаду. Спасибо! Ты преподал нам великий урок: с достоинством нести крест изгнания!”». 10 июня 1933 г., через два часа после выступления на вечере памяти Дж. Маттеотти, ушел из жизни и Клаудио Тревес. «Его большое сердце не выдержало испытания», отметила Б. Питтони⁵⁶.

Оценивая роль Турати в истории, П. Мальвестити связывал его имя с именем и деятельностью Джолитти. «В гамлетовских метаниях – между чувственными порывами и блестящей ясностью мысли» – Турати отражал различные подходы своей партии, дисциплине которой он подчинялся. С другой стороны баррикады находился Джолитти. Этот «прочно стоявший на ногах пьемонтский деятель, обладавший всеми необходимыми для человека такого статуса чертами – юмором и здравым смыслом... предупредил социалистов 20 августа 1920 г. об апокалиптических последствиях “переворота” с помощью захвата заводов. Он сам приехал в пригород Бардонеккья, чтобы напрямую говорить с захватившими заводы рабочими». «Нельзя замалчивать и тот факт, что к этому захвату с энтузиазмом присоединился Муссолини в надежде использовать его для собственного движения. Не случайно Ленин обвинил социалистов в том, что они упустили шанс воспользоваться таким агитатором, как Муссолини», подчеркивал П. Мальвестити⁵⁷.

Впоследствии Ненни, как и другие социалисты, испытывший влияние идей Турати, пытался дать сбалансированную оценку событий 20–30-х годов. «После одобрения парламентом 11 ноября 1926 г. чрезвычайных законов дилемма для многих заключалась в том, чтобы не позволить снова надеть на себя наручники, или же попытаться уехать и участвовать в антифашистской борьбе из-за рубежа, – вспоминал Ненни в интервью, данном Дж. Тамбуррано в 1977 г. – Я решился на второе. Бегство организовали Росселли и Парри, переправившие меня 13 ноября через швейцарскую границу. Главной проблемой спустя несколько месяцев стало, как нам организовать. Уже предпринимались усилия по созданию в Париже Антифашистской концентрации на основе индивидуального членства. Я предложил, чтобы в Концентрацию вошли партии антифашистского и демократического направления. Так и произошло на ее учредительной конференции в апреле 1927 г.»⁵⁸

Уход ИСП из рядов Авентинской оппозиции был воспринят максималистами как сигнал для восстановления их преимущественных ранее позиций в партии и оттеснения от руководства автономистов во главе с Ненни. Это не могло не привести к новым коллизиям в рядах социалистов. Отношения Ненни с коммунистами в тот период также не отличались дружественностью. Как писал Тамбуррано, в середине 70-х годов бывший секретарь ИСП обнаружил в своем архиве журнал КПИ «Стато операйо» 1928 г. со статьей «Платформа Ненни», в которой говорилось: «Ненни не говорит открыто – мы должны бороться за реставрацию буржуазной демократии. Нет, он ставит в качестве цели борьбу за

республику трудящихся... Откуда должно быть ясно, что для Ненни и К° социалистическо-демократическо-буржуазный альянс – это средство, чтобы бороться за республику трудящихся». «Какой замечательный эффект производят эти слова, когда перечитываешь их в 1976 г.!»», – написал Ненни по поводу этого документа своего архива⁵⁹.

Среди партий, представлявших итальянское социалистическое движение за рубежом, главным образом во Франции, с 1930 г. происходили заметные подвижки. Собравшиеся на свой съезд в Гренобле в марте 1930 г. социалисты по предложению П. Ненни, поддержанному большинством его участников, решили, что пора положить конец произошедшему в 1922 г. расколу с УСП и восстановить единство партии. А. Балабанова и ее сторонники, максималисты, признали этот съезд лишь собранием социалистов в изгнании без каких-либо полномочий принимать постановления. В эту группу, кроме нее, вошли Сальви, Чиккотти, Бургасси, Макизио, Мариани, Момбелло, Рефоло, Темпиа. За прибывшими на съезд сторонниками Балабановой стояли группы социалистов в Лионе, Марселе, Ницце, пригородах Парижа, а также широкая сеть организаций социалистов-эмигрантов, существовавшая в Нью-Йорке, Лондоне, Бельгии, Люксембурге, Австрии, Швейцарии, Бразилии и Аргентине⁶⁰. В отличие от максималистов, другие группировки социалистов признали съезд полноценным партийным форумом. Большинство делегатов приняли резолюцию в поддержку немедленного объединения с реформистской ПСЛИ при условии признания общей цели – завоевания демократии и последующего создания социалистического общества». Делегаты сочли, что ИСП и ПСЛИ должны объединиться, чтобы воссоздать социалистическую партию в качестве «любимого и уважаемого руководителя рабочего класса»⁶¹.

Объединительный съезд ИСП и ПСЛИ прошел в Париже в июле 1930 г. В реформистской партии видную роль играл Дж. Сарагат. В ИСП, несмотря на сопротивление меньшинства непримиримых максималистов во главе с Балабановой, большинство получили сторонники объединения. Немногочисленная группа Балабановой предпочла остаться вне партии и стала секцией Социалистического интернационала⁶².

Авторитарный, «бонапартистский» характер советского режима и бюрократическая деградация III Интернационала, по мнению Балабановой и ее сторонников, ничего не значат в сравнении с «величием Октябрьской революции». Она по-прежнему «маяк и пример для пролетариата». Фашизм в Италии «сумел пройти», потому что в тот момент социалистическая партия бы-

ла оклеветана и расколота. Это раздробило силы пролетариата и преградило ему дорогу к власти. Первоочередная цель – восстановить единство действий пролетариата на революционной платформе, освободить его из-под влияния коллаборационистского реформизма и советской бюрократии. Конечная цель – завоевать власть революционным путем ради установления диктатуры рабочих и крестьян, заявляли максималисты, оставшиеся с Балабановой. Так, вера в миф подменяла собой доктрину, агитация – разработку политики, замечал по этому поводу Г. Арфе⁶³.

Пост секретаря партии после состоявшегося в Париже XXI объединительного съезда 1930 г. занял П. Ненни. Согласно определению А. Гароши, это был «человек нового склада», веривший, что война приводит к революционной ситуации, впоследствии «упорно настаивавший на союзе с коммунистами, которые не стеснялись, однако, вести с ним постоянную борьбу»⁶⁴. Программа партии «повторяла не только прежние положения ортодоксального марксизма, но и вводила новые, в частности по поводу свободы и достижения конкретных политических целей»⁶⁵.

Социалисты продолжали нелегальную деятельность в Италии. Однако коммунисты начали такую деятельность намного раньше, в начале 20-х годов, при этом КПИ поддерживал, в том числе финансами, Коминтерн. В Москве функционировал центр подготовки нелегалов, в нем прошли обучение немало итальянских коммунистов. По высказанному позже мнению Ненни, более слабые позиции социалистов в стране объяснялись тем, что, во-первых, старая гвардия социалистов, убеждения которых сформировались еще в XIX в., продолжала верить в силу своих идей и преимущество своих моральных устоев, во-вторых, существовало глубокое разочарование итогами «красного двухлетия», когда ИСП, несмотря на имевшиеся парламентские и конституционные возможности, не удалось добиться своих целей.

Между тем в «Интервью об итальянском социализме» Ненни забыл упомянуть, что нелегально действовавших внутри страны членов Социалистической партии итальянских трудящихся и находившихся в эмиграции социалистов, как, впрочем, и политзаключенных (не только в Италии, но и, например в Германии) поддерживал Фонд Маттеотти. Существует переписка Секретариата Социалистического рабочего интернационала с секциями этого фонда в различных странах по поводу распределения средств среди эмигрантов, в том числе в Бельгии. Документы этого Интернационала середины 30-х годов проливают свет на такие проблемы, как переговоры социалистов с коммунистами о

единстве действий в борьбе против фашизма, поддержка демократических сил в Испании и разногласия в их среде⁶⁶.

Ранее, в 20-е годы, Социалистический рабочий интернационал пристально следил за развитием событий в Италии⁶⁷. Его лидеры были хорошо осведомлены о расколах в ИСП и создании реформистской УСП, переименованной в 1926 г. в ПСЛИ. После раскола УСП примкнула к Социалистическому рабочему интернационалу. Тем не менее этот Интернационал поддерживал отношения с руководством ИСП и ВКТ, итальянской Лиги прав человека, главным образом через доверенных лиц ИСП, о чем свидетельствует обширная переписка 20–30-х годов⁶⁸. ИСП стала секцией этого Интернационала в 1931 г., примкнув к левому крылу международного социалистического движения⁶⁹. Итальянских эмигрантов-социалистов поддерживали в те годы Международный комитет помощи жертвам итальянского фашизма, другие организации солидарности с антифашистами.

Нелегальная работа социалистов в Италии не была систематической, скорее спонтанной, признавал впоследствии Ненни. Руководители ИСП, находившиеся в изгнании, по сути дела мало что могли сделать. Заметной была деятельность «товарища Йозефа» – Фаравелли – по координации усилий социалистических антифашистских групп. За нее по приговору Особого трибунала он до 1943 г. находился вместе с С. Пертини в тюрьме. Та же участь постигла руководителя внутреннего социалистического центра в Милане Р. Моранди. Представлявший социалистов на Брюссельском конгрессе против войны в Эфиопии А. Пезенти после возвращения в Италию был арестован и осужден на 25 лет тюрьмы, там он вступил в коммунистическую партию. Ф. Де Роза, погибший позднее в Испании, был связным между группами социалистов в Париже и Турине. Деятельность многих других нелегалов-социалистов не получила широкой огласки⁷⁰. Итальянских антифашистов сплотило соглашение о единстве действий ИСП и КПИ 1934 г. и участие в боевых действиях в ходе гражданской войны в Испании. (Один из фондов Коминтерна, хранящийся в РГАСПИ, неплохо отражает это сотрудничество⁷¹.)

После ухода Тревеса ситуация в партии изменилась, что позволило настроенному на единый фронт с коммунистами секретарю партии Ненни «закрепить поворот партии влево», хотя на XXII съезде ИСП в Марселе 17–18 апреля 1933 г. большинство, представленное группировкой Тревеса–Модильяни, не поддерживало безоговорочно этот поворот. В докладе на открытии съезда Ненни многократно возвращался к трем темам: обязанность защищать СССР, единство действий, обсуждение «немец-

кого эпилога» как явления, свидетельствующего о необходимости международной борьбы с фашизмом и, следовательно, требующего единства действий рабочего класса не только на национальном, но и на международном уровне. По мнению Ненни, Коминтерн не созрел для истинной политики единства, но возможность для переговоров с ним остается.

По мере обсуждения этих тем еще ярче, чем прежде, выявилось разделение партийных рядов на ряд группировок. Противоречия существовали между двумя полюсами: тех, кто против соглашения с коммунистами (Модильяни, Тревес, Якометти), и тех, кто предлагал поддерживать единый фронт (Гарретто, Бьянко). Промежуточную позицию, которая была все же более близка первым, чем вторым, представлял Педрони. На съезде было избрано руководство партии, в него вошли Буттаини, Клеричи, Габичи, Модильяни, Ненни, Руджиненти, Сарагат. В условиях окончательного кризиса Антифашистской концентрации отдельные деятели из группы партийных лидеров, например Фаравелли, начинают размышлять о необходимости «интенсивных и пропагандистских действий в подполье в Италии и создании автономной по отношению к “Джустиция э либерта” структуры ИСП»⁷².

К середине 30-х годов фашистскому режиму удалось консолидировать свои позиции в Италии. Произошло это благодаря не только установлению и развитию корпоративной системы, но не в последнюю очередь благодаря курсу на примирение с католицизмом и подписанию в 1929 г. Латеранских соглашений с Ватиканом. Они в какой-то мере урегулировали отношения Италии с центром католицизма, бывшим Папским государством. Хотя в фашистском утверждении «в государстве все, вне государства, — ничего» содержался явный вызов христианству, Муссолини пошел на компромисс с папством⁷³. Внутри Италии духовенство могло помочь фашизму завоевать народное одобрение. Латеранские соглашения означали, что Ватикан признал фашистский режим, и это способствовало упрочению его позиций.

Итальянские левые, прежде всего КПИ, расценили Латеранские соглашения как реакционный союз церкви и фашизма, призванный предотвратить пролетарскую революцию в Италии. На ближайших парламентских выборах 1929 г. католические священники призвали отдать голоса фашистам. Новый закон о выборах, принятый в 1928 г., по сути дела ликвидировал парламентскую представительную демократию. Призыв Антифашистской концентрации игнорировать выборы, на деле не возымел действия. Уклониться от участия в выборах было трудно. Фашисты объявили, что на выборах 1929 г. за них проголосовало огромное

большинство населения, а против их списка было подано всего только 136 тыс. голосов. Палата депутатов стала теперь лишь декорацией тоталитарного режима.

КПИ на рубеже 20–30-х годов переживала острый кризис, менялось руководство партии, из нее исключаются левые (Бордига, которому инкриминировали «контрреволюционный троцкизм») и правые (Таска, Силоне) уклонисты. Состоявшийся 14–21 апреля 1931 г. в Кёльне и Дюссельдорфе IV (Кёльнский) съезд КПИ подтвердил линию Тольятти. Он руководил партией после ареста Грамши в 1926 г. Список лиц, вошедших в почетный президиум съезда, по предложению Тольятти, начинался с имени Сталина, «руководителя Коммунистического Интернационала»⁷⁴. Делегаты в сущности подтвердили разработанную Грамши на Лионском съезде 1926 г. линию на осуществление пролетарской революции в Италии. Съезд признал невозможность буржуазно-демократической революции как промежуточного этапа между временем фашистской диктатуры и временем диктатуры пролетариата. Это шло вразрез с подходами социалистов и их союзников – республиканцев и демократов.

Следуя общепринятым в те годы установкам Коминтерна, съезд КПИ выступил против социал-демократии, которая якобы «претерпела процесс реакционного перерождения» и превратилась в «социал-фашизм». Съезд повторил взятые ранее обязательства «добиться завоевания большинства пролетариата и создания революционного блока рабочих и крестьян». Целью коммунистов теперь было освободить их от влияния демократов и социал-демократов, а также католиков, вывести из-под воздействия массовых фашистских (дополаворо и др.) и католических организаций, добившись их разложения⁷⁵. Подобного рода установки не могли не привести к углублению противоречий с социалистами и другими потенциальными союзниками по антифашистской борьбе, в первую очередь с представителями левых католиков. Лишь после VII конгресса Коминтерна, состоявшегося 10–11 августа 1935 г. в Москве, коммунисты изменяют свои подходы и начнут повсеместно создавать широкий блок антифашистских сил.

Но в Италии это произошло несколько раньше. Уже в июле 1934 г., незадолго до заключения в августе пакта о единстве действий с социалистами, Тольятти опубликовал в ежемесячнике КПИ «Стато операйо» статью «За единство действий пролетариата»⁷⁶. Тематике единства был посвящен доклад Г. Димитрова на VII конгрессе Коминтерна. Другой доклад, посвященный угрозе надвигающейся войны, сделал Тольятти. В нем даны оценки

международной обстановки в условиях наступления фашизма. Г. Димитров уточнил ближайшие задачи Коминтерна, которые в последующие годы он продолжал конкретизировать⁷⁷. Тольятти также заострил внимание на задачах III Интернационала⁷⁸. Конгресс решительно отказался от теорий «социал-фашизма». Это встретило отклик в мировом рабочем движении, в том числе среди итальянских социалистов, готовых идти на сближение с коммунистами и Коминтерном в общей антифашистской борьбе.

В руководящих органах Итальянской социалистической партии в 30-е годы происходила смена поколений. Об этом свидетельствует переписка лидеров: Ненни, Руджиненти, Росселли, Силоне, Якометти, Моранди, Бассо, Вальяни, Фаравелли, Балабановой⁷⁹, Таски и др.⁸⁰ Последний после исключения из рядов КПИ в 1929 г. за «опportunистическую позицию» сотрудничал в «Аванти». В августе 1934 г. Таска начал выпуск собственного журнала «Социалистическая политика», в котором отстаивал идеи гуманизма и демократии⁸¹. Наряду с выходившей в Париже и Цюрихе «Аванти», на направление которой влияли Балабанова и ее сторонники, появилась «Новая Аванти», главным редактором которой стал Ненни. На страницах этих изданий шли споры между социалистами и руководством «Джустития э либерта» во главе с К. Росселли о том, какой надлежит быть будущей революции, социалистической или демократической?⁸² Таска посвятил этой проблеме изданную в Швейцарии в 1934 г. книгу⁸³. Ширилось пацифистское движение, выступавшее в союзе с социалистами и коммунистами⁸⁴.

Давая периодизацию истории ИСП данного периода, Г. Арфе различал «несколько фаз социалистической эмиграции». Первая (1927–1934) – от рождения Антифашистской концентрации до первого соглашения о единстве действий социалистов и коммунистов. Заметным событием того периода стал объединительный съезд социалистов 1930 г. Вторая фаза (1935–1939) завершилась с заключением пакта о ненападении между нацистской Германией и СССР. Третья фаза, начавшаяся в 1941 г., совпала с оживлением антифашистского движения, когда социалисты вместе с другими антифашистскими силами начали сражаться за освобождение Италии от фашизма⁸⁵.

После заключения соглашения о единстве действий 17 августа 1934 г., социалисты и коммунисты рассылали из Парижа директивы, которым должны были следовать члены той и другой партий в Италии. В борьбе с фашистским режимом им надлежало оказывать друг другу «братскую поддержку»⁸⁶. В рамках об-

щего антифашистского фронта, как справедливо замечает А. Тизо, главной задачей ИСП стал поиск союзников. Эта тематика доминировала на съездах партии, принятие программ отодвигалось тогда на неопределенный срок. Ненни был всегда убежден, что раскол 1921 г. был «трагической ошибкой»⁸⁷. Тем не менее социалисты продолжали подчеркивать, что между подходами двух партий к «социализму и демократии» имеются существенные различия⁸⁸.

Период унитарной политики ИСП и КПИ не был безоблачным, каждая партия в рамках этого союза проводила собственную линию и занимала свою позицию по актуальным вопросам. Достаточно вспомнить, например, что впоследствии, в середине 40-х годов, КПИ участвовала во втором правительстве Бономи, тогда как социалисты отказались войти в его кабинет, или что коммунисты проголосовали за статью VII республиканской конституции, тогда как социалисты были против ее принятия. И все же, несмотря на различные подходы к оценке разных, в том числе важнейших, аспектов политики, «обе партии смогли проводить эффективную совместную линию в полном соответствии с текущим моментом»⁸⁹.

Коммунисты и их лидер Тольятти в годы гражданской войны в Испании размышляли о демократии нового типа после завоевания власти пролетариатом. «Ее сила будет определяться тем, что руководящая роль в ней перейдет к рабочему классу, тем, что она разрушит материальную базу реакции: экспроприирует крупную земельную собственность, даст землю крестьянам, конфискует фабрики у тех капиталистов, которые будут противиться воле народа, введет рабочий и народный контроль на заводах, в управлении банков и различных обществ»⁹⁰. Именно за такой строй, согласно Тольятти, сражались республиканцы Испании. К аналогичным выводам пришли и социалисты. Один из их лидеров, Р. Моранди, пришел к заключению, что для победы Народного фронта в Италии необходимо объединение всех революционных сил. Она должна привести не только к установлению демократической республики, но и к социалистическим преобразованиям⁹¹. Когда фашизм развяжет войну, замечал Моранди, итальянские пролетарии ответят на нее революцией⁹². Новая революционная стратегия левых сил явилась «синтезом теории и практики итальянского и международного антифашизма».

После первого пакта о единстве действий социалистов и коммунистов (подписанного в Париже 17 августа 1934 г.) 26 июля 1937 г. был заключен второй, существенно дополненный. В первом документе ощущались различия в «доктрине, методах, так-

тике двух партий», хотя социалисты и коммунисты надеялись, что они не помешают совместной «борьбе пролетариата против фашизма и войны»⁹³. Общими целями тогда являлись противодействие фашистской политике вмешательства в дела Австрии, требование амнистии для осужденных Особым трибуналом и репрессированных, защита прав трудящихся, свобода профсоюзной деятельности. В Италии в начале 30-х годов подпольно действовали 10 тыс. коммунистов, социалистов-подпольщиков было меньше⁹⁴.

Соглашение 1934 г. оказало непосредственное влияние на ход событий во Франции, где был создан Народный фронт. К власти пришло правительство Леона Блюма, которое поддерживали парламентарии-коммунисты. В статье 7-й соглашения итальянских коммунистов и социалистов 1937 г. оговаривалась возможность создания единой партии рабочего класса. После войны Ненни, однако, решительно отказался от этой идеи, предпочтя сохранять автономию ИСП в рабочем движении. На заседании ЦК ИСП в октябре 1945 г. он подчеркнул, что «проблема объединения социалистической партии с коммунистами не стоит на повестке дня»⁹⁵.

На основе соглашений о единстве действий социалисты и коммунисты совместно участвовали в антифашистской борьбе в ходе гражданской войны в Испании. Итальянские левые с оружием в руках противостояли тем, кого посылали в Испанию правительства Гитлера и Муссолини. Итальянские антифашисты сформировали в Мадриде батальон «Гарибальди» и участвовали в военных операциях на стороне испанских республиканцев в Каталонии. Многие итальянцы записывались добровольцами в интернациональные бригады. Мятеж генерала Франко 19 июля 1936 г., поддержанный реакционными и консервативными силами, был направлен на свержение законного правительства Испанской республики, сформированного после победы партий Народного фронта на выборах 16 февраля 1936 г. Демократические силы Европы поздно оценили исходящую от этого мятежа опасность. Итальянские антифашисты, по признанию П. Ненни, быстро осознали угрозу. Слова К. Росселли «Сегодня – в Испании, завтра – в Италии» с одобрением восприняли все итальянские антифашисты.

В начале августа 1936 г. Росселли уже находился в Барселоне, а секретарь Итальянской республиканской партии Паччарди создал первые подразделения батальона «Гарибальди», которыми он командовал в битве за Мадрид. Лонго и Ди Витторио вместе с французом Андре Марти формировали интернациональные

бригады. В Испанию приехал также Тольятти, представлявший Коминтерн. П. Ненни находился в Мадриде, представляя Социалистический интернационал. Он поддерживал тесные отношения с Испанской рабочей партией и наряду с представлявшим КПИ Лонго занимался подготовкой интернациональных бригад⁹⁶. Первым итальянцем антифашистом, погибшим на полях сражений в Испании, стал социалист Фернандо Де Роза. Он был известен тем, что совершил покушение на итальянского наследного принца Умберто во время его приезда в Брюссель. Де Роза стал в Испании командиром батальона «Октябрь», сформированного из молодых республиканцев. Он погиб в сражении 16 сентября 1936 г. Ненни, хорошо знавший этого молодого социалиста, героя испанской войны, описал действия возглавлявшегося им батальона «Октябрь» в своем дневнике⁹⁷.

Участником гражданской войны в Испании был и ставший впоследствии политиком и историком Лео Вальяни (настоящая фамилия – Вейцен), человек сложной судьбы. Он родился во Фиме в 1909 г. После принятия чрезвычайных законов стал активным антифашистом, был арестован и сослан на остров Понца, где вступил в КПИ, из которой вышел после заключения пакта между Сталиным и Гитлером. В 1936 г. он оказался в Париже и оттуда отправился на войну в Испанию как корреспондент ряда газет, одно время был редактором газеты «Воche дельи итальяни». Интернированный в конце испанской войны во французский лагерь, он сумел в 1940 г. бежать и переправился в США, чтобы в 1943 г. вернуться оттуда в Италию. В 1943–1945 гг. он представлял Партию действия в высших органах Комитета национального освобождения, после войны возглавил миланское издание «Италия либера», был избран депутатом Учредительного собрания, в конце жизни стал почетным сенатором. С 50-х до 90-х годов Вальяни тесно сотрудничал с ИСП, написал ряд работ по истории социалистического движения⁹⁸.

Многие итальянские антифашисты, социалисты и коммунисты, сражаясь плечом к плечу против итальянских войск, посланных Муссолини на поддержку Франко, сложили головы в Испании в 1936–1939 гг. В марте 1937 г. в Гвадалахаре произошло прямое столкновение батальона «Гарибальди» и итальянских частей фашистской регулярной армии. Итальянские антифашисты использовали затем обретенный в Испании опыт в ходе партизанских боев 1943–1945 гг. за освобождение Италии.

По свидетельству участника испанских событий П. Ненни, «ситуация была предельно ясной, с одной стороны, фашистский переворот, вызвавший резкое противодействие народных масс и

потерпевший крах в Мадриде и Барселоне. С другой стороны – законное испанское правительство, оставшееся на своем посту в Мадриде, а потом вынужденное переехать сначала в Валенсию, затем в Барселону. Оно не требовало прямой военной поддержки от правительств Парижа и Лондона, но просило их продолжать поставки вооружения, за которые расплачивалось. Все остальное было делом испанского народа»⁹⁹.

Правительства Лондона и Парижа игнорировали вмешательство в испанскую гражданскую войну Гитлера и Муссолини и предпочли напрямую не вмешиваться, исходя каждое из своих соображений. Л. Блюм, с которым Ненни имел тесный контакт и которого не раз информировал о положении дел, когда приезжал из Мадрида в Париж, опасался перенесения гражданской войны на территорию Франции, поэтому шел на компромисс с правыми. Блюм пытался добиться принятия Лигой наций решения, осуждающего агрессивные действия Гитлера и Муссолини, кроме того, он не был против нелегальных поставок оружия для испанских республиканцев. Но всю опасность, исходящую от нацистского и фашистского режимов, Европа осознала слишком поздно, лишь в 1939 г., констатировал Ненни.

26-28 июня 1937 г. в Париже состоялся III (XXIII) съезд ИСП в изгнании. Ненни, только вернувшийся с фронта в Испании, подчеркнул, что Европа находится на распутье между войной и революцией, которая после начала войны на континенте приведет к гражданской войне и свержению фашизма. Как отмечал Ненни в документе под названием «Действия социалистов в случае, если разразится война», составленном им несколько месяцев спустя, съезд сосредоточил внимание на двух основных пунктах. «Во-первых, в создавшихся условиях проблемы внешней политики, хотя и остаются тесно связанными с проблемами политики внутренней, вышли на первый план. Во-вторых, рабочий класс, который борется за свержение фашизма, должен сохранить за собой свободу действий для превращения победы над фашизмом в победу над капитализмом»¹⁰⁰. Съезд обязал партию поддерживать политику демократических государств и СССР, учитывая ее антифашистскую направленность и их стремление сохранить мир. По предложению Ненни съезд высказался за более тесное единство действий социалистов и коммунистов, создание антифашистского народного фронта.

11 июля 1937 г. было опубликовано Заявление ИСП и КПИ, в котором перечислялись пункты новой хартии о единстве действий. «Итальянская социалистическая партия и Коммунистическая партия Италии имеют общую цель – свержение фашизма и

капитализма и образование итальянской социалистической республики», говорилось в документе. «В нынешней фазе классовой борьбы они хотят объединить всех антифашистов, весь народ в целях завоевания демократии». Собственные проекты Антифашистского альянса были предложены 22 июля 1937 г. социалистами, а в ноябре того же года коммунистами¹⁰¹. 26 июля был заключен новый пакт о единстве действий социалистов и коммунистов, который был шагом вперед по сравнению с пактом ИСП и КПИ 1934 г.

В широкий Антифашистский альянс вошли четыре политических силы: КПИ, ИСП, ИРП, «Справедливость и свобода». Проекты КПИ и ИСП по созданию антифашистского союза удалось объединить на совместном заседании представителей двух партий 2 декабря 1937 г.¹⁰² «Справедливость и свобода» в начале мая 1939 г. предложила свой проект единства действий¹⁰³. Сразу после начала мировой войны руководство ИСП (секции Социалистического рабочего интернационала) направило федерациям партии «инструкции по работе в Италии». В них среди прочего указывалось на необходимость создания в стране антифашистских групп¹⁰⁴. Антифашисты начали выпуск газеты «Воче дельи итальяни», «единственной газеты за границей, через которую должно было поддерживаться единство действий»¹⁰⁵.

Позиция ИСП в 1934–1939 гг. отличалась от позиций других левых партий Западной Европы, в том числе французских социалистов. И хотя участие в совместной освободительной борьбе 1943–1945 гг. подтвердило правильность избранной линии единства действий и совместной перспективы, а рабочее движение стало главной движущей силой социального обновления и возникновения республиканской Италии, разногласия между коммунистами и социалистами оставались. События, связанные с расколом социалистов на съезде 1947 г., показали, что часть социалистов, несмотря на долгие годы совместной борьбы, так и осталась на антикоммунистических, антисоветских позициях¹⁰⁶.

Реформистскую линию в рядах социалистов продолжал отстаивать Сарагат. Его позиция была близка позициям Кроче, Эйнауди, Мартинетти, Руффини. В опубликованной в 1932 г. рецензии Сарагата на книгу Мартинетти «Свобода» дана характеристика философии свободы. В 1936 г. Сарагат публикует на французском языке книгу «Марксистский гуманизм», в которой подчеркивается гуманистическое начало учения Маркса. Австромарксистские взгляды Сарагата позволили ему выйти на новый, неизвестный в итальянском социализме уровень трактовки проблем марксизма. «Пролетариат не должен снижать уровень чело-

веческого бытия лишь до собственных классовых потребностей, необходимо, чтобы они оказались включены в общую человеческую реальность». «Интегральный гуманизм пролетариата, сознательным выражением которого является идея свободы, представляется, таким образом, существенным элементом и основой его классового сознания», писал Сарагат. «Условие освобождения трудящихся классов – это полное завоевание человека; пролетариат ставит перед собой универсальные цели... и ведущаяся им борьба может развиваться лишь в условиях свободы, которую надо требовать всегда и везде»¹⁰⁷.

Пакт о единстве действий социалистов и коммунистов 1934 г. Сарагат воспринял в те годы как «необходимую оборону против фашистов», защитную меру в борьбе с фашизмом и профашистскими настроениями правящих классов во многих европейских странах. Он был убежден «в конечной победе социализма, а не коммунизма».

Лидер ИСП Ненни предпринимал шаги, чтобы оба действовавших в межвоенный период крупные международные объединения социалистов и социал-демократов – Социалистический интернационал, находившийся в Лондоне, и Социалистический рабочий интернационал в Брюсселе – объединили силы в антифашистской борьбе, поддержке испанских республиканцев. Выступая на совместном заседании двух Интернационалов в Брюсселе в марте 1938 г., Ненни предупредил, что «победа гитлеровцев в Австрии окажет “возбуждающее воздействие” на силы фашизма в Европе, а победа фашистов в Испании приведет к такому всплеску их агрессивности, что европейская война станет неизбежной». Так и произошло, 1 апреля 1939 г. Франко провозгласил, что война в Испании завершилась его победой, 1 сентября последовало нападение Гитлера на Польшу, 3 сентября началась Вторая мировая война¹⁰⁸.

Тем временем в самой Италии обстановка заметно изменилась. Стабильность режима нарушилась после развязанной Муссолини и осужденной международным сообществом колониальной войны в Эфиопии. Лига наций ввела против Италии экономические санкции. Это вызвало недовольство в стране, небывалый взрыв националистических эмоций, в движение была приведена «огромная машина идейно-политической организации масс». Пожалуй, именно тогда был достигнут наивысший уровень консенсуса, поддержки населением фашистского режима.

Эфиопская война началась в октябре 1935 и закончилась к маю 1936 г. По окончании войны, в которой был взят реванш за унижительное поражение итальянских войск при Адуа в 1896 г.,

луче провозгласил страну империей. Фашизм пытался представить себя наследником Древнего Рима. В этом направлении шла психологическая обработка населения, создавались произведения тоталитарного искусства. Успехи фашистской Италии и ее связь с находившимся когда-то на территории Апеннинского полуострова центром огромной империи был призван отразить национальный павильон на открывшейся в Париже в 1937 г. всемирной выставке¹⁰⁹.

Еще один всплеск массового энтузиазма произошел, когда Муссолини вместе с новым союзником Гитлером добились в 1938 г. в Мюнхене урегулирования на свой лад судетского кризиса, а их партнеры по переговорам Англия и Франция фактически предали Чехословакию. С конца 30-х годов популярность режима пошла на спад. Самого низкого уровня она достигла в 1943 г., когда фашизм потерпел крах. «Итальянцы отворачивались от режима Муссолини не только по политическим, социальным, нравственным, но и морально-правовым мотивам. Ликвидация демократических свобод и правопорядка, преследование инакомыслящих, тирания и несправедливость – все это порождало эмоциональный протест»¹¹⁰.

Проводившаяся фашизмом политика модернизации итальянской экономики, превращения страны из аграрно-индустриальной в индустриальную с крупной долей аграрного сектора, поначалу приносившая определенные плоды, не помогла Италии выйти на равный уровень с ведущими капиталистическими державами. Путь экономического самообеспечения – автаркии, декларированный фашистами, на деле оказался тупиковым. Даже производство сельхозпродуктов не удовлетворяло внутренних потребностей, не говоря уже о промышленном производстве. Муссолини нередко жаловался, что Италия – обделенная природными ресурсами страна, поэтому-де и тормозится ее экономическое развитие. Об этом он однажды прямо заявил послу СССР¹¹¹. Установив дипломатические отношения с Советским Союзом, он рассчитывал на развитие торговых связей, в первую очередь на поставки нефти, ставшей столь необходимой в XX в. для военных и гражданских нужд экономики.

10 июня 1940 г., когда Италия объявила войну Франции и Англии, Муссолини выступил с балкона Палаццо Венеция перед ликовавшей римской толпой, доверие к фашизму в стране было уже подорвано. Вступив в войну на стороне нацистской Германии, Италия в дальнейшем терпела одно поражение за другим. Самым крупным из них стал разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом. Он вызвал подъем антифашистской борьбы

внутри страны. В марте 1943 г. на Севере Италии прошла мощная забастовка рабочих. Эти события стали прологом Соппротивления, участники которого уже готовились к прямой схватке с войсками режима. Попытки фашизма мобилизовать массы успеха не имели. Мало кто был способен пойти на жертвы ради спасения разваливавшейся системы. От консенсуса середины 30-х годов не осталось и следа.

Консолидация антифашистов в конце 30-х – начале 40-х годов происходила, невзирая на то, что наметившееся было объединение социалистов и коммунистов в единую партию после заключения пакта Молотова–Риббентропа в 1939 г., по словам Ненни, «открывшего дорогу войне», не состоялось. Последовали месяцы жесткой полемики социалистов с коммунистами, продолжавшейся до тех пор, пока начавшаяся гитлеровская агрессия против СССР «не уничтожила скрытый смысл абсурдного пакта».

Единство действий социалистов и коммунистов было восстановлено соглашением, подписанным в Тулузе в октябре 1941 г. Его подписали Серени и Доцца от КПИ, Сарагат и Ненни от ИСП, Трентин и Фаусто Нитти от «Свободы и справедливости». Было принято совместное обращение к итальянскому народу с призывом положить конец режиму Муссолини, нанесшему стране огромный ущерб.

После падения фашистского режима 25 июля 1943 г. единство действий коммунистов и социалистов упрочилось в ходе борьбы антифашистских сил за Освобождение. 4 августа 1943 г. Дж. Роведа и Дж. Амендола от имени коммунистов, О. Вернокки и Дж. Ромита от имени социалистов подписали соглашение о единстве действий рабочего класса. Оно было подтверждено затем в пространном договоре КПИ и ИСП от 28 сентября 1943 г. Еще более содержательным стал пакт о единстве действий, подписанный уже после войны, в 1947 г. Под ним стояла, в частности подпись Дж. Сарагата, который всего несколько недель спустя на съезде социалистов в палаццо Барберини именно по вопросу о сотрудничестве с коммунистами занял иную позицию, что привело к очередному расколу партии, выходу из нее правого крыла и образованию новой партии социал-демократов¹¹².

¹ Lill R. Das faschistische Italien (1919/22–1945) // Kleine italienische Geschichte. Stuttgart, 2004. S. 371.

² Procacci G. Storia degli italiani. Bari, 1968. Vol. II. P. 508.

³ Автор биографии Муссолини историк Р. Де Феличе снимает вину за подготовку покушения с фашистов и считает, что Дзамбони действовал в

- одинокую, не будучи связан с какой-то организацией. Однако исключать, что фашисты сознательно использовали это покушение для развязывания новой волны насилия против антифашистских сил, для того чтобы «вырвать социалистическую партию из-под контроля Турати», нельзя. После покушения фашисты разгромили не только организации социалистов, но и «пополяри» и католиков (*De Felice R. Mussolini il fascista. Torino, 1968. Vol. II: L'organizzazione dello Stato fascista, 1925–1929. P. 205–208*).
- ⁴ *Mussolini B. Opera omnia / A cura di E. e D. Susmel. Firenze, 1959. Vol. XXII. P. 241.*
 - ⁵ *Grilli L. Amadeo Bordiga: capitalismo sovietico e comunismo. Milano, 1982. P. 13; Livorsi F. Amadeo Bordiga. Roma, 1976. P. 452.*
 - ⁶ *Комолова Н.П. Новейшая история Италии. М., 1970. С. 81.*
 - ⁷ *Fiori G. Vita di Antonio Gramsci. Bari, 1966. P. 267.*
 - ⁸ *Комолова Н.П. Указ. соч. С. 81–82.*
 - ⁹ *Stato operaio. [Parigi], 1927. Marzo. A. I. N 1. P. 7; Spriano P. Storia del Partito comunista italiano. Torino, 1969. Vol. II: Gli anni della clandestinità. P. 105–106.*
 - ¹⁰ *Spriano P. Storia del Partito comunista italiano. Vol. I. Da Bordiga a Gramsci. Torino, 1976. P. 409, 413–414, 425–426; Idem. P. Storia del Partito comunista italiano. Vol. II. P. 102, 353–354.*
 - ¹¹ *Spriano P. Storia del Partito comunista italiano. Vol. I. P. 473–474; Vol. II. P. 102.*
 - ¹² *РГАСПИ. Ф. 480. Документы международного социалистического движения 1919–1941 гг. Д. 580.*
 - ¹³ *Alatri P. L'antifascismo italiano. Roma, 1961. Vol. II. P. 74.*
 - ¹⁴ *Omerta' aventiniana // Unità. Roma, 1926. 5 ag.*
 - ¹⁵ *Spriano P. Storia del Partito comunista italiano. Vol. II. P. 36–37.*
 - ¹⁶ *De Felice R. L'unità socialista nel 1925–26 // Mondo operaio. Roma, 1965. A. XVIII. N 8/9. P. 16–35.*
 - ¹⁷ *Цит. по: Spriano P. Storia del Partito comunista italiano. Vol. II. P. 40.*
 - ¹⁸ *Archivio centrale dello stato (ACS). Carteggio Serrati. Busta 139. F. 9.*
 - ¹⁹ В одном из документов Коминтерна под заголовком «Политические и организационные проблемы Итальянской Компартии» представлена «программа действия Итальянской компартии» 1928 г., в ней сказано об отношении партии к созданной в Париже антифашистской «демократической концентрации».

«В особой резолюции ЦК выразил свою точку зрения на вопрос о «демократической концентрации», подчеркивалось в этом документе. В резолюции разъяснялось, что «концентрация» объективно служит орудием в руках фашистской диктатуры, ибо она тормозит подлинную антифашистскую борьбу трудящихся масс. «В продолжение года посредством «концентрации» пытались внушить массам, что внутри буржуазии есть слои, поворачивающиеся спиной к фашизму и желающие против него бороться. Критика, которой КП непрерывно подвергала «концентрацию», ее основы и цели с тем результатом, что пролетарские члены «концентрации» все чаще выступали против сотрудничества классов и за сотрудничество с коммунистической партией, вынудили «концентрацию» встать на республиканскую точку зрения и выдвинуть требование демократической рабочей республики».

«Но “концентрация” рассматривает фашистское государство только с политической точки зрения; она критикует его, как антидемократическое и антилиберальное государство, она не видит его экономического содержания и не связывает борьбу с фашизмом с борьбой против капитализма. Таким образом, она в своих последователях создает иллюзию, что в Италии может быть свергнут политический режим без всяких перемен в капиталистическом режиме. Это обстоятельство вынуждает КП к заострению борьбы против “концентрации”, которая мешает установлению единого фронта трудящихся масс для борьбы против фашизма и капитализма», отмечали авторы этого документа (РГАСПИ. Отдел информации ИККИ. Москва, 3 июля 1928 г. Отчет № 786. Ф. 495. Оп. 33. Д. 395. Л. 39).

- 20 *Galli G. Storia del socialismo italiano. Roma; Bari, 1983. P. 119; РГАСПИ. Ф. 480. Д. 590.*
- 21 О сложностях взаимоотношений коммунистической и социалистической эмиграции в 20–30-е годы см.: *Лонго Л., Салинари К. В трудные годы: Воспоминания и размышления борца-коммуниста. М., 1980: Амедола Дж. Выбор на всю жизнь: Воспоминания. М., 1983.*
- 22 См.: *Коминтерн против фашизма. М., 1999. С. 410–413.*
- 23 *Монтаньяна М. Итальянские трудящиеся и коммунисты в эмиграции // Тридцать лет международной борьбы Итальянской коммунистической партии. М., 1953. С. 292–300.*
- 24 *Arfe G. L'emigrazione socialista in Francia // Storia del Partito socialista italiano, 1892–1976. Firenze, 1977. P. 201.*
- 25 *Spriano P. Storia del Partito comunista italiano. Vol. II. P. 100; Arfe G. L'emigrazione socialista in Francia. P. 201–202.*
- 26 *Nenni P. Intervista sul socialismo italiano / A cura di G. Tamburrano. Roma; Bari, 1977. P. 49.*
- 27 *АВП РФ. Ф. 098. Оп. 7. П. 117. Д. 247. Л. 17.*
- 28 *Heller H. Europa und der Faschismus. Berlin; Leipzig, 1929. S. 5.*
- 29 *АВП РФ. Ф. 098. Оп. 7. П. 117. Д. 247. Л. 32.*
- 30 *Rosselli J. Nota del curatore // Rosselli C. Opere scelte. Torino, 1973. Vol. I: Socialismo liberale. P. CXV.*
- 31 *Leoni F. Storia dei partiti politici italiani / Pref. di G. Andreotti. Napoli, 1975. P. 539. Очерк философии и политической деятельности А. Капитини см.: Bobbio N. Maestri e compagni. Firenze, 1984. P. 239–300.*
- 32 *М.П. (Массимо Пиккьянти). Карло Росселли: Биографический очерк // Росселли К. Либеральный социализм. М., 1989. С. 13–16.*
- 33 *Leoni F. Op. cit. P. 545.*
- 34 *Garosci A. Prefazione // Rosselli C. Opere scelte. Vol. I. P. XI.*
- 35 *Ibid. P. XLIX.*
- 36 *Rosselli C. Liberalismo socialista // Rosselli C. Opere scelte. Vol. I. P. 107.*
- 37 *Ibid. P. 119–121.*
- 38 *Ibid. P. 349.*
- 39 *Кракси Б. Предисловие // Росселли К. Либеральный социализм. С. 11–12.*
- 40 Там же. С. 17–18.
- 41 *Rosselli C. Liberalismo socialista. Vol. I. P. 486–487.*
- 42 *Росселли К. Либеральный социализм. С. 75–77.*
- 43 Там же. С. 81.

- 44 Там же. С. 85.
- 45 Там же. С. 86–88.
- 46 Там же. С. 89–97.
- 47 Там же. С. 120–121.
- 48 Там же. С. 178–179.
- 49 См.: Карло Росселли и левые в Европе. М., 1999.
- 50 См., например, первое издание на русском языке, не отличающееся полнотой, впрочем, ею не отличались и первые зарубежные издания: *Грамши А. Избр. труды*: В т. 3. М., 1957–1959. Последующие переиздания в СССР также отличались выборочностью. Взвешенные оценки вклада Грамши в теорию марксизма и его подходов к изучению истории см.: *Григорьева И.В. Исторические взгляды Антонио Грамши*. М., 1979.
- 51 *Saragat G. Quaranta anni di lotta per la democrazia. Scritti e discorsi 1925–1965*. Milano, 1966. P. VII, 12.
- 52 *Saragat G. Un sofisma // Quarto stato. Rivista socialista di cultura politica*. Milano, 1926. 2 ott. P. 1; *Idem. Il nostro errore // Ibid.* 22 magg. P. 1–2; *Galli G. Storia del socialismo italiano*. P. 119.
- 53 Об этой выставке и отношении к ней кёльнских властей см.: *Брам Х., Люббин В.П. Адаенаэр и СССР // Россия и современный мир*. М., 2006. № 2. С. 161–173.
- 54 *Pittoni B. Sodalizio filiale // Lettere da esilio di Filippo Turati / A cura di B. Pittoni*. Milano, 1968. P. 70–73.
- 55 *Ibid.* P. 240.
- 56 *Ibid.* P. 78–81.
- 57 *Malvestiti P. I socialdemocratici*. Roma [1957]. P. 46–47.
- 58 *Nenni P. Op. cit.* P. 46–47, 50.
- 59 *Tamburrano G. Pietro Nenni*. Roma; Bari, 1986. P. 376.
- 60 *Santarelli E. Pietro Nenni*. Torino, 1988. P. 140–143.
- 61 *Vallauri C. L'IOS e i socialisti italiani tra le due guerre // L'emigrazione socialista nella lotta contro il fascismo (1926–1939)*. Firenze, 1982. P. 53.
- 62 *Spriano P. Storia del Partito comunista italiano. Vol. II, cit.* 1969. P. 295.
- 63 *Arfe G. La politica del gruppo dirigente socialista nell'esilio // L'emigrazione socialista... P. 17.*
- 64 *Malvestiti P. Op. cit.* P. 62–63.
- 65 *Valiani L. Die ideologische Entwicklung des demokratischen Sozialismus in Italien // Sozialistische Weltstimmen*. B., Hannover, 1958. S. 177.
- 66 РГАСПИ. Ф. 480. Д. 180–181, 225, 580.
- 67 О деятельности этого Интернационала в период между войнами, в частности на итальянском направлении, см.: *L'Internazionale operaia e socialista tra le due guerre. Annali. Fondazione G. Feltrinelli*. A. 23. 1983/1984. Milano, 1985; *Tobia B. Pietro Nenni e la politica dell'Internazionale Operaia e Socialista*. P. 135–175; *Rapone L. Il Partito socialista italiano fra Pietro Nenni e Angelo Tasca*. P. 661–710.
- 68 РГАСПИ. Ф. 480. Д. 576, 577, 594.
- 69 *Colarizzi S. L'età delle scissioni: il PSI tra seconda e terza Internazionale // Banfi A. et al. Storia del Partito socialista. Dall'antifascismo alla ricostruzione / A cura di Fondazione Brodolini*. Venezia, 1979. P. 11–26.
- 70 *Nenni P. Op. cit.* P. 58–59.

- 71 В фонде 545 среди прочих документов на испанском, английском, немецком, итальянском и других языках хранятся письма известных итальянских антифашистов, воевавших в Испании, – Ненни, Лонго, Паччарди, Раверы, Трентина и др. Там же находятся биографии ряда участников гражданской войны, а также официальная переписка комиссариата XII бригады (бригады «Гарибальди») с испанским республиканским правительством (см. РГАСПИ. Ф. 545. Гражданская война в Испании. Оп. 3. Д. 151. Л. 12–38; Ф. 545. Оп. 1. Д. 61. Л. 1–4, 131–138).
- 72 *Bidussa D.* La «svolta» del Psi, 1933–1934 // *Società e storia*. Milano, 1986. N 32. P. 386–388.
- 73 Подробнее см.: *Токарева Е.С.* Фашизм, церковь и католическое движение в Италии. М., 1999; *Мак Смит Д.* Муссолини. М., 1995. С. 184; *Bosworth R.J.B.* Mussolini. L., 2002.
- 74 См.: *Storia del Partito comunista italiano*. Vol. II. P. 308–325.
- 75 Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии. С. 355.
- 76 *Togliatti P.* Per l'unità d'azione del proletariato // *Stato operaio*. Parigi, 1934. N 7; *Idem.* Opere / A cura di E. Ragionieri. Roma, 1973. Vol. III, t. 2: 1929–1935. P. 399–403.
- 77 *Димитров Г.* Война и рабочий класс капиталистических стран // *Коммунистический интернационал*. М., 1939. 7 нояб.
- 78 *Togliatti P.* La preparazione di una nuova guerra da parte degli imperialisti e i compiti dell'Internazionale comunista // *Opere*. Vol III, t. 2. P. 730–805.
- 79 А. Балабанова, оставшаяся членом руководящей группы ИСП, сохраняла приверженность максимализму. Немало документов, связанных с жизнью и борьбой А. Балабановой в 20–30-е годы хранится в Архиве Амстердамского института социальной истории. Благодаря содействию немецкого коллегу, профессора Мюнстерского университета Л. Майера и голландскую коллегу В. Верхаген, которые провели по моей просьбе розыски в этом архиве и сделали ксерокопии писем из фонда Балабановой. Часть документов (в копиях) амстердамского собрания о деятельности Балабановой есть в Архиве Фонда Эберта в Бонне. О фондах Института социальной истории см.: *Guide to the International Archives and Collections at the IISH, Amsterdam* / Ed. J. Haag, A. van der Horst. Amsterdam, 1999. Фонд Балабановой разбит хронологически на две части: 1914–1938; 1939–1962 гг. Существенно дополняют собрание в Амстердаме документы фонда Балабановой в швейцарском Федеральном архиве в Берне, относящиеся к 10–30-м годам, который мне удалось обработать. Московский архив РГАСПИ имеет фонд Балабановой, в котором представлены в основном материалы 10-х – начала 20-х годов. Несмотря на недавние издания ряда материалов (например, писем Балабановой из Архива Дома Плеханова), многие интересные документы, освещающие ее деятельность, еще ждут публикации.
- 80 *A. Tasca – A. Balabanoff*, 19 maggio 1934; *A. Balabanoff – A. Tasca*, 22 maggio 1934 // *Archivio Tasca*. Fondazione Feltrinelli. Corrispondenza, f. Balabanoff; *Tasca A.* Il problema delle nuove generazioni // *Avanti*. Parigi, 1934. 21, 26 magg.; *Jacometti A.* Antifascismo e socialismo // *Ibid.* 19 magg.; *Spertia (G. Saragat).* Socialismo e antifascismo // *Ibid.* 7 lugl.

- ⁸¹ Documenti dell'Archivio Tasca: la rinascita del socialismo italiano e la lotta contro il fascismo dal 1934–1939 / Introd. di S. Merli // *Annali* 1961–1962. A. 2. Fondazione G. Feltrinelli. Milano, 1963.
- ⁸² *Zucaro D.* Introduzione // *Socialismo e democrazia nella lotta antifascista 1927–1939. Dalle carte Nenni e dagli archivi di «Giustizia e libertà» e del Partito Comunista Italiano* / A cura di D. Zucaro. *Annali*. A. 25. 1986–1987. Fondazione G. Feltrinelli. Milano, 1988. P. 41–63.
- ⁸³ *Rossi A.* [*Tasca A.*]. De la démocratie au socialisme. La Chaud-de-Fond, 1934.
- ⁸⁴ *Procacci G.* La «lotta per la pace» nel socialismo internazionale alla vigilia della seconda guerra mondiale // *Storia del marxismo*. Torino, 1981. Vol. III, pt. II: Dalla crisi del '29 al XX congresso. P. 560–561.
- ⁸⁵ *Arfe G.* L'emigrazione socialista in Francia. P. 204.
- ⁸⁶ Direttive del Partito comunista e del Partito socialista per la realizzazione dell'unità d'azione // *Socialismo e democrazia nella lotta antifascista 1927–1939*. P. 232–233.
- ⁸⁷ *Nenni Pietro.* Protagonista e testimone di un secolo, 1891–1991. Roma, 1991. P. 134.
- ⁸⁸ La Direzione del Partito socialista italiano. La piattaforma politica e tattica del nostro partito. All'Ufficio politico del Partito comunista d'Italia. 10 novembre 1936 // *Ibid.* P. 318–321.
- ⁸⁹ *Tiso A.* Il partito socialista italiano. P. 53, 57.
- ⁹⁰ *Lo Stato operaio (1927–1939).* Antologia. Roma, 1964. Vol. II. P. 490; см. также: *Комолова Н.П.* Движение Сопротивления и политическая борьба в Италии, 1943–1947 гг. М., 1972. С. 23.
- ⁹¹ *Annali dell'Istituto Feltrinelli.* A.V. (1962). Milano, 1963. P. 595.
- ⁹² *Morandi R.* Opere. Torino, 1963. Vol. I. P. 162–163.
- ⁹³ *Nenni P.* Op. cit. P. 52.
- ⁹⁴ *Белоусов Л.С.* Режим Муссолини и массы. М., 2000. С. 278; *Zucaro D.* Cospirazione operaia. Torino, 1965. P. 69–74.
- ⁹⁵ *Avanti!* Roma, 1945. 22 ott.; АВП РФ. Ф. 098. Оп. 26. П. 155. Д. 39. Л. 133.
- ⁹⁶ *Коминтерн и гражданская война в Испании.* М., 2001. С. 194, 198, 258, 261, 270, 375, 376.
- ⁹⁷ *Gerosa G.* Nenni. Milano, 1982. P. 207–214.
- ⁹⁸ «Лео Вальяни (Вейцен) – бывший социалист и коммунист, исключенный в 1940 г. из партии за свои троцкистские убеждения. Существуют подозрения... что он является американским агентом», – сообщалось в донесении советского посольства в Риме в Москву 10 апреля 1945 г. (АВП РФ. Ф. 098. Оп. 26. Д. 19. П. 153. Л. 159). Разумеется, это утверждение остается на совести автора донесения, не приведшего никаких доказательств по поводу высказанных подозрений.
- ⁹⁹ *Nenni P.* Op. cit. P. 55.
- ¹⁰⁰ Fondazione Nenni. Carte Nenni [1937–1939].
- ¹⁰¹ *Socialismo e democrazia nella lotta antifascista 1927–1939.* P. 381–388; Dichiarazione del PSI e del PCd'I // *Ibid.* P. 347–351.
- ¹⁰² Fondazione Nenni. Carte Nenni. Fasc. Trattative Alleanza Antifascista.
- ¹⁰³ *Socialismo e democrazia nella lotta antifascista 1927–1939.* P. 373–374, 379–380.
- ¹⁰⁴ Archivio centrale dello stato (ACS). Min. Int., Dir. gen. PS, Div. AGR. 1920–1945, 1939. Busta 70. Fasc. K 5.

- ¹⁰⁵ Schema di progetto di GL per l'unità d'azione. Parigi, 2 maggio 1939 // Ibid. Busta 70. Fasc. 5. PSI AA.GG.
- ¹⁰⁶ *Spriano P.* L'originalità del socialismo italiano // Sulla rivoluzione italiana. Socialisti e comunisti nella storia d'Italia. Torino, 1978. P. 8.
- ¹⁰⁷ *Saragat G.* Quarant'anni di lotta per la democratizia. P. XI–XII.
- ¹⁰⁸ *Nenni P.* Op. cit. P. 55.
- ¹⁰⁹ ROME // Art and Power. L., 1996. P. 119–183.
- ¹¹⁰ *Белоусов Л.С.* Указ. соч. С. 283, 308, 350.
- ¹¹¹ «Мы – бедная страна, мы беднее вас (ведь у вас есть хлеб, уголь и нефть), мы беднее Германии, мы беднее даже Чехословакии. Капиталистические страны держат нас за горло. Америка может в любую минуту вызвать крах нашей лиры, стоит ей потребовать уплаты долга. Англия изгоняет из своей страны итальянцев, которые там работают в отелях и ресторанах, под предлогом безработицы. Лига Наций является орудием французской и английской политики», – заявил однажды Муссолини советскому полпреду П.М. Керженцеву (АВП РФ. Ф. 098. Оп. 8. П. 11. Д. 143. Л. 125).
- ¹¹² *Nenni P.* Op. cit. P. 53.

ВОЙНА И СОПРОТИВЛЕНИЕ. КРАХ ФАШИЗМА И ПЕРЕХОД К ДЕМОКРАТИИ

*Ветер свищет и бушует буря,
А мы, хотя разуты и раздеты,
В сражение идем и приближаем весну
И будущего светлую зарю.*

Из песни бойцов Сопротивления
на мотив «Катюши»

*Недавно все фашисты исчезли и притихли,
Почуяв, коль не глупы, расплата близка.
Мода сменилась, прежний фашист теперь буржуа.
А мы под залпы ружей спустились с гор на битву,
Чтоб мир установить, освободить Италию,
Прославив партизан и наш апрельский праздник.*

Из песни итальянских партизан

Когда 1 сентября 1939 г. Германия напала на Польшу, Италия по условиям «Стальского пакта» должна была поддержать нацистского союзника. Но правительство Муссолини уклонилось от выполнения союзнического долга и заявило, что Италия останется нейтральной. Дуче не торопился ввязываться в войну, хорошо понимая, что итальянская армия к большой войне не готова. Именно этим он мотивировал перед Гитлером отсрочку.

Период, когда Италия, будучи союзницей Германии, не воевала, был недолгим. Как только Муссолини осознал, что после оккупации немцами ряда европейских стран и вероятно скорого поражения Франции победа достанется лишь одному Гитлеру, он решил вступить в войну. 10 июня 1940 г. Италия объявила войну агонизировавшей Франции (а заодно и ее союзнице Англии), введя на ее территорию войска. После двухнедельной войны, которая стоила итальянской армии невероятных за столь короткий срок потерь, Муссолини планировал отнять у Франции Ниццу, Корсику, получить ряд территорий и военных баз в Сомали, Тунисе, Алжире и Марокко и часть французского военно-морского флота¹. Но Гитлер не одобрил эти притязания. Муссолини пришлось довольствоваться обещанием, что его требования будут учтены, когда настанет пора заключить мирный договор.

Начав военные действия против Англии (в частности, 14 сентября 1940 г. наступление из подвластной Италии Ливии на Египет), итальянская армия, продвинувшись на 150 км, остановилась; заняв в Восточной Африке осенью того же года Британское Со-

мали, снова остановилась. Операции на Средиземное море против англичан, запиравших, по словам фашистских пропагандистов, итальянцам выход в океаны, успехом не увенчались. В результате удачного авианалета англичан на итальянскую морскую базу в ноябре 1940 г. в Тарано Италия лишилась сразу трех авианосцев. 9 декабря англичане начали контрнаступление на ливийском направлении. Итальянская армия была разгромлена, потеряв лишь пленными около 200 тыс. солдат и офицеров. Вынужденная помочь незадачливому союзнику Германия послала в Ливию войска под командованием Роммеля, которые на время потеснили англичан. Но в конце 1942 г. английская армия под командованием Монтгомери заняла прежние позиции. Итальянские и немецкие войска оставили Ливию и отошли в Тунис. В Восточной Африке итальянцы в мае 1941 г. потерпели еще одно поражение от англичан, которые заняли Аддис-Абебу. Таким образом, войну в Африке итальянцы полностью проиграли.

Однако на европейских фронтах итальянцы после захвата (еще до начала Второй мировой войны) Албании, а затем Греции и участия в войне против Югославии, где выявились все недостатки и неподготовленность их армии, решили поддержать нацистскую Германию на главном – советско-германском – фронте. К отправленным на Украину сразу после начала военных действий Германии против СССР трем дивизиям впоследствии были добавлены еще семь. Всего в составе итальянской армии (АРМИР) в России воевало десять дивизий, сведенных в два армейских корпуса общей численностью 220 тыс. человек. После упорных боев осенью 1942 г. они на рубеже 1942–1943 гг. были наголову разбиты под Сталинградом вместе с шестой армией фельдмаршала Ф. Паулюса. Остатки итальянской армии, потерявшей на полях сражений в СССР больше половины своего состава, были отозваны в Италию. Многие итальянцы попали в советский плен. Те, кому повезло, возвращались на родину начиная с марта 1943 г., проклиная нацистов; многие из них станут потом бойцами антифашистского Сопротивления².

Тем временем театр военных действий в Африке пополнился еще одним грозным противником – США, которым Германия и Италия 11 декабря 1941 г. объявили войну. Итальянцы вместе с союзниками отчаянно пытались удержать линию обороны в Африке. Один из биографов Муссолини так описал его усилия приободрить собственным присутствием летом 1942 г. войска в Северной Африке. Мероприятие это закончилось неудачей. Подхвативший во время поездки брюшную инфекцию дуче оказался на несколько недель прикован к постели и похудел на 22 кило-

грамма. Кроме того, он был опустошен морально и явно утратил присущее ему чувство юмора. Когда его многолетний помощник Дж. Форцано пытался объяснить Муссолини, что он не популярен в народе и что если король вздумает его арестовать, то никто и пальцем не пошевелит, чтобы его защитить, дуче заявил, что полностью уверен в любви и преданности итальянцев. «Он стучал кулаком по столу и кричал пронзительным голосом так, что изо рта у него пошла пена, а из черных глаз посыпались искры. Лишь единственный человек в стране, подумал в тот момент Форцано, никогда не сомневается в том, что дуче говорит от имени 40 млн итальянцев – это сам Муссолини»³.

В ноябре 1942 г. Англия и США высадили крупный морской десант в Марокко и Алжире, где они сотрудничали с французами. Десант и армия Монтгомери должны были соединиться в Тунисе, откуда планировалось начать наступление на Сицилию, а с нее – на Апеннинский полуостров. Территория Италии все чаще подвергалась англо-американским бомбардировкам. Высадка англо-американских войск на Сицилии началась 9 июля 1943 г., 10 июля был взят Палермо. «Поражения на всех фронтах Второй мировой войны и вассальная зависимость от гитлеровской Германии – таков был итог двадцатилетнего правления фашистов, усиленно раздувавших миф о национальном величии Италии и ожидающей ее военной славе. Фашистский режим агонизировал»⁴.

Внутриполитическая обстановка в стране обострялась. Итальянская экономика не выдерживала испытания войной, производство, например стали и чугуна, в 1942–1943 гг. соответственно сократилось на 20 и 25% по сравнению с довоенным временем. Промышленность работала с недогрузкой, золотой запас был израсходован почти полностью. Правительство Германии контролировало не только итальянскую промышленность и транспорт, но и госаппарат, средства массовой информации и пропаганды. В Германию вывозилась продукция сельского хозяйства, в принудительном порядке отправлялись на работу специалисты разных отраслей. В городах была введена карточная система, дневной хлебный рацион в 1942 г. составлял 150 граммов на человека. Сам Муссолини признавал, что народ голодает. В стране действовали обязательная трудовая повинность и военный режим на предприятиях, рабочий день был продлен до 12 часов. Зарплата была «заморожена», но итальянский капитал и фашистская верхушка во время войны продолжали получать сверхприбыли⁵.

В стране зрело массовое недовольство, сопротивление режиму становилось организованным. Первыми антифашистское дви-

жение возглавили коммунисты. Представители Заграничного центра КПИ начиная с лета 1941 г. добирались до крупнейших городов и создавали там боевые подпольные организации. Они поддерживали контакты с представителями партии в Коминтерне. Нелегальные ячейки КПИ существовали в 1943 г. во всех крупных городах, в них входили около 15 тыс. членов партии.

Социалисты приступили к восстановлению своей подпольной сети чуть позднее, весной 1942 г., создав сначала Внутренний центр ИСП. Но численность подпольных социалистических групп была невелика, к тому же часто их участники придерживались разных политических взглядов. В римской группе Ромиты и в самом руководстве партии преобладали реформисты, занимавшие выжидательные позиции. В Милане доминировали левые социалисты, среди них выделялась автономная группа Лелио Бассо, готовая к активной антифашистской борьбе с оружием в руках. Помимо КПИ и ИСП, опиравшихся главным образом на пролетариат и крестьянство, к левому крылу антифашистов примыкала группа «Справедливость и свобода», преобразованная в конце 1942 г. в Партию действия. Ее возглавил известный антифашист Ф. Парри, членами партии были в основном интеллигенты и студенчество. Центристские позиции занимала в движении Соппротивления Христианско-демократическая партия, созданная в подполье в 1943 г., за ней шли средние слои. Восстанавливали свои позиции либералы и республиканцы, представлявшие интересы части буржуазии, недовольной политикой фашизма, они составили правое крыло Соппротивления. Значительный импульс этому движению, вскоре ставшему поистине всенародным, давали договоренности о совместных действиях против фашизма, достигнутые руководителями политических сил, представленных в Соппротивлении.

В сентябре 1941 г. в Тулузе на встрече представителей КПИ, ИСП и группы «Справедливость и свобода», было принято решение о совместных действиях. Созданный в начале марта 1943 г. в Лионе этими партиями Комитет действия по объединению итальянского народа призвал либеральные, демократические и католические силы к борьбе, к достижению таких целей, как выход страны из войны, освобождение от фашизма и восстановление политических свобод. Эти первоочередные цели должны были поставить перед собой все силы Соппротивления – и левые, и правые, и центристы. В декабре 1942 г. на подпольном собрании в Милане «были намечены основы более широкого фронта, охватывающего не только социалистов, коммунистов и левых демократов, но и либералов, католиков и представителей массовой фашистской оппозиции»⁶.

Сразу же после падения фашистского режима в Риме 4 августа 1943 г. было заключено соглашение о единстве действий между ИКП (так после роспуска Коминтерна, произошедшего 15 мая 1943 г., стала называться КПИ) и ИСП, подписанное от коммунистов Дж. Роведой и Дж. Амендолой, от социалистов – О. Вернокки и Дж. Ромитой. 28 сентября того же года был заключен пакт о единстве действий двух партий, подписанный от ИСП С. Пертини, Дж. Сарагатом, П. Ненни, от ИКП – М. Скоччичмарро и Дж. Амендолой. 8 августа 1944 г. пакт был перезаключен, цели союза двух партий уточнены, под ним теперь стояли подписи от коммунистов – П. Тольятти, Дж. Ди Витторио, Дж. Пеллегрини, от социалистов – П. Ненни, О. Лидзадри, Э. Виллани. В конце этого документа были сформулированы цели, касавшиеся послевоенного устройства – восстановления демократических порядков, экономической, социальной и политической жизни в стране⁷.

Положение в рядах социалистов было сложным. Возрождение социалистической партии после падения фашизма по многим аспектам можно считать феноменом «экстраординарным», справедливо считает такой знаток истории ИСП, как Дж. Сабатуччи, – после 1940 г. партия практически перестала существовать. И лишь начиная с 1942 г. немногочисленные кружки политиков и профсоюзных функционеров, действовавших еще в дофашистские времена (Ромита, Лидзадри, Каневари), начали восстанавливать подпольные структуры, прежде всего в Турине и Риме. При этом они столкнулись с конкуренцией со стороны других группировок, в том числе Движения пролетарского единства во главе с Л. Бассо (Милан), Итальянского пролетарского союза во главе с Короной, Веккьетти, Вассалли (Рим), которые стремились создать совершенно новую организацию. По их замыслу, она должна была сплотить все левое рабочее движение под лозунгом классового единства.

Но продолжавшая довлеть традиция оказалась сильнее новых тенденций. После того как в августе 1943 г. в Риме партия была официально восстановлена под названием Итальянская социалистическая партия пролетарского единства (ИСППЕ), вскоре стало очевидно, что на самом деле возрождается старая ИСП и что лидер партии в годы изгнания Ненни, при всеобщем одобрении ставший секретарем партии и главным редактором «Аванти», не уступит лидерства. То, что раньше воспринималось как фактор слабости – главная ответственность за поражение в борьбе с фашизмом, – в тот момент, когда многие итальянцы жаждали новых идеалов и находили их у социалистов, могло превратиться

в фактор силы. Этот спонтанный порыв, как и культурные и организационные традиции, сохранившиеся еще во многих частях страны, являлись той основой, на которой партия могла пытаться добиться успеха, заключал Сабатуччи⁸.

Эмигрировавшие в свое время в Швейцарию социалисты создали Социалистическую федерацию в Женеве и Зарубежный социалистический центр в Цюрихе, который в 1942 г. возглавили Силоне и Горни. В феврале 1944 г. они начали издавать там газету «Аввенире дель лавораторе», претендовавшую на главную роль в социалистической прессе. Близкая к этой газете группа под руководством Э. Колорни не хотела признавать, по крайней мере в первый момент, новое название воссозданной в Риме в августе 1943 г. социалистической партии (ИСППЕ) под руководством Ненни. Социализм издателей «Аввенире дель лавораторе» обрел европейский оттенок, подчеркивал известный историк социалистического движения С. Мерли. Один из документов Внутреннего центра социалистов в Риме, возглавлявшегося Колорни, развивал европейские социалистические идеи, содержащиеся в знаменитом «Манифесте Вентотене» Спинелли* и Росси, близкими по взглядам к социалистам. «Социалисты, – отмечалось в документе, – должны проявить по разным фундаментальным причинам максимум упорства и настойчивости в пропаганде этих идей. (...) не будет преувеличением заявить, что политическое объединение Европы зависит в первую очередь от рабочих партий крупнейших европейских государств. Соединенные Штаты Европы будут созданы, если рабочие партии после этой войны приложат все силы для осуществления этого замысла, если поймут, что политическое объединение Европы включает в себя все другие, более частные вопросы, если осознают, что судьба социализма теперь тесно связана с судьбой Европы»⁹. Членов основанной в 1900 г. в Лондоне секции ИСП в конце войны также волновали судьбы Европы, они выступали «за единство действий с коммунистами»¹⁰.

Тяжелые военные поражения фашизма приближали его крах. Летом 1943 г. правящие круги и близкие к королевскому двору деятели в целях спасения монархии начали лихорадочно искать замену фашистскому лидеру. За три года участия Италии в войне число подвергшихся репрессиям антифашистов возросло

* Архивный фонд одного из видных европейцев, А. Спинелли, который мне удалось изучить, с конца 80-х годов XX в. хранится в Архиве ЕС во Фьезоле близ Флоренции. В нем немало документов, отражающих позиции итальянских социалистов в отношении «европейской идеи» и создания единой Европы.

в несколько раз по сравнению с предшествующими годами, половина из них были моложе 30 лет. В 1942 г. в стране стали воссоздаваться или возникать заново политические партии и группировки. Сторонники либерального социализма образовали Партию действия, в которую влилась организация «Справедливость и свобода»¹¹. Лидеры бывшей Народной партии, среди которых выделялся А. Де Гаспери, воссоздали ее в 1943 г. под новым названием Христианско-демократическая партия. Либералы также стремились восстановить свою партию и ее позиции, к числу их руководителей принадлежали Орландо, Нитти, Кроче.

В этом ряду предпочтительнее выглядели позиции коммунистов, сохранивших подпольные ячейки внутри страны, и социалистов, возвращавшихся из эмиграции. Напомню, что 3 марта 1943 г. было подписано Лионское соглашение о единстве действий КПИ, ИСП и движения «Справедливость и свобода». Все они считали себя «партиями, стоящими на социалистической платформе». Участники соглашения ставили целью свержение режима Муссолини, заключение мира и последующее демократическое переустройство общества и государства. Зимой 1942 г. на Севере страны началось забастовочное движение, достигшее в марте 1943 г. своего апогея, когда в Турине и других промышленных центрах «бастовала значительная часть рабочих, в том числе железнодорожники. Власти отдали приказ немедленно возобновить работу, причем было введено чрезвычайное положение. Военным властям было поручено силой оружия разгонять всякое сборище людей, насчитывающее более 3-х человек. Наконец, чтобы иметь уверенность в выполнении этого приказа, в решающих пунктах во главе войск были поставлены самые реакционные старые генералы. Именно эти реакционные генералы вслед за тем расчистили путь перед гитлеровским нашествием, по приказу немцев сложив оружие»¹².

Когда Муссолини произвел отставки и замены в высшем эшелоне власти, кризис верхов стал особенно заметен. Король, папа Пий XII, вступивший на престол в 1939 г., высшие чины армии, часть фашистской политической элиты (Чиано, Боттаи, Гранди) были готовы отстранить Муссолини от власти. После того как англо-американские войска высадились на Сицилии, развязка неумолимо приближалась. После заседания 25 июля Большого фашистского совета, не собиравшегося с 1939 г., Муссолини был арестован. Формирование кабинета король поручил маршалу Бадольо¹³. На улицы вышли тысячи ликовавших итальянцев, надеявшихся на скорый мир. Но новое правительство быстро охладило эту эйфорию, когда заявило о продолжении войны в союзе с Германией.

Вышедший на улицы народ в Риме штурмовал Венецианский дворец — резиденцию Муссолини. В Милане, Генуе, Турине, Комо и десятках других городов были разгромлены помещения фашистской партии, дома ненавистных фашистских главарей брались штурмом. «Народ, к своему удивлению», обнаружил огромные запасы продовольствия, «которые толпа не тронула, а передала в благотворительные общественные учреждения и больницы». Дом центрального органа фашистской партии в Милане, где забаррикадировалась группа ее главарей и несколько человек из семьи Муссолини, был взят штурмом после нескольких дней боев, которые вел народ вместе с военными. Тюрьмы в Милане и Турине были тоже взяты штурмом и политзаключенных освободили. «Во всей северной и центральной части Италии стачка приняла всеобщий характер, проходя под лозунгом немедленного прекращения военных действий, уничтожения фашизма и восстановления свободы»¹⁴.

Газета «Правда» отзывалась в те дни на события в Италии статьей «Падение Муссолини»: «Кровавый угнетатель итальянского народа, основатель фашистского движения, один из первых, кто ответственен за страдания и ужасы нынешней войны, сходит с политической сцены. Системе фашистской “оси” Берлин–Рим нанесен удар, потрясающий ее основы. Сделан первый шаг на пути уничтожения итальянского фашизма и воскрешения итальянского народа», подчеркивал автор статьи М. Надеждин. Отметив, что для фашистских законодателей отставка дуче была чем-то непостижимым, он в заключение обратил внимание на два важнейших фактора. Первый касался боеспособности итальянской армии и готовности страны к продолжению войны, второй — ее внутреннего положения: «Недостаточно заявить, как сделал это маршал Бадольо, что “война продолжается”. Нужно иметь возможность сражаться. А фашистская Италия ... совершенно беспомощна. Армия разлагается. Народ требует мира». И далее: «с падением Муссолини пал мощный барьер, мешавший вступлению в борьбу широких масс итальянского народа. (...) Фашизм еще не убит, он еще пытается удержаться у власти, но лед тронулся. Падение Муссолини дает возможность союзникам сосредоточить удары против гитлеровской Германии, этого главного врага свободолюбивых народов. Банкротство итальянского фашизма подчеркивает всю актуальность и осуществимость задачи быстрого уничтожения гилеровской тирании»¹⁵.

Фашизм не сумел укорениться в сознании итальянского народа и разложить его, отмечалось в одном из документов последнего

периода существования Коминтерна. Он натолкнулся на глубокие демократические чувства и на чувства братства между народами, связанные со всем развитием итальянской цивилизации, со всемирными традициями католицизма и с традициями Возрождения, с традициями национальной революции, воплощенными в имени и эпической фигуре Гарибальди, с традициями социалистического движения и грандиозного народного движения после Первой мировой войны. Среди стран гитлеровской коалиции Италия была одной из тех, где антифашистское движение перестроилось в самом процессе войны. Грубое и насильственное уничтожение чернорубашечниками организаций рабочих, крестьян и интеллигенции, ликвидация конституционных свобод и элементарных демократических прав, преследование лучших представителей нации и дикая гражданская война против народа, говорилось в другом коминтерновском документе тех лет, — все это было для фашизма не чем иным, как средством обеспечить себе свободу рук в разжигании войны и реализации безумных империалистических авантур¹⁶.

Как уже говорилось, в условиях краха фашизма и изменения политической обстановки в стране в ходе ряда полуподпольных заседаний в Риме в августе 1943 г. было решено воссоздать партию социалистов. На совещании 24–25 августа на квартире Лидздри присутствовали все собравшиеся в тот момент в столице социалистические лидеры, в их числе недавно вышедший из заключения П. Ненни. Он был схвачен гестапо 8 февраля 1943 г. во Франции и передан фашистам, отправившим его на остров Понца, на который после смещения со всех постов по иронии судьбы поначалу угодил и Муссолини. (Некоторые историки, впрочем, без особых доказательств, полагают, что дуче заступился перед Гитлером за «друга молодости» и поэтому наказание для Ненни оказалось сравнительно мягким¹⁷.) Ввиду разнородности группировок, вошедших поначалу в ИСППЕ, даже такие руководители, как Моранди и Бассо, сомневались в ее жизнеспособности. В чем, однако, не сомневался Ненни, по праву ощущавший себя тем, кому надлежит руководить партией.

Благодаря прямому контакту с массами Ненни возобновил ту дофашистскую линию политической борьбы, которая, по выражению Э. Сантарелли, позволила ему «ощутить счастье жизни». Об этом свидетельствует опубликованный «Дневник» Ненни, его разделы, относящиеся к тому сложному периоду. Ненни с восторгом воспринимал рост популярности социалистов, но переоценивал значение главного печатного органа социалистов по сравнению со значением самой партии, писал Э. Сантарелли¹⁸.

«Самая высокая честь, которую мне могла оказать партия, – объединить в моей персоне и в таком движении, как это, должность генерального секретаря и директора “Аванти”», отмечал в те дни Ненни. Консенсус масс, поддержка ими социалистов сделали его выдающейся фигурой, интерпретатором чаяний тех, кто хотел триумфа партий рабочего движения. Ненни призывал антифашистов к проведению активной политики, хорошо уловив «ветер Севера», отражавший надежды партизанского движения на быстрое проведение реформ, которые покончат с тяжелым наследием фашизма. Будучи министром в послевоенных правительствах 1945–1947 гг., Ненни пытался на деле представлять интересы тех, кто поддерживал социалистов. Что касается характеристики самой социалистической партии того времени, то наблюдатели, по-видимому, были недалеки от истины, когда называли ее «политической наследницей группы большинства 1921 г., т.е. наследницей партии социалистов-максималистов»¹⁹.

Антифашисты после свержения фашистской диктатуры оказались в сложном положении. Единственно возможной линией поведения для них представлялось оказание давления на правительство, чтобы вынудить его пойти на заключение мира. Германия наращивала свои силы на итальянской территории, к сентябрю 1943 г. в стране находились уже 14 немецких дивизий (в июле их было восемь). Правительство старалось не провоцировать немцев на прямое вмешательство в итальянские события. Был введен осадный режим, и правительственные войска расстреливали возникавшие демонстрации. В условиях участвовавших англо-американских авианалетов на итальянские города и нестабильной обстановки в стране Италия по требованию союзников по антигитлеровской коалиции капитулировала, подписав 3 сентября 1943 г. перемирие. Англо-американские войска в тот же день переправились из Сицилии на континент. Король и правительство бежали из Рима на Юг. Объявление о капитуляции породило невообразимый хаос. Германским войскам удалось в течение двух дней занять всю итальянскую территорию севернее Неаполя.

Муссолини, вызволенный эсесовцами из-под ареста, создал на Севере страны марионеточное фашистское государство, по имени его столицы названное Республика Сало. Правящая в ней заново созданная фашистская партия приняла Веронскую хартию – программу, которая якобы отвечала требованиям трудящихся классов, но это было демагогией. Попавших в руки приверженцев Муссолини «заговорщиков», отстранивших его в июле 1943 г. от власти, в начале 1944 г. осудили и расстреляли²⁰.

Освобождение от фашизма для охватывавшего все большие слои населения антифашистского партизанского движения было связано с освобождением от нацистской оккупации. Эти задачи решало развернувшееся по всей стране движение Сопротивления. Осенью 1943 г. началась вооруженная борьба партизан с фашистами и немецкими войсками²¹. 9 сентября в Риме был создан Комитет национального освобождения (КНО). В него вошли ИКП, социалисты, Партия действия, ХДП, либералы, партия Демократия труда, образованная в июле 1943 г. из дофашистской группировки «Социальная демократия», оставшихся сторонников Биссолати и масонов. Лидер партии И. Бономи, с конца 1942 г. добивавшийся конкретных действий антифашистов по восстановлению демократии, возглавил КНО²².

В северной части страны образовался Комитет национального освобождения Северной Италии (КНОСИ). Римский Комитет играл главную роль среди подобных объединений, возникших по всей стране. В октябре 1943 г. стали создаваться партизанские формирования, имевшие партийную окраску. Коммунисты называли свои отряды именем Гарибальди, республиканцы – Мадзини, социалисты – Маттеотти, Партия действия – «Справедливость и свобода», христианские демократы – «Зеленое пламя», либералы – «Автономные отряды»²³.

Правительство маршала Бадольо спустя несколько дней после прихода к власти опубликовало цифры об экономическом и финансовом положении страны, которые свидетельствовали о «банкротстве, не имеющем прецедента в истории современных государств». Внутренний государственный долг достиг 406 млрд лир, золотой запас полностью исчез. Вместе с выпущенными облигациями, погашать которые планировалось в течение 30 лет, и другими долгами это составило «фантастическую цифру в 1000 млрд, и это в стране, общенациональный доход которой едва превышал 100 млрд в год»²⁴.

Переехавшее в г. Бари правительство Бадольо 13 октября 1943 г. объявило войну Германии, присоединившись к антигитлеровской коалиции. Намечалась реорганизация правительства и включение в него антифашистских сил. В январе 1944 г. социалисты и Партия действия выступили с заявлением об отказе участвовать в таком правительстве до тех пор, пока у власти находится Савойская монархия, запятнавшая себя сотрудничеством с фашистами. Другие партии, в их числе коммунисты, предлагали отложить решение вопроса о монархии на послевоенный период и сосредоточиться на проблеме освобождения страны. Лидер ком-

мунистов П. Тольятти, вернувшийся в марте 1944 г. из Москвы, где он перед отъездом беседовал со Сталиным о судьбе своей страны, был против немедленного отречения короля и за сотрудничество антифашистов с правительством Бадольо. Коммунистам удалось убедить другие левые партии, в том числе социалистов, занять такую же позицию. Представители шести антифашистских партий вошли 21 апреля 1944 г. в переформированное правительство Бадольо, ставшее правительством «национального единства».

Комментируя создавшуюся в тот момент ситуацию, советское посольство отмечало, что политическим партиям столицы разрешили после освобождения издавать ежедневные газеты, а позднее в Неаполе и других городах. Зимой 1943/44 г. партиям позволили устраивать радиопередачи²⁵. 28 января 1944 г. в Бари состоялся первый легальный форум партий, на котором присутствовали делегаты Комитета национального освобождения, представлявшие все освобожденные территории Италии. Конгресс единодушно выразил враждебное отношение к правительству Бадольо и потребовал отречения короля. «Партии зашли в тупик, из которого их вывел Пальмиро Тольятти». Шесть партий согласились следовать за Тольятти и решили войти в правительство Бадольо. Король смирился и обещал после освобождения Рима уступить полномочия регенту (наследному принцу), сообщало советское посольство.

Оценивая роль социалистов в Сопротивлении, советские дипломаты подчеркивали: «В начальный период немецкой оккупации ИСП, конечно, ушла в подполье, как и другие антифашистские и демократические партии. Подпольная деятельность соцпартии на Юге и в центральной части Италии... не дала... сколько-нибудь заметных примеров героической борьбы против гитлеровцев и итальянских фашистов». Некоторые социалисты вели подпольную деятельность на Юге Италии, но «всегда... совместно с коммунистами и по инициативе последних». «Даже сами социалисты в настоящее время, в 1945 г., не преувеличивают скромных размеров своей подпольной деятельности в период немецкой оккупации Южной и Центральной Италии»²⁶.

Первое правительство из представителей шести партий было сформировано в Салерно 19 июня 1944 г. председателем Комитета национального освобождения И. Бономи. Оно продержалось у власти до декабря 1944 г., после чего был сформирован второй кабинет во главе с тем же Бономи в качестве премьер-министра. Его поддержали Либеральная партия, партия Демократия труда,

ХДП и ИКП. «Социалисты и Партия действия отказались войти в правительство, возглавленное Бономи, которое существует и по сей день», заключал автор донесения²⁷.

В ответ на новый политический курс ИКП, провозглашенный Тольятти по возвращении в страну (названный «поворотом Салерно» – здесь лидер ИКП произнес свою первую речь, изложив ближайшие цели коммунистов и антифашистов), лидеры ИСППЕ предложили свой план возрождения страны. Согласно социалистам, в первую очередь надлежало свергнуть монархию, скомпрометировавшую себя пособничеством фашизму, и установить республиканские порядки. В сравнении с этими требованиями социалистов политическая линия коммунистов, по мнению многих итальянских исследователей, выглядела более гибкой и реалистичной²⁸.

4 июня 1944 г. англо-американские войска без боя вошли в Рим. Король Виктор Эммануил III отрекся от престола в пользу своего сына Умберто. После очередной реорганизации правительства его снова возглавил Бономи, в кабинет которого, как и в предшествующее правительство Бадольо, вошли те же шесть партий антифашистского Соппротивления из блока КНО. К лету 1944 г. партизанское движение стало силой, с которой были вынуждены считаться остававшиеся на Севере фашистские и гитлеровские войска. На поддержку партизан рассчитывали наступавшие англо-американские соединения. Фашистам и немецким оккупантам удалось нанести ряд тяжелых поражений партизанам осенью 1944 г. Руководство силами Соппротивления, заключив в декабре 1944 г. соглашение с англо-американским командованием во главе с генералом Х. Александером, добивалось от него признания КНОСИ законным представителем правительства на оккупированной территории.

12 марта 1945 г. руководство ИКП на оккупированной территории призвало «сражающихся патриотов и всех итальянцев к восстанию», подчеркнув, что спасение можно обрести «только в вооруженной борьбе»²⁹. В апреле 1945 г., незадолго до окончательного разгрома немецких войск стремительно наступавшей Красной Армией в битве за Берлин, произошло всеобщее партизанское восстание в Италии³⁰. Надежды союзников оправдались. 25 апреля восставшие освободили главные города промышленного треугольника – Геную, Милан, Турин. Этот день позднее стал днем национального праздника. Пытавшийся бежать Муссолини был пойман партизанами у швейцарской границы и вместе с малочисленной группой сопровождавших его сторонников приговорен к расстрелу. Их трупы доставили в Милан и выставили

на всеобщее обозрение на площади Лорето, где ранее фашисты расстреляли пятнадцать партизан.

До подхода союзных войск власть в Северной Италии осуществлял КНОСИ. В партизанском движении участвовали более 200 тыс. человек, 62 тыс. из них, в том числе 42 тыс. коммунистов-гарibaldiйцев, погибли в боях. Среди партизан оказались около 5 тыс. советских граждан, влившихся после бегства из плена в отряды Соппротивления. Такие герои, как, например, Ф. Полетаев, были награждены итальянскими орденами и медалями. Соппротивление стало вкладом итальянцев в победу антигитлеровской коалиции, приблизив окончание Второй мировой войны³¹. Теперь открывался новый период – реконструкции страны и возрождения демократии. Воссозданная социалистическая партия стала одной из главных сил, осуществлявших эти преобразования.

Драматические события, развернувшиеся в стране после заключения перемирия 8 сентября 1943 г., полностью вовлекли в себя недавно воссозданную ИСППЕ. Но они же обнажили проблемы, которые заметно влияли на внутреннюю жизнь партии. Внутренние проблемы партии были обусловлены сохранением ее традиционных «двух душ» (реформистской и революционной). Но возникли и внешние проблемы, вызванные присутствием на политической сцене союзника и конкурента – коммунистической партии. Было возобновлено соглашение о единстве действий, но отныне «ИКП вела себя более воинственно» по отношению к социалистам, чем прежде³². По сплоченности и численности рядов ИКП уже тогда выглядела внушительнее партии социалистов. Считалось, что во время Соппротивления ИКП насчитывала 300 тыс. приверженцев в освобожденной и 60 тыс. в оккупированной части страны и что наиболее сильным влиянием коммунисты пользовались в Северной Италии³³. Политика ИКП действительно отличалась большим прагматизмом и взвешенностью, чем линия тогдашней ИСППЕ. Тольятти, едва ступив на родную землю, в начале апреля 1944 г. призвал к созданию «правительства из представителей всех партий, готовых воевать против нацизма»³⁴.

У социалистов, по их подсчетам, насчитывалось в тот период приблизительно 120 тыс. членов на освобожденной территории и 70 тыс. в районе к югу от Гарильяно. В Риме было подано 12 тыс. новых заявлений о приеме в партию, из них лишь 7 тыс. удовлетворены. До прихода фашистов к власти число зарегистрированных членов партии достигало 300 тыс., за партию голосовал 1 млн избирателей. Она была влиятельной в крупных

городах Северной Италии. Партийные лидеры надеялись привлечь на свою сторону «правых» коммунистов и «левых» членов ХДП. 70% членов социалистической партии были в тот период рабочими, специалистами разных отраслей и служащими. Остальные 30% – люди из среднего класса, интеллигенция, чиновники, ремесленники и т.д. При этом в партии было очень мало крестьян, большинство которых являлись ревностными католиками.

Комментируя «политику соцпартии и положение внутри этой партии» в 1943–1945 гг., советское посольство, возобновившее активную деятельность в Риме, направило осенью 1945 г. в Москву аналитическое донесение. В нем, в частности, отмечалось: «1) политика соцпартии в период правительства КНО, с июня 1944 г. по нынешнее время (сентябрь 1945 года), являлась неустойчивой, склонной скатиться на вредные левацкие позиции, что особенно проявилось в период нахождения соцпартии вне коалиции правительства КНО (декабрь 1944 г. – июнь 1945 г.); 2) на путь последовательной и прогрессивной политики соцпартию выводило и выводит единственное обстоятельство: стремление масс социалистической партии к единству с компартией в будущем, к единству действий между двумя партиями в нынешний момент и сознание того, что соцпартия представляет собой политическую силу только в союзе с компартией; 3) соцпартия не является монолитной партией, а ... плохо организованной и недисциплинированной мелкобуржуазной по своей сущности партией типично социал-демократического характера. Внутри партии имеются два основных течения: прокоммунистическое и антикоммунистическое. Первое – во главе с Лидзадри, Гаэта, Моранди, Пертини, Каччаторе – стоит за слияние с коммунистами и создание единой, широкой партии итальянских трудящихся. Второе – стоит за сохранение “автономии” партии... Секретарь соцпартии Ненни и его приверженцы, стремясь примирить оба течения, образуют нечто вроде “центра” партии. Но они в настоящее время склоняются к тесному единству с коммунистами. Но, проповедуя демократическую внутрипартийную свободу, Ненни и “центр” бессильны и неспособны привести партию к принятию решения, желаемого большинством, т.е. к полному и безоговорочному единству с коммунистами».

Внутри антикоммунистического течения в ИСП автор донесения выделил три основных направления: «группу реформистского типа во главе с Сарагатом и Модильяни», «троцкистствующего “богоискателя” Силоне и нескольких его последователей (Корона и др.)» и «троцкистско-анархическую группу, состоявшую главным образом из молодежи, во главе с М. Маттеотти,

М. Дзагари и Л. Соляри». Эти три группы «антикоммунистического течения», по данным автора донесения, представляли лишь четверть членов партии. «В практических вопросах внутренней политики единства действий с коммунистами непосредственной целью соцпартии является созыв Учредительного Собрания». Однако главное внимание партия уделяет, «совершенно несоразмерно с требованиями момента, вопросам внешней политики», в которых занимает часто «ошибочную и вредную позицию (например, вопрос о Триесте и об итало-югославских отношениях и т.д.)». Призывая к созданию нового Интернационала, который объединял бы коммунистические и социалистические партии всех стран, ИСП при этом впадает в «глубокие ошибки троцкистского характера». Касаясь будущего ИСП, автор полагал, что ее дальнейшую судьбу определяют выборы в Учредительное Собрание, которые покажут «истинное соотношение сил соцпартии и других партий и определяют политику соцпартии в новом демократическом правительстве», а также ближайший съезд партии. Съезду предстоит решить вопрос «о слиянии социалистов и коммунистов в единую партию итальянских трудящихся и народа»³⁵.

Речь в донесениях шла в тот период не только о социалистах, но и близких им по взглядам членов других партий, например, организации «Справедливость и свобода» и созданной ею Партии действия. В донесении от 10 апреля 1945 г. сообщалось, что это движение пытается осуществить «оригинальный синтез» между экономическими и социальными положениями социалистических учений и «непреодолимым стремлением всех людей к свободе». На «эклектической концепции» Карло Росселли очень отразилось его сотрудничество с каталонскими анархосиндикалистами во время войны в Испании, подчеркивалось в записке. «Росселли был решительно против блока с коммунистами, и все движение “Джустизиа э либерта” занимало ярко выраженную антикоммунистическую позицию». После того как братья Росселли были убиты при тесном взаимодействии итальянской фашистской тайной полиции с французскими кагулярами, они почитаются как «мученики итальянской демократии» наряду с Маттеотти, Буоцци и др.³⁶

Сама же Партия действия «не является массовой партией, весьма немногочисленна и ее кадры, в подавляющем большинстве, состоят из лиц свободных профессий – профессоров, писателей, учителей, адвокатов, врачей и части студенческой молодежи». Уход из правительства Партии действия и социалистической партии, продолжающих оставаться в коалиции шести партий КНО, но остающихся вне правительства, логически привел к

некоторому их сближению. К такому сближению прежде всего стремилась Партия действия, но осуществить его не удалось. Между газетой партии «Италия либера» и газетой «Аванти» велась долгая полемика, возглавляемая, с одной стороны, Ла Мальфой, а с другой – П. Ненни. Ла Мальфа предлагал социалистам «в замаскированной форме» создать «центральный блок трех партий – Партии действия, социалистов и христианских демократов», оставив в стороне либералов и Демократию труда. Но социалисты не поддались этим «предательским и раскольническим как по отношению к коммунистам, так и по отношению к КНО в целом маневрам». Ненни решительно возражал против доводов Ла Мальфы. Потерпевшие неудачу демарши Партии действия «были рассчитаны на определенные мелкобуржуазные группки внутри социалистической партии, имеющие некоторое тяготение к Партии действия».

Лидер Партии действия, член подпольного Комитета национального освобождения Северной Италии Ф. Парри был «начальником партизанских отрядов Севера», а теперь (апрель 1945 г.) «является заместителем командира объединенных сил партизан Северной Италии – “Корпуса добровольцев свободы” под командованием генерала Кадорны». Коммунист Лонго (Галло) вместе с Парри «фактически руководит партизанской борьбой Северной Италии», так как генерал Кадорна «бездеятелен и неспособен». Другой лидер Партии действия, «Лео Вальяни – бывший социалист и коммунист». Деятельность партии на Севере Италии протекает так же, как и деятельность других партий КНО в подполье, и «достоверных сведений о ней в Риме в настоящее время не имеется»³⁷.

Социалисты входили в правительство Бадольо. Манчини занимал пост министра без портфеля, Ди Наполи – министра труда, промышленности и торговли, Салерно – заместителя министра внутренних дел, Альберго – заместителя министра торгового флота. В первом правительстве Бономи, созданном 19 июня 1944 г., представители ИСППЕ также присутствовали: Сарагат – министр без портфеля, Манчини – министр общественных работ, Каневари – заместитель министра внутренних дел, Коста – заместитель министра труда, промышленности и торговли, Корси – заместитель министра торгового флота. В последующее правительство Бономи социалисты решили не входить, так как посчитали, что оно «исходит от регента, а не от КНО, авторитет которого таким образом скорее упал, чем поднялся»³⁸.

Новый кабинет Бономи, который занял в нем еще пост министра внутренних дел, был сформирован 9 декабря 1944 г.

Тольятти стал заместителем Бономи. До этого он, как и лидеры других партий КНО, занимал пост министра без портфеля в правительствах Бадольо и первом кабинете Бономи. Кроме него, в правительство входили коммунисты Пезенти, Гулло, Скоччмарро. Лидер ХДП Де Гаспери занял пост министра иностранных дел³⁹. Входившие в предыдущий кабинет социалисты Сарагат, Ромита остались не у дел, первый вскоре был назначен послом во Франции.

4 июня 1944 г. в Риме возобновилось регулярное издание центрального органа социалистов газеты «Аванти», долгое время она выходила лишь на двух страницах. Ее официально заявленный ежедневный тираж составлял 90 тыс. экземпляров (на самом деле он достигал лишь 60 тыс.⁴⁰). Главным редактором был Ненни, в редакцию входил Сарагат⁴¹. Анализируя центральную и местную социалистическую печать Италии, один из сотрудников советского посольства сообщал в 1946 г., что генеральный секретарь партии Ненни фактически направляет газету, «пишет все передовые статьи “Аванти”», которые обычно проникнуты духом «единства действий с коммунистами, носят очень горячий, но почти всегда “левый” по фразеологии характер». При нынешнем положении, если учесть особенности момента, они «граничат с провокацией». Ненни из-за своих статей, нежели из-за своей деятельности, прослыл в правых кругах одиозной и экстремистской фигурой, внушающей страх и ненависть реакционной буржуазии и аристократии. Однако среди экспансивных итальянцев – мелкой буржуазии, служащих, ремесленников и части рабочих – статьи Ненни пользуются популярностью.

В «Аванти» превалируют статьи, посвященные проблемам международной организации трудящихся, международной политики, тогда как проблемы внутренней политики, например профсоюзной работы, освещаются недостаточно. По вопросу о Триесте и итало-югославских отношениях точка зрения «Аванти», как и вообще социалистов, расходится с точкой зрения коммунистов и «носит замаскированно националистический характер»⁴². Социалисты считают Триест и пребрежную полосу Истрии итальянскими и иной раз даже требуют передачи Италии порта Фиуме. Соцпартия и лично Ненни, которые ищут популярности и влияния в массах, видя, что «социальная база партии сужается, ведут демагогическую пропаганду, нарушая в этом вопросе пакт о единстве действий с компартией, оставляя коммунистов в изоляции по столь деликатному и сложному, конечно, для Италии вопросу». Однако социалисты не позволяют себе открытых антиюгославских выступлений, как это делают правые партии⁴³.

Коммунисты стремились и стремятся сохранять добрые отношения с другими странами, в частности с народами Югославии, а значит, не допустить, чтобы Триест со временем был превращен в «новый Данциг»⁴⁴.

В 1945 г. активизировалась издательская деятельность социалистов. 12 марта вышел первый номер нового теоретического журнала «Социализм», основанного Ненни, его главными редакторами по очереди являлись Сарагат, Моранди, Панциери, Бассо. Задачей журнала было примирить противоположные течения в партии, каждое из которых издавало собственный полновесный журнал. Так, У.Г. Мондольфо возобновил издание реформистской «Критика социале», продолжившей пропагандировать идеи Турати и находившихся в эмиграции Тревеса, Фаравелли, Силоне. Заметную роль играл журнал, начавший выходить с 30 января 1945 г. и повторивший название детища Ненни и Росселли 1925–1926 гг., – «Куарто стато», правда, теперь под руководством Лелио Бассо. В нем находили отражение взгляды радикальной молодежной оппозиции, которая сформировалась не в эмиграции, а внутри страны в 30–40-е годы благодаря подпольной деятельности Внутреннего центра, возглавленного Моранди, ставшего после войны одним из самых заметных лидеров социалистов. Бассо и Моранди ратовали за разрыв как с традицией дофашистского социализма, так и с «авторитарной и бюрократической традицией III Интернационала».

Возродились молодежная, во главе с М. Маттеотти и Л. Солари, и женская организации социалистов, имевшие филиалы в провинциях. Федерация социалистической молодежи стремилась «объединить молодежь умственного и физического труда для участия в социалистическом движении», пропагандировать социалистические идеи, создавать клубы и библиотеки, организовывать спортивные состязания и увеселения – одним словом, воспитывать молодежь⁴⁵. Молодежное движение социалистов, кроме традиционного официального органа «Ривольуционе социалиста», издавало теперь еженедельник «Социалистическая инициатива», а с 10 октября 1946 г. – журнал «Интернационал», основанные группой молодых партийных активистов – Вассалли, Дзагари, Маттеотти, Солари. Наряду с журналом Силоне «Социалистическая Европа» эти издания выступали за объединение Европы. У женской организации был свой печатный орган «Донна социалиста», выходивший под редакцией Л. Узеллини. Заметным явлением стал издававшийся с 1 декабря 1945 г. «Бюллетень Института социалистических исследований» под руководством Р. Моранди, в нем публиковались наиболее пол-

новесные аналитические материалы того времени по итальянской и международной экономике⁴⁶.

Оценивая роль социалистов в тот период, Дж. Сабатуччи подчеркнул, что ИСППЕ внесла известный вклад в вооруженную борьбу движения Сопротивления, создав весной 1944 г. партизанские бригады Маттеотти. Но вклад социалистов был менее заметен, чем вклад коммунистов. Именно этот факт негативно отразился на представлении об ИСП как потенциальном гегемоне левых сил. ИКП перехватила у социалистов инициативу даже на тех территориях, которые традиционно находились в сфере их влияния в дофашистский период: долина реки По, отдельные провинции Севера и Центра. ИКП, связанная с СССР и опиравшаяся на достигшую тогда зенита сталинскую модель, вела более практичную политику по сравнению с ИСП, которая питала избыточные надежды на восстание «снизу»⁴⁷.

Широкое поле для деятельности социалистов образовалось после Освобождения, продолжает историк. В атмосфере свободной конкуренции ИСППЕ могла опереться на симпатии значительной части общества, в частности на симпатии к Ненни. Его постигла неудача как кандидата на пост первого председателя первого послевоенного правительства, однако это не помешало ему в глазах общественного мнения остаться непреклонным борцом за республику. Численность партии стремительно росла, достигнув к концу 1946 г. 1 млн человек. Эта цифра была гораздо меньше цифры членов ИКП, но все же давала социалистам возможность считать себя массовой партией. На выборах в Учредительное собрание 2 июня 1946 г. за социалистов проголосовали 20,7% избирателей. В итоге они получили 115 мест в парламенте, став первой партией среди левых сил (хотя ИКП набрала ненамного меньше – 19%) и второй в стране партией после ХДП.

Этот успех не помог справиться с проблемами, которые возникли внутри руководящей группы социалистов еще до выборов. На национальном совете ИСППЕ (Рим 29 июля – 1 августа 1945 г.) произошел раскол по вопросу, который вскоре утратил актуальность, – о создании «единой партии рабочего класса». Вопрос этот на долгие годы станет камнем преткновения в отношениях ИСП с ИКП. Тогда же в ИСП образовалось течение автономистов. Оно, в свою очередь, разделилось на правое крыло – реформистов, группировавшихся вокруг журнала «Критика социале», издание которого после 19 лет запрета 15 сентября 1945 г. возобновил Мондольфо, и левое крыло – молодых, революционно настроенных сторонников троцкистских идей из группы «Социалистическая инициатива».

На том же Национальном совете социалистов была одобрена резолюция в пользу слияния с коммунистами и принята отставка Тито Дзанибони, бывшего депутатом парламента в дофашистский период. Осужденный на тридцать лет тюрьмы за покушение на Муссолини, он, выйдя в 1943 г. на свободу, получил пост комиссара по санкциям против фашистов. Дзанибони резко выступил против слияния и лозунга диктатуры пролетариата, которую намеревалась установить ИКП. Позже он создал Итальянский социал-демократический союз, не нашедший заметного числа сторонников⁴⁸.

Лидеры ИСППЕ утверждали, что предпочитают добиваться своих целей мирным и парламентским путем, а не путем революции и насилия, пропагандируемых коммунистами. Однако «представители крайнего крыла партии заявляли, что, в случае слишком упорного сопротивления со стороны привилегированных классов, социалистические массы, мирные намерения которых, возможно, пошатнулись в результате примера, показанного Россией, а также в результате настоящей войны, могут прибегнуть к насилию и создать революционную авторитарную диктатуру». Доктрины итальянских коммунистов и социалистов были близки, они расходились лишь в одном пункте, «скорее предположительном, чем фактическом». Социалисты выступали за демократическую форму правления «без иностранного влияния» и в этом пункте не доверяли намерениям лидеров коммунистов, заявлявших о своей антитоталитарной и демократической идеологии, полагая, что те завясят от Москвы⁴⁹. Тем не менее пакт о единстве действий соблюдался обеими сторонами.

Лидеры социалистической партии, отмечалось в одном из донесений советского посольства в Риме, стремятся к слиянию трех «партий масс», с тем чтобы их партия занимала центральную позицию между коммунистической и христианско-демократической партиями. Такое намерение отчасти было реализовано в отношении коммунистов заключением с ними пакта; что же касается ХДП, «хотя социалисты и работают совместно с этой партией» в профсоюзах, «их политический союз кажется маловероятным». Социалисты требуют, чтобы ХДП высказалась в пользу республики и отреклась от монархии, а ХДП враждебно относится к марксизму социалистов. Две партии не доверяют друг другу в вопросах религии, социалисты обвиняют ХДП в том, что та подчиняется Ватикану. Социалисты отказались от участия в правительстве Бономи еще и потому, что считают премьер-министра «слабым и неумелым человеком» и «сильно критикуют его медлительность в делах чистки» страны от фашистов⁵⁰.

В программе ИСППЕ послевоенного времени – так называемом Манифесте партии, принятом 27 апреля 1945 г., – говорилось, что после свержения фашистского режима идеалом может быть лишь социализм, воплощающий два главных принципа – равенство экономических условий и демократию в политической жизни. Был выдвинут лозунг «Ликвидировать монархию и немедленно провозгласить республику»⁵¹. С этим связывали решение социальных задач – проведение аграрной реформы и социализацию крупной промышленности.

Программа партии, отмечалось в справке об итальянских политических партиях для советского руководства, основана на марксизме. Социалисты считают, что марксистские принципы следует учитывать ради удовлетворения социально-экономических нужд граждан страны. Классовая борьба трактуется ими как инструмент достижения целей пролетариата. Главными пунктами программы ИСППЕ в конце войны были следующие. 1. Уничтожение фашизма и демократизация экономической и политической жизни страны. 2. Строгая чистка рядов бывших фашистских чиновников, занимавших ответственные посты в администрации, полиции, армии. 3. Социализация промышленности и крупных предприятий, развитие профсоюзного движения, участие рабочих в управлении предприятиями. 4. Участие рабочих в планировании реконструкции и руководстве ею, в то время как финансирование реконструкции должно быть возложено на зажиточный класс, который ответствен за фашизм и войну. 5. Развитие рынка труда и помощь безработным. 6. Реформа администрации. 7. Аграрная реформа. 8. Равные политические и социальные права женщин. 9. Создание республики в Италии⁵².

По окончании войны, 20 июня 1945 г., было сформировано новое правительство из представителей всех партий КНО, на этот раз в нем преобладали левые. Премьер-министром стал Ф. Парри, вице-премьером – П. Ненни, из коммунистов посты получили Тольятти – министр юстиции, М. Скоччимарро – финансов, Ф. Гулло – сельского хозяйства; один из ключевых постов – министра иностранных дел – лидер христианских демократов А. Де Гаспери. Главным теперь была подготовка созыва Учредительного собрания. Выборы в него собирались провести как можно скорее. Трудной задачей правительства было проведение дефашизации. В условиях социально-экономического кризиса было затруднено проведение социальных реформ. Политика Парри встречала сопротивление оппозиционных сил, 24 ноября 1945 г. его правительство ушло в отставку. Левые считали кабинет Парри переходным к народному демократическому прави-

тельству, которое начнет осуществлять социальную программу Соппротивления⁵³. Но этого кабинету Парри сделать не удалось.

На Национальном совете партии 29 июля – 1 августа 1945 г. Ненни заявил, что социалисты должны не только создать партийные коалиции, но главным образом мобилизовывать массы. Если соглашение о единстве действий между социалистической и коммунистической партиями будет нарушено, тяготение масс к новым диктаторским авантюрам станет неизбежным. Ненни напомнил, что соглашение о единстве действий социалистов и коммунистов Италии, Франции, Испании позволило бороться против фашизма вплоть до 1939 г. История показала, подчеркнул он, к чему приводит раскол внутри класса трудящихся. Основой доктрины социалистов является марксизм. Ненни поддержал идею создания партии трудящихся и осудил тех, кто призывал сохранить раздельное существование ряда рабочих партий. «Единство станет возможным тогда, когда оно предстанет как стихийное требование снизу, как встреча двух партий на новых позициях, не совпадающих полностью ни с социалистическими, ни с коммунистическими традициями». Но в настоящий момент, считал Ненни, час объединения еще не настал. Двадцать лет трений и полемики не могут быть ликвидированы в одну минуту, сама структура двух партий исключает возможность такого слияния. «Роспуск Третьего Интернационала открыл дорогу единству социалистов с коммунистами». Теперь необходимо создать новый Интернационал, основанный на «абсолютно демократических принципах и методах».

Социалисты должны проводить политику единства рабочего класса, отмечалось в докладе Ненни. Любая иная политика была бы оппортунистической и увела бы партию с революционных позиций на реформистские. В докладе прозвучала социальная характеристика Италии того периода: «Мы не можем игнорировать социальной структуры Италии с ее 8 млн пролетариев, 9 млн служащих, чиновников, кустарей, мелких собственников, 20 млн людей, живущих сельским хозяйством, 1,8 млн хозяев, владеющих менее чем гектаром земли, воображающих, что они поднялись выше уровня пролетариев». Поэтому основная политическая задача – объединить вокруг однородного рабочего ядра все силы труда – крестьян, техников, служащих, чиновников, интеллигентов.

Выступивший вслед за Ненни посол Италии в Париже Сарагат потребовал «абсолютной автономии» для социалистической партии. Обрисовав «опасную» ситуацию Европы, когда «целые народы должны переселяться по другую сторону границ, опреде-

ленных волей победителей», Сарагат констатировал, что Европа переживает процесс распада. Это процесс может быть предотвращен только в том случае, если «скрытый конфликт» между западными державами и Советским Союзом будет преодолен благодаря «уравновешивающим, посредническим функциям» социализма, который «объединяет социальную справедливость с политической свободой». Если социализм откажется от своей абсолютной автономии, интересы трудящихся будут подчинены интересам одного государства, хотя бы и пролетарского, и таким образом исчезнут функции социализма как «европейского посредника между Западом и Востоком». Сотрудничество с коммунистами в рамках единства действий не должно способствовать интригам в целях ликвидации социалистической партии. Победа лейбористов является надеждой народов Европы, самой большой надеждой которых является социализм, заявил Сарагат. «Ненни ставит акцент на вопросах единства, – добавил он, – но разум заставляет нас гарантировать автономию партии. Органическое единство созреет по мере того, как коммунистические партии будут приближаться к нашим формам понимания демократии и по мере того, как социалистические партии усвоят социальные идеи, приближающиеся к тем идеям, которые справедливо восторжествовали в России. В настоящее время мы еще очень далеки от этого».

Тезисы Сарагата поддержал Силоне. По его мнению, слияние социалистов с коммунистами привело бы к «изоляции демократического фронта». Сарагату резко возразили С. Пертини, Н. Гаэта, П. Манчини и многие другие делегаты. 30 июля сессия Национального совета ИСППЕ большинством (76%) голосов одобрила резолюцию по докладу (и сам доклад) Ненни, предложенную Пертини, Моранди, Гаэта, Каччаторе и Бассо. Подписи самого Ненни под ней не стояло. В резолюции были сформулированы установки партии по вопросу о созыве Учредительного собрания и единстве трудящихся. В резолюции говорилось, что решение о создании единой партии следует отложить до съезда социалистов. Резолюцию Сарагата–Силоне одобрили только 24% участников съезда. Реформисты одобрили доклад Ненни, но оговаривали необходимость сохранения автономии партии. В голосовании участвовали делегаты, представлявшие около 700 тыс. членов партии. 31 июля подавляющим большинством голосов была принята резолюция, одобрявшая доклад Ненни. Советское посольство в те дни признавало, что П. Ненни стоит за единство с коммунистами, но он бессилен «победить в руководстве соцпартии антикоммунистические тенденции»⁵⁴.

3 августа 1945 г. руководства ИКП и ИСППЕ приняли на совместном заседании резолюцию, намечавшую программу действий. В ней предусматривалось создание на местах для координации действий «джунт согласия». Обе партии высказались за выборы в Учредительное собрание не позднее осени 1945 г., которое должно было установить республиканский строй, провести аграрную реформу и осуществить социализацию монополий, а также принять политическую и социальную программы. Последнее было особенно важным в условиях послевоенной разрухи, от которой жестоко страдало население страны.

Участвуя в середине августа в съезде СФИО⁵⁵, Ненни констатировал, что стремление к объединению двух партий левых сил во Франции ослабло. Лейбористы, победившие Черчилля на выборах в Англии, предупреждали итальянских социалистов об опасности слияния с коммунистами. Бевин направил 16 октября послание Ненни с выражением «его и лейбористской партии большой озабоченности по поводу возможного слияния с коммунистической партией». На пленуме ЦК партии 17–22 октября 1945 г. большинство из 28 человек против 4 приняло центристскую резолюцию. Ненни 23 октября заявил, что возможно правы товарищи, которые считают, что защита интересов трудящихся лучше гарантируется двумя, а не одной партией, тем более что, по его мнению, «Советский Союз не может и не хочет помогать итальянскому возрождению». Проблема слияния была вновь поставлена коммунистами, но в самых общих чертах. На съезде ИКП в январе 1946 г. Лонго предложил создать для начала федерацию двух партий в качестве переходного этапа к настоящему слиянию и созданию новой марксистско-ленинской (связанной с СССР) партии. Но, как считает Дж. Тамбуррано, «надгробный камень на эту проблему был положен съездом социалистов, который состоялся в апреле 1946 г. во Флоренции»⁵⁶.

На заседании Национальной консультативной ассамблеи (Консульты) в конце сентября – начале октября 1945 г. социалисты обозначили основные направления своей политики. Касаясь вопроса скорейшего установления республиканских порядков, Пертини заявил, что «монархия умерла в душе народа, и этот труп должен быть похоронен». Моранди критиковал правительство Парри за бездеятельность по части ликвидации наследия фашизма; он констатировал, что «многие фашисты до сих пор разгуливают на свободе» и правительство до сих пор не закончило чистку и конфискацию имущества, несправедливо нажитого при фашистском режиме. Но уже в конце октября заместитель председателя правительства Ненни выступил в Терамо и Асколи с

нашумевшим заявлением. Он «оправдывал средние круги итальянцев, сотрудничавшие с фашистами, и обвинил в сотрудничестве (с ними. – *В.Л.*) крупных землевладельцев Юга Италии и промышленников Северной Италии»⁵⁷. П. Манчини на заседании Консульты подчеркнул, что церковь не должна вести пропаганду против коммунистов и социалистов. Политическая линия ИСППЕ была противоречивой, в партии отсутствовало единство мнений. Один из тогдашних членов руководства, Дж. Каларко, представитель левых, позднее отмечал, что 1945 год был решающим, социалисты могли взять на себя выполнение главной задачи на новом этапе, но партия не смогла занять четкой и решительной политической позиции и пошла «по пути оппортунизма и бесплодного сотрудничества с ХДП, не заслуживавшей доверия»⁵⁸.

В середине октября 1945 г. итальянская пресса сообщала, что состоялось секретное заседание ЦК социалистической партии. В дискуссии приняли участие Ненни, Пертини и Сарагат, специально приехавший из Парижа. Обсуждали вопрос об отношении к другим партиям и в первую очередь к коммунистам. «Аванти», сообщая 22 октября об этом заседании, воспроизвела главное из речи Ненни. Он отметил, что «проблема слияния с коммунистической партией в настоящее время не стоит на повестке дня»⁵⁹. По откликам прессы, Ненни попытался «примирить два направления, возникшие внутри партии». Одновременно римские газеты сообщали, что представитель ХДП Гронки допустил возможность сотрудничества с социалистами, но при условии, что они откажутся от «революционной фразеологии»⁶⁰. Как видим, уже тогда началась острая борьба между ИКП и ХДП за потенциальный союз с социалистами, которая продолжалась затем на протяжении ряда десятилетий.

Ненни был председателем ИСППЕ, ее секретарем стал Пертини, которого в декабре 1945 г. сменил Моранди. В беседе с советским послом Костылевым 25 декабря 1945 г. П. Тольятти коснулся политики ИСППЕ и изменений в составе ее руководства. Уход заместителя секретаря партии Пертини – свидетельство неблагополучия в руководстве, сказал он. «В руководстве соцпартии существует много течений и групп, начиная от левого, близкого к компартии и кончая правым, близким к либералам, и троцкистским, близким к иностранным разведкам». Пертини боролся против Ненни и намеревался возглавить партию. С этой целью он пытался опереться на все фракции и группы партии, но фактически больше всего интриговал против левого крыла, возглавляемого Каччаторе и Бассо. В ИСППЕ отсутствие принци-

пиальной твердой политики оправдывают тем, что это позволит социалистам на будущих выборах в Учредительном собрании получить дополнительные голоса как среди рабочих, так и в различных буржуазных слоях, поскольку среди последних существует убеждение, что социалисты являются антикоммунистами. Пертини пытался создать «сильную соцпартию правой ориентации». Левое крыло руководства боролось против этого, что в итоге привело к взрыву, вызвавшему уход Пертини. Ненни не занял принципиальной позиции в борьбе этих двух тенденций. Он пошел по пути «удовлетворения противоречивых претензий разных групп социалистов». Пертини заменен Моранди, человеком близким к компартии, но крайне слабым организатором, бесхарактерным, не обладающим необходимыми данными для политического руководителя. «Аванти» Ненни отдал в руки троцкиста И. Силоне, и это назначение «грозит дальнейшим идейным разложением соцпартии», заключил Тольятти⁶¹.

К апрелю 1946 г. число членов партии достигло 900 тыс. человек⁶². По неполным данным, не охватывавшим все федерации ИСППЕ, 62% членов партии были рабочие, 13,5% – крестьяне, 5% – служащие, 1% – лица свободных профессий, 19% – женщины и молодежь⁶³. Преобладание в партии представителей рабочего класса напрямую влияло на позиции руководства, в котором наиболее сильным было левое крыло во главе с Ненни и Моранди.

Автономисты смогли добиться частичного реванша на первом послевоенном (XXIV) съезде партии (11–16 апреля 1946 г.) во Флоренции, где они добились преимущества, объединившись с центристским течением во главе с Пертини и Силоне. Течение во главе с Ненни и Бассо, сторонники сотрудничества социалистов с коммунистами и в перспективе их слияния в одну партию рабочего движения, остались в меньшинстве. На съезде выявились пять фракций. Правая группировалась вокруг журнала «Критика социале». Ее возглавили «бывший филокоммунист» Дж. Сарагат, «перешедший на позиции автономизма», и М. Маттеотти. Вторая фракция, также правая, сформировалась вокруг журнала «Социалистическая инициатива» под руководством М. Дзагари и К. Бонфантини. «Центристское» течение возглавил Ненни, пытавшийся удержать равную дистанцию от противоположных блоков, но сохранивший свои максималистские симпатии. Фракцию, выступавшую за сотрудничество с коммунистами, возглавляли Л. Бассо и Л. Каччаторе. И наконец, лидерами крайне левой фракции стали О. Лидздри и ряд профсоюзных руководителей.

На съезде во Флоренции размежевание сил продолжилось. Центристское течение раскололось на два направления: группи-

ровка Пертини и Силоне, заключившая соглашение с «Социалистической инициативой» и представившая единый с нею список, и группировка Маццали и Моранди, которая объединилась с левыми. В результате Ненни пребывал до конца съезда в нерешительности и изоляции, а в итоге потерпел поражение, хотя и занял пост председателя партии. В заключение работы съезда на одобрение были представлены четыре резолюции: 1) бывших центристов, сблизившихся с левыми, и возглавляемых Бассо сторонников сотрудничества с ИКП (338 346 голосов); 2) «унитарная» – бывших центристов, сблизившиеся с правыми и группировкой «Социалистическая инициатива» (300 062 голоса); 3) течения «Критика социале» (83 761 голос); 4) группировки местных партийных лидеров, поддержавших реформистскую линию (14 252 голоса)⁶⁴.

Материалы XXIV съезда стенографировались выборочно. Ввиду их важности они (на основе неполных стенограмм и материалов социалистической печати) были изданы отдельным сборником к 30-летию съезда в 1976 г. Документы эти отражают напряженность борьбы между группировками социалистов. Очевидно, что главными фигурами, авторитет которых помог удержать в тот момент единство партии, были Ненни и Сарагат⁶⁵. Еще одно заметное издание источников того периода – «Анналы» (1988–1989) Института Фельтринелли. В них опубликованы документы архива Джузеппе Фаравелли 1945–1950 гг., т.е. переходного периода от Сопротивления к холодной войне⁶⁶. Фаравелли, как считают авторы предисловия к данному тому П.К. Мазини и С. Мерли, был чуть ли не главным зачинщиком раскола в палатце Барберини, а впоследствии отстаивал вместе с попутчиками по фракции «Социалистическая инициатива», вошедшей в социал-демократическую партию, курс на независимость этой партии, в отличие от партийного лидера Сарагата, начавшего склоняться к безоговорочному «министерализму и атлантизму»⁶⁷.

В длинном донесении советского посла М. Костылева от 26 апреля 1946 г. о положении в рядах социалистов сообщалось, что съезд социалистической партии во Флоренции привлек интерес широких политических кругов. Всех интересовал вопрос, пойдут ли социалисты на дальнейшее сближение с коммунистами или «качнутся к блоку с демохристианами». «Пакт о единстве действий между коммунистами и социалистами, неоднократно подтверждавшийся в текущей политической борьбе, является самой острой занозой в душе взбешенного итальянского буржуа. Около двух лет итальянская реакция стремится изолировать коммунистов, поссорить социалистов с их союзниками, превратить

соцпартию в добренькую реформистскую партию, которая грызлась бы с коммунистами к удовольствию “хозяина”. Нельзя сказать, что на этом пути не удалось ничего достигнуть. Реформистское крыло в соцпартии постепенно консолидируется. Конгресс во Флоренции подтвердил это».

Съезд социалистов собрался через три дня после весьма приятного для них события: на административных выборах в Милане за них проголосовало подавляющее большинство избирателей – 220 534, за демохристиан – 163 486, за коммунистов – 157 343. Как правило, на административных выборах социалисты оказывались на третьем месте. Однако и раньше их позиции в Милане были сильнее позиций коммунистов, которых предпочитали избиратели Турина и Болоньи. Для реакционных кругов победа социалистов в Милане была своего рода утешением и послужила поводом для издевок над коммунистами, правые подчеркивали, что они наконец «разгромлены»⁶⁸.

Осознав, что они могут вести самостоятельную политику, социалисты на предложение коммунистов о слиянии, заявили, что останутся автономной партией. На конгрессе правое крыло соцпартии пыталось резко сместить идеологическую и политическую базу партии на откровенно реформистский путь. Преемник линии старых реформистов Турати–Треvesa, недавний посол Италии в Париже Сарагат выступил на съезде с программной речью, направленной против коммунистов и в защиту «особой цивилизаторской миссии европейского социализма». Орган «реакционера и монархиста Иваное Бономи “Рикоструционе”» писала, что речь Сарагата заставила радостно биться сердца всех истинных приверженцев свободы», отмечал М. Костылев.

Согласно Сарагату, народы Западной Европы пребывают под знаменем демократического социализма, а в Восточной Европе «господствует тоталитарный коммунизм, который эксплуатирует деревню». «Европейский социализм, – заявил Сарагат, – является единственной силой, которая может помешать войне». «Люди, получившие свободу из наших рук, нагло определяют теперь советский строй тоталитарной системой», подчеркивал Костылев. «Но призывать к открытому разрыву реформисты еще не собрались с духом. Реформисты также требовали, чтобы ВИКТ вернулась к полной автономии и освободилась от влияния какой бы то ни было партии, наконец, они высказались за создание Социалистического Интернационала»⁶⁹.

Сарагат действительно противопоставлял «демократический социализм» советскому социализму, согласно его определению, «тоталитарному»⁷⁰. Он отверг предложение коммунистов о слия-

нии, высказавшись за сохранение автономии социалистической партии. Хотя группировка Сарагата на съезде представляла всего 11,5% членов партии, оформление антикоммунистической фракции впоследствии повлияло на политику социалистов, толкнув их к новым компромиссам. Съезд не поддержал слияние с ИКП. Большинство делегатов высказались за республику и созыв Учредительного собрания, за сохранение единства действий с коммунистами. Эти решения позволили на время оттянуть раскол партии⁷¹.

Группа Ненни и левое крыло соцпартии выступили на конгрессе против реформистов. «Пьетро Ненни, Эмилио (Лелио. – В.Л.) Бассо и другие заявили, что политика Сарагата может привести социалистов к антикоммунистической и антисоветской политике», которая, в конце концов, приведет к союзу с католиками, «как это произошло в Австрии», сообщалось в донесении советского посольства. Согласно Л. Бассо, «внутренняя изоляция коммунистов привела бы в Италии к власти реакцию; а в международном масштабе – к войне против СССР. Конечно, этого никакой социалист не хочет, но мало не хотеть – надо делать политику, которая объективно не привела бы к таким последствиям». «Мы уже обожглись на фашизме», заявил на съезде Бассо.

На съезде социалистов присутствовал Тольятти. Свое отношение к его итогам он выразил в статье, опубликованной в «Унита» 20 апреля 1946 г. Тольятти признал, что социалисты все решительнее порывают с социалистическим революционным движением, открыто пытаются сделать из антикоммунизма, если не официальную политику партии, то, по крайней мере, то «состояние души, которое должно превалировать в партии». Рассуждая о задачах левых в борьбе за демократию и Учредительное собрание, Тольятти писал: «Единство трудящихся и демократических сил – абсолютная необходимость, равно как абсолютная необходимость – единство двух наших партий, без чего демократия никогда не сможет победить».

Реформисты на съезде не нашли в себе достаточной смелости, чтобы принять открыто реформистскую позицию Сарагата, подчеркивалось в донесении советского посольства. Участники съезда голосовали за «три проекта резолюции: ...группы “социальная критика”, группа Сарагата, проект Пертини–Силоне – тоже реформистская группа, но более “стыдливая”, и проект группы Ненни и левых. При голосовании голоса разбились следующим образом. За первую резолюцию был подан 83 761 голос, за вторую – 300 062, за третью – 338 346». Позиция группы Ненни и левых была одобрена большинством голосов. Согласно предста-

вленной ею резолюции, «соцпартия основана на социальных и экономических принципах марксизма, имеющих целью уничтожить капитализм с помощью постепенного выполнения основных реформ в земледелии, индустрии и финансах». Но большинство осталось за реформистами: две первые резолюции получили вместе 52% голосов, а группа Ненни и левых 46,1%. Поэтому новое руководство партии было избрано по принципу равного представительства этих двух групп – по 7 человек от каждой и так называемого независимого секретаря партии – Ивана Маттео Ломбардо. «В беседе со мной, – констатировал посол в заключение, – Тольятти сказал, что социалистическая партия, безусловно, стоит перед перспективой раскола. Однако социалисты сохраняют единство до Учредительного Собрания»⁷².

Несмотря на автономистскую оппозицию ИСППЕ, в 1946 г. пакт о единстве действий коммунистов и социалистов был возобновлен и создан Народный фронт левых сил. По мнению ряда исследователей, социалисты в этом союзе, хотя и отвергали идею слияния, все больше и больше зависели от позиции коммунистов, что, собственно, и стало причиной последующего раскола партии⁷³. Согласно Ненни, опубликовавшему в 1953 г. под псевдонимом П. Эмилиани книгу с характерным названием «Потерянные десять лет. Хроника итальянского социализма, 1943–1953 гг.», коммунисты блокировали любое, не нравившееся им решение⁷⁴. Хотя, по мнению Л. Бассо, участие социалистов в правительстве Ф. Парри, когда Ненни стал заместителем премьер-министра и министром по делам Учредительного собрания, способствовало их тесному сближению с представленными в том же кабинете коммунистами⁷⁵. Ненни был избран после XXVI съезда председателем партии, а большинство сохранили за собой центристы, выдвинувшие вместо Моранди своего представителя – Ивана Маттео Ломбардо.

В новый текст пакта о единстве действий социалистов и коммунистов принятый 27 октября 1946 г. пункт о создании единой партии не вошел. Но сам факт заключения пакта свидетельствовал о сохранявшейся воле к объединению левых сил и выполнению ими совместной программы на этом сложном этапе итальянской истории. Пакт 1946 г. почти десять лет определял общую линию совместной борьбы социалистов и коммунистов.

Внутри социалистической партии не прекращалась борьба течений. Эфемерное объединение интересов разных фракций на Флорентийском съезде ИСППЕ оказалось временным. Центристское течение быстро распалось. Продолжалось противостояние автономистского меньшинства и сторонников слияния с ИКП,

или «фузионистов», которые с осени 1946 г. «систематически выступали против автономистов». Автономисты, рискуя остаться в меньшинстве в партии, которую они не могли признать своей, решились на крайний шаг – раскол.

XXV съезд ИСППЕ в университетском городке в Риме в январе 1947 г. начался с острой полемики. Речь шла главным образом о целесообразности сохранения единства действий с ИКП. Выступавший от имени группировки «Социалистическая автономия» Маттео Маттеотти обвинил руководство в антидемократических методах подготовки съезда, ущемлении прав меньшинства. Маттеотти поддержали представители течения «Критика социале». Обе группировки покинули зал заседаний съезда. П. Ненни заявил, что разногласия вызваны не выбором между «социализмом со свободой» и «социализмом без свободы», а теоретической и практической концепции самого социализма. Чтобы не стать буржуазной партией, на этой фазе борьбы необходимо обратиться к принципам марксизма. С Ненни не согласился Сарагат, он покинул съезд и присоединился к двум покинувшим его группировкам, которые собрались отдельно на собственный форум в палатцо Барберини. Секретарем партии на ее XXV съезде голосами 80% делегатов был избран Лелио Бассо.

После того как автономисты ушли со съезда, оставшиеся в зале заседаний социалисты в срочном порядке (по предложению Верночки) приняли резолюцию об изменении названия ИСППЕ на прежнее – ИСП, из опасения, что сторонники раскола могут присвоить это «славное, гордое название». Однако меньшинство под руководством «уважаемого деятеля периода эмиграции» председателя Учредительного собрания Дж. Сарагата предпочло другое (тоже использовавшееся ранее социалистами название) – Социалистическая партия итальянских трудящихся (ПСЛИ).

В справке о политических партиях Италии, отправленной советским посольством в Москву в середине 1948 г., подчеркивалось, что ПСЛИ возникла из группировки Сарагата, вышедшей из ИСП после неудачных попыток вынудить сторонников единства действий с коммунистами отказаться от этой идеи. «Выход группы Сарагата из соцпартии и организация новой партии проходили при участии прибывшей на XXV съезд из США социалистки-ренегатки Балабановой. Летом 1947 г. Сарагат ездил в США и получил деньги от союза дамских портных (150 тыс. долларов). По данным состоявшегося в начале февраля съезда партии, она насчитывает более 200 тыс. членов. На этом съезде имели место выступления против зависимости партии от американ-

ских империалистов, однако большинство съезда одобрило линию поведения руководства»⁷⁶.

Первый съезд ПСЛИ прошел в Неаполе 1–5 февраля 1947 г. Как сообщал советский консул в Неаполе, съезд должен был решить три главных вопроса: наметить программу партии и предвыборную платформу, одобрить участие социал-демократов в правительстве Де Гаспери, добиться от правительства одобрения и принятия плана Маршалла. С программными речами на съезде выступили лидеры партии Сарагат, Симонини, Мондольфо, Калоссо, Тремеллони и Д'Арагона. От имени социал-демократов Сарагат заявил, что страна нуждается в их партии, так как сторонники Ненни подчинились коммунистам. Молодежная группа троцкистского оттенка «Социалистическая инициатива» поручила своим делегатам добиваться сотрудничества с коммунистами, предложение поддержали Дзагари, Даньяно, Майтан и др. Не добившись успеха, они все же не покинули партию, но голосовали против решений руководства. Правые на съезде обладали большинством в 173 тыс. голосов, левые собрали 27 тыс. В новое руководство ПСЛИ были избраны Сарагат, Симонини, Фаравелли, Д'Арагона, Андреони, Мондольфо, Тревес, Бианки, Маттеотти и др. Секретарем партии стал Симонини. В донесении было обращено особое внимание на пассаж из речи Сарагата: сравнивая Америку и Россию, он заявил, что итальянская форма социализма не имеет ничего общего с тоталитарной тенденцией, идущей с Востока, которую хотят навязать Италии⁷⁷.

В ряду внешних и внутренних факторов раскола главными были внутриполитические, писала через сорок лет после этого события в посвященной ему книге «Раскол в палаццо Барберини» Паола Кариди. По ее мнению, этот раскол, обусловленный двумя разными политическими подходами, был неизбежным. «В длительной традиции итальянского социализма политико-идеологическая конфронтация его двух душ – максималистской и реформистской – или в послевоенных терминах, если считать ИКП главным партнером, фузионистской или автономистской, превратилась в тот момент в прямое столкновение *ad excludendum*. Если бы раскола не произошло, автономистское течение было бы раздавлено и вытеснено на обочину левыми, нацеленная на переговоры позиция которых из-за их собственного состава и аномального для европейских стран мощного представительства коммунистической партии в конце 1946 г. получила преобладающее влияние».

П. Кариди не отрицает факт вмешательства американских профсоюзов (АФТ), оказывавших финансовую поддержку авто-

номистским течениям, и приводит новые, связанные с этим документы. «Американские тред-юнионы своей экономической поддержкой, вовсе не такой значительной, как полагали политические противники ПСЛИ, облегчили автономистским течениям ИСППЕ переход на путь, которого придерживались сами в своей политике в Западной Европе, прежде всего во Франции и в оккупированных западными союзниками трех зонах Германии».

Европейские социалисты «оказывали давление на ИСППЕ в противоположном направлении». Представители британской лейбористской партии и французской СФИО более других стремились помочь ИСППЕ избежать раскола (хотя их политическая линия была ближе линии ПСЛИ), так как считали «единство, даже формальное, социалистического движения в Европе, необходимым элементом, который может стать мотором в реконструкции континента»⁷⁸.

Нельзя игнорировать и внешние причины раскола. Позиция американского госдепартамента не была ни определяющей, ни главной в решимости Сарагата и автономистов пойти на раскол. Прежде всего потому, что президентская администрация еще не начала проводить внутри стран, только еще формировавших западный блок, ту политику, к которой она обратилась во второй половине 1947 г. Американское посольство в Риме, хотя и внимательно наблюдало за процессом раскола, ожидая позитивных результатов для стабильности итальянских правительств, которой можно было достичь за счет удаления из исполнительной власти коммунистов и их замены «наиболее развитой социал-демократией, ядро которой должна была представить ПСЛИ». Касаясь внешнеполитического значения раскола, автор предисловия к книге, известный специалист по истории международных отношений Эннио Ди Нольфо подчеркнул, что «в марте 1947 г. международная ситуация поменялась», и «раскол итальянских социалистов стал лишь одним из эпизодов великой международной конфронтации»⁷⁹.

О расколе с горечью писал в дневнике Ненни: «11 января 1947 г. Раскол состоялся. Сарагат пришел сегодня утром на съезд, чтобы о нем объявить. Сколько за ним последовало, трудно сказать. Весь день вплоть до позднего вечера парламентская группа не прекращала бесполезных попыток примирения. Сандро Пертини отправился на съезд раскольников с последней надеждой сохранить единство и вернулся с отказом. Раскол с самого начала имел абсурдный и фатальный характер. ...Фатальный потому, что это действо вписывается в новый раскол мира, о чем Черчилль заявил в Фултоне»⁸⁰.

Отныне ситуация в итальянском рабочем движении, как в коммунистическом, так и социалистическом крыле, разделенном с 1947 г. на две партии, становится важным фактором, который постоянно использовался в борьбе главных соперников – США и СССР – в холодной войне. Итальянских коммунистов считали прямыми выразителями взглядов Москвы, а социал-демократов (позднее и социалистов) – Вашингтона.

Социалистическая партия, по справедливому замечанию Сабатуччи, понесла в результате этого раскола «неисчислимый ущерб» в том, что касалось ее имиджа и политической культуры. Вместе с ПСЛИ пошли все видные реформисты дофашистского периода: Модильяни, Д'Арагона, Дзанарди, и за ними последовали многие профсоюзные деятели, представители кооперативов, местные администраторы. Они представляли «важную традицию, которая принесла партии ее первые электоральные успехи и которая могла бы обеспечить ей автономное положение в обществе»⁸¹.

Через год после «съезда раскола» там же в Риме 19–22 января 1948 г. был созван XXVI съезд социалистической партии. Бассо смог с удовлетворением заявить, что несмотря на уход тех, кто образовал ПСЛИ, число членов ИСП увеличилось. С 21 октября 1947 г. в ИСП влились многие члены распушенной Партии действия, лидером которых был Р. Ломбарди. Это течение начало играть активную роль в определении стратегии и тактики социалистов. В тот момент социалисты подтвердили решимость сохранять тесные отношения с ИКП и выступить на предстоящих выборах единым фронтом. За это проголосовали 99% делегатов съезда. Но когда на голосование был поставлен вопрос относительно того, надо ли выставлять на выборах единый список кандидатов от двух партий, положительно на него ответили лишь 66%. Особые позиции по данному вопросу занимали такие партийные лидеры, как Ромита, призвавший преодолеть раскол с ПСЛИ, и Ломбарди, выступивший за отдельные списки ИСП и ИКП на предстоящих выборах, аргументируя это тем, что только так социалисты сохраняют свободу рук. Л. Бассо был переизбран на пост секретаря партии⁸².

Подводя итог, следует отметить, что переход к демократии начался в Италии в 1945–1947 гг. Необходимо было не только усовершенствовать политическую систему, уничтожить социальные корни фашизма, его идеологию, многие привычки, сложившиеся за 22 года правления фашистского режима. Страна жила ожиданием перемен, которые должны были начаться с созывом Учредительного собрания и принятия им новой конституции.

Фашистская диктатура не терпела партий-конкурентов, они были запрещены. Теперь же на политической сцене функционировали несколько партий, входивших в блок КНО. Среди них доминировали две массовые рабочие партии, ИКП во главе с Тольятти, насчитывавшая в конце 1945 г. 1,7 млн человек, более чем какая-либо другая партия, и ИСП во главе с Ненин – около 700 тыс. человек. По массовости коммунистам уступала вторая по численности партия – ХДП во главе с Де Гаспери. Возродились запрещенные при фашизме массовые профсоюзы. В 1944 г. была воссоздана ВИКТ, в нее теперь впервые в истории входили совместно коммунисты, социалисты, католики. В ее уставе был зафиксирован принцип независимости профсоюзов от политических партий. К началу 1947 г. в рядах ВИКТ было 7 млн членов. От социалистов в руководство ВИКТ входил О. Лидзадри. Восстановление демократии происходило под наблюдением таких созданных союзниками органов, как Союзная контрольная комиссия (СКК) и Союзное военное управление на оккупированных территориях (АМГОТ).

По окончании Второй мировой войны, которая скоро сменилась холодной войной между СССР и его бывшими союзниками, Италия стала своего рода прифронтовой зоной в этом противостоянии. Москва не собиралась нарушать договоренностей, по которым Италия отошла в сферу влияния Запада. Но существование в стране сильной компартии воспринималось Англией и США как брешь, через которую Москва вмешивается во внутренние дела Италии. Их усилия направлялись на подрыв позиций коммунистов и поддержку антикоммунизма. Партизанские отряды, заметную долю в которых составляли коммунисты, далеко не всегда выполняли приказ союзнической военной администрации о разоружении и кое-где создавали тайные склады оружия. Еще долгие десятилетия после войны ходили разговоры, что партизаны знают, где лежит это оружие, хотя до того, чтобы оно было пущено в ход, дело не дошло.

После ухода в отставку в конце ноября кабинета Ф. Парри 10 декабря 1945 г. новое правительство возглавил христианский демократ Де Гаспери. С этих пор почти до самой своей смерти в 1954 г. он возглавлял несколько правительств. Опираясь на умеренные и консервативные силы, он проводил линию на восстановление прежнего государства (при доминировании тех же правящих классов, что и раньше), похожего на то, что существовало до прихода фашистов к власти. Хотя в его первом правительстве остались те же шесть антифашистских партий и премьер-министром он стал с подачи социалистов и коммунистов, все же ощу-

щался сдвиг в сторону более умеренного курса. Кабинет Де Гаспери свернул некоторые меры по дефашизации, прекратил чистку госаппарата. Под давлением правительства чрезвычайные комиссары КНОСИ, контролировавшие на Севере промышленные предприятия, с 1 января 1946 г. были лишены этой функции, а сами предприятия возвращены владельцам. Правительство стало управлять всей территорией Италии (кроме Венеции-Джулии), но англо-американские войска еще два года оставались в стране и Де Гаспери мог пользоваться их поддержкой в деле свертывания созданных в ходе Соппротивления демократических институтов. Левым партиям, несмотря на настойчивое стремление реализовать эту идею, так и не удалось ввести на крупных предприятиях советы управления в качестве коллегиального органа предпринимателей и трудящихся, избранных тайным голосованием. Этот проект был похоронен в министерских коридорах. В ноябре–декабре по стране прокатились поддержанные ВИКТ (в его руководство теперь на равных входили коммунисты, социалисты, христианские демократы) забастовки с требованием повышения заработной платы, преодоления безработицы, ликвидации черного рынка. Выступления трудящихся продолжались и в первые месяцы 1947 г.⁸³ Нередко они разгонялись силой, среди забастовщиков были убитые и раненые. Левые партии в целом поддерживали требования рабочих, они стремились к стабилизации обстановки.

2 января 1946 г. правительство решило, что муниципальные выборы пройдут раньше, чем выборы в Учредительное собрание. На пути к референдуму по вопросу о будущем государственном устройстве и выборам в Учредительное собрание страна пережила период насыщенной политической борьбы. Еще во время деятельности правительств Бадольо, а затем Бономи партии, входившие в КНО, потребовали, чтобы КНО, правительство и наместник позаботились о созыве Учредительного собрания. Была отменена присяга королю каждого вновь создаваемого правительства. Что касается созыва Учредительного собрания, то еще 23 июня 1944 г. кабинет Бономи одобрил проект закона об этом и решил, что Национальная консультативная ассамблея будет созвана вскоре после освобождения. Монархисты и их газета «Италия нуова» уже в августе 1944 г. начали кампанию против наступления «красной опасности». Но твердая позиция партий КНО заставила принца Савойского Умберто II заявить 6 ноября 1944 г. в интервью «Нью-Йорк таймс», что монархия в Италии «пойдет влево». Через год, 5 ноября 1945 г., принц встретился с У. Черчиллем и получил от него заверения, что Савой-

ская династия при всех обстоятельствах сохранит трон. Это подстегнуло монархистов и неофашистов начать новую пропагандистскую кампанию. Они заявляли, что «красная опасность» и «республика в Италии» неизбежно приведут к диктатуре.

2 октября 1945 г. глава правительства Ф. Парри на заседании Национальной консультативной ассамблеи заявил, что Учредительное собрание будет созвано в ближайшее время. 14 октября во всех крупных городах состоялись народные демонстрации, требовавшие установления республики и созыва Учредительного собрания. На улицы и площади вышли миллионы людей, поддержавших демократические партии. Среди карикатур на итальянскую монархию выделялся «большой рисунок рабочего с весами, на правой чаше которых валялась старая, потертая корона Савойского дома, а на левой чаше – лист белой бумаги с надписью «Учредительное собрание»»⁸⁴.

Консультативная ассамблея, созданная 25 сентября 1945 г. из представителей антифашистских партий, к весне 1946 г. закончила разработку нового избирательного закона. Он был демократичнее закона, действовавшего до фашизма. Главное новшество состояло в предоставлении права голоса женщинам. Возрастной ценз устанавливался в 21 год. Голосование проводилось по партийным спискам и пропорциональному принципу распределения мандатов. Участие в выборах было обязательным. На прошедших в два этапа, весной и осенью 1946 г. муниципальных выборах, левые партии получили в совокупности около 50% голосов, ХДП – 40%. Выборы в Учредительное собрание были назначены на 2 июня 1946 г. Одновременно проводился референдум о форме государственного устройства Италии – монархия или республика. В мае 1946 г. Виктор Эммануил III подтвердил свое отречение в пользу сына Умберто II и тот стал королем.

Кандидатов в депутаты Учредительного собрания выдвинула 51 партия и организация. 36 из них не набрали необходимого числа голосов для проведения в собрание хотя бы одного депутата. Всего было подано 23 млн голосов, на долю основных участников выборов из 556 депутатских мест пришлось: ХДП – 35,2% (207 депутатов), социалистов – 20,7% (115), ИКП – 19% (104), либералов – 6,8% (41), остальные набрали гораздо меньше.

Либералы, игравшие до прихода фашистов к власти ведущую роль, ее утратили. В ходе референдума на вопрос – монархия или республика, большинство респондентов – 12 717 923 (54,26%) – ответили: республика, 10 719 284 (45,74%) предпочли монархию. Перевес сторонников республиканского строя достиг почти 2 млн голосов. Количество недействительных бюллетеней соста-

вило 1 509 735. На Севере и в Центре страны итальянцы проголосовали в основном за республику, на Юге – за монархию. Социалисты торжествовали, «Аванти» вышла под заголовком «Республика! Вековая мечта честных и сознательных итальянцев воплотилась и стала чудесной реальностью»⁸⁵. В Неаполе монархисты попытались поднять мятеж, но он провалился. Умберто II мирно сложил свои полномочия, королевская семья отплыла из Неаполя в Португалию.

После выборов стало очевидным, что консервативный Юг проголосовал за ХДП, в то время как в Ломбардии, Лигурии, Эмилии-Романье, Тоскане, Умбрии и Марке голосовали за левых. Обозначилась выраженная политическая поляризация, раскол страны: на Юг и Север, на левый и правый политические фланги.

Выборы отразили политико-социальную неуравновешенность общества, которую партиям надлежало учитывать в своей стратегии и тактике. Результатом работы Учредительного собрания, долгих и бурных политических дебатов стало принятие по истине демократической Конституции, вступившей в силу с 1 января 1948 г. и действующей до сих пор. Ее проект был разработан специальной комиссией, в которую входили 75 депутатов Учредительного собрания, принадлежащих к различным партиям, в том числе коммунист Тольятти и социалист Ненни.

Конституция в целом не отменяла, как того желали многие антифашисты из среды левых, частной собственности, а защищала ее. Тем самым, как считали критики из рядов левых, она сохраняла экономическую основу капиталистического общества в Италии. Это нашло отражение в установлении важнейшего конституционного принципа, определяющего характер собственности на основные орудия и средства производства. Будучи однотипной с конституциями других западных стран, итальянская конституция обладает рядом особенностей, обусловленных активным участием в ее создании левых представителей ИКП и ИСП. Являясь в целом выражением воли господствующего блока, конституция вместе с тем отразила воздействие воли трудящихся классов⁸⁶. Участие ИСП и ИКП сказалось на отдельных положениях конституции. В ней отстаивается равенство прав граждан и демократические свободы. Итальянские левые заставили политические силы правого лагеря принять конституцию с такими правами, которые ранее отсутствовали в буржуазных конституциях. Республиканская конституция зафиксировала основные требования левых партий к выборам в Учредительное собрание – свободу слова, союзов, собраний, совести, печати,

культа, религиозной пропаганды, свободного выбора местожительства. Оговаривались право на труд, на отдых, на социальное обеспечение, на образование, равноправие всех граждан⁸⁷. ИКП назвала республиканскую конституцию «важным завоеванием на итальянском пути к социализму». Граждане получили возможность «участвовать в местном самоуправлении»⁸⁸.

Итальянская конституция представляет собой единый акт, определяющий основные черты общественного и государственного устройства Италии. Ей должен был сопутствовать ряд законов, развивающих отдельные конституционные положения (законы о Конституционном суде, статусе областей, Национальном совете экономики и труда, аграрной реформе, национализации и пр.). Но некоторые из законов были приняты лишь много лет спустя после принятия конституции. Максимум изменений в конституцию, в частности в сфере углубления федерализации страны, пыталось внести парламентское большинство совместно с правительством Берлускони в 2005 г. Однако на общенациональном референдуме в июне 2006 г. большинство итальянцев их отвергло.

В месяцы, предшествовавшие принятию конституции, между коммунистами и социалистами разгорелась полемика по поводу статьи VII, в которой говорится об отношениях государства с Ватиканом. Коммунисты были согласны принять зафиксированные в Латеранских соглашениях 1929 г. положения, тогда как социалисты их отвергали. В конце концов, статья VII прошла в той редакции, которую поддержали коммунисты и христианские демократы. Впоследствии, в 1984 г., новый конкордат итальянского государства с Ватиканом был подписан премьер-министром-социалистом Б. Кракси. Таким образом произошла ревизия прежней позиции ИСП.

Принятие конституции большинством Учредительного собрания явилось, таким образом, началом новой фазы политической борьбы, еще более ожесточенной и непримиримой, чем прежде. Пришедшая к власти ХДП и ее союзники оказались в конечном счете не в состоянии полностью превратить конституцию в орудие, направленное на достижение лишь собственных интересов. Прогрессивная конституция Итальянской республики 1947 г. должна была начать действовать в условиях, когда у власти стояло правое правительство, намеревавшееся сохранить консервативные общественные устои. Правящая ХДП тормозила создание институтов, учреждение которых предусматривала конституция. Она отказывалась от осуществления записанных в конституции реформ, гарантировавших права трудящихся. Еще долго ос-

тавались в силе отдельные статьи фашистского законодательства, противоречащие республиканской конституции.

Правительство Де Гаспери сразу же после принятия Учредительным собранием конституции взяло курс на устранение левых сил из руководства страной. Определенные надежды христианские демократы возлагали на выборы в первый республиканский парламент. Они шла на эти выборы, рассчитывая разгромить левый лагерь. Крупная буржуазия и аграрии видели в установлении устойчивой власти правых сил возможность удержать свое господство.

ИСП и ИКП осознали эту угрозу. На съездах двух партий было решено выступить на выборах единым фронтом. VI съезд коммунистической партии, состоявшийся в январе 1948 г., одобрил это решение. Единый Народно-демократический фронт поддерживали и объединенные профсоюзы. Но фронт потерпел поражение на выборах 18 апреля 1948 г.

ИКП и ИСП проанализировали собственные ошибки и наметили пути выхода из кризиса. В июне 1947 г. во Флоренции состоялся съезд ВИКТ, в который входили коммунисты и социалисты. Он принял решение «отстаивать национальные права трудящихся»⁸⁹. Созванный 27 июня 1948 г. чрезвычайный XVIII съезд социалистов в Генуе обсудил проблемы, связанные с поражением партии на общенациональных выборах 18 апреля. Выступления отличались самокритикой. По мнению Л. Бассо, произошло общее отступление сил рабочего движения под давлением консерваторов, а христианские демократы победили в условиях религиозного фанатизма и запугивания избирателей жупелом коммунизма. Согласно Ромите, необходимо было удалить из партии тех, кто «привержен коммунистическому менталитету» и заодно тех, кто склонен сотрудничать с реакционным правительством. Р. Ломбарди настаивал на том, что ИСП не должна быть копией ИКП и что именно из-за такого положения социалисты потерпели поражение. На съезде одержало верх течение «Рискосса социалиста», секретарем ИСП был избран А. Якометти, редактором «Аванти» стал Ломбарди⁹⁰.

На съезде ИКП Тольятти назвал 1946–1948 гг. периодом «борьбы за демократию» и привлек внимание к трем основным угрозам, нависшим над демократией. Во-первых, по его мнению, в результате американской экспансии, провозглашенной в так называемой доктрине Трумэна, возникла серьезная угроза миру. Во-вторых, под вопрос была поставлена национальная независимость страны. Американские монополистические круги под видом «помощи» Италии осуществляли повседневную политиче-

скую интервенцию в ее внутренние дела, оказывая реакционное давление на всю жизнь страны. «Третьей угрозой, тяготеющей над нами, – сказал Тольятти, – является угроза свободе, завоеванной с таким трудом. {...} Основной закон останется, без всякого сомнения, мертвой буквой, если его осуществление будет доверено старым правящим консервативным классам»⁹¹.

Социально-экономическая обстановка в стране оставалась напряженной, после войны царила массовая бедность, цены за полгода повысились на 50%, инфляция достигала 35%. Продолжался экономический спад. Все это ударило прежде всего по широким слоям трудящихся. Правящие христианские демократы после удаления из правительства представителей левых партий были готовы к широкому сотрудничеству с США, предлагавшим экономическую помощь в виде плана Маршалла, принятого странами Западной Европы и отвергнутого на Востоке континента, находившимся под советским влиянием. В условиях жесткой конфронтации Италия на долгие годы становится своего рода прифронтовым государством.

Итог этого периода заключался в том, что прогрессивные силы итальянского общества, объединенные в антифашистском движении Сопротивления, ведущая роль в котором принадлежала левым силам, в том числе коммунистам и социалистам, нанесли решительное поражение фашизму. Антифашизм на долгое время стал мощной и признанной силой современного итальянского общества, а его ядро – коммунисты и социалисты – на первых порах выступали единым фронтом. На протяжении всего дальнейшего периода существования послевоенной Первой республики общей целью коммунистов и социалистов, хотя пути их часто расходились, вели последовательную борьбу за демократию и социализм.

¹ Чувствуя себя «обиженной» из-за недополученного по окончании Первой мировой войны, Италия при фашистском режиме продолжала экспансионистскую политику и готовилась к новой войне за передел мира. Поначалу планировалось устремиться на соседние Балканы. Но в результате противодействия в этом регионе Англии и Франции Муссолини в 1934 г. выдвинул новый лозунг. «Наши взоры, – заявил он, – направлены теперь на Азию и Африку», т.е. на Ближний Восток, Восточную и Северную Африку, но и от экспансии на Балканы дуче не отказался. Когда после Абиссинской войны Италия заключила союз с гитлеровской Германией, добавилось еще одно направление экспансии – Франция. В 1939 г. министр иностранных дел Г. Чиано выдвинул в парламенте лозунг «Ницца, Корсика, Савойя» – мы должны их вернуть. В 1942 г., после ряда крупных поражений на фронтах Второй мировой войны, итальянские фашисты все же про-

- должали требовать почти треть Африки: Судан, Тунис, Алжир и другие территории, граничащие с одной стороны с Индийским, с другой – Атлантическим океаном и большую часть Балканского полуострова. При этом они не отказывались от притязаний на Ближнем Востоке и на часть территории Турции (РГАСПИ. Ф. 527. Оп. 1. Д. 16. Л. 7).
- ² См., например: *Филатов Г.С.* Крах итальянского фашизма. М., 1973. С. 256–264; *Он же.* Восточный поход Муссолини. М., 1968.
- ³ *Collier R.* Der Duce. Aufstieg und Fall des Benito Mussolini. München, 1971. P. 295.
- ⁴ *Григорьева И.В.* Италия в XX веке. М., 2006. С. 134.
- ⁵ *Комолова Н.П.* Новейшая история Италии. М., 1970. С. 135–137.
- ⁶ РГАСПИ. Ф. 527. Оп. 1. Д. 16. Л. 23 об.
- ⁷ Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии. М., 1953. С. 485–498.
- ⁸ *Sabbatucci G.* Il Partito socialista italiano // *La politica italiana. Dizionario critico 1945–1995.* Roma; Bari, 1995. P. 325–326.
- ⁹ *Merli S.* Il socialismo europeista e federalista dell'emigrazione antifascista italiana in Svizzera // *Il pensiero politico.* Firenze, 1996. A. XXVIII. N 3. P. 437.
- ¹⁰ АВП РФ. Ф. 098. Оп. 26. П. 153. Д. 19. Л. 1–2.
- ¹¹ См.: *Наумова Е.П.* Карло Росселли: Либеральный социализм и Партия действия // *Карло Росселли и левые в Европе.* М., 1999. С. 31–44.
- ¹² РГАСПИ. Ф. 527. Оп. 1. Д. 16. Л. 24 об.–25.
- ¹³ *Белоусов Л.* Муссолини: диктатура и демагогия. М., 1993. С. 295–305.
- ¹⁴ РГАСПИ. Ф. 527. Оп. 1. Д. 16. Л. 25.
- ¹⁵ *Надеждин М.* Падение Муссолини // *Правда.* М., 1943, 31 июля; РГАСПИ. Ф. 527. Оп. 1. Д. 17. Л. 146.
- ¹⁶ РГАСПИ. Ф. 527. Оп. 1. Д. 16. Л. 6 об., 23–23 об.
- ¹⁷ *Susmel D.* Nenni e Mussolini. Mezzo secolo di fronte. Milano, 1969. P. 337–339.
- ¹⁸ *Santarelli E.* Nenni. Torino, 1988. P. 249–261.
- ¹⁹ АВП РФ. Ф. 098. Оп. 26е. П. 208. Д. 3. Л. 108.
- ²⁰ О попытках Муссолини сохранить влияние фашизма в Италии в 1943–1945 гг. см.: *Нестеров А.Г.* Итальянская социальная республика: История, идеология, внешняя политика. Екатеринбург, 2003.
- ²¹ Подробнее см.: *Комолова Н.П.* Движение Сопротивления и политическая борьба в Италии, 1943–1947 гг. М., 1972; *Батталья Р.* История итальянского движения Сопротивления (8 сентября 1943 г. – 25 апреля 1945 г.). М., 1954.
- ²² *Leoni F.* Storia dei partiti italiani / Pref di G. Andreotti. Napoli, 1975. P. 578–580; *Bonomi I.* Diario di un anno. Milano, 1947. P. XXI.
- ²³ Об организации партизанской борьбы см.: *Батталья Р.* Указ. соч.; *Battaglia R.* Un uomo, un partigiano. Torino, 1965; *Лонго Л.* Уроки антифашистского Сопротивления. М., 1980; *Пайетта Дж.* Красный мальчик идет на войну. М., 1988 и др.
- ²⁴ РГАСПИ. Ф. 527. Оп. 1. Д. 16. Л. 6.
- ²⁵ Во время войны Московское радио транслировало антифашистские радиопередачи на итальянском языке. Почти ежедневно с пламенными призывами к соотечественникам обращался П. Тольятти (под псевдонимом Марио Корренти). Тексты его выступлений хранятся в РГАСПИ, во время войны они были изданы: *Correnti M.* Discorsi agli italiani. М., 1943.

- 26 АВП РФ. Ф. 098. Оп. 26. П. 153. Д. 19. Л. 127.
- 27 Там же. Оп. 26е. П. 208. Д. 3. Л. 42–44, 70.
- 28 Vallauri C. I partiti italiani da De Gasperi a Berlusconi. Roma, 1994. P. 85–86.
- 29 Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии. М., 1953. С. 499.
- 30 Комолова Н.П. Движение Сопротивления. С. 237–254; Филатов Г.С. Крах итальянского фашизма. С. 436–464.
- 31 Григорьева И.В. Указ. соч. С. 152–162.
- 32 Sabbatucci G. Il Partito socialista italiano // La politica italiana. Dizionario critico 1945–1995. Roma; Bari, 1995. P. 326.
- 33 АВП РФ. Ф. 098. Оп. 26е. П. 208. Д. 3. Л. 115.
- 34 La dichiarazione del comp. Ercoli // Unità. Roma, 1944. 5–10 apr.
- 35 АВП РФ. Ф. 098. Оп. 26е. П. 197. Д. 2. Л. 200–202; П. 208. Д. 3. Л. 104.
- 36 После оккупации Парижа в 1940 г. немцами руководители движения «Джустиция э либерта» Чанка, Луссу и другие бежали в США, отмечалось в том же донесении. Там они создали из остатков этого движения и итальянской эмигрантской интеллигенции Партию действия. Среди организаторов движения «Джустиция э либерта», кроме Росселли, А. Чанка, У. Таркиани, Э. Луссу, назывались «теперешние руководители Партии действия», а также граф Карло Сфорца. Из шести партий КНО, кроме коммунистической партии, «подпольную борьбу против гитлеровцев и фашистов вела только Партия действия, но в размерах несравненно меньших, чем компартия», считал автор донесения.

Лидеры Партии действия – Сфорца, Чанка, Луссу – вернулись в Италию с помощью американцев сразу же после освобождения союзниками Юга страны. В правительстве Бадольо партия имела трех своих представителей. Партия действия не является массовой партией, ее называют партией «генералов без солдат». Это «группа буржуазных интеллигентов с весьма незначительным числом последователей из мелкой буржуазии, интересы которой она отражает».

В правительство Бономи входят члены Партии действия: А. Чанка – министр без портфеля, Г. Де Руджеро – министр народного образования, С. Феноальтеа – зам. секретаря председателя Совета министров, Дж. Бруно – зам. министра общественных работ, А. Рамирец – зам. министра военно-морского флота и стоящий «вне партии» К. Сфорца – министр без портфеля. Тем самым партия является внутри правительства значительной силой. Лидеры Партии действия стараются подчеркнуть ее особый характер как партии новой, отличающейся от прочих итальянских партий, на которые «давит» груз традиций и прошлого.

Участники движения «Джустиция э либерта» после гитлеровской оккупации Франции рассеялись по разным странам. «Большее количество представителей этого неширокого интеллигентского движения осело в США, войдя в «общество им. Мадзини», а также в Египте, в Англии, в Южной Америке. Некоторая часть осталась во Франции и была заключена гитлеровцами в концентрационные лагеря». Сразу после начала освобождения о. Сицилия и южной Италии на освобожденную территорию начали прибывать из США и из других стран итальянские антифашисты-эмигранты, главным образом, бывшие участники движения «Джустиция

э либерта". Они прибывали при помощи, а часто и по заданию американцев и англичан, в то время как эмигрантам-коммунистам, социалистам и членам других итальянских партий до сих пор англо-американцы чинят большие препятствия при въезде в Италию. Так прибыли: граф Карло Сфорца, Чанка, Луссу, Ла Мальфа и другие руководители Партии действия. Основные кадры этой партии были ввезены в Италию из-за границы, в основном из США, и являются, в большинстве, американскими и, частью, английскими агентами. (...) Не коррумпированные руководители Партии действия принадлежат либо к Сардинской партии действия, либо к Партии действия Северной Италии, работающей в подполье» (АВП РФ. 098. Оп. 26е. П. 208. Д. 3. Л. 1–3).

³⁷ Там же. Л. 9, 16.

³⁸ Там же. Л. 110.

³⁹ Там же. Оп. 276. П. 208. Д. 2. Л. 25–31.

⁴⁰ Там же. Оп. 29е. П. 197. Д. 2. Л. 186.

⁴¹ Там же. Оп. 26е. П. 208. Д. 3 Л. 105.

⁴² Там же. Оп. 29е. П. 197. Д. 2. Л. 184–185.

⁴³ Там же. Л. 171.

⁴⁴ Лонго Л. Указ. соч. С. 83–84.

⁴⁵ АВП РФ. Ф. 098. Оп. 26. П. 153. Д. 19. Л. 149.

⁴⁶ *Taddei F.* Le riviste socialiste del dopoguerra // 1892–1982. PSI: Novant'anni di storia. Almanacco socialista. Roma, 1982. P. 255–257.

⁴⁷ *Sabbatucci G.* Il Op. cit. P. 326–327.

⁴⁸ *Leoni F.* Op. cit. P. 574–575.

⁴⁹ АВП РФ. Ф. 098. Оп. 26е. П. 208. Д. 3. Л. 111–113.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ *La politica del partito socialista (dall'agosto 1943 all'aprile 1945).* Roma; Milano, 1945. P. 157–158.

⁵² АВП РФ. Ф. 098. Оп. 26е. П. 208. Д. 3. Л. 113–114.

⁵³ Подробнее о деятельности кабинета Ф. Парри и его отношениях с КНО в послевоенные месяцы см.: *Комолова Н.П.* Движение Сопротивления. С. 286–311; *Феррара М. и М.* Очерки итальянской политической жизни. М., 1961. С. 83.

⁵⁴ АВП РФ. Ф. 98. Оп. 29е. П. 197. Д. 2. Л. 192–198; Оп. 26. П. 153. Д. 19. Л. 153.

⁵⁵ Там же. Оп. 26. П. 155. Д. 39. Л. 89.

⁵⁶ *Tamburrano G.* Pietro Nenni. Roma; Bari, 1986. P. 197–199.

⁵⁷ АВП РФ. Ф. 98. Оп. 29. П. 155. Д. 39. Л. 140; П. 166. Д. 26. Л. 116–117, 121.

⁵⁸ *Calarco G.* L'Italia e la sua rivoluzione. Reggio Calabria, 1964. P. 91.

⁵⁹ *Avanti.* Roma, 1945, 22 ott.

⁶⁰ АВП РФ Ф. 98. Оп. 26, П. 155. Д. 39. Л. 131, 133.

⁶¹ Там же. Оп. 29. П. 166. Д. 26. Л. 86.

⁶² *Cannarsa S.* Il socialismo e i XXVIII congressi nazionali del Partito socialista italiano. Firenze, 1950. P. 291.

⁶³ *Morandi R.* Opere. Torino, 1960. Vol. V. P. 62; *Комолова Н.П.* Движение Сопротивления. С. 267.

⁶⁴ *Leoni F.* Op. cit. P. 577.

⁶⁵ PSIUP. Il 24 Congresso nazionale. Firenze 11–16 aprile 1946 / Introd. di A. Benetti. Bologna, 1976. P. 144–145.

- ⁶⁶ Il socialismo al bivio. L'archivio di Giuseppe Faravelli, 1945–1950 / A cura di P.C. Masini, S. Merli // *Annali. Fondazione G. Feltrinelli*. Milano, 1990. A. 26. 1988–1989.
- ⁶⁷ *Masini P.C., Merli S.* Introduzione // *Ibid.* P. XV–XVI.
- ⁶⁸ АВП РФ. Ф. 098. Оп. 29. П. 168. Д. 43. Л. 111–112.
- ⁶⁹ Там же. Л. 113.
- ⁷⁰ *Saragat G.* Quaranta anni di lotta per la democrazia. Milano, 1966. P. 288, 296.
- ⁷¹ *Комолова Н.П.* Движение Сопротивления. С. 335.
- ⁷² АВП РФ. Ф. 098. Оп. 29. П. 168. Д. 43. Л. 114–116.
- ⁷³ *Leoni F.* Op. cit. P. 576.
- ⁷⁴ *Emiliani P.* [*Nenni P.*]. Dieci anni perduti. Cronache del socialismo italiano (1943–1953). Pisa, 1953. P. 59.
- ⁷⁵ *Basso L.* Il Partito socialista italiano. Milano, 1958.
- ⁷⁶ АВП РФ. Ф. 098. Оп. 31. П. 182. Д. 34. Л. 134.
- ⁷⁷ Там же. Л. 50–67.
- ⁷⁸ *Caridi P.* La scissione di Palazzo Barberini. La crisi del socialismo italiano 1946–1947 / Pref. di E. Di Nolfo. Napoli, 1990. P. 369–375.
- ⁷⁹ *Di Nolfo E.* Prefazione // *Ibid.* P. XIV.
- ⁸⁰ *Nenni P.* Tempo di guerra fredda, 1943–1956. Diari. Milano, 1981. Vol. I. P. 334; см. также: *Emiliani P.* [*Nenni P.*]. Dieci anni perduti. P. 36.
- ⁸¹ *Sabbatucci G.* Op. cit. P. 328.
- ⁸² Almanacco socialista 1892–1982. P. 266–267.
- ⁸³ *Канделоро Дж.* Профсоюзное движение в Италии. М., 1953. С. 118–122.
- ⁸⁴ АВП РФ. Ф. 098. Оп. 29. П. 166. Д. 26. Л. 2–3.
- ⁸⁵ *Avanti*. Roma, 1946. 5 giugno. P. 1.
- ⁸⁶ *Гантман В.И.* Государственный строй Италии. М., 1961. С. 82–83.
- ⁸⁷ *Террачини У.* Итальянская конституция, демократия и социализм // Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии. С. 534–536.
- ⁸⁸ Материалы VIII съезда Итальянской коммунистической партии. М., 1957. С. 48, 178–179.
- ⁸⁹ *Ciuffoletti Z.* et al. Storia del PSI. Vol. 3: Dal dopoguerra a oggi. Roma; Bari, 1993. P. 135.
- ⁹⁰ Almanacco socialista 1892–1982. P. 267–268.
- ⁹¹ *Togliatti P.* Tre minacce alla democrazia italiana. Roma, 1948. P. 102–103; *Гантман В.И.* Указ. соч. С. 93.

ОТ ФРОНТИЗМА К РЕФОРМИЗМУ

С сегодняшнего дня я гость английской королевы в Виндзорском замке. Кто бы мог подумать! Мальчишкой я пел: «На кишках последнего попа повесим последнего короля!»

Ненни П. Дневники. 1967–1971. Т. 3.
Запись от 22 апреля 1969 г.

После раскола в палатцо Барберини для ИСП начался период «фронтизма» и «неизбежной подчиненности своему союзнику – коммунистам». На деле же, хотя модель партии, которую отстаивал новый секретарь Л. Бассо, функционировала на принципах демократического централизма, социалисты стремились составить конкуренцию ИКП. Внутренняя дискуссия в партии оставалась довольно оживленной, новые импульсы ей придал приход в ИСП значительной части руководителей прекратившей свое существование Партии действия (Р. Ломбарди, Ф. Де Мартино, В. Фоа). Вклад социалистов в деятельность Учредительного собрания в институциональной сфере не был решающим, но они энергично защищали светский и демократический характер создаваемой Итальянской Республики.

Но международная и внутриполитическая ситуация оставляла мало пространства для маневров внутри формировавшихся партийных блоков. Лишившись отколовшихся автономистов, партия сделала выбор: иллюзорно надеясь на победу на предстоящих выборах 1948 г., Ненни выдвинул предложение, тут же принятое ИКП, о создании предвыборного альянса двух крупнейших левых партий. На чрезвычайном съезде ИСП в Риме в январе 1948 г., несмотря на наличие контрастных оценок этого шага, предложение о создании Народно-демократического фронта (НДФ) было одобрено в его наиболее радикальной версии – представление совместных с коммунистами списков кандидатов¹.

10 февраля 1947 г. был наконец заключен мирный договор стран антигитлеровской коалиции с Италией, одобренный Учредительным собранием 15 сентября. Через три месяца страну

должны были покинуть англо-американские войска. Италия отказывалась от своих колоний в Африке, признавала независимость Албании и Эфиопии, отдавала острова Додеканесского архипелага Греции, обязывалась выплатить репарации пострадавшим от итальянской агрессии странам, проводить миролюбивую политику. Спорным оставался вопрос о принадлежности Италии Триеста и его окрестностей. На него претендовала Югославия, поддержанная СССР. До урегулирования этого вопроса город был объявлен свободной зоной.

Ключевую роль в итальянской политике стал играть А. Де Гаспери, ориентировавшийся на США и Англию². В январе 1947 г. он по приглашению американского правительства прибыл в США. Это было воспринято как своего рода подтверждение того, что ХДП в Италии представляет интересы Запада. В Америке на Де Гаспери оказывалось давление с целью исключить из его кабинета представителей левых. По возвращении Де Гаспери отправил правительство в отставку, попытавшись его переформировать и исключить коммунистов, но поначалу ему это сделать не удалось.

Желательные для Де Гаспери перемены стали возможны после парламентских выборов 1948 г. На них левые – коммунисты и социалисты – объединенные в Народно-демократический фронт, стремились привлечь на свою сторону не только традиционных избирателей, но и средние слои. Ненни надеялся, что это остановит прогрессирующее падение числа избирателей ИСП и ослабит влияние раскола января 1947 г. Но НДФ набрал всего 31% голосов, тогда как за ХДП проголосовало большинство избирателей. С этих пор вплоть до начала 90-х годов она постоянно подтверждала репутацию партии относительного большинства.

В 1948 г. произошло обострение внутривнутриполитической обстановки. Покушение на Тольятти 14 июля 1948 г. (он был тяжело ранен фанатиком антикоммунистом), всколыхнуло трудящиеся массы³. В начавшейся стихийно всеобщей забастовке, поддержанной затем ВИКТ, участвовали 7 млн человек. Манифестанты требовали отставки правительства. Вмешательство полиции с применением оружия привело к тому, что 20 человек были убиты, 600 ранены, 7 тыс. арестованы. Забастовочное движение рабочих в городах и крестьян в сельской местности легко могло перерасти во всеобщее восстание. По призыву ВИКТ забастовки были прекращены. Но после этого борьба левых и правых значительно обострилась. В условиях сложного внутреннего и международного положения (казалось, что вот-вот начнется

третья мировая война) Де Гаспери сформировал третий кабинет. Руководимые им христианские демократы выбрали западную модель государственности, и Де Гаспери повел страну прозападным курсом⁴.

С этих пор Италия принадлежит к западному блоку. Вскоре, в 1949 г., несмотря на возражения некоторых западных союзников, она вступила в военно-политический блок НАТО, направленный против Советского Союза и созданного под его эгидой социалистического лагеря. Вступление в атлантический блок вызвало острые споры: левые силы единым фронтом выступили против. Правые вели политику на включение страны в атлантические военно-политические структуры. Италия заключила с США оборонное соглашение о взаимопомощи, и с 1950 г. на ее территории размещаются военные базы НАТО. Левые силы отвечали протестами, направленными против установления в стране американского влияния. После вступления ФРГ в НАТО восточный блок ответил созданием Варшавского договора. Мир раскололся на Восток и Запад. Одновременно развивалось движение в пользу интеграции стран Западной Европы, в котором активно участвовала Италия. Ее внешняя политика постепенно утрачивала самостоятельность, она была вынуждена действовать с постоянной оглядкой на западных партнеров, в первую очередь на США⁵. Первый этап западноевропейской интеграции увенчался подписанием в 1957 г. в Риме соглашения об Общем рынке шести стран, в том числе Италии.

Происходит раскол итальянских профсоюзов на три главных организации, представлявшие теперь сепаратно интересы разных по политической окраске отрядов наемных работников. В 1949 г. в связи с образованием КНР и в 1950 г. из-за начала войны в Корее обостряется международная обстановка, итальянские политические силы переживают новый виток поляризации, в стране поднимается волна антикоммунизма.

В 1948 г. США, согласно плану Маршалла, предоставила Италии финансовую помощь – 2 млрд долл., которые сыграли значительную роль в подъеме экономики в 50-е годы, заложив основы этого подъема. Хотя по производству такого важнейшего вида продукции, как производство стали, страна лишь в начале 1952 г. достигла довоенного уровня, произведя 2 318 тыс. т. (в 1938 г. – 2323 тыс. т.)⁶. Доля американского капитала и крупнейших западных компаний в итальянской экономике увеличилась.

С 1948 по 1953 г. страной управляли исключительно центристские правительства во главе с ХДП и ее лидером Де Гаспери. Но христианским демократам все труднее удавалось удерживать

политическое равновесие в стране. Они стали формировать коалиционные правительства, ставшие характерной чертой сложившейся в Италии аномальной политической системы, когда вплоть до 90-х годов ХДП являлась правящей партией. Преставители второй по силе ИКП в этот период никогда не входили в правительство. ИСП в эти годы была ближе к ИКП, чем к ХДП. Обе находились в оппозиции курсу Де Гаспери. Об антикоммунизме и антисоветизме, которые станут ощутимы в рядах социалистов после событий бурного 1956 г., пока не было и речи.

Заложенные в послевоенный период (1945–1953) основы итальянской демократии определили развитие политической системы Италии во второй половине XX в., до начала 90-х годов, когда закончился период Первой республики и начался период создания Второй республики, до сих пор не завершённый. Италия вошла в мировое сообщество демократических государств, стала авторитетным членом ряда международных организаций – ООН, Европейского союза. И все же нередко в ходе острых коллизий давали о себе знать изъяны итальянской демократии⁸.

Противостояние оппозиционных левых сил, под давлением которых правящие круги вынуждены были проводить реформы правых, которые не могли осуществлять власть исключительно в своих интересах, характерно для всей послевоенной Европы. В Италии этот фактор играл едва ли не главную роль. Однако страна смогла избежать гражданской войны, что объясняется кроме прочего тем, что Италия принадлежит к сообществу государств, где гражданское общество быстро развивалось. Именно в этом особенность западноевропейской, в том числе итальянской демократии. Ее здание начало заново выстраиваться после Второй мировой войны на фундаменте универсальных демократических ценностей.

Солидарность с коммунистами социалисты подтвердили на деле осенью 1947 г., когда ИСП «решительно выступила против антисоветской кампании», развернутой в связи с совещанием в Варшаве (22–28 сентября), на котором девятью партиями, включая итальянскую и французскую, был создан Коминформ⁷. Итальянские правые сочли его прямым преемником Коминтерна. Приглашение на совещание делегации ИКП было для ее лидеров полной неожиданностью⁸. Более того, позицию Тольятти на конференции подверг критике коммунист из Югославии Э. Кардель, обвинив его в сотрудничестве с буржуазией и аргументировав это тем, что представители ИКП входят в правительство Де Гаспери. Об этом подробно рассказал в 1958 г. (после

своего шумевшего выхода из ИКП в 1956 г.) один из руководителей партии, Э. Реале, «бросивший вызов Тольятти»⁹. Реале был участником совещания в Варшаве, поэтому знал обо всем не понаслышке.

На первом же заседании девяти партийных делегаций 22 сентября А. А. Жданов заявил: «Главная цель новой империалистической политики заключается в укреплении позиций империализма, подготовке новой империалистической войны, в борьбе против социализма и демократии». «Коммунисты должны стать руководящей силой, собирающей вокруг себя тех, кто придерживается свободолюбивых, антифашистских позиций, в борьбе против новых американских планов экспансии и порабощения Европы. Братским коммунистическим партиям Франции, Италии и Англии предстоит особая задача: они должны взять в свои руки знамя национальной независимости и суверенитета своих стран».

Пример новых подходов и фидеистического, непреклонного тона подавал сам заключительный документ заседания, на котором возник Коминформ: «Среди тактических средств империализма особое место занимает использование позиции предательства, на которую встают правые социалисты типа Блюма во Франции, Эттли и Бевина в Англии, Шумахера в Германии, Саргата в Италии. Они пытаются замаскировать разбойничий характер империалистической политики».

Появление новой организации, отмечал Дж. Бокка в книге о Тольятти, означало окончание прежней политики, обращение к догматизму и фронтальным атакам. На самом деле Тольятти не признал очередного вмешательства Москвы в дела мирового и рабочего движения. В Италии коминформовский курс поддерживали такие руководители ИКП, как Лонго и Секкья, а позицию Тольятти – Террачини. Коммунисты должны были критиковать все, что делает Америка, главный враг СССР. В свою очередь, их теперь напрямую связывали с Москвой: что бы они ни делали, считалось, что их действия подсказаны Кремлем. Нередкими стали примеры риторики, наподобие следующего: «Итальянские реакционеры, в частности христианско-демократическая партия, прислужники американского империализма (...) сознательно саботируют международную борьбу за мир, которую считают своим долгом вести в данный момент коммунисты»¹⁰.

Холодная война набирала обороты, и было важно, какие позиции в Италии займет одна из важнейших партий рабочего движения, имеющая массовую поддержку. Линия на единство действий с коммунистами в конце 40-х годов раз за разом подтверждалась, хотя в партии были противники этого сотрудничества.

ИСП, по крайней мере, в тот момент не выступала против Коминформа и его линии на борьбу за мир. С организационной точки зрения, писала 7 октября 1948 г. «Аванти», комментируя появление Коминформа, речь идет о создании бюро социалистических партий по координации действий, которое уже давно существует в Лондоне. С политической точки зрения, Варшавское совещание свидетельствует об осложнении ситуации как на международной арене, так и внутри отдельных стран. В частности, в принятой в Варшаве декларация сказано, что против СССР и новых демократий организуют крестовый поход с угрозой войны. 9 октября «Аванти» ответила на вопрос, как ИСП относится к Варшавской декларации: «Мы, социалисты, имели соглашение о единстве действия с коммунистами», когда ИКП входила в большой настоящий Коминтерн. Это соглашение в качестве одной из своих целей предусматривало «защиту СССР и не вызывало возражений не только Сарагата, но даже Таски, а к этому уже нечего добавить»¹¹. Защита мира стала полем совместных действий итальянских левых.

В результате выборов 18 апреля 1948 г. ХДС получила 304 (48,5%) из 574 мест в Палате депутатов, на 13% больше, чем на предыдущих выборах 1946 г. Народно-демократический фронт – 183 (31%), но меньше, чем совместно ИСППЕ и ИКП на предыдущих выборах, остальные места поделили другие партии. К этим потерям добавились 7%, отошедшие к партии Сарагата. Коммунисты получили 133 места (в 1946 г. – 104), социалисты лишь 50 (в 1946 г. – 115). Это было воспринято как провал ИСП и сдача позиций коммунистам, которые по всем параметрам опережали социалистов. Все попытки ИСП восстановить лидерство в левых силах, предпринимавшиеся в последующие десятилетия, успеха не принесли. Обиды и раздражение в рядах социалистов в итоге привели к разрыву единства действий. Правые могли этому только радоваться. Представители обеих партий с мая 1947 г. не входили в правительство¹².

В сенате республики правящей ХДП из 237 мест досталось 130, а НДФ – 72 (коммунистам – 35, социалистам – 31, независимым – 6). Президентским декретом от 22 апреля 1948 г. (в соответствии с конституцией) в сенат были назначены также сенаторы «по праву», в основном коммунисты и левые социалисты, так как их больше других преследовали при фашизме. Кроме них, в сенат вошли такие известные политики, как Бономи, Орландо, Нитти, Кроче, Эйнаууди, Казати и др.

Чтобы представить, как проходили съезды партии после войны, достаточно обратиться к не публиковавшимся архивным

документам. После прошедшего 28–30 июня 1948 г. в Генуе XXVII чрезвычайного съезда Итальянской социалистической партии в Москву 7 июля была направлена справка советского посольства в Риме, из которой узнаем, что борьба на съезде велась между тремя основными течениями, образовавшимися во время предсъездовской дискуссии. Доминировали центристы, за их резолюцию проголосовали 227 609 членов партии (43%), левых – 159 682 (30,5%), правых – 141 866 (26,5%). Наиболее видные представители партии – Ненни, Бассо, Моранди, Каччаторе и даже Пертини (лидер центристской группы) – защищали резолюцию левых. Центристскую резолюцию защищали Р. Ломбарди, бывший секретарь Партии действия, член социалистической партии с 1947 г., и А. Якометти – редактор туринской газеты социалистов. Резолюцию правых защищал Ромита¹³. Относительное большинство на съезде все же пошло за центристами.

Такой результат, по мнению автора справки, объяснялся не только тем, что ИСП под руководством левых потерпела поражение на выборах, которым якобы воспользовались социалисты-реформисты и реакционеры для разложения социалистической партии (укрепив таким образом свои позиции), но и, как показали выборы 18 апреля 1948 г., тем, что мелкая буржуазия шарахнулась вправо. В документе подчеркивалось, что ИСП имеет «мелкобуржуазный состав» и рабочих в ней – 25–30%.

В таких условиях трудно было надеяться на «последовательную борьбу социалистической партии против реакции с левых революционных позиций». Бассо обвинил центристов в том, что они отказались от революционной теории, и напомнил им слова Ленина, что без революционной теории не может быть революционной партии. Победе центристов содействовал разброд в лагере левых. Бассо занял «экстремистскую позицию». Ненни не определял отчетливо своей позиции вплоть до съезда. Симпатизирующий левым Пертини подписал резолюцию центристов и тем самым, будучи популярным в партии человеком, содействовал формированию сильной центристской группы. Видные представители левых (кроме Моранди и Каччаторе) поддержали левую платформу.

В справке отмечалось, что после выхода сарагатианцев в январе 1947 г. из партии в ней создалось относительное единство, в котором на XXVI съезде в январе 1948 г. образовался «надлом в связи с разногласием по вопросу избирательной тактики». На XXVII чрезвычайном съезде это единство было окончательно нарушено. Бассо выступил с критикой, признав ошибочность действий партии между апрелем 1945 г. и апрелем 1948 г., так

как левые вели себя почти пассивно, в то время как шло наступление реакции. Ненни воспринял такие высказывания критически¹⁴.

Лидеры ИСП открыто признали, что в партии много противников коммунизма. «Слово “автономия”, – сказал Пертини, – ставшее ключевым в устах правых и всех социал-реформистов, напоминает мне популярное слово “отечество” в 1921 г. Тогда это слово было опасным потому, что означало национализм. Сегодня “автономия” означает антикоммунизм. Поэтому я боюсь произносить это слово». Пертини заявил на съезде, что Народно-демократический фронт «сохраняет свое значение и после 18 апреля», т.е. после выборов.

Р. Ломбарди, произнесший на съезде нейтралистскую речь, считал, что необходимо поскорее отмежеваться от коммунистов, и заявил, что социалисты не принимают тезисов коммунистов, которые «отождествляют интересы рабочего класса с интересами Советского Союза». После съезда Ломбарди уточнил, что речь идет о том, чтобы определиться, должна ли ИСП поддерживать внешнюю политику СССР, «отождествляя классовую борьбу с борьбой между Советским Союзом и капиталистическими государствами». Сторонник центристов, будущий секретарь партии А. Якометти заявил, что в настоящий момент речь не идет о разрыве с коммунистами и ликвидации пакта о единстве действий. Представитель правых социалистов Ромита «защищал план Маршалла»¹⁵.

6 июля 1948 г. «Аванти» сообщала подробности биографии Якометти. Он родился в 1902 г. близ Новары. В социалистической партии состоял со студенческих лет. Закончил агрономический факультет Туринского университета, позднее стал известным журналистом. В 1926 г. был вынужден бежать из Италии и как антифашист жил во Франции, где основал журнал «Инициатива». В феврале 1929 г. был выслан из Франции правительством А. Тардье. Несколько лет в трудных условиях жил в Брюсселе. Описал этот период своей жизни в книге «Чужой хлеб». Сотрудничал в течение ряда лет в парижском издании «Аванти» и в брюссельской «Пепль». В декабре 1940 г. был арестован в Брюсселе гестапо и выдан итальянской фашистской полиции, которая выслала его на остров-тюрьму Вентотене. Здесь он установил контакт с Пертини и вместе с ним был освобожден после 25 июля 1943 г. Вернулся в Новару и организовал федерацию социалистов. После 8 сентября 1943 г. участвовал в освободительной борьбе и народном восстании 25 апреля 1945 г. В августе 1945 г. был избран членом руководства партии и состоял в нем вплоть до

последнего съезда. Стал депутатом Учредительного собрания, а последнее время редактировал газету социалистов в Турине «Семпре Аванти»¹⁶.

Далее в донесении из Рима приводились интервью лидеров партии, данные прессе после съезда. Представитель левого крыла, секретарь римской организации ИСП О. Лидзатри заявил корреспонденту газеты «Република» 4 июля: «Сегодня партия не знает, стоит ли руководство на почве классовой борьбы, принимает ли Народно-демократический фронт или нет». Представитель правого крыла А. Спинелли, сторонник Ромиты, открыто заявил на съезде о победе правых. Что касается персонального состава руководства, Лидзатри признался, что он никого из членов нового руководства, кроме тех, кто был в старом, не знает, хотя состоит в партии уже 35 лет¹⁷.

Всё это подтверждало, что единства в ИСП нет.

Бассо той же «Републике» заявил, что «партия добилась выгоды, так как правые, которые маскировались на XXVI конгрессе, теперь разоблачены». В действительности, продолжал Бассо, позиции центра не существует, существуют оттенки двух возможных позиций. Центр объединяет правых и левых, и было бы ошибкой считать, что центристское руководство состоит только из замаскированных правых. «Тон резолюции центристов ближе к левым, чем к правым. На конгрессе был только один человек, который претендовал на математически точные центристские позиции, абсолютно равно отстоящие как от левых, так и от правых» (Бассо намекал при этом на Риккардо Ломбарди). Центр принял на себя четкие обязательства: поддерживать политику единства, отказаться от следования за реформистами, защищать автономию партии¹⁸.

Далее в справке отмечалось, что итальянские реформисты были удовлетворены исходом съезда. Сарагат 16 июня писал, что съезд в Генуе — это очевидный, хотя и скромный прогресс на пути объединения социалистов: «Филокоммунисты, хотя и на время, удалены из руководства. Социалистическая партия находится теперь под руководством людей, среди которых имеются настоящие социалисты». Газета социал-демократов «Уманита» констатировала, что левые «вынуждены были отступить после своего триумфа на съезде в январе 1947 г., а их силы тают, как снег от солнечных лучей. Левые потеряли 2/3 своих сторонников. Партия, которая полтора года назад поддерживала Ненни и Бассо, теперь покидает своих идолов». Римская «Мессаджеро», близкая к демохристианам, писала: «Съезд не сумел решить проблему разрыва с коммунистами и подтвердил старые позиции, в осо-

бенности пакт единства с коммунистами и верность политике фронта»¹⁹.

Кризис социалистической партии на XXVII съезде не был разрешен. Он лишь вступил в новую фазу. Единства в социалистической партии, которого она добилась на XXV съезде, больше не существует. Центральное руководство вынуждено лавировать между левой и правой фракциями. «Соцпартия будет существовать и укрепится в борьбе с социал-реформизмом, с сарагатовцами, которые превратились в простых наймитов американских империалистов», заключал автор документа²⁰.

Главным редактором «Аванти» после Генуэзского съезда, на котором после поражения на выборах верх снова взяла автономистская линия, стал Р. Ломбарди. Вместе с Якометти они определяли курс партии, этим, правда, была недовольна группировка левых во главе с Ненни, отстраненная от руководства. После поражения на выборах Народно-демократический фронт 11 августа 1948 г. прекратил свое существование. Тем самым был сделан шаг к примирению с социал-демократами Европы, встретившим альянс ИСП с ИКП в штыхы. В такой обстановке готовился XXVIII съезд партии. Он состоялся во Флоренции 11–16 января 1949 г. и был похож на предыдущий съезд. Разница заключалась в том, что произошла смена власти внутри руководящих органов, так как поменялось соотношение сил различных течений и победили левые во главе с Бассо, Ненни и Моранди. Ненни вернулся на пост секретаря партии, Моранди стал его заместителем, Пертини – главным редактором «Аванти». «Фронтизм» остался официальной линией партии.

В ИСП и ПСЛИ появились сторонники нового объединения партий. Но руководитель социалистов Якометти на Национальном совете 9 сентября 1948 г. заявил: «Сегодня главная опасность в Италии исходит от сторонников создания социал-демократической партии, которая по своей внутренней диалектике обречена на то, чтобы поставить трудящихся на службу буржуазии и капитализму». Силоне, вышедший из ИСП вместе с Сарагатом, встретив в те дни Ненни в Монтечиторио, сказал ему: «Самый неннианский секретарь партии это Якометти, а ты руководишь партией закулисно»²¹. Вернувшийся из поездки в Москву и Прагу, где он встречался с лидерами коммунистических партий, а в СССР еще и совершал ознакомительные поездки по стране, Ненни собирался вернуться на ближайшем съезде на пост руководителя партии²².

ПСЛИ выступила на выборах 1948 г. вместе с группой Ивана Маттео Ломбардо, вышедшей из ИСП. Этот блок получил

33 места в Палате депутатов и 12 мест в сенате. Три представителя социал-демократов вошли после выборов в правительство. Партия на протяжении последующих десятилетий, хотя и с перерывами, входила в формируемые ХДП правительственные коалиции, тогда как ИСП еще долгое время, до 60-х годов, оставалась вне этих коалиций.

В январе 1950 г. Де Гаспери спровоцировал правительственный кризис в надежде, что в новый кабинет вернутся социал-демократы. Ему это удалось, в кабинет вошли министры от ИРП и Итальянской социал-демократической партии (ИСП). Но уже в следующем году разногласия в правительстве привели к его преобразованию, в итоге социал-демократы в новый кабинет не вошли. Так как христианским демократам до 1958 г. удавалось формировать центристские правительства, время от конца 40-х до начала 60-х годов было названо периодом центризма.

Социалистическая партия пережила в 1950 г. очередной раскол, ее покинула группа Ромиты, которая объединилась с ПСЛИ Сарагата и стала называться Итальянской социал-демократической партией. Она вошла в восстановленный в Лондоне Социалистический интернационал.

17–20 января 1951 г. в Болонье состоялся XXIX съезд партии. Левые во главе с Моранди укрепили свое влияние. Секретарем остался Ненни, его заместителем – Моранди, новым главным редактором «Аванти» стал Т. Веккьетти.

На XXX съезде партии в Милане 8–11 января 1953 г. Ненни объявил, что на очередных парламентских выборах партия выступит с собственным списком кандидатов. Кроме того, именно тогда было заявлено о «социалистической альтернативе», правда, это заявление никак не конкретизировалось. На выборах в июне 1953 г. за ИСП проголосовали 12,7% избирателей. Весь период существования Первой республики ИСП занимала третье после ХДП и ИКП место в партийном рейтинге, привлекая внимание тех, кто формировал правительства. Ресурсов, чтобы формировать их самой, у ИСП не хватало. Конкурент ИСП – ИКП сохраняла свое двойное численное превосходство и продолжала укреплять свои электоральные позиции. На Миланском съезде 1953 г. обозначился кризис внутрипартийного демократического социализма²³.

В начале 50-х годов Р. Моранди считал главной задачей – удерживать классовое единство, настроить на выполнение этой задачи членов партии, которая, как считают исследователи, благодаря соблюдению принципов демократического централизма, все более походила на партию ленинистского типа. Для реализации данных целей он сплотил вокруг себя группу способных организаторов.

После его смерти в конце июля 1956 г. члены этой группы еще долго действовали согласно его предписаниям. «Цена, которую пришлось заплатить за подобную политику, очень высока: это почти полное подчинение ИКП, которое мешает любой автономной инициативе социалистов, и их общественный престиж падает».

В начале 50-х годов начался подъем итальянской экономики. Благодаря деятельности таких организаций, как ИРИ, ЭНИ, Касса Юга, она восстанавливается и достигает с 1950 по 1963 г. трехкратного прироста, что назовут «итальянским чудом», чудо сопровождалось заметным приростом населения. С 47 млн в 1951 г. оно увеличилось до 57 млн к 90-м годам. Благосостояние итальянцев улучшалось на глазах. Но значительную – седьмую часть – граждан в 90-е годы по-прежнему относили к бедным, получающим менее половины среднего дохода на душу населения, из них 26% проживает на Юге и 9% на Севере страны²⁴. Оценивая происходящее в экономической и социальной жизни, социалисты уже в первые послевоенные годы выдвигали собственные проекты реконструкции страны, восстановления ее промышленности. Они не хотели допустить «капиталистической гегемонии». С исторической точки зрения, по мнению В. Спини, этот призыв был неверен²⁵.

В 1953 г. ХДП и ее союзники предложили ввести новый избирательный закон, согласно которому партия или коалиция партий, получившие на выборах 50% плюс один голос, обретают устойчивое большинство в парламенте. Левые сочли этот закон мошенническим, и под давлением избирателей он был отвергнут. ХДП лишилась на выборах 1953 г. 8% голосов, потери понесли и ее партнеры. Оппозиционные партии – социалисты, коммунисты и вместе с ними крайне правые – добились роста числа своих избирателей. Однако ХДП удалось весь период второй республиканской легислатуры (вплоть до 1958 г.) формировать центристские правительства. В феврале 1954 г. Шельба сформировал кабинет с участием социал-демократов, который Ненни из-за его полицейских репрессий против рабочего движения, начатых, хотя и в меньших масштабах, еще правительствами Де Гаспери, назвал «самым одиозным кабинетом периода Республики». Эти репрессии коснулись левых партий, многие их члены были лишены паспортов. В июне 1954 г. течение ХДП «Демократическая инициатива» выдвинуло так называемый план Ванони, предусматривавший широкие реформы, с помощью которых намеревались добиться роста ВВП, полной занятости, ликвидации диспропорций между Севером и Югом, роста сельскохозяйственного производства. Но консервативная реакция в стране и внутри самой ХДП не позволили осуществить этот план.

В среде левых назревали перемены. О них свидетельствовали новые веяния в культуре. Выходивший с 1947 г. журнал «Поли-технико» под редакцией Э. Витторини пытался объединить марксизм с современными социологией, психологией, эстетикой. Этому примеру следуют другие издания. После смерти Сталина и появления первых признаков оттепели в СССР расширились перспективы духовных поисков. Новый журнал «Раджонаменти» критически переоценивал теории левых. Тольятти выступил с резкой критикой журнала, Ломбарди ответил ему, что эти темы важны для левых и рабочего движения. В 1955 г. вышла в свет книга очерков Н. Боббио «Политика и культура»²⁶, в которой отстаивалась универсальность свободы индивидуума – понятия, по мнению автора, общечеловеческого. Идея толерантности покоится на том, что человек не способен добиться окончательной и абсолютной истины. С этих пор к мнению Боббио стали прислушиваться, он много выступал в левых изданиях. Его идеи были близки к высказанным в 20–30-е годы идеям П. Гобетти и К. Росселли, сторонникам либерального социализма.

На очередном XXXI съезде ИСП в Турине – 31 марта – 3 апреля 1955 г. Ненни говорил о новых потребностях общества, Моранди – о том, что необходим диалог с католиками. Эта проблема рассматривалась в исторической перспективе. Последующим шагом должен был стать диалог с христианскими демократами. Но все это предлагалось тогда, когда ИСП еще поддерживала союз с ИКП. Разорвать его в условиях острой фазы холодной войны социалисты не решались.

В 50–70-е годы ИСП продолжала широкую публицистическую деятельность. Кроме ежедневной газеты «Аванти», издаются такие журналы, как «Мондо операйо», выходивший вначале под руководством Ненни, а с 1956 г. – Де Мартино, «Компьяно», «Аргоменти социалисти», «Ориентаменти», «Аттивиста», «Пропаганда социалиста» и др. Они несут социалистические идеи в массы, знакомят с решениями партийного руководства. В партии функционировала такая структура, как отдел агитации и отдел пропаганды²⁷. Перешедший из ИКП в социалистическую партию А. Джолитти возглавлял редакцию журнала «Пассато э презенте». Близкие к социалистам позиции занимал журнал «Темпи модерни», основанный одним из ведущих интеллектуалов ИКП, Ф. Оноффри²⁸.

С уходом из жизни Р. Моранди в июле 1955 г. для ИСП закончился период воссоздания в послевоенные годы организационных структур партии. Социалисты вернулись к своим традициям²⁹.

В корне изменила ситуацию в партии двойная травма 1956 г.: доклад Хрущева на XX съезде КПСС и события в Венгрии³⁰. Содержание доклада быстро, по-видимому не без участия ряда заинтересованных в этом советских руководителей, стало известно на Западе*. «Оттепель» открыла новую фазу нашей борьбы за свободу, социальную справедливость, демократию, социализм», вспоминал впоследствии один из руководителей социалистической партии³¹. Это событие, однако, не изменило курс ИСП, как, впрочем, и возобновление диалога с ИСДП, видимым результатом которого стала нашумевшая встреча Ненни и Сарагата в августе 1956 г. в Пралоньяне.

В Советском Союзе еще в начале января 1956 г. одобрили идею объединения двух социалистических партий, «которые до 1947 г. входили в одну партию, связанную пактом о единстве действий с компартией». В соответствующем документе отмечалось, что «соцпартия Ненни в силу своей большей сплоченности, политической закалки и численности (700 тыс. членов, ведет за собой около 4 млн избирателей) может играть важную роль в будущей объединенной партии (социал-демократическая партия насчитывает 130 тыс. человек, за нее голосует около 2 млн человек)». Советское руководство намеревалось пригласить в Москву для переговоров делегации ИСП и ИСДП, предварительно согласовав этот вопрос с Ненни и лидерами ИКП. В качестве первого шага намечалось пригласить профсоюзных деятелей и журналистов обеих партий, также предварительно посоветовавшись с итальянскими коммунистами³². ИСП была готова поддержать наметившуюся политику разрядки, улучшения отношений между странами НАТО и Варшавского договора. Но венгерские события, вызвавшие серьезный кризис в рядах итальянских левых сил, выход из ИКП и ИСП многих известных интеллектуалов, «отменили» реализацию этих планов.

События в Венгрии в октябре–ноябре 1956 г. коренным образом повлияли на политику ИСП, обусловили глубокий кризис партии и ее лидера Ненни. «Остававшийся в душе якобинцем и сторонником фронтизма, он не мог оправдать вооруженное подавление восставшего народа. События в Будапеште заставили его радикально пересмотреть свою оценку СССР и, как следствие, поставить под вопрос отношения с ИКП, которая безоговорочно встала на советскую сторону», отмечал Саббатуччи³³.

* Это мнение прозвучало в ряде выступлений на научном семинаре «XX съезд КПСС и его уроки» в Институте всеобщей истории РАН 22 февраля 2006 г.

Позиция Ненни была с восторгом одобрена его сторонниками в партии, никогда не отказывавшимися от идеи ее автономии, подчеркивал итальянский историк. Позицию Ненни одобрили не только соратники: за ИСП на выборах в мае 1956 г. проголосовали 14,2% избирателей. Это достижение, правда, так и не было превзойдено на протяжении последующих тридцати лет. «Поворот» Ненни вызвал сопротивление части партийного аппарата, сформировавшегося в годы фронтизма, что объяснялось организационной и финансовой зависимостью от ИКП. На очередном XXXII съезде ИСП в Венеции 6–10 февраля 1957 г. Ненни остался на посту секретаря, но большую часть его окружения в заново избранном ЦК ИСП составляли противники отказа от сотрудничества с ИКП.

На съезде обозначились новые главные направления партийной политики, учитывающие произошедшие в мире и в самой партии перемены. Социалисты считали исчерпанной политику единого фронта и единства действий с ИКП. На первое место группировка Ненни поставила теперь «конструктивный диалог» с католиками и социал-демократами. Эти намерения встретили противодействие так называемых карристов во главе с Веккьети и Валори, стремившихся начать диалог с католиками и сохранить союз с ИКП, и Бассо, предлагавшим установить контакт лишь с «наиболее прогрессивной, демократической» частью католиков. Пертини на призыв Ненни к объединению с социал-демократами ответил, что оно осуществимо только при условии, если те встанут на сторону ИСП в ее политике защиты интересов трудящегося класса.

ИКП на своем VIII съезде в декабре 1956 г. одобрила стратегию «итальянского пути к социализму». Согласно новой линии, следовало бороться с монополиями, интересы которых противостоят интересам масс. Коммунисты вновь предстали самой мощной политической организацией левых. На съезде присутствовали 1064 делегата, представлявшие 2 млн 35 тыс. членов партии и 358 126 молодых коммунистов и многочисленные зарубежные делегации, в том числе делегация КПСС во главе с Е.А. Фурцевой³⁴. ИКП, в отличие от ИСП, продолжала ориентироваться на социалистическую перспективу, но в борьбе за реформы в условиях «неокапитализма» коммунисты делали упор на максимальную активизацию выступлений.

Оценки сложной ситуации в ИСП, сложившейся после Венецианского съезда, даны в донесении советского посольства от 3 декабря 1957 г., озаглавленном «К положению в соцпартии Италии». Анализ проводился по свежим следам пленума

ЦК ИСП 2–14 ноября. Пленум прошел при явном преобладании левых сил партии, что «положительно сказалось на одобренной резолюции», сообщалось в донесении. Основное внимание было уделено внутривнутриполитическим вопросам – объединению социалистов и отношениям с компартией и христианско-демократической партией. По вопросу объединения социалистов пленум недвусмысленно заявил, что отныне оно возможно только в форме присоединения к ИСП других социалистических течений и только на платформе соцпартии. Этот тезис резолюции соответствует заявлению Ненни, сделанному им в заключительном выступлении: «объединение социалистов должно быть проделано в соцпартии и с соцпартией», подчеркивалось в донесении.

Сотрудничество социалистов с христианскими демократами, по мнению одного из лидеров ХДП, Фанфани, невозможно до тех пор, пока «ИСП открыто и безусловно не станет на антикоммунистические позиции», а значит, какого бы то ни было сотрудничества между ХДП и ИСП в ближайшем будущем ожидать не стоит, считал автор донесения. Фанфани «отнял у Ненни и его сторонников возможность маневрировать и соблазнять колеблющихся членов ЦК ИСП перспективой участия в правительстве», следовательно, попытаться «положительно повлиять» на ХДП в вопросах проведения «отдельных социальных реформ в интересах трудящихся классов».

Советское посольство полагало, что значение этого пленума ЦК ИСП вышло за рамки чисто внутренней жизни. Очередной сдвиг соцпартии в сторону сотрудничества с компартией накануне выборов вызвал беспокойство в правых кругах. «Борьба внутри соцпартии продолжается и положение остается сложным. На Пленуме ЦК повторилось, и еще более явно, парадоксальное положение, сложившееся еще на Венецианском съезде ИСП. Левые течения соцпартии имеют большинство как в самой партии, так и в составе ЦК, но они не могут решать вопросы по-своему и проводить до конца свою политическую линию». Чтобы избежать накануне выборов разрыва с Ненни и его группой, левые часто вынуждены идти на компромисс по многим вопросам, что «задерживает процесс становления соцпартии на правильные позиции».

По мнению автора донесения, решения Миланского съезда социал-демократической партии также нанесли большой удар по Ненни и его сторонникам. Победа правоцентристов и правых на съезде (Сарагат–Симонини) предопределила невозможность их объединения с социалистами. Известно, что перспектива создания

сильной социалистической партии на основе объединения социалистов всех направлений и взглядов, которая могла бы иметь большой политический вес в стране, прельщала многих честных, но заблуждавшихся социалистов и вызвала у них сомнения. Такую перспективу старательно «рисовал» Ненни. Крах перспективы объединения лишил группу Ненни многих из колебавшихся.

В донесении далее подчеркивалось, что решающую роль в изменении настроений «неустойчивых и колебавшихся» социалистов сыграли «успехи советской внешней политики». В связи с этим упоминались «письмо ЦК КПСС социалистическим партиям, а также выдающиеся достижения советской науки и техники (межконтинентальная ракета, спутники и т.п.), похоронившие миф о техническом превосходстве США над Советским Союзом». Все это многим «открыло глаза и заставило по-новому взглянуть на советскую действительность, на социализм».

Рядовые социалисты, особенно рабочие, не понимали и не поддерживали позицию Ненни и его группы, ратовавших за отрыв соцпартии от компартии и объединение с социал-демократами во имя неясных целей, отмечалось далее. Антисоветские высказывания Ненни также не нравились основной массе рядовых членов партии. Эти настроения рядовых членов партии сказались на составе делегатов XXII Венецианского съезда ИСП и на составе членов ЦК партии, большинство которых оказалось не на стороне Ненни.

Благодаря деятельности на всех уровнях на прошедшем пленуме ЦК ИСП отчетливо проявилась тенденция к возвращению соцпартии на близкие к прошлым позиции ее сотрудничества с компартией, ее лояльного отношения к Советскому Союзу и другим странам социалистического лагеря. Правая печать единодушно утверждала, что левые течения ИСП готовы объявить об очередном союзе с коммунистами, но что Ненни выступил решительно против этого, заявив об уходе в противном случае в отставку с поста генсекретаря.

«В отношении перелома в настроениях соцпартии представляется целесообразным отметить еще один из моментов, свидетельствующих о заметном сдвиге на более правильные позиции: на празднование 40-й годовщины Октябрьской революции ЦК ИСП направил официальную делегацию, причем из всех соцпартий западных стран только итальянская соцпартия сделала это».

Нешуточная борьба в ходе пленума развернулась по вопросу введения в состав руководства соцпартии по инициативе Веккьети их с Валори сторонников (около 40 членов ЦК из 81), Пертини

и Луссу и слияния с ИСП движения «Народное единство». Ненни и его группа выступили против этого, так как опасались дальнейшего ослабления своих позиций в руководстве партии. В итоге Ненни согласился, но при условии введения в состав ЦК шести представителей движения «Народное единство» с правом решающего голоса, надеясь таким образом усилить свои позиции в ЦК. Р. Ломбарди и другие сторонники Ненни упорно отстаивали это предложение.

В итоге этой борьбы левым удалось уговорить Ненни отказаться от руководства газетой «Аванти». Левые настаивали на этом потому, что «Аванти», направляемая Ненни, часто не только пренебрегала решениями ЦК ИСП, но даже выступала против этих решений, следовательно, дезориентировала низовые организации и рядовых членов партии. Вместо Ненни был назначен сенатор Негри, близкий к группе Бассо, но находившийся под влиянием Ненни.

В ходе пленума правое крыло социалистов (в частности, Гвадалупи и Манчини) выступило с «провокационным предложением» – созвать до выборов чрезвычайный съезд соцпартии. Ясно, что на этом съезде, в накаленной обстановке предвыборной борьбы, неминуемо произошел бы раскол соцпартии. Большинство членов ЦК не согласилось с этим предложением, сделанным, правда, в неофициальном порядке. Ненни также не поддерживал это предложение, констатировал автор аналитической справки о положении в ИСП³⁵.

Сами социалисты и историографы социалистического движения воспринимали Венецианский съезд как поворотный рубеж в жизни ИСП. В изданном к 30-летию съезда Фондом Ненни сборнике «Когда социалисты порвали с Москвой. 30 лет назад в Венеции, съезд автономии» (1987) историки-социалисты и политики дали свою интерпретацию этого незаурядного события. Среди них Дж. Тамбуррано, Дж. Аволио, В. Каттани, Ф. Де Мартино, М. Ферри, А. Валлаури, А. Ландольфи, М. Дзагари и др. Чтобы понять значимость Венецианского съезда и важность деятельности автономистов, возглавленных П. Ненни, необходимо сделать пару шагов назад в историю, отмечал в предисловии к сборнику Дж. Тамбуррано. После раскола в палатце Барберини в январе 1947 г. ИСП еще теснее примкнула к ИКП. Но выбор просоветской линии и использование во внутрипартийной жизни ленинских принципов демократического централизма датируются концом 1949 – началом 50-х годов. Хотя в 1947–1949 гг. социалистическая партия действовала заодно с коммунистами, она все же сохраняла собственную автономию. Важным подтверждением

этого служит тот факт, что на чрезвычайном съезде в Генуе, собравшимся после провала Народного фронта на выборах, большинство делегатов проголосовали за резолюции автономистов, а Ненни, Бассо и Моранди остались в меньшинстве. Но после краткого опыта правления автономистов Якометти и Ломбарди в партии возобладало фронтистское большинство, и ИСП в атмосфере царившей в мире холодной войны и противоборства между левыми силами и центристскими правительствами встала на сторону ИКП и поддержала советскую политику.

Позиция ИСП хорошо прослеживается на примере той политической линии, которой придерживался в те годы ее лидер П. Ненни. После выборов 1953 г., в ходе которых ИСП и лично Ненни сделали все, чтобы «мошеннический» закон о выборах, который пытались навязать стране правые, был отвергнут, партия выступила с собственными инициативами, отличными от политики коммунистов. Но они были поддержаны и одобрены ИКП. Поворот в политике итальянских левых начался вместе с XX съездом КПСС. После него Ненни писал М.А. Суслову: «Хотел бы подтвердить, что, если политика единства преодолеет кризис и обретет новые организационные формы, то по сути она не изменится. Единство рабочего движения для меня и для всех моих товарищей важнее политических или идеологических расхождений, которые у нас могут быть с итальянскими коммунистами или с Москвой»³⁶. Ненни писал далее, что находится под впечатлением от «секретного доклада» Хрущева, который назвал «актом мужества и освобождения». Доклад, по его мнению, должен вызвать дискуссию в рядах социалистов и коммунистов, критическое переосмысление многих событий, после чего они станут более сильными в совместной борьбе. В письме подчеркивалось, что политика единства сохранится и что социалисты и коммунисты проведут критическую дискуссию, которая его укрепит.

Очевидно, что главной заботой Ненни в тот момент было сохранить и укрепить единство ИСП и ИКП, что он подтвердил 3 июля 1956 г. в беседе во время ужина с Тольятти, хотя не раз убеждал сторонников, что ИСП нужно добиваться как можно большей автономии, проявлять самостоятельность и инициативу, расширять сферу влияния. Ненни опубликовал три статьи о XX съезде КПСС. В них утверждается, что доклад Хрущева позволяет прийти к выводу, что «дегенерации порождены не личностью Сталина, это плод самой системы»³⁷. Данный вывод не разделяли итальянские коммунисты. Так, Тольятти в интервью журналу «Нуови аргументи» заявил, что для советского общест-

ва характерны «определенные формы дегенерации» (после этого в ЦК КПСС потребовали объяснений). Расхождения между Ненни и коммунистами в оценке XX съезда еще не означали разрыва. В эти дни и месяцы лидера социалистов беспокоили иные проблемы, нежели союз с ХДП или союзнические отношения в левых силах. На первом плане был союз с Сарагатом и возможная альтернатива ХДП. Об этом Ненни говорил 3 июля с Тольятти, тот выразил лишь «некоторую озабоченность», но «никакой критики» позиций социалистов не прозвучало³⁸.

В августе 1956 г. Ненни встретился с Сарагатом в Альпах, в Пралоньяне. Эта встреча вопреки бытовавшим утверждениям по поводу ее неподготовленности была хорошо подготовлена. Сарагат решил, что после опубликованных Ненни статей о XX съезде КПСС путь к объединению двух партий открыт, что социалисты должны разработать альтернативу ХДП, заняв по отношению к ИКП позицию «критической автономии». Объединительный съезд партий, согласно Сарагату, должен был объявить аннулированным пакт 1946 г. о единстве действий с коммунистами. Что касалось внешней политики, то Сарагата «не пугала идея нейтралитета шведского типа, хотя страна не должна терять принадлежности к Западу, частью которого она является». Ненни так комментировал этот разговор в дневнике 25 августа 1956 г.: «Тут уж мне пришлось выступить в роли пожарного, напомнив, что мы не в конце пути, а только в начале процесса, который будет длинным и вызовет споры»³⁹. Эта встреча не привела к разрыву ИСП с ИКП, вызвав у коммунистов лишь «озабоченность и подозрения».

Тем не менее 5 октября 1956 г. секретариаты двух партий приняли совместное решение о превращении пакта о единстве в пакт о консультациях. Ненни заявил об этом еще в своем выступлении 25 апреля 1954 г. Тольятти проявил тогда понимание. Решение 5 октября 1956 г. было принято на основе взаимного согласия, речь не шла о разрыве между ИСП и ИКП.

Разрыв произошел через несколько дней, когда в Венгрию вошли советские танки. «Это ужасно», – твердил Ненни в те дни. «В Будапеште сражаются. В Будапеште погибают. И в этих сражениях и в этой крови гибнет система. Интернационализм становится колониализмом», – записал он в дневнике 24 октября 1956 г. В самый трагический день, 4 ноября, ранним утром Ненни позвонил своему родственнику Ч. Томасси и попросил его приехать. Когда тот вошел к нему, он увидел Ненни растерянным, готовым расплакаться. Надь был смещен (и в 1958 г. казнен), его заменил Кадар. В тот день из Лугано позвонила Вани, дочь

Ненни, которая была членом Французской коммунистической партии, и сказала отцу: «Рушится мир, в который мы так верили!» – Ненни сказал Томасси: «Как она права!»⁴⁰.

Ненни прекрасно осознавал, что на союз с коммунистами он в свое время пошел по необходимости, он был для него тактическим шагом. События в Венгрии открыли ему глаза, подчеркивает Тамбуррано. «Выполнить свой долг – задача весьма трудная. Выполнение моего долга стоило мне сегодня вечером горькой речи в Палате депутатов – речи о разрыве с Москвой и ИКП», – записал Ненни 6 ноября 1956 г. в дневнике. ИКП поддержала вторжение в Венгрию как печальную необходимость. Ненни пытался спасти пакт о единстве действий с коммунистами после XX съезда КПСС, критикуя СССР с позиций единых левых, но советская политика разрушила эти принципы, «интернационализм превратился в колониализм». Если бы ИКП заняла в 1956 г. такую же позицию, как позже в 1968 г., во время советского вторжения в Чехословакию, то единство коммунистов и социалистов выдержало бы это испытание. Но в 1956 г. коммунисты сделали другой выбор. Для Ненни отношения с Москвой носили политико-идеологический оттенок, он увязывал их с антикапиталистической линией СССР. Но раз советская политика становится колониалистской и предаёт принципы, ценности, цели социализма, разрыв с Москвой неизбежен и за ним следует разрыв с ИКП, солидаризирующейся с Москвой. Социалисты в тот момент были настроены критически не только по отношению к СССР. Если Советский Союз предал социализм, оккупировав Венгрию, то Англия и Франция с ее правительством во главе с социалистом Ги Молле нарушили Хартию ООН и собственные конституции, захватив Суэцкий канал и напав на Египет, считал Ненни.

Разрыв с СССР и ИКП вовсе не означал, что Ненни «со всем своим арсеналом перешел на другую сторону». В конце ноября 1956 г. он подарил 14 млн лир – сумму Сталинской премии, которая его тяготила, заставляя чувствовать вину, – часть международному Красному Кресту, часть Национальному объединению помощи сиротам из семей трудящихся, помогавшему венгерским беженцам и жертвам боев в Суэцком канале.

На XXXII съезде ИСП в Венеции в феврале 1957 г. речь Ненни с критикой сталинизма была встречена бурными аплодисментами. Те же делегаты на предыдущем съезде 1955 г. в Турине долгими овациями приветствовали его слова о том, что «политика единства – решающее завоевание». По справедливому наблюдению Симоны Нери Сернери, автора книги о социалистах в период Соппротивления и биографической статьи о Ненни, разрыв с

коммунистами, диалог с Сарагатом и ХДП стали прелюдией последующего вхождения ИСП в правительственную коалицию левого центра, что явилось своего рода итогом политического опыта, по многим параметрам исключительного⁴¹.

После того как период фронтизма, требовавший сплоченности, закончился, в ИСП возродились традиции сосуществования разных течений, в том числе автономистской группировки Ненни и Де Мартино; фракции левых, ностальгирующих по «унитарной» с ИКП политике, во главе с Веккьетти и Валори плюс хранители «революционной чистоты» под руководством Бассо и Фоа. Их разделяла не столько различная оценка венгерских событий, сколько выводы, которые сделали из них Ненни и его сторонники. Они настаивали на изменении партийного курса, разрыве с ИКП, сближении с ИСДП, на возвращении в Социалистический интернационал, наконец, на сотрудничестве с католиками на правительственном уровне, что с 1953 г. стало главной темой итальянской политики. Правительственный кризис июля 1960 г. и создание кабинета Фанфани с его идеей «параллельных конвергенций» укрепляли намерения социалистов идти в направлении левого центра и начать переговоры с ХДП о сотрудничестве в правительстве. Эти намерения, однако, не одобряла непреклонная оппозиция левых в ИСП, представлявших одну треть членов партии, они противоречили намерениям руководства ХДП (тоже разобщенной) сохранить единство партийной базы, придерживавшейся умеренных взглядов⁴².

На XXXIII съезде партии в Неаполе (15–19 января 1959 г.) прозвучал четкий призыв – осуществлять автономистский курс и поддержать реформы. Представленных резолюций оказалось три: «автономистская» – группировки Ненни, резолюция Бассо и его сторонников и документ левых во главе с Веккьетти. Ненни и его сторонники продолжали настаивать на решениях, предлагавшихся ими на предыдущем съезде в Венеции. Бассо критиковал линию на диалог с ХДП, настаивая на том, что диалог необходимо вести с рядовыми католиками, а не с руководством демохристиан. Для Веккьетти ИСП, согласно марксистской теории, должна была оставаться «классовым орудием». Промежуточную позицию занял Ломбарди. По его мнению, ИСП следовало поддержать структурные реформы и на этом пути установить диалог с трудящимися католиками, освободив их от влияния консерваторов и клерикалов. Ненни в седьмой раз был переизбран на пост секретаря партии. За него проголосовали 273 271 делегат съезда (58,7%), за левых – 153 060 (32,6%), за сторонников Бассо – 40 933 (8,7%). Из общего числа 468 671 голо-

совавших 1 407 воздержались. Так, впервые после десятилетнего периода политики централизма Моранди партия снова предстала поделенной на течения⁴³.

На XXXIV съезде ИСП 18–30 марта 1961 г. в Милане социалисты попытались утвердить курс на сближение с католиками. Но не всем из них такой выбор был по душе. Из трех течений его поддерживали лишь сторонники Ненни. К ним присоединилось четвертое течение под руководством Пертини. Хотя на съезде верх одержала группировка автономистов и резолюция это подтверждала, последователи Моранди и левые представляли собой сильную оппозицию этому курсу⁴⁴.

Съезд ХДП в январе 1962 г. одобрил курс на создание правительства левого центра с потенциальным участием ИСП. Сформированный в феврале кабинет Фанфани включал социал-демократов и республиканцев. Социалисты воздержались при голосовании доверия правительству в парламенте, отказавшись от традиционной оппозиционной линии, совместной с ИКП. С конца 1963 г. они стали участвовать в левоцентристских правительствах, которые до 1968 г. возглавлял авторитетный политик, христианский демократ А. Моро.

На выборах в апреле 1963 г. ИСП получила 13,8%, ИСПДП – 6,1% (это ее лучший результат в послевоенный период), ИКП – 25,3%. Насчитывая в своих рядах 478 823 членов, ИСП, несмотря на это, имела слабые позиции в среде рабочего класса. Рабочих в партии было 30%, крестьян – 16%, батраков – 15%, пенсионеров – 9%, домохозяек – 8%, служащих – 3%, дипломированных специалистов и студентов – 2%, граждан с неопределенным социальным статусом – около 10%. В ИСП преобладали мужчины – 79%, а молодежь в возрасте от 18 до 25 лет составляла 8% членов. Это была партия старого образца без широкого представительства женщин и молодежи, констатировал Дж. Галли. Территориально она была представлена в 5171 коммунах от общего их числа 8003, 2800 из них находились в крупных городах и столицах регионов. В 2832 коммунах она вовсе не была представлена⁴⁵.

Окончательная поддержка нового курса руководства партии во главе с Ненни выявилась лишь на очередном XXXV съезде в Риме 25–29 октября 1963 г. Произошло это благодаря сближению позиций течений Ненни и Ломбарди, резко контрастировавших с позицией левого течения Бассо и Веккьетти. В результате левые вышли из партии и образовали Итальянскую социалистическую партию пролетарского единства, вернувшись к названию 1943–1947 гг. Ненни, вновь утвержденный на посту секретаря, оправдывал участие социалистов в левоцентристском прави-

тельстве необходимостью помешать тому, чтобы государство оказалось монополизировано теми, кто выражает капиталистические и буржуазные интересы. Социалистам, по его мнению, надлежало реализовать структурные реформы, призванные улучшить уровень жизни в стране. Но занявшая непримиримые позиции левая фракция Веккьетти не восприняла эту аргументацию и пошла на раскол. Вместе с образовавшейся в 1964 г. новой ИСППЕ из ИСП ушли 117 тыс. ее членов, т.е. примерно четверть ее состава⁴⁶.

К историческому сдвигу в сторону левого центра и прямого участия в правительстве партия подошла ослабленной. Этому способствовал разочаровывающий результат на выборах в апреле 1963 г., была зафиксирована некоторая потеря позиций в сравнении с выборами 1958 г. Ломбарди предлагал, чтобы поначалу участие социалистов в левом центре выражалось лишь в поддержке правительства в парламенте. Речь не шла о безусловной политической поддержке ХДП и ее союзников. ИСП намеревалась при этом реализовать свои проекты назревших реформ: национализацию предприятий электроэнергетики, унификацию системы школьного образования, утверждение статуты регионов согласно положениям, заложенным в конституции⁴⁷. О разрыве социалистов с коммунистами речь не шла. Тольятти обещал, что оппозиция новому правительству, в которой оставалась ИКП, будет иной, чем прежде. Намерение руководства сделать социалистов правительственной партией встречало, однако, заметное противодействие в самой ИСП.

В целях укрепления позиций социалистов в правящей коалиции Ненни пошел в 1966 г. на объединение своей партии с социал-демократами. Этого страстно желал лидер социал-демократов Сарагат, занимавший в то время пост президента Итальянской Республики. «Эта операция завершила бы разрабатывавшийся Сарагатом с 50-х годов долгосрочный проект создания в Италии социал-демократии европейского типа», отмечал Э. Раджоньери. Сарагат готов был заплатить за это самую высокую цену. Он признал положения, высказанные в «Декларации принципов, политической деятельности и организации новой партии, одобренной Учредительным собранием социалистов». Социалисты декларировали свою верность итальянской социалистической традиции и ее «доктринальному опыту начиная с фундаментальной доктрины марксизма», «стремление к свободе». Явным ответом на позицию Сарагата 50-х годов звучало утверждение, что, по крайней мере, с марксистской точки зрения нельзя «сопоставлять фашизм и советский социализм», подобное сопоставление вызва-

ло бы недоверие той части трудящихся, которая потенциально может поддержать идеи демократического социализма⁴⁸.

Внутри ИСП обсуждались разные подходы к объединению, их высказывали «исторические лидеры» Ненни, Де Мартино, Манчини, Ломбарди. Последний призывал к осмотрительности. Ненни настаивал на быстром принятии решения. Де Мартино в начавшейся еще в 1964 г. полемике с одним из лидеров ИКП, Дж. Амендолой, по вопросу о единой партии трудящихся, отмечал, что нельзя толкать намеревающихся объединить свои силы социалистов на те позиции, которые занимали социал-демократы в 1947 г., это означало бы разрушение идейного наследия. Но уже на следующий год социалисты усилиями Ненни избрали именно тот путь объединения, который поначалу отвергал Де Мартино.

Путь к объединению с ИСДП был открыт решениями XXXVI съезда ИСП 10–14 ноября 1965 г. в Риме. На нем вокруг Ненни, Де Мартино и Манчини образовалось большинство – 80% членов партии. 20% голосов собрало левое крыло под руководством Ломбарди, выступавшее против объединения. В результате полемики на съезде из ИСП вышла группировка под руководством Кареттони, Андерлини и Гатто. Под названием «Автономное социалистическое движение» они заявили о себе на выборах 1968 г. как независимые левые в списке ИКП⁴⁹.

Образованная в октябре 1966 г. на XXXVII съезде ИСП новая партия объединенных социалистов и социал-демократов под старым названием 20–30-х годов – Объединенная социалистическая партия (ОСП) – не добилась электоральных успехов. На выборах в мае 1968 г. ее поддержали лишь 14,5% избирателей, в общей сложности она лишилась 5% прежнего совместного результата ИСП и ИСДП.

Состоявшийся 23–30 октября 1968 г. первый и единственный съезд объединенной партии (XXXVIII съезд ИСП) был «одним из самых сумбурных за всю историю итальянского социализма». «Аванти» вышла с заголовком на первой полосе «Да здравствует партия всех социалистов!», там же было опубликовано послание Сарагата. Фракционная борьба продолжалась, положение оставалось весьма сложным и неопределенным. Течение Ненни, руководителями которого были Манчини и Ферри, включило и часть социал-демократов (лидеры профсоюза ИСТ Вильянези, Прети и Ромита), получив 37% голосов делегатов, а течение Де Мартино собрало 34%. Большая часть бывших социал-демократов из течения «Социалистическое обновление» собрала 15%. Группировка «Левые» под руководством Ломбарди набрала 9%, «Социалистическое участие» А. Джолитти – 2%. После съезда

относительное большинство из слившихся течений Манчини и Танасси избрало секретарем партии М. Ферри. Съезд принял решение о возвращении социалистов в правительство левого центра, сформированное на этот раз М. Румором. Де Мартино стал вице-премьером, Ненни, избранный съездом на пост председателя партии, – министром иностранных дел⁵⁰.

Объединение партии, приведшее к созданию конгломерата группировок, делало ее малопривлекательной для избирателей. Следствием недовольства итогами выборов в мае 1968 г., неудачным выступлением на них объединенной партии, неприятия результатов съезда стал ее очередной раскол в 1969 г. Крушение надежд на воссоединение означало потерю надежд на то, что политика левого центра приведет к созданию партии градуалистского, социал-демократического типа, аналогичной партиям Западной Европы⁵¹. О такой партии когда-то мечтали Турати и его соратники, будучи приверженцами реформизма. Итальянский Бад Годесберг, т.е. осуществленный немецкими социал-демократами в 1959 г. и повторенный во многих западноевропейских странах переход на позиции реформизма⁵², что позволило им стать правительственными партиями, в Италии в 60-е годы не состоялся. Как отмечал Раджоньери, успех Сарагата оказался эфемерным, объединение различных фракций социалистов не могло стать успешным из-за слишком разнородной структуры итальянского общества того времени, находившегося в бурном и неуравновешенном развитии. Это мешало попросту перенести на Апеннинский полуостров иностранный опыт. Не позволяла этого сделать и сложная международная обстановка, характеризовавшаяся растущими антиимпериалистическими тенденциями⁵³.

Итальянским социалистам удалось немало совершить, находясь в правительстве в период левого центра. В 1962 г. за выкуп – 2,5 млрд долл. была национализирована электроэнергетическая отрасль экономики, проведена реформа школьного образования, неполное среднее образование детей до 14 лет стало всеобщим и бесплатным. В 1965 г. было введено экономическое программирование, на котором настаивали социалисты. На основе принятого в 1967 г. закона о местном самоуправлении в 1970 г. состоялись выборы в представительные органы всех двадцати регионов. Во многих важнейших центрах Северной и Центральной Италии их выиграли левые, на протяжении долгих лет затем сохранявшие власть на местах. Но ряд других намечавшихся реформ либо были проведены лишь частично (например, пенсионная), либо вообще не реализовались. Условий «экономического чуда», в которых реформы начались, с середины 60-х годов уже не сущест-

вовало. Страна вступила в полосу замедления экономического роста и новых социальных потрясений.

На 1968 г. пришелся пик студенческих волнений, которыми был охвачен весь Запад. Студенты протестовали против устаревшей системы обучения, против устоев общества потребления, против агрессии США во Вьетнаме. В Италии студенческие манифестации нередко, как и в ходе бурных майских событий во Франции, выливались в столкновения с полицией. Студентов поддерживали ИКП и главные профсоюзные объединения, которые провели крупнейшие в послевоенный период забастовки, добиваясь реформы пенсионной системы, решения проблем жилищного комплекса. В стачках участвовали до 20 млн человек, экономическая жизнь в стране замерла. Левые партии пытались идти во главе этого широкого забастовочного движения. Но лучше всего это удавалось находившейся в оппозиции ИКП, а не входившим в правительство социалистам⁵⁴. ИСП настаивала на проведении назревших реформ. С 1969 г. размер пенсий был повышен и составлял около $\frac{3}{4}$ прежней зарплаты работника. Власти начали переговоры с профсоюзами по жилищному вопросу.

Пик забастовочного движения пришелся на «жаркую осень» 1969 г., когда перезаключались трудовые соглашения в ряде отраслей. Забастовщики требовали большей демократии на производстве и участия рабочих в управлении предприятиями. Правительство и предприниматели под мощным напором рабочего движения пошли на уступки. Завоевания «жаркой осени» нашли прямое отражение в принятом в 1970 г. специальном законе – Статуте прав трудящихся. Большую роль в подготовке закона наряду с другими профсоюзными деятелями сыграл министр труда социалист Дж. Бродолини⁵⁵. Согласно статуту устранялась разница в оплате труда в разных частях страны, повышалась зарплата ряду категорий рабочих – металлургам, химикам, строителям, вводилась 40-часовая рабочая неделя. «Классовые бои конца 60-х годов с их невиданной результативностью были наиболее впечатляющим итогом десятилетия, начавшегося в Италии поворотом правящих кругов к левоцентристскому либеральному реформизму»⁵⁶.

Произошли перемены в сфере международной политики. События, связанные с подавлением Пражской весны – «лаборатории европейского социализма»⁵⁷, введением в Чехословакию в августе 1968 г. войск стран Варшавского договора, вызвали дальнейшее отторжение итальянских левых от Москвы и ее союзников. Ненни выступил с острой критикой на заседании Социалистического интернационала в Копенгагене. Его непререкаемый

авторитет в среде международного рабочего движения, завоеванный еще в ходе антифашистской борьбы в Париже и Мадриде в 30-е годы, и пост министра иностранных дел Италии придавали его заявлениям особый вес⁵⁸. В ИКП и ИСП начались острые дебаты по поводу построения социализма «с человеческим лицом». Предпринимались попытки пересмотреть роль СССР как лидера международного рабочего и коммунистического движения. Итальянские левые считали, что Советский Союз оказался чужд новым веяниям. После насильственного свержения правительства социалиста Альенде в Чили в 1973 г. и кровавых расправ с левыми в этой стране началась разработка концепции еврокоммунизма. Ее популяризаторами стали лидеры компартий Испании, Италии, Франции – С. Карильо, Э. Берлингуэр, Ж. Марше.

В августе 1969 г. левоцентристская коалиция переживала кризис. Власть перешла к однопартийному кабинету ХДП во главе с М. Румором. Фактически левый центр прекратит существование в феврале 1972 г., когда к власти придет одноцветное правительство демохристиан под руководством Дж. Андреотти, ставшее с июня 1972 г. правоцентристским. 25 сентября 1974 г. министр иностранных дел Моро отправился на переговоры с президентом США. Членам семьи Моро сообщил, что в Италии ему не раз угрожали недовольные его политикой в отношении ИКП. Выход из тяжелейшего кризиса, охватившего Италию, Моро видел в сближении позиций ХДП и ИКП, крупнейших народных партий, и образовании совместного правительства. 23 ноября он сформировал правительство из представителей двух партий – ХДП и ИРП, которое считалось правительством перехода к сотрудничеству с ИКП. Между Моро и лидером ИКП Э. Берлингуэром установились доверительные, дружеские отношения – одним словом, взаимопонимание. После очередных парламентских выборов 1976 г., ставших триумфом для коммунистов, достигших максимального для них результата – 34,4% (ХДП набрала 38,7%), 29 июля того же года было создано одноцветное правительство Андреотти при парламентской поддержке извне со стороны ИКП⁵⁹. 1976–1979 гг. стали периодом политики «национальной солидарности». Он не принес каких-либо заметных политических дивидендов ИКП, партия теряла популярность в массах. На своем XV съезде в марте 1979 г. коммунисты отказались от поддержки правительства. Съезд решил, что партия должна либо напрямую участвовать в правительстве, либо оставаться в оппозиции. 4 августа один из лидеров ХДП, Ф. Коссига, сформировал новое правительство с участием ИЛП и ИСДП – так закончился период «национальной солидарности».

С конца 60-х годов в Италии активизировались террористические группировки правого и левого толка. Они пытались запугать итальянцев, совершая террористические акты. Терроризм напрямую влиял на внутривластную атмосферу⁶⁰. Присоединяющиеся к неонацистской партии ИСД группы с помощью подобной «стратегии напряженности» надеялись повернуть ход событий вспять, заставить страну пойти вправо, к установлению власти твердой руки, авторитарного правления. Кому-то было очень не по душе намечавшееся сближение коммунистов и христианских демократов. Вырисовывалась перспектива допущения ИКП к управлению страной (на местах коммунисты давно правили во многих провинциях, часто в союзе с социалистами, особенно в пределах так называемого красного пояса в центральной части страны). Дестабилизировать обстановку стремились и террористические группировки левацкого духа, самой знаменитой из них становятся «Красные бригады». Левые террористы целили в «революционную ИКП», объявив своими врагами систему «блокированной демократии, использующей методы насилия», и неонацистов⁶¹.

12 декабря 1969 г. прогремели мощные взрывы в Милане и Риме. От взрыва в Миланском сельскохозяйственном банке погибли 16 и были ранены 87 человек. С этого события начались «свинцовые годы» терроризма. 28 мая 1974 г. от взрыва на одной из площадей Брешии погибли 8 человек. 4 августа того же года был взорван поезд «Италикус»: 12 человек погибли и 40 ранены. Кульминацией террористических акций стало похищение 16 марта и убийство 9 мая 1978 г. членами «Красных бригад» Альдо Моро. Это убийство известного политического лидера потрясло страну, долго после этого пребывавшую в шоке.

Несмотря на принятые после убийства Моро решительные меры по борьбе с террористическим подпольем, вылазки террористов не прекращались. 2 августа 1980 г. был совершен теракт с максимальным количеством жертв – взорван вокзал в Болонье, погибли 85 и были ранены 200 человек. Убивают и ранят представителей мира политики, магистратуры, полиции, журналистов, университетских профессоров. Полагают, что это дело рук не только экстремистских группировок, но и вездесущей итальянской мафии. Преступления подобного рода повторялись и в начале 80-х годов. В мае 1981 г. турецкий террорист Али Агджа совершил покушение на папу Иоанна Павла II. 3 декабря 1984 г. был взорван поезд 904 в Сан Бенедетто Валь ди Самбро: 15 погибших и 150 раненых. Это далеко не полный список преступлений террористов, совершенных с конца 60-х до середины 80-х годов⁶².

В этих условиях ИСП с конца 60-х до середины 70-х годов приходилось вести непрерывную борьбу за сохранение достигнутых позиций. 9 июля 1969 г. под пение «Гимна трудящихся» и «Бандьера росс» во дворце ЭУР в Риме начался съезд социалистов, на котором было избрано новое партийное руководство ИСП. Его возглавил Ф. Де Мартино. Рядом с ним в руководстве находились теперь Манчини и Кракси, считавшийся наследником Ненни. Кракси возглавлял течение автономистов. Раскола с социал-демократами избежать не удалось. Их партия отказалась от принятого в 1969 г. названия ОСП и вернула в 1971 г. прежнее название ИСДП. Пережив драму очередного раскола и крушения надежд на объединение, социалисты в течение нескольких последующих лет пребывали в состоянии некоей инерции. Функционировали три социалистических партии: ИСП, ИСДП, ИСППЕ.

На выборах 7 мая 1972 г. за ИСП проголосовали 9,6% избирателей, что стало историческим минимумом, тогда как за ИКП – 27,2%. На XXXIX съезде ИСП в ноябре 1972 г. в Генуе образовалось новое большинство, высказавшееся за возвращение в правительство под руководством ХДП. За Де Мартино проголосовали 45% делегатов съезда, за автономистов-неннианцев – 13%; объединившись, они собрали 58% голосов. В меньшинстве остались течения Манчини и Ломбарди. Течения Бертольди, Манка, Манчини высказались за упрочение демократических порядков в стране, призвав к активной борьбе против фашистской опасности. Съезд одобрил стратегию «более передовых равновесий», выдвинутую еще в 1968 г. Де Мартино. Она означала отказ от непримиримой оппозиции в отношении ИКП. 12 ноября было избрано новое руководство с преобладанием демартинианцев. 7 декабря Де Мартино избрали секретарем партии, его заместителями – Кракси и Моску. Ненни в 1973 г. вернулся на пост председателя партии⁶³.

XXXX съезд ИСП 3–7 марта 1976 г. отразил фракционную раздробленность социалистов. Лидерами течений были Манчини, Де Мартино, Ломбарди. Ломбарди повторил свой тезис о крушении левого центра и утрате ХДП демократических тенденций. Он призвал к диалогу с коммунистами в политике альтернативы и «исторического компромисса». Эти положения отражены в заключительном документе съезда. Главным стало заявление секретаря ИСП Де Мартино, что для социалистической альтернативы пока нет условий, страна переживает переходный период, во время которого надлежит изменить соотношение сил в политике. Выдвинутому коммунистами лозунгу «исторического компромисса», т.е. сближения ИКП и ХДП, противопоставлялись идея

«автономии» ИСП и концепция социалистической альтернативы. Стремясь к единению левых сил, социалисты выставили ИКП условие: разрыв с КПСС и международным коммунистическим движением. Коммунисты не уступали, и о каком-либо потенциальном союзе левых партий речь в тот период не шла. С приходом к руководству в ИСП новой руководящей группы этот вопрос больше не поднимался. Социалисты предпочли пойти на резкую конфронтацию с коммунистами в надежде оторвать от них часть их традиционного избирательного корпуса и, укрепив позиции, вернуться к участию в правительствах левого центра.

¹ *Sabbatucci G. Il Partito socialista italiano // La politica italiana. Dizionario critico 1945–1995. Roma; Bari, 1995. P. 328, 329.*

² *Григорьева И.В. Италия в XX веке. М., 2006. С. 176–177.*

³ *Agosti A. Togliatti. Torino, 1996. P. 359–364.*

⁴ См.: *Любин В.П. Роль Де Гаспери в повороте Италии на Запад в оценке советской дипломатии // Европейский альманах. М., 2007; или на сайте: [www.http\alestep.narod.ru](http://alestep.narod.ru)*

⁵ *Romano S. Guida alla politica estera italiana. Da Badoglio a Berlusconi. Milano, 2002; см. также: Любин В.П. Внешняя политика Италии в трудах С. Романо // Современная Италия. М., 2004. С. 155–168.*

⁶ *АВП РФ. Ф. 098. Оп. 34. П. 219. Д. 63. Л. 37.*

⁷ Наиболее внушительная публикация о деятельности Коминформа – сборник документов из советских архивов, изданный Фондом Фельтринелли на английском и русском языках: *The Cominform. Minutes of Three Conferences 1947/1948/1949 / A cura di G. Procacci // Annali di Fondazione Feltrinelli. Milano, 1994. A. XXX; Коминформ: Документы трех конференций 1947–1949 гг. М., 1994.*

⁸ *Bocca G. Palmiro Togliatti. Roma; Bari, 1977. P. 477–483.*

⁹ *Reale E. Nascita del Cominform. Milano, 1958; Eugenio Reale, uomo che sfido' Togliatti / A cura di A. Carloti. Firenze, 1998. P. 135–179.*

¹⁰ *Bocca G. Op. cit. P. 479, 485.*

¹¹ *АВП РФ. Ф. 098. Оп. 30. П. 172. Д. 27. Л. 85–87.*

¹² Там же. Оп. 32. П. 211. Д. 8. Л. 25.

¹³ Там же. Оп. 31. П. 182. Д. 34. Л. 85.

¹⁴ Там же. Л. 86–87.

¹⁵ Там же. Л. 90–91.

¹⁶ Там же. Л. 92–94.

¹⁷ Там же. Л. 95.

¹⁸ Там же. Л. 96.

¹⁹ Там же. Л. 97.

²⁰ Там же. Л. 98.

²¹ *Il socialismo al bivio. L'archivio di G. Faravelli, 1945–1950 // Annali di Fondazione G. Feltrinelli. A. 26. 1987/1988 / A cura di P.C. Masini e S. Merli. Milano, 1990. P. 345.*

²² *Nenni P. Tempo di guerra fredda. Milano, 1981. Vol. I: Diari 1943–1956. P. 457–458.*

- 23 Landolfi A. Storia del PSI. Milano, 1990. P. 256–261.
- 24 Zamagni V. Dalla periferia al centro. La seconda rinascita economica dell'Italia (1861–1990). Bologna, 1993. P. 465–478.
- 25 Spini V. Il socialismo di fronte ai problemi di ricostruzione: politica di piano o liberismo? // Banfi A. et al. Storia del partito socialista. Dall'antifascismo alla ricostruzione. Venezia, 1979. P. 103–130.
- 26 Bobbio N. Politica e cultura. Torino, 1955.
- 27 Molaioli A. Le riviste socialiste di orientamento politico // Almanacco socialista 1892–1982. P. 308–309.
- 28 Galli G. Ma l'idea non muore. Storia orgogliosa del socialismo italiano. Milano, 1996. P. 212.
- 29 Almanacco socialista 1892–1982. P. 290–291.
- 30 Sabbatucci G. Il Partito socialista italiano. P. 330.
- 31 Avolio G. Ricordo quel tempo con nostalgia profonda // Avolio G. et al. Quando i socialisti rupero con Mosca. Trent'anni fa, a Venezia, il congresso dell'autonomia / Introd. di G. Tamburrano. Roma, 1987. P. 13.
- 32 АВП РФ. Ф. 098. Оп. 99. П. 248. Д. 30. Л. 4.
- 33 Sabbatucci G. Il Partito socialista italiano. P. 330.
- 34 Togliatti P. Rinnovare e rafforzare. Relazione all'VIII congresso del Partito comunista italiano. Roma, 1956. P. 5.
- 35 АВП РФ. Ф. 098. Оп. 40. П. 25. Д. 720/7. Л. 26–35.
- 36 Tamburrano G. Introduzione // Avolio G. et al. Op. cit. P. 8. Впервые Тамбуррано опубликовал это письмо в биографическом исследовании о Ненни (Tamburrano G. Pietro Nenni. Roma; Bari, 1986. P. 282).
- 37 Nenni P. Le prospettive del socialismo dopo la destalinizzazione. Torino, 1962.
- 38 Tamburrano G. Pietro Nenni. P. 282–283.
- 39 Сам Сарагат никогда не расставался с идеей «союза всех социалистических сил» страны и «социалистической альтернативы». Но при этом следует быть «крайне осторожными, сохраняя верность фундаментальным принципам демократического социализма», – писал он 31 октября 1956 г. А. Балабановой. Это и другие его письма «дорогому товарищу, доктору Балабановой» 1950–1961 гг. хранятся в Архиве Института социальной истории в Амстердаме (JISG – Archiv: F.A. Balabanova. N 31).
- 40 Tamburrano G. Pietro Nenni. P. 287.
- 41 Neri Serneri S. Resistenza e democrazia dei partiti. I socialisti nell'Italia del 1943–1945. Manduria, 1995; Nenni, Pietro // Dizionario storico dell'Italia unita. Roma; Bari, 1996. P. 224.
- 42 Sabbatucci G. Il Partito socialista italiano. P. 331.
- 43 Galli G. Storia del socialismo italiano. Roma; Bari, 1983. P. 231.
- 44 Almanacco socialista 1892–1982. P. 296.
- 45 Galli G. Ma l'idea non muore. P. 230–231.
- 46 Rapone L. I socialisti // Dizionario storico dell'Italia unita. P. 870.
- 47 Galli G. Storia del socialismo italiano. P. 241.
- 48 Ragionieri E. // Storia d'Italia. Torino, 1976. Vol. IV: Dall'unità a oggi. T. 3: La storia politica e sociale. P. 2715–2716.
- 49 Galli G. Storia del socialismo italiano. P. 260.
- 50 Galli G. Ma l'idea non muore. P. 252.
- 51 Rapone L. Op. cit. P. 871.

- ⁵² Miller S., Potthoff H. A History of German Social Democracy. From 1848 to the Present. Leamington Spa, Hamburg; N.Y., 1986. P. 176.
- ⁵³ Ragionieri E. // *Op. cit.* P. 2716.
- ⁵⁴ Подробнее см.: Холодковский К.Г. Рабочее движение в Италии (1959–1963 гг.). М., 1969; Он же. Италия: массы и политика. М., 1989; Лисовский Ю.П., Наринская Г.М. Италия: реформизм и пути социально-экономического развития // Социал-демократический и буржуазный реформизм в системе государственно-монополистического капитализма. М., 1980. С. 162–192; Левин И.Б. Рабочее движение в Италии, 1966–1976. Проблемы и тенденции забастовочной борьбы. М., 1983.
- ⁵⁵ Brodolini G. Da una parte sola. Dalla parte dei lavoratori // Almanacco socialista 1892–1982. P. 359.
- ⁵⁶ Григорьева И.В. Указ. соч. С. 206.
- ⁵⁷ Basso L. et al. Il socialismo in Europa dieci anni dopo la Cecoslovacchia / A cura di S. Garuso. Milano, 1979.
- ⁵⁸ Intini U. I socialisti. Dal 1960 alla tragedia: gli uomini, i fatti, la verità. Roma, 1996. P. 197–227.
- ⁵⁹ Результаты парламентских выборов в Италии с 1948 по 1996 г., сведенные в обобщающие таблицы, см.: Любин В.П. Итальянская партийно-политическая система в 90-е годы. М., 1997. С. 43–56.
- ⁶⁰ Ginsborg P. Storia d'Italia dal dopoguerra a oggi. Società e politica 1943–1988. Torino, 1989. Vol. II: Dal «miracolo economico» agli anni '80. P. 511–521.
- ⁶¹ Fritzsche P. Die politische Kultur Italiens. Frankfurt a. M.; N.Y., 1987. S. 193; Лисовский Ю.П., Любин В.П. Политическая культура Италии. М., 1996. С. 35.
- ⁶² Incerti C. Trame d'Italia // Panorama. Milano, 1990. 25 nov. P. 67–86.
- ⁶³ Ciuffoletti Z., Degl'Innocenti M., Sabatucci G. Storia del PSI. Roma; Bari, 1993. Vol. 3: Dal dopoguerra a oggi. P. 409–410.

«НОВЫЙ КУРС» КРАКСИ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОВАЛЫ

*Товарищи с заводов и полей, берите в руки серп,
несите молот,
На площадь выходите, бейте, систему подрывайте.
Вы, богатеи, ищущие мира, чтоб делать то,
что вам угодно,
Забудете об этом. А мы вас на тот свет отправим.
Мы с вами рассчитались на войне и спину гнуть на вас
не собирались.
Тот ветер, что свистел тогда, теперь сильнее свищет.
Идеи революции бессмертны, и если кто-то скажет:
Не слушай их, то он – предатель. Плевать нам на него,
Ведь сам он знамя красное давно забросил. Вы, богатеи...*

Из песни «Графиня» П. Пьетранджели

Настроения, отраженные в этой написанной в 1966 г. и тут же подхваченной особенно в молодежной среде песне композитора и поэта П. Пьетранджели, остававшейся популярной в последующие два десятилетия, охватили тогда итальянское общество. Серп и молот долго оставались символом левых, были изображены на гербе не только коммунистов, но и социалистов. Чувства тех, кто с оружием в руках в 1944–1945 гг. сражался за лучшую Италию, разочарование, что демократические, социалистические идеалы Сопротивления не воплотились в жизнь, а в обществе ведущие роли принадлежат тем же состоятельным слоям, кому неплохо жилось и во времена фашизма, нашлись в названной песне самое яркое выражение. В ней цитируется боевой гимн итальянских партизан на мотив «Катюши»: «Ветер свищет и бушует буря, а мы, хотя разуты и раздеты, в сражение идем и приближаем весну и будущего светлого зари».

1968 год в Италии, как и во всей Западной Европе, стал своеобразным водоразделом. Возникла культура контестации – протестных движений против образа жизни потребительского общества, блокировавшего эмансипацию индивидуумов, породившего новые формы манипулирования людьми. Протест был направлен против таких институтов, как семья, школа, церковь, предприятие, – хранителей ценностных установок. Традиционалистские ценности подвергались удару, процесс секуляризации развивался в ускоренном темпе. На важных референдумах в Италии конца 60 – 70-х годов, в том числе по принятию закона о свободе развода, правые, клерикальные силы терпели поражения.

В питательном бульоне контркультуры возникали террористические организации, их число к 1977 г. достигло полутора сотен. Их члены имели различные идеологические пристрастия. Для приверженцев упрощенно понимаемого марксизма из рядов студенческой молодежи примером служили Китай или Албания. У правозэкстремистских организаций были свои кумиры и идеологические мифы. Социологические опросы 70-х годов свидетельствовали, что итальянцы проявляют поразительные способности к «балансированию» в культурной сфере. Предпочтение отдавалось не только «обыденным ценностям», но одновременно и поверхностным и примитивным формам массовой культуры и общественного мнения, «зачастую сводящим любую идею к примитивно-лозунговому варианту»¹.

Террористические организации правого и левого толка (наиболее известная – «Красные бригады») объявили беспощадную войну правящей системе². Неслыханная жестокость «черных» и «красных» террористов, когда одно преступление следовало за другим, жертвами которых становились десятки и сотни абсолютно ни в чем не повинных людей, потрясала итальянцев. Средства массовой информации обвиняли правящую элиту в неспособности навести порядок, по их мнению, это свидетельствовало о слабости государственных структур. Многие призывали установить власть «сильной руки», ввести авторитарные методы правления.

Экономический и энергетический кризис середины 70-х годов подорвал веру в прогресс. Метания между режимом экономии и потребительскими, гедонистическими устремлениями побуждали как можно скорее расходовать накопленные деньги³. Кризис поразил Италию сильнее, чем другие страны, в частности по темпам роста стоимости жизни она их опережала. Ежегодный спад промышленного производства достигал 14,6%, инфляция, например в 1974 г. составила 20% и долгие годы не снижалась. Не решалась проблема занятости, от безработицы особенно страдала впервые выходящая на рынок труда молодежь. В 1975 г. в стране насчитывалось 1,5 млн безработных, 30% из них составляли молодые люди. Недовольны были все, роптали даже привилегированные слои.

Левоцентристская политика оказалась непригодной в новых условиях, когда в 70-е годы ситуация резко поменялась. Досрочные парламентские выборы 1972 г. отразили противоречивые тенденции. Заметное увеличение числа избирателей, проголосовавших за выступавших совместно монархистов и крайне правую неофашистскую партию Итальянское социальное движение (8,7%), свидетельствовало о неблагополучии в обществе⁴. Правительственным партиям, к которым в годы левого центра принад-

лежала и ИСП, не удалось добиться расширения своего электората. Уровень поддержки социалистов в 1972 г. снизился до 9,6%, тот же результат был получен на выборах 1976 г.

Коммунисты под руководством Э. Берлингуэра сменили курс и выдвинули новые идеи, которые нашли отклик у широких слоев итальянцев. Благодаря этому в 1976 г. они достигли самого высокого в своей истории результата, набрав 34,4% голосов. Игнорировать эту электоральную победу ИКП ни социалисты, ни правящие христианские демократы, собравшие 38,7% голосов, уже не могли. Тогда же произошло сближение католиков и коммунистов. Эта политика получила название «исторический компромисс». Стремиться к сближению с демохристианами ИКП начала после чилийских событий 1973 г., что одобрил XIV съезд компартии. Трудные 1976–1979 гг. были названы периодом «национальной солидарности». Коммунисты, хотя и не входили в возглавляемые ХДП правительства, оказывали им поддержку при голосовании в парламенте⁵.

Новый курс Берлингуэра означал изменение революционного характера коммунистической партии и ее социал-демократизацию⁶. ИКП все чаще отвергала бескомпромиссную линию международного коммунистического движения, за сплоченность которого боролась Москва. Конфликт с кремлевскими лидерами становился все более явным⁷. Берлингуэр и его сторонники, приверженцы политики «еврокоммунизма», внутри ИКП занимали центристские позиции. Одобрявшее этот курс правое крыло (Амендола, Наполитано, Барка, Педжо) придавало первостепенное значение поиску выхода страны из глубокого экономического кризиса. Левое крыло (Лонго, Террачини, Инграо, Пайетта, Коссута, Ломбардо Радиче) критически воспринимало социал-демократизацию партии⁸.

Экономический кризис 70-х годов побудил стоявших у власти христианских демократов и их союзников – ИЛП, ИРП, а также ИСДП – отказаться от прежних завоеваний левых и начать демонтаж социального государства⁹. Примыкавшие к ИКП с конца 60-х годов новые левацкого толка группировки – «Манифесто», «Потере операйо», «Лотта континуа», «Авангардия операйа», имевшие влияние на определенную часть неквалифицированных трудящихся на Юге и на «новый рабочий класс» – технических работников и интеллектуалов, – стояли за сохранение революционной стратегии¹⁰. В 70-е годы эти группировки порвали с коммунистической партией и, выступив на выборах 1976 г. единым списком «Авангардия операйа», набрали 1,5% голосов.

Социалисты оказались «зажатыми» между двумя крупнейшими партиями. В этих условиях перед ними вставала трудная зада-

ча – не утратить своей идентичности и автономии в партийно-политической системе¹¹. Все это происходило на фоне переживаемых страной, как и всем западным миром, экономических трудностей и замедления темпов роста производства.

Созданная после войны итальянская политическая система пережила четыре фазы: 1) центризм (1948–1960), 2) левый центр (1963–1971), 3) «исторический компромисс» (1975–1979), 4) 80-е годы – преобладание пятипартийных правительственных коалиций, включая ИСП, но с постоянным исключением ИКП¹². После убийства террористами «Красных бригад» в 1978 г. А. Моро партийно-политическая система страны переживала глубокий кризис¹³, и не только из-за террористических актов. Кризис усугубляли раскрытие планов подготовки отдельными представителями спецслужб государственного переворота, банковские скандалы, преступления мафии, разоблачение тайной масонской ложи П 2, высокопоставленные члены которой пытались влиять на выбор политического курса страны, и т.д. Аналитики в 70-е и последующие годы опубликовали ряд интересных трудов, в которых представлены различные аспекты общественно-политической жизни Италии¹⁴.

Результаты выборов для ИСП начиная с 1948 г. были таковы: 1948 г. совместно с ИКП – 31,0%, 1953 г. – 12,7%, 1958 г. – 14,2%, 1963 г. – 13,8%, 1968 г. ОСП (объединение с социал-демократами) – 14,5%, 1972 г. – 9,6%, 1976 г. – 9,6%, 1979 г. – 9,8%, 1983 г. – 11,4%, 1987 г. – 14,3%, 1992 г. – 13,6%¹⁵. Социалистическая партия продолжала занимать третье место после ХДП и ИКП по электоральной поддержке, поэтому играла роль той необходимой гири, без которой чаша весов не могла сдвинуться и не создавалась действенная партийная коалиция¹⁶.

Стратегия социалистов в 70–90-е годы прошла ряд фаз и называлась по-разному: «более передовые равновесия» в период, когда партию возглавлял Де Martino; «левая альтернатива»¹⁷; предложенная другим лидером – Ломбарди, «новый курс» Кракси в условиях «конфликтной демократии», жесткой конкуренции с ИКП и ХДП и возвращения к левоцентристской коалиции. Теоретические разработки социалистов нашли отражение в ряде изданий 70–80-х годов¹⁸. Если вплоть до 1976 г. ИСП не отходила от марксистских основ своей программы и ратовала за создание социалистического общества путем постепенной трансформации капитализма с помощью структурных реформ, то в дальнейшем социалисты предпочли обратиться к демократическому социализму. Под ним они подразумевали «западную, европейскую концепцию исторической и гуманистической ценности социализ-

ма»¹⁹. Окончательный отказ от революционных традиций, четкий реформистский выбор, устранение из символики партии серпа и молота – все это произошло после того, как к руководству партией пришли Беттино Кракси и его сторонники – К. Синьориле, Ф. Чиккитто, Э. Манка, Дж. Де Микелис, К. Мартелли. В сфере внешней политики ИСП при Кракси проводила прозападный курс, стремилась к сотрудничеству с США и безоговорочно поддерживала НАТО. Выступая с антикоммунистических позиций, ИСП резко осуждала «советский империализм».

В публицистике того времени, анализировавшей положение дел в среде социалистов, главное внимание уделялось новому секретарю ИСП. Кракси удалось стать харизматическим лидером, его линия преобладала на протяжении долгого периода, вплоть до середины 90-х годов. На его плечи легло выполнение задачи провести партию между Сциллой и Харибдой, т.е. между более мощными партиями католиков и коммунистов, по возможности усилить позиции социалистов, придать ИСП больший вес. Это Кракси на первых порах удавалось, благодаря избранному им и поддержанному его молодыми соратниками «новому курсу». Выступления лидера ИСП всегда оказывались в центре внимания обретавших влияние СМИ, в первую очередь телевидения. В период лидерства Кракси оживилась издательская деятельность партии, его собственные книги и партийные документы выходили большими тиражами²⁰.

Кракси считался наследником Ненни и возглавлял немногочисленную партийную фракцию автономистов (в 1976 г. ее потенциал составлял всего 10% членов партии). Несомненно, Кракси старался во многом подражать своему кумиру, с которым их связывала многолетняя совместная деятельность в партии.

Мне уже приходилось писать о Кракси ранее, о том, как начинался его путь в политике и происходило восхождение к партийному олимпу²¹. Без рассказа об этом не обойтись и здесь. Итак, Бенедетто (Беттино) Кракси появился на свет в Милане 24 февраля 1934 г. Его отец, Витторио Кракси, родился на Сицилии, мать – в Ломбардии. Отец – адвокат, социалист, участвовал в антифашистском движении, что, очевидно, повлияло на формирование политических взглядов сына.

Беттино воспитывался в католической школе в Канту и чуть было не стал священнослужителем. Продолжил образование в лицее Кардуччи в Милане, затем на юридическом факультете Миланского университета и на факультете политических наук в университете Перуджи. Как вспоминал его сокурсник, университет интересовал Кракси лишь как место, где можно заниматься

политикой, участвуя в работе Союза университетских студентов, когда же он занялся партийной работой, то без сожаления бросил университет, так и не получив диплома о высшем образовании. В молодости увлекался игрой в покер, выступал за одну из баскетбольных команд, неплохо играл на гитаре.

Кракси вступил в ИСП, едва ему минуло 17 лет. Он рано женился, в 1961 г. у него родилась дочь Стефания, а в 1965 г. – сын Бобо (Витторио) Кракси, который позднее продолжил дело отца и возглавил одну из партий-наследниц ИСП, Новую ИСП (ныне он возглавляет партию Социалисты).

Беттино Кракси был известен как человек разносторонних интересов. Его любимый герой – Джузеппе Гарибальди. Кракси собрал обширную коллекцию экспонатов, отражающих деятельность Гарибальди, поддерживал связи с артистическим миром, любил кино, отдавая предпочтение фильмам Рози, Петри, Вертмюллер, Беллоккьо, Антониони.

Кракси – один из немногих итальянских политиков, чей номер домашнего телефона был внесен в городской телефонный справочник. Рабочий день Кракси в Риме длился 14 часов и проходил в парламентском дворце Монтечиторио, в здании руководства ИСП на виа дель Корсо и в частной квартире на улице Томачелли, неподалеку от редакции теоретического журнала социалистов «Мондо операйо», вокруг которого группировались партийные интеллектуалы.

«Беттино Кракси – политика знают все, – констатировал автор одной из статей в журнале “Эуроπεо”. – Как человек он известен гораздо меньше. Однако Кракси-политик и Кракси-человек во многом совпадают. С этим согласны и друзья и недруги». «Он всегда был таким, – рассказывал один из его товарищей по университету – в 19 лет он так же осознавал собственную роль, как и сегодня».

Политическая карьера Кракси началась в 1956 г., когда он стал коммунальным советником расположенного неподалеку от Милана городка Сант-Анджело-Лодиджано. В 1960 г. его избрали в коммунальный совет Милана. В 60-е годы он, обретая административный опыт, работал в качестве советника в миланском муниципалитете и одновременно возглавлял Институт науки общественного управления. С 1968 г. Кракси постоянно избирался депутатом парламента по миланскому округу. Он непрерывно продвигался по ступеням карьеры партийного функционера, занимал должности ответственного за печать и пропаганду, затем секретаря миланской федерации ИСП, секретаря федерации ИСП Ломбардии.

Постепенно Кракси становится заметной фигурой среди партийного течения автономистов. Еще на XXXII съезде ИСП в феврале 1957 г. в Венеции 23-летнего Кракси избрали в Центральный комитет ИСП. В начале 1970 г., когда ему было 36 лет, он стал заместителем политического секретаря партии. Наконец, после бурного заседания ЦК партии 12–15 июля 1976 г. – политическим секретарем ИСП.

В течение примерно двадцати лет имя Кракси не сходило со страниц газет и журналов. Самореклама и самолюбование не были ему чужды. Издавались посвященные ему книги. Итальянские журналисты даже изобрели новый термин «краксизм», которым обозначали методы партийного руководства, характерные для Кракси. Необычные для общественно-политической жизни Италии, они встречали одобрение сторонников и резкие возражения противников.

«Понятно, почему многие итальянские политики боятся Кракси, – писал автор книги “Бенедетто Беттино” Джанкарло Галли. – Они озабочены тем, что секретарь ИСП играет одновременно на многих шахматных досках: в правительстве в Риме – в коалиции с ХДП, в органах местного самоуправления – в блоке с коммунистами, ведет диалог с различными силами, со времени убийства Моро... занимает гуманную позицию в отношении жертв терроризма, проявляет гибкость в вопросах экономики и внешней политики, все это сближает “краксизм” с “рейганизмом”»²².

На первых порах соратники по партии относились к деятельности Кракси неоднозначно. Исключенный из ИСП за несогласие с курсом Кракси Ф. Бассанини заявлял, что управление в партии – «вне демократии». Возражая ему, один из интеллектуальных вдохновителей «нового курса», Л. Кафанья, подчеркивал: «Кракси решительно покончил с иллюзиями, бытовавшими в ИСП».

Коммунисты с приходом Кракси к руководству партией вступили в полосу острых конфликтов с социалистами. Считая, что ИСП изменилась по сути, они утверждали, что вряд ли она все еще остается левой партией. Генеральный секретарь ИКП Э. Берлингуэр говорил о существовании краксианской правой, а главный редактор газеты «Унита» Э. Макалузо о том, что в ИСП господствует режим, при котором все решения спускаются сверху.

Подводя итог подобного рода оценкам, ряд обозревателей приходили к выводу, что опасения у противников социалистов вызывали прежде всего «цепкая хватка» новой ИСП, ее поиски пространства и лидерства, ломавшие традиционное равновесие.

Поднятый в прессе шум по поводу прихода к руководству ИСП молодого лидера не способствовал серьезному анализу «феномена Кракси», зато успешно помогал создавать рекламу «краксизму». Немалая заслуга в этом пропагандистского аппарата ИСП и самого Кракси, который постоянно выступал с многочисленными речами, давал интервью, писал статьи и книги²³.

Кракси критически относился к «реальному социализму», не признавал классовой борьбы, пытался ревизовать по многим параметрам политику предшественников, по-новому интерпретировал экономические и социально-политические проблемы современного западного и итальянского общества, вносил лепту в разработку стратегии и тактики партии на местном и общенациональном уровнях. Поначалу эти попытки не встречали понимания в партийной среде и разделялись лишь немногими сторонниками.

Взгляды Кракси были ближе к взглядам социал-демократов, нежели большинства собственной партии, всегда отличавшейся левизной на фоне других социалистических сил и не входившей по этой причине в Социнтерн. В конце 60-х годов Кракси остро пережил раскол ИСП: ему трудно далось решение – не взять сторону социал-демократов и остаться в рядах социалистов. В полном соответствии с такими взглядами находилась занимаемая им позиция внутри партии, он примыкал к ее правому течению автономистов, отстаивавших независимость ИСП (в первую очередь от ИКП) в политической жизни Италии. На пути к достижению намеченной цели – завоевать пост лидера партии – он на время сместился к центру и даже полевел, но лишь настолько, насколько это было необходимо для обеспечения поддержки со стороны других партийных группировок.

Социалистам предстояло дать ясные ответы на труднейшие вопросы, с которыми сталкивалось итальянское общество, что и пытался сделать Кракси на практике.

Французский левый эксперимент 70-х годов, быстрый рост влияния Французской социалистической партии, достижение ею преобладающих позиций в лагере левых придавали уверенности и итальянским социалистам. Кракси не скрывал, что Ф. Миттеран для него – образец для подражания. Он проявлял симпатии к СДПГ (партнерские отношения с СДПГ итальянские социалисты, как мы помним, поддерживали с начала существования партии, когда у руля стоял Турати и его соратники) и установил дружеские отношения с В. Брандтом и Г. Шмидтом.

Кракси внимательно следил за деятельностью правящих социалистических и социал-демократических партий западноевро-

пейских стран и Социалистического интернационала, в который ИСП вошла в 1972 г. Он приветствовал успехи социалистического движения Португалии, Испании, Греции, неоднократно встречался с лидерами социалистических партий стран Южной Европы, особенно часто во второй половине 70-х годов.

Стремление обезопасить себя от ложных шагов, сохранить хрупкое внутрипартийное равновесие, не утратить поддержку электората – все это накладывало отпечаток на позиции Кракси по внутриитальянским проблемам. Он был убежденным сторонником демократических реформ левого центра, зашедших в тупик к концу 60-х годов, и настаивал на их возобновлении.

Полемизируя с противниками в ИСП, настаивавшими на сохранении революционных партийных традиций, Кракси сравнивал их с максималистами, от имени которых Сerratи в свое время заявил: «Дом горит. Но это дом господ и священнослужителей, а не наш дом». «Современные наследники этой абсурдной теории, – сказал Кракси в ноябре 1972 г. на XXXIX съезде ИСП в Генуе, – доходят до того, что приветствуют атаки фашистов, потому что эти атаки якобы избавляют народные массы от реформистских иллюзий и подготавливают условия для столкновения, которое вызовет революцию». Подобная логика, по мнению Кракси, порождала пренебрежительное отношение к опыту левого центра, неверие в возможность нового эксперимента, который должен был превзойти прежние достижения левых.

Высказываясь по вопросу о союзе левых сил и «левой альтернативе» как таковой, Кракси критиковал ИКП за недостаточную автономию по отношению к СССР и социалистическим странам, которые в состоянии сами себя защитить и не нуждаются в поддержке итальянских коммунистов. Он призывал придать новый идейный и политический импульс автономии ИСП. У итальянских социалистов, по его мнению, были «общие для социалистов всех индустриальных стран и не чуждые теперь и партиям ленинской традиции» задачи. Они таковы: консолидация политической демократии, которая должна исходить из децентрализации государства, расширения свобод, завоевания новых гражданских прав, развития профсоюзных организаций, расширения государственного сектора экономики²⁴. Необходимы демократическое планирование, социальная реформа, инициативы с целью обеспечения качественно нового положения Италии в мире. Эти соображения Кракси высказывал в начале 70-х годов и впоследствии неоднократно подвергал пересмотру, хотя основное в них не менялось.

В середине 70-х годов во внутриполитической жизни Италии произошли существенные перемены, вынудившие партии

срочно корректировать стратегию и тактику. Клерикальные силы потерпели сокрушительное поражение на референдуме по вопросу о свободе развода 12 мая 1974 г. Исход этого референдума имел огромное значение. 30-летняя гегемония ХДП была подорвана, сама партия переживала тяжелый кризис. В этих обстоятельствах Кракси заявил, что между ХДП и ИКП образовался политический вакуум. И если социалисты сумеют избежать ошибок, то смогут занять это пространство, укрепив свои позиции.

После XXXX съезда ИСП и неудачи социалистов на выборах в июне 1976 г. в партии развернулась острая дискуссия, в ходе которой курс руководства подвергся резкой критике и было выдвинуто требование обновления всей деятельности партии. Разочаровывающий итог выборов, писал Кракси в ту пору, во многом подтвердил, что ИСП вошла в «траекторию неминуемого упадка».

Возвращаясь к острейшему моменту внутрипартийного противоборства, напомним, что рубежной датой стали события 12–15 июля 1976 г. в «Мидасе», в американского стиля гостинице на римской улице Аурелия. На этом заседании ЦК ИСП был поставлен вопрос о причинах углублявшегося кризиса партии в последние годы. В итоге острых дебатов произошли радикальные перемещения в ее руководстве. Прежний руководящий состав во главе с Ф. Де Мартино был заменен относительно молодыми, сорокалетними лидерами во главе с Кракси. По своему значению и драматизму заседание в «Мидасе» превзошло предшествующий съезд ИСП.

Встретившийся с Кракси после избрания известный журналист Дж. Панса писал: «Он говорит как убежденный социал-демократ без комплекса неполноценности по отношению к Боттеге оскуре (улица в Риме, где находилось руководство ИКП. — *В.Л.*), имеет совершенно ясный план действий, вынашивавшийся в течение многих лет, которым очень обеспокоены коммунисты. Попробуем его обобщить: создать в Италии социал-демократическую силу, хорошо укорененную на Западе, способную править существующей системой и ее реформировать, не разрушив обращением к неопределенному “третьему пути”»²⁵. «Партия в целом, — писал тогда Кракси, — осознала, что находится в глубоком кризисе», он вызван не допущенными ошибками, а устаревшими структурой и методами, что обуславливает глубокий разрыв между стратегией и конкретной практикой, теоретизированием и политической деятельностью, принципами и повседневной жизнью.

Спустя четыре месяца после избрания Кракси выступил с программным докладом, в котором намечался «новый курс» ИСП. Согласно высказанным в докладе идеям, социалисты отказывались от «зависимого сотрудничества» с ХДП и от возрождения в тот момент левого центра. Что касалось экономической политики ИСП (напомню, что Италия, как и весь Запад, переживала в середине 70-х годов острый кризис в связи с резким ростом цен на нефть после арабо-израильской войны 1973 г.), Кракси аргументированно доказал необходимость экономического плюрализма. По его мнению, это являлось предпосылкой и условием реального обеспечения любого другого плюрализма – социального, политического, культурного.

По поводу совместимости идей социализма и либерализма, Кракси высказался так: западный социализм не есть уничтожение либеральной демократии, а ее преодоление, означающее движение вперед. Он воспринимает от либерализма его антигосударственную и антибюрократическую направленность и выходит за пределы либерализма, что представляет собой отправную точку для всех партий Европы, избравших политику реформ и укрепления демократии и свобод. Общей целью «евросоциализма», сторонником которого безоговорочно называл себя лидер ИСП, было и остается устранение буржуазной ограниченности представительной демократии.

Социалистические партии, по мнению Кракси, объединяет общий метод – ревизионизм как демократический принцип и как главное правило, а также общая политическая цель – поэтапное преобразование капиталистического общества в социалистическое, без устранения плюрализма, а напротив, путем его максимального усиления, дабы не зависеть от деспотизма частных монополий и бюрократического коллективизма. Социализм, как и любую политическую доктрину, следует оценивать исходя не из идеологических предпосылок, а из конкретных результатов, как дерево оценивают по плодам, которые оно приносит.

Если в обществе отсутствуют свободы, благосостояние, социальная справедливость, его нельзя считать социалистическим, каким бы ни был юридический статус собственности. В Италии, полагал лидер ИСП, необходимо создать такое общество, в котором на всех уровнях осуществляется участие граждан, а власть олигархий сведена на нет. Отвергнув коллективистскую модель, в которой не устраняется, а усиливается разделение между властью и гражданами, социалисты могут избрать лишь один путь – демократическое планирование плюс децентрализация разного рода служб и самоуправление.

Далее Кракси говорил о необходимости обновления внутрипартийной структуры, совершенствования подготовки партийных кадров. Завоевывать доверие граждан следует через профсоюзы, средства массовой информации, учебные заведения, культурные институты, парламент, органы местной власти. Важнейшим направлением деятельности партии он считал связи с Социалистическим интернационалом.

Такова в общих чертах программа, с которой Кракси приступил к руководству партией. Напомню, что она была представлена на суд социалистов спустя всего четыре месяца после его избрания на пост секретаря партии. Ее основные постулаты Кракси развил в многочисленных выступлениях в первые годы деятельности в качестве лидера ИСП.

В программной книге «Создавать будущее», вышедшей в свет под редакцией его ближайшего соратника К. Мартелли в 1977 г.²⁶, взгляды Кракси изложены в концентрированном виде. Книга представляет собой развернутый текст доклада Б. Кракси на заседании ЦК ИСП в ноябре 1976 г., где раскрывались основные положения выдвинутой XXXX съездом ИСП стратегии «левой альтернативы». Основой совершенствования внутрипартийной работы могут стать дополненный и улучшенный Устав партии, принятый на XXXX съезде, и программа партии, которая содержала бы в себе обобщенное изложение принципов и ценностей итальянского социализма, считал секретарь ИСП.

После кризиса ИСП, проявившегося в связи с неудачей на парламентских выборах 20 июня 1976 г., перед партией встают новые задачи, подчеркивал Кракси. Необходимо отказаться от союзов, в которых ИСП играла бы вспомогательную роль (речь шла о союзе с ХДП). Следует создавать «зоны социалистического влияния», объединять вокруг ИСП все левые силы. В экономическом плане первостепенное значение имеет решение вопросов занятости и проблем Юга, в социальном – проблем развития сельского хозяйства, промышленности и строительства. Выход из экономического кризиса невозможен без создания государственного «программированного управления экономикой». В оценке роли государственного управления экономикой профсоюзное движение проявило высокую степень зрелости. Возобновление политики реформ, способных привести к коренным изменениям в экономике и обществе, возможно лишь в сочетании с «эволюцией политической ситуации, созданием такого равновесия, в котором будут представлены мир труда и профсоюзные организации», отметил докладчик. Специфика ИСП, по мнению Кракси, состояла в сохранении ее «оригинальных идеологических черт»,

что сочеталось с «недостаточной способностью партии организовать трудящиеся массы страны», в отличие от других западных социал-демократических партий, сумевших прийти к власти. Исходя из данных установок, партийные интеллектуалы в период «нового курса» Кракси пересмотрели историю ИСП, переоценив ее с реформистских позиций²⁷.

Новое руководство придавало большое значение повышению роли ИСП в международной политике. Важнейшим направлением стало сотрудничество с братскими партиями Социалистического интернационала. ИСП вместе с Французской социалистической партией была инициатором обновления его структуры. ИСП одобрила перемены в его политике по отношению к партиям социалистической и прогрессивной ориентации, действующим в странах «третьего мира».

Первый (XXXI) съезд, на котором новый секретарь предстал в роли лидера, открылся 29 марта 1978 г. в Турине, в нем участвовали 700 делегатов. Съезд проходил под знаком упрочения позиций нового руководства, захватившего ключевые посты после «Мидаса», на нем были представлены четыре существовавшие к тому времени в ИСП течения – большинство, возглавлявшееся Кракси и Синьориле, «Единство и автономия в защиту альтернативы» Де Мартино-Манка, «Социалистическое присутствие» Манчини и «Новая левая» Акилли. После острых дебатов на съезде оппозиционные течения Де Мартино-Манка и Манчини распались, их представители примкнули к большинству, а новое руководство во главе с Кракси приступило к перестройке партии.

В докладе Кракси затрагивались важнейшие внутренние и международные вопросы, и среди внутривнутриполитических проблем – свирепствовавший в стране терроризм, последствия экономического кризиса, отношения партии с профсоюзами.

По мнению докладчика, проблемой номер один оставались защита мира и поддержка процесса разоружения. ИСП следует действовать совместно с социалистическим движением Западной Европы и Социалистическим интернационалом, развивать двусторонние отношения с другими входящими в него партиями. Деятельность европейских социалистов должна служить укреплению евро-арабо-африканского сотрудничества. Что касалось проблемы терроризма, Кракси напомнил делегатам, что в период похищения Моро ИСП занимала особые по сравнению с другими партиями позиции, проявила готовность идти на переговоры с террористами²⁸.

Анализируя далеко не блестящее экономическое положение страны, Кракси подчеркнул, что политика социалистов направ-

лена на преодоление кризиса, а в ее стратегии проблемы Юга и занятости занимают центральное место. Кроме того, социалисты требовали оздоровить государственное финансирование.

Партия нуждалась в обновлении отношений с профсоюзами. При полной самостоятельности своих решений профсоюзное движение должно играть решающую роль в борьбе с кризисом. Единство между партиями и профсоюзами придало бы всем частям профсоюзного движения огромную силу и обеспечило бы престиж в мире труда, считал докладчик.

Кракси начал настаивать на преемственности, продолжении курса, принятого партией, когда ей руководил Де Мартино. В основе стратегии партии лежит курс на создание социалистической альтернативы, заявил он на съезде в Турине. Социалисты при этом должны опираться не только на политическую мощь левых сил и профсоюзов, но и на широкую поддержку большинства граждан. Путем выработки программ и создания парламентских союзов должно быть достигнуто истинное национальное единство, заявил Кракси. При этом социалисты не должны подчиняться другим политическим силам. Подобный политический курс вписывается в контекст Западной Европы, поддержки ее ценностей, ее институтов, ее союзов. Выдвинутый новым руководством «Социалистический проект» носит открыто ревизионистский характер, заявил Кракси. Чтобы идти вперед к социализму, требуется определить критерии и установки, о чем идет речь в проекте²⁹. (Один из разработчиков «Социалистического проекта» Дж. Руффоло, обладавший немалым авторитетом в политических и научных кругах, несколько лет спустя оценивал проект как порыв двух течений – реформаторского, ломбардианского и автономистского, краксианского, оба опирались на традиции социалистов, пытавшихся, создать современный реформизм. Однако порыв быстро себя исчерпал из-за экономических неурядиц 70-х годов, резкого вздорожания нефти, инфляции, безработицы – одним словом, социалисты не смогли реализовать в той обстановке структурные реформы, на которые возлагали надежды. Неспособность провести реформы внутри самой ИСП была связана с кризисной ситуацией в стране. Участие социалистов в правительствах исключало реформы, поскольку во время нахождения у власти партии не могут реформироваться и разрабатывать программы».)³⁰

Обращаясь в заключение к участникам съезда, Кракси призвал сплотить партийные ряды³¹. Это можно трактовать как попытку если не прекратить, то хотя бы смягчить фракционную борьбу, всегда бывшую отличительным признаком ИСП, и до-

биться большего единства. Мало кто усматривал тогда в этом диктаторские замашки нового лидера, которые в полной мере проявились в последние годы его правления. ИСП все более становилась партией одного харизматического лидера³², в этом была не столько ее сила, сколько слабость.

XXXXI съезд ИСП значительно упрочил позиции нового руководства. Поддержка политической линии Кракси большинством делегатов означала смещение курса ИСП вправо, сближение с социал-демократией Западной Европы. После съезда многие представители оппозиции примкнули к большинству. На съезде образовался альянс между течениями Кракси и К. Синьориле, последний занял пост вице-секретаря, в руководство вошел представитель партийных левых В. Спини.

Воодушевленные этой поддержкой, лидеры ИСП обрушились на ИКП, потребовав от коммунистов отказаться от ленинизма. Особое место в этой полемике заняла программная статья «Социалистическое Евангелие», опубликованная в августе 1978 г. в журнале «Эспрессо» за подписью Кракси (впоследствии сообщалось, что составителем текста был философ и политолог Лучано Пелликани)³³.

История социализма не является историей некоего однородного феномена, подчеркивалось в статье. Под знаменами социализма объединялись и объединяются люди разных, порой даже взаимно исключающих взглядов. Все партии, течения и школы, обращавшиеся к социализму, считали противником капитализм, но этого почти никогда не оказывалось достаточным, чтобы примирить несогласных. Модели общественного устройства, которые выдвигались в качестве альтернативы капитализму, зачастую были прямо противоположными. Некоторые видят корни социализма уже во Французской революции, в ходе которой столкнулись представители двух концепций идеального общества: авторитарной и централистской, с одной стороны, и плюралистской и анархистской – с другой. В произведениях Прудона выявлялись этико-политические корни скрытого конфликта, раскалывающего левые силы. Прудон указывал, чем не должен быть социализм и каким стало бы общество, если бы коллективистская модель, основанная на полном огосударствлении средств производства и на подавлении рынка, одержала победу. Государственный социализм отверг ценности и принципы современной цивилизации, заменив их коллективистской моделью.

Авторитарный характер того, что называют реальным или зрелым социализмом, согласно Кракси, это не отклонение от доктрины, не вырождение ее в результате ошибок, а конкретиза-

ция установок принятой с самого начала сугубо коллективистской модели. Анализ основ ленинизма, по мнению Кракси, подтверждает данный вывод. По мере историко-политического развития ленинизма яacobинская логика брала верх над плюралистской и демократической логикой социализма.

Конфликт между большевизмом и демократическим социализмом, по утверждению Кракси, не был лишь спором о том, с помощью каких средств следует идти к идеальному обществу. Хотя конфликт и стал фактором, обозначившим демаркационную линию внутри рабочего движения, не это было решающим. Между «ленинистским коммунизмом и социализмом» существует принципиальная несовместимость, которая может быть определена как противоположность между коллективизмом и плюрализмом: если первый побеждает – второй погибает.

Приверженцы социализма не склонны возводить какую-либо доктрину в ранг ортодоксальности. В своей демократической версии социализм обладает этико-политической программой, которая может быть сведена к следующему: социализация ценностей либеральной цивилизации, рассредоточение власти, равноправное распределение богатства и жизненных благ, укрепление и развитие институтов участия трудящихся в принятии решений. Социализм – это полностью развитая демократия, преодолевшая, но не уничтожившая либеральный плюрализм. Социализм – это путь поднятия, а не понижения уровня свобод, благосостояния и равенства.

Специфическая сущность ленинизма, по мнению Кракси, напротив, сводится к учреждению единого командования и абсолютной централизации, что влечет за собой полное огосударствление коллективной и частной жизни (любопытно отметить, что в речах предыдущих лет Кракси иногда цитировал Ленина³⁴). Очевидно, что социалисты должны продвигаться в направлении социалистического плюрализма, по противоположному ленинизму пути, рассредоточивая власть в экономике, политике, культуре, ибо социализм не совпадает с огосударствлением.

«Социалистическое Евангелие» стало концентрированным изложением политико-философской концепции нового лидера ИСП. Кракси заметно выделялся среди других деятелей западной социал-демократии как ревностный критик марксизма-ленинизма, превративший антикоммунизм в краеугольный камень своего идейного кредо. Заметная агрессивность нового руководителя ИСП в этом вопросе объяснялась, в частности тем, что он спешил преодолеть дистанцию, отделявшую ИСП (по уровню поддержки населения) от двух гигантов – ХДП и ИКП, действовав-

ших на политической сцене Италии. Его инвективы вели ИСП к окончательному разрыву с бывшей союзницей, коммунистической партией, остававшейся второй электоральной силой страны, от которой социалисты значительно отставали.

На международной арене Кракси продолжал уделять много внимания связям с Социнтерном. В вышедшей в 1977 г. книге «Неравенство в мире» он вместе с другими руководителями Социнтерна – Брандтом, Гонсалесом, Пересом, Сенгором – исследовал углублявшийся разрыв между промышленно развитыми и развивающимися странами. Социалисты, писал Кракси, должны быть готовы поддержать любой крупный международный проект, обеспечивающий прогресс человечества и ускоренное развитие наиболее бедных стран и регионов. Долг социалистов – сделать Социалистический интернационал наиболее активным оружием борьбы за новую мировую солидарность, движущей силой в достижении взаимопонимания и сотрудничества между народами, освобождения всего человечества от всякого угнетения и всякого господства. Среди приоритетов ИСП была европейская политика, а курс на сотрудничество в рамках ЕС с другими странами зависел от того, сколько голосов на выборах в Европейский парламент смогут получить социалисты (впервые эти выборы прошли в июне 1979 г.)³⁵

Выступая в ноябре 1978 г. на конгрессе Социнтерна в Ванкувере, Кракси констатировал, что мир переживает кризис. Интернационализм, выходящий благодаря настойчивым усилиям руководителей Социнтерна за рамки евроцентризма, должен быть направлен на преодоление конфликтов и антагонизмов четырех категорий: между богатыми и бедными странами; между великими державами в области стратегии и идеологии; в сфере классовых отношений; национальных конфликтов. Социнтерну следует ориентироваться на полицентризм, дабы противопоставить всем противоречиям в мире путь солидарности, разрядки, социальных преобразований, переговоров и интеграции³⁶.

Избранный в июле 1979 г. президентом Италии социалист Пертини (после досрочной отставки президента демохристианина Дж. Леоне) неожиданно поручил Кракси сформировать правительство. Кракси и его сподвижники в руководстве ИСП развернули лихорадочную деятельность, направленную на то, чтобы он занял пост премьер-министра. Но их попытки наталкивались на противодействие ХДП и не встречали отклика у ИКП. В результате Кракси отказался от предложенной миссии.

Однако этот, казалось бы негативный, опыт пригодился: лидер ИСП активизировал поиски собственной политической

линии, которая импонировала бы избирателям. Так, в напечатанной «Аванти» 27 сентября 1979 г. статье под заголовком «Восьмая легислатура» Кракси впервые выдвинул идею «великой реформы» государственных институтов, по сути дела призвав к пересмотру конституции.

Он предложил, чтобы восьмая легислатура республиканского правления стала не периодом частичных преобразований с их разочаровывающими результатами, а временем осуществления всеобъемлющей реформы, которая затронула бы институциональную, административную, социально-экономическую и гуманитарную сферы. Впоследствии Кракси не раз возвращался к этой идее, сделав ее чуть ли не главной в программных установках социалистов, но в тот период общественное мнение заподозрило его в том, что он добивается выгод для себя и своей партии. «Когда я начал говорить о необходимости “великой реформы”, – писал в одной из своих многочисленных книг Кракси, – то был воспринят как сумасшедший или претендент в диктаторы»³⁷.

С 1 января 1979 г. партия изменила символику, вместо общего с коммунистами символа – серпа и молота – в центре партийного герба теперь красовалась красная гвоздика. Резко полемизируя в июле 1980 г. с итальянскими коммунистами, Кракси утверждал, что ИСП решительно настроена на социалистическую перспективу левых реформ, на ориентацию итальянского рабочего движения на западные образцы. В качестве примера приводилась лейбористская перспектива, которой могла бы следовать ИСП, представляющая собой «свободную, светскую, демократическую, европейскую и интернационалистскую партию». Оценивая отношения внутри левых сил, Кракси подчеркнул, что у социал-демократов и социалистов Италии гораздо больше идеологических совпадений, чем у социалистов и коммунистов.

На вопрос о том, существует ли третий путь, Кракси обычно отвечал: «Такой путь (между паразитическим капитализмом и бюрократическим коммунизмом) может быть лишь путем демократического социализма, при котором осуществляются многочисленные эксперименты – лейбористские, социал-демократические, социалистические...» Отвергая обвинения в приверженности прудонизму, он отмечал, что социалистическое движение Европы черпает свои силы из многих источников: «Уже не является богохульством признавать, что социализм питают как марксистские, так и немарксистские течения, мы – за синтез разных идейных течений социализма».

После событий в Польше в августе 1980 г., выхода на политическую арену профсоюза «Солидарность» и его лидера Л. Вален-

сы итальянские социалисты на протяжении 80-х годов оказывали поддержку польской оппозиции. Для пропаганды своих взглядов лидеры социалистов использовали издания ИСП, в первую очередь журнал «Мондоперайо», уделявший особое внимание событиям на Востоке Европы, критике правящих коммунистических режимов, что негативно воспринималось руководством СССР.

Из Москвы советскому послу в Италии в связи с поездкой туда Л. Валенсы посылались специальные инструкции. Советские руководители рассчитывали на понимание лидеров ИКП. В датированном 13 января 1981 г. документе ЦК КПСС, в частности, говорилось: «С 14 по 18 января 1981 г. в Италии по приглашению местных профсоюзов будет находиться делегация “Солидарности” (18 человек) во главе с Л. Валенсой, в состав которой входят представители политической оппозиции антисоциалистической направленности. По имеющимся сведениям, буржуазные партии, СМИ намерены широко использовать представителей делегации в Италии для дискредитации социалистического строя в ПНР, для поддержки линии, направленной на расшатывание и, в конечном счете, на ликвидацию социалистических завоеваний в Польше. В этих целях планируется организация приема членов делегации на достаточно высоком профсоюзном уровне, имеется в виду принять Л. Валенсу и его делегацию в руководстве Объединенной профсоюзной федерации ВИКТ–ИКПТ–ИСТ, организовать встречи с коллективами рабочих. Несмотря на первоначальное решение отказаться от встреч с Валенсой, руководство ИКП до сих пор занимает колеблющуюся позицию и не исключает возможности тех или иных контактов с ним. Считали бы целесообразным обратиться к руководству ИКП, имеющей сильные позиции в итальянском профсоюзном движении и оказывающей значительное влияние на политические круги своей страны...»

Далее советскому послу предписывалось встретиться с «Э. Берлингуэром или лицом, его заменяющим», и в ходе встречи «обратить внимание руководства ИКП на необходимость предпринять все возможные шаги для того, чтобы поездка Валенсы в Италию не привела к поддержке линии политической оппозиции антисоциалистической направленности»³⁸.

1 января 1980 г. скончался Пьетро Ненни. Социалисты и вся антифашистская Италия отреагировали на это траурными митингами. Экстренный выпуск «Аванти» (ежедневной газеты ИСП – секции Социалистического интернационала) вышел под заголовком «Умер Ненни. В его борьбе – вся история страны». Газета назвала Ненни «символом социализма с человеческим лицом». Когда-то Кракси в предисловии к «Парламентским речам»

Ненни написал: «Он был политиком милостью Божьей, totus politicus, как сказал бы Б. Кроче, человеком разносторонних интересов, высоко нравственным, крупным государственным деятелем, исключительно одаренным журналистом и писателем, блестящим оратором, умевшим убеждать слушателей на митингах, съездах, в парламентских аудиториях»³⁹. Теперь Кракси и его сторонники вспоминали, что благодаря избранной Ненни стратегии удалось сохранить автономию партии и что в 70-е годы он поддержал «новый курс».

«Социалистический альманах 1980» открывался последней из написанных Ненни за долгую жизнь статьей. Намечая перспективы на 80-е годы, он давал четкий анализ и оценку стоявших перед партией задач в современных условиях. «Социалистическая партия может многое сделать в данной ситуации, находясь между ведущей фронтальное наступление ИКП, пытающейся с опозданием и не без противоречий освободиться от влияния ленинизма и даже сталинизма, и ХДП, неспособной выйти за рамки своего социологизма. Время работает не на левых... С этой точки зрения 1980 год, в который мы вступаем, и десятилетие, которое он открывает, станут решающими. Все мы стоим перед выбором: или обновиться, или погибнуть»⁴⁰.

Кракси написал для альманаха вводную статью под названием «Чао Ненни», в которой подчеркивал, что лидер партии оставил итальянским социалистам огромное идейное наследие, – значит, «Ненни жив» и социалисты «продолжат его дело». Статья заканчивалась такими словами: «В своей книге о войне в Испании Ненни вспоминал, какая радость его охватила, когда он услышал из окопа испанской армии приветствие соотечественника, прозвучавшее так просто, как принято в Италии: “Чао Ненни”»⁴¹. Благодаря Ненни с 1953 г. партия встала на путь автономии и реформизма, а сам он был мужественным человеком, никогда не считавшим поражения социалистов чем-то «непоправимым и окончательным», подчеркнул секретарь ИСП⁴².

Тем временем течение автономистов преобразовалось в реформистское большинство в ИСП. На открывшемся в 1981 г. в Палермо XXXXII съезде лидер реформистов Кракси выступил за управляемость, стабильность, политику обновления и реформы всех институтов. Он вновь предложил провести «великую реформу», которая предусматривала пять ключевых направлений: сохранение двух палат парламента при диверсификации их компетенций и функций, ускорение принятия решений на парламентском уровне, обеспечение стабильности правительств, деполизацию судебных органов, реформу избирательного закона⁴³.

Были определены задачи по решению остро стоявшей проблемы терроризма⁴⁴.

Именно эту программу упорно отстаивали Кракси и его сторонники в последующие годы. Именно на ее реализации они настаивали при вхождении в коалиционные правительства в 80-е годы. Однако провести ее в жизнь во всей полноте так и не удалось. Хотя отдельные пункты программы, например стабильность правительств, социалисты частично реализовали в период нахождения у власти кабинета Кракси. Осуществление данной программы в полном объеме стало задачей последующих правительств и пришлось уже на годы становления Второй республики.

Итоги съезда в Палермо оценивались в итальянской прессе как триумф Кракси и его сторонников. По мнению А. Гирелли, посвятившего Кракси исследование, палермский съезд увенчал длинный, 25-летний путь автономистского течения, обеспечив ему контроль над ИСП. Ученик Ненни выиграл сражение, утвердившись в роли дальновидного, твердого и энергичного лидера. Таким образом, Кракси существенно укрепил свои позиции в партии, сплотил вокруг себя четко выраженное большинство, принял ряд мер, которые позволили социалистам добиваться успеха на выборах. Был создан своеобразный имидж лидера, благодаря которому партия вышла из глубокого кризиса и поверила в будущее. Реформистское большинство на съезде составляло 70%, левое течение Ломбарди–Синьориле 18%, фракция Де Мартино около 10%.

В предшествующие годы в партии происходили постоянные конфликты между руководством и оппозицией. «Новый курс» Кракси предполагал постепенную ликвидацию оппозиционных фракций. В сентябре 1978 г. в письме секретарю партии Де Мартино возмущался тем, что «Аванти» и «Мондоперайо» не публикуют статьи представителей партийного меньшинства. В декабре 1979 – январе 1980 г. возник широкий оппозиционный фронт ломбардианцев, манчинианцев, демартинианцев и партийных интеллектуалов, которые обвинили Кракси в том, что «внутриполитическую борьбу в партии он превратил в войну мафиозных банд». В интервью газете «Република» в мае 1979 г. Ломбарди, прославившийся еще во времена фашистской диктатуры как негибаемый борец за социалистические идеалы и всегда бывший моральным авторитетом в ИСП, заявил: «Кракси – человек выраженной социал-демократической формации. Я не придаю этому понятию негативного смысла. Тем, что они социал-демократы, гордились в свое время и Ленин, и Роза Люксембург, и Каутский. Однако Кракси управляет партией, большинство которой

не совсем социал-демократическое. Когда человек играет важную роль, то нередко сама эта роль способна его изменить. Кракси пока еще не представляет собой с политической точки зрения четко выраженную величину. В этом человеке борются сатана и ангел»⁴⁵.

В марте 1980 г. Ломбарди ушел в отставку с поста председателя партии. Одновременно с социалистами порвал другой видный деятель бывшего движения «Справедливость и свобода», Норберто Боббио, столь же прославленный борец-антифашист, видный философ и политолог⁴⁶. Де Микелис из рядов левых перешел к автономистам, обеспечив таким образом их преобладание в партии. Когда руководство ИСП решило вернуться к участию в правительстве, партийные левые их в этом не поддерживали, но и не возражали.

В сформированный 4 апреля 1980 г. кабинет ХДП–ИСП–ИРП вошли девять министров социалистов, в том числе Де Микелис, Лагорио, Манка, Формика. В том же месяце на страницах итальянской печати началась полемика между интеллектуалами и партийным руководством; с резкой критикой методов Кракси выступили Н. Боббио, Э. Галли Делла Лоджиа, М. Сальвадори и другие постоянные авторы «Мондоперайо». Они представляли тех, кто был против участия партии в правительстве.

В октябре 1980 г. левые вышли из секретариата партии. В июне 1981 г. комиссия партийного контроля обсуждала дела нескольких руководителей ИСП, состоявших в масонской ложе П 2: Чиккитто, Танка, Лабриола, Финокьяро, правда, последовавшее наказание оказалось мягким. В сентябре 1981 г. вице-секретарями стали представитель краксиянского большинства К. Мартелли и лидер левых В. Спини. В октябре 1980 г. Центральная контрольная комиссия ИСП исключила из партии Бассанини, Кодиньолу, Аньоетти, Баллардини, Коцца, Феррару, Луццато, Маньо и Феделе. А. Бенцони называл сложившуюся при Кракси систему управления партией «феодальной», смягчаемой лишь чертами, присущими «абсолютной монархии»⁴⁷. С октября 1984 г. в партии остался лишь один вице-секретарь К. Мартелли. В феврале 1987 г. Манчини организовал в Козенце манифестацию под лозунгом «Товарищ Кракси, мы не согласны». В мае того же года многие видные социалисты, среди них Джолитти, Коэн, Арфе, участвовали в выборах как кандидаты в депутаты по спискам ИКП. Увеличилось число случаев разоблачения деятелей ИСП как коррупционеров⁴⁸.

Инициированный Кракси реформистский поворот был полностью одобрен на программной конференции ИСП 31 марта – 4 ап-

реля 1982 г., в год 90-летия партии, в Римини. Вступительный доклад сделал Коватта, среди докладчиков были Рипа ди Меано, Джаннини, Джуньи, Баджет Боцци, Ревильо, Руффоло, Альберони, Статера, Визальберги, Тамбуррано, Мартелли. С заключительным словом выступил Кракси. Историк-социалист Г. Арфе, напомнив, что основатель партии Ф. Турати был марксистом, отметил, что наиболее глубокие труды о его вкладе в создание партии в 1892 г. написали историки коммунисты Г. Манакорда и Л. Кортези. «Умберто Террачини, *enfant terrible* 1921 г., тогда молодой революционер, которого Ленин считал экстремистом, с той честностью, которая служит примером, ныне признает, что Турати “был прав”, – сказал Арфе – Турати был прав в 1919 и в 1921 гг.», его правота начинается со съезда в Генуе 1892 г., констатировал историк⁴⁹. Позднее, в опубликованной в «Аванти» 18 марта 1984 г. передовой статье за подписью Кракси, было заявлено, что ЦК партии теперь заменит Национальная ассамблея ИСП.

Добившись одобрения своей линии в партии, Кракси приступил к непосредственной реализации амбициозной цели: стать первым в истории Италии социалистом – председателем Совета министров. Здесь пришлось преодолевать упорное сопротивление системы власти ХДП.

Положение изменилось после парламентских выборов 26 июня 1983 г., на которых ИСП улучшила позиции, а христианские демократы понесли самое крупное за послевоенный период поражение, лишившись около 6% голосов избирателей. Социалисты набрали 11,4% голосов, что, конечно, было далеко до объявленной цели – получить, как прежде, 15%. Эта победа не казалась внушительной. Но прибавка в 1,6% по сравнению с выборами 1979 г. (9,8%)⁵⁰, по замечанию тонкого знатока итальянской партийной системы Симоны Коларици, «заткнула рот немногим оставшимся в ИСП оппозиционерам и критикам вне партии». Светско-социалистический полюс (ИСП, ИСДП, ИРП, ИЛП) получил 23,5% голосов вместо 18,5%, набранных в 1979 г., т.е. на 5% больше⁵¹. Это давало возможность социалистам претендовать на лидерство среди этих четырех партий, один из руководителей которых, республиканец Дж. Спадолини, занимал в 1981–1982 гг. пост премьер-министра. Более того, учитывая ослабление позиций ХДП и ИКП, набравших соответственно 38,3% и 29,9% голосов, теперь уже Кракси мог претендовать на этот пост. В тот период социалисты стремились объединить под своей эгидой «светский полюс» – ИРП, ИЛП, ИСДП.

После консультаций с главами партий президент-социалист Пертини поручил Кракси сформировать кабинет. 4 августа

1983 г. впервые в итальянской истории премьер-министром стал социалист. Таким образом, оба высших поста в государстве достались представителям ИСП. В начавшем свою деятельность пятипартийном правительстве Кракси министры-демохристиане составляли большинство, к тому же А. Форлани и Дж. Андреотти занимали соответственно посты заместителя главы правительства и министра иностранных дел. Деловые отношения с ними лидер социалистов поддерживал и в последующие годы. Первый в истории Италии председатель Совета министров социалист занимал этот пост рекордное для послевоенной Италии время – около трех с половиной лет. Рекорд перекроет впоследствии лишь Берлускони, остававшийся премьер-министром весь период легислатуры (2001–2006). С самого начала Кракси столкнулся с нескрываемым противодействием отдельных лидеров ХДП, в частности Де Мити, стремившихся как можно скорее вернуться к управлению страной без социалистов⁵².

Прежде всего кабинет Кракси начал консультации с союзниками с целью определения общего курса относительно размещения американских ракет средней дальности в Западной Европе в ответ на установку Советским Союзом новых ракет на восточных рубежах континента. Осенью 1983 г. Кракси встретился с Миттераном, Тэтчер, Колем, Любберсом, представителями социалистических правительств стран Южной Европы – Папандреу, Гонсалесом, Моруа, Соарешем, с премьер-министром Швеции Пальме. Кракси и как лидер ИСП, и как премьер-министр вместе с руководителями правительств Запада постоянно выражал протесты против ввода в декабре 1979 г. советских войск в Афганистан, осужденного многими членами ООН.

На одном из заседаний Секретариата ЦК КПСС в середине октября 1980 г. обсуждался вопрос о враждебных действиях итальянских социалистов против СССР. Собравшиеся должны были отреагировать на поступившее из Рима 29 сентября 1980 г. сообщение об организованной журналом ИСП «Мондоперайо» международной конференции «Левые – за Афганистан». В предложенном их вниманию документе под грифом «совершенно секретно», представлявшем собой проект специально подготовленной для публикации в журнале «Новое время» статьи, говорилось: «В конце сентября в Риме состоялась встреча небольшой группы лиц, организованная журналом “Мондо операйо”... Встреча была названа лучшей конференцией на тему, звучащую весьма двусмысленно: “Левые – за Афганистан”. Такое название легко могло ввести в заблуждение неискущенного человека (на то, впрочем, и рассчитывали организаторы сходки). Поэтому

скажем сразу же: никакого “за Афганистан” не было. Напротив, налицо была попытка организовать очередной пропагандистский трюк, направленный как против Афганистана и афганской революции, так и против Советского Союза. Отличие данного спектакля от многих других, организованных империалистическими пропагандистскими службами, состояло в том, что главными его исполнителями были “левые”. Что это значит — поможет расшифровать знакомство со списком участников встречи. Наряду с официальными представителями нескольких соцпартий (итальянской, французской и испанской) в списке участников фигурировали люди, превратившие антисоветизм в свою основную профессию. Среди них — французы Элленштейн и Даниель, итальянцы Колетти и Страда, чешский эмигрант Пеликан, несколько так называемых диссидентов более низкого ранга. Среди “левых” оказался и американский “специалист по Афганистану” М. Барри, на связи которого с ЦРУ неоднократно указывала печать.

Консультантами этой собравшейся “левой” публики выступали представители афганской контрреволюционной эмиграции — той самой, что, оказавшись в Пакистане и некоторых других странах, направляет против афганского народа подлые удары бандитских шаяков. На их совести убийства афганских женщин и детей, учителей и религиозных деятелей, поджоги школ и отравление колодезцев. Вот с такими “борцами за свободу” сели за один стол упомянутые “левые”. Указанный состав участников, естественно, определял и ход дискуссии. Ораторы полностью замалчивали важнейшие факты, определяющие сегодня обстановку в Афганистане: укрепление в стране авторитета народной власти и ликвидация бандитских шаяков во многих районах Афганистана при широкой поддержке организованных трудящихся.

В отрыве от реальной партийной действительности участники римской сходимки строили химерические проекты по “освобождению” афганского народа и даже создали “Комитет солидарности с Афганистаном”. Разумеется, главные стрелы “освободители” метали в сторону Советского Союза, оказавшего интернациональную помощь афганскому народу в борьбе против иностранного вмешательства. При этом их нисколько не смущало, что эту помощь революционному Афганистану Советский Союз оказывал в полном соответствии с договором, существующим между нашими двумя странами и по просьбе афганского правительства. Нашлись среди них такие (как, например, итальянец Колетти), которые призывали сомкнуть ряды Запада против Советского Союза. Всех же тех, кто, по мнению этого пылкого “философа”, нарушает “западную солидарность”, следует предать анафеме.

Вся эта возня “левых” в Риме вокруг афганской проблемы понадобилась для того, чтобы отвлечь внимание общественности от того, что ее действительно беспокоит. А тревожит ее сейчас прежде всего реальное наращивание американского военного присутствия и все более открытое вмешательство в дела Ближнего и Среднего Востока», – подчеркивалось в документе.

Далее в намечавшейся к публикации статье говорилось: «...на этом можно было бы закончить рассказ о недостойном спектакле, устроенном руководством ИСП. Не удивляет и участие в нем представителей от французских социалистов. Наш журнал уже дважды в этом году обращал внимание читателей на поправление позиций руководства этой соцпартии. Так что организация сходки перечисленных “евролевых” в Риме и ее характер особого удивления не вызывают. Да и вообще она не вызвала бы никакого интереса в итальянской столице, если бы ей, к сожалению, не подыграли некоторые представители ИКП. Правда, ИКП отказалась официально участвовать в этой встрече, однако в ее заключительном этапе тем не менее участвовал член ЦК ИКП Ледда, а в упомянутый “комитет солидарности с Афганистаном” (читай – комитет поддержки контрреволюционных банд) вошел член руководства ИКП Террачини. Уже не в первый раз представители ИКП оказываются участниками недружественных нашей стране кампаний. Это не может не вызвать вопросов, причем, видимо, далеко не только у советских людей».

В приложенной к этому проекту пояснительной записке, вышедшей из недр того же Второго сектора Международного отдела ЦК КПСС 16 октября 1980 г. под названием «По поводу одной конференции в Риме» резюмировалось: «Считали бы целесообразным выступить с критической статьей в связи с враждебной акцией Итальянской соцпартии с участием в ней членов Итальянской компартии. Статью можно было бы опубликовать в журнале “Новое время”»⁵³.

В октябре 1983 г. состоялся официальный визит Кракси в США. Президент Рейган не только одобрительно отозвался о его курсе, но и назвал Кракси крупной фигурой большой политики. Было поддержано решение разместить американские ракеты средней дальности в Западной Европе, хотя Кракси предложил все-таки продолжить переговоры между Востоком и Западом после начала этого размещения.

В Италии в тот период развернулось массовое антиракетное движение. В нем участвовали представители всех слоев общества и различных политических сил – от коммунистов до католиков. Учитывая эти настроения, Кракси во время визита в Лиссабон в

начале мая 1984 г. заявил о необходимости заморозить размещение ракет и немедленно возобновить переговоры с СССР. После резко негативной реакции Вашингтона и западноевропейских правительств итальянский кабинет пошел на попятную, отказавшись от выдвинутой Кракси инициативы.

18 февраля 1984 г. правительства Итальянской Республики и Ватикана подписали новый конкордат, которым регулируются отношения двух государств. Новое соглашение заменило прежнее, подписанное еще в 1929 г. «Проблема отношений государства с католической церковью для Италии была всегда довольно деликатной и довольно сложной», — сказал по этому поводу в Палате депутатов Г. Арфе⁵⁴. По его мнению, даже новый текст конкордата не устранил исторически обусловленные расхождения, не позволявшие сделать эти отношения до конца безоблачными.

В области внутренней политики правительство премьера социалиста повернуло руль в сторону жесткой экономики, переложив тяготы экономических неурядиц на плечи трудящихся, хотя Кракси уверял, что о демонтаже социального государства не может быть и речи. Тем не менее правительство выступило за ограничение действия существовавшего в Италии механизма подвижной шкалы заработной платы, считая его главным источником инфляции. Разногласия в профсоюзах по поводу данной акции привели к обострению отношений между ИКП и ИСП. Когда делегация компартии во главе с Берлингуэром явилась на съезд социалистов в Вероне, проходивший в мае 1984 г., делегаты съезда ее оставили.

В 1983 г. Кракси определил первоочередные заботы правительства в социально-экономической сфере. К ним относились модернизация производственных структур с целью поднятия уровня конкурентоспособности итальянских товаров, преодоление путем ускоренного развития диспропорции между различными регионами страны, совершенствование системы социальной защиты нуждающихся. В момент его прихода на пост премьер-министра в стране господствовала «культура вспомоществования»⁵⁵. «Человек оказывался низведенным до уровня объекта, ожидавшего попечения бюрократившегося, а потому неэффективного и несправедливого государства». В одной из речей того времени лидер ИСП отметил, что «нелегко перейти от концепции вспомоществования к концепции развития», чтобы «пробудить энергию, способствовать инициативе, награждать по заслугам, бороться с паразитизмом и ленью, внедрять в сознание, что права и обязанности взаимосвязаны у всех и каждого, способствовать прогрессу и справедливому равенству»⁵⁶.

Путем финансового оздоровления Кракси хотел добиться экономического подъема и обеспечить Италии заметное место в ряду промышленно развитых стран. Такая цель была достигнута: страна в 1985 г. вышла на пятое место среди капиталистических держав. Однако, по признанию самого Кракси, превратившись в передовое индустриальное общество, Италия не сумела решить трудную проблему социального неравенства, не ликвидировала зон бедности и безработицу. И все же правительству удавалось избежать крупных социальных потрясений. В стране заговорили о социальной солидарности, которая, согласно Кракси, означала «равенство, достоинство, справедливость»⁵⁷.

На XXXXIII съезде ИСП в Вероне Кракси заявил, что у реформизма в современном обществе большое будущее, а упорная работа социалистов изменит в длительной перспективе жизнь нации к лучшему, тем самым будет достигнут конкретный «революционный» результат. Лишь вокруг такого курса возможно сплочение всех прогрессивных сил. Чем быстрее различные по своему опыту и традициям демократические силы объединятся, тем скорее будут проведены реформы и произойдут перемены к лучшему. Курс на возрождение «реформистской социалистической традиции» не означает, что другие важные традиции будут принесены в жертву, заявил секретарь ИСП, делая явный шаг навстречу так и не изжитому в партии «революционаризму». Касаясь партийной истории, Кракси подчеркнул, что обращение социалистов к общему наследию левых сил было продиктовано стремлением провести ревизию прошлого и встать на путь реформизма, который только и может ответить на вызовы времени. Веронский съезд подтвердил, сказал Кракси, что социалистическая партия является крупной жизненной силой демократии в Италии⁵⁸.

С приходом Кракси к руководству положение ИСП в партийно-политической структуре Италии заметно укрепилось, росла численность партии: с 515 тыс. членов в 1980 г. до 610 тыс. в 1987 г.⁵⁹ В ходе парламентских выборов 1976–1987 гг. число голосов, отданных за социалистов, увеличилось на 4,5%. Другим партиям пришлось потесниться, пропуская вперед социалистов. И все же у ИСП было недостаточно ресурсов, чтобы диктовать свои условия партнерам по правительственной коалиции.

В октябре 1985 г. произошло событие, привлечшее к Италии внимание мировой общественности. Арабские террористы взяли в заложники пассажиров итальянского пассажирского судна «Акилле Лауро», совершавшего круизный рейс вблизи берегов Египта. В результате переговоров итальянскому правительству

удалось уладить возникший конфликт. Когда американцы попытались захватить террористов в момент их временного пребывания на итальянской территории, Кракси этому воспрепятствовал. Заняв твердую позицию защиты итальянского суверенитета перед лицом заокеанского союзника, он тем самым прибавил себе популярности у соотечественников, пресса вновь писала о нем как о деятеле международного уровня.

2 мая 1986 г. Кракси как премьер-министр Итальянской Республики отреагировал на произошедшую в СССР 26 апреля Чернобыльскую катастрофу, заставившую содрогнуться весь мир. Через посла в СССР Серджо Романо было передано письмо Кракси Генеральному секретарю ЦК КПСС М.С. Горбачеву (которому вскоре как инициатору перестройки и новых подходов в международной политике итальянцы во время его визита в их страну оказали горячий прием⁶⁰). «Авария, произошедшая на Чернобыльской атомной электростанции, глубоко меня взволновала, – писал Кракси. – Выражая Вам искреннюю солидарность итальянской стороны в связи с человеческими жертвами, хочу заверить Вас в нашей полной готовности предоставить любую помощь, которая может понадобиться или оказаться необходимой для преодоления нынешней драматической ситуации»⁶¹. В условиях охватившей весной 1986 г. европейцев, в том числе итальянцев, паники в связи с Чернобыльской катастрофой эти слова демонстрировали искреннее желание поддержать пострадавшее население СССР и помочь Горбачеву справиться с постигшей страну бедой.

31 марта – 5 апреля 1987 г. в Римини прошел очередной (XLIX) съезд ИСП. На нем решались вопросы дальнейшего политического курса партии⁶². Среди главных ораторов были те же сторонники Кракси, которые поддержали его десятилетие назад на заседании ЦК ИСП в 1976 г. в «Мидасе» и на Туринском съезде 1978 г. Тема институциональных реформ доминировала и в Римини. Проведение «великой реформы», обновление статей обветшавшей, по мнению социалистов, конституции было главным в выдвинутой ИСП в конце 70-х годов стратегии реформ. Однако, несмотря на предпринимаемые усилия – давление на другие партии, широкую дискуссию и создание специальной парламентской комиссии по этому вопросу (комиссия Боцци), «великая реформа» не была осуществлена, проект все эти годы, можно сказать, буксовал, так и не тронувшись с места. Накануне съезда в Римини были обнародованы цифры состава ИСП. Число членов увеличилось с 515 тыс. в 1980 г. до 610 тыс. в 1987 г. Рост численности партии при Кракси был таким: 1981 г. – 527 тыс., 1982 г. –

555 тыс., 1983 г. – 567 тыс., 1984 г. – 572 тыс., 1985 г. – 583 тыс., 1986 г. – 589 тыс.⁶³

После отставки с поста главы правительства в 1987 г. Кракси вернулся к активной деятельности в качестве главы партии. На съезде ИСП в Римини он был переизбран политическим секретарем партии в четвертый раз, получив 94% голосов. Самый заметный итог его правления в партии – отсутствие меньшинства в ИСП, его больше не существовало. Партия из разделенной на многие фракции организации стала монолитом⁶⁴. Заговорили о диктатуре одного человека в партии. Его авторитарные методы управления впоследствии нашли отражение даже в обвинительных приговорах, когда у Кракси возникли проблемы с юстицией в начале 90-х годов. «С 1976 по 1992 г. Кракси занимал пост политического секретаря ИСП и руководил партией методами, позволившими настолько сконцентрировать и персонализировать власть в одних руках, что фактически устранил саму возможность деятельности других течений, решение любых вопросов партийной жизни всецело зависело от него». Это привело к тому, что Кракси получил преобладающие позиции «особенно в делах Милана». Он продвигал на ключевые посты в муниципальных структурах своих людей, которые на протяжении многих лет должны были обеспечивать незаконное поступление финансовых средств от предпринимателей для «нелегального финансирования партий, включая его собственную». Все это записано в постановлении кассационного суда, аннулировавшего прежние обвинения, выдвинутые против Кракси по нашумевшему делу фирмы «Метрополитана миланезе», от которой ИСП и другие партии нелегально получали деньги⁶⁵. Об этом будет подробнее сказано в конце главы.

Некоторые карикатуристы любили изображать Кракси в образе Муссолини, но средний итальянец все же не считал, что Кракси похож на дуче, полагая, что он скорее олицетворяет истинно итальянские национальные черты. Речь шла не о диктатуре и диктаторе, для тогдашней обстановки было характерно другое: кризис идеологий, давление экономики на политику, проблемы интеграции страны в мировое сообщество. Политологи обращали внимание на такие явления, как падение уровня влияния профсоюзов и партий.

В этих условиях Кракси стремился предстать перед согражданами как успешный политический менеджер, связанный с массами, создать для партии имидж политической силы, наиболее приспособившейся к произошедшим в обществе переменам. Публицист Дж. Бокка не без иронии отмечал, что социалистическая

партия Кракси в «меняющейся Италии» напоминает «конную армию Буденного – нынче здесь, завтра там. Она примыкает то к одному, то к другому движению – к экологистам, популистам, неолибералам и прагматикам». Он так суммировал впечатления среднего итальянца: «ИСП определенно не знает, чего хочет, кроме власти, но в то же время она хочет всего». В меняющейся Италии, считал Бокка, это чувство характерно для многих – отсюда склонность ИСП к компромиссам. Представителям либерал-социализма в стиле Гобетти могут не нравиться ИСП и ее лидер, но у Кракси и его партии, по мнению Бокки, был шанс: «дождаться, когда партократия разложится окончательно», и создать президентский режим⁶⁶. Тогда Кракси окажется самым подходящим кандидатом на пост президента (впоследствии этот замысел продолжал лелеять новый политический лидер – С. Берлускони, чьи первые шаги в бизнесе его земляк, миланец Кракси постоянно поддерживал).

Перед выборами в Европейский парламент в июне 1989 г. социалисты поставили скромную задачу – добиться прироста голосов на 1–1,5%. В Италии, как, возможно, и в других странах Европейского сообщества, эти выборы являются своего рода тестом, адекватно отражающим расстановку политических сил и настроения избирателей. В преддверии национальных парламентских или местных выборов всегда наслаиваются конъюнктурные соображения: избиратели ищут конкретных выгод для себя, которые, как они надеются, могут предоставить им те или иные политические силы. Итоги европейских выборов 1989 г. подтвердили, что ИСП занимает третье место по электоральному представительству в стране, а ХДП и ИКП продолжают ее значительно опережать.

13–19 мая 1989 г. в Милане состоялся XLV съезд ИСП. Кракси приветствовал 626 246 членов партии и 5 508 228 избирателей, проголосовавших на последних парламентских выборах за ИСП. Среди членов партии насчитывалось 35% рабочих, 27% – служащих, 12% – предпринимателей и лиц свободной профессии, 17% – коммерсантов и ремесленников, 5% – преподавателей и 4% крестьян; 61% членов партии вступили в нее в последние пять лет.

В отчетном докладе политический секретарь партии отметил, что ИСП предложила «великую реформу» с целью обретения страной правящей демократии. ИСП, сказал он, играла в последние годы важную роль. Социалисты способствовали сохранению политической стабильности. Потребовалось 12 лет, чтобы они завоевали поддержку избирателей, получив вместо 9,6%

голосов в 1976 г. 14,3% в 1987 г., и увеличили свое представительство в парламенте с 88 до 141 депутата.

При участии социалистов, подчеркнул Кракси, Италия преодолела кризис. Социалисты стали глашатаями глубокого идейного обновления в сфере политики, предложили институциональные реформы, социальную модернизацию, выступили с международными инициативами. Они выдвинули проект либерального, демократического и реформистского социализма, способного примирить ценности социализма с ценностями христианства. Обратившись к истории ИСП, оратор заострил внимание на вдохновляющем примере служения высоким идеалам Анны Кулишовой, которая привлекла внимание к «женскому вопросу». Сказав, что «терроризм больше не угрожает итальянскому обществу», Кракси тем не менее напомнил о преступлениях террористов, в том числе убийстве в 1980 г. социалиста В. Тобаджи, журналиста «Коррьере делла сера», сторонника идей реформизма и градуализма⁶⁷.

Подводя итоги съезда, Кракси, вновь избранный большинством делегатов политическим секретарем ИСП, заявил, что если можно представить перспективу эволюции итальянских левых сил, то, разумеется, она произойдет лишь на единственно возможной почве – европейского демократического социализма и системы ценностей западного общества. Социалисты предложили осуществить ряд конкретных реформ, укрепив позиции в обществе и свой электорат. Ключевым понятием, постоянно звучавшим на съезде 1989 г. в Милане, был «умеренный реформизм».

Некоторые руководители ИСП считали, что «новый курс» Кракси не реализован. Так, профсоюзный деятель Дель Турко отметил, что Кракси должен иметь мужество довести начатую внутрипартийную реформу до конца. Лидер Радикальной партии Панелла обвинил ИСП в трансформизме, заявив, что именно политика социалистов позволила ХДП десятилетиями находиться у власти⁶⁸. Придерживаясь курса, когда во главу угла ставился ревизионизм и реформизм, ИСП надеялась на сближение с ХДП и, возможно, и с ИКП после ее эволюции. По мнению Кракси, итальянские коммунисты в отличие от своих западных собратьев, не закостенели, и если их эволюция продолжится, «то вскоре мы их встретим на нашем пути»⁶⁹.

Однако разногласия в стане левых сил, между ИСП и ИКП, сохранялись, равно как двойственное положение социалистов в партийно-политической структуре, на деле они не могли создать реальной альтернативы, противопоставить иной блок сил власти ХДП. Лидеры ИСП, как справедливо констатировал один из ру-

ководителей ИКП М. Д'Алема, преследовали в 70–80-е годы три четкие цели: договориться о дележе власти с ХДП, в рамках которого социалисты могли бы получить ведущие позиции в управлении страной, ослабить и постепенно свести на нет влияние ИКП, создать светско-социалистический полюс под эгидой ИСП. Сама ИКП в конце 80-х годов осуществила поворот и, сменив название на Демократическую партию левых сил (ДПЛС), открыто встала на социал-демократические позиции. Часть членов партии, правда, решила сохранить верность коммунистическим идеалам, образовав партию «Коммунистическое воссоздание», нашедшую немалое число сторонников⁷⁰.

Казалось бы, крушение коммунистической системы предоставило итальянским левым шанс объединить свои ряды. Кракси даже предлагал сменить название партии на «Социалистическое единство», а бывшие коммунисты – Демократическая партия левых сил, двигаясь навстречу друг другу, вступили в Социалистический интернационал, авторитетным вице-президентом которого был лидер ИСП. Идея «социалистического единства» предполагала объединение всех левых под знаменем социалистов на основе реформизма и градуализма. Но то крыло ДПЛС, которое выступало за диалог с социалистами (Дж. Наполитано, Э. Макалузо, Дж. Кьяромонте), оказалось в партии в меньшинстве. Большинство намеревалось сплотить левых под эгидой бывших коммунистов, сохранив лидерство в левых силах. В этих условиях первой мишенью для критики стал Кракси, у которого были свои представления о лидерстве, – он добивался безоговорочного подчинения экс-коммунистов. «Противоборство в левых силах, имевшее глубокие социальные и политические корни, продолжилось с еще большей, чем раньше, интенсивностью», шанс объединения был упущен. Многие аналитики и политические комментаторы винили в этом Кракси⁷¹. XLVI чрезвычайный съезд ИСП в Бари 27–30 июня 1991 г. ничего не изменил в линии партии и подтвердил лидерство Кракси⁷².

В годы крушения социалистической системы, распада СССР, создания на его обломках новых государств социалисты проявляли интерес к событиям на Востоке Европы. ИСП искала контактов с новыми партиями, возникавшими с 1989 г. в Советском Союзе, в первую очередь с теми, кто провозглашал принципы демократического социализма⁷³. В России это были прежде всего СДПР и Республиканская партия. С одним из руководителей СДПР, О. Румянцевым, у Кракси установился личный контакт после их общения на заседании Социнтерна. ИСП следила за раз-

вити́ем ситуации внутри КПСС, полемикой между Горбачевым и Ельциным, которого во время его поездки на Запад готовились принять и в Италии⁷⁴. После крушения СССР «Аванти» не раз сообщала о быстрых переменах в России и переживаемой ею трудной ситуации⁷⁵.

Тем временем близился закат Первой республики. ИСП, достигшая пика влияния в ее партийно-политической системе в середине 80-х годов, начала сдавать позиции. Происходило это не в последнюю очередь из-за стратегических и тактических просчетов ее единоличного и неоспоримого лидера Кракси. Начало 90-х годов – особый период в жизни ИСП: неожиданно для многих она впала в кризис, от которого уже не смогла оправиться. Отчетливые признаки приближающегося коллапса проявились в 1992 г. в ходе операции, названной «Танжентополи» (Взяткоград), когда итальянские судьи вплотную занялись коррупцией в высших эшелонах власти. Под удар попали видные политические деятели из всех партий, в первую очередь из постоянно находившейся у власти в послевоенный период ХДП, а вместе с ней и из ИСП.

Обвинения в коррупции, выдвинутые против Беттино Кракси, были весьма серьезными. Его отказ признать себя виновным и стремление уйти от ответственности, воспользовавшись правом парламентской неприкосновенности, вызвали бурю негодования в обществе. Успешная карьера одного из самых энергичных политиков закончилась плачевным образом. Много лет он был безраздельным хозяином в партии, но не сумел создать команды, которая смогла бы его выручить и быстро залатать пробоины партийного корабля. Крах его политической карьеры повлек за собой и крах партии. Когда привычные приказы сверху перестали поступать, партия стала неуправляемой и распалась.

Еще в начале 1992 г. позиции трио – Кракси, Андреотти и Форлани (иногда публицисты называли эту тройку по первым буквам их фамилий – КАФ) – представлялись незыблемыми, казалось, что именно они реализуют вскоре план избрания очередным президентом республики Андреотти, а премьер-министром Кракси. Но в дело вмешалась мафия. 12 мая 1992 г. мафиози убили связанного с Андреотти депутата Европарламента от ХДП С. Лиму, а 23 мая – отважного борца с мафиозными кланами судью Дж. Фальконе. Через два месяца после этого на пост президента республики был избран христианский демократ О.Л. Скальфаро. «Длинная и широкая волна политической коррупции, с одной стороны, и глубокое сращение мира полити-

ки и мафии – с другой, сделали невозможным назначение на пост премьер-министра Кракси или Андреотти», – писал известный политолог Дж. Паскуино⁷⁶. Тем не менее Кракси, пользуясь сохранившимся влиянием, указал Скальфаро на трех потенциальных претендентов на пост премьер-министра из числа социалистов: Мартелли, Де Микелиса, Амато. Президент остановился на кандидатуре последнего. Мартелли и Де Микелис оказались в числе подозреваемых по различным эпизодам «Взяткограда».

Правительство социалиста Амато продолжило санирование экономики, в июле 1992 г. ему удалось добиться заключения важного соглашения о заработной плате с профсоюзами. Тем временем ИСП отложила свой очередной (запланированный на август-сентябрь 1992 г.) съезд, на котором социалисты собирались отметить столетие партии. Кракси допустил еще один просчет, когда из Туниса, где находился в летнем отпуске на своей вилле в г. Хаммамете, надиктовал ряд статей в «Аванти», в которых оправдывал свое поведение и пытался скомпрометировать ведущего следствие по его делу судью Ди Пьетро.

Коррупционные дела, в которые оказались замешаны руководители тогдашней ИСП, и в первую очередь Кракси, заслуживают отдельного разговора. Какого-либо достоверного отображения их в литературе долгое время не существовало. И вот лишь недавно всестороннюю и убедительную реконструкцию операции «Чистые руки» предложил в своем расследовании английский публицист Дэвид Лэйн. Хотя операция по борьбе с коррупцией велась в 1992 г., это не значит, что коррупция в стране возникла лишь тогда, пишет он. Первые дела были заведены еще в 80-е годы. В 1984 г. расследовалось дело о коррупции в сфере жилищного строительства в Милане и Ломбардии, под подозрение попала муниципальная фирма «Метрополитана миланезе», которая выплачивала деньги представителям местных властей. Глава фирмы был арестован и помещен в тюрьму, где заболел. Судьи были удивлены тем, что посещения заключенного стал добиваться премьер-министр Кракси.

Позднее, в 1996 г., Кракси был осужден по делу «Метрополитана миланезе». Доказательства виновности бывшего премьер-министра – одно из ценных достижений судей, проводивших операцию «Чистые руки». В 1992 г. в ходе судебного разбирательства выяснилась, что ИСП под руководством Кракси присваивала себе львиную долю получаемых взяток, которые давали руководители крупных консорциумов, занимавшихся строительством в Милане. Фактически деньги получали и пра-

вившие партии, и оппозиционные, между ними не было никакой разницы.

Многие политики пытались оправдаться тем, что полученные средства шли в партийные кассы. На деле они часто использовались в целях личного обогащения, и получившие их не стеснялись купаться в роскоши, констатировал Лэйн. 17 февраля 1992 г. судья Ди Пьетро арестовал директора одной миланской больницы, члена ИСП М. Кьеза при получении взятки в 7 млн лир. На местных выборах 1990 г. Кьеза поддержал сына Кракси Бобо, выступившего в роли кандидата в депутаты. До этого Кьеза был связан с К. Тоньоли, одним из руководителей ИСП в Милане, затем с П. Пилиттери, приходившимся Кракси шурином. Тоньоли и Пилиттери были мэрами Милана, родного города и политической базы Беттино Кракси. Бывшие мэры тоже оказались на скамье подсудимых.

Еще в начале 80-х годов судьям почти удалось уличить Кракси. Изучая документы подрывной масонской ложи П 2, они обнаружили номер банковского счета в Лугано, открытого на имя К. Мартелли, другого видного деятеля ИСП, но реальным его хозяином был Кракси. Р. Кальви, хозяин банка Амброзиано, перевел на этот счет в октябре 1980 г. 3,5 млн долл., после того как подписал договор с финансовым директором ЭНИ, государственной компанией нефти и газа. (17 июня 1982 г. Р. Кальви, друг нечистого на руку банкира М. Синдоны и главы ложи П 2 Л. Джелли, был найден повешенным под одним из мостов в центре Лондона. Не выяснено, кто совершил это преступление, подозревали, что это дело рук мафии. Самого Синдону постигла странная смерть в тюрьме 22 марта 1986 г.: он скончался, выпив чашку кофе.)

Банк Амброзиано предоставил ИСП огромные займы. В конце 1981 г. партия была должна банку более 11 млрд лир. Упомянутый счет в Лугано, на который нелегально поступали деньги для партии, имел отношение к банку Амброзиано. Он принадлежал некоему С. Ларини, близкому другу Кракси. История с этим счетом была предана огласке в 1994 г., когда Кракси, Мартелли и Ларини проходили как обвиняемые по делу Л. Джелли, «великого магистра» ложи П 2 и бывшего вице-президента ЭНИ, содействовавшего банкротству банка Амброзиано.

В июле 1994 г. миланский суд признал Кракси, Ди Донну, Джелли, Ларини и Мартелли виновными в заговоре с целью банкротства банка Амброзиано. Кракси был приговорен к восьми с половиной годам заключения. В результате обвинений по другим делам он впоследствии был приговорен в общей сложности к

25 годам и 9 месяцам тюремного заключения. Но бывший лидер ИСП уже в мае 1994 г. покинул страну и бежал в Тунис, где проживал на своей вилле в г. Хаммамете. Тяжело больной, перенесший ряд хирургических операций, он скончался там же в начале 2000 г. Очередной суд в 2001 г. признал Мартелли и Ди Донну виновными, однако Мартелли удалось избежать наказания. Б. Кракси проходил в 1995 г. по делу фирмы Энимонт, основанной совместно ЭНИ и Монтэдисон. Выяснилось, что и здесь многие замешаны в коррупции. Президент ЭНИ Кальяри, покончивший жизнь самоубийством в миланской тюрьме в июле 1993 г., получил взятки на сумму почти 5 млрд лир.

Судья П. Давиго считает, что спустя десятилетие после начала операции «Чистые руки» политическая система Италии так и не смогла самоочиститься: «Я как итальянец пережил один из самых неприятных моментов в жизни, когда Кракси обратился к парламенту, заявив, что он делал лишь то, что делали все». Судью поразило, что никто в парламенте тогда не выразил протеста, а его соотечественников не возмутили все эти случаи продажи политиков и чиновников⁷⁷.

Впоследствии ряд публицистов утверждали, что Кракси и его соратники пострадали незаконно. Такие попытки оправдать его неоднократно предпринимались в условиях особой духовной атмосферы в стране, возникшей в годы правления Берлускони⁷⁸, резко осуждавшего меры итальянской юстиции против коррупции в 90-е годы. Будучи в дружеских отношениях с Кракси, он искренне полагал, что итальянское правосудие преследовало того совершенно недопустимым образом. Один из известных журналистов, А. Джисмонди, в своей книге под названием «Долгая дорога в Хамаммет» пытался защитить Кракси⁷⁹. Оправдывающую Кракси и социалистов интерпретацию событий, связанных с преследованием юстицией видных политических деятелей, Джисмонди дал в другой книге: «Зима юстиции. 1991–2001 гг., мошеннические игры». Один из ее разделов называется «Казус Кракси: поверженный победитель»⁸⁰. «Трудности ИСП Беттино Кракси в Социалистическом интернационале, особенно в том, что касалось связей с СДПГ, были обусловлены сложными отношениями между ИКП и германскими социал-демократами, проводившими свою “восточную политику”, в которой итальянские коммунисты использовались как связующее звено с восточноевропейскими партиями», замечает Джисмонди⁸¹.

Осенью 1992 г. Мартелли дал понять, что готов сменить Кракси на посту секретаря партии. Он обвинил лидера ИСП в том, что партия терпит одно электоральное поражение за другим на

местных выборах в тех провинциях, которые раньше считались бастионом социалистов. На Национальной ассамблее партии в ноябре треть участников поддержала Мартелли, тем самым заявив о своем разрыве с Кракси. Мартелли, занимавший тогда пост министра юстиции, пытался представить себя непримиримым борцом с мафией, чтобы завоевать популярность. Но выдвинутые против него обвинения в участии в тех же незаконных операциях по финансированию партии, в которых участвовал Кракси, поставили крест на его политической карьере и на возможности лидерства в ИСП. В феврале 1993 г. Кракси ушел в отставку. На Национальной ассамблее политическим секретарем избрали Дж. Бенвенуто, предпочтя его другому кандидату – В. Спини. Председателем партии стал Дж. Джуни, известный как разработчик Статута прав трудящихся, в 70-е годы попавший под прицел «Красных бригад» и раненный террористами.

«С Бенвенуто во главе партии фактически закончилась история ИСП», считает Дж. Галли. Следует, однако, уточнить, что после ушедшего в отставку Бенвенуто, его сменил профсоюзный лидер социалистов О. Дель Турко. Он назначил на конец 1993 г. съезд, призванный дать жизнь новой ИСП. После парламентских выборов партию заменила новая организация под названием «Итальянские социалисты». Кракси формально исключили из партии в январе 1994 г. В апреле 1993 г. Бенвенуто попытался его спасти во время голосования в парламенте, апеллируя к принципу неприкосновенности для бывшего лидера партии, который «в течение 16 лет обеспечивал ИСП один триумф за другим». Принятое на заседании 30 апреля 1993 г. решение парламента – взять Кракси под защиту – вызвала бурю возмущения в стране. Депутаты-социалисты избегали появляться на публике, их освистывали, забрасывали мелкими монетами. Оставшиеся с Кракси ближайшие сподвижники праздновали победу в римском отеле «Рафаэль», постоянном прибежище бывшего секретаря ИСП, но и они, и он, похоже, утратили чувство реальности, недооценив неприязнь сограждан.

«ИСП, которая, как говорил Турати, сделала в Италии из плебса народ, завершила свой путь, вызвав протест народа против нее самой», справедливо заметил Дж. Галли. Что касается Кракси, то один из судей, ведших расследование по его делу, в 1996 г. заявил: «Доказательств его личного обогащения нет. Политика была его стимулом. Он, как и другие, – жертва извращенной системы». Именно эта система привела в последний период ИСП к гибели, перечеркнув столетие ее славной истории, констатировал Галли. «Партия Турати, Тревеца, Маттеотти,

Ненни, Сарагата (и раннего Муссолини) была уничтожена не коммунистами или заговорщиками из силовых структур или же в результате аморального поведения ее членов. Ее погубили политические ошибки последнего лидера... никак не связанные с его личными удачами, ее погубил механизм коррупционной экономики, тесно связанный с несовершенной итальянской представительной демократией»⁸².

Обвинения в нелегальном финансировании выдвигались и против ХДП, «опустившейся» в начале 90-х годов до минимальной отметки поддержки избирателей и продолжавшей линию на правительственный союз с ИСП, который в тех условиях стал для последней контрпродуктивным. Выдвигались они и против других партий, среди которых меньше всего оказалась затронута ИКП, так как ее представители не входили в высшие эшелоны власти.

В начале и середине 90-х годов в стране состоялись важные референдумы. Главный из них касался изменений в избирательной системе, введения мажоритарного (взамен пропорционального) голосования, давно переставшего соответствовать требованиям современности. Большинство избирателей понимали, что, одоблив это новшество, они тем самым одобряют и изменение системы правления. Исход референдума – 83%, «за» – вынудил кабинет Амато уйти в отставку. Начался период переходных правительств, первым из которых стал кабинет Чампи. Попытки политиков прежней пятипартийной коалиции вывести из-под удара Кракси удалось лишь частично, расследование допущенного при нем незаконного финансирования ИСП продолжалось⁸³. 27 марта 1994 г. состоялись выборы по новой избирательной системе, которые левые в целом проиграли. За социалистов проголосовали, как уже отмечалось, всего 2,2%. На следующих выборах 1996 г. ИСП уже не была представлена, а ее наследники набрали лишь 0,4%.

Хотя некоторые лидеры социалистов в 1993–1994 гг. пытались изменить ситуацию и спасти партию, эти попытки успехом не увенчались. ИСП в 1994 г. покинула политическую сцену. Ее звезда закатилась вместе с уходом в историю так называемой Первой республики, не выдержавшей испытаний. Италия вступила в полосу политической нестабильности, которую пыталась преодолеть в конце XX – начале XXI в. Трансформация, переходный этап от Первой ко Второй республике связаны с сущностным изменением итальянской демократии, приданием ей более совершенных форм. Эту задачу ставят перед собой все политические силы нынешней Италии, в том числе партии-наследницы ИСП.

- ¹ CENSIS: XI rapporto sulla situazione sociale del Paese. Roma, 1977 // La cultura dell'Italia contemporanea: Trasformazione dei modelli di comportamento e identità sociale. Torino, 1990.
- ² Fritzsche P. Die politische Kultur Italiens. Frankfurt a.M.; N.Y., 1987. S. 193.
- ³ Лисовский Ю.П., Любин В.П. Политическая культура Италии. М., 1996. С. 35.
- ⁴ О линии преемственности фашизм – неофашизм см.: Santarelli E. Fascismo e neofascismo. Roma, 1974; Rosenbaum P. Das Movimento Sociale Italiano (MSI) – Struktur, Programmatik und Ideologie des Neofaschismus in Italien von 1946 bis 1972 (trad. it.: Il nuovo fascismo. Da Salò ad Almirante. Storia del MSI / Inrod. di C. Rossella. Milano, 1975); Филатов Г.С. Демократические силы Италии против неофашизма. М., 1977; Любин В.П. Западноевропейские крайние правые в освещении новейшей западной литературы. М., 1978; Лопухов Б.Р. Неофашизм: опасность для мира. М., 1985; Он же. Крайне правые и неофашизм в Западной Европе в 80-е годы. М., 1987.
- ⁵ Подробнее см.: Are G. Radiografia di un partito. Il PCI negli anni '70: struttura ed evoluzione. Milano, 1980; Григорьева И.В. История Италии. М., 2006. С. 210–216.
- ⁶ См., например: Timmermann H. Partito comunista italiano // Raschke J. I partiti dell'Europa occidentale. Roma, 1983. P. 425–438; Idem. Zwischen «Mitte-Rechts» und «Mitte-Links», das innenpolitische Kräftespiel Italiens // Berichte des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien (BIOST). Köln, 1972. N 47; см. также другие работы Х. Тиммерманна на данную тему. Итальянские социалисты ревниво относились к начавшемуся сближению двух крупнейших левых партий Западной Европы – ИКП и СДПГ. Пытаясь воспрепятствовать этому сближению, они в надежде на понимание своей позиции обращались с жалобами к руководству СДПГ (об этом свидетельствует тот же Х. Тиммерманн, член Исторической комиссии СДПГ, проводивший в те годы переговоры с руководителями итальянских коммунистов).
- ⁷ Barth Urban J. Moscow and the Italian Communists Party. From Togliatti to Berlinguer. Ithaka; N.Y., 1986.
- ⁸ Скорее всего, именно тогда кем-то из левого крыла партии было дано шутливое, но верное определение сложившейся ситуации, не переводимое на русский язык: «ci barcamendoliamo al peggio». Оно прозвучало в одной из бесед с приезжавшими в тот период в Москву руководителями ИКП, нередко проводившими свободные вечера в гостеприимной квартире К.Ф. Мизиано на ул. Горького.
- ⁹ Tullio-Altan C. La nostra Italia. Arretratezza socioculturale, clientelismo, trasformismo e ribellismo dall'Unità' ad oggi. Milano, 1986. P. 180–249; Ginsborg P. Storia d'Italia dal dopoguerra a oggi. Società' e politica 1943–1988. Vol. II: Dal «miracolo economico» agli anni '80. Torino, 1989. Глубокий анализ политической, экономической, социальной, культурной эволюции Италии 70-х – середины 90-х годов дан также в книге немецкого историка Йенса Петерсена: Petersen J. Quo vadis, Italia? Ein Staat in der Krise. München, 1995. Многие исследования об Италии тех лет, в том числе посвященные Краксии и ИСП, были отрецензированы мною в журнале «Новые книги за рубежом» в 1973–1990 гг.

- ¹⁰ О разногласиях в ИКП, «Манифесто» и «контрастах еврокоммунизма» см.: *Finetti U.* Il dissenso nel PCI. Milano, 1978.
- ¹¹ Подробнее о результатах голосования за ИСП см.: *Ghini C.* Il voto degli italiani. Roma, 1976.
- ¹² *Grasmück D.* Das Parteiensystem Italiens im Wandel. Marburg, 2000. S. 28–29.
- ¹³ *Scoppola P.* Il «dopo Moro»: la crisi dei partiti // LUCE sulla storia d'Italia. Dall'Unità' al 2000. L'Italia repubblicana (1963–2000). Roma, 2000. P. 481–488.
- ¹⁴ См.: *Are G., Cavalli L., Galli G. et al.* Il sistema disintegrato. Il sistema italiano tra sviluppo e crisi (1974–1977) / A cura di A. Lombardo. Milano, 1977; *La politica nell'Italia che cambia* / A cura di A. Martinelli e G. Pasquino. Milano, 1978; *Di Palma G.* Surviving without Governing. The Italian Parties in Parliament. Berkeley, 1977 (trad. it.: Sopravvivere senza governare. I partiti nel parlamento italiano. Bologna, 1978); *Tarrow S., De Felice F., Di Nolfo E. et al.* La crisi italiana / A cura di L. Graziano e S. Tarrow. Torino, 1979. Vol. I, II; *Galli Giancarlo.* Il fantasma del «Palazzo». Milano, 1979; *Sartori G.* Teoria dei partiti e caso italiano. Milano, 1982; *Pasquino G.* Degenerazioni dei partiti e riforme istituzionali. Roma; Bari, 1982; *Panbianco A.* Modelli di partito. Organizzazione e potere nei partiti politici. Bologna, 1982; *Baldassare A., Berlinguer E. et al.* Innovazioni politiche e trasformazioni sociali nell'Italia degli anni '70. La riforma istituzionale. Milano, 1983; *Farneti P.* Il sistema politico italiano. Bologna, 1983; *Baldassare A., Caciagli M. et al.* Il sistema politico italiano / A cura di G. Pasquino. Roma; Bari, 1985; *Turone S.* Partiti e mafia dalla P2 alla droga. Roma; Bari, 1985; *Teodori M.* P2: la controstoria. Milano, 1986; *La Palombara G.* Democracy, Italian Style. New Haven; L., 1987 (trad. it. Democrazia all'italiana. Milano, 1988); *Galli G.* Storia dei partiti politici europei. Milano, 1990; *Idem.* Mezzo secolo di DC. Milano, 1993; *Idem.* Il bipartitismo imperfetto: Comunisti e democristiani in Italia. Milano, 1994; *Intini U.* La democrazia virtuale. Roma, 1995; *Pellicani L.* La società dei giusti. Parabola storica del gnosticismo rivoluzionario. Roma, 1995; *Pasquino G.* 1945–1996. Profilo della politica in Italia. Roma; Bari, 1996; etc.
- ¹⁵ *Grasmück D.* Op. cit. S. 29.
- ¹⁶ Il partito socialista. Struttura e organizzazione. Venezia, 1975.
- ¹⁷ *Merckel W.* Die Sozialistische Partei Italiens: zwischen Oppositionssozialismus und Staatspartei. Bochum, 1985. P. 23–79; *Idem.* Prima e dopo Craxi. Le trasformazioni del PSI. Padova, 1987. P. 9–44.
- ¹⁸ *Aliboni R., Benadusi L., Craveri P. et al.* Per l'alternativa. Dal partito del mutamento al progetto socialista / A cura di M. Teodori. Milano, 1975; *Alberoni F., Amato G. et al.* Progetto socialista. Roma, Bari, 1976; *Lombardi R.* L'alternativa socialista. Intervista a cura di C. Vallauri. Cosenza, 1976.
- ¹⁹ *Raschke J.* Op. cit. P. 446.
- ²⁰ Рассказывая об отношениях Кракси с судьями и следователями в ходе операции «Чистые руки» в предисловии к изданной уже после его ухода с поста секретаря партии книге редакция журнала «Критика социале» отметила, что он «автор очерков, статей, докладов и политических книг, собранных в десяти томах» (см.: *Craxi B.* Il caso C. Milano, 1994).
- ²¹ Подробнее о Кракси и ИСП этого периода см.: *Любин В.П.* Общественно-политические взгляды Б. Кракси; *Он же.* Итальянская социалистическая партия: Идеология и политика (1976–1984). М., 1985; *Он же.*

- ИСП в партийно-политической системе Италии. М., 1990; *Он же*. Б. Кракси: от обновления партии к «великой реформе» // Лидеры современной социал-демократии / Сост. С.В. Ястржембский. М., 1991. С. 187–204.
- 22 *Galli Giancarlo*. Benedetto Bettino. Milano, 1982. P. 6–7.
- 23 Речи секретаря ИСП стали объектом специального контент-анализа: *Desideri P.* Il potere della parola. Il linguaggio politico di Bettino Craxi. Venezia, 1987.
- 24 См.: *Масленникова О.В.* Критика экономических воззрений Итальянской социалистической партии. М., 1987. С. 12–19.
- 25 *Galli Giancarlo*. Benedetto Bettino. P. 69.
- 26 *Craxi B.* Costruire il futuro / Pref. di C. Martelli Milano, 1977.
- 27 *Avolio G., Cattani V., De Martino F. et al.* Quando i socialisti ruppero con Mosca. Trent'anni fa, a Venezia, il Congresso di autonomia. Introd. di G. Tamburrano / A cura di G. Granati // Fondazione Nenni. Roma, 1987.
- 28 Об особой в сравнении с другими партиями позиции ИСП в дни похищения и убийства А. Моро, см.: *Craxi B.* Misura per misura. Ricordo di una tragedia. Milano, 1986.
- 29 *Craxi B.* Uscire dalla crisi. Costruire il futuro. Relazione e replica al 41 Congresso. Torino, 29 marzo – 2 aprile 1978. Roma, 1978. P. 96–122.
- 30 *Di Scala S.* Da Nenni a Craxi. Il socialismo italiano visto da U.S.A. Pref. di L. Pellicani. Milano, 1991. P. 420–421.
- 31 Материалы съезда см.: 41 Congresso del PSI // *Compagno*, Roma, 1978. A. 5. N 5. Перевод этих материалов опубликован в сб.: Итальянская социалистическая партия. М., 1979. С. 122–164.
- 32 Характерен заголовок одной из книг об ИСП: «Партия для одного лидера». *Ciofi P., Ottaviano F.* Un partito per un leader. Il nuovo corso del PSI dal Midas agli anni Novanta. Soveria Mannelli, 1990.
- 33 *Craxi B.* Il Vangelo socialista // *Espresso*. Roma, 1978. 24 ag. A. 24. N 34. P. 24–29.
- 34 *Craxi B.* Discorso // Il partito socialista. Struttura e organizzazione. Venezia, 1975. P. 214–217.
- 35 См.: *Valentini G.* La via europea. Milano, 1979; *Besostri F., Della Briotta L. et al.* Europa socialista / Introd. di B. Craxi. Pref. di U.A. Grimaldi / A cura di U. Giovine, P. Pillitteri. Milano, 1979; *Di Nolfo E.* Il PSI e l'Europa // *Almanacco socialista 1892–1982*. Roma, 1982. P. 476–481.
- 36 *Craxi B.* L'Internazionale socialista / A cura di C. Accardi. Roma. 1979. P. 57–73.
- 37 *Craxi B.* La politica socialista. Roma, 1988. P. 115.
- 38 *РГАНИ Ф.* 89. Оп. 43. Д. 49. Л. 1–7.
- 39 *Craxi B.* Prefazione // Nenni P. Discorsi parlamentari (1946–1979). Roma, 1983. P. XIII.
- 40 *Nenni P.* Anno che va. Anno che viene // *Almanacco socialista 1980*. Vol. 1. P. 2.
- 41 *Craxi B.* Ciao Nenni // *Ibid.* P. 4–5.
- 42 *Blandini L.* Pietro Nenni: il socialismo dal volto umano // *Almanacco socialista 1892–1992*. P. 325–330.
- 43 *Craxi B.* Il rinnovamento socialista / Per il rinnovamento dell'Italia. Relazione congressuale // 42 Congresso del PSI. Palermo 22–26 aprile 1981. Roma, 1981. P. 6–126.
- 44 Кракси резко осудил не прекращавшиеся террористические акты, особо упомянув об убийстве в 1980 г. журналиста-социалиста, сотрудника «Кор-

- рьере делла сера» Вальтера Тобаджи (Ibid. P. 68). В 1982 г. Кракси выступил на собрании сотрудников газеты, посвященном двухлетней годовщине со дня гибели Тобаджи (*Da Rold G. ...Annientate Tobagi!* Milano, 2000. P. 163–170).
- ⁴⁵ Repubblica. Roma, 1979. 13 magg.
- ⁴⁶ О его роли в формировании итальянской политической культуры см.: *Любин В.П.* Общественно-политические взгляды Норберто Боббио. М., 1991; *Он же.* Философия Норберто Боббио // Итальянская и испанская философия на рубеже XX–XXI веков. М., 2005. С. 112–135.
- ⁴⁷ Panorama. Milano, 1988. 19 giugno.
- ⁴⁸ *Ciofi P., Ottaviano F.* Il PSI di Craxi. Partito e organizzazione dal Midas alle elezioni del 1988. Roma, 1988. P. 122–133.
- ⁴⁹ Governare il cambiamento. Conferenza programmatica del RSI. Rimini 31 marzo – 4 mar. 1982. Roma, 1982. P. 8.
- ⁵⁰ *Ghini C.* Op. cit. P. 553.
- ⁵¹ *Colarizi S.* Storia dei partiti nell'Italia repubblicana. Roma; Bari, 1994. P. 624, 652.
- ⁵² *Ciofi P., Ottaviano F.* Op. cit. P. 140.
- ⁵³ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 46. Д. 61. Л. 1–7.
- ⁵⁴ Это выступление Арфе в Палате депутатов в декабре 1979 г. опубликовано в кн.: *Craxi B.* Un patto della libertà. Roma, 1984. P. 76–90.
- ⁵⁵ О «культуре вспомоществования» и бытовавших в итальянском обществе обычаях см.: *Galli G., Nannei A.* Il capitalismo assistenziale. Milano, 1976.
- ⁵⁶ *Craxi B.* Fiducia nell'Italia che cambia. Milano, 1986. P. 8, 167.
- ⁵⁷ Итоги работы правительства Кракси подведены в специальном докладе: *Rapporto sull'attività di governo.* Agosto 1983 – gennaio 1987. Roma, 1987.
- ⁵⁸ *Craxi B.* Una società giusta. Una democrazia governante. Relazione e replica al 43 Congresso. Verona, 11–14 maggio 1984. Roma, 1984. P. 10, 56–75.
- ⁵⁹ *Ciofi P., Ottaviano F.* Op. cit. P. 82.
- ⁶⁰ В Италии, как и других западных странах, в те годы поддерживался интерес к перестройке в СССР, которую приветствовали левые. О перестройке постоянно писала пресса, выходили книги публицистов и политологов с анализом происходящих событий, например: *Chiesa G.* Transizione alla democrazia. La nascita delle forze politiche in Urss. Roma, 1990. Рецензия на эту книгу, опубликованная газетой «Унита», называлась «Завоевания Горбачева»: *Cerroni U.* Le conquiste di Gorbaciov // *Unità.* Roma, 1990, 19 sett.
- ⁶¹ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 53. Д. 4. Л. 1–2.
- ⁶² Об этом съезде см.: *Catania E.* Il vento di Rimini. Diario di un Congresso / Pref. di U. Tognoli. Milano, 1987; *Craxi B.* L'Italia che cambia e i compiti del riformismo. Relazione e replica al 44 Congresso. Rimini, 31 marzo – 1 aprile 1987 // *Gli anni del riformismo. Relazioni e repliche congressuali.* Roma, 1987.
- ⁶³ *Ciofi P., Ottaviano F.* Op. cit. P. 141.
- ⁶⁴ *Pietra I.* E adesso Craxi. Un ritratto politico. Milano, 1990. P. 173.
- ⁶⁵ *Gismondi A.* La lunga strada per Hammamet. Craxi e i poteri forti. Milano, 2002. P. 261.
- ⁶⁶ *Bocca G.* L'Italia che cambia. Milano, 1988. P. 94.

- ⁶⁷ Craxi B. L'Italia verso l'Europa. Relazione e replica al 45 Congresso. Milano, 13–19 maggio 1989 // Craxi B. Relazioni e repliche congressuali, 1978–1989. Roma, 1989. P. 7, 15–21, 24–28, 29–30, 77.
- ⁶⁸ Ciofi P., Ottaviano F. Op. cit. P. 201–205.
- ⁶⁹ Craxi B. La politica socialista. Roma, 1988. P. 121.
- ⁷⁰ ЦК КПСС отреагировал на это 13 мая 1991 г. специальной запиской «Об образовании в Италии новой коммунистической партии», в которой говорилось, что отколовшееся от ИКП в момент ее преобразования в ДПЛС (февраль 1991 г.) Движение за коммунистическое возрождение на национальной ассамблее в Риме решило создать в Италии «новую коммунистическую партию» и провести ее I съезд в ноябре 1991 г. Партия займет место левее ДПЛС и будет выступать с защитой социально-экономических интересов трудящихся, традиционных ценностей коммунистического движения. «Уклоняться от контактов с такой партией было бы для нас практически нецелесообразно». Так как руководство ДПЛС «выступает за самые широкие контакты с политическими силами в СССР и на XX съезд ИКП – I съезд ДПЛС, кроме делегации КПСС, были приглашены представители наших социал-демократов, республиканской партии и т.д.», в создавшихся условиях вопрос о поисках какого-то согласия со стороны руководства ДПЛС «на наши отношения с новой партией отпадает сам собой». «Представляется целесообразным согласиться с предложением совпосольства об установлении в будущем контактов с новой компартией Италии, если таковые будут предложены, проинформировав об этом «де факто» руководство Демократической партии левых сил» (РГАНИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 29. Л. 1–2).
- В другом, датированном 7 июня 1991 г., документе ЦК КПСС говорилось «о продолжении политического диалога КПСС с зарубежными партиями и их международными объединениями» и особо подчеркивалось, что «Итальянская социалистическая партия (ИСП), Испанская социалистическая рабочая партия (ИСРП), Социалистическая партия Австрии (СПА) и Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) высказались за создание общеевропейского центра по изучению проблем отношений между социалистами и коммунистами» (РГАНИ. Ф. 89. Оп. 11. Д. 24. Л. 1–5).
- ⁷¹ Ciuffoletti Z., Degl' Innocenti M., Sabbatucci G. Storia del PSI. Roma; Bari, 1993. Vol. 3: Dal dopoguerra a oggi. P. 466–467.
- ⁷² Atti del 46 Congresso socialista, Bari 27–30 giugno 1991 // Argomenti socialisti. Roma, 1991. N 7/8.
- ⁷³ О новых партиях социал-демократического направления в СССР и постсоветских государствах см.: Ljubin V.P. Sozialdemokratische Parteien in den Nachfolgestaaten der Sowjetunion // Berichte des Bundesinstitutes für ostwissenschaftliche und internationale Studien (BIOST). Köln, 1992. N 13.
- ⁷⁴ Вопрос «О поездке Б.Н. Ельцина в ряд западных стран» обсуждался Верховным советом СССР, которому было известно, что издатели таких стран, как Швеция, Норвегия, ФРГ, Италия, Франция, Голландия, Великобритания, США, пригласили Ельцина на церемонии представления его автобиографической книги (с 5 по 18 марта 1991 г.) с оплатой всех расходов по поездке. В решении, поддержанном Международным отделом ЦК КПСС, констатировалось: «Хотя поездка предполагается в дни рабо-

- ты Верховного совета СССР, а книга, по поступающим сведениям, носит очернительный характер, полагали бы возможным не препятствовать Б.Н. Ельцину в этой поездке, чтобы не давать ему повода нагнетать обстановку вокруг своей персоны» (РГАНИ. Ф. 89. Оп. 11. Д. 26. Л. 1).
- ⁷⁵ См., например: *Liubin V.* I prezzi salgono ma i russi sperano // *Avanti*. Roma, 1992. 5 maggio. P. 11; etc.
- ⁷⁶ *Pasquino G.* 1945–1996. Profilo della politica in Italia. Roma; Bari, 1996. P. 96.
- ⁷⁷ *Lane D.* Ombra del potere. Roma; Bari 2005. P. 96–97, 104–108, 119, 140.
- ⁷⁸ См.: Современная Италия. М., 2004.
- ⁷⁹ *Gismondi A.* La lunga strada per Hammamet. Craxi e i poteri forti. Milano, 2002.
- ⁸⁰ *Gismondi A.* L'inverno della giustizia. 1991–2001, il giuoco truccato. Milano, 2002. P. 131–134.
- ⁸¹ *Ibid.* P. 132.
- ⁸² *Galli G.* Ma l'idea non muore. Storia orgogliosa del Socialismo italiano. Milano, 1996. P. 352–354.
- ⁸³ *Pasquino G.* Op. cit. P. 97–99.

После того, как ИСП перестала существовать, некоторые из ее бывших руководителей возглавили мелкие образования, объявившие себя наследниками партии, но на деле мало что определявшие в итальянской политике. Многие рядовые социалисты вошли в крупные партии, принадлежащие к тому или иному блоку, растворились в других политических силах.

Напомню, что Кракси, ушедшего в отставку в феврале 1993 г., сменили недолго руководившие ИСП Джорджо Бенвенуто, а затем Оттавиано Дель Турко. Первый находился у руля чуть больше трех месяцев, второй продержался около года и стал последним политическим секретарем не подлежавшей спасению партии. В конце концов, по решению состоявшегося 11–12 ноября 1994 г. последнего (XLVII) съезда ИСП была распущена. С этого момента на политическую сцену вышли несколько разрозненных группировок, претендующих на наследие ИСП, которые политологи называют «социалистической диаспорой».

Чтобы понять, что же произошло, обратимся еще раз к предшествующим роспуску партии событиям, особенно в кризисном, определившем судьбу ИСП 1992 году. В конце 80-х годов, после краха коммунистической системы на Востоке Европы, казалось, левым представилась возможность совершить исторический прорыв и наконец объединиться. Многие ставили Кракси в вину, что он не воспользовался этой возможностью и не объединил левых на реформистских, а не максималистских принципах, и не добился дальнейшего их вхождения в правительство. Предпринятые в данном направлении шаги успеха не принесли. Осенью 1990 г. Кракси предложил переменить название ИСП на «Социалистическое единство», но никто его идею тогда не поддержал. Склонная к диалогу с ИСП часть руководства ДПЛС (течение во главе с Дж. Наполитано, Э. Макалузо и Дж. Кьяромонте) составляла в своей партии меньшинство. Кроме того, ДПЛС стремилась сохранить связи с оппозиционными протестными социальными движениями, а главное – провести реорганизацию левых сил под своей эгидой. В подобных условиях принять хотя бы часть предложенного Кракси бывшие коммунисты не решились, а сам он становился мишенью, в которую метали стрелы, пытаясь «уничтожить противника»¹.

В начале 90-х годов ИСП все еще лелеяла надежду на то, что в левых силах установится иное, чем прежде, равновесие. Социалисты были убеждены, что смогут вести переговоры с бывшей ИКП на более выгодных для себя условиях. На выборах в Европарламент 1989 г. ИКП лишилась в сравнении с предыдущим результатом 5,7% голосов, набрав только 25,2%. В то же время ИСП увеличила число голосов на 3,6%, достигнув 14,8%. На провинциальных выборах 1990 г. ИСП добилась для себя неплохого исхода, завоевав 15,7%. Социалисты улучшили свои позиции и на коммунальных выборах, несмотря на появление мощного конкурента – движения Лига Севера.

Казалось, Кракси прочно удерживает бразды правления в партии, что было подтверждено на съездах в Милане 1989 г. и Бари 1991 г. Учитывая ситуацию на левом фланге политического спектра, он предпринял наступление на его центр. В результате внутренних перестановок в руководстве ХДП на смену Де Мите пришел А. Форлани, а правительство возглавил Дж. Андреотти. В борьбе против недолюбливавшего его Де Миты секретарь ИСП снова объединился с Андреотти и Форлани. Считалось, что обозначавшейся аббревиатурой КАФ (Кракси-Андреотти-Форлани) тройке политических лидеров по силам решение любых сложных проблем, переживавшихся в тот момент Италией. Кракси хотелось не только лишить левых демохристиан контроля над государственным сектором промышленности, но и ослабить саму ХДП, отдельные лидеры которой были не прочь вернуться в новых условиях к «историческому компромиссу» с коммунистами.

Подобного рода сближение ХДП с ИКП в те годы нередко происходило на местном уровне. Наиболее заметный такого рода эксперимент, как считалось – антисоциалистической направленности, был осуществлен в Палермо, где христианский демократ Леолука Орландо возглавил местное правительство, джунту, пользуясь поддержкой коммунистов. На волне общенационального интереса к данному эксперименту Орландо вышел из ХДП и создал движение под названием «Сеть».

Объединение КАФ укрепило свои позиции после референдума, – на нем был одобрен закон о телетрансляциях, которым, по общему мнению, власти поддержали телемагната Берлускони, связанного с Кракси. Левые демохристиане в знак протеста вышли из правительства. Политологи справедливо отмечали, что борьба с Де Митой и левыми демохристианами «глубоко опустошила» Кракси. Отсутствие перспектив, убедительной альтернативы не позволяло изменить сложную ситуацию. Надежды Кра-

кси на получение вновь поста председателя кабинета министров, возможно, во время следующей легислатуры, выглядели малообоснованными². Подобные планы шли вразрез с планами других итальянских левых. Они вызвали отторжение в среде, хотя и дезориентированных, но все же сохранявших прочные позиции экс-коммунистов.

Осознав, что партия зашла в тупик, руководство ИСП попыталось вернуть себе инициативу, спровоцировав в конце марта 1991 г. кризис кабинета Андреотти, оправдывая этот шаг потребностью более четких программных обязательств правительства. Возможно, социалисты рассчитывали на роспуск парламента и намеревались в союзе с демохристианами упрочить свои позиции на досрочных выборах. Но демохристиане не пошли навстречу ИСП, и о планах нового председательства социалистов в правительстве пришлось забыть. Кризис завершился реформированием кабинета Андреотти. Комментаторы расценивали эти маневры социалистов как последний момент, когда Кракси держал инициативу в своих руках, впоследствии такого уже не было. «Для него это стало началом конца», подчеркивает М. Дельи Инноченти³.

Показательной была недооценка секретарем ИСП перемен, произошедших в те годы в итальянском общественном мнении. Они проявились, например, в голосовании на референдуме в июне 1991 г., когда речь шла об изменении закона о выборах. Многие избиратели отказались в нем участвовать, а те, кто проголосовал, отвергли то, что предлагали Кракси и его партия. Это стало крупным личным поражением секретаря ИСП. Когда президент Коссига направил 26 июня 1991 г. двум палатам парламента послание, предлагая провести институциональные реформы, Кракси как горячему стороннику подобных преобразований (про их необходимость он не устал повторять) представилась последняя возможность проявить политическую инициативу, но он ею не воспользовался⁴.

На исход парламентских выборов 5 апреля 1992 г., отразивших, по мнению политологов, «окончательный кризис партий»⁵, повлияли нараставшие как снежный ком события, спровоцированные арестом 17 февраля 1992 г. при получении взятки социалиста, главы миланской фирмы «Пио Альберго Тривульцио» М. Кьеза (Этот арест стал первым в ходе начатой правосудием операции «Чистые руки»). Бывшая ИКП на этих выборах заметно ухудшила свои позиции, ее наследницу ДПЛС поддержали лишь 16,1% избирателей, а 5,6% отошло к решившему продолжить прежнюю политику компартии объединению «Коммуни-

стическое воссоздание». ХДП потеряла 4,6%, достигнув результата в 29,7%. ИСП, казалось, не очень пострадала, получив 13,6% вместо прежних 14,3%. Преимущество получили протестовавшие против установившейся в стране системы «партократии», прежде всего Лига Севера, набравшая в целом по стране 8,7%, а в Милане – даже 18,1%.

Таким образом, правительственное большинство – управлявшая Италией с 1979 г. пятипартийная коалиции (пентапартито) с участием социалистов, – после выборов 1992 г. оказалось ослабленным. Но и разрозненная оппозиция не могла представить достойной альтернативы. Председателем сената был избран глава Итальянской республиканской партии Джованни Спадолини, председателем палаты депутатов – демохристианин Оскар Луиджи Скальфаро. После того как последний сменил на посту президента Италии ушедшего 25 апреля 1992 г. в отставку Франческо Коссигу председателем палаты депутатов стал один из лидеров бывшей ИКП, Джорджо Наполитано.

В этих условиях, казалось, путь к занятию кресла премьер-министра для лидера социалистов был открыт. Но скомпрометированный в общественном мнении начавшимся расследованием дел о коррупции Кракси был вынужден отказаться от него в пользу Джулиано Амато. Тот сформировал в июне 1992 г. четырехпартийное правительство из представителей ХДП, ИСП, ИСДП и ИЛП, главными пунктами программы которого были санация финансов и политика жесткой экономии. В июле Амато удалось договориться с профсоюзами об отказе от подвижной шкалы заработной платы, замораживании переговоров работодателей с наемными работниками с целью перезаключения трудовых договоров. Это вызвало кризис в руководстве ВИКТ и отставку ее лидера Бруно Трентина. Хотя меры правительства одобряли не только правящие партии, но и оппозиция, пребывание социалиста в кресле премьер-министра и успешная деятельность его правительства не остановили деградацию ИСП. Все большее число партийных деятелей оказывалось втянуто в судебные разбирательства. Такое положение дел привело к потере голосов избирателей на частичных местных выборах в сентябре и декабре 1992 г.

Оппозиция Кракси внутри ИСП требовала смены лидера. Уже в июле 1992 г. намеченный Кракси кандидат на пост главы парламентской группы ИСП в палате депутатов Дж. Ла Ганга был переизбран туда с большим трудом. Ослабление позиций лидера партии знаменовали и результаты голосования в августе 1992 г. по поводу документа, призывавшего к объединению свет-

ских и социалистических сил, который был составлен в ответ на предложение партийного меньшинства о союзе с ДПЛС и принятии общей правительственной программы левых сил. Чтобы как-то остановить рост недовольства членов партии его политикой, Кракси добился назначения на пост вице-секретаря ИСП Джанни Де Микелиса, но этот жест не прибавил ему популярности⁶.

Разногласия по поводу пути выхода из кризиса, которые возникли между Кракси и К. Мартелли, в то время занимавшего пост министра юстиции, стали особенно явными с сентября 1992 г. В дальнейшем они продолжали обостряться, положение дел в партии все чаще вызывало тревогу. В конце октября Мартелли призвал к отставке политического секретаря и был поддержан 20 из 73 членов руководства ИСП. Кракси вынес данный вопрос на голосование на заседании Национальной ассамблеи ИСП 26 ноября 1992 г. 63% ее членов проголосовали за то, чтобы он сохранил пост секретаря. Мартелли и его течение «Социалистическое обновление» поддержали 32,5%. За третью группировку во главе со Спини проголосовали около 4%. Кракси намеревался руководить ИСП до чрезвычайного съезда, намеченного на весну 1993 г. Полученные им 15 декабря 1992 г. обвинительные документы по делам о коррупции и поступавшие одно за другим известия о том, что к судебным разбирательствам привлечены многие руководители партии, вынудили его уйти в отставку с поста секретаря ИСП. Это произошло на заседании Руководства партии 11 февраля 1993 г. Новым секретарем партии, как отмечалось, был избран Джорджо Бенвенуто, а ее председателем Джино Джуньи.

Кракси занимал этот пост шестнадцать с половиной лет, что дало основание некоторым исследователям называть это время в истории ИСП «эрой Кракси»⁷. Отставка последовала после длительных, малопонятных общественному мнению переговоров о выборе преемника, которые он вел в среде партийных руководителей, стремясь изолировать Мартелли. Но и сам претендент, Мартелли, получил повестку в суд в тот момент, когда уже рассчитывал занять его место. В результате он покинул ряды ИСП и ушел в отставку с поста министра юстиции. Кракси формально исключили из партии в январе 1994 г.⁸ Оба противоборствовавших лидера остались не у дел.

«Поведение Кракси не позволило произвести смену партийного руководства в фазе наивысшей нестабильности политической сцены. ИСП на протяжении ряда месяцев оставалась парализованной, а ее лидер, хотя и проявил большие способности в разгоревшейся подвижной войне, выглядел как человек, лишен-

ный инициативы»⁹, выразитель интересов всего «отжившего». Для одних он был – символом, для других – козлом отпущения погрязшей в коррупции политической системы.

Интересно, что еще в 1992 г., когда ИСП готовилась праздновать свое столетие, ее руководители строили радужные планы на будущее. Обладавшие наибольшей властью в партии Кракси и Мартелли затеяли разговор о «возвращении партии морали», разрабатывали теории создания общества «заслуг и потребностей», проекты модернизации общества. Но накрывшая социалистов волна судебных расследований и допросов, когда, по словам Бенвенуто, «один обвиняемый топил другого», наводили на мысль, что руководители партии ведут себя как утопающий при кораблекрушении: спасая себя, тащат под воду других. Согласно Бенвенуто, это был «самый настоящий политический каннибализм».

На заданный ему мною вопрос, что он увидел, когда в 1993 г. оказался в «комнате с кнопками» управления (так в свое время называл кабинеты, из которых осуществляется власть, П. Ненни), Бенвенуто ответил: «...да, в сущности, в комнате уже ничего не было, даже кнопок. Но, шутки в сторону. В конце существования социалистической партии наиболее важным моментом были периоды не моего или Дель Турко краткого пребывания на посту секретаря, а то время, когда распался союз Кракси и Мартелли. Последний в связи со столетием ИСП в 1992 г. заявил, что “партии необходимо вернуть мораль”. Разрыв произошел потому, что партия раскололась. (...) Необходима была комиссия по расследованиям в самой партии, но ее никто не хотел создавать. Она могла бы информировать печать, средства массовой информации».

Перед тем как Бенвенуто без его особого на то желания был избран секретарем партии (против другого кандидата – В. Спини – возражал Амато), он пришел посоветоваться к Кракси. Тот обещал ему любую поддержку, если он возглавит ИСП, но при этом сказал: «Но ты, Джорджо, должен знать, что партии больше нет. Подумай хорошенько, возможности ее спасти уже не существует». Кракси считал, что в лучшем случае «могут возродиться социалистические партии на региональном уровне, но ИСП как единая организация кончилась». «И он был прав. Когда я пришел к руководству, партия была в роли преследуемого и разваливалась»¹⁰.

Итак, 1992 г. стал для партии годом серьезнейшего кризиса, из которого ей так и не удалось выйти. Он затронул все партийные структуры сверху донизу. О том, как низко пал престиж социалистов, свидетельствует тот факт, что в 1992 г. число членов

партии сократилось до неимоверно малой цифры – 51 224, тогда как еще в 1991 г. их было 674 057. В предыдущие годы динамика, как правило, была положительной, в 1986 г. партия насчитывала 593 231 членов, в 1987 г. – 620 557, в 1988 г. – 630 692, в 1989 г. – 635 504, в 1990 г. – 660 195. В конце концов коррупционные скандалы и беспомощность ослабленного внутренними раздорами руководства, его неспособность спасти положение способствовали массовому оттоку из партии рядовых членов, потере прежнего, стабильно голосовавшего за социалистов электората (около 15% избирателей). В следующем, 1993 г. ситуация в партии лишь ухудшалась.

29 января 1994 г. на Генеральных штатах Социалистического учредительного собрания было торжественно объявлено о «воссоздании» Итальянской социалистической партии. Лидер партии Дель Турко фактически отказал в членстве в ней тем, кто был повинен в коррупционных скандалах, уничтоживших прежнюю ИСП¹¹. Но это не исправило положения, корабль шел ко дну.

На парламентских выборах 1994 г. ИСП объединилась с ДПЛС в Альянсе прогресса, который, однако, эти выборы проиграл. За ИСП было подано 800 000 голосов. Хотя результат социалистов превысил ожидания, партия провела в парламент всего 14 депутатов. Эта цифра показывала, насколько далеко зашел партийный кризис. Достаточно напомнить, что в 1992 г. от ИСП в парламент были избраны 92 депутата и 49 сенаторов. На выборах 1994 г. в Европейский парламент ИСП, выступая в союзе с Демократическим альянсом, добилась ничтожного результата – 1,8% голосов.

После распада партийных структур собрать воедино всех социалистов не удалось. «Официально прекратившая свое существование в ноябре 1994 г. ИСП оставила после себя», отмечает один из известных исследователей «итальянского социализма», Л. Рапоне, «шлейф исчезающих и ссорящихся между собой фрагментов неопределенного положения и неясного будущего»¹².

Теперь социалистическое движение не имело единой, ведущей политической организации, каковой на протяжении века являлась ИСП. В итальянской политике возникло новое понятие «социалистическая диаспора»¹³. После роспуска партии в ноябре 1994 г. Энрико Бозелли собрал часть вышедших из ИСП членов под эгидой нового образования Итальянские социалисты. Другая часть предпочла называться Социалистической реформистской партией. На наследство ИСП претендовали в 1990–2000 гг. сохранявшая прежний «бренд» Итальянская социалистическая партия во главе с О. Дель Турко, Лейбористы во главе с В. Спини,

группировки Социалистическое возрождение Дж. Бенвенуто, Либерал-социалистическая федерация – Союз демократов и социалистов У. Интини, Лига социалистов К. Мартелли и М. Дель Буэ, Социализм и свобода Р. Формики, Социализм есть свобода К. Синьориле, Новая ИСП, Социалисты Бобо Кракси и др.¹⁴

Итальянские социалисты под руководством Бозелли входили в левоцентристскую коалицию «Олива», объединившись с экологами и центристами из «Ромашки», которую возглавляет Ф. Рутелли. В 1998 г. Итальянские социалисты преобразовались в партию Итальянские демократические социалисты (ИДС) во главе с тем же Э. Бозелли. Именно ИДС в роли прямой наследницы ИСП представляет итальянских социалистов в Социалистическом интернационале.

Позднее Итальянские демократические социалисты объединили свои силы с потерпевшими в результате кризиса начала 90-х годов не меньший, чем ИСП, урон итальянскими социал-демократами под руководством Джанфранко Скьетромы, а также частью Социалистической партии и отдельными группами Лейбористской федерации. (О глубине кризиса, поразившего возглавляемую с 1995 г. Скьетромой ИСДП, свидетельствует тот факт, что проводившиеся ранее раз в два-три года партийные съезды в последние 15 лет подолгу не созывались. XXIII съезд социал-демократов прошел в Римини в мае 1991 г., XXIV – в Болонье в январе 1995 г., XXV – в Риме в январе 2004 г., XXVI – в Риме в декабре 2005 г.) На выборах 9–10 апреля 2006 г. эта объединенная партия вместе с радикалами предстала в списке кандидатов под названием «Роза в кулаке» (символ социалистического движения), войдя в левоцентристский блок Союз¹⁵. За «Розу в кулаке» проголосовали 851 875 избирателей (2,5%). Но, едва образовавшись и относительно успешно выступив на выборах, это объединение уже летом 2006 г. оказалось ввергнуто в кризис¹⁶.

Большинство Лейбористской федерации во главе с В. Спино на состоявшихся в 1998 г. во Флоренции Генеральных штатах левых сил влилось в партию Левые демократы. Один из прежних лидеров ИСП, бывший министр финансов Р. Формика возглавил «политико-культурное» движение Социализм и свобода¹⁷. Формика, выступая на Социалистическом конвенте 27 января 2006 г., напомнил, что это год тридцатилетнего юбилея со дня прихода к власти в ИСП (после заседания руководства в отеле «Мидас») группировки во главе с Кракси. В довольно длинной речи, опубликованной на одном из сайтов Интернета, Формика продемонстрировал верность Беттино Кракси и его идеям, которые, по его мнению, на протяжении 16 лет, пока тот возглавлял партию, «воз-

действовали на мир итальянской политики». «Историческая Левая, – заявил Формика, – в настоящее время остается объектом той же озабоченности, которую в свое время удалось преодолеть Кракси. Потому что вопрос о руководстве страной после кризиса так называемой Второй республики по-прежнему открыт»¹⁸.

Ведомая Де Микелисом еще одна группировка социалистов в 1996 г. создала новое объединение – Социалистическую партию (СП), сохранив символику прежней ИСП. Ее лидеры заявляли о приверженности социалистическим традициям, намерении продолжить политические проекты Беттино Кракси. В 2001 г. СП вместе с Лигой социалистов под руководством К. Мартелли, Бобо Кракси и другими группировками основала Новую ИСП, примкнувшую к правой коалиции «Дом свобод» во главе с Берлускони.

В действительности не все социалисты захотели остаться на левом фланге и примкнуть к Левым демократам, кое-кто ушел к правым, пополнив ряды не только партии-движения «Вперед, Италия», но и Национального альянса¹⁹. В этом смысле характерен пример Новой ИСП, которую возглавляли Дж. Де Микелис и Бобо Кракси. Так как левая Новая ИСП оказалась в 2001–2006 гг. в рядах правой коалиции, политики трактовали это как сохранявшуюся итальянскую аномалию. Новая ИСП набрала на выборах в апреле 2001 г. 0,9% голосов.

На IV съезде этой партии (Рим, 21–23 октября 2005 г.) делегатам были представлены две главных резолюции – «Единство и обновление итальянских социалистов. Новый социализм для новой Европы» Б. Кракси и «Идентичность, автономия и единство социалистов» Дж. Де Микелиса. Часть съезда поддержала первого лидера, другая – второго. Политические наблюдатели надеялись, что после избрания Де Микелиса секретарем Новой ИСП возможно ее сближение с ИДС и воссоединение социалистов в единой Итальянской социалистической партии с возвращением ее собственного исторического названия.

Однако эти надежды не оправдались. Уже в начале 2006 г. Новая ИСП раскололась на своем полном драматизма форуме, после аннулирования по решению суда результатов которого Де Микелис сохранил пост секретаря партии. Пути двух лидеров Новой ИСП в итоге разошлись. Накануне парламентских выборов каждый из них возглавил самостоятельную партию. Де Микелис – оставшуюся в коалиции правых сил Новую ИСП, Б. Кракси – новое образование под названием «Социалисты», примкнувшее к коалиции левоцентристов²⁰. Оба они стремятся играть заметную роль на политической сцене.

Другие происходящие от ИСП группировки наподобие Лейбористской федерации и Реформаторов за Европу, вошли в состав партии Левые демократы. Многие из известных партийных деятелей прежнего социалистического и социал-демократического ареала примкнули на личной основе к объединению «Ромашка» (Энрико Манка, Тициана Паренти, Джузи Ла Ганга, Тициано Треу, Марко Бьяджи) или влились в партию «Вперед, Италия» (Стефания Кракси, Маргерита Бонивер, Джулио Трмонти, Франко Фраттини, Ренато Брунетта, Фабрицио Чиккитто). В эти же два объединения вошли и целые группы представителей социалистическо-социал-демократической культуры. В партии «Вперед Италия» это группы Голубые реформаторы, Фонд Свободная и молодая Италия, а в «Ромашке» – Демократические социалисты и Демократическая партия. Социалистические течения образовались и внутри партии Левых демократов, это Лейбористы–Либеральные социалисты и Реформаторы за Европу²¹.

Исчезновение традиционных партийных структур ИСП и образование партий-наследниц происходило одновременно с формированием новой партийной системы²². Исследователи выделяют три фазы трансформации прежней и возникновения новой системы в Италии в 90-е годы XX в. и начале XXI в. Первая фаза началась с распада прежней системы в конце 80-х годов и продолжалась до парламентских выборов 1992 г. В тот период на политической арене появились и закрепились силы наподобие Лиги Севера. Вторая фаза (1992–1994) связана с операцией «Чистые руки», когда выяснилось, насколько политический класс коррумпирован. Тогда же была распущена опорная партия прежней системы (ХДП) и произошел ее окончательный распад. Третья фаза знаменовалась возникновением и консолидацией новой партийной системы²³. У власти попеременно находились то правая коалиция – с 1994 г., то левая – в 1996–2001 гг., снова правая – 2001–2006 гг. и сменившая ее левая – с 2006 г.

Возвращаясь к событиям конца XX в., следует напомнить, что к середине 90-х годов не только ИСП, но и многие другие партии, определявшие лицо страны в послевоенные десятилетия, утратили свои позиции и исчезли с политической арены. Традиционно занимавшие место в центре партийной системы ИСДП, ИРП и ИЛП в результате выборов 1994 г. оказались не представлены в парламенте (по итогам выборов 1992 г. ИСДП имела 2,7% голосов, ИРП – 4,4%, ИЛП – 2,9%). Социалисты из бывшей ИСП, как уже сказано, разошлись по другим партиям и создали группировки, претендовавшие на наследство. Часть из них

примкнула к левоцентристскому блоку, что было вполне естественно. Для того чтобы разобраться в сложных поворотах судьбы бывших социалистов, необходимо в общих чертах представить политическую панораму Италии конца XX – начала XXI в.

Страна переживала бурные перемены. Два гиганта, которые главным образом вели борьбу в послевоенное пятидесятилетие – ХДП и ИКП – (вместе они иногда набирали до двух третей голосов избирателей) в начале 90-х годов вступили в полосу жесточайшего кризиса. Пожалуй, лишь ИКП удалось выйти из него обновленной, но все же с немалыми потерями. ХДП раскололась и утратила передовые позиции (если в 1992 г., как всегда она была первой – за нее проголосовали 29,7% избирателей, то в 1994 г. за представших в качестве ее наследников Итальянскую народную партию и Пакт Сеньи – соответственно 11,1% и 4,7%). Так же, как и в случае с ИСП, многие видные руководители ХДП оказались среди обвиняемых в коррупции представителей мира политики и бизнеса, которых удалось выявить в ходе операции «Чистые руки». Такой авторитетный политик, как Дж. Андреотти, был обвинен в связях с мафией²⁴. В начале 90-х годов мафия активизировалась, мафиози убивали высокопоставленных чиновников итальянской юстиции и видных политиков²⁵.

ИКП, которая всегда была главным конкурентом ИСП на левом фланге (в противовес коммунистам социалисты отстаивали социал-демократические подходы, свою, как сказал мне в интервью В. Страда, «независимость в качестве антифашистской и антикоммунистической, т.е. антитоталитарной силы»²⁶), в начале 90-х годов преобразовалась в социал-демократического типа партию. Крушение социалистической системы и Советского Союза, с которыми были тесно связаны итальянские коммунисты, заставило ИКП пересмотреть свою политику. Коммунисты довели начавшийся еще в 50-е годы и прошедший многие стадии, в том числе в годы политики еврокоммунизма, процесс ревизии до логического конца. Преобразования в коммунистическом крыле левых сил на деле лишили социалистов пространства для маневра, их политическую нишу занял бывший конкурент. Когда образовалась Демократическая партия левых сил (ДПЛС), то именно с ней, как самой близкой по духу, ценностям и идеям, казалось бы, следовало объединиться социалистам. Подчинить себе эту занимавшую гораздо большее электоральное пространство партию они не могли. Сотрудничать с коммунистами-традиционалистами, которые основали новое объединение Коммунистическое воссоздание (КВ), продолжавшее прежнюю линию ИКП, социалисты тоже не хотели. Бывшие коммунисты в целом (ДПЛС и

Коммунистическое воссоздание) в сложившихся условиях начала 90-х годов утрачивали былое влияние. Если единая ИКП получила на парламентских выборах 1987 г. 26,6% голосов, то в 1992 г. ДПЛС набрала 16,1% и КВ – 5,6%. Положение стало исправляться в середине 90-х годов, на выборах в 1994 г. ДПЛС получила 20,4% и КВ – 6,0%. На выборах 1996 г. дела пошли лучше, ДПЛС поддержали 21,1% избирателей, КВ – 8,6%, в целом это были те же приблизительно 30% граждан, которые и ранее голосовали за ИКП. В отличие от социалистов, коммунистам в условиях, когда традиционные партии исчезли, удалось сохранить заметное влияние, хотя и не столь мощное по сравнению с уровнем середины 70-х годов.

Следует добавить, что с изменением курса ИКП рухнула скреплявшая итальянскую партийно-политическую систему подпорка в виде антикоммунизма, которой долго пользовались правительственные партии, запугивая избирателей призраком коммунизма. Крах коммунистических режимов на Востоке Европы, само существование которых побуждало поддерживать антикоммунистические силы в Италии как «прифронтовом государстве» и тем самым стабильность сложившейся после войны системы доминирования ХДП и ее монополии на власть, повлек за собой крах ХДП и всей системы. Так, внутренние и внешние факторы привели к острому кризису итальянской демократии. Заговорили о конце Первой республики и переходе ко Второй республике, контуры которой еще только формируются²⁷.

Мощные глубинные процессы в экономической и социальной сферах, изменившие современное западное общество, отразились и на Италии. Стремительно рос сектор услуг при одновременном сокращении промышленного производства и падении уровня значимости аграрного сектора, он поддерживался на плаву лишь за счет государственных и общеевропейских субсидий из кассы ЕС. Широкое внедрение новых, в том числе компьютерных технологий, перемены в экономической и социальной жизни изменили социальный состав общества. Соответственно этому менялись электоральные предпочтения, наметился крен в сторону индивидуализма, частной предприимчивости. Одновременно размывались коллективистские ценности. Попытки путем поддержки частной инициативы, формирования в отдельных регионах страны так называемых индустриальных округов (где доминирующими становились мелкие и средние производства, небольшие фирмы сферы услуг) удержать уровень конкурентоспособности не всегда приводили к желанным результатам.

Созданные под прямым влиянием идей левых и под их давлением в странах ЕС во второй половине XX в. структуры социального государства способствовали улучшению качества жизни и увеличению ее продолжительности. Но теперь они не справлялись с новыми вызовами. Страны ЕС не могли обеспечить работой заметную часть своих граждан, привыкших к социальным благам, застрахованным на случай потери работы. На рубеже веков на рынке труда создалась патовая ситуация, перспективы сокращения безработицы на ближайшее время не просматривались. Начался процесс деиндустриализации, предприниматели западных стран, не исключая Италию, переносили промышленное производство в развивающиеся страны, где стоимость рабочей силы была ничтожной по сравнению с ее стоимостью на Западе.

С другой стороны, в результате недальновидной политики послевоенных десятилетий в индустриально развитых странах обострилась демографическая ситуация, возникла нехватка рабочих рук в тех сферах, где не хотело работать коренное население. Проблемы рынка труда пытались решать с помощью приглашения на работу молодежи из стран третьего мира, а с начала 90-х годов – из стран Восточной Европы. Наплыв дешевой иностранной рабочей силы Западная Европа, в частности Италия, особенно ощутили на рубеже XX–XXI вв. На многих сохранившихся предприятиях традиционных отраслей промышленности иностранцы стали основной рабочей силой. Легальная миграция в последнее время все больше дополнялась нелегальной. Как и для других западноевропейских стран, для Италии привычно, что ее протяженные морские границы штурмуют потоки нелегалов из Африки и Азии. Нередко все кончается трагически, нежеланные мигранты десятками и сотнями гибнут при попытках попасть в вожденный рай, в страны так называемого «золотого миллиарда»²⁸. Проблема миграции во всех «старых» государствах – членах Европейского союза требует немедленного урегулирования²⁹.

Угроза международного терроризма, подпитываемого неравенством в мире и нетерпимостью крайне агрессивных, непримиримо настроенных религиозных фанатиков к представителям иных культур, заставила развитые государства принимать беспрецедентные меры безопасности, а бремя возросшего финансирования силовых структур переносить на плечи налогоплательщиков. Италия, будучи членом НАТО, вместе с союзниками подержала в 1999 г. бомбардировки соседней Югославии (у власти тогда находилось левоцентристское правительство во главе с лидером Левых демократов Д'Алемой), а затем в борьбе с между-

народными террористическими организациями отправила войска в Афганистан и Ирак (это происходило при правоцентристском правительстве Берлускони). Против такой внешней политики правительства протестовали прежде всего сторонники оппозиционных левых. Политические партии, как левые, так и правые, реагировали на значимые перемены в итальянском обществе и мире с большим опозданием, когда социальные болезни становились хроническими и нередко неизлечимыми. Социалисты, в период существования ИСП всегда одними из первых реагировавшие на общественные коллизии и предлагавшие пути их решения, из-за организационной разрозненности и слабости уже не могли выдвинуть подходящих программ действий.

В 90-е годы на политическую авансцену Италии вышли силы, которые ранее были едва заметны либо их не было вовсе: ИСД–Национальный альянс, Лига Севера и созданная Берлускони партия «Вперед, Италия». Итальянское социальное движение – Национальные правые силы, всегда занимавшая крайне правые позиции и считавшаяся неофашистским, переименовала себя в Национальный альянс и добилась заметных успехов на парламентских выборах (1992 г. – 5,4%, 1994 г. – 13,5%, 1996 г. – 15,7%, 2001 г. – 12%, 2006 г. – 12,3%). Лига Севера, появившаяся на политической арене в конце 80-х годов с лозунгами федерализации страны, распределения доходов в пользу более развитого Севера и его дальнейшего дистанцирования от недоразвитого Юга завоевывала все больше симпатий избирателей в северных областях. Если в 1987 г. «лигисты» набрали всего 0,5%, то на последующих общенациональных выборах в 1992 г. – 8,6%, 1994 г. – 8,4%, 1996 г. – 10,1%, 2001 г. – 3,9%, 2006 г. – 4,6%. «Вперед, Италия» добилась головокружительного успеха на первых же для себя парламентских выборах (1994 г. – 21,0%), что позволило С. Берлускони занять пост премьер-министра. Она удержала свои позиции и на последующих выборах 1996 г. (20,6%).

Накануне выборов 1994 г. правоцентристы создали объединение, в которое вошли «Вперед, Италия», Лига Севера, Национальный альянс. На парламентских выборах 27 марта 1994 г. за них проголосовали 42,9% избирателей, и благодаря принятому незадолго до этого новому избирательному закону они получили 58,1% мест в Палате депутатов. И хотя их представители заняли командные высоты, результаты их правления не устраивали многих итальянцев. Из-за внутренних раздоров в коалиции (из нее вышли представители Лиги Севера, посчитавшие, что правительство игнорирует их требования) и новых коррупционных скандалов, в которые оказался вовлеченным концерн Берлускони

«Фининвест», правоцентристское правительство 22 декабря 1994 г., просуществовав 225 дней (средний срок пребывания послевоенных кабинетов у власти составлял 315 дней), ушло в отставку.

В январе 1995 г. новое правительство образовал Л. Дини, до этого занимавший в кабинете Берлускони пост министра казначейства. Кабинет Дини, расцененный как правительство технократов-специалистов, просуществовал год, до декабря 1995 г., и ушел в отставку накануне очередного полугодового срока председательства Италии в Европейском союзе.

После поражения правых на парламентских выборах в апреле 1996 г. ситуация снова изменилась. Хотя их партиям – «Вперед, Италия», Лига Севера, Национальный альянс – удалось сохранить набранные на предыдущих выборах проценты голосов, из-за разобщенности (Лига Севера отказалась войти в коалицию «Полус», созданную двумя другими партиями) и потому, что теперь, согласно новому избирательному закону, в выигрыше оказались их противники, правым не удалось завоевать большинства.

Победу одержала левая коалиция под названием «Олива». Ее возглавил Романо Проди – известный экономист и бывший глава крупнейшего государственного треста ИРИ. Он сумел за короткий срок оздоровить концерн, дела которого находились в плачевном состоянии. Позднее, в 1999 г. Проди возглавил Европейскую комиссию, высший орган исполнительной власти, т.е. фактическое правительство Европейского союза. Программа по оздоровлению итальянской политической, экономической и общественной жизни была выдвинута Проди в вышедшей в марте 1995 г. книге «Управление Италией: Манифест осуществления перемен». Помещенные в конце этой небольшой книги комментарии принадлежали перу представителей трех разнородных политических течений Италии: выражающему интересы правых либералов И. Монтанелли, католического центра – падре Б. Сордже, левых кругов – П. Флорес д'Аркаису.

Таким образом, была сделана заявка на представительство в объединении «Олива» разнообразных политических направлений. В декабре 1995 г. Проди конкретизировал свою программу в 88 тезисах, она оказалась созвучной настроениям многих итальянцев. Проди выступил против приклеивания «анахронистской этикетки» коммунизма всем, кто не собрался под знамена правых. Проди осудил как попытки насильственных социальных экспериментов (в книге цитируется высказывание героя романа английского писателя Артура Кёстлера «Слепящая тьма» об Октябрьской революции 1917 г. в России как неудачном «физиче-

ском эксперименте над историей»), так и политику «ультралиберизма», проводники которой, наподобие М. Тэтчер, «по сути дела обращаются с обществом как с лабораторией для экспериментов». (По выражению Тэтчер, «то, что называется обществом, не существует», есть лишь «"индивидуумы", находящиеся во власти расчета».)³⁰ После парламентских выборов Проди заявил, что движение «Олива» не подменяет собой партии, в нем могут участвовать лица с партийным билетом и без него, допускается двойная партийная принадлежность. Движению надлежало объединить давние компоненты политической культуры: народно-католический, социал-демократический, либеральный, республиканский. Оно было организовано по автономному принципу и обладало подвижной структурой³¹.

Ведущая роль в левоцентристской коалиции принадлежала ДПЛС, поддержанной другими левыми силами, в том числе социалистами из разных партий. После длившегося десятилетиями пребывания в оппозиции составлявшие основу ДПЛС бывшие коммунисты во второй половине 90-х годов оказались у власти на национальном уровне (на местном уровне они и ранее добивались успеха и формировали сами или в коалиции с социалистами и другими органы власти). Этот факт был расценен как коренная перемена политической жизни, дальнейший шаг на пути трансформации современного итальянского государства из Первой во Вторую республику.

Начальной датой перехода от Первой ко Второй республике одни политологи считают начавшееся весной 1992 г. преследование политиков-коррупционеров. Другие ведут отсчет с образования весной 1993 г. первого правительства технократов во главе с бывшим президентом Итальянского национального банка К.А. Чампи. (Позднее он стал президентом Италии.) Однако ни победившие на выборах 1994 г. правые и правительство Берлускони, ни сменивший его, еще более технократический, чем это было при Чампи, кабинет Л. Дини не сумели придать этому процессу решающий импульс.

Согласно авторитетному мнению профессора Флорентийского университета М. Качальи и профессора Броуновского университета в США Д.И. Кертцера, издателей очередного тома «Политика в Италии» (1996), было трудно дать оценку этому переходу. Итальянский и американский исследователи при этом справедливо отметили, что переход от авторитаризма к демократии – явление, характерное в последние тридцать лет для Южной Европы, Латинской Америки и Восточной Европы – изучен во многих научных трудах на хорошем теоретическом уровне. Однако почти

не было работ, посвященных переходу от одного типа демократии к другому, именно из-за недостатка подобного исторического опыта. Тому, что происходило в Италии, можно найти лишь некоторое соответствие во Франции, а именно переход от Четвертой к Пятой республике, но этого слишком мало, чтобы предложить убедительные интерпретативные схемы³².

В период правления коалиции левых сил во главе с Р. Проди (после выборов 1996 г.) была выдвинута программа реформирования страны. Проди, затем сменивший его на посту премьер-министра в 1998 г. Д'Алема, бывший лидер ИКП, а в тот период руководитель Левых демократов, как впоследствии другой премьер из левоцентристской коалиции Дж. Амато, в прошлом один из руководителей ИСП, проводили политику, характерную для европейских левых. Она была направлена на укрепление демократических порядков, стабилизацию партийной системы в ее новой конфигурации, существующей с середины 90-х годов. Правительствам левой коалиции в результате реализации курса жесточайшей экономии и существенного сокращения государственных расходов удалось значительно уменьшить дефицит госбюджета с тем, чтобы Италия смогла войти в зону евро. Страна была принята в клуб участников этой новой валютной единицы из числа стран ЕС, и с 1 января 2002 г. евро сменил итальянскую лиру в качестве национальной денежной единицы. Однако «попытки левого центра упорядочить социальное государство и повысить его эффективность с помощью рыночных механизмов повлекли за собой скорее разочарование и недовольство масс и озлобленное сопротивление затронутых корпоративных групп»³³. Позиции левых оказались непрочными, на очередных парламентских выборах большинство граждан отказали им в поддержке.

Снова пришедший к власти в результате победы на выборах 13 мая 2001 г. лидер правой коалиции «Дом свобод», крупнейшей партией которой осталась «Вперед, Италия» (она получила 29,4% голосов), С. Берлускони в период пребывания на посту премьер-министра провел ряд реформ. Они затронули самые разные социальные слои. Нередко жесткие меры в экономической и социальной сфере, к которым прибегали правые, встречали протест: частые забастовки и манифестации оставались неотъемлемой частью итальянской жизни³⁴. Правящие партии пытались доминировать во всем, добиваясь не только преимущества в политических структурах, но и культурной гегемонии. Проводя курс на ревизию национальной истории XX в., они стремились влиять на общественные настроения, умалить значение заслуг антифашизма, определявших политический и

моральный климат в стране на протяжении всего послевоенного периода³⁵.

В угоду своему лидеру Берлускони правительство правоцентристов «корректировало» итальянскую юстицию. Иницируя новые законы, оно добивалось отмены расследования судами дел самого Берлускони и его ближайших соратников, обладавших иммунитетом в период пребывания во властных структурах. Берлускони и его соратники обвинялись в совершении противоправных действий в 80–90-е годы, в частности в подкупе судей³⁶. Не только в Италии, но даже во многих странах-партнерах по ЕС, нередко появлялись едкие памфлеты по поводу специфичности итальянской демократии в годы нахождения Берлускони у власти³⁷. Невзирая на острую критику, его правительство, переформированное весной 2005 г., сумело установить необычный для страны рекорд, просуществовав весь период легислатуры (2001–2006). Оно попыталось закрепить наметившиеся тенденции по введению в сферу государственного управления принципов федерализма, передать ряд властных полномочий из центра на места. Взятый правыми курс на федерализацию натолкнулся на мощное противодействие не желавшей поступаться принципами государственного централизма левой оппозиции. В конце 2005 г. ввиду принятия правым большинством парламента ряда новых законов, касающихся дальнейшей федерализации, полемика между левым и правым лагерями достигла необычайной остроты³⁸.

Несмотря на затраченные на избирательную кампанию огромные средства, Берлускони проиграл выборы в апреле 2006 г., и хотя поначалу не признал их результатов, был вынужден подчиниться воле большинства итальянских граждан и перейти в оппозицию. Уровень поддержки партии «Вперед, Италия» на этих выборах понизился до 23,7%. Многие бывшие социалисты из претендующих на наследство ИСП партий в надежде на ощутимую поддержку избирателей вошли в предвыборный левоцентристский блок, главными участниками которого стали Левые демократы, «Ромашка», Европейские республиканцы³⁹. Коалиция на самом деле изначально являлась довольно рыхлой, противоречия между составляющими ее партиями нередко достигали критической остроты, поэтому возникали опасения, что она не сможет продержаться на плаву весь срок легислатуры. Характерно, что еще за несколько месяцев до выборов левоцентристы не могли найти лидера, за которым пошли бы все политические партии и группировки левого спектра. В конце концов удалось договориться, и образованный в преддверии выборов новый

блок под названием Союз (по-итальянски Унионе) возглавил Романо Проди.

Левые благодаря незначительному перевесу в 25 тыс. голосов сумели победить (по принятому в конце 2005 г. правительством Берлускони закону, готовившему его под свои интересы и потребности, набравший большинство голосов блок получал преференции и дополнительно – примерно 5% депутатских мест). Так левые получили устойчивое большинство в палате депутатов и незначительное, всего на два голоса больше, преобладание в сенате. Проди сформировал новое правительство. Путевку в жизнь оно получило от нового президента Италии, избранного 10 мая 2006 г. одного из бывших руководителей ИКП, Дж. Наполитано. Палату депутатов и сенат также возглавили представители левоцентристского блока – лидер партии «Коммунистическое воссоздание» Ф. Бертинотти и левых католиков Ф. Мартини. Тем самым на всех ключевых постах Итальянской республики оказались выдвиженцы блока Союз. Появился шанс провести назревшие реформы. Но, учитывая, что экономический рост в Италии за последние пять лет не превышал в среднем 0,4% в год, осуществить их новому правительству будет нелегко.

Главное объединение блока Союз сохранившее прежнее, знакомое избирателям название «Олива», набрало на апрельских выборах 2006 г. 31,3% голосов. Основной силой «Оливы» остаются Левые демократы (бывшие коммунисты и социалисты), во главе с П. Фассино и движение «Ромашка» (экологи, левые католики и др.) во главе с бывшим мэром г. Рима Ф. Рутелли. В условиях острой предвыборной борьбы лидеры левых сделали шаг навстречу католикам и Ватикану, сняв с повестки дня свое требование о признании законными однополых браков. В других западных странах левые обещали внести подобные новшества в законодательства своих стран⁴⁰. Другой заметной партией левоцентристского блока является набравшее 5,8% «Коммунистическое воссоздание». Близкую к ней партию Итальянские коммунисты поддержали 2,3% избирателей, за «Розу в кулаке», в которой объединились Итальянские демократические социалисты и радикалы, проголосовали 2,5% избирателей.

Несмотря на достигнутые левыми в целом успехи, сформировать политическую структуру, аналогичную ИСП, в нынешней Италии не удастся. Возникает закономерный вопрос: есть ли будущее у нынешних разрозненных социалистических партий и группировок, каковы их перспективы. Вот что ответили на заданные им вопросы подобного рода бывшие видные деятели ИСП.

По поводу нынешнего состояния и возможности объединения социалистов в одной партии, один из известных теоретиков ИСП, а ныне член руководства телекомпании РАИ У. Финетти заметил: «В Италии крах коммунизма был сведен к своего рода второму докладу Хрущева, который касался только СССР и коммунистических партий, находившихся у власти». Таким образом был обеспечен «мягкий переход от коммунизма к посткоммунизму без реального и радикального решения проблемы преемственности, о чем свидетельствует пребывание у власти той же группы руководителей, которая отказывает в признании тем, кто не вырос в ИКП в обстановке культа Грамши, Тольятти и Берлингуэра». При таком раскладе попытки дать жизнь партиям-наследницам социалистической традиции, по мнению Финетти, «обречены на неудачу». Другими словами, полемика между бывшими социалистами и коммунистами, достигшая своего пика в период правления в ИСП Беттино Кракси, продолжается по сей день, хотя и в очень изменившихся условиях.

Финетти полагает, что, несмотря на неоднократные попытки Левых демократов взять курс на реформы, им это никогда не удавалось. Высказывая свое, далеко не бесспорное мнение о событиях последнего периода, он подчеркнул: «После устранения в 1993 г. ИСП юридическим путем социалистический электорат на выборах 1994 г. разделился на большинство, давшее положительную оценку автономистской и реформистской политике и проголосовавшее за Берлускони, и левое меньшинство, большая часть которого проголосовала за ИКП-ДПЛС». Однако последующие попытки воссоздать социалистическую партию провалились как на правом, так и на левом флангах. Различия стали еще более явными во время последних выборов 9–10 апреля 2006 г., когда на правом фланге Де Микелиса (в объединенном списке с бывшими демохристианами), а на левом – Бозелли (в совместном списке с радикалами) и Бобо Кракси (в списке с Левыми демократами) поддержали (каждого) не более 1% избирателей.

«Чтобы воссоздать социалистическую партию, которой итальянцы смогли бы доверять, необходимы осуждение коммунизма и реабилитация социализма, а для этого, по крайней мере в настоящее время, нет условий даже в сообществе историков, где до сих пор преобладают апологетические оценки Грамши, Тольятти и Берлингуэра», констатировал Финетти⁴¹.

У «социализма» в Италии «огромное будущее, которое находится позади», пошутил в интервью другой бывший руководитель ИСП и сенатор от партии Левые демократы Ф.К. Безостри.

«Парадоксально, что после того, как была признана правота Турати во время раскола 1921 г., Сарагата – в 1947 г., Ненни – в 1956 г. и Кракси, когда он реформировал подвижную шкалу заработной платы и оказал сопротивление установке советских ракет, ИСП исчезла с исторической сцены. И это произошло после крушения советской системы, лишившего всякого алиби ее конкурента в левых силах – ИКП».

По мнению Безостри, отсутствие крупной социалистической партии в Италии не что иное как аномалия. Левые демократы входят в Европейскую социалистическую партию и в Социалистический Интернационал, но не осознают себя социалистами. Именно социалистической партии надлежит защищать социальные завоевания и светский характер общества. Но тот факт, что она необходима, еще не означает, что ее создание в нынешних условиях возможно. Объединение различных осколков ИСП должно было бы произойти давно, но сейчас это уже маловероятно, прежде всего по причине крайне нездоровой конкуренции мелких лидеров. При благоприятных обстоятельствах, объединив все разрозненные группировки, можно получить поддержку 5% избирателей. Но для того чтобы Италия стала политически нормальной страной, нужна демократическая социалистическая партия, которую поддержали бы 30–35% избирателей. Социалистические группировки могут сыграть роль катализатора в процессе, в который должны быть вовлечены две партии, наиболее склонные к переменам – Левые демократы и «Коммунистическое воссоздание», заключил Безостри⁴².

По мнению Дж. Бенвенуто, в настоящее время «нет смысла объединять все политические организации, которые считаются левыми. Исходя из предпосылки, что социалистическую партию воссоздать невозможно, лучше объединить тех, кто разделяет идеи реформизма. Социалистам надо гордиться прошлым, но о настоящем и будущем можно размышлять лишь в направлении образования партии, которая соберет реформистов всех направлений. Необходимо нечто новое, потому что новым является общество, в котором мы сегодня живем и развиваемся. Можно представить себе в перспективе европейскую социалистическую партию, которой пока не существует. Нам надо создать такую организацию, которая в эпоху глобализации придаст больше надежности миру труда и станет на защиту ценностей мирной жизни»⁴³.

Приведенные здесь мнения искушенных политиков еще раз подтвердили, что на вопрос: «Есть ли будущее у итальянского социалистического движения и его потенциальной партии?», они,

как правило, отвечают «да». Социалистические идеи в стране, как и повсюду в мире, сохраняют привлекательность. Характерно, что сторонники этих идей в Италии входят в политические блоки, различия между которыми, между левыми и правыми как таковыми, в повседневной практической политике все менее заметны⁴⁴.

Социалистические группировки, возникшие после ухода ИСП с политической арены, пытались объединиться. После победы коалиции левых сил на выборах 1996 г. тенденции воссоединения политических группировок социалистической ориентации, возрождения единой организации, представляющей социалистическое движение, укрепились. Встречи всех заинтересованных в таком объединении сил проходили на протяжении всего последнего десятилетия⁴⁵. Но сколько-нибудь заметного успеха социалистам достичь не удалось.

В рядах социалистов идет процесс переосмысления истории партии последних десятилетий. Особое внимание вызывает период (1976–1993), когда партией руководил Беттино Кракси. Авторами выходящих в последние годы трудов с мемуарно-публицистической подоплекой зачастую являются прежние руководители ИСП – В. Спини, Л. Лагорио и др. Они дают собственную интерпретацию событий, отличающуюся от той, что представлена в трудах историков, зачастую оправдывают действия краксианского руководства. Так, бывший мэр Флоренции и бывший министр обороны, находившийся четверть века в руководстве ИСП Лелио Лагорио считает, что на распад партии повлияли такие внешние факторы, как силовые властные структуры, жесткие политические противники. Но немаловажны и факторы внутрипартийной жизни, политические ошибки и расхождения в руководстве партии. Поэтому одержанная социалистами в период правления Кракси «идейная победа» не превратилась в «победу политическую»⁴⁶.

Отзывы о Кракси и его политике со стороны других деятелей ИСП звучат сдержаннее и не лишены критики. Так, известный «красный банкир», долгие годы руководивший Национальным банком труда (НБТ) Нерио Нези, входивший в левое течение во главе с Р. Ломбарди (в 1996 г. Нези стал членом парламента от «Коммунистического воссоздания», а в настоящее время он член партии ИДС)⁴⁷, заметил, что приближенные к Кракси деятели – Мартелли, Де Микелис, Амато – молчали, когда лидер ИСП принимал неверные решения. «Деспоты существуют потому, что другие готовы им подчиняться», прокомментировал Нези один из подобных эпизодов, когда Кракси в присутствии промолчавших

Де Микелиса и Мартелли обратился к нему как директору НБТ с просьбой предоставить для нужд партии 300 млрд лир. Нези ему отказал и заявил, что лучше уйдет в отставку, которую Кракси не принял. На вопрос о том, знал ли он о коррупции и нелегальном финансировании партии, Нези ответил, что написал в свое время письмо Р. Формике, в котором выказал свое неодобрение по поводу подписания Кракси декрета, направленного на спасение телевидения Берлускони. «Как можно так себя вести?», – спрашивал он в этом письме⁴⁸. Примкнув к ИДС, Нези остается ревностным приверженцем левоцентристского блока.

Идеи объединить силы тех, кто принадлежит в Италии к традиционному левому флангу, исходят не только от прямых наследников социалистов, но и от бывших коммунистов. Так, оживленные дебаты в политических кругах вызвало предложение лидера партии Левые демократы Пьеро Фассино партнерам по левоцентристской коалиции – объединению «Ромашка» – войти в Европейскую социалистическую партию, одну из ведущих политических сил в Европейском парламенте. Правда, многими представителями «Ромашки» эта идея была встречена в штыки, не одобрили ее и некоторые деятели партии Левые демократы⁴⁹.

В связи с отмечавшейся в 2006 г. 30-летней годовщиной «переворота в «Мидасе»» и прихода к управлению партией Кракси, в печати не раз звучали оценки прошлого, но одновременно и перспектив социалистического движения в Италии.

29-летний социалист, представляющий Новую ИСП в Европейском парламенте Алессандро Баттилоккьо, оценивая роль Беттино Кракси и его сподвижников, отметил, что «итальянские социалисты стали с 1976 г. протагонистами политики, возглавили лучшее правительство в истории республики и, прежде всего, привнесли темы и идеи, которые полностью обновили политическую и культурную дискуссию, устранив догматические подходы». «Многие английские коллеги лейбористы считают, что основополагающие идеи, разработанные в британской партии как программа под названием «Нью лейбор» и олицетворяющие наиболее продвинутые подходы мирового социализма, основаны на находках, с которыми итальянские социалисты выступили в 80-е годы». По мнению Баттилоккьо, руководители социалистов, в первую очередь из рядов молодежи, должны взять на себя ответственность выступить с «новым великим проектом возрождения Итальянской социалистической партии», «строительная площадка для этого подготовлена»⁵⁰.

Ставший заместителем министра иностранных дел лидер партии Социалисты Бобо Кракси высказал свою точку зрения на

возможность объединения светских и социалистических сил. Объединение всех социалистов представлялось ему в середине 2006 г. более реальным, чем в предыдущий период⁵¹. В одном из выступлений он заявил: «Необходимо покинуть спасательные шлюпки и создать более прочный и единый социалистический корабль, собрать на нем всех “попутчиков” из левых, опирающихся на идеи великой политической традиции итальянского и европейского демократического социализма»⁵².

«Почему же в Италии так и не сформировалась за эти годы крупная социалистическая и либеральная партия, способная получить поддержку большинства избирателей, как это происходит в других европейских странах?», – спрашивает другой лидер социалистов Мауро Дель Буэ. «Да потому что перейти от коммунизма к некой неопределенной демократии оказалось проще, чем от коммунизма к либеральному социализму. Первый переход почти безболезнен и не содержит признания идейного поражения. Второй требует сведения счетов с историей и разрыва с прежней традицией». «Ныне в свете споров о демократической партии, снова возникает все тот же “социалистический вопрос”. Социалисты слишком слабы, чтобы заняться им вплотную, но вопрос этот слишком важен и избежать его обсуждения не удастся». Наследники ИСП, по мнению Дель Буэ, должны в полной мере осознать эту задачу. Новая партия, которой надлежит прийти на смену ИСП, обязана выступить в роли автономного, обладающего собственными программными установками субъекта политики. Он полагает, что объединение «Роза в кулаке», в которое вошли ИДС и радикалы, представляющие значительную часть сторонников либерального социализма, должно выдвинуть более убедительный проект. Социалистам, которые примкнули к Левым демократам, равно как и пополнившим ряды партии «Вперед, Италия», следует четче обозначить свои особые позиции. Дель Буэ, как и многие другие, не верит, что в предстоящие годы «социалистический вопрос» лишится актуальности и о нем забудут⁵³.

Будущее покажет, насколько реальны планы воссоздания крупной политической силы, продолжателя славных традиций столетней истории итальянских социалистов. Придерживающиеся социалистических взглядов левые способны оживить эти традиции. Несмотря на серьезные препятствия, со временем они способны дать жизнь новому объединению, которое может стать преемником так много сделавшей для страны политической организации под названием Итальянская социалистическая партия.

- ¹ *Degli Innocenti M.* Storia del PSI. Roma; Bari. Vol. 3: Dal dopoguerra a oggi. 1993. P. 467.
- ² *Colletti L.* Craxi, da leader a grande accusato // *Corriere della sera*. Milano, 1993, 12 febr. Цит. по: *Degli Innocenti M.* Op. cit. P. 468.
- ³ *Ibid.* P. 469.
- ⁴ *Galli G.* Ma l'idea non muore. Storia orgogliosa del Socialismo italiano. Milano, 1996. P. 347.
- ⁵ *Pasquino G., Helmann S.* Politica in Italia. I fatti dell'anno e le interpretazioni. 1993. Bologna, 1993. P. 50.
- ⁶ *Degli Innocenti M.* Op. cit. P. 470.
- ⁷ См., например: L'era di Craxi: in 16 anni dagli altari alla polvere. La battaglia per l'egemonia a sinistra: le vittorie, le sconfitte e la rovina di un politico di razza // <http://www.repubblica.it/online/politica/craxi1/scheda/scheda.html> (19 gennaio 2000); <http://www.romacivica.net/aniroma/larepubblica/repubblicabiografie1.htm>; <http://www.romacivica.net/aniroma/larepubblica/repubblicacraxi.htm>
- ⁸ *Galli G.* Op. cit. P. 352.
- ⁹ *Degli Innocenti M.* Op. cit. P. 471.
- ¹⁰ *Джоржо Бенвенуто.* Интервью автору, 19.04.2006; см.: также: *Benvenuto G. con A. Fanto'.* Via del Corso – Il segretario dei 100 giorni svela i retroscena della rovina del Psi. Milano, 1993.
- ¹¹ Реформа избирательной системы в России и Италии: опыт и перспективы. М., 1995. С. 40.
- ¹² *Rapone L.* Socialisti // *Dizionario storico dell'Italia unita*. Roma, Bari, 1996. P. 874–875.
- ¹³ О «социалистической диаспоре» см.: http://www.wikipedia.org/wiki/Partito_Socialista_Italiano/htm; <http://www.cronologia.it/storia/biografie/partiti4.htm>; http://www.pericles.it/storia1.asp?ID_Storia=210; etc.
- ¹⁴ Все они стараются доказать, что являются ее прямыми наследниками. Как уже отмечалось, об этом говорится в принятой в 2002 г. программе ИДС (см.: Genova 12–14 aprile 2002. SDI – 2 Congresso nazionale. La politica delle cose. Agenda per un riformismo solidale e moderno. Genova, 2002).
- ¹⁵ О ситуации в стране и в левых силах в тот период см.: *Любин В.П.* Профессоре против кавалере // *Московские новости*. 2006, 7–13 апр. № 12 (1329). С. 14. Полный вариант статьи в Интернете: <http://www.mn.ru/issue.php?2006-12-69>
- ¹⁶ См., например: Dibattito interno nel Rosa nel Pugno // <http://www.rosanelpugno.it/rosanelpugno/taxonomy/term/146>
- ¹⁷ *Феличе Карло Безостри.* Интервью автору. Ч. 1. 29.03.2006.
- ¹⁸ См.: <http://www.domanisocialista.it/formicabccraxi.htm>; <http://www.domanisocialista.it/Speciale08Gennaio06.htm>
- ¹⁹ *Джоржо Бенвенуто.* Интервью автору, 19.04.2006.
- ²⁰ О позициях и политике данной партии см.: <http://www.socialisti.net/SOCIA-LISTI/document.htm>
- ²¹ http://it.wikipedia.org/wiki/Partito_Socialista_Italiano. P. 4–5.
- ²² *Любин В.П.* Партийно-политическая система Италии в 90-е годы. М., 1997.
- ²³ *Waldmann M.* Das Parteiensystem Italiens. Vom Untergang der Democrazia Cristiana zur zweiter Regierung Berlusconi. B., 2004. S. 72–86, 111.

- ²⁴ *Hennig Ch. Andreotti – Anstifter zum Mord? // Blätter für deutsche und internationale Politik. Berlin, 2003. N 1. S. 26–30.*
- ²⁵ *Lane D. L'ombra del potere. Roma; Bari, 2005.*
- ²⁶ *Витторіо Страда. Интервью автору. 28.03.2006. Следует отметить, что итальянские коммунисты и их лидеры «выводили свою партию за рамки сталинизма, формальное признание ленинизма все более сводилось на нет, а модель общества, которую выдвигала ИКП, имела черты передовой парламентской демократии». Agosti A. Togliatti, Tomo, 1996. P. 559.*
- ²⁷ Об Италии 90-х годов и позициях социалистов и левых сил в целом см.: *Лисовский Ю.П., Любин В.П. Политическая культура Италии. М., 1996; Яхимович З.П., Григорьева И.В., Лисовский Ю.П. и др. Проблемы демократии в теоретической мысли итальянского социализма. Материалы Круглого стола, посвященного 100-летию со дня основания газеты «Аванти». М., 1997; Италия – операция «Чистые руки». М., 1999; Левин И.Б. Италия после Первой республики // Политические институты на рубеже тысячелетий. Дубна, 2001; Он же. Первое «пятилетие левых» в Италии // Левые в Европе. М., 2001; Он же. Италия в поисках национальной идентичности // Космополис. М., Зима 2004/2005, N 4 (10). С. 93–113; Ginsborg P. Italia del tempo presente. Torino, 1998; Buonadonna S., Ginex R. Guida alla 2a Repubblica. Palermo, 1994; Romano S. Tra due Repubbliche. L'anno di Berlusconi e le prospettive dell'Italia. Milano, 1995; Intini U. La democrazia virtuale. Roma, 1995; Petersen J. Quo vadis, Italia? Ein Staat in der Krise. München, 1995; Foa V. Questo Novecento. Torino, 1996; Italian Politics. The Center-Left in Power. Boulder (Col.); Oxford, 1997; etc.*
- ²⁸ Дж. Пизану, министр внутренних дел в правительстве Берлускони, во время председательства Италии в ЕС в 2003 г. подчеркнул, что «в последние годы на глазах европейцев разворачивается гуманитарная трагедия огромного масштаба». (Deutsche Welle, 17.09. 2003.)
- ²⁹ Подробнее об этом см.: *Любин В.П. Революция миграции // <http://www.alestep.narod.ru>; Он же. Миграция как один из вызовов европейской безопасности // Европейская безопасность: События, оценки, прогнозы. М., 2005. С. 12–15; Он же. Современная миграционная политика европейских стран // Использование иностранной рабочей силы в России. Проблемы и перспективы. М., 2006. С. 181–195.*
- ³⁰ *Prodi R. Governare l'Italia: Manifesto per cambiamento. Roma, 1995. P. 16–17.*
- ³¹ *Prodi R. In autunno rilancio l'Ulivo // Repubblica. Roma, 1996, 10 ag. P. 6.*
- ³² *Politica in Italia: I fatti del anno e le interpretazioni. 1996 / A cura di M. Caciagli e D.I. Kertzer. Bologna, 1996. P. 40, 55.*
- ³³ *Левин И.Б. Италия и «третий путь»: Уроки «оливкового пятилетия» в Италии // Социал-демократия Запада перед вызовами современности. М., 2001. С. 64. В подтверждение этого вывода автор ссылается на работы итальянских авторов: Pennacchi L. Lo stato sociale del futuro. Roma, 1997; Ferrera M. Le trappole del welfare. Bologna, 1998.*
- ³⁴ *Перемены в жизни страны в начале XXI в. отражены в ежегодниках Римского научно-исследовательского института ЭУРИСПЕСС, издаваемых также на CD-дисках (см.: Rapporto Italia 2001, 2002, 2003, 2004, 2005. Roma, 2001, 2002, 2003, 2004, 2005).*
- ³⁵ *Современная Италия. М., 2004. С. 169–183.*

- ³⁶ См.: Lane D. Op. cit.
- ³⁷ См.: Schlamp H.-J. König Silvio I // Spiegel. Hamburg, 2001. N 52. S. 119–122; Bocca G. Piccolo Cesare. Milano, 2002; Berlusconi Italien – Italien gegen Berlusconi. B., 2002; etc.
- ³⁸ Любин В.П. Италия: трудный путь федерализации // Космополис. М., 2005. N 3 (13). С. 157–170.
- ³⁹ Феличе Карло Безостри. Интервью автору. Ч. 1. 29.03.2006.
- ⁴⁰ Schümer D. Genosse Gott. Die italienische Linke bekehrt sich zum Katholizismus // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2005. 8 Okt.
- ⁴¹ Уго Финетти. Интервью автору, 14.04.2006
- ⁴² Феличе Карло Безостри. Интервью автору. Ч. 2. 5.04.2006.
- ⁴³ Джоржо Бенвенуто. Интервью автору, 19.04.2006.
- ⁴⁴ Bobbio N. Destra e sinistra. Ragioni e significati di una distinzione politica. Roma, 1994, а также частичный перевод этой книги на русский язык: Боббио Н. Правые и левые // Неприкосновенный запас. М., 2003, № 5. С. 5–9.
- ⁴⁵ Информацией об этих подвигах второй половины 90-х годов со мною охотно делились известные политики, руководители возникших после крушения ИСП объединений социалистов, профсоюзные деятели, представители мира науки и средств массовой информации. Среди них: Клаудио Салерно и Джузеппе Фьори (Неаполь, 1996), Уго Интини (Рим, 1997), Антонио Ландольфи (Рим, 1997), Лучано Пелликани (Рим, 1997), Пиа Локатели (Всемирный конгресс молодых социалистов, Бонн, 1998), Джорджо Галли (Милан, 1998) и многие др.
- ⁴⁶ См.: Spini V. La Rosa e l'Ulivo. Firenze, 1998; Idem. Compagni siete riabilitati! Il grano e il loglio dell'esperienza socialista 1976–2006. Roma, 2006; Lagorio L. L'esplosione. Storia della disgregazione del PSI. Firenze, 2004.
- ⁴⁷ Nerio Nesi aderisce allo SDI. Sdionline – 15 aprile 2005 // <http://sdicivitatevechia.org/rass/index.php?id=4,175,0,0,1,0>
- ⁴⁸ Sabelli Fioretti C. Nerio Nesi – Corsera Magazine-3–06–2004 // http://www.sabellifioretti.com/interviste/archives/2004/06/nerio_nesi_cors.html
- ⁴⁹ См. об этом материалы, размещенные на сайте объединения «Ромашка»: http://www.margheritaonline.it/notizie/scheda.php?id_notizie23838
- ⁵⁰ Battilocchio A. Il futuro e' un'altra storia: Midas 30 anni dopo // <http://www.nuovopsi.com/visnews.asp?id=4997>
- ⁵¹ Craxi: Adesso l'unita' socialista e' piu' vicina // <http://www.socialisti.net/disc1/000006c2.htm> Roma, 2 lugl. 2006; Il Partito de «I Socialisti» tira le somme // <http://www.socialisti.net/disc1/0000071d.htm> Roma, 14 lugl. 2006.
- ⁵² Corsaletti V. Craxi: «L'Unita' socialista e' il progetto prioritario» // <http://www.socialisti.net/disc1/00000716.htm> 12.07.2006. P. 3.
- ⁵³ Del Bue M. La questione socialista oggi // <http://www.nuovopsi.com/visnews.asp?id=5017>

Читатели вправе спросить, зачем, собственно, надо изучать такой феномен, как ИСП и ее современные наследники, что это дает? Кратко отвечая на поставленный вопрос, хотелось бы отметить, что «итальянский социализм» – важнейший компонент национальной истории. Без конкретных знаний в этой сфере вряд ли возможно понять историческое прошлое и нынешний день Италии, разобраться в ее сложной политической жизни, делать прогнозы, оценивать перспективы. Накопленный в ходе развития итальянского социалистического движения опыт будет воспринят, прежде всего теми, кто признает социалистические идеалы, а у них найдется немало приверженцев и в нашей стране. Нацеленная на реформирование общества программа итальянских социалистов, их теоретические разработки и практические достижения, несомненно, должны привлечь внимание российских политиков, в первую очередь тех, кто стремится занять социалистическую нишу, проводить социал-демократический курс. Интересы лиц наемного труда, везде в мире защищаемые социал-демократией, в России не выражает ни одна представленная в парламенте партия, они остаются не артикулированными и поэтому не влияют на принятие руководством страны важных экономических, политических и социальных решений.

Моей задачей было осветить столетнюю историю «итальянского социализма» во всем ее многообразии на фоне наиболее важных событий конца XIX – начала XXI в. Главные герои книги – итальянские социалисты наряду с другими крупными партиями определяли развитие страны. Без ИСП трудно себе представить ее историю. Все левое движение социалистической направленности в Италии подразделялось на три компонента: социалистический, коммунистический, социал-демократический. Хотя последние два компонента существовали самостоятельно – коммунисты с 1921 г., социал-демократы – с 1947 г., все они развивались в общем русле социалистического движения и тесно взаимодействовали с ИСП.

В работе применялась сложившаяся методика исторических и политологических исследований. Возвращаясь к историческим источникам, напомним, что в книге использованы многие не публиковавшиеся ранее архивные материалы, собранные в результате многолетних поисков. В российских архивах работа велась с 70-х годов, но особенно интенсивно в последнее пятнадцатилетие, когда стали доступными рассекреченные материалы. К ним добавлены документы и материалы, собранные за рубежом, в архивах, фондах и библиотеках Италии, а также Германии, Швейцарии, Австрии, Голландии. Изучались партийные документы: уставы и программы, материалы съездов и конференций, выступления лидеров, дневники, переписка, мемуары. Большое значение придавалось публикациям партийной прессы: газеты «Аванти», журналов «Критика социале», «Ривиста дель социализмо италяно», «Мовименто операйо э социалиста», «Мондооперайо», «Аргоменти социалисти» и др. Используются сборники документов, антологии по истории рабочего движения, парламентские дебаты, речи парламентариев-социалистов. Были взяты интервью у политиков, входивших в руководство ИСП, интеллектуалов, разрабатывавших идеологию и политику ИСП.

«Итальянский социализм» – своеобразное явление европейской и мировой политической истории конца XIX – начала XXI вв., хотя в нем много сходного с аналогичными течениями в других индустриальных странах, где социалисты и социал-демократы представляли интересы масс, вышедших на политическую арену. Его главной целью, зафиксированной в противоречивых программах, было создание социалистического общества, базирующегося на демократических принципах, на постулатах равенства и справедливости. Идентичные цели отстаивали социалисты и социал-демократы Европы, с которыми ИСП тесно контактировала.

Прошлое ИСП содержит много славных страниц. В истории партии было все – пики и глубокие падения уровня популярности. Столь много расколов, попыток примирения и нового объединения сил, не переживала наверное ни одна европейская партия социалистического и социал-демократического направления. Немало было ошибочных решений, не украшающих историю партии фактов. В историографии неохотно трактовались, например, сюжеты, связанные с тем, что будущий «дуче» фашистского режима сформировался как политический деятель в рядах той же ИСП, а затем стал врагом социалистов. Партия вела потребовавшую неимоверного напряжения сил непримиримую борьбу с фашизмом и реакцией. Социалисты чаще всего находились в оппо-

зиции к правящим партиям, но были периоды (в конце и сразу после окончания Второй мировой войны, годы правления партий левого центра), когда они входили в правительство, предлагая программу реформирования страны.

Более чем столетний путь «итальянского социализма» разделен на имеющие самостоятельное значение и соответствующие хронологические рамки этапы. Нельзя обойтись без краткой характеристики предшественников итальянских социалистов, рабочего движения второй половины XIX в. На смену им шли те, кто обратился к выглядевшим более перспективными постулатам марксизма, объяснению мирового развития на основе исторического материализма. Обращение к марксизму и его положениям о неминуемом закате капитализма и смене его другой исторической формацией – социализмом способствовало в конце XIX в. созданию в Италии, как и других странах Европы, партии социалистов. Образованная в 1892 г. Итальянская социалистическая партия намеревалась отстаивать интересы угнетенных, добиваться улучшения их жизни, действуя легальными, парламентскими методами¹.

Начальный период ее истории совпал с «кровавым десятилетием» 1890-х годов, когда на социалистов обрушились преследования, запреты и гонения. Партия с честью выдержала это испытание. В новый период – «эру Джолитти», первое пятнадцатилетие XX в., – она стала заметным актором итальянской политической системы. Социалисты постоянно расширяли свою массовую базу и парламентское представительство. Шаги Джолитти навстречу рабочему движению в попытке сгладить противоречия между трудом и капиталом, создать условия для социального мира и тем самым погасить напряженность в обществе, привели к укреплению реформистских тенденций в ИСП. Реформисты уповали на градуализм – постепенное, с помощью реформ улучшение жизненных условий масс и одновременно укрепление позиций социалистов.

С самого начала внутри социалистической партии противоборствовали две «души» – реформизм и революционаризм. Это противоборство определяет всю историю партии. В предвоенные годы в партии получило преобладание не склонное к компромиссам революционное крыло, и правительственное сотрудничество социалистов с леволиберальными правящими силами не сложилось². Социалисты не вошли во власть и в последующий послевоенный период.

В годы Первой мировой войны ИСП стала единственной из западноевропейских партий II Интернационала, оставшейся на антимилитаристских позициях. Противоборство интервентистов

и нейтраллистов обусловило кризис либерального государства и имевшей многие дефекты демократии. Это сыграло негативную роль в послевоенный период, когда, казалось, страна была недалеко от революции, которую намеревались осуществить по примеру большевиков в России покинувшие ряды ИСП и создавшие собственную партию коммунисты. Как отмечал известный историк Л. Вальяни, предвидение Маркса о приходе социализма поначалу в индустриально развитых странах не сбылось, средние слои подобные перемены отвергли, да и самому пролетариату было что терять, кроме своих цепей³. Острое противоборство изначально присущих партии двух душ «итальянского социализма» привело к расколам: 1921 г., когда из ИСП вышли коммунисты, 1922 г., когда партию под давлением максималистов-третьей интернационалистов, сторонников присоединения ИСП к Коминтерну, покинули реформисты. Рост влияния социалистов, укрепление позиций рабочего движения, которые в «красное двухлетие» 1919–1920 гг. добились заметных уступок со стороны властей, вызвали ответную реакцию. Ослабление ИСП, поддержанной внушительной частью избирателей, но лишенной единства и распавшейся на три политических организации, оказалось на руку развернувшему наступлению силам реакции и фашизма. Страна пережила «черное двухлетие» 1921–1922 гг.

Нацеленный на насильственный захват власти фашизм, поддержанный испугавшимися революции и ликвидации своего привилегированного положения господствующими классами – связанной с монархией аристократией, обогатившейся на войне крупной буржуазией, заинтересованными в сохранении старых порядков аграриями, – достиг своей цели. Италия стала первой западной страной, где более чем на 20 лет установился фашистский, тоталитарный режим. Политические силы уничтоженной, сведенной на нет итальянской демократии, многие из которых, как и социалисты, были вынуждены отправиться в эмиграцию, переживали труднейший этап своего существования.

Поскольку легальная деятельность внутри страны оказалась невозможной, она продолжалась нелегально. Изгнанные из страны социалисты не прекращали борьбу, воссоздав организации партии за границей. Они сыграли немаловажную роль в объединении антифашистских сил. В середине 30-х годов руководимая Ненни ИСП заключила соглашение о единстве действий с КПИ, был восстановлен общий фронт левых сил. Он принес свои плоды в период участия антифашистов в гражданской войне в Испании. Впоследствии эти соглашения позволили активизировать борьбу с фашизмом в самой Италии.

Сыгравшие главную роль в Соппротивлении левые, под руководством которых сражались и в апреле 1945 г. одержали победу партизанские соединения, стали протагонистами послевоенных событий. Новый раскол ИСП в 1947 г., выход из нее реформистов, создавших собственную социал-демократическую партию, привел к раздроблению сил «итальянского социализма». ИКП благодаря более гибкой стратегии и тактике в первые послевоенные годы получила преимущество над ИСП, которое ей удалось сохранить и приумножить в последующие десятилетия, когда она превратилась в ведущую партию левых. Несогласованность действий позволила их противникам в лице ХДП и ее союзников, центристов и правых, взять власть, отстранить антифашистов левых убеждений от руководства страной, левые перешли в долгосрочную оппозицию.

С середины 50-х годов нарастали тенденции, обусловившие расхождение путей ИКП и ИСП, постепенно возвращавшейся к своим реформистским началам, тогда как коммунисты не отказывались от проекта завоевания власти и построения социализма при условии установления диктатуры пролетариата и, следовательно, осуществления в Италии такого же, как в СССР и других странах социалистического лагеря, социального эксперимента. ИСП заметно изменила свои подходы и оценки данного эксперимента после военного вмешательства СССР и его восточноевропейских союзников в события в Венгрии 1956 г., а затем и Чехословакии 1968 г. Пришедшее осознание бесперспективности подобного пути побудило итальянских социалистов в 60-е годы откликнуться на предложение ХДП войти в левоцентристское правительство. Под давлением социалистов был осуществлен ряд реформ, учитывавших в первую очередь интересы рядовых граждан. Они способствовали улучшению социально-экономической обстановки и развитию демократии. Но первый пятилетний план экономических преобразований, принятый правительством при участии социалистов, оказался далек от воплощения их идей трансформации экономической системы⁴. Тем не менее реформистские тенденции в ИСП набирали силу.

Реакционеры и вместе с ними приверженцы крайне левых и крайне правых взглядов ответили на продвижение республики по пути развития демократии, на достигнутые партиями компромиссы по поводу проведения реформ, на возможное чередование у власти левых и правых (так, как это происходило в других странах Западной Европы) действиями, направленными на дестабилизацию обстановки. Целью было недопущение левых, в первую

очередь коммунистов, к управлению страной. «Свинцовые годы» терроризма заставили итальянскую демократию консолидироваться и оказать сопротивление попыткам ликвидировать ее завоевания. Итальянская республика с достоинством вышла из сотрясавших основы государства неурядиц. ИСП, как и все левые силы, и прежде всего ИКП, в которой начался процесс ревизии прежних устоев и постепенный дрейф в сторону признания социал-демократических подходов, сумели противостоять угрозам разрушения демократии. Социалисты шли на компромиссы во имя сохранения созданного антифашистскими силами послевоенного государства⁵.

Это была и победа социалистов как части блока прогрессивных, демократических сил Италии. Именно социалисты всегда последовательно боролись за ликвидацию монархии, скомпрометировавшей себя сотрудничеством с фашизмом, за установление в стране республиканских порядков. Создание после Второй мировой войны нового государства – Итальянской Республики стало значимым достижением социалистов и их союзников в этой борьбе. Огромной заслугой левых стало принятие под их влиянием прогрессивной для своей эпохи конституции, по которой выстраивались основы республиканской демократии. Положения конституции определили жизнь демократической республики на многие десятилетия.

В послевоенный период социалисты находились в постоянном поиске новых стратегических и тактических подходов, которые помогли бы осуществить мирный переход к выстроенному на демократических основах обществу. Это была стратегия «социалистической альтернативы», но она не принесла партии успеха. Новое руководство ИСП, пришедшее к власти в партии в середине 70-х годов, начало борьбу с политическими оппонентами – ИКП и доминировавшей на политической арене ХДП. Результатом такой политики стало завоевание социалистами – Алессандро Пертини и Беттино Кракси – в 80-е годы двух высших постов в государстве – президента и премьер-министра.

Перемены в итальянском обществе и намечавшиеся в мире тенденции, вылившиеся позднее в охватившие мир процессы, обобщенно называемые глобализацией, заставили социалистов поставить вопрос, почему существующая в стране система политических институтов действует столь неэффективно. Занявший в 1976 г. пост руководителя партии Кракси считал, что конституция 1947 г. устарела, страна нуждалась в «реформе центральных политических институтов, каковыми являются избирательная система, парламент и правительство»⁶. Эти реформы социалисты пытались осуществить, когда Кракси получил пост премьер-ми-

нистра (август 1983 г. – январь 1987 г.). Сам Кракси считал, что время нахождения его правительства у власти «было, возможно, самым удачным для послевоенной Италии»⁷.

Когда Кракси впервые поставил вопрос о проведении институциональных реформ, это было воспринято как «атака на демократию»⁸. Он предложил изменить роль парламента, ускорить процесс принятия решений, обеспечить стабильность правительства, деполитизировать судебные органы и ввести контроль над их деятельностью со стороны парламента, изменить избирательный закон с целью повышения роли малых партий⁹. Предлагаемые ИСП преобразования должны были послужить модернизации социального государства. Социалисты считали необходимым провести его «очищение» от всего дегенеративного, добиться «лучшего управления»¹⁰. Инициированные социалистами перемены встретили сопротивление других политических сил. Их потенциальные союзники – от демохристиан до светских партий, не говоря уже о коммунистах, с которыми при Кракси отношения были бесповоротно ухудшены, все больше отворачивались от ИСП¹¹.

Во внутренней жизни партии при Кракси демократическая разногласица, издавна присущая ИСП, где фракционная борьба, в отличие от партий с принципами демократического централизма, велась открыто и делегаты всех съездов по результатам голосования знали, сколько членов партии насчитывает то или иное течение, была постепенно устранена. Это сыграло свою роль в последующем кризисе и крахе ИСП, не располагавшей действенной внутрипартийной оппозицией.

Хотя правительство в середине 80-х годов возглавлял пришедший, казалось бы, с новыми идеями организации общественной и политической жизни социалист, какого-либо изменения режима власти ХДП не произошло, не говоря уже о сложившейся структуре политических институтов. Как премьер-министру Кракси, так и создававшимся под предлагаемые социалистами проекты парламентским структурам (например, комиссии под руководством Боцци), не удалось воплотить свои идеи в жизнь. Несмотря на усилия социалистов, начатую по их инициативе широкую дискуссию, проекты этой парламентской комиссии по институциональным реформам остались лишь на бумаге. Избранная Кракси стратегия оказалась «блокированной»¹².

Инициативам социалистов и других заинтересованных в реформах сил был дан ход лишь в начале 90-х годов. Это привело к пересмотру соотношения сил в итальянской политической жизни и вызвало крутые перемены. Произошел слом прежней партийно-политической системы, в которой доминировала ХДП.

Перемены затронули и их инициаторов, в том числе и ИСП. Партия социалистов зашла в тупик и прекратила свое существование в середине 90-х годов XX в. из-за того, что погрязшая в коррупционных скандалах группа стоявших у руководства деятелей не смогла продолжить ее славные традиции. Потерявшее авторитет руководство не сумело сохранить высокий моральный уровень, с которым на протяжении долгой истории развития рабочего движения было сопряжено понятие «итальянский социализм»¹³.

Результаты всестороннего кризиса партии ясно проявились на выборах 1994 г., когда социалисты собрали лишь 2,2% голосов. Электоральное поражение правящей коалиции, включавшей и ИСП, стало поражением не только этой партии, но и всей итальянской политической системы¹⁴. Пришедшие на высшие посты в партии в середине 70-х годов руководители не смогли воспользоваться новыми условиями для придания жизненности ИСП. Они упустили предоставленный историей в конце 80-х годов шанс сплотить итальянские левые силы, объединить социалистов и коммунистов, используя тот факт, что ИКП изменила курс и признала социал-демократические установки. Возможность воссоединения того, что распалось в 1921 г., когда пути реформистов и приверженцев революционных методов разошлись, так и осталась всего лишь гипотезой¹⁵.

В середине 1990-х годов со сцены исчезли партии, формировавшие политическую систему на протяжении полувека. Это затронуло в первую очередь ХДП, ИСП, ИСДП, а также малые светские партии – ИРП, ИЛП. Находившиеся на крайних флангах партийной системы ИКП и ИСД сумели лучше адаптироваться к новым условиям, и сменив названия, нашли иные формы существования и подходы к избирателям¹⁶. Попытка на выборах 1994 г. преобразовать несовершенную партийную систему в функциональный двухпартийный механизм не принесла успеха¹⁷.

Хотя ИСП как сплоченная, организованная сила перестала существовать, это вовсе не означает, что занимавшаяся ею на политической арене ниша бесперспективна¹⁸. Более ста лет социалисты были протагонистами итальянской истории. Благодаря и их усилиям в стране создавалась демократия, плодами которой пользуется нынешнее поколение итальянцев. Характерный для итальянской партийно-политической системы, как и итальянской демократии в целом, период трансформации, в котором задействованы и пережившие глубокий кризис левые силы¹⁹, представленные прямой наследницей ИКП партией Левые демократы, небольшими партиями и группировками ведущих свое происхождение от ИСП социалистов, как и партиями, сохра-

няющими название коммунистических, продолжается и все еще не закончен²⁰.

Наследники «итальянского социализма», в том числе партия Левых демократов, возлагали надежду на концепцию «третьего пути», возможный союз с другими силами. Подобный союз мыслился на основе принятия всеми заинтересованными сторонами когда-то разрабатывавшейся теоретиками социалистов концепции социал-либерализма, или либерального социализма. От разделявшихся социалистами духовных ценностей и идей к концу XX в. остались непреходящими прежде всего идеи мира и преобразования общества в духе большего равноправия и социальной справедливости²¹. На обломках ИСП возникли несколько партий, претендующих на наследство. Их возглавили бывшие руководители ИСП – Э. Бозелли, В. Спино, Дж. Де Микелис, К. Синьорионе, Р. Формика, сын умершего в изгнании в 2000 г. Беттино Кракси – Бобо Кракси. Но все они в нынешней Италии не имеют заметного веса.

Поменявшиеся условия, размывание промышленного пролетариата, бывшего ранее основой рабочих партий, установление «гегемонии нематериального труда» привели к «трансформации производственной организации», «экономической постмодернизации». Глобализация, захватывающая все сферы экономики и влияющая на социальные преобразования, не оставляет больших возможностей для традиционных политических объединений левых в эпоху «демократии множества»²². Былой коллективизм в Италии все больше уступал место индивидуализму. Это ослабило позиции левых и обусловило объединение в правом блоке новых политических феноменов – партии-движения «Вперед, Италия», Национального альянса, Лиги Севера²³.

На рубеже XX–XXI вв. в Италии в отличие от аномальной партийной системы периода Первой республики утвердилась, хотя и неустойчивая, двухблоковая система, партии объединены в правую и левую коалиции. Часть социалистов после распада ИСП оказалась в рядах правоориентированного движения «Вперед, Италия». Более логичным было вхождение социалистов в партию-наследницу ИКП – Левые демократы. Ведущие свое происхождение от ИСП группировки, хотя и входят в противоположные блоки, продолжают отстаивать идеи демократического социализма.

В результате победы на выборах в апреле 2006 г. левоцентристской коалиции, ведущей партией которой являются Левые демократы, правительство возглавил Романо Проди. Оно, разумеется с корректировкой на современное состояние общества, про-

водит в жизнь многое из того, что предлагала осуществить ИСП. Осенью 2006 г. в связи с принятием государственного бюджета на 2007 г. и введением новой системы налогов, существенную часть которых правительство решило возложить на тех, кто получает большие доходы, вновь разгорелась полемика между Проди и Берлускони, левым и правым лагерем. Нынешнее левоцентристское правительство нацелено на реформы, направленные на улучшение благосостояния народных масс, что социалисты всегда считали своим главным делом. Многие из идеалов, сохраняющихся на знамени социалистического движения, трудно осуществимы, но оно продолжает ставить высокие цели, реализовать которые призывали многие мыслители – от утопистов до Маркса и его последователей. Хотя, как однажды справедливо заметил Н. Боббио, «никому еще до сих пор не удавалось сочетать права на свободы с правами на социальную справедливость»²⁴.

Путь итальянских социалистов не был усыпан розами, на их долю досталось немало шипов. Однако на протяжении века ИСП была одной из главных партий, определявших политический, духовный, моральный климат в Италии. Несколько поколений в стране выросло под влиянием идей демократического социализма. Они нашли сконцентрированное выражение в провозглашаемых партиями Социалистического интернационала, в который входила ИСП и входят ее нынешние наследники, главных для социал-демократов и социалистов понятиях – свобода, справедливость, солидарность.

¹ См.: *Turati F.* Le vie maestres del socialismo. Napoli, 1966.

² *Vigezzi B.* Da Giolitti a Salandra. Firenze, 1969. P. 109; см. также: *Idem.* Giolitti e Turati, un incontro mancato. Milano-Napoli, 1976; *Idem.* Il partito socialista tra riforme e rivoluzione 1898–1915. Firenze, 1981.

³ *Valiani L.* Un secolo di movimento socialista // *Nuova Antologia*. Roma, 1992. A. 127. N 2183. P. 59.

⁴ *Raschke J.* I partiti dell'Europa occidentale / A cura di A. Baldassare. Roma, 1983. P. 452.

⁵ *Nenni P.* Intervista sul socialismo italiano. Roma; Bari, 1977. P. 99–115.

⁶ *Merkel W.* Prima e dopo Craxi: le trasformazioni del PSI. Padova, 1987. P. 227.

⁷ *Craxi B.* Ich, der Sündenbock // *Spiegel*. Hamburg, 1996. Jg. 50. N 52. S. 116.

⁸ *Craxi B.* La politica socialista. Roma, 1988. P. 171.

⁹ *Galli Giancarlo.* Benedetto Bettino. Milano, 1982. P. 159.

¹⁰ *Craxi B.* Governare il cambiamento. Roma, 1982. P. 264.

¹¹ *Colarizzi S.* Storia dei partiti nell'Italia repubblicana. Roma; Bari, 1994. P. 659.

¹² *Sabbatucci G.* Il Partito socialista italiano // *La politica italiana. Dizionario critico*, 1945–1995. Roma; Bari, 1996. P. 337–338.

¹³ *Craxi B.* Il caso C. Milano, 1994. P. 24–25.

¹⁴ *Galli G.* Ma l'idea non muore. Storia orgogliosa del Socialismo italiano. Milano, 1996. P. 349.

- ¹⁵ *Ciuffoletti Z., Degl'Innocenti, Sabbatucci G.* Storia del PSI. Vol. 3. Dal dopoguerra a oggi. Bari, 1993. P. 466–467.
- ¹⁶ *Левин И.Б.* Италия после Первой республики // Эволюция политических институтов на Западе. М., 1999. С. 17.
- ¹⁷ *Scoppola P.* La fine di un sistema politico // LUCE sulla storia d'Italia. Dall'Unità' al 2000. L'Italia repubblicana (1963–2000). Roma, 2000. N 25. P. 499.
- ¹⁸ *Любин В.П.* Итальянская социалистическая партия: славная история и бесславный конец? // Проблемы демократии в теоретической мысли итальянского социализма. Материалы Круглого стола, посвященного 100-летию со дня основания газеты «Аванти». М., 1997. С. 51–58. Автор солидарен с Джорджо Галли (*Galli G.* Op. cit. P. 7–9) и другими итальянскими исследователями, которые положительно отвечают на вопрос: есть ли будущее у «итальянского социализма» и всех левых сил (см. об этом: *Любин В.П.* Дискуссии о левых партиях в Италии и их политическая подоплека // Европейские левые на рубеже тысячелетий. М., 2005. С. 218–226; *Он же.* Левые партии Италии: Споры о прошлом и будущем // Актуальные проблемы Европы. М., 2006. № 3. С. 80–91).
- ¹⁹ *Bonetti P.* La crisi della sinistra europea // Nuova Antologia. Roma, 1987. A. 122. N 2161. P. 145–153.
- ²⁰ См.: *Italian Politics. Mapping the Future* / Ed. by L. Bardi, M. Rhodes. Boulder (Col.), 1998. P. 34; *Italian Politics. The Return of Politics* / Ed. by D. Hine, S. Vassallo. N.Y.; Oxford, 2000. P. 62.
- ²¹ *Di Scala S.* Da Nenni a Craxi. Il socialismo italiano visto dagli U.S.A. Milano, 1991. P. 423.
- ²² *Hardt M., Negri A.* Multitude. War and Democracy in the Age of Empire. N.Y.; L., 2004; рус. перевод: *Хардт М., Негри А.* Множество. Война и демократия в эпоху империи. М., 2006. С. 146–147.
- ²³ *Vallauri C.* I partiti italiani da De Gasperi a Berlusconi. Roma, 1994. P. 227.
- ²⁴ *Bobbio N.* Adesso la democrazia e' sola // Unita'. Roma, 1989. 13 lugl.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Историография	9
Источники	25

НАЧАЛО ПУТИ

Предшественники	39
Создание партии и первые годы деятельности	59

ИСП В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

«Эра Джолитти»	104
Партия в годы Первой мировой войны	151

ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД, ФАШИСТСКИЙ РЕЖИМ, ЭМИГРАЦИЯ И АНТИФАШИЗМ

Потрясения «красного» и «черного» двухлетий и приход к власти фашизма	196
Социалисты в эмиграции	260
Война и Соппротивление. Крах фашизма и переход к демократии	301

СОЦИАЛИСТЫ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РЕСПУБЛИКИ

От фронтизма к реформизму	347
«Новый курс» Кракси: достижения и провалы	380
После ИСП: попытки возрождения	425
Заключение	452

Научное издание

Любин
Валерий Петрович
СОЦИАЛИСТЫ
В ИСТОРИИ ИТАЛИИ
ИСП и ее наследники
1892–2006

Утверждено к печати
Ученым советом
Института научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*
Редактор *Л.А. Зуева*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *З.Б. Павлюк*
Корректор *А.Б. Васильев*

Подписано к печати 29.01.2007
Формат 60 × 90^{1/16}. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 29,0. Усл.кр.-отт. 29,5. Уч.-изд.л. 33,5
Тираж 500 экз. Тип. зак. 278

Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

V.P. LJUBIN

Socialisti nella storia d'Italia

ISBN 5-02-033844-3

9 785020 338449

NAUKA